

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Star 6603.21 (6-7)s

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

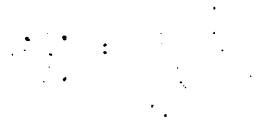
Received 3/October, 1895.

6-7

(8)

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

2
СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.⁷⁶

Томъ VI.

СУДЕБНЫЯ РЪЧИ.

(1875—1882)

Дѣло Овсянниковское.—Истязаніе семилѣтней дочери.—
Поручикъ Всеволодъ Крестовскій.—Злоупотребленіе
въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ.—По-
литическое дѣло о 50 подсудимыхъ.—Смерть Нины
Андреевской.—Угощенія и подкупы на земскихъ выбо-
рахъ.—Крестьянинъ Малиновскій.—Судья Савиц-
кій.—Клевета въ «Новомъ Времени» противъ изда-
теля «Порядка».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книжный магазинъ Бр. Рымовичъ.

Казанская 26.

1894.

809 ^{8/4} ~~Slaw 4353.3~~

Slaw 6603.21 (6-7)

APR. 1917 D.

Типографія С. Корнатовскаго. Малая Морская ул., д. № 9.

Въ 1889 г. въ предисловіи къ первому тому моихъ сочиненій я предполагалъ, что мои судебныя рѣчи займутъ два тома. Оказалось, что ихъ достанетъ на три. изъ которыхъ два за время отъ 1867 по 1883 г. (25 дѣлъ) уже напечатаны (V и VI), а третій (VII) печатается. — Дѣтъ изъ помѣщенныхъ въ VI томѣ защиты произнесены внѣ С.-Петербурга; одна въ Ельциѣ, друтая въ Тифлиси.—По Тифлисскому дѣлу не могу доннѣ отрѣшиться отъ глубочайшаго убѣжденія, что оно кончилось печальною ошибкою, что пострадали невинные люди, указанные заблуждающеюся народною молвою.—Послѣ трехъ томовъ рѣчей я намѣренъ издать еще VIII томъ дополнительный, вмѣщающій статьи написанныя мною послѣ 1889 г.

В. С.

12 декабря 1893 г.

С.-Петербургъ.

Дѣло о коммерціи совѣтниковъ Овсянниковъ, купца Левтѣевъ и мѣщанинъ Рудометовъ, обвиняемыхъ въ поджогѣ.

Коммерціи совѣтникъ, С.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Степанъ Тарасовъ Овсянниковъ, 70 лѣтъ, ржевскій 2-й гильдіи купецъ Андрей Петровъ Левтѣевъ, 48 лѣтъ, и ржевскій мѣщанинъ Дмитрій Артемьевъ Рудометовъ, 41 года, были преданы суду С.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ вѣсдателей, по обвиненію въ томъ, что съ умысломъ, по предварительному соглашенію, изъ личныхъ видовъ Овсянникова, подожгли въ ночь на 27-е февраля 1875 года застрахованную въ 700 тыс. руб. паровую мельницу коммерціи совѣтника Кокорева, на которой жили люди и хранилось значительное количество казенной муки, при чемъ поджогъ былъ умышленъ Овсянниковымъ и Левтѣевымъ и по приговору ихъ приведенъ въ исполненіе Рудометовымъ. Преступленіе это предусмотрено ст. 1606 и 1607 улож. о нак. Разбирательство дѣла происходило во 2-мъ отдѣленіи С.-петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ вѣсдателей съ 25-го ноября по 6-е декабря 1875 года.

Въ дѣлахъ уголовныхъ, кромѣ немногихъ, которыя производятся по частному обвиненію, обвинителей можетъ быть нѣсколько. Изъ нихъ одинъ главный—прокуроръ, который дѣйствуетъ именемъ общаго блага, во имя интересовъ общества и государства; онъ ведетъ

дѣло, ничѣмъ, кромѣ своей совѣсти, нестѣсняемый, можетъ преслѣдовать, можетъ и отказаться отъ обвиненія, что онъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ подсудимому Рудометову. Онъ предоставилъ прямо вамъ рѣшить о его винѣ, не разобравъ его вины. Но, кромѣ этой главной обвиняющей стороны, могутъ быть обвинители второстепенные, случайные, гражданскіе истцы, лица потерпѣвшія отъ преступленія, дѣйствующія въ виду своихъ особенныхъ интересовъ и только въ границахъ этихъ интересовъ. Эти интересы очерчиваютъ около каждаго изъ нихъ кругъ, за который и выходитъ ему не слѣдуетъ. Когда является такой гражданскій истецъ, то онъ долженъ совершенно ясно и точно опредѣлить, чего онъ ищетъ, съ кого и на какомъ основаніи. Я заявилъ, что являюсь представителемъ страховыхъ обществъ и что искъ ихъ направленъ не противъ всѣхъ подсудимыхъ, а только противъ одного Овсянникова; что касается до другихъ подсудимыхъ, то искъ къ нимъ былъ-бы преждевременнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ и причинамъ. Страховыя общества суть общества, которыя заключаютъ страховые договоры, т. е. такія лица, которыя берутъ на свой страхъ опасность, могущую произойти отъ огня, вслѣдствіе несчастнаго случая. Платится имъ за это извѣстная премія—небольшая въ сравненіи съ стоимостью сгорѣвшей вещи и, хотя-бы вещь стоила сотни тысячъ милліоновъ, страховыя общества обязаны заплатить за погорѣвшее. Всѣ страховые договоры весьма рискованны для страховыхъ обществъ: при недобросовѣстности страхователей, при учащеніи поджоговъ общества легко могутъ быть поставлены въ невозможность удовлетворить своимъ обязательствамъ. Вотъ почему дѣло страхованія больше чѣмъ всякое другое основано на личномъ довѣріи; страховымъ обществамъ необходимо знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: съ добросовѣстными или недобросовѣстными людьми; для нихъ чрезвычайно важно знать: кто такой страхователь, кому принадлежит иму-

щество, которое отдается на страх? Страховать имущество предоставляется прежде всего самому собственнику, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ право это предоставляется и постороннимъ третьимъ лицамъ. Но какимъ лицамъ и какое имущество? Конечно, не всякое: не могу я застраховать Казанскій соборъ или дворець, не могу я застраховать всякій чужой домъ. Подобное страхование имѣло-бы видъ пари о томъ, сгоритъ-ли имущество или не сгоритъ, а пари есть сдѣлка противозаконная и граждански-недѣйствительная. Страховать можно только такое чужое имущество, съ которымъ связаны непосредственно интересы страхователя, и связаны такимъ образомъ, что онъ беретъ на себя въ какомъ нибудь отношеніи обязательство страховать передъ собственникомъ, или-же въ случаѣ пожара терять въ горящей вещи свое собственное добро, такъ какъ эта вещь обеспечивала его, служила ему залогомъ. Такимъ образомъ, только арендаторъ или залогодержатель могутъ страховать чужое имущество. Эта мысль проведена во всѣхъ уставахъ страховыхъ обществъ,—въ томъ числѣ какъ «Варшавскаго», такъ и «Якоря». Уставы эти всѣ похожи одни на другіе—я позволю себѣ сослаться на §§ 78 и 79 «Варшавскаго общества», по которымъ въ случаѣ пожара страховое общество вознаграждаетъ за убытки лишь въ той мѣрѣ, въ какой страхователь обязался въ отношеніи владѣльца сгорѣвшаго имущества. Такимъ образомъ, если страхователь не обязанъ былъ въ моментъ пожара страховать въ отношеніи владѣльца сгорѣвшаго имущества, общество не платитъ никакого вознагражденія и не отвѣтствуетъ ни передъ тѣмъ, который не доказалъ, что онъ обязался въ какомъ-либо отношеніи предъ владѣльцемъ имущества, ни передъ тѣмъ, кому принадлежало имущество...

Предсѣдатель. На какіе параграфы вы ссылаетесь?

Прис. пов. Спасовичъ. На §§ 78 и 79 устава «Варшавскаго страхового общества», и на 14 § устава общества «Якорь». По правиламъ, установленнымъ во всѣхъ

страховыхъ обществахъ, какъ въ «Варшавскомъ», такъ и въ обществѣ «Якорь», непрѣнно требуется, чтобы тотъ, кто застраховалъ чужое имущество, или тотъ, кому принадлежитъ имущество, при переходѣ его къ новому прибрѣтателю, — донесъ обществу о перемѣнѣ владѣльца или страхователя. Если-же обществу не донесено о перемѣнѣ владѣльца, о новомъ прибрѣтателѣ имущества, договоръ страхователя признается недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ, въ настоящемъ дѣлѣ является прежде всего возможность оспаривать платежъ вознагражденія, во-1-хъ, потому, что не было доказано, что Овсянниковъ обязанъ по какому-бы то ни было условію предъ владѣльцемъ мельницы Кокоревымъ страховать эту мельницу, и во-2-хъ, потому, что о перемѣнѣ въ лицѣ владѣльца, которая состоялась вслѣдствіе выдачи данной на мельницу г. Кокореву, страховыя общества не были ни страхователемъ, ни Кокоревымъ о томъ извѣщены. Но кромѣ этой причины, есть еще другая, по которой, какъ я думаю, страховыя общества не будутъ отвѣчать за убытки, происшедшіе отъ пожара мельницы, если бы они были привлечены къ отвѣтственности въ гражданскомъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что страховыя общества отвѣчаютъ только за пожары, происходящіе отъ случая. Въ уставахъ всѣхъ страховыхъ обществъ совершенно ясно опредѣлено, что страхованіе недѣйствительно, когда пожаръ произошелъ отъ умысла страхователя; это выражено въ § 101 устава Варшавскаго страховаго общества, и въ § 30 п. 4-й устава общества «Якорь». Но между случаями пожара отъ умысла и пожара отъ случая есть промежуточная область пожаровъ отъ неумышленной вины страхователя, отъ его неосмотрительности, небреженія о застрахованномъ, неумѣнья распорядиться, отъ такой явной неосторожности, которая обнаруживаетъ полное невниманіе и къ собственному интересу, и къ интересу тѣхъ лицъ, которымъ переданъ рискъ отъ опасности, т. е. къ интересамъ страховыхъ обществъ. Вопросъ спорный: от-

вѣчаютъ-ли страховыя общества за убытки отъ всякаго пожара, который произошелъ отъ неосторожности страхователя или его повѣренныхъ. Общества постарались оградить себя отъ убытковъ, занеся въ свои уставы опредѣленіе главныхъ случаевъ, въ которыхъ они не отвѣчаютъ за убытки, если по винѣ страхователя увеличена произвольно опасность отъ огня, если произойдутъ значительныя перемѣны въ страховомъ имуществѣ, увеличивающія эту опасность. Въ уставѣ Варшавскаго страхового общества въ § 103 говорится, что размѣръ премій зависитъ отъ большей или меньшей опасности отъ огня, а въ § 104 упомянуто о кладкѣ водяныхъ трубъ. Въ уставѣ-же общества «Якорь» сказано прямо въ § 14, что если владѣлецъ произведетъ такія измѣненія въ составѣ своего имущества, которыя увеличиваютъ опасность отъ огня, тогда страхованіе дѣлается недѣйствительнымъ. Вы сами, гг. присяжные засѣдатели, видѣли изъ настоящаго дѣла, что подобная перемѣна произошла въ объявленіи, подписанномъ Овсянниковымъ 20-го декабря и поданномъ въ Варшавское страховое общество, а потомъ и въ общество «Якорь», гдѣ было произведено дополнительное страхованіе. Овсянниковъ предупредилъ, что онъ содержитъ бакъ большаго размѣра, наполненный водою, отъ котораго идутъ трубы съ 8 кранами. Кромѣ того, въ объявленіи сказано, что на мельницѣ имѣется извѣстное число сторожей. На основаніи этихъ данныхъ я полагаю, что въ гражданскомъ порядкѣ процессъ объ уплатѣ обществами пожарныхъ убытковъ едва-ли могъ со стороны страхователя рассчитывать на успѣхъ. Но такъ какъ страхованіе во всякомъ случаѣ безусловно недѣйствительно, если пожаръ произошелъ отъ злаго умысла страхователя, то, не дожидаясь, пока гражданскій искъ будетъ предъявленъ, общества имѣютъ возможность прежде всего примкнуть къ уголовному дѣлу, которое возникло раньше гражданскаго, которое можетъ производиться только по прокурорскому обвиненію и только въ настоящую ми-

нугу. Каждому моменту отношеній приличенъ извѣстный образъ дѣйствія, извѣстная тактика. Теперь я могу присоединяться къ обвиненію и доказывать, что поджогъ произошелъ отъ злаго умысла. Затѣмъ, если-бы я здѣсь проигралъ, то тогда только придется доказывать, что поджогъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ агентовъ г. Овсянникова. Но эти мои отношенія касаются нынѣ только г. Овсянникова и только къ нему одному я могу простирать требованіе объ уничтоженіи страхованія, вслѣдствіе злаго умысла, потому что только онъ одинъ былъ страхователемъ; Левтѣевъ и Рудометовъ не состояли съ обществами ни въ какихъ договорныхъ отношеніяхъ. Только въ томъ случаѣ, если-бы нынѣ Левтѣевъ и Рудометовъ были признаны одни, безъ Овсянникова, учинившими поджогъ, если-бы я потерпѣлъ отказъ въ требованіи, обращенномъ къ Овсянникову, и если-бы я потерялъ и гражданское дѣло, которое, какъ я думаю, можно вести на тѣхъ основаніяхъ, которыя я изложилъ вамъ, явилась-бы возможность искать еще вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ пожара, съ Левтѣева и Рудометова, какъ лицъ обвиненныхъ въ поджогѣ безъ участія въ этомъ поджогѣ Овсянникова. Такимъ образомъ, эти послѣднія лица стоятъ нынѣ внѣ дѣла, и объ нихъ я буду говорить только вскользь, на сколько они были исполнителями его приказаній, лицами, черезъ которыхъ онъ приводилъ свою мысль въ исполненіе. Мое положеніе нѣсколько различно отъ положенія прокурора. Онъ дѣйствовалъ именемъ общественнаго блага, именемъ страдающихъ солдатъ; онъ смѣлою рукою раскрывалъ вамъ тѣ язвы, которыя точатъ нашу администрацію, и безсиліе администраціи въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Я не могу идти этимъ путемъ, я долженъ ограничиться только областью голыхъ и сухихъ фактовъ. Я полагаю, что въ рамкахъ этой задачи я могу принести извѣстную долю пользы, если сгруппирую и сопоставлю удостовѣренные факты такимъ обра-

зомъ, чтобы изъ нихъ прямо и непосредственно вытекало заключеніе. Я пойду инымъ путемъ, нежели г. тов. прокурора, и, прежде всего, постараюсь на прочныхъ основаніяхъ установить фактъ поджога мельницы безъ отношенія къ тому, кто ее сжегъ.

Зданіе мельницы громадное. Оно принадлежитъ къ числу немногихъ въ Петербургѣ. Оно стоило около миліона рублей. Зданіе это такъ велико со своими 4-мя этажами, чердакомъ и подваломъ, что невольно задумаешься: и сжечь то его не скоро сожжешь. Мы знаемъ, что во время пожара мельницы огонь былъ такъ силенъ, что кирпичъ остекловился, что онъ раскалывается теперь пластами какъ грифель, что въ зданіи вокзала варшавской желѣзной дороги, черезъ каналъ, полопались въ окнахъ стекла отъ жару, что мука горѣла еще въ теченіи двухъ недѣль послѣ пожара. Зданіе громадное, но и громадное зданіе можно сжечь, если дать огню достаточно времени. Какъ же велико было время, которое потребовалось для того, чтобы обратить это зданіе въ море пламени? Это время было крайне ограничено и опредѣлить его можно точно, минута въ минуту, по видному всѣмъ циферблату вокзала в варшавской желѣзной дороги, по которому рассчитывало время большинство свидѣтелей. Судебное слѣдствіе представило намъ въ этомъ отношеніи слѣдующія данныя: въ половинѣ пятаго дворникъ Клоковъ вошелъ съ улицы и черезъ калитку, сосѣднюю съ лѣстницею, гдѣ швейцаръ, вернулся въ дворницкую и разбудилъ товарища Чернышева; Чернышевъ собрался втеченіи 10 минутъ, взглянулъ на циферблатъ варшавской желѣзной дороги; было какъ разъ 4 ч. 40 минутъ. Съ этого момента прошло еще нѣсколько времени въ тишинѣ, спокойствіи. Промежутки опредѣляются показаніемъ сторожевыхъ пожарныхъ на каланчѣ нарвской части; эти сторожа, Яшенковъ и Яворскій, показали здѣсь, что минутъ за 5,—10 передъ пожаромъ на мельницѣ вспыхнулъ огонь. Такимъ образомъ, опять подтверждается тоже самое

время—4 часа 40 минутъ. Прошло $\frac{1}{4}$ часа совершенно спокойно. Затѣмъ огонь увеличивается и развивается съ такою быстротою, что нарвская часть, самая ближайшая отъ мельницы,—я полагаю, что она прилетѣла на мѣсто пожара не болѣе какъ въ 5 минутъ—застала, огонь внутри и вездѣ дымъ. Затѣмъ прошло еще какихъ нибудь минутъ 20 и уже нельзя было ничего спасти, кромѣ того отдѣленія, гдѣ были жилия помѣщенія. Такимъ образомъ, потребовалось не менѣе часа для того, чтобы пожаръ принялъ такіе огромные размѣры. Кто наблюдалъ за началомъ пожара? Въ это время наблюдали за нимъ слѣдующія лица: Яворскій и Яшенковъ, которые никакихъ признаковъ огня не замѣчали до пяти часовъ безъ пяти минутъ. Въ то самое время какъ они сторожатъ на каланчѣ, близъ угла Обводнаго канала, противоположнаго мельницѣ, сосѣдъ-домовладѣлецъ Пудовъ распоряжался счищать снѣгъ съ своего дома; наблюдалъ еще Авдѣенко, сторожъ при варшавской желѣзной дорогѣ, у вокзала. Вдругъ Яшенковъ и Яворскій замѣчаютъ за 5 минутъ до пяти струйки дыма не на дымогарной, главной трубѣ, которая стала выпускать дымъ черезъ $1\frac{1}{2}$ часа потомъ, а въ этотъ моментъ была совершенно чиста, но надъ магазиннымъ отдѣленіемъ и зерносушильнею одновременно; рефлексъ огня, скользящій по стѣнѣ, освѣщаль внутренность двора. Яшенковъ и Яворскій ударили тревогу, по сигналу собралась тотчасъ нарвская часть. Въ этотъ мигъ и Легоньковъ замѣтилъ искры, подымающіяся надъ зданіемъ по тому направленію, которое соответствуетъ вѣялочной трубѣ; замѣченъ былъ также дымъ и Пудовымъ, но Пудовъ не могъ опредѣлить, откуда этотъ дымъ, онъ не наблюдалъ специально, выходилъ ли этотъ дымъ изъ главной трубы. Наконецъ, огонь замѣченъ и Авдѣенкомъ, котораго показаніе важно потому, что онъ прямо опредѣляетъ время: въ 5 часовъ, по циферблату варшавской желѣзной дороги. Освѣтилось уже все зданіе, съ внутренняго двора; надъ крышею появились

искры и станція варшавской желѣзной дороги была совсѣмъ освѣщена. Вотъ все, что намъ извѣстно объ обстоятельствахъ, относящихся до прибытія на мѣсто пожара другихъ свидѣтелей, которыхъ я считаю самыми достовѣрными по отношенію къ опредѣленію наружнаго вида, если такъ можно выразиться, этого пожара, а именно пожарныхъ. Они сѣзжались отдѣльными командами. Я прошу вспомнить и расположить въ вашей памяти порядокъ являющихся частей, потому что каждая часть дѣйствовала какъ одинъ человекъ. Прежде другихъ прискакала нарвская часть. Она прилетѣла на мѣсто пожара въ то самое время, когда, какъ говоритъ приставъ Агафоновъ, онъ, явившійся одновременно, видѣлъ уже пламя надъ главною трубою. Я не могу объяснить это показаніе иначе, какъ обманомъ чувствъ, потому что и по теоріи, которая лежитъ въ планѣ защиты, и по теоріи, которой можетъ слѣдовать обвиненіе, фактъ этотъ невозможенъ. Никто изъ пожарныхъ ни пламени, ни дыма въ главной трубѣ не видалъ. Пожарные нарвской части позвонили въ колокольчикъ къ швейцару и выходитъ Семеновъ, разбуженный уже Легоньковымъ. Они летятъ дальше къ мѣшальной лѣстницѣ и опять звонятъ, но лѣстница наверхъ заперта, имъ никто не открываетъ. Они обогнули уголъ Измайловскаго и поѣхали до воротъ по Обводному. Одинъ изъ пожарныхъ, брандтмейстеръ Панасевичъ, показалъ странную вещь, которую также я объясняю, какъ и показаніе пристава Агафопова, явною ошибкою. Въ первомъ этажѣ по Измайловскому въ двухъ крайнихъ окнахъ къ каналу онъ усмотрѣлъ выкидываемое на улицу пламя, вотъ изъ этого мѣста (С. указываетъ по модели на кладовую); я полагаю во всякомъ случаѣ, что это не болѣе, какъ ошибка, что свидѣтель смѣшалъ обстоятельства. Я заключаю это изъ показаній пожарныхъ той же нарвской части, которые всѣ показываютъ, что пламени въ это время вовсе не было ни по Измайловскому, ни по Обводному, а валилъ только

густой дымъ изъ оконъ по Измайловскому и изъ подвальныхъ окошекъ по Обводному. Если бы пламя было видно по фасаду съ Измайловскаго, то вѣроятно они тутъ бы остановились, сдѣлавъ заключеніе, которое сдѣлалъ прибывшій потомъ брандтмаюръ Гранфельдъ; когда онъ пріѣхалъ на мельницу и увидѣлъ огонь съ Измайловскаго. По его словамъ, онъ удивился, почему нарвская часть не остановилась именно здѣсь тушить огонь. Пожарные нарвской части сломали ворота на Обводномъ, объѣхали кругомъ и встали на дворъ тутъ (С. показываетъ по модели на углубленіе, въ которомъ спускаются рельсы отъ деревянной трубы изъ 3-го этажа вѣялки въ 1-й этажъ зерносушилки). Изъ тѣхъ показаній, которыя были здѣсь даны относительно огня въ вѣялочной трубѣ, самыми точными и обстоятельными представляются показанія Ярышкина, Панасевича и Курашева, которые показываютъ слѣдующее: горѣла вѣялочная труба. Но какъ она горѣла? Одни говорятъ, что огонь шелъ вверхъ—такъ показываютъ Панасевичъ и Курашевъ; другіе напр. Ярышкинъ, говоритъ, что огонь шелъ внизъ изъ вѣялки по трубѣ. Это послѣднее объясненіе подтверждается свидѣтелемъ, швейцаромъ Семеновымъ, который вышелъ изъ швейцарской и, проходя черезъ машинное отдѣленіе, видѣлъ, какъ огонь пробирается сверху внизъ по зерносушильной трубѣ. Пожарные остановились здѣсь (С. указываетъ по модели на каменный помостъ и лѣстницу въ подвалъ подъ вѣялочную трубу) и замѣтили, что входъ изъ лѣсенки въ подвалъ надъ помостомъ, гдѣ помѣщалась дверь, постоянно запертая, по показанію Морозова, совершенно темень, что спускъ въ подвалъ заваленъ рогожами и снѣгомъ. Пожарные невидѣли за горящею трубою никакихъ окошекъ, ни дверей въ стѣнѣ магазиннаго отдѣленія.

Всѣ эти окна и двери были заперты, а темнота свидѣтельствуешь, что въ магазинномъ отдѣленіи, въ подвальныхъ этажахъ не было никакого огня. Минуты че-

резъ 4 или 5 послѣ нарвской, прилетѣла часть коломенская, которая намъ дала слѣдующихъ свидѣтелей: брандтмейстера Иконникова и рядовыхъ Григорьева и Самсонова. Брантмейстеръ Иконниковъ увидѣлъ 4 окна внизу, въ подвалѣ, къ лѣстницѣ близъ вѳоры, изъ которыхъ клубился дымъ выходя съ искрами пламени. Онъ остановился здѣсь и послалъ Григорьева и Самсонова на навѣсъ; надъ тѣмъ мѣстомъ множество дверей, выходящихъ изъ магазиннаго отдѣленія подвального этажа; но они должны были спуститься, потому что огонь пробирался вверхъ въ первый этажъ и изъ перваго во второй этажъ, а во второмъ горѣли и падали ставни оконъ, изъ коихъ одна ударила самаго Иконникова. Продолжая однако отстаивать фасадъ съ Обводнаго канала, Иконниковъ замѣтилъ, что огонь приближается по подвалу къ кладовой, которая еще цѣла. Чтобы перенять огонь, Иконниковъ послалъ Григорьева въ эту кладовую черезъ разломанное окошко подвала; въ то самое время онъ приказалъ Семенову поливать дверь изъ магазиннаго подвала въ подвалъ кладовой изъ ствола, вставленнаго косвенно въ разбитое окошко магазиннаго подвала. Такимъ образомъ Самсоновъ обливалъ дверь, которую лизало пламя, а Григорьевъ отстаивалъ ту же дверь съ другой ея стороны. Будучи въ подвалѣ кладовой, Григорьевъ дыма не чувствовалъ. все было цѣло и, по словамъ Иконникова, послѣ того выносили еще вещи изъ втораго и третьяго этажей кладовой, которая уже сгорѣла тогда, когда огонь, путешествовавшій по верхнему этажу, перешелъ сюда сверху, послѣ чего распространился далѣе. Такимъ образомъ ошибка Панасевича обнаруживается вполне и показаніе его падаетъ само собою. Эта часть зданія больше всего цѣла и огонь проникъ сюда гораздо позже, чѣмъ въ другія отдѣленія. Третья пожарная часть, которая затѣмъ пріѣхала, была спасская. Являются свидѣтелями: брандт мейстеръ Маторинъ, рядовые Антоновъ и Ивановъ. Виѣстѣ съ этими частями пріѣхалъ и брандт-маіоръ

Гранфельдъ. Такъ какъ огонь свѣтилъ въ окнахъ 3-го этажа близъ мѣшальной лѣстницы, а двери этой лѣстницы всегда заперты и не охранялись швейцаромъ, то пришлось сломать двери. Сломали. Пожарные поднимаются, проходятъ по второму этажу мимо дверей, за которыми они не предчувствуютъ, что есть огонь, такъ какъ двери заперты съ лѣстницы. Входятъ въ третій этажъ. Маторинъ отърываетъ дверь и усматриваетъ огонь вдали къ Измайловскому проспекту, на разстояніи нѣсколько сажень. Маторинъ заключилъ, что здѣсь то и есть самый разсадникъ огня, что этотъ огонь не скоро еще распространится, что можетъ быть можно совладать съ нимъ. Велѣно втащить трубу и накачивать съ улицы. Но въ это самое время вдругъ неприятель—огонь зашелъ неожиданно въ тѣлѣ дѣйствующимъ войскамъ: нежданно-негаданно выкинуло огонь изъ оконъ второго этажа лѣстницы и преградило пожарнымъ всякій путь къ отступленію. Огонь появился изъ той двери 2-го этажа, мимо которой проходили пожарные. Началось бѣгство. Кто бросалъ каску, кто топоръ. Спасаясь сквозь пламя, многіе получили ожоги, рукавъ былъ оставленъ на мѣстѣ и сгорѣлъ: человекъ два-три были принуждены спускаться по водосточной трубѣ. Моментъ этотъ остался въ памяти генерала Козлова, который именно пріѣхалъ въ ту минуту, когда говорили, что надо выручать пожарныхъ. Такимъ образомъ, является еще третій огонь во 2-мъ этажѣ, ничѣмъ не объяснимый. Послѣ спасской прибыли части: московская, казанская и рождественская. Брандтмейстеръ рождественской части, самой отдаленной отъ мѣста происшествія, пріѣхавшій изъ своего участка по четвертому номеру—какъ я полагаю, никакъ не ранѣе, какъ черезъ полчаса послѣ начала пожара, рассказалъ, что ему специально поручено было взобраться на крышу еще не горѣвшаго, какъ думали, зданія зерносушилки. Онъ не могъ добыть столь высокой лѣстницы, почему обошелъ зерносушилку со двора, выходящаго на Обводный, выло-

малъ дверь, нашелъ внутри зданія густой дымъ безъ пламени и весь громадный деревянный материалъ еще нетронутымъ. Дымъ былъ удушливъ и Новиковъ удалился.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ выходитъ несомнѣнно, что огонь появился не въ двухъ, а въ трехъ различныхъ мѣстахъ: во 2-мъ этажѣ вѣялки съ улицы, въ 3-мъ этажѣ той же вѣялки со двора и въ подвальноймъ этажѣ. Итакъ были три огня. Но является вопросъ: можетъ быть огни казались только отдѣльными, наблюдаемые снаружки, а въ сущности огонь былъ только одинъ. Можетъ быть, онъ какъ драконъ извивался изъ отдѣленія въ отдѣленіе, а никто не видѣлъ только этихъ изгибовъ и соединеній. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи были огни. Соединялись ли они, или не соединялись? Возникаетъ, такимъ образомъ, и ставится задача—объяснить: поджоги ли былъ на мельницѣ, если будутъ доказаны три раздѣльные огни, или показать, изъ одного ли мѣста онъ естественно развивался и проникъ во всѣ остальные мѣста, гдѣ онъ почти одновременно усмотрѣнъ. Въ послѣднемъ случаѣ будетъ только несчастіе, которое надо будетъ предать волю Божіей. Разсмотримъ оба противоположныя объясненія.

Мельница состоитъ изъ многихъ частей. Есть одна часть: подземныя трубы, часть меньше другихъ изслѣдованная, даже при составленіи модели, такъ что только при судебномъ слѣдствіи, при разпросѣ Зоммера, оказалось, что часть этихъ трубъ имѣла покатости, что тамъ являлась поврежденая и вода изъ Обводнаго канала. Другая часть, та, которая, заключая въ себѣ кочегарню, машинное отдѣленіе, квартиры служащихъ и контору, оканчивается лѣстницею со швейцаромъ. Часть эта содержитъ главную дымовую трубу и двигатель; она дѣлаетъ заводъ мельничный паровымъ. Она почти вся уцѣлѣла. Третья часть промежь двухъ лѣстницъ-швейцарской и мѣшальной, сгорѣла позже другихъ. Она со-

стоитъ изъ двухъ камеръ: одной съ 32 жерновами и другой мучной. Четвертая часть состоитъ изъ вѣялки, кладовой и магазиновъ. Всѣ эти помѣщенія, до подваловъ включительно, снабжены окошками преграждающими къ нимъ доступъ воздуха снаружи. Изъ этихъ помѣщеній магазинное отдѣленіе было холоднѣе и безъ воды, но въ вѣялку, также холодную, проникали трубы съ кранами отъ бака. Наконецъ 5-я часть: зерносушилка представляла собою строеніе, которое, хотя и оконченное, но вовсе не было въ дѣйствиіи. Часть эта имѣетъ тѣже условія, т. е. совершенно открыта для доступа воздуха, потому что здѣсь были одни только сѣтчатые переплеты, вмѣсто оконъ, и неизвѣстно были-ли на переплетахъ ставни или нѣтъ. Однимъ словомъ, воздухъ проникалъ въ это отдѣленіе всюду. Вы, гг. присяжные засѣдатели, конечно, изучили устройство этого зданія несравненно лучше, чѣмъ знали его прежній владѣлецъ Фейгинъ и нынѣшній Кокоревъ. Вы изучили его лучше даже, чѣмъ тѣ лица, которыя весьма долгое время были на мельницѣ. Вы знаете, что рожь въ куляхъ подвозилась въ магазины. Мѣшки съ этимъ хлѣбомъ черезъ кладовую перетаскивались въ этажъ вѣялки; здѣсь они поднимались посредствомъ элеваторовъ, хлѣбъ высыпался въ особые ящики, гдѣ обдиралась шелуха; затѣмъ онъ поступалъ въ барабаны, которые очищали чистое зерно отъ шелухи. Мякина и труха отдѣлялись посредствомъ тяги въ вѣялочную трубу, а зерно посредствомъ архимедовыхъ винтовъ проводилось сквозъ мѣшальную лѣстницу къ жерновамъ; здѣсь оно мололось, охлаждалось и потомъ передавалось тоже винтами въ мучную камеру. Въ этой камерѣ внизу мука набивалась въ намоченные кули, которые зашивались въ 1-мъ этажѣ вѣялочнаго отдѣленія, проходили черезъ кладовую и поступали въ магазинъ. Изъ этого обзора устройства мельницы вы можете судить, что, если въ отдѣленіяхъ кладовомъ, магазинномъ и даже вѣялочномъ, кромѣ 3-го этажа, могла быть какая нибудь пыль, то только муч-

ная, а никакъ не мякинная. Вся мякина въ 1870 году и 1871 г. тотчасъ же была выбрасываема на дворъ, а потомъ уже была направляема посредствомъ вѣялочной трубы въ подземные каналы сушильнаго отдѣленія. Затѣмъ вспомните гг. результаты научной экспертизы: мука горитъ съ трудомъ, мучная пыль горитъ также съ трудомъ; когда она въ спокойномъ состояніи, то она не сообщаетъ горѣнія, а напротивъ того служитъ дурнымъ проводникомъ и во всякомъ случаѣ не способствуетъ горѣнію. Вспышки пыли бываютъ только тогда, когда пыль мучная стоитъ облакомъ, т. е. только тогда, когда мельница бываетъ въ полномъ дѣйствиіи. Такимъ образомъ, всѣ гипотезы, которыя могли быть построены на взрывѣ отъ мучной пыли, падаютъ сами собою. Взрывовъ быть не могло, потому что пыль не стояла облакомъ и взрывъ разрушилъ бы зданіе, но ничего бы не зажегъ. Перехожу къ другимъ результатамъ экспертизы, вполнѣ и цѣликомъ en bloc, не отдѣляя мнѣнія г. Лисенкова и не противопоставляя его мнѣнію чьему бы то ни было, напр. профессора Бутлерова. Я сказалъ, что единственный способъ объяснить естественнымъ образомъ происхожденіе пожара на мельницѣ—это прослѣдить послѣдовательный ходъ огня по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ усмотрѣнъ, отъ самаго начала до конца. Говорятъ, что пожаръ начался внизу у главной дымовой трубы; что пылающій уголекъ, падая изъ чаша трубы внутрь, въ подземный каналъ, зажегъ труху, что труха прогорѣла вся отъ главной трубы до зерносушилки, что горѣніе ея повліяло на воспламененіе вѣялочной трубы; а труба горя, сообщила огонь вѣялочному отдѣленію въ 3-мъ этажѣ. Но этого мало: надо еще доказать, что изъ 3-го этажа вѣялки огонь прошелъ во 2-ой и что онъ же прошелъ и въ подвалъ магазиннаго отдѣленія. Всѣ эти условія непременно должны быть доказаны, если не со сто роны своего правдоподобія, то по крайней мѣрѣ со стороны своей возможности, хотя бы при малѣйшей степени вѣроятности. Вѣроятность каждаго изъ указанныхъ мною

предположеній очень мала, какъ вы слышали изъ судебного слѣдствія. Положимъ, что маленькіе кусочки угля, небольшіе потому, что только небольшіе уносятся вверхъ тягою—упадали внизъ, не долетѣвъ до отверстія трубы. Мы знаемъ, что эксперты совали и горячіе угли въ труху и что эти угли все-таки тухли, а труха даже отъ нихъ не тлѣла. Положимъ, что, при благопріятныхъ условіяхъ, которыя не встрѣчались при экспертизѣ, труха отъ какого нибудь уголька могла загорѣться. Нужно предположить при томъ, что былъ непрерывный валъ трухи, начинавшійся отъ этой трубы и шедшій по всѣмъ ея изгибамъ, дѣлая тоекратные повороты и проходя подъ отверстиями, которыя находились надъ каналами въ зерносушильнѣ. Весьма трудно предположить, чтобы такой валъ лежалъ непрерывно и нигдѣ не понижался, хотя на половину или четверть дюйма; трудно предположить, чтобы онъ распространялся на всемъ протяженіи. Чѣмъ ближе къ трубѣ, тѣмъ болѣе мелкая лежитъ пыль, чѣмъ ближе къ вѣялкѣ, тѣмъ больше куски трухи. Эксперты брали нѣсколько сортовъ трухи, изъ которыхъ два сорта совсѣмъ не горѣли. Если допустить, что въ вѣялочномъ отверстіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Зоммеръ, какъ онъ говоритъ, по поясъ погрузался въ труху, лежала только крупная труха, въ такой огромной кучѣ, то надо допустить, что куски трухи были самые большіе, т. е. соотвѣтствующіе тому сорту трухи, который не горѣлъ, когда его жгли эксперты. Но они не отрицаютъ возможности того, что, если бы опытъ надъ тлѣніемъ трухи былъ произведенъ въ большихъ размѣрахъ, то можетъ быть горѣніе и произошло бы. Эксперты признали, что горѣніе можетъ быть и противъ тяги. Допустимъ, хотя это мало вѣроятно, что зажженная углемъ труха прогорѣла противъ тяги отъ трубы вплоть до вѣялки. Допустимъ, что тлѣніе трухи достигло каналовъ сушилки, въ которыхъ есть отверстіе, заслоненное деревянными заслонками, кромѣ той послѣдней изъ нихъ, которая кон-

чается не заслонкою, а спускающею внизъ воронкообразно или конически деревянною трубою, составляющею продолженіе канала зерносушильни, которую изобразилъ здѣсь на бумагѣ Зоммеръ. Если огонь шелъ такимъ образомъ, по этой трубѣ подъ заслонками, которыя были деревянные, то я не понимаю, какимъ образомъ не загорѣлись эти заслонки. Эти заслонки, а равно входъ въ трубу не могли вовсе загорѣться, по показанію одного изъ экспертовъ, если былъ промежутокъ воздуха между трухою. Другой экспертъ допускалъ возможность дѣйствія теплоты и чрезъ промежутокъ воздуха при горѣннн безъ пламени. Но опять приходится недоумѣвать, почему же это тлѣніе не подѣйствовало на заслонки, а подѣйствовало только на то отверстіе, къ которому примыкаетъ труба. И такъ, если отъ тлѣннн могутъ загораться предметы при притокаѣ къ нимъ воздуха совершенно свободномъ, то огнемъ должна бы вспыхнуть прежде всего вся зерносушильня и загорѣться притомъ ранѣе проникновенн огня до этой вѣялочной трубы. Если мы вспомнимъ, что существовала тяга, что она шла по направленн къ трубѣ, что тотъ экспертъ по вентиляцн, г. Флавицкнй, который допускаетъ возможность обратной тяги, допускаетъ ее не вообще на цѣломъ протяженн, а только мѣстами, при общей тягѣ, существующей и неизмѣнной, то при этой мѣстной обратной тягѣ въ трубѣ, если бы загорѣлось даже въ томъ отверстн, которое сообщается прямо съ вѣялкой, прежде бы огонь долженъ былъ сообщиться заслонкамъ, а черезъ нихъ той массѣ лѣсовъ, тѣмъ ящикамъ, которыми была наполнена сушилка; а между тѣмъ она осталась до послѣдняго времени въ цѣлости. Но допустимъ, что огонь распространился такимъ образомъ и дошелъ до зерносушильни, положимъ, что загорѣлась труха, и что огонь дошелъ до вѣялочнаго отдѣленн. Все таки и въ этомъ случаѣ не объясняется существованн огня во 2-мъ этажѣ. Какъ могъ огонь спуститься во 2-й этажъ? Я бы могъ легче допустить, что онъ

поднялся въ 4-й этажъ. Но если даже и допустить, что огонь въ 3-мъ этажѣ имѣлъ какую-то невѣдомую связь съ огнемъ во 2-мъ этажѣ, то предстоитъ полнѣйшая невозможность объяснить связь этихъ двухъ огней съ огнемъ въ подвальномъ этажѣ магазиновъ. Огонь этотъ существовалъ особо, этотъ огонь и тѣ два другіе были наблюдаемы особо, они были видны въ одно и то же время, потому что вторая часть, коломенская, прискакала на разстояніи 2—3-хъ минутъ и нашла подвалъ въ полномъ горѣніи. Кромѣ того, нужно указать пути, которыми этотъ огонь, бывшій уже въ вѣялкѣ, соединился съ огнемъ въ подвалѣ. Есть два сообщенія между магазиннымъ отдѣленіемъ и зерносушильней. Одно изъ этихъ сообщеній чрезъ полуразрушенную лѣстницу съ Обводнаго канала и подвальный подъ лѣстницею корридоръ. Лѣстница разрушена, валяются своды, но въ подвальномъ корридорѣ, который только закопѣлъ, есть полъ, есть въ немъ также 2 двери, на одной двери, бывшей открытою во время пожара, на ея задней сторонѣ осталась еще мучная пыль; направленіе дыма по слѣдамъ копоти показываетъ ходъ этого дыма изъ подвала въ зерносушильню. Такъ какъ пламя не можетъ пробираться, не уничтожая на пути деревянныхъ предметовъ, такъ какъ сушильня была послѣднее мѣсто, которое вспыхнуло, когда всѣ остальные части мельницы были уже объаты пламенемъ, то на основаніи данныхъ, которыя были замѣчены въ подвальномъ этажѣ, нельзя строить другаго предположенія, какъ то, что сушильня, сначала не горѣвшая, была объята пламенемъ потому, что огонь изъ подвала по корридору подвального этажа проникъ изъ магазиннаго отдѣленія въ зерносушильню. Такимъ образомъ, нельзя себѣ представить такого предположенія, чтобы огонь, проникшій въ сушильню, зашелъ изъ нея въ подвалъ и зажегъ въ подвалѣ магазиновъ рогожи и куле. Остается рассмотреть другой возможный путь этого огня: черезъ каменный помостъ подъ вѣялочною трубою. Въ подвальныхъ эта-

жахъ магазиннаго отдѣленія противъ части стѣны, выходящей на уголокъ двора, обращенный къ сушильнѣ, имѣются 4 окна и однѣ запертыя двери. Всѣ эти 5 отверстій не были замѣчены пожарными, тушившими трубу, хотя они прямо и глядятъ въ трубу, потому что они были совершенно темны. Подъ трубою есть каменный помостъ, въ него спускъ подземный, гдѣ лежали снѣгъ и рогожи, за спускомъ въ подвалѣ чуланчики и склады съ одною единственною отдушиною въ магазинъ. Для цѣли защиты надо допустить, что изъ вѣялочной трубы огонь проникъ въ этотъ подвалъ черезъ проходъ подъ помостомъ и затѣмъ черезъ чуланъ и отдушину. Но Морозовъ удостовѣряетъ, что помѣщеніе подъ помостомъ было заперто. Пожарные, когда подошли къ вѣялочной трубѣ, видѣли снѣгъ на лѣстницѣ, спускающейся подъ помостъ. Кромѣ того оказывается, что брендт-маіоръ Гранфельдъ преспокойно ходилъ по лѣстницѣ мѣшальной и корридолу перваго этажа надъ помостомъ и по платформѣ помоста и ничего не замѣчалъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что это предположеніе объ огнѣ, распространившемся этимъ путемъ, немыслимо, что оно несостоятельно, и что слѣдовательно, огонь въ магазинномъ отдѣленіи остается безъ всякаго объясненія.

И такъ, есть три огня. Я утверждаю, что три, а не два. Если бы одинъ изъ этихъ огней даже и былъ объяснимъ дѣйствіемъ трубы, то два другіе совершенно необъяснимы. Но я думаю, что кромѣ общности огней нельзя допустить и происхожденія огня въ вѣялкѣ переходомъ его изъ сушильни въ вѣялку. Есть два обстоятельства, которыя положительно устраняютъ возможность предполагать этотъ огонь сначала въ сушильнѣ отъ трухи, потомъ въ вѣялкѣ, а именно, дымъ и запахъ. Дымъ не наблюдался въ промежутокъ времени отъ пятницы или субботы до пожара, никто его не видѣлъ въ субботу вечеромъ и ночью на воскресенье, пожарные его не видѣли, несмотря на лунную ночь. Если и есть показанія о дымѣ, который будто бы выходилъ

изъ трубы въ теченіи субботы, то развѣ только такія показанія, которыя весьма подозрительны. Показанія эти принадлежатъ или чиновникамъ интендантства, которымъ вѣрить особенно нельзя, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, или служившимъ у Овсянникова прикащикамъ и то не всѣмъ. Что касается до запаха, то это такой признакъ, который долженъ быть замѣченъ во всей окрестности, или же нужно предположить, что на Измайловскомъ проспектѣ и на Обводномъ каналѣ, гдѣ находится станція варшавской желѣзной дороги, на которую прибываютъ поѣзды въ 12 часовъ вечера и на которую въ это же время ѣдетъ много народа,—всѣ эти приѣзжающіе и отъѣзжающіе были лишены чувства обонянія, потому что, по словамъ экспертовъ, одного фунта трухи достаточно для того, чтобы выгнать насъ изъ этого помѣщенія. Этотъ дымъ наполнилъ бы весь околodoкъ, стлался бы до нарвской части; если бы онъ шелъ изъ подвального отдѣленія, то выходилъ бы совершенно свободно черезъ окна безъ стеколъ сушильни, гулялъ бы совершенно свободно по двору, наполняя воздухъ гарью. Такимъ образомъ, мы имѣемъ фактъ крѣпкій, твердый, неопровержимый: три огня. Но, кромѣ этого факта, есть еще множество другихъ странныхъ, подозрительныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ призадумываться и которыя, въ соединеніи съ фактомъ существованія трехъ отдѣльныхъ огней, приводятъ къ полному убѣжденію въ томъ, что пожаръ мельницы былъ слѣдствіемъ поджога. Вспомните показанія свидѣтелей Кузнецова и Козлова; три-четыре-пять взрывовъ въ магазинахъ, какъ будто изъ пушки. Что это такое? Подумали, что это взрывъ газа; послали въ газовое общество. Приѣхалъ газовщикъ, приѣхало начальство; газометры оказались въ порядкѣ, газъ не открытъ; по вычисленію газовщиковъ, 300 куб. футовъ газа израсходовано отъ 4-го до закрытія работъ на мельницѣ, значитъ взрывы не отъ газа. Въ томъ же помѣщеніи есть остатки бочекъ, какіе то обручи, вообще такія вещи, которымъ не слѣ-

девало храниться въ магазинномъ отдѣленіи. Другая странность: видѣвъ копію съ паровиковъ, вы знаете, что въ подвалѣ подъ швейцарской есть главный водопроводный кранъ отъ городского водопровода. Казалось бы, что первая мысль во время пожара должна бы была быть та, чтобы открыть этотъ кранъ. Служащіе на мельницѣ отнѣживаются, говорятъ: хотѣли открыть, но не рѣшились, потому что едвали бы трубы дѣйствовали вслѣдствіе того, что часть ихъ была расплавлена. Приходить водопроводчикъ Березовскій въ 8 часовъ, находить воду; на полу въ кочегарнѣ течетъ вода. Допустимъ, что главный кранъ водопровода открытъ безъ злаго умысла кѣмъ нибудь изъ постороннихъ, который остался не допрошеннымъ;—но зачѣмъ же этой водѣ быть въ котлахъ паровиковъ? Вода въ котлы могла пойти только черезъ питательные снаряды; нужно открыть клапаны, сообщающіе эти питательные снаряды съ водопроводными трубами. Слѣдовательно, была чья то рука, которая направила эту воду въ котлы послѣ того, какъ вода, по увѣренію всѣхъ служащихъ, была выпущена оттуда наканунѣ пожара, по приказанію Левтѣева, и только въ 7 часовъ вечера, въ воскресенье, слѣдовательно, послѣ пожара, Левтѣевъ приказалъ Кильпо выпустить эту воду изъ котловъ. Впускъ воды въ котлы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; она была не нужна тамъ при бездѣйствіи мельницы. Если бы огонь распространился по кочегарнѣ, то котлы взорвало бы, а всю кочегарню разнесло бы.

Въ довершеніе всего есть еще обстоятельство не только подозрительное, а прямо наводящее на мысль о поджогѣ. Это выпускъ воды изъ трубъ, какъ водопроводныхъ и пожарныхъ, такъ и изъ бака по прямому приказанію Левтѣева. Было двѣ машины: маленькая донка и большая машина, работающая въ 200 или въ 250 силъ. Можно было остановить большую машину, но не зачѣмъ было снимать золотники. Зачѣмъ было класть это въ кладовую? Незачѣмъ, какъ говорили объ этомъ механики. Золотники

могли остаться, но если были сняты, были сложены въ кладовую, то этимъ самымъ была преграждена всякая возможность приведенія большой машины въ дѣйствіе. Остается донка. Она можетъ быть очень полезна, если ее привести въ дѣйствіе, придется только предварительно налить воду въ паровики. Посредствомъ донки можно отапливать квартиры и бакъ, потому что дровъ на нее идетъ всего 1½ сажени, т. е. чрезвычайно малое количество, между тѣмъ, масса топлива была запасена на дворѣ. Посредствомъ донки можно было отапливать квартиры служащихъ, можно было, не отапливая квартиру, подогревать одинъ только бакъ, спуская воду вмѣстѣ съ паромъ и препятствуя замерзанію воды въ резервуарѣ. Бакъ былъ большой, онъ былъ устроенъ такъ, что рассчитывали, что онъ будетъ отапливаться снизу. Его отапливали такимъ образомъ въ 1874 году послѣ остановки работъ. Бакъ былъ необходимъ; между тѣмъ, изъ бака и трубъ была выпущена вода. Это распоряженіе дѣлается въ высшей степени знаменательнымъ, если его связать съ пожаромъ 7 дек. 1874 г. Если кому нибудь, то именно Левтѣву было непозволительно выпускать воду изъ бака, такъ какъ онъ убѣдился, какъ полезенъ былъ этотъ бакъ въ данномъ случаѣ. 7 декабря обстоятельства пожара были почти одинаковы, какъ и въ настоящемъ случаѣ. Огонь появился ночью во 2-мъ или 3-мъ часу, также какъ и теперь въ вѣялкѣ, такъ же какъ и теперь выбѣжалъ швейцаръ Семеновъ, по его крику сбѣжались люди и потушили пожаръ только потому, что была подъ рукой вода изъ бака. Убытка принесено всего на 25 р. и зданіе спасено благодаря водѣ, которая была въ бакѣ. На отопленіе бака идетъ одна сажень въ день, слѣдовательно потребно всего какихъ нибудь 5 р. въ день для того, чтобы быть обезпеченнымъ отъ пожара. Всѣ эти приведенныя мною обстоятельства совершенно схожи съ тѣмъ, какъ если бы мы гдѣ нибудь на листѣ бумаги увидѣли черточки и замѣтили, что изъ черточекъ склады-

ваются буквы, изъ буквъ цѣлое слово. Стали бы мы предполагать, что это слово начерчено ребенкомъ, который не умѣетъ читать и писать. Нѣтъ, оно написано кѣмъ нибудь знающимъ грамоту, а то, что написано на этомъ листѣ, я вамъ передаю—слово было: поджогъ.

Если имѣлъ мѣсто поджогъ, то кѣмъ онъ совершенъ? Конечно, не постороннимъ человѣкомъ; потому что мельница заперта какъ крѣпость со всѣхъ сторонъ, двери швейцарской заперты на ключъ, калитки съ Измайловскаго и Обводнаго также заперты, у дверей есть швейцаръ, который видитъ всѣхъ, кто входитъ и кто выходитъ. И такъ, поджогъ не могъ быть совершенъ внѣшнимъ человѣкомъ, постороннимъ, но непременно совершенъ кѣмъ нибудь изъ своихъ. Если постороннему невозможно, то человѣку, живущему на мельницѣ, вполне возможно самыми разнообразными способами и путями свободно прохаживаться по этому зданію по всѣмъ направленіямъ, какъ показывали прикащики Овсянникова, пройти до магазиннаго отдѣленія подваломъ, подняться на чердакъ и отъ лѣстницы съ Обводнаго пройти до квартиры служащихъ; можно было, не имѣя отмычекъ, спуститься съ лѣстницы Обводнаго канала черезъ открытыя двери въ магазинное отдѣленіе; во 2-мъ и 3-мъ этажахъ можно было подваломъ магазиновъ черезъ подземельный коридоръ пройти въ зерносушильню; можно было изъ зерносушильни пройти до того отверстія, гдѣ въ сушилку спускалась вѣялочная труба; можно было стоять на дворѣ, просунуть руку въ отверстіе или окошки вѣялочной трубы и бросить туда огонь; можно было войти на дворъ чрезъ поддувало. И такъ кто могъ совершить поджогъ? По всей вѣроятности, онъ совершенъ кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ людей, по всей вѣроятности Рудометовымъ. Онъ былъ одинъ на этомъ дворѣ въ теченіи весьма продолжительнаго времени; онъ караулил мельницу со двора всю ночь. Можетъ быть поджогъ совершилъ кто нибудь и другой, но во всякомъ случаѣ Левтѣевъ не могъ въ немъ не участ-

вовать, потому что въ дѣлѣ видна его рука. По его распоряженію выпущена изъ трубъ вода; онъ одинъ командуетъ на мельницѣ. Но кто онъ такой, Левтѣевъ? Онъ только двойникъ другаго человѣка; онъ совсѣмъ исчезаетъ въ сіяніи другаго большаго свѣтила. А это свѣтило и есть то лицо, которое я обвиняю въ поджогѣ. То, что совершилъ Овсянниковъ, можетъ быть объяснено только особенностями его положенія: отношеніемъ, вытекающимъ изъ того долгосрочнаго контракта, которымъ онъ такъ долго занимался. Этотъ контрактъ и долженъ составлять второй предметъ нашего изслѣдованія. Зайдемъ же въ военное министерство, не обыкновеннымъ можетъ быть путемъ, и изучимъ, что заключалъ въ себѣ этотъ замѣчательный контрактъ.

Весь экономическій міръ подлежитъ закону мѣны. Изъ особыхъ видовъ главный, самый важный — торговля, мѣна товаровъ на деньги и денегъ на товаръ, видъ дѣятельности всегда преисполненный обманомъ и злоупотребленій, потому что всякій нарываетъ получить побольше лучшихъ товаровъ за свои небольшія деньги и сбыть свои товары наиболѣе хорошою цѣною. Изъ всѣхъ видовъ мѣны нѣтъ ни одного, который бы былъ такъ выгоденъ и рискованъ какъ тотъ, въ которомъ контрагентами являются съ одной стороны казна, государство, а съ другой частныя лица. Дѣло это исполнено риска, потому что и казна сбиваетъ цѣны; есть между подрядчиками конкуренція, каждый старается обогнать другихъ, многіе вслѣдствіе того дѣлаются несостоятельными; съ другой стороны съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять. Зло чрезвычайно глубоко и коренится въ исторіи. Неподатливый подрядчикъ легко можетъ обанкрутиться. Но человѣкъ привычный и знающій какъ дѣло дѣлать наладитъ его тотчасъ и оно пойдетъ какъ по маслу; устроиться ему тѣмъ легче, чѣмъ дѣло срочнѣе и чѣмъ продолжительнѣе договоръ съ казною. При этихъ условіяхъ устанавливается

обыкновенно известная средняя недобросовѣстность. Чиновники дорожатъ своими мѣстами и допускаютъ только товаръ не совсѣмъ еще негодный, подрядчикъ тоже старается, чтобы товаръ не былъ совсѣмъ плохъ. Это зло, эти недостатки, эта невозможность противодѣйствовать поставкамъ подмоченной затхлой муки низоваго помола были известны военному министерству. Зная о существованіи зла, казенное вѣдомство едва ли соберется само выработать новую систему по своему собственному почину. Обыкновенно являются частные прожектеры съ готовой идеей, которые прожектируютъ свой проектъ, проводятъ его всюду, пропагандируютъ, наконецъ добиваются того, что идея признается рациональною, превращается въ фактъ, дѣлается системою и господствуетъ надъ будущимъ, но будетъ въ свою очередь отмѣнена. Такимъ фактомъ и такою системою былъ долгосрочный подрядъ поставки для войскъ въ районѣ С.-Петербурга расположенныхъ, заключенный на девять лѣтъ, съ 1867 по 1876 годъ, и прочитанный цѣликомъ въ судебномъ засѣданіи. Контрактъ состоялъ изъ двухъ совершенно разныхъ частей: мельницы и подряда. Когда проектированъ контрактъ, конечно предполагалось со стороны казны, что и по одной и по другой статьѣ контрагентъ казны будетъ имѣть умѣренный барышъ, безъ надежды на который конечно никто бы не согласился вступить съ казною въ договоръ. Но на дѣлѣ вышло, что контрактъ устроенъ такъ, что при несовсѣмъ удачномъ ходѣ операций онъ непременно долженъ заключиться либо раззореніемъ подрядчика, либо финаломъ въ родѣ того, который имѣлъ мѣсто, т. е. финаломъ съ истребленіемъ мельницы. На дѣлѣ вышло, что мельница убыточна, одна поставка выгодна, что нужно натягивать подрядъ, чтобы прорѣху мельницы покрыть избыткомъ отъ подряда, что мало-мальски пошатнувшійся на контрактѣ человекъ долженъ либо пропасть, либо придти къ намѣренію освободиться отъ мельницы во что бы то ни стало. Возьмемъ сперва мельницу. Она паровая,

устроена превосходно и стоила вѣроятно не менѣе 900,000 рублей. Я не полагаю, чтобы она была абсолютно убыточнымъ предпріятіемъ; все зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыя поставлено на ней производство. Допустимъ, что эта мельница, которая молола при Фейгинѣ и Овсянниковѣ 1000 четвертей въ день, можетъ молоть до 1500 четвертей въ 12 часовъ. Предположимъ, что она дѣйствуетъ не 6 мѣсяцевъ, а идетъ круглый годъ; представимъ себѣ, что совершенно возможно, что на ней работаютъ двѣ смѣны рабочихъ, дневныя и ночныя, что она работаетъ цѣлыхъ 24 часа, промалывая въ 300 дней до 900 т. четвертей, раздѣлимъ на это число проценты капитала постройки 900 тыс. руб., окажется, что каждая перемалываемая четверть несетъ малую долю какъ этихъ процентовъ отъ капитала, такъ и издержекъ администраціи мельницы. Если рынокъ сбыта муки обширенъ, если мука будетъ поставляться не только для войскъ, но и для народонаселенія столицы, притомъ для послѣдняго больше чѣмъ для первыхъ, то предпріятіе будетъ полезное и выгодное и для частныхъ лицъ, и для казны. Казна можетъ быть однимъ изъ весьма важныхъ заказчиковъ помола для владѣльца мельницы, но мельница будетъ существовать не однимъ помоломъ казеннаго хлѣба. Однако если допустить, что мельница существуетъ единственно и исключительно только для подряда, то она непременно должна сообразоваться со средствами подряда. Весь подрядъ простирается въ годъ максимум на 250 т. четвертей, но наряды давались меньшіе: въ 1873 году 170 т., въ 1874 всего 150 т. четвертей. Если бы даже взять круглымъ числомъ 200 т. четвертей, оплачиваемыхъ по 40 коп. за помоль, то всего на всего прибыли отъ помола получится только 80 т. р. Если предположить, что на мельницѣ перемалываются только эти 200 т. четв. казеннаго хлѣба и нѣтъ никакихъ другихъ частныхъ работъ, то 80 т. р. вотъ и весь барышъ отъ предпріятія. Но давая столь мало, предпріятіе тре-

бовало большихъ расходовъ. Прежде всего нужно отсчитать проценты отъ капитала постройки, т. е. съ 900 т. считая по 6⁰/₀—54 т. р. въ годъ. Допустимъ, что мельница перешла въ другія руки, что новый владѣлецъ купилъ ее дешевле, чѣмъ она стоила при постройкѣ, напр. за 700 т. р., то и тогда 6 проц., составляли бы на капиталъ 42 т. р. въ годъ. А содержаніе мельницы? Оно еще дороже. Фейгину она обходилась въ 120 т. руб. Фейгина упрекали въ томъ, что онъ держалъ слишкомъ много людей на мельницѣ съ слишкомъ высокими окладами содержанія—до 5, 6 и даже до 12 т. р. Я согласенъ, что расходъ на жалованье служащимъ можно бы поубавить, можно бы сдѣлать экономію на 10, 20 тысячъ, сократить такимъ образомъ расходы до 100 т. руб. Но я не понимаю той экономіи, которую велъ Овсянниковъ. Это уже не экономія, а раззореніе, это—хозяйничанье баши-бузуковъ, послѣ котораго остаются кучи мусора и мельница обращается въ груды развалинъ, какъ послѣ нашествія непріятели. Устранены кранцики, рассчитанъ сторожъ, нѣтъ человѣка получающаго больше 150 руб. въ мѣсяцъ. Отпущены мельникъ, механикъ и другіе главные люди на мельницѣ—не болѣе того. Замѣтимъ, что жалованье Левтѣеву не входило въ расчетъ издержекъ по мельницѣ. Во главѣ дѣлъ стоятъ мелкіе привазики. Ремонта никакого. Рвжутся газовыя трубы. На потребности производства идутъ доски съ пола, запасъ машиннаго дерева расходуется безъ толку на мелкія нужды ежедневнаго обихода. Такъ хозяйничать нельзя, это не хозяйство, а безобразіе. Но даже и при такомъ безобразіи мельница обходилась Овсянникову въ 1873 г. въ 65 т. р., въ 1874 въ 84 т. р.,—расходы высокіе если принять въ соображеніе, что не могъ Овсянниковъ надѣяться владѣть мельницей долгое время почти задаромъ за шуточную цѣну въ 1000 р. Онъ владѣлъ мельницей дешево по контракту, но контрактъ кончался въ 1876 году, послѣ чего ему предстояло либо мельницу купить, либо

арендовать ее подороже. Если принять все сказанное въ соображеніе, то я нисколько не преувеличу, если скажу, что одна четверть муки дѣйствительно обходилась бы въ перемолѣ болѣе нежели въ рубль серебромъ. Если для казны столь важно качество муки и хорошій перемоль, то отчего ей не платить и по рублю за перемоль одной четверти, если есть у нея на то свободныя средства. Такова одна сторона медали, посмотримъ на другую, т. е. на подрядъ.

Мельница, какъ очень правильно выразился гражданскій истецъ, г. Кокоревъ, имѣла преимущественное свойство «притягивать подрядъ», она была тотъ магнитъ, къ которому подрядъ притягивался самъ собою. Подрядъ отдѣльно взятый, какъ будто бы опять не очень заманчивый, такъ что невольно спросишь, изъ-за чего тутъ биться людямъ, перебивать дѣло другъ у друга, строить подкопы. Цѣна поставляемыхъ продуктовъ состояла изъ двухъ частей: одной части немѣняющейся, другой мѣняющейся. Немѣняющаяся часть это 2 р. 65 к. за привозъ продуктовъ въ С.-Петербургъ, храненіе, перемоль и отвозку въ магазины. Мѣняющаяся часть опредѣляется подрядною цѣною, составлявшеюся по подрядамъ для войскъ въ казанской губерніи. Какая цѣна условлена въ казанской губерніи за поставку хлѣба для войскъ, такая и для Петербурга, но еще со скидкою 10 проц. Я не думаю, чтобы казанская губернія отличалась какими нибудь крупными особенностями по хлѣбной торговлѣ и чтобы тамъ подрядчикъ находился въ особенно выгодныхъ и льготныхъ условіяхъ. И тамъ есть конкуренція, и тамъ торгуются, и тамъ есть контрагенты, которые въ виду значительной поставки стараются предлагать умѣренные цѣны, потому что чѣмъ значительнѣе по цифрѣ своей предпріятіе, тѣмъ легче довольствоваться меньшею прибылью на четверть. И изъ этой цѣны скидывается еще 10 проц. Такимъ образомъ, контрактъ представляется далеко неблистательнымъ. Но если поставка хлѣба рожью пойдетъ нехорошо, то есть въ

контрактъ статья, которая вводила поставщика въ искушеніе, статья 4-я, которая гласить: а буде мельница сгорить, то все количество хлѣба поставляется мукой, тою мукою, ради недопущенія которой была задумана мельница, и подрядчикъ долженъ принять мѣры къ тому, чтобы въ свое время мука была поставлена. Эта мука, по сознанию самого Овсянникова въ бумагахъ отъ 17-го февраля 1875 г. интендантству, не могла имѣть тѣхъ хорошихъ качествъ, какими отличалась мука, перемолотая на паровой Измайловской мельницѣ; она не такъ свѣжа, скорѣе черствѣетъ и не даетъ такого припека.

Отъ мельницы перейдемъ къ ея прожектору и строителю. Я полагаю, что г. Фейгинъ много времени и стараній потратилъ, чтобы цустить въ ходъ дѣло подряда по задуманной имъ идеѣ. Я бы не хотѣлъ сказать что либо для него непріятное, но я, кажется, вправѣ заявить, что приступая къ дѣлу, онъ не имѣлъ ни достаточно изворотливости, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія предпріятія. Притомъ онъ былъ слишкомъ большой баринъ, пренебрегающій мелочами и взваливающій все на своихъ служащихъ, получающихъ слишкомъ высокіе оклады. Онъ не держалъ крѣпко въ рукахъ ни одной изъ двухъ статей предпріятія и по недостатку средствъ попалъ скоро въ зависимость и отъ лицъ, которыя давали ему деньги на мельницу, и отъ лицъ, которыя давали ему деньги на подрядъ. Онъ былъ какъ маятникъ, качающійся между двумя столбами. Прежде всего ему предстояло заняться подрядомъ, потомъ строить мельницу. По подряду казна требуетъ залоговъ. Въ числѣ самыхъ крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ одиъ изъ первыхъ, г. Овсянниковъ, примыкаетъ тотчасъ же къ подряду сбоку, косвенно, какъ залогодатель. Онъ даетъ Фейгину пользоваться, какъ залогоми, своими домами на 500,000 рублей, а затѣмъ когда дѣла Фейгина разстраиваются, то онъ даетъ ему еще хлѣбныхъ товаровъ на 200,000 руб. Домами, представленными въ залогъ Фейгинымъ, Овсянниковъ пользуется и получаетъ

доходы, сверхъ того, онъ беретъ за нихъ съ Фейгина 10 проц., по 50,000 руб. въ годъ. Этотъ одинъ фактъ— 10 проц. на залого, достаточенъ, чтобъ доказать, въ какой финансовой агоніи находился Фейгинъ; въ такія условія о залогахъ входятъ только люди, которымъ приходится весьма жутко. Какъ объяснить, что осторожнѣйшій человекъ, г. Овсянниковъ даетъ въ залогъ свои дома, подвергая ихъ риску? Нѣтъ, никакому риску онъ ихъ не подвергаетъ, онъ вполне обезпеченъ статьею 1967 ч. 1 X тома, содержаніе которой повторено и въ сводѣ военныхъ постановленій—и которая гласитъ, что если подрядчикъ окажется неисправнымъ, то залогодатели могутъ взять подрядъ на себя и продолжать его. Слѣдовательно, залого Овсянникова приносили ему не только 50,000 р. доходу, но вмѣстѣ съ тѣмъ были ключемъ ко входу въ подрядъ. Г. Овсянниковъ, имѣя эту заручку, только и ждалъ, когда придетъ къ нему г. Фейгинъ. Но вскорѣ обстоятельства такъ измѣнились, что не къ нему долженъ былъ придти г. Фейгинъ, а самъ Овсянниковъ, поступилъ какъ Магометъ, къ которому когда гора не шла то онъ пришелъ къ горѣ—онъ долженъ былъ поклониться гг. Фейгину и Кокореву, а сдѣлалось это по случаю событій, касающихся уже не подряда, а мельницы, къ которой я и перейду.

Мельница выстроена сначала только за 200,000 руб. Деньги какъ на мельницу, такъ и на подрядъ взяты главнымъ образомъ изъ волжско-камскаго банка, который давалъ г. Фейгину такой кредитъ, какового онъ не давалъ, по сознанию управляющаго банкомъ, кажется почти никому: до 1.100,000 было одновременно въ долгу за г. Фейгинымъ подъ его векселя. Этотъ долгъ не обезпечивался ничѣмъ. У г. Фейгина ничего и не было, кромѣ мельницы. Построилъ онъ ее на казенной землѣ, за которую заплатилъ казнѣ 18,000 руб. Съ него взята еще министерствомъ въ 1868 году особая подписка о томъ, что въ двухъ случаяхъ: а) своей неисправности до срока контракта, или б) истеченія срока контракта,

Фейгинъ обязанъ продать казнѣ эту самую мельницу по цѣнѣ средней между городской оцѣнкой и оцѣнкой, которую сдѣлають военные инженеры. При томъ мельница была уже заложена Голенищеву-Кутузову въ суммѣ 300,000 руб. Г. Кокоревъ, который былъ посредникомъ между г. Фейгинымъ и банкомъ при займахъ, былъ конечно озабоченъ, какъ бы выручить хотя часть той суммы, которую былъ долженъ банку Фейгинъ. Въ мартѣ 1872 года опротестованы банкомъ векселя г. Фейгина на 400,000 руб. Въ виду этихъ обстоятельствъ, г. Кокоревъ выкупилъ мельницу изъ подъ залога у г. Голенищева-Кутузова и взялъ на себя уплату за Фейгина банку 400,000 руб., а самъ получилъ отъ Фейгина закладную на мельницу въ 700,000 руб. Мельница такимъ образомъ обезпечивала Кокорева, но только отчасти. До нея дотронуться нельзя было такъ скоро: она устроена для казеннаго подряда. Притомъ по закону всѣ получки неисправнаго подрядчика изъ казны идутъ сначала на подрядъ и только остатокъ получаютъ кредиторы. Получить мельницу съ публичныхъ торговъ человѣку, не занимающемуся хлѣбнымъ дѣломъ трудно и неудобно, это дѣло не было невозможно ни банку, ни Кокореву. Въ эту трудную минуту является соискатель въ лицѣ г. Овсяникова и самъ напрашивается на сдѣлку. Начинаются переговоры, которые кончаются условіемъ, устраивающимъ, повидимому, всѣ стороны. Въ то время, въ моментъ заключенія договора, долгъ г. Фейгина банку уже уменьшился, вслѣдствіе уплаты по нѣкоторымъ векселямъ, до 580,000 руб. Кромѣ того, былъ долгъ въ 700,000 руб. по закладной на мельницу. Цѣна подряда на 4 остающіеся года опредѣлена въ 1.600,000 руб., въ томъ числѣ и мельница. Г. Овсяниковъ обѣщается взять мельницу за 700,000 руб., и до покупки ея платить 6% Кокореву. Но совершить эту передачу оказалось неудобнымъ тотчасъ; г. Фейгинъ еще держался за мельницу и имѣлъ какія-то фантастическія надежды на то, что онъ устроитъ спекуляцію,

создасть акціонерное общество, которому спустить мельницу за хорошую дѣлу, удовлетворить залогодержателя и самъ получить что нибудь. Можно было, конечно, освободить мельницу отъ залога Кокореву уплатою ему 700,000 руб. и совершить новую закладную въ той же суммѣ г. Овсяникову. Но подобная комбинація разстроилась, какъ и множество другихъ великолѣпныхъ плановъ, ей подобныхъ, вслѣдствіе того, что контрагенты не захотѣли платить крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ нотаріусу, ждали, что можетъ быть дѣло упростится. Условіе о мельницѣ такъ и осталось на словахъ, незакрѣпленное письменно. Что касается до остальныхъ до суммы 900,000 руб., то Овсянниковъ засчиталъ 182,000 руб. въ удовлетвореніе себя за хлѣбные товары, поставленные Фейгину, а остальные деньги 718,000 р. уплатилъ своими векселями на 9 мѣсяцевъ, что съ процентами составитъ 755,000 руб. Изъ этихъ 755,000 руб. 580,000 руб. пошли на погашеніе долга Фейгина волжско-камскому банку, а около 145,000 руб. идутъ на удовлетвореніе другихъ кредиторовъ Фейгина, которые до насъ не касаются. Такимъ образомъ, волжско-камскій банкъ получилъ свое. Не получилъ своего только г. Кокоревъ, который, вмѣстѣ съ г. Овсяниковымъ и Фейгинымъ, поневолѣ засѣлъ въ этотъ подрядъ, до сихъ поръ принадлежавшій одному Фейгину. Я говорю поневолѣ, потому что казна не согласилась дать подрядъ одному Овсяникову, а потребовала еще компаніона, и потому, что Фейгинъ не захотѣлъ отказаться отъ своихъ надеждъ на осуществленіе фантастическаго акціонернаго предпріятія. Но надежды Фейгина вскорѣ разсѣялись. Фейгинъ, хотя и добился утвержденія устава общества, но общество ни единой минуты не просуществовало; оно осталось только на бумагѣ, хотя и нашлись-было лица, давшія свои имена для фигурированія въ качествѣ учредителей, напримѣръ, баронъ Фитингофъ и другіе. Капитала не было, средствъ не хватило пустить дѣло въ ходъ. Ему не было никакого расчета платить

проценты Кокореву по закладной. Передача дѣла Фейгина совершилась такимъ образомъ, что и мельницу онъ сдалъ гг. Овсянникову и Кокореву по арендному контракту и подрядъ сдалъ Овсянникову и Кокореву по прошенію, подписанному втроемъ и поданному въ военное министерство. На это прошеніе послѣдовало разрѣшеніе главнаго интендантства; отъ вступающихъ вмѣсто Фейгина отобрана подписка; имъ дана инструкція. Передача мельницы по арендному контракту совмѣстно двумъ лицамъ, Овсянникову и Кокореву, совершилась такимъ образомъ, что цѣна аренды для виду назначена самая малая, можно сказать, шуточная, всего 1,000 р. въ годъ, и эти деньги вовсе не получались Фейгинымъ, однимъ словомъ, аренда была почти даромъ. По арендному контракту, какъ Кокоревъ, такъ и Овсянниковъ нераздѣльно обязались передъ Фейгинымъ страховать мельницу; это единственная бумага, въ которой упоминается что-либо объ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ передачи контракта и объ обязанности страхования. У Кокорева вовсе не было ни надобности, ни желанія возиться съ подрядомъ, равно не было желанія держать за собою мельницу; онъ былъ бы радъ и готовъ сбыть ее каждую минуту. Но какъ отъ него требовали, чтобы онъ значился въ этомъ подрядѣ, то, для огражденія себя, онъ заключаетъ съ Овсянниковымъ два особые договоры 20 мая 1872 года. По одному изъ нихъ, Овсянниковъ обязуется отвѣтствовать по подряду одинъ и получать всѣ прибыли отъ подряда тоже одинъ. Такимъ образомъ, фактически Кокоревъ отъ подряда отвязался. По второму условію, Овсянниковъ обезпечилъ Кокорева на случай возможной продажи мельницы за долгъ Фейгина по закладной и обязался, въ случаѣ, если подобная продажа состоится, то кому бы мельница ни досталась, уплатить Кокореву разницу между цѣною мельницы и суммою долга по закладной, то есть 700,000 руб., съ тѣмъ, однако, что эта доплата не должна никоимъ образомъ превышать 400,000 рублей. Въ этихъ догово-

рахъ ничего не говорилось о страхованіи; оно было совсѣмъ упущено изъ виду и не перенесено какъ обязанность на Овсянникова предъ Кокоревымъ. Сдѣлавшись единственнымъ распорядителемъ по контракту, Овсянниковъ понималъ, что подрядъ обошелся ему не дешевою цѣною, а что заплатилъ онъ вступнаго 750,000 рублей, изъ коихъ 718,000 — коренная капитальная сумма, а остальное имѣющіе нарости проценты. Значить, во всякомъ случаѣ, за подрядъ заключено все ровно, что чистоганомъ около 720,000 руб. и не за весь срокъ подряда, а только за 4 года. Если разложить эти 720,000 руб. на 4 года, то окажется, что каждый годъ придется платить 180,000 руб.—обязанность страшно убыточная. Кромѣ того, нужно купить мельницу за 700,000 руб. съ процентами. Это послѣднее обстоятельство показалось Овсянникову чѣмъ то тяжелымъ, и потому онъ слова своего не исполнилъ. Онъ сознался въ этомъ на судѣ, онъ не опровергъ заявленія Кокорева. Но мало того, что Овсянниковъ не заплатилъ Кокореву за мельницу — онъ употребилъ еще, чтобы избавиться отъ платежа, то, что обыкновенно называютъ подвохомъ. Мельница дѣйствительно назначена была въ продажу и то со вторыхъ торговъ. Для продажи назначено очень раннее время—10 часовъ утра. Имѣлась въ виду привычка Кокорева, надежда на то, что онъ по обыкновенію опоздаетъ; явилось на торги 5 или 7 конкурентовъ, въ томъ числѣ и Овсянниковъ съ Левтѣевымъ. Овсянникову какъ будто бы и неприлично было торговаться, онъ и былъ то самое лицо, которое обѣщалось Кокореву взять мельницу за 700,000 руб. и уплатить ему по крайней мѣрѣ разницу въ 400,000 р. Между тѣмъ, онъ, Овсянниковъ, является главнымъ соискателемъ; остальные предлагаютъ за мельницу 50,000 руб., 60,000 руб., Овсянниковъ съ Левтѣевымъ повышаютъ цѣну до 100,000 р. и въ 108,000 руб. мельница записана за Овсянниковымъ. Я имѣю основаніе предполагать, что это не былъ настоящій торгъ, что не было серьезно торгую-

щихся. Посему я и не утверждаю, чтобы мельница обошлась въ дѣйствительности въ 108,000 р.; можетъ быть Овсянниковъ приплатилъ еще тѣмъ или другимъ изъ покушчиковъ, платя имъ отступныя. Во всякомъ случаѣ, досталась она ему очень дешево. Поступокъ Овсянникова невозможно признать честнымъ по отношенію къ Кокореву, такъ какъ Овсянниковъ былъ связанъ словомъ, которое онъ нарушилъ. Кокорева обѣхали; онъ мирится съ своимъ положеніемъ. Самъ виноватъ: оплошалъ, опоздалъ; дано за мельницу менѣе 200,000 руб., по крайней мѣрѣ на 400,000 руб. онъ вправѣ надѣяться, они ему слѣдуютъ по письменному условію; 400,000 р. вмѣстѣ съ уплоченными за мельницу 108,000 руб. составляютъ 508,000 руб. Кокоревъ будетъ наказанъ за свою оплошность только 192 тысячами. Кокоревъ обращается къ Овсянникову и говоритъ: заплатите мнѣ деньги по условію. «Грѣхъ пополамъ», отвѣчаетъ Овсянниковъ, возьмите 200,000 р., что и составитъ съ продажною цѣною 308,000 руб. вмѣсто 700,000! Предложеніе было слишкомъ тяжелое для Кокорева. Два подрядчика, недовольные другъ другомъ, разошлись и пошли каждый своею дорогою. И тотъ и другой не любятъ начинать процессы, неохотники ихъ вести. Кокоревъ совсѣмъ не юристъ, но тѣмъ не менѣе, по необходимости своего положенія, онъ обратился къ знатокамъ дѣлъ гражданскихъ, спеціалистамъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что хотя гражданскіе наши законы весьма неопредѣленны и неясны, но въ подмогу правому дѣлу въ нихъ всегда найдется подходящая статья, которая, бывъ примѣнена по совѣсти, поможетъ. Такая статья отыскалась. Наши судебные уставы не опредѣляютъ точно послѣдствій вторыхъ торговъ для залогодержателя. 1187 статья гласитъ, что въ случаѣ если не состоятся торги, не различая какіе: первые или вторые, то слѣдуетъ поступить по 1068 ст., а въ сей послѣдней статьѣ, между прочимъ, въ пунктѣ 4 оговорено, что залогодержатель можетъ оставить имущество за

собою. При неясности закона вслѣдствіе существованія этого пробѣла судъ можетъ прибѣгать ко II части X т. св. зак., гдѣ вопросъ этотъ разрѣшается въ пользу за, логодержателя. Руководствуясь этими соображеніями-около окружный судъ, а потомъ судебная палата признали за Кокоревымъ право взять на себя мельницу, превратить ее въ собственность. Двѣ судебныя инстанціи высказались въ пользу Кокорева. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы послѣдовала кассация: весьма малъ процентъ рѣшеній отмѣняемыхъ сенатомъ. Конечно, вопросъ продолжаетъ быть спорнымъ, т. е. такимъ, по которому и за и противъ можно подвести почти одинаковое число доводовъ, а нельзя даже опредѣлить на чьей сторонѣ преобладаютъ шансы на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, пройдетъ годъ, полтора, пока послѣдуетъ сенатское рѣшеніе, послѣ чего необходимо еще новое производство въ палатѣ, а между тѣмъ уже на первыхъ порахъ мельница ускользнула изъ рукъ Овсянникова и сдѣлалась собственностью Кокорева. Всякій неловкій поступокъ—поступокъ Овсянникова болѣе нежели неловкій—влечетъ за собою свои послѣдствія—вредъ для поступившаго неправильно. Тѣ отношенія, которыя существовали между Кокоревымъ и Овсянниковымъ, отношенія, основанныя на довѣрїи, испортились, сдѣлались неискрывными, по выраженію г. Савича. Соподрядчики, нельзя сказать, чтобы перессорились, переругались; нѣтъ, они продолжали видѣться другъ съ другомъ, какъ видятся вообще въ нашемъ обществѣ люди, которые не дерутся изъ за того, что одинъ сдѣлалъ другому пакость. Но отношенія эти настолько разстроились, что Кокоревъ не захотѣлъ уже имѣть никакого серьезнаго дѣла съ Овсянниковымъ. Таковъ былъ результатъ связи соподрядчиковъ въ концѣ 1874 года. Оставимъ ихъ и перейдемъ на минуту отъ этихъ натянутыхъ отношеній, весьма непрїятныхъ, къ операціямъ Овсянникова по его подряду. Онѣ начались въ 1872 году. Вы знаете, что Фейгинъ передалъ подрядъ на ходу, т. е. со всѣми

получками отъ правительства и со всѣмъ заготовленнымъ хлѣбомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми обязательствами платить за хлѣбъ и доставку. Разница была 833,000 руб. изъ 870 тыс. руб., итого 37,000 руб. въ пользу Овсянникова. Говорятъ, что онъ получилъ кромѣ того запасовъ, кулей, барокъ на 100,000 руб. Сомнѣваюсь, такъ какъ эти запасы не значатся по книгамъ Овсянникова. Во всякомъ случаѣ, этотъ убытокъ не очень большой; я его допускаю въ суммѣ 100 и 150,000 руб. Перехожу къ 1873 и 1874 годамъ. Въ 1873 году операція пошла уже въ большихъ размѣрахъ. Цѣны еще не стояли тогда высокія; это тотъ годъ, когда Овсянниковымъ производилась усиленная продажа хлѣба съ унжаковъ и барокъ. Это тотъ годъ, когда Рудометовъ былъ кореннымъ на баркѣ съ закрашенными клеймами казенными и былъ допрашиваемъ г. Висконти, когда до генерала Скворцова доходили слухи о злоупотребленіяхъ на Невѣ, которымъ былъ положенъ конецъ и были введены болѣе строгія правила надзора и контроля за доставкою хлѣба въ магазины. Въ 1874 году операція хотя по числу четвертей была меньше, всего въ 150,000, но за то куль муки обходился въ 8 руб. 31 к. Къ этому году преимущественно относятся тѣ большія замѣны ржи мукою, которые удостовѣрены экспертизою и на которые я ссылаюсь какъ на факты, принятые безъ опроверженія защитою. Оказалось, что книги Овсянникова содержатъ совершенно противное счетамъ интендантства. Счеты интендантства сами по себѣ совершенно правильны, но они вѣрны лишь настолько, насколько были вѣрны свѣдѣнія, которыя доставлялись интендантству со стороны Овсянникова. Интендантъ генералъ Скворцовъ зналъ только бумаги и, вращаясь только въ этомъ бумажномъ мірѣ, былъ глубоко убѣжденъ, что все обстоитъ какъ слѣдуетъ; между тѣмъ, совсѣмъ не то происходило въ дѣйствительности. Эта дѣйствительность изображается только книгами Овсянникова, которыя и послужили матеріаломъ

для экспертизы. Эта экспертиза раскрыла преинтересную вещь: что постоянно въ теченіи двухъ лѣтъ въ приходѣ значитъ меньше ржи, чѣмъ въ расходѣ. Такимъ образомъ, въ 1873 году приходъ ржи меньше расхода на 816 кулей; въ 1874 году эта разница минуса надъ плюсомъ доходить уже почти до 17,408 кулей. Въ то же самое время въ этомъ 1874 году привозъ муки имѣетъ перевѣсъ надъ вывозомъ. Суммы приходовъ и расходовъ ржи и муки за оба года изображаются цифрами — 26,991 ржи и + 25,540 муки. Обѣ цифры балансируются, покрываются почти одна другою и приводятся почти къ нулю; осталось непокрытымъ только — 1,451 куль, представляющіе разницу между остатками ржи и муки. Если станемъ изучать эти цифры, то необходимо придемъ къ заключенію, что рожь замѣнялась мукою, что то, чего по дѣйствительнымъ книгамъ Овсянникова не доставало по статьѣ ржи, дополнялось избыткомъ по статьѣ муки. Если къ результату счетной операціи — 1,451 четверть прибавить еще то, что открылось послѣ пожара, и что удостовѣрено экспертизою, т. е. что съ мельницы, съ которой нельзя продавать частнымъ лицамъ муку и рожь, такъ какъ онѣ были казенныя, — въ одномъ январѣ вывезено 1,829 кулей и продано 62 четверти ржи; если все это сложить, то и выйдетъ та цифра, которою окончательно заключается экспертиза, а именно 3,342 недостающихъ на мельницѣ четвертей или кулей. Вся эта махинація совершена во вредъ казнѣ, потому что изъ цѣлой исторіи подряда изъ всего существа отношеній выходитъ, что мельница существовала только для формы, что въ дѣлѣ порядка мельница была только помѣхою, что было очень выгодно поставлять хлѣбъ мукою и, наконецъ, что если рожь въ значительныхъ количествахъ замѣняема была мукою, то, конечно, не отъ иныхъ видахъ, какъ только для выгоды и пользы подрядчика. Это заключеніе подтверждается вполнѣ показаніемъ приказчика Морозова, которое превосходно уясняетъ, что счето-

водство на мельницѣ было двойное: что тамъ были счета настоящіе и другіе, фальшивые, и что эти послѣдніе вписывались въ книгу Квадри и изъ этой книги черезъ посредство писца Петрова, состоявшаго на жалованьѣ у Овсянникова, — передавались въ интендантство. Оказывается, что былъ извѣстный методъ въ поддѣлкѣ цифръ, что каждый приходъ 1,000 четвертей ржи, дѣйствительно ввозимыхъ на мельницу, записывался цифрою 1,200 или 1,300 кулей, а затѣмъ также и вывозъ 1,000 кулей муки также записывался вывозомъ въ 1,200 или въ 1,300 кулей. Такимъ образомъ, почти ежедневно 200 кулей показываются какъ будто бы перемолотыми на мельницѣ, тогда какъ они вовсе на ней не молоты. Такимъ образомъ, наконецъ, если по книгамъ за весь годъ значится перемолотыми 180,000 кулей, въ дѣйствительности выходитъ, что перемолото только 120,000 кулей, а остальные очевидно доставлены мукою низоваго помола.

И такъ несомнѣнно, что операціи подрядчика были несовсѣмъ добросовѣстны и чисты. Какой же общій результатъ подряда при этихъ несовсѣмъ чистыхъ операціяхъ? Былъ ли отъ нихъ Овсянниковъ въ барышѣ или въ убыткѣ? По этому предмету дали свое заключеніе эксперты по бухгалтеріи и контролю. Не принимая въ счетъ уплатъ Кокореву и Квожсо-камскому банку въ 755,000 руб., а съ процентами 782,000 руб., которые записаны въ этихъ книгахъ въ расходъ, — оказывается, что въ 1873 году Овсянниковъ имѣлъ барыша 451,263 р. 59¹/₂ к. Барышъ хорошій! Въ 1874 г. при меньшемъ нарядѣ на высокихъ цѣнахъ барышъ простирался до 376,721 руб. 18¹/₂ к. Цифры хорошія, доказывающія какая благодатная вещь казенный подрядъ, какъ выгодно имъ заниматься. Эти цифръ тѣмъ болѣе замѣчательны, что онѣ изображаютъ чистую прибыль, за вычетомъ издержекъ, а эти издержки или расходы были весьма значительны у Овсянникова. Сверхъ обыкновенныхъ, Овсянниковъ издерживалъ еще экстренно много денегъ. И все-таки, не смотря на эти расходы,

барышъ былъ таковъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ Овсянниковъ почти уплатилъ весь свой долгъ волжско-камскому банку, г. Кокореву и непогашенными осталось только 50,000 руб., перенесенныхъ на 1875 годъ. Общій ходъ предпріятія могъ только радовать подрядчика, до того онъ былъ успѣшенъ. Но при этой неудачѣ набѣгали и тучи на ясный небосклонъ, которыя заставляли Овсянникова призадуматься и которыя стали стекаться особенно къ концу 1874 года. Овсянниковъ ходатайствовалъ въ 1874 году о передачѣ ему подряда Малкиеля по новгородской, олонецкой и петербургской губерніямъ. Но интендантъ, генераль Сквиорцовъ, отказалъ ему въ этомъ, пользуясь безотчетно предоставленною ему одному на то властью. Овсянниковъ предложилъ морскому министерству заключить съ нимъ такой же долгосрочный контрактъ, какъ и съ военнымъ министерствомъ, съ тѣмъ, чтобы перемалывать хлѣбъ для флота, когда мельница будетъ свободна отъ перемола муки для военнаго интендантства. Но въ этомъ предложеніи онъ потерпѣлъ въ 1874 году отказъ. Отношенія Овсянникова къ окружному интендантству становились холоднѣе и сдѣлались таковы, что Овсянниковъ не могъ рассчитывать ни на какія послабленія и отступленія отъ контракта, что и тѣ продѣлки, которыя дѣлались и до нынѣ, стануť обнаруживаться. Положеніе подрядчика становилось непрочнымъ. Но самая грозная туча изъ набѣгающихъ заключалась въ испорченныхъ отношеніяхъ Овсянникова къ Кокореву. Близился кризисъ, долгосрочный контрактъ могъ ускользнуть изъ его рукъ. Вы знаете, что Кокоревъ почти противъ воли ввязался въ мельницу. Сначала онъ предлагалъ Овсянникову всѣ льготы, всѣ условія, чтобы только отъ него избавиться. Но когда онъ убѣдился, что Овсянникову вѣрить больше нельзя, тогда у Кокорева, какъ чело-вѣка коммерческаго, явилась мысль: отчего же не воспользоваться выгодами своего положенія? Положеніе его, какъ собственника мельницы, безвыгодно только

до срока контракта, когда за аренду причитается всего 1000 р. Но оно могло сдѣлаться блистательнымъ и завиднымъ по истеченіи срока контракта, потому что мельница есть магнитъ, притягивающій подрядъ. Если подрядъ зависитъ отъ мельницы и обусловливается обладаніемъ ею, то понятно, что, безъ труда и хлопотъ, сойдясь съ контрагентомъ, внушающимъ болѣе довѣрія, чѣмъ Овсянниковъ, напр. съ Малкіелемъ, или кѣмънибудь другимъ,—Кокоревъ могъ получить преспокойно за мельницу 100 и 150 т. р. и даже больше въ годъ. Могли быть и другія соображенія у Кокорева. Онъ финансистъ, вниманіе его къ своему интересу было возбуждено вслѣдствіе столкновенія съ Овсянниковымъ; явился аппетитъ на то, чтобы поживиться. Съ Овсянниковымъ онъ уже не могъ болѣе сойтись. При такомъ условіи Овсянниковъ, какъ человѣкъ со сметкой (а ему въ большомъ умѣ нельзя отказать), не могъ не сдѣлать слѣдующаго разчета, который бы представился каждому въ его положеніи: еще два года и подряду конецъ; надо все предпріятіе раскассировать и подумать о другомъ. Учрежденіе большаго предпріятія влечетъ за собою большіе расходы. Хорошо еще, если дѣло подряда будетъ продолжаться такимъ образомъ и порядкомъ какъ въ 1873 и 1874 годахъ; но оно можетъ измѣниться, потому что цѣны, назначенныя на будущій годъ, менѣе выгодны, нежели прежнія казенныя. Цѣна муки была 8 р. 31 коп., а на 1875 годъ назначена всего въ 7 р. 25³/₄ коп. Но положимъ, что при этой цѣнѣ барышъ будетъ одинаковый, что если въ два года 1873 и 1874 Овсянниковъ имѣлъ барыша около 700 т. р., то и въ другіе два 1875 и 1876 получится еще столько же, т. е. 700 т. р., изъ которыхъ надо будетъ, уплатить 50 т. р. на погашеніе долга Кокореву. Если эти 700 т. или 600 т. р. раскинуть на всѣ четыре года подряда выйдетъ всего то на все барыша какіенибудь 150 т. р. за весь трехмилліонный подрядъ. Стоило ли трудиться изъ за такой ничтожной наживы, связываться и во-

зяться съ интендантскими чиновниками. Всякій трудъ требуетъ платы, а плата вышла бы чрезмѣрно малая. И такъ лучше бы какъ нибудь освободиться отъ этой злополучной мельницы. Злополучной называлъ ее Кокоревъ, злополучной она была и для Овсянникова. Пропавши она—у него въ карманѣ будетъ вѣрный и большой барышъ, все сбереженіе отъ помола, всѣ тѣ выгоды, ради которыхъ, во избѣжаніе снабженія войскъ мукою низоваго помола, министерство пришло къ изобрѣтенію фейгинскаго контракта и создало мельницу. Независимо отъ сего истребленіе мельницы пожаромъ или инымъ случаемъ услужило бы еще въ другомъ отношеніи: оно выкинуло бы изъ дѣла одного изъ опасныхъ конкурентовъ. Только вслѣдствіе обладанія мельницею Кокоревъ имѣетъ такой перевѣсъ надъ Овсянниковымъ, только вслѣдствіе этой мельницы онъ держитъ Овсянникова нѣкоторымъ образомъ въ вассальной отъ себя зависимости. Въ концѣ подряда, еслибы Кокоревъ потребовалъ даже болѣе 700,000 р., то все-таки надо будетъ заплатить ему эту сумму. Если Овсянниковъ вступилъ въ этотъ подрядъ за 755,000 р., то для возобновленія подряда онъ не пожалѣлъ бы конечно дать даже и большую сумму; но, при испорченныхъ отношеніяхъ съ Кокоревымъ, трудно съ нимъ поладить. Онъ не согласится дѣйствовать съ Овсянниковымъ заодно, а предпочтетъ союзъ съ другимъ предпринимателемъ. Тогда всѣ надежды Овсянникова пропали бы. Но какъ только мельница будетъ уничтожена, шансы уравниваются; Кокоревъ останется съ грудкою развалинъ на рукахъ. Онъ не специалистъ по части мельницъ; можетъ быть въ настоящее время онъ и капитала соответствующаго не имѣетъ на возобновленіе мельницы; во всякомъ случаѣ, пока она выстроится, пройдетъ 1875 годъ, а можетъ быть и 1876 годъ. Безъ мельницы подъ условіемъ ея выстройки можно состязаться какъ съ Кокоревымъ, такъ и съ другими лицами, которыя явятся по приглашенію интендантства.

И такъ ясно, несомнѣнно и достовѣрно, что въ томъ, чтобы мельница исчезла, Овсянниковъ имѣлъ громадный матеріальный интересъ. Чтоже изъ этого слѣдуетъ? что онъ и сжегъ мельницу? Нѣтъ, господа присяжные, такъ заключать еще нельзя. Изъ одного того, что человѣку выгодно что нибудь сдѣлать, нельзя еще безошибочно вывести, что онъ это и сдѣлалъ. Я постарался въ первой части моей рѣчи поставить одинъ устой—фактъ поджога. Я старался во второй поставить другой столь же прочный устой—наличность громаднаго интереса для Овсянникова въ существованіи мельницы. Оба факта были выведены. Недостаетъ для переправы чрезъ рѣку построить мостъ, соединивъ посредствомъ арки одинъ быкъ съ другимъ. Почему же и не построить этотъ мостъ? Что препятствуетъ? Могла бы препятствовать прошедшая жизнь Овсянникова. Но за Овсянниковымъ не имѣется этой чистой жизни прошлой; его сила одни только миліоны, только то, что онъ воплощенный капиталъ. Свои миліоны этотъ человѣкъ сложилъ по мелочамъ, копѣйка за копѣйкой. При своихъ миліонныхъ операціяхъ онъ не перестаетъ заниматься копѣчными. Вспомните его переговоры съ агентомъ страховаго общества Скворцовымъ. На Овсянниковѣ лежала по контракту въ отношеніи къ Фейгину обязанность застраховать мельницу въ 700,000 р.; 20 дек. 1873 г. онъ подалъ въ варшавское общество объявленіе, послѣ чего торговался изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей вышей или низшей преміи вплоть до 4 февраля 1874 года. Втеченіи болѣе нежели 2-хъ мѣсяцевъ мельница оставалась совсѣмъ не застрахованною. Сгорѣла она—тогда Овсянниковъ долженъ въ силу контракта заплатить 400,000 р. Онъ ими рисковалъ, можно сказать, изъ-за копѣйки. Итакъ именно вслѣдствіе прошлой жизни Овсянникова можно мостъ строить, перекинуть арку съ устоя на устой. Какимъ образомъ строить? Доказавъ, что видѣли и слышали какъ Овсянниковъ склонялъ къ поджогу Левтѣева и Рудометова? Господа, поджога никогда теперь такъ не до-

казывается. Поджогъ дѣлается скрытно, осторожно; нѣтъ почти случаевъ, чтобы поймана была поджигающая рука. Но мы давно разстались съ тѣмъ порядкомъ судопроизводства, когда для уличенія человѣка въ поджогъ необходимо было застать его съ горящей головешкой. Поджоги, которые нынѣ разсматриваются въ окружномъ судѣ, рѣшаются обвиненіемъ не на томъ основаніи, чтобы былъ накрытъ на самомъ дѣйстви поджигатель и не на томъ даже, чтобы была обнаружена непрерывно связанная цѣпь обстоятельствъ, соединяющихъ совершенно видимою связью замысль съ исполненіемъ,—замысль Овсянникова, его энергически работающую мысль въ домѣ на Калашниковской пристани съ рукою, которая подложила огонь—обвиненіе и не думаетъ доказывать, что оно можетъ установить такую непрерывную цѣпь. Но для достиженія обвиненія достаточно средства попроче. Достаточно доказать фактами во 1-хъ, что этотъ поджогъ былъ напередъ предусмотрѣнъ, во 2-хъ, что устранены были всѣ препятствія къ его совершенію, въ 3-хъ, что тотчасъ послѣ совершенія протягивалась рука, чтобы на свѣжемъ пепелищѣ получить золотой плодъ отъ совершившагося истребленія мельницы огнемъ. Эти факты есть на лицо и обрисовываютъ довольно рельефно, что я и стараюсь доказать въ третьей и послѣдней части моей рѣчи.

Въ этой части, какъ и въ предыдущей, уликъ немного, но онѣ крупныя и нельзя ихъ разшатавъ. Прежде всего доказательствомъ, что пожаръ явился не спроста, не отъ случая, представляется прекращеніе работъ безъ причины за два дня до пожара. Эта улика разобрана уже прокуроромъ. Я ссылаюсь на его соображенія, чтобы ихъ не повторять. Я не вижу возможности объяснить это обстоятельство. Работъ прекращать не слѣдовало, войска не были обезпечены мукою, 50 четвертей оставались неперемолотыми, генераль Сквиорцовъ никогда бы на приостановку работъ не согласился. Остановку работъ дѣлають хитро, заявляютъ только рабочимъ, а интендант-

ство узнаеть о томъ только на слѣдующій день послѣ пожара, изъ рапорта Квадри, который принесенъ былъ тожько вечеромъ послѣ пожара, въ воскресенье 2 числа. Рапортъ гласилъ, что работы приостановлены вслѣдствіе порчи котловъ. Но это неправда, порча отрицается и механикомъ Кильпіо и вообще всѣми свидѣтелями. Въ прежніе года, когда нужно было по соображеніямъ хозяина остановить дѣйствія мельницы, по крайней мѣрѣ сочиняли какой нибудь предлогъ. Вспомните, какъ въ 1874 году, когда нужно было остановить мельницу, нарядили Карлсона сочинить искусственную порчу машинъ. Въ первоначальномъ своемъ показаніи на предварительномъ слѣдствіи Карлсонъ сказалъ, что поломалъ зубья въ шестернѣ нарочно для того, чтобы машина не шла. На судебномъ слѣдствіи онъ измѣнилъ это показаніе отзывомъ, что ломалъ только негодныя зубья въ шестернѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и теперь передъ вами призналъ, что при закрытіи работъ вмѣсто новой шестерни поставлена старая никуда негодная по той причинѣ, какъ удостовѣряеть Зоммеръ, что какія то лица должны были придти посмотрѣть дѣйствительно ли есть порча снарядовъ на мельницѣ. Такъ бывало въ прежніе годы. Въ настоящемъ 1875 году причина остановки мельницы даже не сочинена; мельница остановилась такъ, безъ всякой причины. Этого спокойствія передъ необходимымъ приходомъ интендантскихъ чиновниковъ для ревизіи, которая не могла не обнаружить годности котловъ по крайней мѣрѣ еще на полгода, нельзя ничѣмъ инымъ объяснить, какъ только тѣмъ, что на мельницѣ въ понедѣльникъ нечего будетъ свидѣтельствовать. Другая улика, состоящая изъ множества мелкихъ обстоятельствъ—это тѣ приготовления, которыя предшествовали огню. Усиленная, тревожная дѣятельность проявляется въ послѣднее время на мельницѣ. Вывозятъ хлѣба много; однимъ частнымъ лицамъ продано 1829 кулей, какъ видно изъ акта экспертизы. Въ это время отъ вахтеровъ различныхъ магазиновъ

писалось къ прикащикамъ Овсянникова о томъ, что нужно увеличить число лошадей для вывоза. По всей вѣроятности количество оставшейся на мельницѣ муки было гораздо меньше того, которое показано по книгамъ Морозова и Квадри, а именно меньше 13,955 кулей. Муку эту осматривалъ Кузнецовъ до пожара. Теперь онъ опредѣляетъ наличную муку въ магазинѣ въ 4,000 кулей; у судебного слѣдователя онъ показывалъ, что было ея 8,000 кулей. Если вычестъ эти 8,000 изъ 13,955, останется больше 5,000 кулей. Это опредѣленіе количества хлѣба сдѣлано Кузнецовымъ по глазомѣру. Но оно отчасти совпадаетъ съ показаніемъ мельника Зоммера. Зоммеръ говоритъ, что когда онъ увѣзжалъ въ четвергъ изъ Петербурга, передъ самою остановкою работъ, въ 3-хъ этажахъ магазиннаго отдѣленія были: въ одномъ отъ 3,000 до 3,500 кулей, въ другомъ—около того же, а въ третьемъ еще менѣе. Такимъ образомъ и по показанію Зоммера далеко до 14,000 кулей. Морозовъ тоже удостовѣряетъ, что муки было менѣе 13,955 кулей слишкомъ на 1,000 кулей. Я полагаю, что вся мука, которой не доставало противъ записанной въ книгахъ цифры 13,955, составляла частную прибыль Овсянникова. Я вполне схожусь въ мнѣніи съ товарищемъ прокурора, что всѣ 13,955 кулей по книгѣ представляютъ собою муку казенную. Она была незастрахована; если она сгорѣла, то убытокъ отъ этого несла одна казна, которой было не накомъ возмѣстить этотъ убытокъ. Если потомъ была поставлена Овсянниковымъ другая мука взамѣнъ сгорѣвшей—то на то была его добрая воля, это былъ даръ, приношеніе интендантству въ виду ожидаемаго новаго долгосрочнаго подряда. Притомъ это приношеніе было сдѣлано условно; Овсянниковъ могъ просто сказать: я не плачу за эту муку; и не заплатилъ бы, потому что по контракту онъ не боится муки на мельницѣ. Генераль Скворцовъ утверждалъ предъ вами, что не изъ словъ, а изъ сокровеннаго смысла контракта, какъ онъ

его понимаетъ, Овсянникову все таки пришлось бы поставить муку вмѣсто сгорѣвшей. Но въ опроверженіе г. Скворцова я ссылаюсь на официальную бумагу его же, г. Скворцова, въ которой онъ пишетъ судебному слѣдователю, что по контракту на Овсянниковѣ лежала обязанность страховать хлѣбъ на пути и въ магазинахъ, но не на мельницѣ. И такъ мука эта не подлежала страхованію, она была казенная, показано ея было около 14000 кулей. Г. Овсянниковъ имѣлъ полную возможность не платить за эту муку; каждые 1000 кулей, взятые изъ счета, были 1000 кулей, идущіе въ личную прибыль Овсянникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ и другую прибыль. Оставалось 50000 четвертей неперемолотой ржи въ казенныхъ магазинахъ. Эта рожь была тотчасъ же продана Овсянниковымъ и продана выгодно. Наконецъ, кромѣ распоряженій по вывозу муки, кромѣ распоряженія, чтобы какъ можно умалить число кулей дѣйствительно оставшихся на мельницѣ, противъ цифры 13955, къ числу приготовленій я отношу тѣ факты, которые я уже разбиралъ, когда доказывалъ поджоги мельницы. Такъ я не могу упустить изъ виду: выпуска воды изъ трубъ и бака и то множество мелкихъ особенностей, которыя придаютъ огню на мельницѣ чрезвычайно подозрительный характеръ, наконецъ, въ третьихъ, немедленно послѣ пожара Овсянниковъ напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы получить долгосрочный подрядъ. Будь въ положеніи Овсянникова каждый изъ насъ, онъ бы счелъ первымъ дѣломъ опредѣлить свои убытки, сосчитать свою потерю и разграничить свой интересъ отъ казеннаго. Онъ бы разсудилъ такъ: во 1-хъ, ставить другую муку, вмѣсто сгорѣвшей, на мельницѣ нѣтъ никакого законнаго основанія, а во 2-хъ, что, такъ какъ на случай пожара мельницы, предусмотреннаго въ 4 пунктѣ контракта, постановлена поставка муки вмѣсто уже изготовленной и отчасти оплоченной ржи, то возникаетъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ о томъ, какъ сдѣлаться съ каз-

ною послѣ пожара. Возвратить ли задатки, полученные на рожь, перенести ли ее на муку? Кто долженъ нести убытки, какіе можетъ понести поставщикъ на массѣ ржи, которая ему уже теперь не годится. вмѣсто расчетовъ, вмѣсто всякаго уясненія спорныхъ пунктовъ Овсянниковъ является безпредѣльно податливымъ подрядчикомъ, муку ставитъ вмѣсто сгорѣвшей безпрекословно, наряды и приказанія исполняетъ безпрекословно и только требуетъ долгосрочнаго подряда на болѣе выгодныхъ для себя, нежели Фейгинскій контрактъ, основаніяхъ. Онъ поставилъ новую муку въ количествѣ 13,955 кулей, но онъ вовсе не сказалъ, что онъ эту муку ставитъ безвозмездно, что онъ не потребуеъ цѣну ея, если ему не дадутъ долгосрочнаго подряда. Онъ ежеминутно могъ потребовать плату за эту муку въ случаѣ отказа въ долгосрочномъ подрядѣ. Я кончилъ. Я изложилъ вамъ, гг. присяжные, мой взглядъ, мое убѣжденіе. Ваше дѣло оцѣнить достаточными тѣ факты, которые извѣстны вамъ, для того, чтобы вывести заключеніе о виновности Овсянникова. Но если вы внутренно убѣдились въ необходимости вывести подобное заключеніе, если оно вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ фактовъ, то на васъ лежитъ несомнѣнная гражданская обязанность сказать: «да, подсудимый Овсянниковъ виновенъ».

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Овсянниковъ былъ признанъ виновнымъ въ поджогѣ, по предварительному соглашенію, мельницы и по приговору суда лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Страховыя общества «Варшавское» и «Якорь» признаны необязанными платить страховыя преміи за сгорѣвшую мельницу Кокорева. Въ удовлетвореніе же иска Кокорева признано взыскать 700 тыс. рублей. Осужденію за поджегъ подверглись также Левтѣевъ и Рудометовъ.

Кассационная жалоба Овсянникова была оставлена сенатомъ безъ послѣдствій.

Дѣло о банкирѣ К., обвинявшемся въ истязаніи своей семилѣтней дочери.

Дворянинъ Stanislaw J. K., 29 лѣтъ, опредѣленіемъ С.-Петербургской судебной палаты отъ 13 ноября 1875 г., былъ преданъ суду С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, лѣтомъ 1875 г., сознательно и намѣренно подвергалъ свою малолѣтнюю дочь Марію истязаніямъ, заключающимся въ многократномъ нанесеніи такихъ побоевъ, которые оставляли послѣ себя синяки, и неоднократнымъ, жестокимъ, мучительнымъ и продолжительнымъ наказаніямъ розгами, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ 1489 и 1492 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ 1-омъ отдѣленіи СПб. окруж. суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 23 января 1876 г.

Гг. присяжные засѣдатели!

Хотя мы люди обстрѣленные и привыкшіе къ подобнымъ настоящему состязаніямъ, но когда принимаешь къ сердцу дѣло, которое защищаешь, то невольно боишься и беспокоишься. Я не стану скрывать, что я испытываю теперь подобнаго рода чувство: я боюсь, гг. присяжные засѣдатели, не опредѣленія судебной палаты, не обвиненія г. прокурора, которое хотя весьма серьезно и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, и сдержанно—я боюсь отвлеченной идеи, призрака, боюсь, что преступленіе, какъ оно озаглавлено, имѣетъ своимъ предметомъ слабое, беззащитное существо. Самое слово «истязаніе ребенка», во первыхъ, возбуждаетъ чувство большого состраданія къ ребенку, а во вторыхъ—чувство такого же сильнаго негодованія въ отношеніи къ тому, кто былъ его мучителемъ. Я, гг. присяжные, не сторонникъ розги, я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена, тѣмъ не менѣе, я также мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, какъ мало ожидаю, чтобъ перестали суды дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеній той правды, которая должна существовать, какъ дома въ семьѣ, такъ и въ государствѣ. Въ нормальномъ порядкѣ вещей употребляются нормальныя мѣры. Въ настоящемъ случаѣ была употреблена мѣра, несомнѣнно ненормальная; но если вы вникнете въ обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, если вы примете въ соображеніе натуру дитяти, темпераментъ отца, тѣ дѣли, которыя имъ руководили при наказаніи, то вы многое въ этомъ случаѣ поймете, а разъ вы поймете—вы оправдаете, потому что глубокое пониманіе дѣла непремѣнно ведетъ къ тому, что весьма многое объяснится и покажется естественнымъ, нетребующимъ уголовного противодѣйствія. Такова моя задача: объяснить случай. Я постараюсь передать обстоятельства дѣла такъ, какъ они были, ничего не увеличивая и не уменьшая. Я долженъ начать, гг. присяжные засѣдатели, съ того романа, которому обязана дѣвочка своимъ существованіемъ.

К.—сынъ извѣстнаго богача. Самъ онъ не имѣетъ никакого состоянія, лично ему принадлежащаго, и вполнѣ зависитъ отъ отца, человѣка весьма уважаемаго, но и весьма строгаго, воспитавшаго дѣтей въ суровой школѣ подчиненія. Въ 1863 году подсудимый, окончивъ гимназію, поступилъ въ варшавскій университетъ въ

самое время смуть, когда вся почти молодежь поголовно волновалась; во избѣжаніе опасности, отецъ услалъ его за границу въ Брюссель. Это заграничное воспитаніе сдѣлало то, что К. — почти иностранецъ, то есть, хотя онъ русскій подданный, уроженецъ царства польскаго, но онъ болѣе нѣмецъ, и еще болѣе французъ. Изъ Брюсселя К. возвратился въ Варшаву въ 1867 году, кончилъ курсъ въ главной школѣ со степенью магистра правъ, что соотвѣтствуетъ нашему кандидатскому диплому; потомъ отправился вновь за границу для большаго усовершенствованія въ наукахъ въ университетахъ: боннскомъ и гейдельбергскомъ. Въ этотъ промежутокъ времени, между Брюсселемъ и Бонномъ, во время бытности въ Варшавѣ въ 1867 году, онъ сошелся съ женщиной, старше его лѣтами, вдовой, имѣющей дѣтей. Женщина эта понимала, что они не соотвѣтствовали другъ другу по лѣтамъ, что родители К. никогда не согласятся на бракъ. Она сама взяла починъ въ размовкѣ. К. и не подозрѣвалъ, что она отъ него беременна. Онъ былъ сильно огорченъ, скучалъ и искалъ какого-нибудь развлеченія, какого-нибудь поприща для дѣятельности. Когда началась франко-прусская война, онъ отправился во Францію, вступилъ въ ряды французской арміи, участвовалъ въ 23-сраженіяхъ, получилъ орденъ почетнаго легіона, дослужился до чина подпоручика и вышелъ въ отставку, уже по окончаніи войны. Пережитое заставило его забыть о женщинѣ, которую онъ когда то любилъ. Въ 1872 году онъ встрѣтился съ нею въ Варшавѣ, когда она уже была замужемъ; тутъ онъ узналъ, что есть ребенокъ, ему принадлежащій, въ Женевѣ. Рожденіе этого ребенка сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: беременная мать желала, натурально, чтобъ рожденіе не огласилось; она отправилась за границу и разрѣшилась въ Женевѣ. По тамошнимъ законамъ, ребенокъ, когда онъ незаконный, записывается на имя матери, а на имя отца только тогда, когда отецъ на лицо и признаетъ ребенка. Мать

не могла взять ребенка съ собою и оставила его на попеченіи у крестьянъ за денежное вознагражденіе. Такъ какъ сама она вышла вторично замужъ, то между нею и ребенкомъ воздвигнулась какъ бы каменная стѣна, недопускающая ни малѣйшей возможности, чтобъ когда-нибудь эта мать могла приласкать свое дитя, или, чтобъ дитя могло ее отыскивать. Когда К. узналъ, что ребенокъ живъ, то онъ тотчасъ возымѣлъ твердое намѣреніе найти его и обезпечить. Спрашивается: какимъ образомъ? Рѣшеніе этого вопроса во многомъ зависитъ отъ законовъ, подъ которыми живетъ человѣкъ; законы, въ свою очередь, дѣйствуютъ на нравы; съ другой стороны, и нравы отражаются въ законахъ. Ни въ одномъ отношеніи, можетъ быть, взаимодѣйствіе законовъ и нравовъ не проявляется такъ сильно, какъ въ отношеніяхъ родителей къ незаконнымъ дѣтямъ. Возьмите нашъ бытъ. Законъ строгъ къ незаконнорожденнымъ: они не имѣютъ никакихъ правъ и даже не опредѣлено — есть ли надъ ними власть отеческая. Какъ же приходится устраивать родителямъ незаконныхъ дѣтей? Если у родителей сердце сколько-нибудь суровое, если имъ не понутру отдать дитя въ воспитательный домъ, то единственный способъ устроить ребенка заключается въ деньгахъ: отдать дитя куда-нибудь на сторону на воспитаніе, посмотрѣть за нимъ тайкомъ безъ свидѣтелей, не давая ребенку узнать, чей онъ; если и допускаются изліянія нѣжности, то только секретно, безъ свидѣтелей. Таково отношеніе, которое необходимо вытекаетъ изъ существующей системы законодательства; эта система не можетъ не дѣйствовать на нравы, т. е. родители, зная, что они не могутъ сдѣлать для ребенка ничего болѣе, успокоиваются въ совѣсти своей, когда исполнили все, что допускается закономъ, когда дали ребенку денегъ въ видѣ приданого, когда отдали его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Но, гд. присяжные засѣдатели, въ предѣлахъ нашей имперіи есть страна—царство польское, имѣющая свои

особые законы. Когда царство польское было Княжеством варшавскимъ, тогда тамъ введенъ былъ, въ 1808 году, кодексъ Наполеона. Кодексъ этотъ, въ 1825 году, въ царствованіе Александра I-го, переделанъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, которыя касаются правъ семейственныхъ, именно въ книгѣ 1-й и въ книгѣ 3-й. Это изданіе кодекса 1825 года дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Въ томѣ 19 «Дневника Законовъ» содержится законъ 1836 года, по которому семейственныя права жителей царства польскаго и опредѣляются законами царства, когда эти жители переселяются въ предѣлы російской имперіи. Кодексъ 1825 года устанавливаетъ между родителями и незаконными дѣтьми слѣдующія отношенія; по статьѣ 101-й отецъ можетъ во всякое время признать ребенка своимъ; это дѣлается посредствомъ отмѣтки имени отца на реестрѣ гражданскаго состоянія. Вслѣдствіе этого признанія, по ст. 303-й, родитель беретъ на себя юридическую обязанность воспитать, содержать и устроить ребенка, т. е. то самое, чѣмъ отецъ обязанъ и въ отношеніи къ законнымъ дѣтямъ. По ст. 756-й и послѣдующимъ такой ребенокъ участвуетъ даже въ наслѣдствѣ послѣ родителей на слѣдующихъ основаніяхъ: при законныхъ дѣтяхъ онъ получаетъ $\frac{1}{3}$ часть того, что получаютъ законныя дѣти; при братьяхъ или родителяхъ умершаго незаконныя дѣти наслѣдуютъ $\frac{1}{2}$; при болѣе дальнихъ родственникахъ $\frac{3}{4}$. Если нѣтъ въ виду правильныхъ наслѣдниковъ, они получаютъ все состояніе. Этимъ правамъ, конечно, соотвѣтствуетъ и власть родителей надъ дѣтьми. Власть эта двоякая: она выражается, во-первыхъ, въ опеку, которая принадлежитъ матери; если же мать не можетъ быть опекуной, то отцу; во-вторыхъ, въ правѣ наказывать дѣтей. Сверхъ того, есть статья 339-я, которая чрезвычайно важна и значеніе которой я позволю себѣ объяснить вамъ; она заключается въ слѣдующемъ: родители, недовольные поведеніемъ дѣтей, могутъ ихъ наказывать способами, не вредящими здоровью и не препятствующими успѣхамъ въ

въ наукахъ. За злоупотребленіе этою властью родителями дѣлается внушеніе въ присутствіи гражданскаго трибунала первой инстанціи при закрытыхъ дверяхъ и проч....

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не касаться наказанія? Вы можете сослаться на законъ, но не говорить о наказаніи.

Прис. пов. Спасовичъ. Это не наказаніе; это только мѣра, предоставляемая гражданскому суду по гражданскому кодексу. Я долгомъ считаю заявить, что по ст. 339-й, никакого наказанія не полагается за превышеніе власти наказывать, а только у родителей можетъ быть отнята власть родительская и дѣти переданы другому лицу на воспитаніе за счетъ родителей. К. — магистръ правъ: онъ зналъ свои законы, онъ понималъ, что можетъ сдѣлать для дитяти и захотѣлъ сдѣлать самое бѣльшее, что только можетъ дѣлать по закону. Онъ обратился за совѣтомъ къ женевскимъ юристамъ, которые посоветовали ему отмѣтить въ регистрѣ признаніе имъ дитяти. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобъ сдѣлать признаніе посильнѣе, чтобъ признаніе его имѣло силу и дѣйствіе въ предѣлахъ царства польскаго. Конечно, онъ очень хорошо понималъ, что у него еще нѣтъ своего собственнаго состоянія. Но, давая свое имя ребенку, онъ былъ увѣренъ, что если его постигнетъ несчастье, то родители и родственники позаботятся о дѣвочкѣ, носящей имя К., что, въ крайнемъ случаѣ, дочь его будетъ принята въ одно изъ правительственныхъ воспитательныхъ заведеній Франціи, какъ дочь кавалера почетнаго легіона. К. взялъ дѣвочку отъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ она воспитывалась и гдѣ не могла получить никакого образованія, и отдалъ ее въ домъ, который казался ему наибѣлье приличнымъ, къ пастору де-Комба, жена котораго была крестною матерью дѣвочки. Такъ прошли года 1872, 1873 и 1874 до начала 1875 года. Втеченіи этихъ лѣтъ, произошли нѣкоторыя перемѣны въ наглѣреніяхъ, въ занятіяхъ и въ положеніи К.

Есть люди, которые по натурѣ своей болѣе склонны къ жизни семейной; есть люди, которые могутъ прожить цѣлый вѣкъ холостяками. К. именно принадлежитъ къ людямъ перваго ряда, которыхъ такъ и клонить къ браку; онъ чуть-чуть не женился въ 1872 году; въ 1873 году также имѣлъ намѣреніе, но партія разстроилась, и сильнѣйшимъ препятствіемъ было то, что онъ заявилъ о существованіи натуральной дочери; вторымъ препятствіемъ былъ отецъ К., который никакъ не позволилъ бы, чтобъ бракъ устроился безъ его участія и соизволенія. Въ Парижѣ К. познакомился съ дѣвицей Жезингъ. Когда ему предстояла поѣздка въ Петербургъ на 1874 годъ, въ городъ совершенно чужой, гдѣ онъ былъ бы совершенно одинокъ, онъ принялъ предложеніе Жезингъ поѣхать съ нимъ и взять ее съ собою. Вы могли оцѣнить насколько г-жа Жезингъ походить или не походить на женщинъ полусвѣта, съ которыми завязываются только летучія связи. Конечно, она не жена К., но ихъ отношенія не исключаютъ ни любви, ни уваженія. Вы видѣли, безсердечна ли эта женщина къ ребенку и любитъ ее или нѣтъ ребенокъ. Она желала бы сдѣлать ребенку всякое добро. Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ противъ подсудимаго, даже самыхъ неблагопріятныхъ, напримѣръ, Титовой нѣтъ ни слова противъ г-жи Жезингъ. Въ 1874 году они пріѣхали въ Петербургъ, въ 1875 году г-жа Жезингъ заболѣла; она сильно привязалась къ подсудимому и сама стала напрашиваться: «возьмите дитя, будетъ и вамъ и мнѣ веселѣе; я буду ухаживать за нимъ, воспитывать его», К. не имѣлъ еще въ то время опредѣленнаго намѣренія взять ребенка, но рѣшился захватить въ Женеву посмотреть... Въ Женевѣ онъ былъ пораженъ: ребенокъ, котораго онъ посѣтилъ неожиданно, въ неуказанное время, былъ найденъ одичалымъ, не узналъ отца. Воспитаніемъ его К. былъ недоволенъ и тутъ-же расплатился съ мадамъ де-Комба, послѣ чего привезъ ребенка въ Петербургъ. Они пріѣхали 28 апрѣля; нѣкоторое

время они жили въ гостинницѣ Демуть, потомъ устроились въ городѣ и наконецъ въ іюнѣ переѣхали на дачу. Весь май К. былъ занятъ дѣлами одной желѣзной дороги, которая не давала ему ни минуты досуга. На дачѣ произошло событіе, которое дало начало дѣлу. Причины этого событія собрались разныя, внутреннія и внѣшнія, заключавшіяся какъ въ ребенкѣ, такъ и въ отцѣ, а равно и въ различныхъ вліяніяхъ на ребенка. Прежде чѣмъ я перейду къ изложенію причинъ катастрофы 25-го іюля, я долженъ разобрать точнѣе самъ внѣшній фактъ, за который судится К.—фактъ побоевъ дѣвочки, удостовѣряемый какъ вещественными доказательствами, такъ и свидѣтельскими показаніями. Знаки, бывшіе предметомъ изслѣдованія, можно подраздѣлить на знаки на лицѣ, знаки на рукахъ и конечностяхъ, знаки на заднихъ частяхъ тѣла и пятна крови на бѣльѣ. Каждый изъ этихъ слѣдовъ надо разобрать отдѣльно, и прежде всего *знаки на лицѣ*. Когда пристально взглядишься въ лицо ребенка, то это лицо точно исписано по всѣмъ направленіямъ тонкими шрамами, прикрытыми въ иныхъ мѣстахъ волосами, такъ что они едва—едва замѣтны. Знаки эти г. Чербишевичъ призналъ неизгладимыми на лицѣ обезображеніями, съ чѣмъ я только тогда могъ бы согласиться, если бъ каждый человекъ ходилъ вооруженный двумя микроскопами. Такъ какъ дѣвочку свидѣтельствовали вслѣдствіе сѣченія розгами, то натурально должно было явиться предположеніе, не отъ сѣченія ли произошли и знаки на лицѣ. Я думаю, что именно эта идея и была неволью усвоена свидѣльствовавшими врачами, особенно г. Чербишевичемъ, сдѣлалась предвзятою идеею и помѣшала изслѣдованію. Акты освидѣтельствованія надобно разбирать отдѣльно, потому что они между собою не сходятся. Если ихъ скучить вмѣстѣ, какъ это сдѣлано въ обвиненіи, то выходитъ какъ будто нѣчто связаное, но если ихъ разобрать отдѣльно, то видно, что каждый изъ изслѣдовавшихъ врачей тянулъ въ иную сторону, такъ что въ

заключеніяхъ они расходились на неизмѣримое разстояніе. Г. Чербишевичъ, разобравъ знаки на лицѣ, раздѣлилъ ихъ, во-первыхъ, на бѣлые шрамы, рубцы; во-вторыхъ, на пятна желтобурыя и желтаго цвѣта, и втретихъ, на струпя. Рубцы на лѣвомъ вѣкѣ и лѣвой щекѣ онъ призналъ единственными знаками, которые можно отнести къ давнему времени. Онъ усмотрѣлъ желтыя и желтобурыя пятна, но не багровыя и не си-небагровыя. Я долженъ замѣтить, что подобныхъ синихъ и багровыхъ пятенъ ни одинъ изъ докторовъ не находилъ. Желтыя и желтобурыя пятна г. Чербишевичъ отыскалъ на вискѣ во всю его длину, на носу, на правой щекѣ, а струпя оказались въ ноздрѣ и подъ носомъ. Всѣ эти знаки и струпя были признаны недавними. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ, по мнѣнію Чербишевича, весьма характеристичны, какъ несомнѣнно происходящіе отъ розогъ, именно: рубчики продольныя, параллельныя по всей длинѣ носа. Таково было заключеніе доктора Чербишевича, видѣвшаго дѣвочку 31-го іюля. Дней черезъ десятокъ, дѣвочку свидѣтельствовали вчетверомъ: онъ же и еще трое. Заключеніе вышло совершенно иное. Нѣкоторые изъ тѣхъ знаковъ, которые г. Чербишевичъ признавалъ недавними, отнесены къ весьма давнимъ; такъ, напримѣръ, желтое пятно на вискѣ превратилось въ рубецъ съ перламутровымъ отливомъ, образовавшійся никакъ не раньше полугода, т. е. когда дѣвочка совсѣмъ не была еще въ Петербургѣ. Знаки на переносѣ также отнесены болѣе, чѣмъ за полгода назадъ. Ни одинъ изъ знаковъ на лицѣ не признанъ характеристичнымъ слѣдомъ отъ розогъ; одинъ только маленькій значекъ на щекѣ замѣченъ профессоромъ Флоринскимъ, какъ могшій произойти отъ розогъ, но и то не съ достовѣрностью. Не смотря на то, что вторая экспертиза была умѣреннѣе и осторожнѣе первой, она, все-таки, заходила слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ, что служить только доказательствомъ, какъ трудно объяснять про-

исхожденіе поврежденій по одному внѣшнему виду, а не на основаніи фактическихъ данныхъ. Доктора, осматривавшіе дѣвочку 11-го августа, предполагали, что розовые знаки на носу и щекахъ возникли недавно, между тѣмъ, впоследствии узнано отъ супруговъ де-Комба, Женни Гексъ и доктора Фоконэ, что каждому изъ всѣхъ этихъ знаковъ, не исключая рубцовъ на носу и щекахъ, три или четыре года. Такимъ образомъ, что касается знаковъ на лицѣ, то изъ нихъ нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что онъ произошелъ отъ удара, нанесеннаго отцомъ. Остается открытымъ вопросъ о пощечинахъ и о тѣхъ синякахъ, которые были, можетъ быть, послѣдствіемъ пощечинъ. К. давалъ пощечины ребенку; это вѣрно, онъ самъ признаетъ, что ударилъ дѣвочку по лицу раза три или четыре. Я признаю, что пощечина не можетъ считаться достойнымъ одобренія способомъ отношенія отца къ дитяти. Но я знаю также, что есть весьма уважаемая педагогика, напимѣръ, англійская и нѣмецкая, которая считаетъ ударъ рукой по щекѣ нисколько не тяжелѣе, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе сѣченія розгами. Причины, почему пощечина считается особенно обиднымъ ударомъ, кроются въ нравахъ, въ прошедшемъ. Слѣдя въ исторіи за возникновеніемъ этого понятія, мы отыщемъ его въ тѣ времена рыцарскія, когда рыцари ходили въ шлемахъ съ забраломъ, когда ударить ихъ по лицу въ обыкновенномъ ихъ нарядѣ было невозможно, а подобные удары сыпались только на смердовъ, на вилановъ. Разбирая власть родительскую, трудно сказать, чтобъ она не доходила ни въ какомъ случаѣ до пощечины. Отъ посторонняго человѣка ударъ по лицу можетъ сдѣлаться кровною обидой, но не отъ отца. Я полагаю, что вы не можете признать мученіемъ или истязаніемъ пощечинъ, если эти пощечины не произвели видимыхъ поврежденій на лицѣ. Спрашивается: какія были послѣдствія отъ ударовъ по лицу? Въ настоящемъ случаѣ оставляли

ли они пятна или синяки на лицѣ? Еслибъ даже отъ нихъ оставались пятна, то вы слышали показаніе профессора Корженевскаго о томъ, какъ эта дѣвочка расположена къ золотухѣ и какъ при золотушномъ сложеніи, при избыткѣ лимфы, самый легкій ударъ, щипокъ, простой нажимъ производятъ пятна на тѣлѣ. Вы слышали, что знаки на локтяхъ образовались почти несомнѣнно только отъ того, что ее держали за руки при наказаніи. И такъ, синяки могли произойти и отъ слабыхъ ударовъ. Но я не вижу основанія для признанія, что синяки существовали. Кто о нихъ говоритъ? Титова; но и она не видѣла синяковъ ни въ городѣ, ни на дачѣ, до 25-го іюля; она ихъ усмотрѣла будто бы только послѣ 25-го іюля. замѣтите, гг. присяжные, что Аграфена Титова та женщина, которая, вмѣстѣ съ Бибиной, понесла розги и оубле къ судебному слѣдователю; онѣ вмѣстѣ дѣйствовали, онѣ вмѣстѣ возбудили преслѣдованіе противъ К. Еслибъ эти синяки были, то ихъ видѣлъ бы кто-нибудь, кромѣ Титовой. Вспомните показанія свидѣтелей Ковалевскаго, Воловскаго, Линна, которые отвергаютъ существованіе синяковъ. Прокуроръ, чтобъ ослабить показаніе Линна, ставитъ на видъ, что Линнъ не замѣтилъ шрама на вискѣ; значитъ, онъ не внимательно относился къ дѣвочкѣ; но, гг., вѣдь шрамъ подъ волосами; замѣтить его можно только усиленно вглядываясь и отвернувъ волосы. Послѣ сѣченія, на слѣдующій день, въ субботу, 26-го іюля, у К. была гувернантка, г-жа де-Горне, дававшая уроки дѣвочкѣ и ничего похожаго на синяки не замѣтившая. Но, говорятъ, сама г-жа Жезингъ, не отрицала синяковъ на показаніи, данномъ у слѣдователя, и только теперь показываетъ противное. Я полагаю, что изъ двухъ ея показаній скорѣе можно не вѣрить тому, которое дано ею на предварительномъ слѣдствіи; правда, ей переводилъ г. слѣдователь, но, во-первыхъ, она, вѣроятно, также волновалась, какъ и теперь, то есть, была въ нервномъ состояніи, нерасполагающемъ къ то-

му, чтобы взвѣшивать слова, которыя ей читали. Вотъ которыхъ, я не могу не сказать, что это слѣдствіе немного мусировано, что выведены въ немъ такія обстоятельства, которыя теперь значительно ступевались. Вотъ почему, я полагаю, что синяки на лицѣ не доказаны даже и по показанію Жезингъ. Перехожу къ знакамъ на рукахъ и на ногахъ; эти знаки произошли просто отъ того, что ребенка держали во время наказанія. Слѣдуютъ затѣмъ знаки крови на рубахѣ и платкахъ. Кровь эта произошла самымъ естественнымъ образомъ: отъ кровотеченія изъ носу. Рубашка совершенно чиста съ задней стороны, только на груди есть нѣсколько капель; новые платки тоже усѣяны каплями. Очевидно, между кровью на рубахѣ и на платкахъ, есть прямая, непосредственная связь. Быть можетъ, пощечины ускорили изліяніе этой крови изъ струпа золотушнаго въ ноздрѣ, но это вовсе не поврежденіе: кровь безъ раны и ушиба вытекла бы немного позже. Такимъ образомъ, кровь эта не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы расположить противъ К. Въ ту минуту, когда онъ нанесъ ударъ, онъ могъ не помнить, могъ даже не знать, что у ребенка бываетъ кровотеченіе изъ носу. Всѣ данныя о кровотеченіи собраны уже впоследствии, когда слѣдствіе началось. Остаются знаки на заднихъ частяхъ тѣла. Знаки эти были изслѣдованы трижды: разъ, 29-го іюля, г. Лансбергомъ, во второй разъ, 5-го августа, однимъ г. Флоринскимъ и 11-го августа четырьмя докторами, въ томъ числѣ и, Лансбергомъ и Флоринскимъ. При всей неблагопріятности для К. мнѣнія г. Лансберга, я для защиты К. заимствую многія данныя изъ его акта, отъ 29-го іюля. Г. Лансбергъ положительно удостовѣрилъ, что на заднихъ частяхъ тѣла дѣвочки не было никакихъ рубцовъ, никакихъ разсѣченій кожи, а только темнагобровья подкожныя пятна и таковыя же красныя полосы. Пятенъ этихъ всего болѣе было на лѣвой сѣдалищной области съ переходомъ на лѣвое же бедро.

Не найдя никакихъ травматическихъ знаковъ, никакихъ даже царапинъ, г. Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что полосы и пятна не представляютъ никакой опасности для жизни. Черезъ шесть дней потомъ, 5-го августа, при осматриваніи дѣвочки профессоромъ Флоринскимъ, онъ замѣтилъ не пятна, а только полосы—однѣ поменьше, другія побольше; но онъ вовсе не призналъ, чтобы эти полосы составляли поврежденіе, сколько-нибудь значительное, хотя и призналъ, что наказаніе было сильное, особенно въ виду того орудія, которымъ наказывали дитя. При освидѣтельствованіи 11-го августа четырьмя докторами, они нашли на ягодицахъ розовую кожицу со слѣдами отъ отвалившихся струпьевъ, изъ чего можно бы было заключить о существованіи ранъ, еслибъ мы не имѣли акта освидѣтельствованія дѣвочки 29-го іюля Лансбергомъ, изъ котораго несомнѣнно явствуетъ, что никакихъ ранъ не было. Происхожденіе этихъ струпьевъ всего лучше объяснилъ профессоръ Корженевскій, изобразившій ихъ какъ мѣстное омертвеніе кожи, которая сходила и замѣнялась новою. Это поврежденіе кожи было самое поверхностное, наружное; но, при организаціи ребенка, при множествѣ лимфатическихъ сосудовъ, сѣченіе непременно должно было оставить видимые слѣды. Таково заключеніе г. Корженевского. Что касается вопроса о томъ, было-ли въ настоящемъ случаѣ сильное наказаніе, то, мнѣ кажется, г. экспертъ вполне основательно сказалъ: это не мое дѣло разбирать — было-ли оно сильное или нѣтъ. Самъ вопросъ оказывается не медицинскимъ, а педагогическимъ, и для разрѣшенія его посредствомъ экспертовъ, надо-бы не медиковъ, а инспекторовъ и учителей гимназій. Медикъ не можетъ опредѣлить ни предѣловъ власти отца, ни силы неправильнаго наказанія. Знаки на заднихъ частяхъ происходятъ несомнѣнно отъ розогъ. Эти розги здѣсь; онѣ были сорваны за нѣсколько дней до наказанія К., который хотѣлъ ими напугать ребенка, потому что тѣ мѣры, ко-

торыя употреблялъ до сихъ поръ, не производили надлежащаго впечатлѣнія на дитя. Срывая эти рябиновыя прутья, онъ, быть можетъ, не зналъ, что придется ихъ въ самомъ дѣлѣ употребить. Потомъ явилась минута гнѣва, совершенно справедливаго и законнаго, и наказаніе было произведено. Мнѣ кажется, что изъ всего слѣдствія вы не можете придти къ другому заключенію, какъ къ тому, что этимъ орудіемъ онъ наказывалъ свою дочь только разъ. Онъ самъ говоритъ, что наказалъ ее раза три въ промежуткахъ времени, дозволено значительныхъ, маленькими вѣтками, которыя не могли оставить знаковъ. Наказаніе сильное, за которое судится К., наказаніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, какъ говоритъ обвинительная власть, было только 25-го іюля. Что это было только одно наказаніе, подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. О предшествующихъ наказаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Только одна Бибина говоритъ, что дѣвочку сѣкли каждый день; но это опровергается всѣми данными, опровергается Валевскимъ, который слышалъ плачь 3 или 4 раза, опровергается г-жею Жезингъ, всѣми находившимися въ домѣ, и несомнѣнно достаточно только взглянуть на ребенка, на его здоровый видъ, чтобы убѣдиться, что еслибы его сѣкли каждый день въ теченіи полутора мѣсяца, то дѣвочка не могла-бы быть въ такомъ видѣ. Она часто кричала на дачѣ; но она кричать горазда, она кричитъ, когда ее ставятъ въ уголъ или на колѣни. Никто не присутствовалъ при этихъ наказаніяхъ. Титова участвовала въ наказаніи только одинъ разъ, именно 25-го іюля. Чтобы покончить съ внѣшнею стороною преступленія, мнѣ остается остановиться на тѣхъ окончательныхъ выводахъ, выраженныхъ въ ученыхъ терминахъ, которые даны были гг. экспертами. Г. Лансбергъ заключилъ, что онъ считаетъ поврежденія, хотя и не угрожающими жизни, но, все-таки, *тяжкими*. Когда мы спросили, почему онъ называетъ эти поврежденія тяжкими, онъ отозвался,

что называетъ ихъ такъ по внутреннему убѣжденію, по своему субъективному взгляду, что онъ вовсе не руководствовался XIII-мъ томомъ «Свода Законовъ», притомъ, что онъ дѣлалъ судебно-медицинское освидѣтельство первое въ жизни. Между тѣмъ, едва-ли нужно доказывать, что признакъ *тяжкій* не въ такой степени субъективенъ, какимъ представляетъ его Лансбергъ, что онъ не зависитъ отъ личнаго взгляда, что есть нѣкоторыя общія основанія раздѣленія поврежденій—на тяжкія и легкія. На эти основанія указали профессора Флоринскій и Корженевскій. Если ткань повреждена, повреждена глубоко, тогда это будетъ тяжкое поврежденіе; въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Кассационная судебная практика, на которую ссылается обвиненіе, истолковала для руководства судамъ, что считать тяжкими и легкими поврежденіями. Оказывается, что эти слова не медицинскія, а юридическія, что разграниченіе введено въ законъ для того, чтобы взыскивать строго или менѣе строго; изъ закона оно входитъ въ судебную медицину, и медики, слушая курсъ судебной медицины, изучаютъ, между прочимъ, и основанія сортировки поврежденій на тяжкія и легкія. Въ классическомъ по предмету поврежденій рѣшеніи 1872 года, № 1072-й, по дѣлу Локтева, уголовного кассационнаго департамента сказано, что характеристическая черта тяжкихъ поврежденій заключается въ томъ, что такія поврежденія причиняютъ болѣзнь, продолжительное разстройство организма, невозможность работать въ теченіи извѣстнаго времени. Спрашивается: имѣется-ли этотъ признакъ въ настоящемъ случаѣ? Нѣтъ, его вовсе не было, его не было до такой степени, что дѣвочка на слѣдующій день играла, отбывала урокъ и никто не замѣчалъ въ ней какихъ-нибудь измѣненій; врачи, наблюдавшіе ее 29-го и 31-го іюля, не находили въ ней никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Самъ г. Лансбергъ совершилъ, по моему мнѣнію, отступленіе, потому что, написавъ въ актѣ «поврежденія тяж-

кія», разъяснил на судѣ, что тяжкимъ разумѣль онъ не поврежденіе, а только наказаніе; словомъ, онъ вступилъ въ роль педагога, который оцѣниваетъ относительную тяжесть дѣтскихъ наказаній. Я думаю, что какъ ни разбирать дѣло, все-таки, по совѣсти вы непременно придете къ тому заключенію, что поврежденія были, во всякомъ случаѣ, весьма легкія. Легкія поврежденія даже и не подходятъ подъ область дѣяній, подсудныхъ окружному суду: онѣ рѣшаются на основаніи мирового устава. Въ послѣдующихъ освидѣтельствваніяхъ, врачи, давая другія заключенія, опредѣлили эти поврежденія слѣдующимъ образомъ: они говорятъ, что это наказаніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Это опредѣленіе было-бы прекрасно, если-бы мы опредѣлили, что такое обыкновенное наказаніе; но коль скоро этого опредѣленія нѣтъ, то всякій затруднится сказать, выходило-ли оно изъ ряда обыкновенныхъ? Допустимъ, что это такъ; что-же это значитъ? что наказаніе это, въ большинствѣ случаевъ, есть наказаніе, непримѣнимое къ дѣтямъ; но и съ дѣтьми могутъ быть чрезвычайные случаи. Развѣ вы не допускаете, что власть отеческая можетъ быть, въ исключительныхъ случаяхъ, въ такомъ положеніи, что должна употребить болѣе строгую мѣру, чѣмъ обыкновенно, мѣру, которая не похожа на тѣ обыкновенныя мѣры, какія употребляются ежедневно? Но допустимъ, что гг. эксперты, предрѣшшая уголовный вопросъ, пришли къ выводу, что г. К. во зло употребилъ отеческую власть. Въ такомъ случаѣ, судите его за злоупотребленіе властью. Но онъ судится за нѣчто совершенно иное — онъ судится за истязанія и мученія, причиненныя дитяти. Чтобы понять, откуда идетъ такая постановка обвиненія, я долженъ коснуться закона и опять той-же уголовной кассационной практики, на которой останавливается и обвиненіе. Въ законѣ специально, по предмету побоевъ въ ст. 142-й уст. о наказ. нал. мир. суд., опредѣляются насилія, вмѣщающія въ себѣ также и

легкіе побои; но затѣмъ въ уложеніи о наказаніяхъ есть на этотъ счетъ громаднѣйшій пробѣлъ и говорится уже только о тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности побояхъ и иныхъ истязаніяхъ, въ статьѣ 1489-й. Между этими видами преступленія, очевидно, есть промежутокъ и промежутокъ большой, потому что не всякіе тяжкіе побои подвергають жизнь опасности. Бывали, между тѣмъ, случаи, когда наказывать, какъ за насиліе, представлялось бы страннымъ. Въ Тифлисѣ одинъ кавказскій князь высѣкъ больно чиновника, ухаживающаго за его женой; въ Рязани или Курскѣ товарищи отодрали подпоручика; мужъ Высоцкой мучилъ свою жену, надѣвъ на нее петлю, послѣ чего тянулъ за веревку и привязалъ эту веревку къ столу. Во всѣхъ такихъ случаяхъ не было никакой опасности для жизни, тѣмъ не менѣе, наказаніе, какъ за насиліе, было бы безсиліемъ власти. Вотъ почему сенатъ истолковалъ такимъ образомъ ст. 1489-ю, что прилагательное «подвергающія жизнь опасности» относится только къ побоямъ, а вовсе не къ истязаніямъ и мученіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, сенатъ понялъ, что понятіе истязанія и мученія слишкомъ неопредѣленное. Если я ущипну кого-нибудь, если я сожму ему сильно руку и устрою такъ, что человѣкъ ляжетъ въ кровать, наполненную насѣкомыми, и не будетъ спать всю ночь, если я другую [какую-нибудь маленькую пакость сдѣлаю, то развѣ можно признать тутъ истязаніе или мученіе? Поэтому то, правительствующій сенатъ, въ тѣхъ же рѣшеніяхъ, на которыя ссылается обвинительная власть, опредѣлили, такимъ образомъ, съ другой стороны, что подъ истязаніемъ и мученіемъ слѣдуетъ разумѣть такое посягательство на личность или на личную неприкосновенность человѣка, которое сопровождалось мученіемъ и жестокостью. При истязаніяхъ и мученіяхъ, по мнѣнію сената, физическія страданія должны непременно представлять высшую, болѣе продолжительную степень страданія, чѣмъ при обыкновенныхъ побояхъ, хотя бы и тяжкихъ. Если побои нельзя

назвать тяжкими, а истязанія должны быть тяжелѣе тяжкихъ побоевъ, если ни одинъ экспертъ не назвалъ ихъ тяжкими, кромѣ Лансберга, который самъ отказался отъ своего вывода, то, спрашивается, какимъ образомъ можно подвести это дѣяніе подъ понятіе истязаній и мученій? Я полагаю, что это не мыслимо.

Я, гг. присяжные засѣдатели, до сихъ поръ занимался только одною стороною дѣла, которая для васъ представляетъ гораздо менѣе важности, чѣмъ другая сторона, сторона внутренняя, чѣмъ мотивы, заставившіе К. дѣйствовать. Я знаю, что сенатъ въ своемъ рѣшеніи, на которое сослался представитель обвиненія, говорить, что цѣль собственно не важна, лишь бы только мученія были тяжкія и продолжительныя; я полагаю, что еслибъ судился здѣсь передъ вами тотъ самый человекъ, ради котораго было постановлено это рѣшеніе, т. е. тотъ самый князь кавказскій, который высѣкъ предполагаемаго любовника жены, то вы, все-таки, приняли бы въ соображеніе то обстоятельство, была ли злоба со стороны мучителя совершенно напрасная изъза одного удовольствія смотрѣть на чужія страданія, или гнѣвъ былъ справедливый, имѣвшій разумную причину. Это внутреннее побужденіе, эта жестокость не только страданія, но и жестокость сердца мучителя имѣють громадное значеніе, когда судится отецъ за то, что онъ жестоко наказалъ дочь—значить, что онъ употребилъ мѣру домашняго исправленія въ увеличенныхъ размѣрахъ. Спрашивается: была ли причина къ употребленію этой чрезвычайной мѣры? Слѣдовательно, главный вопросъ заключается не въ тѣхъ синякахъ и полосахъ на тѣлѣ, о которыхъ удостовѣряли свидѣтели, а въ соответствіи между причиною, вызвавшею наказаніе, и самымъ наказаніемъ. Если вы войдете въ разборъ этихъ причинъ, то, я полагаю, вы пожалѣете дочь, пожалѣете также и отца.

Дѣвочка, какъ вы могли видѣть сами, необыкновенно шустрая, необыкновенно понятливая, живая, вспыхивающая какъ порохъ, съ сильнымъ вообра-

женіемъ, развитая физически хорошо; правда она имѣетъ нѣкоторое расположеніе къ золотухѣ, но вообще здоровье ея въ цвѣтущемъ состояніи. Эта хорошая сторона какъ физическая, такъ и нравственная; но есть и тѣневая, нехорошая сторона, зависящая отчасти и отъ воспитанія. Она воспитывалась между мужицкими дѣтьми безъ присмотра; у де-Комба ее не перевоспитали; когда отецъ привезъ ее къ себѣ, онъ нашелъ въ ней много недостатковъ: неопрятность, неумѣнье держать себя, начатки болѣзни отъ дурной привычки, но главное, что возмущало отца—это постоянная, даже безцѣльная ложь. Правильно или неправильно, но К. считаетъ, что ложь есть мать всѣхъ пороковъ и что всѣ недостатки людей, главнымъ образомъ, происходятъ отъ того, что они неправдивы. Для него правдивость есть абсолютная обязанность безъ исключеній. Въ письмѣ, написанномъ въ іюлѣ 1871 года, къ г-жѣ де Комба задолго до того, какъ онъ взялъ дочь, онъ выражается, что ложь есть подлость ума и сердца (*lâcheté de coeur et d'esprit*). Вотъ почему, съ первыхъ же поръ К. прежде всего старался искоренить этотъ порокъ лжи, быть можетъ, онъ принялся искоренять его слишкомъ рьяно—онъ плохой педагогъ, это онъ самъ сознаетъ. Дѣвочка, между тѣмъ, не слушается, не боится ни отца, ни Жезингъ, мало слушается и гувернантокъ. Еще пока были въ городѣ, все устраивалось какъ нибудь; но перѣехали на дачу и всѣ условія воспитанія перемѣнились къ худшему. Дача лежала между Удѣльною станціей и Парголовомъ, совершенно уединенная; отецъ пріѣзжаетъ только по вечерамъ, уѣзжаетъ утромъ; Жезингъ женщина больная, занятая леченіемъ, мало подвижная. Ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, заводитъ съ ними знакомство и подпадаетъ подъ дурное вліяніе прислуги, научается разнымъ пакостямъ, воровству. Сначала эти маленькія похищенія проходятъ незамѣтными, подозрѣваютъ другихъ, но не ее въ тасканіи вещей, замѣчаютъ только, что ребенокъ

одичалъ и выбивается изъ рукъ. Отецъ высѣкъ ее легко раза два или три, но это совсѣмъ не дѣйствовало: дѣвочка къ сѣченію привыкла еще у де-Комба. 25-го іюля пріѣзжаетъ отецъ на дачу и въ первый разъ узнаетъ сюрпризомъ, что ребенокъ шарилъ въ сундукъ Жезингъ, сломалъ крючекъ и добирался до денегъ. Я не знаю, господа, можно-ли равнодушно относиться къ такимъ поступкамъ дочери? Говорятъ: «за чтожь? развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ черносливу, сахару?» Я полагаю, что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога. Это тоже самое, что привычка лгать: разъ она укоренилась, она растетъ все болѣе и болѣе, какъ тотъ дивій репейникъ, который покрываетъ поля, если его не искоренять и не полоть.

Когда обнаружилась эта дурная привычка, присоединившаяся ко всѣмъ другимъ недостаткамъ дѣвочки, когда отецъ узналъ, что она воруетъ, онъ, дѣйствительно, пришелъ въ большой гнѣвъ. Я думаю, что каждый изъ васъ пришелъ бы въ такой же гнѣвъ, и я думаю, что преслѣдовать отца за то, что онъ наказалъ больно, но по дѣломъ, свое дитя—это плохая услуга семьѣ, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ. Благо отцу, который остановитъ свое дитя вовремя; въ прежнее время говорили: «онъ избавляетъ сына отъ висѣлицы»—мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что отецъ избавляетъ сына отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а дочь отъ того, чтобы она не сдѣлалась распутною женщиною. Если отецъ вознегодовалъ, онъ былъ совершенно въ своемъ правѣ, онъ высѣкъ ее больно, сильнѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно; онъ былъ выведенъ изъ себя, послѣ чего онъ зарыдалъ и упалъ на постель въ нервномъ припадкѣ. Послѣ этого кризиса, явившагося слѣдствіемъ такихъ естественныхъ причинъ, нѣтъ никакого основанія выводить заключеніе, которое дѣлается въ настоящемъ

дѣлѣ, что, еслибъ такое наказаніе повторялось чаще, и въ продолженіи болѣе долгаго времени, то оно могло бы вредно подѣйствовать на здоровье ребенка. А еслибъ оно не повторялось? Вѣдь тоже самое можно сказать и о всякомъ приѣмѣ; не дать человѣку ѣсть въ теченіи 6 часовъ ничего не значитъ, но не дать ему ѣсть въ теченіи 6-ти дней, значитъ заморить его голодомъ; вырвать одинъ зубъ ничего, а вырвавъ всѣ зубы въ челюсти можно умертвить человѣка отъ одной боли. Слѣдовательно, такое заключеніе, что, еслибъ подобное наказаніе было помножено на многое число разъ, то оно произвело бы такіе то результаты, въ настоящемъ дѣлѣ ни къ чему не ведетъ, не имѣетъ никакого практическаго значенія и должно быть совсѣмъ устранено.

Я признаю, гг. присяжные засѣдатели, что К., наказывая дѣвочку сильно, больно, такъ что остались видны слѣды наказанія, совершилъ двѣ логическія ошибки, которыя отразились въ самомъ поступкѣ: во-первыхъ, онъ поступилъ слишкомъ рьяно; онъ предполагалъ, что можно однимъ разомъ, однимъ ударомъ искоренить все зло, которое посѣяно годами въ душѣ ребенка и годами взрощено. Но этого сдѣлать нельзя, надо дѣйствовать медленно, имѣть терпѣніе. Другая ошибка, что онъ дѣйствовалъ не какъ осторожный судья, т. е., что, поймавъ ребенка на кражѣ, въ которой она созналась, онъ не вошелъ въ изслѣдованіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя склонили дѣвочку къ кражѣ; онъ не разслѣдовалъ порядкомъ того, что отъ дѣвочки идетъ слѣдъ къ окружающимъ ее лицамъ; онъ просто спросилъ, почему и для кого она брала деньги. Дѣвочка отвѣчала упорнымъ молчаніемъ; потомъ уже, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она рассказала, что хотѣла взять деньги для Аграфены. Еслибъ онъ разслѣдовалъ болѣе подробно обстоятельство кражи, онъ, быть можетъ, пришелъ бы къ тому заключенію, что ту порчу, которая вкралась въ дѣвочку, надо отнести на счетъ людей, къ ней приближенныхъ. Самое молчаніе дѣвочки свидѣтельство-

вало, что ребенокъ не хотѣлъ выдавать тѣхъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Но странна природа человѣческая; всѣ въ домѣ убѣждены, что, все-таки, послѣднее наказаніе хорошо подѣйствовало на ребенка; несмотря на то, что слѣдствіе поколебало отеческую власть К., наказаніе произвело то дѣйствіе, что она меньше лжетъ и есть надежда, что она придетъ къ большому и большому исправленію.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что, по моему мнѣнію, все обвиненіе К. поставлено совершенно неправильно, т. е. такъ, что вопросовъ, которые намъ будутъ предложены, совсѣмъ рѣшать нельзя. Я полагаю, вы всѣ признаете, что есть семья, есть власть отеческая по природѣ, а въ настоящемъ случаѣ и по закону, простирающаяся и на дѣтей незаконныхъ; вы признаете, что родители имѣютъ право и наказывать своихъ дѣтей. Я думаю, вы не можете отрицать и того, что ваша власть здѣсь на судѣ происходитъ изъ того же источника—вы производите тоже въ своемъ родѣ тѣлесное наказаніе, въ иной формѣ, соответственное болѣе зрѣлому возрасту. Слѣдовательно, отрицать власть отеческую, отрицать право наказывать такъ, чтобъ это наказаніе подѣйствовало, вы не можете, не отрицая тѣмъ самымъ своей собственной власти, власти уголовной. Отецъ судится за что же? За злоупотребленіе властью; спрашивается: гдѣ же предѣлъ этой власти? Кто опредѣлитъ, сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ, неповреждающій при этомъ наказаніи организма дитяти? Еслибъ это было злоупотребленіе, то вы должны судить за излишекъ, за эксцесъ. Если вы судите человѣка, который, защищаясь при необходимой оборонѣ, нанесъ безъ надобности ударъ нападающему, убилъ его, развѣ вы будете судить его за убійство? Нѣтъ, вы будете судить только за эксцесъ. Если вы будете судить за обиду сильнѣйшую, которую человѣкъ нанесъ другому, обидѣвшему его, вы вычтете ту послѣднюю обиду, которую онъ самъ получилъ изъ

первой; но, въ настоящемъ случаѣ, отъ васъ требуютъ, чтобъ вы наказывали не по разницѣ, а по суммѣ, наказывали бы не за злоупотребленіе власти, не за то, что это наказаніе вышло за предѣлы обыкновеннаго, а за истязаніе, совершенное постороннимъ надъ взрослымъ человѣкомъ. Если вы вдумаетесь въ эту странную постановку вопроса, вы, гг. присяжные засѣдатели, должны будете сказать, что въ такихъ предѣлахъ вы наказывать не можете. Разъ будетъ поставленъ вопросъ объ излишкѣ, вы разрѣшите его, но если васъ заставить судить о суммѣ, вопросъ становится неразрѣшимымъ. Если вы станете разрѣшать вопросъ о суммѣ, то вы поступите болѣе неосмотрительно, чѣмъ поступилъ К., наказывая свою дочь. К., по крайней мѣрѣ, зналъ какія розги онъ связалъ въ пучекъ, которымъ онъ наказывалъ, и наказалъ, все-таки, такъ, что на здоровье дѣвочки это не подѣйствовало; но вы не знаете размѣра того большого, можетъ быть, желѣзнаго прута...

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не упоминать относительно наказанія?

Прис. пов. Спасовичъ. Я кончилъ.

Присяжные вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

Дѣло поручика Всеволода Крестовскаго.

Поручикъ Всеволодъ Крестовскій обвинялся въ томъ, что 4-го апрѣля 1875 г., явившись въ квартиру присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго, нанесъ ему съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ обиду дѣйствиємъ. Проступокъ этотъ предусмотрѣнъ 135 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд. и 272 и прилож. къ 8 ст. воен. уст. о наказ. 1875. г.

Разбирательство дѣла происходило въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ 29 марта 1876 г.

Гг. судьи военно-окружнаго суда! Судебные уставы 20-го ноября 1864 г., организовавъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, возложили на нихъ всякаго рода повинности: во 1-хъ, безвозмездное ходатайство по дѣламъ гражданскимъ для лицъ неимущихъ и во 2-хъ, безвозмездную защиту по дѣламъ уголовнымъ подсудимыхъ, которые не могли лично найти себѣ защитника. Это такая же служба, какъ воинская повинность; ее можно исполнять двояко, какъ казенщину, формально, или съ усердіемъ, влагая душу въ дѣло, употребляя всѣ усилія, чтобъ подѣйствовать на умъ и сердце судей. Я полагаю, что только тотъ, кто исполняетъ эту обязанность послѣднимъ изъ двухъ способовъ, заслуживаетъ, чтобъ его уважали, и конечно, когда кому защитникъ понадобится, а онъ можетъ понадобиться всякому, то поже-

даютъ найти только такого защитника, который бы не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между дѣломъ, назначеннымъ ему отъ суда по повинности, и дѣломъ, защищаемымъ имъ по соглашенію. Одно изъ такихъ дѣлъ выпало на долю присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго— защита жены поручика Крестовскаго. Вслѣдствіе этой защиты и по поводу ея было совершено нападеніе Крестовскаго на Соколовскаго, сопровождаемое тяжкими оскорбленіями. Оправданія, которыя, вѣроятно, будутъ приведены, могутъ заключаться только въ вспышкѣ гнѣва, въ увлеченіи чувства: хотя и имѣло мѣсто то, что по закону считается оскорбленіемъ, но то, что позволилъ себѣ Крестовскій въ квартирѣ Соколовскаго, извиняется страстью; военный человѣкъ особенно чутокъ ко всему, что касается чести и въ особенности чести сословной; онъ можетъ быть оправданъ. Если его даже осудятъ на одинъ, на два дня ареста, онъ будетъ считать осужденіе торжествомъ. Не для того, чтобъ помѣшать торжеству Крестовскаго и не для того, чтобъ сказать нѣчто о мѣрахъ наказанія, явились мы сюда, но для того, чтобъ возстановить истину, раскрывая событіе въ настоящемъ его видѣ. Постараюсь доказать, что ничего подобнаго вспышкѣ гнѣва не было; что Крестовскимъ въ его дѣйствіяхъ руководилъ самый холодный расчетъ; что если репутація его пострадала, то вовсе не отъ того, что говорилъ Соколовскій; что послѣдній тутъ былъ не причемъ; что на Соколовскомъ вымещалась та досада, которая была послѣдствіемъ факта, а не словъ Соколовскаго; что въ самомъ способѣ возстановленія репутаціи Крестовскаго посредствомъ насилія и побоевъ не было ни малѣйшей удали и ничего похожаго на геройство!

Также какъ и г. прокуроръ, я разберу факты, изъ которыхъ состоитъ настоящее разбирательство, и обращу вниманіе на дѣло о прелюбодѣянніи, разсматривавшееся 1-го апрѣля, давшее поводъ къ происшествію, случившемуся 4-го апрѣля въ квартирѣ Соколовскаго. Что касается до дѣла г-жи Крестовской и Майкова, то,

по разсужденію г. предсѣдателя, оно должно оставаться тайною; намъ не позволяли приподнимать скрывавшую его занавѣсъ. Изъ тѣхъ, однако, объясненій, которыя, не смотря на запрещеніе, представлены суду сторонами, видно, что дѣло это начато какъ будто совершенно помимо Крестовскаго: онъ не являлся обвинителемъ жены, не хотѣлъ присутствовать въ судѣ; истицею для вида и формы была сестра его, г-жа Майкова; тѣмъ не менѣе, г-жа Крестовская имѣла основаніе утверждать, а за нею утверждалъ и ея защитникъ, что починъ обвиненію данъ вовсе не Майковой, а самимъ Крестовскимъ, который и былъ настоящая по дѣлу сторона. Бывъ назначенъ защитникомъ, Соколовскій вызвалъ къ себѣ В. Д. Крестовскую, которая передала ему письма мужа, прося ихъ употребить какъ орудіе защиты. Крестовскій могъ явиться и не явиться на судъ, преслѣдовать жену самъ или черезъ другихъ, но и г-жа Крестовская имѣла право защищаться, разоблачая, кто истецъ, и оправдывая себя несчастіями жизни семейной. Способъ защиты былъ внушенъ обстоятельствами; его Соколовскій не выдумалъ, его указала защитнику его кліентка.

Когда намъ, защитникамъ, по какому нибудь дѣлу сторона предлагаетъ свой личный взглядъ на дѣло и желаніе, и говоритъ: защищайте меня такимъ-то образомъ, то защитникъ по добровольному соглашенію, еще болѣе свободенъ, нежели защитникъ, назначенный отъ суда: онъ можетъ сказать: я буду защищать васъ по моему разумѣнію, а недовольны вы, такъ приищите другого защитника. Но этого не можетъ сдѣлать защитникъ по назначенію: онъ долженъ придерживаться системы защиты, опредѣленной показаніями кліента, онъ долженъ пустить въ ходъ доказательства, данныя ему кліентомъ. Конечно, ему не слѣдуетъ кривить душою, клеветать на невинныхъ противъ собственной своей совѣсти, онъ не превращается въ слѣпое орудіе страстей и пожеланій своего кліента. Соколовскій, получивъ письма, не могъ ими не воспользоваться; въ томъ,

что онъ ими воспользовался, нѣтъ вины, а есть исполненіе долга. Независимо отъ употребленія писемъ не клеветаль ли онъ на Крестовскаго? — вотъ что важно знать. Соколовскій, какъ вы слышали по дѣлу, защищая г-жу Крестовскую, дѣйствительно отозвался неодобрительно о поведеніи ея мужа; онъ объясняетъ ея паденіе несчастно сложившимися семейными обстоятельствами, въ доказательство чего читаль выдержки изъ писемъ и приводилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока ему не сказали: довольно. Еслибъ онъ ради какихъ нибудь постороннихъ соображеній, на примѣръ, чтобы не раздражить противъ себя Крестовскаго, чтобы не имѣть отъ постороннихъ лицъ непріятностей, не воспользовался бы письмами или передалъ ихъ, ослабляя ихъ значеніе, то онъ поступилъ бы недостойно, потому что въ нашемъ сословіи есть также своего рода правила, своего рода отвага и она заключается въ томъ, чтобы говорить прямо правду, называть вещи по имени: мерзость — мерзостью, порокъ — порокомъ и не уступать при изобличеніи зла «страха ради іудейска».

Но излагая факты, какъ они дѣйствительно были, можно прибавить кое что незначительное и отъ себя, пустить въ нихъ ѣдеую насмѣшку, можно даже глумиться — *c'est le ton, qui fait la chanson*. Спрашивается, не прибавилъ ли Соколовскій этого тону, не старался ли поднять на смѣхъ Крестовскаго? — Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Мать Крестовскаго и его друзья говорятъ, правда, что Соколовскій глумился. Но они пояснить не могутъ, въ чемъ состояло глумленіе. Напротивъ того, лица, бывшія въ засѣданіи и передающія смыслъ рѣчи и общее ея содержаніе, утверждаютъ, что защита была ведена какъ нельзя болѣе серьезно; если иногда у Соколовскаго выражалось негодованіе — то негодованіе строгаго моралиста. Наконецъ, Соколовскій, и это неподлежитъ сомнѣнію, это видно изъ показаній предсѣдателя и членовъ суда, не только не касается Крестовскаго, какъ литератора, какъ человѣка, не говоря уже о немъ,

какъ о военномъ, но онъ просто заявилъ, что будетъ разбирать дѣйствія Крестовскаго, не какъ человѣка, а только какъ дурнаго мужа и семьянина. Если въ самомъ дѣлѣ Крестовскій, какъ онъ заявилъ при слѣдствіи, не оскорбляется тѣмъ, что про него говорятъ, какъ про человѣка и какъ про литератора, то главный вопросъ, имѣющій большое значеніе въ судѣ военномъ, въ виду особенностей того сословія, къ которому принадлежитъ Крестовскій, можетъ состоять только въ томъ, что не задѣлъ ли Соколовскій тѣмъ нибудь военного мундира, не смотря на свою оговорку.

Господа судьи, когда на судѣ за спиною защитника сидитъ подсудимый, кліентъ и защитникъ составляютъ какъ бы одно лицо и что сказалъ защитникъ считается сказаннымъ кліентомъ, но не наоборотъ, когда судья защитника надобно разобрать, что сказалъ онъ и что сказалъ его кліентъ, судья защитника только за то, что произнесено имъ самимъ. Кліенткѣ Соколовскаго, г-жѣ Крестовской, предоставлено было послѣднее слово, въ которомъ она дѣйствительно касалась мужа и изображала его добивающимся развода ради успѣха по службѣ—*карьеристомъ*. Ее на этомъ и остановили. Если судъ остановилъ г-жу Крестовскую, то тѣмъ болѣе остановилъ бы онъ Соколовскаго, еслибъ сей послѣдній сталъ говорить нѣчто подобное. Изъ всѣхъ свидѣтелей одинъ присяжный повѣренный Ашебергъ утверждаетъ противное, но онъ видимо смѣшиваетъ сказанное Крестовскою съ тѣмъ, что сказано Соколовскимъ. Я объясняю это противорѣчіе Ашеберга съ показаніями судей только тѣмъ, что г. Ашебергъ въ то время напрягалъ всѣ свои мозговыя силы, чтобъ подготовить отвѣтъ по содержанію читанныхъ писемъ, съ которыми онъ не былъ до того знакомъ; легко допустить, что при этихъ условіяхъ и Ашебергъ смѣшалъ лица и сказанное г-жею Крестовскою отнесъ къ Соколовскому. Соколовскій ничего подобнаго не говорилъ, никакихъ цѣлей, никакихъ побужденій, заставившихъ Крестовскаго начать это дѣло чрезъ сестру, онъ не приводилъ; онъ

объяснял только прошедшее, какъ оно сложилось; онъ приводилъ только факты; общее построение его рѣчи извѣстно. Спрашивается, въ какомъ мѣстѣ рѣчи могла найти мѣсто фраза, которую ему приписываютъ объ арміи, гвардейской поверхности и щепетильности насчетъ гвардейскаго достоинства.

Свидѣтели подраздѣляются на два лагеря: съ одной стороны—мать, братъ Крестовскаго, полковникъ Качаловъ; съ другой—всѣ остальные свидѣтели, кромѣ одного только Ашеберга, о которомъ уже я высказалъ свое мнѣніе. Которая изъ двухъ партій права? Я думаю, что хотя я не могу не уважать Качалова, какъ полковника, но я вправѣ имѣть свободное мнѣніе о немъ, какъ о свидѣтелѣ, и если я, сравнивая показанія свидѣтелей, докажу, что показаніе Качалова не согласно съ обстоятельствами дѣла, то могу вывести заключеніе, что показаніе его не согласно съ истиною. Что касается до матери и брата, то они стоятъ слишкомъ близко къ подсудимому, чтобы на нихъ можно было полагаться; они по закону свидѣтели неприисяжные, они по всѣмъ законодательствамъ свидѣтели ненадежные, показанія ихъ вообще имѣютъ достовѣрность относительную. Я полагаю, что знаменитая фраза, на которой все держится, никогда не была произнесена. Она опровергается всѣми остальными свидѣтелями, кромѣ Качалова: Савицкимъ, Сосновскимъ, Костровицкимъ, она категорически отвергается тремя судьями. Во-вторыхъ, за-памятованіе ея противно мнемоникѣ, или законамъ дѣятельности памяти. Вообще умъ нашъ такъ устроенъ, что схватываетъ и удерживаетъ общій смыслъ событій, общіе факты, но не въ состояніи уловить всѣ подробности; вотъ почему когда спрашиваютъ много свидѣтелей и когда они передаютъ сказанное каждый по-своему иными словами, то мы довольствуемся тѣмъ, что общій смыслъ сказаннаго одинаковъ въ показаніяхъ, но если они одинаково повторяютъ одну только фразу, не помня общаго построения рѣчи, то слѣдуетъ заключить, что они эту фразу вытвердили наизусть, а не передаютъ свои

впечатлѣнія. Умъ нашъ слѣдитъ зорко: выдвигается подробность, онъ запомнилъ откуда она вытекаетъ; вниманіе его поражено рѣзкостью фразы, слушатель еще съ большимъ вниманіемъ будетъ наблюдать къ чему поведетъ въ концѣ концовъ поразившая его мысль, но никогда не бываетъ, чтобы одна отдѣланная, отчеканенная фраза запала въ память, а все остальное ушло въ туманъ. Третій мой доводъ тотъ, что обличаемая фраза была въ рѣчи Соколовскаго совсѣмъ не кстати: ни къ селу, ни къ городу. Если Соколовскій билъ на отношенія семейныя, то въ его интересахъ было устранить все постороннее и незачѣмъ было трогать Крестовскаго съ другой стороны. Наконецъ, четвертое мое доказательство то, что вся фраза смысла человѣческаго не имѣетъ; я дѣйствительно удивляюсь ей, я въ ней нѣкоторыхъ словъ совсѣмъ не понимаю, напримѣръ—«гвардейская поверхность». Если бы, не смотря на бессмысленность, доискиваться въ ней тенденціи, то это такая тенденція, которая могла бы быть вложена только человѣкомъ близко стоящимъ къ военному быту и службѣ; но никакъ не статскимъ, какъ Соколовскій. Соколовскій никогда не заглядывалъ въ формулярный списокъ Крестовскаго, онъ не интересовался его чинами и производствомъ, если для него могло быть что нибудь противное въ Крестовскомъ, то какъ въ писателѣ. Крестовскій самъ говорить, будто бы они принадлежатъ къ двумъ враждебнымъ лагерямъ. Что же удивительнаго съ точки зрѣнія Соколовскаго, какъ литератора, что Крестовскій могъ быть изъ арміи переведенъ въ гвардію; онъ военный беллетристъ, исторіографъ полка, человѣкъ въ извѣстной степени съ талантомъ; такихъ титуловъ достаточно, чтобы получить отличіе. Наконецъ, замѣтимъ, что вся эта фраза такъ построена, что въ ней исчезаетъ Крестовскій, какъ человѣкъ, скрывается Крестовскій, какъ литераторъ, а остается только офицеръ гвардейскаго полка. Если приставите эту фразу къ фразѣ Крестовскаго: «Я не оскорбляюсь какъ человѣкъ, какъ литера-

торъ, но оскорбляюсь только какъ военный», то придетъ къ убѣжденію, что обѣ фразы и приписываемая Соколовскому и высказанная Крестовскимъ, прилегаютъ плотно одна къ другой, и что первая изъ нихъ не могла быть произнесена Соколовскимъ. Если она не произнесена Соколовскимъ, то надо заключить, что Соколовскій во всю эту исторію попалъ «какъ куръ во щи», что защита его было обязательная, что онъ не могъ вести ее иначе, что ее повелъ бы такимъ точно образомъ всякій, что будь на мѣстѣ Соколовскаго я, или каждый изъ насъ, то и съ нимъ бы случилась таже неприятность, какъ и съ Соколовскимъ.

Таковы начала, по которымъ слѣдуетъ судить о событію. Я приступаю теперь къ самому событію и долженъ разъяснить его, во 1-хъ, относительно мотивовъ, которые должны были имѣть Крестовскій, чтобы нанести оскорбленіе Соколовскому, и во 2-хъ, относительно подробностей самаго оскорбленія, такъ какъ по свидѣтельству многихъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей никакой фразы о военномъ званіи Крестовскаго Соколовскій не произнесъ. Слѣдовательно, Крестовскій, какъ военный человѣкъ, не имѣлъ повода оскорбиться рѣчью Соколовскаго. Ему могло быть неприятно все и сказанное и прочитанное только какъ человѣку вообще. Онъ могъ быть увѣренъ, что дѣло, его касавшееся не сдѣлается достояніемъ публики, потому что оно производилось при закрытыхъ дверяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ опасаться, что кое что изъ этого дѣла просочится, дойдетъ до товарищей, до начальства, потому что на судѣ присутствовали нѣкоторые изъ военныхъ, изъ товарищей, которые все слышали и наблюдали. Присутствовавшіе при судовореніи по всей вѣроятности, какъ непривычные, не отдѣляли въ умѣ своемъ доказательствъ Соколовскаго отъ его выводовъ и соображеній. Къ такимъ слушателямъ, я полагаю, можно причислить и Качалова.

Когда товарищъ слышитъ о товарищѣ на судѣ какую нибудь неприятную новость,—онъ не разбираетъ, гдѣ

кончается доказательство, гдѣ выводъ, ему свойственно заступиться за товарища, предположить, что его оклеветали, обратиться къ нему и сказать:—о тебѣ дурно говорили, тебѣ надо отстоять свою честь. Къ Крестовскому не могли не обратиться съ такими предложеніями близкія ему лица, какъ Качаловъ; очень вѣроятно, что Крестовскій вслѣдствіе этихъ сообщеній находился подъ извѣстнымъ психическимъ давленіемъ и долженъ былъ предвидѣть, что если онъ не оскорбится, не приметъ къ сердцу, что о немъ было говорено, то его будутъ меньше уважать и сочтутъ тряпкою. Я глубоко убѣжденъ, что въ глубинѣ души Крестовскій не могъ оскорбиться тѣмъ, что говорилось Соколовскимъ, потому что оно было сказано по обязанности званія, но ему по военному положенію подобаешь счесть себя оскорбленнымъ. Какимъ путемъ искать удовлетворенія? Путь этотъ уже былъ намѣченъ г. прокуроромъ.

Между людьми порядочными извѣстно, какъ искать удовлетворенія: обыкновенно требуются объясненія отъ произнесшаго оскорбительныя слова; объясненія эти требуются не посредствомъ личнаго свиданія, которое большею частію раздражаетъ, но чрезъ посредниковъ, чрезъ пріятелей, которые пойдутъ, разузнаютъ. Я допускаю, что, если обида слишкомъ велика, можно оскорбиться, начать съ того, чтобы расправиться съ противникомъ но тотъ, кто оскорбилъ, если онъ человекъ, дѣйствительно понимающій честь, и рыцарь,—долженъ предоставить обиженному удовлетвореніе и выйти съ нимъ на дуэль. Вотъ тотъ путь, по которому надлежало бы слѣдовать Крестовскому. При слѣдованіи по этому пути дѣло могло всесторонне разъясниться. Тѣ товарищи, которые явились бы къ Соколовскому, узнали бы, что онъ говорилъ, и репутація Крестовскаго была бы либо очищена, либо открылось бы, что она запятвана не тѣмъ, что Соколовскій говорилъ по обстоятельствамъ дѣла. Подобный исходъ былъ явно не выгоденъ. Во всякомъ случаѣ дуэль неудобна еще и потому, что не можетъ не

повредить служебному положенію лица, что портить его карьеру. Такимъ образомъ, Крестовскому предстояло разрѣшить слѣдующую задачу: придумать средство, которое и репутацію его возстановило бы, и служебную карьеру его не испортило. Средство найдено вполне подходящее, хотя весьма не рыцарское: сначала побить Соколовскаго, потомъ сказать, что онъ военный мундиръ порочилъ, и явиться такимъ образомъ предъ товарищами и начальствомъ мстителемъ за этотъ мундиръ.

Вотъ тѣ настоящіе мотивы, которые руководили Крестовскимъ при совершеніи обиды; мотивы все построены на фразѣ; фраза эта не была произнесена Соколовскимъ, фразу эту не могъ произнести Соколовскій. Если ее разобрать, то нельзя не сознаться, что она искусно придумана, что на военныхъ она могла подѣйствовать: въ ней заключается, во 1-хъ, то, что будто бы Крестовскаго, какъ военнаго, порочили; во 2-хъ, то, что будто бы Соколовскій выражался презрительно о чести мундира, что онъ отрицаетъ всякую особенную честь, а слѣдовательно, и военную, всякую честь кромѣ общечеловѣческой. Что касается до перваго положенія, то я думаю, что никакое сословіе, гдѣ судьи, не можетъ оскорбиться только тѣмъ, что нѣчто дурное сказано о комъ либо изъ его членовъ. Мы всегда отличаемъ званіе и носящаго это званіе,—власть и человѣка, имѣющаго эту власть. Правда, есть и противоположныя, понятныя попытки смѣшивать оба понятія, напр. когда говорятъ дурно о духовномъ лицѣ, то оно расположено доказывать, что въ его лицѣ оскорблена сама религія и т. п. Но вообще на этотъ аргументъ немногіе дадутъ себя поймать и надобно доказать, что именно порочили человѣка, какъ военнаго, только потому, что онъ носитъ военный мундиръ. Приписывать эту мысль не только Соколовскому, но кому бы то ни было изъ насъ, я полагаю, до такой степени странно, лишено основанія, что подобное обвиненіе просто нелѣпо. Въ Россіи, гдѣ военное званіе въ такомъ почетѣ, гдѣ большая часть славы

народной есть слава военная, гдѣ образованіе военное поставлено на высокую степень развитія, гдѣ съ давняго времени лира браталась съ мечемъ, гдѣ изъ военныхъ были замѣчательнѣйшіе поэты и писатели: Жуковский, Лермонтовъ, Чаадаевъ, Левъ Толстой... ни съ чѣмъ было-бы несообразно и просто бессмысленно попрекать человѣка тѣмъ, что онъ носитъ мундиръ. Соколовскій не могъ этого говорить. Что касается до другого положенія, т. е. до отрицанія военной чести, то я думаю, что и честь военного имѣетъ корнемъ и основаніемъ человѣческое достоинство вообще; но понятно, что въ каждомъ сословіи общія понятія о чести окрашиваются свойственнымъ сословію колоритомъ, а это всего ближе должно быть извѣстно именно намъ, имѣющимъ свою особую корпорацію и дорожающимъ ея честью. Есть честь военная и она должна быть, во 1-хъ, вслѣдствіе сильной сплоченности этого сословія и солидарности его членовъ; военные люди имѣютъ свой нравственный кодексъ, гораздо болѣе требовательный, чѣмъ общія правила; во 2-хъ, потому, что обязанность жертвовать жизнью, слѣдовательно самымъ дорогимъ, что человѣкъ имѣетъ, для цѣлей государства, налагаетъ на военного особую печать. Сословіе есть хранитель чувствъ рыцарства, благородства и оно выбрасываетъ изъ себя всѣхъ людей недостойныхъ, которые оказываются, что этими чувствами не воодушевлены. Вотъ почему вся фраза не могла выйти изъ устъ Соколовскаго, очень хорошо понимающаго значеніе словной чести; но эта фраза могла произвести на мало разборчивыхъ свой эффектъ. Перехожу къ самому событію. Являются трое офицеровъ, участвуютъ въ расправѣ, которую я долженъ назвать кулачной; кулачный бой, драка, грубое насиліе — дѣйствія неприличныя, непохвальные, отталкивающія. Чтобы прикрыть безобразіе, скрасить его — принимаются мѣры, придумываются предлоги и поводы, заключающіеся въ слѣдующемъ: сочиняется записка, предлагаемая будто-бы Соколовскому

для подписанія. Говорятъ, что если-бы Соколовскій ее подписалъ, то тѣмъ все-бы и кончилось; во-вторыхъ, изобрѣтается фраза: «мы пріѣхали съ самыми мирными намѣреніями»; въ третьихъ, измышляется грозное положеніе, которое будто-бы принялъ Соколовскій, скрываясь за стулъ, и которое имѣло послѣдствіемъ ту вспышку гнѣва, которая разразилась ударомъ. Все это—предлоги. Нельзя не видѣть, что эти обстоятельства заранѣе подготовлены. Записка писалась 3-го апрѣля; такъ какъ въ ней нѣтъ ни слова о мундирѣ, о военной чести, то можно заключить, что еще 3-го апрѣля не додумались до фразы о гвардейскомъ достоинствѣ. Мысль, которая руководила составителями записки, была та, что Крестовскій оскорбленъ, какъ человѣкъ и что повредили его доброму имени и чести; мало того,—эта записка такого рода, что я не думаю, чтобы человѣкъ честный, благородный, уважающій чужое достоинство, какъ свое собственное, рѣшился предложить подписать другому лицу такую бумажку. Она могла подѣйствовать на труса; но человѣкъ, сколько нибудь уважающій себя, не могъ ее подписать: подписывая ее, Соколовскій нарушилъ бы свою обязанность, какъ защитникъ; такъ какъ надо было подписать, что онъ дозволилъ себѣ недостойную выходку, надо было написать, что говорилъ то, на произнесеніе чего онъ не имѣлъ юридическаго права. Коль скоро говорилъ на судѣ,—стало быть имѣлъ это право... Никакой благородный человѣкъ не могъ подписать такую бумажку, а слѣдовательно и предлагать кому нибудь подписать ее—значить наносить обиду, все равно, что ударить булакомъ. Эта бумажка не играетъ никакой роли при объясненіяхъ съ Соколовскимъ; она написана, но предъявлена не была; она не показывалась, она подана только въ комендантскомъ управленіи. Затѣмъ, что касается до миролюбивыхъ намѣреній, то свидѣтели — спутники впадаютъ въ противорѣчіе: Качаловъ говоритъ, что сначала было предложено объясниться, а потомъ были произнесены слова о миролюбивыхъ намѣреніяхъ, а Невѣровъ

говорить, что Крестовскій началъ съ миролюбивыхъ намѣреній и потомъ пытался объясняться. Я полагаю, что когда врываются въ чужое жилище безъ спросу, когда пристають къ человѣку, занятому дѣломъ,—миролюбивыя намѣренія звучать какъ иронія, какъ злая насмѣшка ихъ можно принять за шутку, но ни за что другое. Наконецъ, что касается до угрожающаго положенія Соколовскаго, то кресла были велики, ихъ поднять было нельзя; Качаловъ допускаеть, что они не были подняты. Всякій знаетъ, что идти за брустверь,—значить защищаться, а не нападать. Это угрожающее положеніе только предлогъ: безъ вызова, безъ неприличныхъ словъ со стороны Соколовскаго, Крестовскій нанесъ ему или пытался нанести ударъ. Желаніе оскорбить, нанести тяжелую обиду Соколовскому у Крестовскаго было столь сильно, что онъ повторяеть тоже оскорбленіе безъ всякаго вызыва символически, бросивъ перчатки въ лицо. Для меня не имѣеть никакого значенія вопросъ, былъ-ли нанесенъ ударъ Соколовскому или нѣтъ, остановленъ-ли былъ Крестовскій или нѣтъ; ударъ можетъ быть нанесенъ всякому. Свидѣтель Алаевъ утверждаетъ, что удара нанесено не было. Во всякомъ случаѣ Крестовскій старается усилить оскорбленіе, утверждая, что нанесъ ударъ и въ добавокъ къ похвальбамъ обнажаетъ саблю до половины. Такъ какъ обида нанесена Соколовскому за исполненіе имъ обязанностей его званія, то Соколовскій не могъ отнестись къ ней иначе, какъ сказавъ, что онъ не будетъ драться, что у него личныхъ счетовъ съ Крестовскимъ не можетъ быть. Тутъ кончается сторона героическая и начинается практическая: стремленіе обезпечить себѣ плоды побѣды; не дають времени Соколовскому одуматься, не останавливаются на томъ, что онъ, можетъ быть, несмотря на сказанное сгоряча, потребуеть поединка; спѣшать оповѣстить великое событіе, сдѣлать его всюду извѣстнымъ. Пришли въ квартиру человѣка, оскорбили его и затѣмъ ѣдутъ разглашать въ комендантское управ-

леніе, доводятъ до свѣдѣнія начальства и стараются оправдаться случаемъ, что Соколовскій оскорбилъ военный мундиръ и потому побить. Обида является только военной; литераторъ и человекъ скрывается за офицеромъ. Я полагаю, что весь способъ передачи событія есть ничто иное, какъ маска, что Крестовскій, не будучи оскорбленъ, какъ военный, достигалъ посредствомъ своихъ заявленій о своемъ подвигѣ цѣлей для него полезныхъ, выгодъ прямыхъ, средствомъ непохвальнымъ. Кончикъ маски приподнять и вы, господа судьи, разглядите за нею настоящее лицо.

Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ судьямъ, и полагаю, что вы оцѣните этотъ поступокъ Крестовскаго. Вы члены великой судебной организаціи, которая простирается не только на войско, но и на весь народъ. Лучшія воспоминанія нашей дѣятельности связаны съ вашимъ судомъ. Говорить вамъ о правосудіи было бы излишне. Я все сказалъ, что было у меня на душѣ.

С.-петербургскій военно-окружный судъ, признавъ поручика Крестовскаго виновнымъ въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ присяжному поверженному Соколовскому, происшедшей вслѣдствіе неприличнаго обращенія съ нимъ пр. пов. Соколовскаго въ его квартирѣ, постановилъ: подвергнуть Крестовскаго аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли; по обвиненію же его въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ съ варагѣ обдуманнѣмъ намѣреніемъ считать по суду оправданнѣмъ.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Даниль Шумахеръ преданъ былъ вмѣстѣ съ многими другими лицами суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію:

1) въ томъ, что, состоя товарищемъ предсѣдателя московскаго коммерческаго ссуднаго банка и будучи обязанъ уставомъ банка управлять дѣлами банка, снабжать директора-распорядителя подробною инструкціею по исполненію всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей, ревизовать дѣйствія правленія и повѣрять кассу банка, опредѣлять товары и процентныя бумаги, подъ залогъ которыхъ могутъ быть производимы ссуды, подробно разсматривать вопросы по операціямъ, выходящимъ изъ ряда текущихъ, и наблюдать за размѣромъ покунки и продажи бумагъ, правительствомъ не гарантированныхъ — нѣкоторыхъ изъ обязанностей сихъ вовсе не исполнялъ, а къ другимъ относился до крайности нерадиво и тѣмъ далъ Ландау, Полянскому и Струсбергу возможность совершить преступныя дѣянія, предусмотрѣныя 13, 1154, 1155, 373 и 354 ст. улож. о наказ.; каковыя дѣйствія Шумахера предусмотрѣны 1154, 404, 351 и 360 ст. улож. о наказ.

2) въ томъ, что, узнавъ, 5-го и 6-го октября 1875 года, о противозаконной выдачѣ Струсбергу около семи милліоновъ изъ ввѣренныхъ банку суммъ и о послѣдовавшей отъ того утратѣ не только всего складочнаго капитала, но и значительной части суммъ вкладчиковъ, а также о невѣрности отчета на 1-е октября 1875 года — онъ, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же приостановить банковыя операціи распорядился продолжать ихъ и продолжалъ до 11-го октября, скрывая истинное положеніе дѣлъ банка отъ публики, введенной въ заблужденіе напечатаннымъ въ газетахъ невѣрнымъ отчетомъ на 1-е

октября 1875 года; такими дѣйствіями: а) допустилъ уменьшеніе оставшихся въ банкѣ къ 5-му и 6-му октября капиталовъ, составлявшихъ общую собственность кредиторовъ банка и подлежавшихъ соразмѣрному между ними распредѣленію выдачей вкладовъ полнымъ рублемъ многимъ лицамъ, по преимуществу такимъ, которыя стояли въ дружескихъ, родственныхъ или вообще въ близкихъ отношеніяхъ къ членамъ совѣта и правленія банка и между прочимъ къ нему, Шумахеру, съ нарушеніемъ при этомъ правилъ, установленныхъ для выдачи по чекамъ; б) вовлекъ лицъ, внесшихъ свои вклады послѣ 5-го октября, въ невыгодныя для нихъ по имуществу сдѣлки, и в) далъ возможность нѣкоторымъ членамъ совѣта московскаго коммерческаго ссуднаго банка сбыть чрезъ посредство другихъ лицъ принадлежавшія имъ и переведенныя на предъявителя акціи банка по высокой цѣнѣ, тогда какъ эти акціи не имѣли уже никакой цѣнности. Дѣйствія эти предусмотрены 1155, 1688, 1665, 1666 и 1198 ст. улож. о наказ.;

3) въ томъ, что съ цѣлью не потерять дивиденда на акціяхъ банка, не подвергнутой отвѣтственности за нарушеніе § 11-го п. 4 устава банка и скрыть отъ публики критическое положеніе дѣлъ, подложно и въ явное нарушеніе § 62-го устава банка, составилъ отчеты за 1873 и 1874 годы и достигъ утвержденія ихъ общими акціонерными собраніями, заранѣе образовавъ составъ таковыхъ искусственно, въ явное нарушеніе устава банка. Эти преступныя дѣянія предусмотрены 1154 и 362 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 2-го октября по 2-е ноября 1876 года.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Шумахеръ признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, лишь въ томъ, что онъ, послѣ 5-го и 6-го октября 1875 года, совнавая, что для полного удовлетворенія своихъ кредиторовъ банкъ не будетъ имѣть средствъ, воспользовался должностью члена совѣта для полученія вклада полностью и поспѣшилъ взять его изъ банка. Московскій окружный судъ, въ силу рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, *опредѣлилъ*: лишивъ Шумахера, всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить его въ тюрьму на одинъ мѣсяць.

Речь въ защиту Д. Д. Шумахера, произнесенная въ засѣданіи уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената 10-го апрѣля 1877 года.

Изъ ряда всѣхъ дѣлъ, которыя создавала жизнь русская въ области уголовной въ одиннадцатилѣтній пе-

ріодъ существованія судебныхъ уставовъ, дѣло московскаго коммерческаго ссуднаго банка выдѣляется какъ великанъ, какъ колоссъ, какъ Левиаѳанъ, до того оно сложно, вѣтвисто, до того оно подавляетъ совимъ объемомъ, до того оно неудобно для обработки, трудно для переработки. Страшно подумать о томъ, что станется, если придется его возобновить, и если придется подвергать новому испытанію совѣсть настоящихъ мучениковъ по настоящему дѣлу, присяжныхъ засѣдателей, если по уничтоженіи всей массы труда, потраченнаго на созданіе постановленнаго присяжными приговора, который былъ вообще принятъ сочувственно, какъ приговоръ справедливый, придется опять вытряхивать все дѣло и подымать опять столбомъ на всю Россію улегшуюся отъ него пыль! Эти соображенія, которыхъ недостатокъ заключается не въ томъ, что они утилитарныя, но въ томъ, что они не глубокія, поверхностныя, не могутъ имѣть особаго значенія, разсматриваемыя съ той высоты, на которой стоитъ у насъ кассационное производство. Во всякомъ дѣлѣ есть два элемента: мѣняющееся ихъ существо, сторона индивидуальная, и общія, коренныя начала права, установленныя не на сегодня или завтра, но на долгія времена и врученныя вамъ, господска сенаторы, какъ хранителямъ, съ тѣмъ, чтобы вы заботились о томъ, чтобы эти свѣтильники не погасли и чтобы за отсутствіемъ ихъ не наступило въ области суда того колебанія и шатанія по дуновенію вѣтра, во избѣжаніе которыхъ и установлено кассационное производство. Для кассационной инстанціи не существуетъ различія дѣлъ большихъ и малыхъ, при томъ при всякомъ почти вторичномъ разсмотрѣніи дѣла послѣ отмѣны прежняго рѣшенія количественное разсмотрѣніе дѣла уменьшается, нѣкоторые спорные пункты уже окончательно упразднены, потому что цѣлыя отдѣлы прежняго рѣшенія не опротестованы и не обжалованы. И такъ мы, участвующіе въ состязаніи въ кассационной инстанціи стороны, приступаемъ къ исполненію нашихъ

обязанностей съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что ни величина дѣла, ни нежеланіе трогать установившійся фактъ не удержатъ правительствующій сенатъ отъ кассациі, если только поправы въ рѣшеніи коренныя начала права. У многихъ изъ насъ защитниковъ и подсудимыхъ есть общіе кассационные поводы, о которыхъ каждый вѣроятно скажетъ по нѣскольку словъ, избѣгая повтореній уже высказаннаго товарищами, и есть свои особенные кассационные мотивы, соответствующіе особенному положенію въ дѣлѣ ихъ клиентовъ, мотивы, которые придется развить съ большею подробностью и обстоятельностью. Для всѣхъ бывшихъ членовъ совѣта банка общимъ вопросомъ является вопросъ объ ихъ имущественной отвѣтственности за дѣянія, по которымъ они присяжными оправданы. Съ этого вопроса я и начну защиту Шумахера, какъ члена совѣта, за послѣдствіе незакрытія банка совѣтомъ въ теченіи почти недѣли съ 5-го по 11-е октября 1875 года. При выполнении этой части задачи я озабоченъ больше всего тѣмъ, чтобы вѣрно поставить вопросъ и потомъ разрѣшить его дедуктивно, исходя изъ коренныхъ безспорныхъ началъ права и наблюдая, чтобы и въ цѣпи умозаключеній была полная непрерывность, чтобы безъ пропусковъ и скачковъ вытекало изъ наиболѣе общихъ началъ права прямое заключеніе о томъ, чему слѣдуетъ быть или не быть, какъ послѣдствію фактовъ, закрѣпленныхъ приговоромъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ Москвѣ существовалъ коммерческій ссудный банкъ; въ банкѣ этомъ былъ совѣтъ, какъ всѣ подобныя установленія, недѣятельный и движущійся у правленія банка на буксирѣ. Присяжные укрѣпили своимъ приговоромъ неоспариваемый нынѣ никѣмъ фактъ, что до 5-го октября 1875 г. члены совѣта не знали ровно ничего о состояніи дѣлъ банка, объ неминуемомъ крахѣ, объ истощеніи всего вкладочнаго капитала банка и части капитала вкладчиковъ. Съ 5-го по 11-е октября слѣдуетъ промежутокъ, въ теченіе котораго положеніе

дѣлъ банка раскрылось и онъ *могъ-бы быть закрытъ, но не былъ закрытъ*. Въ теченіе этой роковой недѣли совершалось то, что прокуратурѣ московской угодно было назвать мародерствомъ, грабежемъ мертваго тѣла банка. Въ уставѣ имѣется § 66, предписывающій обязательно закрытіе банка, когда его вкладочный капиталъ истощится или уменьшится ниже извѣстныхъ предѣловъ. Въ этомъ § не опредѣлено, кто долженъ закрыть банкъ въ предусмотрѣнномъ случаѣ: правленіе, совѣтъ или только общее собраніе акціонеровъ. Вопросъ этотъ споренъ и выясненъ онъ быть не могъ и не можетъ присяжными засѣдателями. Какъ-бы то ни было совѣтъ бездѣйствовалъ, колебался, посылалъ въ Петербургъ съ челобитною къ министру финансовъ. Какъ-бы то ни было между бездѣйствіемъ совѣта и тѣмъ, что произошло въ эти дни (5—11 октября) была прямая *причинная* связь, удостовѣренная въ отвѣтахъ на вопросы 43 — 46 присяжными, приговоръ которыхъ можетъ быть изображенъ въ слѣдующей формѣ: если-бы банкъ закрытъ былъ 5-го октября по распоряженію совѣта, то не было-бы выдачи вкладовъ на 2.400,000 руб., не было-бы приема вкладовъ и продажи акцій на биржѣ; такъ какъ банкъ закрытъ не былъ, то всѣ исчисленныя обстоятельства осуществились. Смыслъ отвѣтовъ совершенно ясенъ, но форма вопросовъ неправильна и нелогична. «Совѣтъ, сказано въ вопросахъ, не закрылъ банка, но продолжалъ его дѣйствіе», слѣдовательно *распорядился* такимъ образомъ, что отъ сего произошли такіа-то послѣдствія. Ясно, что въ вопросахъ положительное перемѣшано съ отрицательнымъ, активное съ пассивнымъ. Совѣтъ не закрылъ, слѣдовательно не распорядился и это нераспоряженіе влекло такое-то послѣдствіе. Самъ судъ, не называя усматриваемаго въ отвѣтѣ присяжныхъ событія преступленія, подводитъ его подъ 341 ст. улож., слѣдовательно подъ бездѣйствіе власти, дѣяніе отрицательное. Это отрицательное свойство дѣянія проливаетъ свѣтъ на самую причинную связь между от-

рицательнымъ дѣяніемъ и его послѣдствіями. Связь эта тоже отрицательная, ипотетическая, не реальная, а только возможная. Совѣтъ если-бы закрылъ банкъ былъ бы положительно причиной небытія вредныхъ послѣдствій отъ незакрытія банка. Но если ихъ бытіе обусловилось тѣмъ, что фальшиво названо распоряженіемъ совѣта, между тѣмъ какъ оно состояло въ бездѣйствіи, то оно обусловилось также и бездѣйствіемъ всѣхъ *тѣхъ лицъ и установленій*, которыя находились въ точно такомъ же положеніи, какъ совѣтъ, могли закрыть, но не закрыли его по § 66 устава банка; закрыть банкъ могли: совѣтъ, правленіе, даже само правительство. Всѣ эти лица стоятъ въ отношеніи къ банку въ одномъ ряду. Я позволю себѣ пояснить мою мысль примѣромъ. Совершенно убійство; обнаружено, что о преступномъ замыслѣ зналъ А., что онъ могъ задержать убійцу коего не задержалъ и что вслѣдствіе такого «распоряженія», какъ-бы выразился московскій окружной судъ, убійство совершилось. Не только нельзя установить положительной причинной связи между дѣйствіемъ А. и убійствомъ, не только нельзя возлагать всю громадную отвѣтственность за послѣдствіе убійства на одного А., когда оказывается, что въ точно такомъ же какъ А. положеніи были В. и С., одинаково знавшіе о замыслѣ и не воспрепятствовавшіе его осуществленію, но и преслѣдуемъ уголовно могъ-бы быть А. только какъ прикосновенное къ дѣлу лицо, и именно: только какъ укрыватель или недонесшій о преступленіи до свѣдѣнія начальства (о совѣтѣ банка не можетъ быть притомъ и рѣчи, какъ о недонесшемъ, такъ какъ онъ начальству (?) тотчасъ же донесъ, отправивъ депутацію къ министру финансовъ). Легко понять, какое громадное послѣдствіе имѣло подставленіе вмѣсто неопредѣленнаго бездѣйствія весьма опредѣленнаго распоряженія. *Litera docet, litera nocet*, говоритъ пословица. Употребленіе понятія: распоряженіе вмѣсто понятія бездѣйствія, т. е. нераспоряженіе превратило людей пассивныхъ въ ак-

тивныхъ, простыхъ прикосновенныхъ въ участниковъ, не рѣшившихся ни на что, въ участвовавшихъ по взаимному соглашенію. Приведа обѣ статьи: и 648 ч. 1 т. X о солидарной отвѣтственности участвовавшихъ въ преступленіи по предварительному соглашенію и 650 ст. о долевои отвѣтственности участниковъ не по предварительному соглашенію, судъ присудилъ членовъ совѣта къ солидарной отвѣтственности за «бездѣйствіе» по своей догадкѣ, а вовсе не по отвѣтамъ присяжныхъ, которымъ даже и не предлагался вопросъ о предварительномъ соглашеніи. Обхожу эти странности, натяжки, введенные въ приговоръ контрабанднымъ образомъ посредствомъ выскобленія двухъ буквъ: *не* предъ словомъ распоряженіе и спѣшу далѣе.

Такъ или иначе связь причинная завязана, но я утверждаю, что завязана плохо. Не всѣ причинныя связи между дѣяніями и ихъ послѣдствіями разбираются уголовнымъ порядкомъ. Всѣ предметы, подлежащіе вѣдѣнію судовъ, подраздѣляются на двѣ категоріи: либо споры о правѣ гражданскомъ, либо преслѣдованія за преступления и проступки. Для двухъ этихъ категорій существуютъ и два особые рода суда, какъ бы двѣ исполинскія мельницы, перемалывающія твердые, ей только свойственные продукты. Пущена въ дѣйствіе мельница гражданского суда... попадется ей предметъ несвойственный въ видѣ преступления, она его изолируетъ, согласно 8 ст. уст. гражд. суд. и перекидываетъ въ судъ уголовный, либо по очищеніи его отъ тѣхъ гражданскихъ отношеній, въ которыя онъ былъ запутанъ, либо со всѣми гражданскими послѣдствіями предполагаемаго преступнымъ дѣяніи, если для этихъ послѣдствій уголовное свойство дѣяніи составляетъ вопросъ преюдиціальныи, отъ котораго эти послѣдніе зависятъ. Съ другой стороны, если пущена въ ходъ машина уголовного суда и въ ея зубья попадаютъ вопросы гражданского права о собственности, обѣ обязательствахъ, о семейномъ состояніи лицъ, то и ей прихо-

дится по 27 ст. уст. уг. суд. или не переставая дѣйствовать, отдѣлить и выбросить эти посторонніе для уголовного механизма предметы, либо передать въ судъ гражданскій вмѣстѣ съ этими гражданскими отношеніями и самый уголовный вопросъ обвиненіемъ проектируемый. Изъ этого общаго правила существуетъ одно только исключеніе: вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія, составляя гражданское послѣдствіе преступленія, можетъ быть опредѣлено и судомъ гражданскимъ и судомъ уголовнымъ по выбору истца, ради удобства для пострадавшихъ отъ преступленія, ради сокращенія времени. Подсудимый-отвѣтчикъ по отношенію къ тѣмъ послѣдствіямъ своего преступленія лишается гарантій, какія ему предоставляють гражданское судопроизводство, болѣе осторожное; это лишеніе есть до извѣстной степени часть наказанья за преступленіе, оно находитъ свое оправданіе въ томъ, главнымъ образомъ, что судится виноватый. Чтобы присудить уголовнымъ судомъ вознагражденіе за вредъ отъ преступленія необходимо: 1) чтобы существовали данныя, которыя бы по своему составу вполне соответствовали признакамъ преступленія и 2) чтобы въ этомъ преступленіи былъ виновенъ подсудимый, какъ главное, второстепенное или прикованное лицо. Итакъ, необходимо сначала отыскать событіе преступленія, а потомъ изслѣдовать, какъ его совершили. Постараемся открыть его, отвлекая отъ виновниковъ; судъ утверждаетъ, что оно есть, я же стараюсь доказать, что оно не существуетъ вовсе.

Та самая двусмысленность, которая составляетъ коренной недостатокъ всей части приговора, касающейся членовъ совѣта, проявляется и въ изслѣдованіи суда по предмету описываемаго событія преступленія. Судъ ставитъ два понятія діаметрально противоположныя и разсуждаетъ по пословицѣ: *не мытьемъ такъ катаньемъ*; члены совѣта виновны, если не по первому, то по второму, если не по второму, то по первому. Продолжать операціи банка завѣдомо зная о томъ, что въ банкѣ нѣтъ

даже складочнаго капитала, значить обманывать публику; само продолженіе дѣйствій банка есть мошенничество, котораго объектъ—вкладчики и акціонеры. За этимъ положеніемъ слѣдуетъ цѣлая вереница статей уложенія, въ которыхъ идетъ рѣчь и о похищеніи посредствомъ обмана чужаго имущества и о вовлеченіи посредствомъ обмана въ убыточные сдѣлки. Итакъ, члены совѣта мошенники или укрыватели мошенничества?... Нѣтъ, въ окончательномъ результатѣ они виновны только *въ дѣяніи отрицательномъ*, въ бездѣйствіи власти предусмотрѣнномъ 341 ст. ул. Разсужденіе ошибочное, уравнивающее положительное съ отрицательнымъ. Я докажу, что дѣяніе, приписываемое членамъ совѣта и не положительное, и не отрицательное, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо за событіе преступленія.

Продолженіе операцій, пущенныхъ въ ходъ и совершаемыхъ чужими руками есть не продолженіе, а *непрекращеніе* этихъ операцій, какъ неостановка заведенныхъ часовъ не есть заведеніе ихъ ежеминутное. Никогда мошенничество не можетъ состоять въ непрекращеніи заблужденія, оно требуетъ *положительнаго* вовлеченія кого нибудь въ убыточную сдѣлку, посредствомъ создаваемого обманщиками заблужденія. Я утверждаю, что понятіе мошенничества требуетъ *дѣйствія положительнаго*, а не отрицательнаго, что даже по 3 п. 174 ст. уст. о нак.—утайка платежа не есть дѣйствіе отрицательное, потому что утайщикъ судится собственно не за утайку, а за требованіе новаго платежа съ умолчаніемъ только о первомъ. Не буду утомлять гг. сенаторовъ цитатами; и по иностраннымъ законодательствамъ, и по нашему, если кто воспользовался уже существующимъ заблужденіемъ, котораго самъ не создавалъ, то онъ не обманщикъ, хотя сама сдѣлка и можетъ быть по западно-европейскимъ законодательствамъ разрушена на основаніи юридическаго понятія о *laesio enormis*. Если нельзя винить въ обманъ того,

кто не разрушил ложныхъ не имъ созданныхъ представлений контрагента о качествахъ предмета договора, то тѣмъ менѣе можно обмануть когонибудь, вовлекая его въ сдѣлку обѣщаніемъ исполнить договоръ или неоповѣщеніемъ ему о своей несостоятельности къ выполнению принимаемыхъ на себя обязательствъ. Банкъ въ этомъ отношеніи тоже, что и частный торговецъ. Ни у кого на лбу не написано, что онъ состоятельный, никто не обязанъ съ собою носить и показывать свой балансъ, изъ котораго можно бы сейчасъ видѣть по соображенію актива съ пассивомъ можно ли его ссужать деньгами, никто за умолчаніе о своемъ пассивѣ не можетъ быть караемъ какъ за вовлеченіе другихъ въ убыточные для нихъ сдѣлки. Я не говорю, чтобы это было хорошо, я не задаюсь вопросомъ, не было бы ли лучше, еслибы всякій обязанъ былъ предъявлять свой настоящій балансъ подъ страхомъ наказанія за всякую этого рода фальшь, какъ за подлогъ; я утверждаю, что такъ какъ есть всегда было и, если не всегда, то долго еще будетъ, и что это такъ, мнѣ нечего доказывать, коль скоро есть коммерція, есть кредитъ, есть коммерческая тайна. Что такое кредитъ, если не отдача настоящаго, цѣннаго въ виду будущаго, обѣщаннаго только, а потому неизвѣстнаго? Что такое коммерческая тайна, какъ не закономъ допускаемая занавѣсъ, скрывающая до послѣдней минуты несостоятельность лица и дающая ему полную возможность контрагировать до той минуты, пока общественная власть устами суда не скажетъ: *stop*, послѣ чего всякія уже дѣйствія контрагента перестаютъ имѣть законную силу, какъ дѣйствіе недѣеспособнаго субъекта. Я не говорю, что это хорошо, я утверждаю, что оно роковымъ образомъ неизбѣжно. Посудите сами. Въ балансъ не входятъ умъ, смѣтка, знаніе, счастье лица, въ которомъ есть всегда доля умѣнья, качества, вслѣдствіе которыхъ начинающій дѣло безъ средствъ или съ малыми средствами боецъ выигрываетъ зачастую сраженіе и платитъ сторицею тѣмъ,

которые ему въ добрый часъ помогли. Представьте себѣ какое нибудь повальное несчастье въ странѣ, кризисъ, вліяющій на весь ходъ народной промышленности. Въ одну минуту розовое оказывается чернымъ, гдѣ были итоги оказываются дефициты; неужели желательно, чтобы при первой перемѣнѣ направленія вѣтра бойцы давали тягу, чтобы не выдержавъ до послѣдней минуты въ надеждѣ, что еще дѣла поправятся, авось заключенъ будетъ миръ или прекратится народное бѣдствіе, они обязательно приступали къ ликвидаціи подъ страхомъ наказанія, какъ за мошенничество, за продолженіе операций, чтобы они бѣжали малодушно, чтобы они увеличивали всеобщую панику,—вмѣсто того, чтобы стараться напротивъ того свести ее до наименьшихъ размѣровъ. Не только въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, но и въ случаяхъ только крушеній, надо дать погибающему возможность выпутаться, а не затягивать ему преждевременно уголовную петлю на шею, надо дать ему возможность исчерпать всѣ средства кредита. Что, не смотря на разверзшуюся для банка пропасть, онъ питалъ еще надежду получить кредитъ — доказывалось поѣздкою депутатовъ въ С.-Петербургъ, ожиданіемъ правительственной помощи, которая даваема была другимъ частнымъ банкамъ въ подобныхъ случаяхъ, на что указывалъ и Струсбергъ въ своемъ послѣднемъ словѣ. Вправдѣ ли былъ надѣяться коммерческій банкъ на помощь государственную? Государственный банкъ не разъ уже выручалъ частные банки въ подобныхъ случаяхъ; наша жизнь такъ уже устроилась, что въ ней частной самодѣятельности мало, и существуетъ громадная все и за всѣхъ дѣлающая машина, къ которой каждый нарываетъ прислониться. Итакъ, гг. сенаторы, ни совѣтъ банка, ни всѣ лица въ немъ сидѣвшія невиновны въ мошенничествѣ, потому только, что они не закрыли дѣйствій банка, т. е. не огласили его несостоятельность съ 5 по 11 октября. Они нарушили уставъ банка, они плохіе администраторы; за нарушеніе устава да будетъ

предоставлено всѣмъ и каждому взыскивать съ нихъ убытки по общему закону, въ общемъ гражданскомъ порядкѣ судопроизводства, но они не мошенники.

Они также и *непопустители* мошенничества или инаго преступленія противъ чужой собственности. Для признанія ихъ попустителями необходимо, чтобы событіе преступленія заключалось не въ 43 вопросѣ о незакрытіи банка, а въ 44, 45, 46 вопр. о послѣдствіяхъ незакрытія (допущеніе вкладчикамъ помѣщать капиталы въ банкъ, когда онъ уже былъ несостоятельнымъ, выдача нѣкоторымъ вкладчикамъ вкладовъ полнымъ рублемъ и сбытъ акцій банка на биржѣ, провѣдавшими о крушеніи акціонерами).

1) *Пріемъ вкладовъ.* Вклады бываютъ на храненіе и на текущій счетъ. Растрата вкладовъ на храненіе безспорно преступна, но въ ней не обвинялось правленіе банка. Вкладъ на текущій счетъ есть собственно договоръ займа до востребованія, ничѣмъ не обезпеченный и совершаемый посредствомъ домашняго акта. Вопросъ о преступности такого договора между вкладчикомъ съ одной, а со стороны банка по уполномочію его правленія банка съ попустительствомъ совѣта можетъ быть рѣшенъ лишь отрицательно. Мошенничества нѣтъ, хотя несостоятельность нависла надъ банкомъ, какъ туча. Вклады принимались; банкъ могъ еще выпутаться, нельзя доказать чтобы до 11 октября существовала для него обязанность воздерживаться отъ договоровъ, еще онъ былъ дѣеспособное лицо. Вслѣдствіе превратностей судьбы отвлеченная возможность несостоятельности виситъ надъ каждымъ банкомъ, она подходитъ, она чувствуется постепенно, но сама несостоятельность наступаетъ только по истощеніи всѣхъ силъ и возможности дѣйствовать, что и случилось 11 октября. До этого момента банкъ еще боролся, незакрытіемъ операцій онъ могъ нарушить § 66 своего устава, но ни правленіе его не виновно въ мошенничествѣ, ни совѣтъ въ попустительствѣ.

2) *Вынутіе вкладовъ* на 2 милл. руб. провѣдавшими о тѣсномъ положеніи банка вкладчиками. Вслѣдствіе того, что текущій счетъ есть ссуда въ заемъ до востребованія, каждый вкладчикъ имѣлъ полное право, власть и возможность съ 5 по 11 октября придти и взять свой вкладъ обратно. Банкъ, его правленіе и касса были бы виновны, если бы они выдали деньги одному изъ требователей, а другому не выдали, но извѣстно, что они выдавали вклады полностью всѣмъ одинаково, причемъ касса истощалась столь быстро, что для менѣе осторожныхъ и старательныхъ вкладчиковъ остались въ кассѣ мелочные рубли и копѣйки. Въ числѣ требователей былъ и Шумахеръ. Забудемъ на одну минуту, что онъ членъ совѣта, представимъ себѣ, что онъ посторонній банку человѣкъ, случайно узнавшій, что дѣла банка плохи. Имѣлъ ли бы онъ въ такомъ случаѣ право взять свой вкладъ? Разумѣется имѣлъ и по закону юридическому, и даже по нравственному. Если бы имъ руководила въ этомъ случаѣ даже любовь христіанская ко всѣмъ другимъ неизвѣстнымъ ему вкладчикамъ, то и эта любовь не идетъ дальше того, чтобы и имъ было тоже, что ему, чтобы всѣмъ поровну досталось, но такого уравненія не могло быть по истощеніи кассы. Будутъ брать другіе, но онъ то самъ ничего не получить и останется безъ пользы для нуждающихся въ накладѣ, потому что возмуть свое люди половчѣе, а вовсе не тѣ, для которыхъ потеря вклада равносильна полнѣйшему разоренію. Всякъ судить по себѣ; я бы не усомнился пойти въ банкъ взять вкладъ, я бы тоже посовѣтывалъ сдѣлать друзьямъ, роднымъ, знакомымъ. Пока банкъ не приостановилъ платежей, всякій вкладчикъ имѣетъ право брать, а обязанность не брать ничѣмъ мотивирована быть не можетъ. Другимъ лицамъ требованіе вклада ущерба не наноситъ, потому что и они могли бы быть точно также осторожны, какъ онъ, и всѣ заявить свои требованія одновременно, тогда бы выдача вкладовъ приостановилась по невозможности

удовлетворить всѣхъ сполна и имѣла бы мѣсто разверстка. Требователь ущерба банку никакого не причиняетъ. Если банкъ несостоятеленъ, то дефицитъ его останется одинъ и тотъ же и въ томъ случаѣ, когда всѣ вкладчики раздѣляютъ между собою кассу по разверсткѣ, и въ томъ, когда нѣкоторые возьмутъ свои вклады сполна, а другимъ ничего не достанется. Итакъ, я полагаю, что взятіе вклада обратно, было законнымъ пользованіемъ своимъ правомъ по договору и не содержитъ въ себѣ никакихъ признаковъ преступленія.

3) *Продажа акцій на биржѣ* акціонерами, узнавшими, что банкъ пошатнулся. Вопросъ 46 присяжными формулированъ такимъ образомъ: продолженіе дѣйствій банка открыло ли возможность нѣкоторымъ лицамъ распространять слухи объ успѣшномъ ходѣ банковыхъ операцій и сбывать акціи ничего не стоящія въ третьи руки. Вопросъ плохо формулированъ, возможность еще не дѣйствительность, возможность пускать ложные слухи существовала, но пускаемы ли были они въ ходъ неизвѣстно; если кто ихъ пускалъ, то надлежало бы его преслѣдовать, какъ мошенника, но въ томъ то и дѣло, что ихъ никто не пускалъ, а приведена эта фраза въ вопросахъ, чтобы смѣшать два понятія: *распространеніе* ложныхъ слуховъ, котораго вовсе не было, и просто сбытъ акцій *съ умолчаніемъ*, что онѣ ничего не стоятъ, который имѣлъ мѣсто въ промежутокъ времени съ 5 по 11 октября. Шумахеръ самъ акцій не сбывалъ, сбывали другія лица. Относительно этихъ другихъ лицъ было высказано однимъ изъ защитниковъ по настоящему дѣлу г. Куперникомъ, что весьма трудно провести точную границу въ коммерческой спекуляціи между дѣйствіями коммерческимъ и уголовнымъ. Я полагаю, что эта граница можетъ быть проведена. Кто создаетъ ложное событіе, чтобы посредствомъ выдумки совершить спекуляцію, тотъ совершаетъ преступленіе; кто пользуется незнаніемъ или заблужденіемъ другихъ, не имъ созданнымъ, тотъ не совершаетъ преступленія. Не будемъ же

увлекаться, посмотримъ на событіе жизни реально. Есть биржа, есть продажа и покупка процентныхъ бумагъ, есть въ этой спекуляціи бумагами ради прибыли та особенность, что премія, выгода, барышъ, достаются тому, кто больше предвидитъ или больше знаетъ. Узналъ я, хотя и не изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что будетъ война, смекнулъ я, что акціонерное общество имѣетъ въ своей средѣ талантливаго администратора, который избранъ директоромъ или на оборотъ, что дѣла его порастроились: я тотчасъ же продаю или покупаю процентныя бумаги, не будучи обязанъ оповѣщать что-бы то небыло о результатѣ моихъ соображеній. Иное дѣло, когда спекулянтъ изобрѣтаетъ биржевыя утки и ловить на эти удочки простяковъ. Спекуляція навѣрняка процентными бумагами не можетъ долго длиться и многихъ обогатить, потому что появленіе многихъ сотенъ или тысячъ акцій на биржѣ уронитъ разомъ ихъ цѣну и заставитъ покупателей быть на сторожѣ, хотя бы причина появленія массы акцій для продажи открыта была неизвѣстностью. Преслѣдованіе спекуляцій на сбытъ акцій ничего не стоющихъ бесполезно, лучше свобода сдѣлокъ и безнаказанность. Итакъ, всѣ послѣдствія незакрытія банка, изложенныя въ 44, 45, 46 вопросахъ присяжными лишены всякаго характера активной преступности, вслѣдствіе чего за прикосновенность къ нимъ члены совѣта Коммерческаго Ссуднаго Банка судимы быть не могутъ. Остается разобрать, не пала ли на членовъ совѣта банка вина отрицательная, заключающаяся въ ихъ недѣятельности, въ уголовно-наказуемомъ *упущеніи*?

Въ 1 ст. улож. сказано: преступленіемъ или проступкомъ называется, какъ противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ *страхомъ* наказанія закономъ *предписано*; слѣдовательно, неисполненіе того, что уложеніемъ о нак. или устава о нак. предусмотрено. Какъ доказать что оно предусмотрено? Ссылкою суда на законъ. Въ данномъ случаѣ такимъ указываемымъ

судомъ закономъ служить та грозная для государственныхъ сановниковъ вспомогательная ст. 341, исполняющая всѣ пробѣлы раздѣла V улож. и посвященная превышенію и бездѣйствію власти. Дыннѣ статья эта примѣнялась къ служащимъ въ службѣ государственной или общественной. Какъ установить связь между этою статьею и коммерческимъ банкомъ, учрежденіемъ частнымъ? Въ объясненіи своемъ судъ выводитъ эту связь изъ § 36 устава банка, 2181 ст. 1 ч. X т. и 1154 улож. Въ § 36 сказано о личной и имущественной отвѣтственности, но только за превышеніе власти и иные противозаконные поступки, но уставъ не есть еще законъ уголовный; для наказуемости дѣянія или упущенія необходимо, чтобы оно было запрещено или предписано подъ страхомъ опредѣленнаго наказанія. По 1281 ст. ч. 1 т. X, директоры и члены правленія суть уполномоченные компаніи и потому въ случаѣ превышенія предѣловъ власти подлежатъ отвѣтственности предъ компаніею на общемъ основаніи законовъ. Опять поименовано превышеніе, а не бездѣйствіе, опять ссылка на законъ, а именно на 1709 ст. улож. о повѣренныхъ, которые преступаютъ за предѣлы данныхъ имъ полномочій, за что и подлежатъ наказанію, какъ за мошенничество. Наконецъ, ст. 1154 улож. перечисляетъ поименно преступления, за которыя служащіе въ частныхъ банкахъ подвергаются одинаковой съ чиновниками государственнаго банка отвѣтственности по правиламъ раздѣла V, а именно: подлоги по 362 ст. улож., фальшивые счета, невѣрности въ храненіи имущества, лихоимство, вымогательство — и только... Здѣсь нѣтъ ни превышенія, ни бездѣйствія власти и понятно почему? Потому что дѣятельность служебная и коммерческая двѣ разнородныя почвы. Произведенія одной почвы обыкновенно не пересаживаются на другую, совершенно разнородную. Мелкая корыстная неосторожность во время чумы можетъ повлечь за собою смертную казнь, хотя она есть не что иное, какъ полицейскій проступокъ. Непослушаніе или

грубости въ отношеніи къ старшему превращаются въ военномъ быту въ тяжкое преступленіе, караемое каторжными работами, но эти особенности и осложненія, оправдываемыя соображеніями полицейскаго и государственнаго права, не могутъ быть переносимы въ бытъ и отношенія чисто гражданскія. Всѣ учрежденія гражданского права кромѣ семьи, опеки и наслѣдства суть растенія, коренящіяся на свободномъ произволѣ, на сдѣлкахъ, соглашеніяхъ и вытекающихъ изъ сдѣлокъ полномочіяхъ. Всякая власть изъ такихъ сдѣлокъ истекающая имѣетъ видъ довѣрія, полномочія, что и выражено въ ст. 2181 ч. 1 т. X. Перенесите это понятіе въ сферу государственнаго права, вы должны будете ввести голосованье на подобіе общаго собранія акціонеровъ, правительство на подобіе правленія компаніи, каждый гражданинъ превратится въ акціонера, добывающагося наибольшаго дивиденда, само уголовное право превратится въ учрежденіе въ родѣ взаимнаго страхованія отъ преступленія. Идеи эти не выдуманы, онѣ растутъ и распространяются. Изъ современныхъ публицистовъ никто лучше не изобразилъ ихъ роста и вреднаго вліянія на государственный организмъ, какъ Гнейстъ въ своихъ этюдахъ объ англійскихъ учрежденіяхъ. Я полагаю, что вы съ этими идеями не согласитесь. Условія жизни таковы, что отъ государственнаго чиновника требуется больше, чѣмъ отъ компанейнаго слуги на жалованіи. Отъ него требуется сердечное участіе въ дѣлѣ, затрата силъ и способностей, а слѣдовательно и усиленная отвѣтственность въ размѣрахъ далеко не соответствующихъ жалованью и вообще вознагражденію получаемому имъ за труды отъ государства, за то и почетнѣе эта служба, чѣмъ всякая иная служба у частнаго лица или компаніи. Но и на оборотъ, нельзя это бремя отвѣтственности, носимое всякимъ лицомъ, запряженнымъ въ государственную колесницу, вносить въ учрежденія общегражданскія. Нельзя ихъ примѣнять къ такимъ общегражданскимъ

учрежденіямъ, которыя, какъ акціонерныя компаніи, зиждутся на произволѣ и соглашеніи, между тѣмъ какъ государственныя построены на голомъ фактѣ, на началѣ власти, ни отъ кого независимой и существующей, какъ нѣчто непреложно данное и безотлагательное, предшествующее всякимъ другимъ положительностямъ. Нельзя ихъ примѣнить даже и къ такимъ немногимъ гражданскимъ отношеніямъ, которыя изображаютъ власть и изъ нея истекають, каковы напр. отношенія родителей къ дѣтямъ и опекунамъ. Нѣтъ власти, которая была бы подобнѣ государственной, какъ родительская; по типу семьи и власти отца сложились первоначально всѣ правительста, аналогія до того полная, что она сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Попробуйте однако судить слабого отца, дурно воспитывающаго дѣтей, или наказать опекуна за бездѣйствіе власти. Юридически это будетъ такой-же абсурдъ, какъ судить за бездѣйствіе власти повѣреннаго или прикащика. Я полагаю, что отъ такого вмѣшательства государства не выиграло бы общество, по крайней мѣрѣ самодѣятельность въ обществѣ была бы окончательно погребена, вслѣдствіе такого взятія всѣхъ отношеній въ государственную опеку. Не забудемъ еще, что ст. 341 ул. предусматриваетъ преступленіе уголовно-частное, преслѣдуемое не по частной, а по правительственной инициативѣ. Такъ какъ статья эта совсѣмъ къ данному случаю непримѣнима, а кромѣ ея не указано никакой другой подпадающей, то ясно, что упущеніе совѣта, хотя бы оно было и признано, не можетъ быть наказуемо, что вопросы присяжнымъ 43—46 съ отвѣтами на нихъ не содержатъ удостовѣреннаго присяжными событія преступленія.

Относительно мнѣнія окружнаго суда, будто бы признано событіе преступленія, я долженъ еще замѣтить, что это признаніе я отрицаю еще по другимъ причинамъ и соображеніямъ, совершенно отъ означенныхъ мною отличныхъ, но также, какъ и прежнія, вытека-

ющимъ изъ неправильной редакціи окружнымъ судомъ вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ. Допустимъ, что имѣло мѣсто бездѣйствіе власти. Кто его совершилъ? Изъ вопросовъ и отвѣтовъ слѣдуетъ, что его совершилъ совѣтъ, т. е. коллегія, *лицо юридическое*, которое собственно и не было, да и не могло быть предано суду присяжныхъ. Постараемся доказать, что отъ этого привлеченія къ отвѣтственности въ вопросахъ коллегіи и отъ этого допущенія суда надъ всею коллегіею произошелъ рядъ промаховъ, ошибокъ и несообразностей, которые мѣшаютъ выводу какихъ бы то ни было практическихъ результатовъ изъ отвѣтовъ присяжныхъ на 43 — 46 вопросы.

Ст. 751 уст. уг. суд. до извѣстной только степени разрѣшаетъ суду разчленять вопросы, предлагаемые присяжнымъ, ставить особо вопросъ о событіи преступленія, особо о физической виновности, особо о вмѣненіи. Судъ не вправѣ идти дальше чѣмъ допускаетъ законъ въ этомъ разчлененіи, не вправѣ разбивать весь составъ преступленія по кусочкамъ. Онъ долженъ избрать одну изъ двухъ системъ: 1) либо скупить вмѣстѣ въ одинъ вопросъ весь составъ преступленія (субъектъ, объектъ, воля съ сознаниемъ, дѣйствіе съ послѣдствіями); 2) либо опредѣлить весь составъ преступленія, выдѣливъ изъ него только его предполагаемыхъ виновниковъ и вовсе ихъ не опредѣляя. Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, можетъ ли судъ, не опредѣляя виновника, указать, что его надобно *искать* въ цѣломъ классѣ лицъ нпр.: былъ ли X такимъ то образомъ убитъ тогда то лицами, жившими въ одномъ съ нимъ домѣ, или жителями такого то селенія. Подобныя указанія вводятъ судъ въ искушеніе (что и имѣло мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ) подвести *самому* итоги и разрѣшить второй вопросъ о виновности *безъ присяжныхъ* посредствомъ выбора тѣхъ или другихъ лицъ изъ категоріи уже намѣченной, пойти за справками, о томъ, кто изъ числящихся въ этой категоріи былъ на лицо,

а это не былъ, вычеркнуть своею властью какихъ нибудь двухъ-трехъ, а остальныхъ засудить солидарно. Но въ данномъ случаѣ субъектъ преступленія прямо въ вопросахъ и отвѣтахъ опредѣленъ, онъ прямо названъ и такъ названъ, что не будь онъ лицо юридическое, его бы почти несомненно слѣдовало по отвѣту наказать, потому что въ отвѣтахъ установлены и событие преступленія и то, что оно было дѣяніемъ субъекта, оставалось бы только поставить вопросъ о вмѣненіи и спросить: виновенъ ли совѣтъ въ преступленіи, которое по отвѣту на 43 вопросъ имъ несомнѣнно совершено? Здѣсь то и обнаружилась бы несообразность постановки 43 вопроса, здѣсь то и сказалось бы, что подобные вопросы ставить нельзя, потому что совѣтъ не есть лицо физическое, что для него не существуетъ состояніе вмѣняемости, что онъ не есть *ein zurechnungsfähiger Subject*. Вслѣдствіе того, что виновникомъ оказывается невозможный съ уголовной точки зрѣнія субъектъ, само его дѣяніе не есть настоящее, а отвлеченное и воображаемое; это дѣяніе вовсе не можетъ быть событіемъ преступленія. Разъ оно признано дѣяніемъ не лица физическаго, а юридическаго, по любому *учебнику* можно удостовѣриться, что субъектами преступныхъ дѣяній юридическія лица быть не могутъ. Эти дѣянія даже и не переводимы съ лицъ юридическихъ на физическія, потому что, еслибы и допустить отвѣты положительныя на вопросы о каждомъ изъ членовъ совѣта, виновенъ ли онъ, что участвовалъ лично въ событіи преступленія совершеннаго совѣтомъ, то изъ этихъ отвѣтовъ нѣтъ возможности вывести заключеніе о преступности этихъ членовъ совѣта. Членъ совѣта участвовалъ несомнѣнно въ дѣйствіяхъ совѣта, хотя, положимъ, онъ оставался въ меньшинствѣ и составлялъ оппозицію противъ постановленія, состоявшагося по большинству голосовъ. По теоріи Московскаго окружнаго суда и обвинительнаго акта въ извѣстныхъ случаяхъ и общее собраніе акціонеровъ, какъ коллегія, можетъ

совершить преступленіе и можетъ быть судимо. Я бы желалъ знать, какъ бы примѣнена была ст. 341 ул. къ общему собранію акціонеровъ, постановившему что-либо противозаконное по большинству голосовъ при закрытой баллотировкѣ, при которой нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить, кто изъ акціонеровъ былъ за и кто противъ принятаго большинствомъ предложенія. Къ сожалѣнію присяжные рѣшили вопросъ о винѣ членовъ совѣта отрицательно; вообще они обнаружили въ отвѣтахъ тактъ и смыслъ замѣчательный. По ихъ понятіямъ совѣтъ виновенъ *in corpore*, но ни одинъ изъ членовъ не виновенъ въ частности въ томъ, что въ дѣйствіяхъ совѣта участвовалъ.

Слѣдовательно по приговору присяжныхъ всѣ до одного члены совѣта невиновны, оправданы и такимъ образомъ не можетъ быть даже вопроса о примѣненіи къ нимъ гражданскихъ послѣдствій преступленія, которыя какъ хвостъ кометы тянутся сзади за признаннымъ событіемъ преступленія и не являются никогда самостоятельно. Члены совѣта приговорены все-таки однако къ гражданской отвѣтственности. Какимъ образомъ? Очевидно, что судъ *перерылъ* приговоръ присяжныхъ, явивъ примѣръ превышенія власти. Рѣшеніе суда, правда, мотивировано, подкрѣплено ссылкой на законъ и на кассационное рѣшеніе. Разберу эти мотивы и постараюсь доказать, что, не смотря на ихъ тонкость, они не выдерживаютъ критики и являются извращеніемъ на изнанку тѣхъ кассационныхъ рѣшеній, изъ которыхъ они будто бы заимствованы.

Въ кассационной практикѣ вопросъ этотъ слѣдующимъ образомъ поставленъ по двумъ примѣрнымъ кассационнымъ рѣшеніямъ 1868 г. № 388, по дѣлу Постовскаго и 1871 г. № 639, по дѣлу Кострубо-Корицкаго. Если вопросъ о виновности разрѣшенъ отрицательно, то безъ сомнѣнія и рѣчи быть не можетъ о гражданской отвѣтственности подсудимаго въ уголовномъ порядкѣ. Но если вопросъ о виновности былъ разчлененъ, если

изъ него выдѣленъ вопросъ о вѣнненіи и если на два вопроса о событіи преступленія и о томъ, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго даны положительныя отвѣты и только на третій вопросъ о вѣнненіи данъ отвѣтъ отрицательный, слѣдовательно когда удостовѣрено, что преступленіе совершено, но только не можетъ быть ему вѣннено, то въ этомъ и *только въ этомъ* случаѣ судъ уголовный можетъ присудить оправдываемаго подсудимаго къ вознагражденію за вредъ, причиненный его дѣяніемъ, если не уголовно-преступнымъ, то по крайней мѣрѣ безспорно имъ совершеннымъ. Такова практика сената, никакими убѣдительными доказательствами неподдерживаемая и, я долженъ сказать, въ основаніяхъ своихъ сомнительная, потому что коль-скоро нѣтъ вѣнненія, слѣдовательно нѣтъ участія воли въ дѣяніи, то нѣтъ также и событія преступленія; за отсутствіемъ въ дѣяніи всего уголовного, оно перестаетъ подлежать суду уголовному. Нѣтъ основанія къ тому, чтобы оправданный подсудимый лишаемъ былъ возможности отстаивать свое имущество противъ спорныхъ требованій заявляемыхъ въ порядкѣ уголовномъ, не соответственномъ, не предназначенномъ для разбора этихъ требованій. Настоящія причины, вызвавшія разбираемую мною практику сената заключаются, какъ мнѣ кажется, въ *частыхъ оправданіяхъ* на первыхъ порахъ несомнѣнно-виноватыхъ подсудимыхъ, въ присвоеніи себѣ присяжными права миловать, въ желаніи сената, въ виду такихъ весьма возможныхъ неправильныхъ оправданій, доставить гражданскимъ истцамъ возможность получить тутъ же въ порядкѣ уголовного суда вознагражденія за несомнѣнно причиненный имъ вредъ признаннымъ присяжными событіемъ преступленія. Но какова бы не была эта практика, она требуетъ раздѣленія всѣхъ трехъ вопросовъ о виновности, потому что если они соединены въ одинъ, т. е. коллективно поставлены, то при дачѣ присяжными немотивированныхъ отвѣтовъ остается навсегда во мракѣ неизвѣстности, почему подсудимый оправданъ,

потому ли, что его дѣяніе не можетъ быть ему вѣннено, или потому, что событіе не было его дѣянiемъ, или наконецъ, что событіе преступленія вовсе не существуетъ. Вопреки этимъ началамъ, твердо поставленнымъ въ кассационной практикѣ, окружный судъ позволилъ себѣ присудить вознагражденіе, когда вопросъ о винѣ поставленъ былъ одинъ коллективный и когда вина не только моральная, но и фактическая, состоявшая подъ величайшимъ сомнѣніемъ, была присяжными прямо отвергнута. Допустимъ, что присяжные установили событіе преступленія въ отвѣтахъ на вопросы 43—46, затѣмъ возникаютъ вопросы объ участіи въ этомъ преступленіи, положимъ, Шумахера, и о вѣнненіи; всѣ эти вопросы соединены въ одинъ 48-й, составленный слѣдующимъ образомъ: виновенъ ли Шумахеръ въ томъ, что принялъ участіе въ дѣйствіяхъ совѣта? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть толкуемъ двояко: либо что Шумахеръ невиновенъ, потому что вовсе не участвовалъ, либо что хотя и участвовалъ, но былъ въ состояніи невѣнваемости или дѣйствовалъ въ условіяхъ, при которыхъ содѣянное не можетъ ему быть поставлено въ вину. Если въ 48 вопросѣ отвергнуто вѣнненіе, то самъ фактъ участія ни однимъ словомъ присяжными неустовѣренный не можетъ быть разрѣшенъ самимъ судомъ безъ присяжныхъ. Если въ 48 в. само участіе Шумахера отвергнуто, то судомъ нарушены и приговоръ присяжныхъ и кассационныя рѣшенія сената, приведенныя мною и долженствующія служить для судовъ руководствомъ. Въ прежнемъ судопроизводствѣ съ теоріею формальныхъ доказательствъ существовало нѣчто среднее между осужденіемъ и оправданіемъ подсудимому, а именно оставленіе его въ подозрѣніи, которое отмѣнено судебными уставами 20 ноября. Призракъ этого позорнаго оставленія въ подозрѣніи воскресаетъ въ рѣшеніи Московскаго окружнаго суда. Члены совѣта не могутъ быть наказаны, потому что они оправданы присяжными, но судъ нашелъ возможнымъ ошель-

мовать, обличовать этихъ подсудимыхъ на всю жизнь, закрѣпивъ, вопреки рѣшенію присяжныхъ, что они совершили преступленіе. Мой кліентъ надѣется, гг. сенаторы, что вы не допустите, чтобы онъ былъ оставленъ подъ бременемъ осужденія судьями коронными въ преступленіи, въ которомъ онъ былъ оправданъ совѣстью присяжныхъ засѣдателей.

Я кончилъ первую часть моей защиты, касающуюся гражданской отвѣтственности Шумахера, какъ члена совѣта. Я вовсе не исключаю возможной отвѣтственности всѣхъ членовъ совѣта за дѣйствія совѣта предъ лицами, пострадавшими отъ этихъ дѣйствій, я утверждаю только, что по предмету этой отвѣтственности уголовный судъ не есть *forum competens*. Мнѣ предстоитъ исполнить вторую часть моей задачи, касающуюся не коллективнаго, а личнаго поступка моего кліента Шумахера, вынутіе имъ своего вклада изъ банка, за что съ него нието ничего не ищеть, такъ какъ вкладъ былъ добровольно въ банкъ обратно положенъ, но за что, тѣмъ не менѣе, приговорили его къ наказанію, установленному за мошенничество. Я полагаю, что въ этомъ случаѣ Шумахеръ преслѣдуется не за свои личные поступки, а за свою совѣтскую дѣятельность. Постараюсь представить его поступокъ, за который онъ осужденъ въ наипростѣйшемъ видѣ и прослѣдить потомъ какими тонкостями и хитросплетеніями поступокъ этотъ превращенъ въ глазахъ судей въ мошенническое злоупотребленіе довѣрія.

Мною уже было высказано прежде вполне безспорное на мой взглядъ положеніе, что вкладчикъ банка есть его кредиторъ. Всякій кредиторъ имѣетъ право получить свои деньги съ должника, срочный по наступленіи срока, безсрочный по предъявленіи. Право это не ограничено никакими соображеніями, касающимися состоятельности должника, потому что *qui jure suo utitur nemini facit injuriam*. Въ требованіи уплаты не можетъ быть нарушенія чьихъ бы то ни было интере-

совъ ни должника, ни другихъ сокредиторовъ, между которыми и кредиторомъ не существуетъ никакой связи и солидарности. Законъ не могъ однако же предвидѣть, что кредиторы могутъ пострадать, когда должникъ, поступая какъ злостный банкротъ, переведетъ обманнымъ образомъ свое имущество на чужое имя, или даже когда должникъ, и не будучи банкротомъ, пожелаетъ спасти и выгородить нѣкоторыхъ изъ своихъ кредиторовъ, которые къ нему поближе, жертвуя въ пользу ихъ другими, которые уже ничего не получаютъ. Для устранения этихъ двухъ возможностей установлены два законоположенія. *Одно изъ нихъ* (1163 и 1164 ст. улож. о наказ.) о злонамѣренномъ банкротствѣ и о лицахъ, участвовавшихъ въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота, *другое* содержится въ 1957 ст. торг. уст. XI т. Платежъ по актамъ, которымъ по день объявленія несостоятельности, сроки еще не наступили, учиненный несостоятельнымъ въ теченіе послѣднихъ десяти дней до открытія несостоятельности, считается незаконнымъ, и деньги, такимъ образомъ уплаченныя, взыскиваются обратно въ пользу массы кредиторовъ несостоятельнаго. Первое изъ этихъ законоположеній непримѣнимо въ настоящемъ случаѣ, потому что банкъ, какъ юридическое лицо, не можетъ быть признанъ злостнымъ банкротомъ, но второе примѣняется вполне, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказано, что оно не должно было примѣняться въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ, по аналогіи признаваемой и обвинительною властью, закрытіе операций банка 11 октября вполне равносильно объявленію банка несостоятельнымъ. Какъ въ медицинѣ не прибѣгаютъ къ хирургическимъ операціямъ какъ только въ случаяхъ, когда нельзя пособить менѣе крайними средствами, такъ точно и на судѣ къ уголовнымъ мѣрамъ обращаются, когда всѣ гражданскія исчерпаны. Въ настоящемъ случаѣ гражданскія средства остались *неиспробованными*. Вопросъ остался открытымъ. Либо 1957 ст. непримѣнима къ настоящему случаю, слѣдо-

вательно выдачи вкладовъ съ 5 по 11 октября совершены на законномъ основаніи, слѣдовательно за выдачу ихъ ни къ кому нельзя простирать претензій. Либо 1957 ст. примѣнима — въ такомъ случаѣ всѣ вклады, выданные съ 5 по 11 октября могутъ быть вытребованы обратно по постановленіямъ конкурса, или властей замѣняющихъ конкурсъ надъ банкомъ, или по опредѣленію надлежащаго суда, а за несостоятельностью вкладчиковъ могутъ быть на основаніи 684 ст. т. X подвергнуты отвѣтственности, конечно только гражданской, лица выдававшія вклады изъ банка. Во всякомъ случаѣ при развязываніи сего узла главный преюдиціальныи вопросъ есть вопросъ чисто гражданскій: законность или незаконность платежей, учиненныхъ банкомъ въ послѣдніе дни до объявленія его несостоятельности и прекращенія операций. Практически это положеніе подтверждается тѣмъ, что никто изъ получившихъ свои вклады вкладчиковъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, кромѣ только трехъ, бывшихъ членами совѣта, Шумахера, Вишнякова и Лѣникова. Относительно всѣхъ трехъ поставлены вопросы присяжнымъ (89, 90, 91), но на эти вопросы, не смотря на одинаковость положенія, даны присяжными разные отвѣты: о Вишняковѣ и Лѣниковѣ, что они невиновны, о Шумахерѣ, что онъ виновенъ. Спрашивается: *во-первыхъ*, не налагало ли званіе членовъ совѣта какихъ-нибудь особенныхъ обязанностей на Вишнякова, Лѣникова и Шумахера, вслѣдствіе чего требованіе ими своихъ вкладовъ, не будучи вообще преступно для всѣхъ другихъ вкладчиковъ, явилось для нихъ специально-преступнымъ дѣяніемъ; и *во-вторыхъ*, какая могла быть разница въ положеніи Шумахера съ одной, а Вишнякова и Лѣникова съ другой стороны, вслѣдствіе которой они оправданы присяжными, а Шумахеръ обвиненъ? Если вердиктъ присяжныхъ разсматривать, какъ изреченіе оракула, то самая постановка этихъ вопросовъ представляется праздною, если же видѣть въ немъ продуктъ разумаго изслѣдованія

обстоятельствъ дѣла, то большею частью возможно добратся до мотивовъ, руководившихъ присяжными. Итакъ, постараюсь дать отвѣты на оба эти вопроса.

Ни въ уставѣ банка, ни въ гражданскихъ законахъ нѣтъ того ограниченія, чтобы акціонеръ, избираемый въ должность по акціонерному обществу лишился права дѣлать вклады въ банкъ, а слѣдовательно и получать ихъ обратно. Между дѣятельностью члена совѣта и дѣятельностью его же, какъ кредитора вкладчика, нѣтъ ничего общаго, нельзя сказать даже, чтобы въ немъ кредиторъ смѣшивался съ завѣдывающимъ дѣлами или кассой банка; къ нему нельзя примѣнить, что онъ какъ распорядитель выдалъ себѣ же деньги, какъ вкладчику. Между кредиторами и совѣтомъ стоитъ, какъ извѣстно, правленіе; членъ совѣта въ управленіе не вмѣшивается, а состоитъ только членомъ въ коллегіи, въ которой и подаетъ свой голосъ; свой вкладъ онъ можетъ получить только при посредствѣ правленія. Не выдавая денегъ, Шумахеръ и не могъ воспользоваться званіемъ члена правленія для полученія денегъ. Званіе члена совѣта могло ему только помочь узнать раньше другихъ, что банкъ въ опасности, но онъ взялъ уже свои деньги не какъ членъ совѣта, а какъ вкладчикъ, наравнѣ со всѣми другими вкладчиками. Итакъ, званіе члена совѣта не осложняло нисколько поступка Шумахера; если не предавались суду вынужшіе свои вклады вкладчики, то и его не надо было предавать суду; если оправданы Лѣнивовъ и Вишняковъ въ сущности и его слѣдовало бы оправдать. Развѣ въ его положеніи и поступкахъ есть какія-либо особенности, которыхъ не встрѣчается въ дѣйствіяхъ Вишнякова и Ленинова и какія именно?

Вишняковъ и Лѣнивовъ взяли свои вклады и ихъ обратно не внесли, Шумахеръ свой вкладъ внесъ опять полностью уже по закрытіи банка, такъ что отъ вынужтія имъ другіе вкладчики никакого уменьшенія своихъ долей при разверсткѣ не испытали. Кажется, что эта особенность не должна бы вести къ отягченію участи

Шумахера. Какія же инныя отличія его отъ товарищей его по совѣту? Кажется никакихъ, кромѣ одного только, что онъ былъ вице-предсѣдателемъ совѣта по выбору самихъ же членовъ совѣта. Если сообразимъ, что только двое членовъ совѣта: предсѣдатель Борисовскій и вице-предсѣдатель Шумахеръ обвинены въ поступкахъ, имѣвшихъ предметомъ не ихъ совѣтскую дѣятельность, но стремленіе спасти во время крушенія банка свое добро, прочимъ же членамъ совѣта это стремленіе прощено, то я не ошибусь, если скажу, что присяжные на нихъ двоихъ, стоявшихъ во главѣ совѣта, посмотрѣли, какъ посмотрѣлъ бы судъ морской на капитана погибающаго корабля и его помощника, которые во время крушенія вмѣсто того, чтобы послѣднимъ сойти съ корабля, бросились спасаться сами. И окружный судъ, и присяжные сошлись въ воззрѣніи на обязанности Борисовскаго и Шумахера весьма идеальномъ. Они разсудили, что кому больше дается, съ того больше и взыщется. Шумахеръ по своему прошлому, по своему положенію, по своему выдающемуся мѣсту въ совѣтѣ обязанъ былъ не имѣть минуты слабости, не дрогнуть, не брать своего вклада обратно въ то время, когда совѣтъ считалъ еще возможнымъ надѣяться на лучшее будущее и не закрывалъ банковыхъ операцій. Онъ самъ постигъ свою ошибку и возвратилъ вкладъ, но сдѣлалъ это уже поздно. Извѣстный идеалъ поставленъ былъ предъ присяжными, идеалъ въ самомъ дѣлѣ привлекательный въ формѣ вопроса довольно странной, необычной. Сама форма вопроса сентенціональная, не фактическая подкупала ихъ своею возвышенностью. Идеалъ они признали и потому поступка Шумахера не могли одобрить, они и выразили ему свое порицаніе. О томъ загладили ли Шумахеръ свою вину возвращеніемъ вклада ихъ и не спрашивали. Присяжные вѣроятно не знали и не обязаны были знать законы уголовныя, свойство преступленія совершеннаго Шумахеромъ и даже подходить ли поступокъ Шумахера подъ понятіе какого бы то ни

было преступленіа. Они не одобряли этотъ поступокъ; я и не думаю противъ этого неодобренія возставать. Порицаніе можетъ быть отнесено ко всякому неловкому, нехорошему поступку, но не во всякомъ неловкомъ поступкѣ содержится мошенничество. Начальникъ виновенъ, когда подписываетъ дѣловыя бумаги не читая, но здѣсь не слѣдуетъ казнить, какъ за подлогъ. Военачальникъ, который спитъ въ палаткѣ или проводитъ время въ пьянствѣ въ то время, когда на него нападаютъ въ расплохъ, конечно плохой начальникъ, но онъ еще не государственный измѣнникъ. Порицаемый фактъ еще надобно вставить въ законѣ установленныя формы, провѣрить, есть ли въ немъ составъ требуемый уложеніемъ *мошенничества* или *нарушенія довѣрія*. Поступокъ Шумахера очерченъ въ отвѣтѣ присяжныхъ, изъ этихъ признаковъ, какъ изъ бревенъ и кирпичей, надо построить преступленіе, предусмотренное въ 1198 ст. улож., которую привелъ окружный судъ. Задача переносится на эту чисто юридическую почву. Я утверждаю, что изъ отвѣта на 89 вопросъ нельзя построить преступленія, предусмотрѣннаго 1198 ст. улож.

Статья эта гласитъ, что членъ торговаго общества, который съ умысломъ употребить ко вреду общества данное ему полномочіе или довѣріе подлежитъ наказанію, какъ за мошенничество. И въ кассационной жалобѣ и въ объясненіяхъ прокурора потрачено много времени и соображеній на то, какъ понимать «довѣріе» въ 1198 ст., слѣдуетъ ли его понимать въ смыслѣ тѣсномъ, отождествляя съ полномочіемъ или въ болѣе обширномъ. Прокуроръ толкуетъ его въ самомъ обширномъ смыслѣ, но какъ бы онъ обширенъ не былъ, я полагаю, что надо его брать въ *опредѣленномъ* смыслѣ, въ противномъ случаѣ члены всѣхъ совѣтовъ и правленій россійскихъ акціонерныхъ компаній рискуютъ попасть въ мошенники. Допустимъ, что директоръ компаніи съ *умысломъ*, т. е. сознательно, затѣетъ по легкомыслію или непониманію дѣла такую спекуляцію, которая причи-

нить вредъ компаніи, вслѣдствіе чего онъ несомнѣнно злоупотребить тѣмъ довѣріемъ, которое на него возложили, выбирая его въ директоры. Всѣ признаки преступленія, какъ его толковалъ московскій окружный судъ на лицо и патентъ на мошенника готовъ; я полагаю однако, что вы, гг. сенаторы, въ этомъ поступкѣ злоупотребленія довѣрія не нашли бы, а открыли бы въ рѣшеніи суда *злоупотребленіе словами* закона и непониманіе смысла уголовного кодекса... Система уложенія такова, что при дѣленіи его на 12 раздѣловъ, разновидности одного и того же преступленія попали въ разные раздѣлы (лже-свидѣтельство и лжеприсяга въ раздѣлахъ 8 и 2, подлогъ въ обязательствахъ, служебный и въ векселяхъ въ раздѣлахъ 12, 4 и 8 и т. д.). Въ подобныхъ случаяхъ уложеніе не повторяетъ наказаній, наложивъ наказаніе за главный видъ, всѣ другіе отгѣнки отсылаетъ къ этому виду, при чемъ самыя ссылки на этотъ видъ уже указываютъ, съ какого рода преступленіемъ имѣемъ дѣло и какія условія требуются для всѣхъ отгѣнковъ относительно состава преступленія. Преступленіе, предусмотрѣнное въ 1198 ст. ул. есть разновидность мошенничества, само мошенничество—одинъ изъ видовъ преступленія противъ чужой собственности. Система преступленій противъ собственности слагается изъ слѣдующихъ главныхъ статей: похищеніе силою (кража, грабежъ, разбой), похищеніе хитростью (мошенничество) и наконецъ присвоеніе вещи непохищенной, но дошедшей какимъ-либо образомъ до держателя. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (§ 66 Нѣмецкаго имперскаго кодекса) этотъ третій видъ подраздѣляется еще на присвоеніе простое и усложненное нарушеніемъ довѣрія, которымъ пользовался присвоитель: названіе опекуна, душеприкащика, управляющаго компаніею, повѣреннаго (*Unterschlagung* и *Untreue*). Во французскомъ правѣ нѣтъ простаго присвоенія, а выдѣляется только нарушеніе довѣрія: *abus de confiance* при особенныхъ отношеніяхъ (art. 408 Code pénal) и присвоеніе вещей, до-

вѣренныхъ *à titre de louage, dépôt, mandat ou pour un travail salarié ou non salarié*. У насъ въ противность тому, что существуетъ во Франціи, присвоеніе простое имѣеть особое мѣсто рядомъ съ мошенничествомъ, а нѣтъ преступленія соответствующаго *abus de confiance* и предусмотрѣны два только случая *abus de confiance*, одинъ въ 1198 ст. улож. для членовъ компаний, другой въ 1709 ст. для повѣренныхъ, вступающихъ во вредъ довѣрителя въ сдѣлки съ его противниками. Если брать 1198 ст. въ связи съ одной стороны съ постановленіями о присвоеніи, съ другой о мошенничествѣ, то составъ этого преступленія опредѣлится слѣдующими чертами:

1) *Субъектомъ* его можетъ быть только членъ общества, облеченный его довѣріемъ, въ этомъ обществѣ по выбору его служащій. 2) *Объектомъ* его можетъ быть только довѣряющееся общество, представляемое общимъ собраніемъ акціонеровъ. 3) Для понятія *умысла* мало того, чтобы преступникъ совершилъ дѣйствіе сознательно и намѣренно. Всѣ безъ исключенія законодательства требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ *fraudulenter* (*fraude ou intention de nuire; absichtlich zum Nachtheile der ihm anvertrauten Sache*), т. е. не только съ положительнымъ намѣреніемъ сдѣлать то, что сдѣлано, т. е. взять свой вкладъ, но еще съ тѣмъ, чтобы *повредить* обществу, какъ довѣрителю. 4) Необходимо при томъ, чтобы вредъ *дѣйствительно* былъ причиненъ объекту преступленія — довѣрителю. 5) Накопецъ необходимо, чтобы это причиненіе вреда послѣдовало посредствомъ *употребленія* на этотъ вредъ *власти*, которою преступникъ довѣрителемъ облеченъ, чтобы онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ того, что ему довѣрено или поручено. Разсмотримъ, имѣются ли въ данномъ случаѣ всѣ эти пять капитальныхъ существенныхъ признаковъ. Составъ преступленія будетъ неполный коль-скаро нѣтъ котораго-либо изъ нихъ.

Первое условіе на лицо: Шумахеръ былъ дѣйствительно довѣренное лицо, избранное въ члены совѣта

общимъ собраніемъ акціонеровъ и въ предсѣдатели товарищества—членами совѣта.

Второго условія совѣтъ нѣтъ. Объектомъ преступленія можетъ быть *только само общество*, а не постороннія лица напр. *кредиторы* общества. Сама прокуратура и судъ признаютъ, что 5 октября банкъ уже былъ трупъ, что онъ уже былъ несостоятельнымъ, сами они обвиняютъ членовъ совѣта за прекращеніе операций. Если банкъ былъ все равно что трупъ, а его имущество, въ которомъ пассивъ преобладалъ надъ активомъ было только массою, подлежащею распредѣленію между кредиторами, то я полагаю, что объектъ преступленія, требуемый ст. 1198, уже не существовалъ. Съ кредиторами же банка Шумахеръ не состоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ довѣрія: онъ самъ былъ такой же кредиторъ, какъ и они. Взятіемъ Шумахеромъ вклада насколько не измѣнился балансъ Банка, потому что насколько уменьшился активъ, настолько уменьшился пассивъ, а разница осталась таже самая.

Третье условіе—умыселъ съуживается въ рѣшеніи суда до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, до признанія въ Шумахерѣ, что вынудіемъ вклада уменьшится капиталъ общества. Я уже старался доказать, что этого мало, что если *умыселъ* прямо упомянуть въ 1198 ст., то это обозначаетъ, что здѣсь требуется не простая сознательность, но нѣчто большее, а именно особенная цѣль преступная, извѣстнымъ образомъ опредѣленная. Прокуроръ въ своемъ объясненіи утверждаетъ, что умыселъ былъ, потому что Шумахеромъ руководила при вынудіи вклада цѣль корыстная, желаніе возвратитъ себѣ вкладъ полностью. Этотъ доводъ грѣшитъ незнакомствомъ съ техникою, съ терминологіею уложенія. Уложеніе подъ словомъ корыстная цѣль никогда не подразумѣваетъ желанія доставитъ себѣ *законную* выгоду, воспользоваться законнымъ правомъ, вынудіе же вклада есть цѣль вполне законная, въ противномъ случаѣ всѣ вкладчики, вынудившіе 2,400,000 р. съ 5 по 11

октября сидѣли бы на скамьѣ подсудимыхъ. Итакъ въ данномъ случаѣ корыстные виды не примѣнимы, необходимо намѣреніе вредить довѣрителю, а этого то намѣренія и нѣтъ. Само соображеніе, что получая вклады Шумахеръ уменьшилъ платежную способность банка есть не больше какъ *софизмъ*. Несостоятельность значить отсутствіе платежной способности, банкъ былъ ея лишень по обвинительному акту и мнѣнію суда уже 5 октября, и потому Шумахеръ не могъ уменьшить того, что вовсе не существовало. Только въ математикѣ употребляются величины отрицательныя; въ дѣйствительности ихъ нѣтъ, онѣ только условные знаки.

Четвертое условіе—вредъ банку есть тоже фикція, такая же какъ уменьшеніе платежной способности банка, квадратура круга, круглый четвероугольникъ! Если банкъ умеръ, а совѣтъ обвиняется въ томъ, что скрывалъ отъ публики его плачевную кончину, то вредъ не могъ быть причиненъ ни банку, который умеръ, ни лицамъ, которыя бы являлись продолжателями его личности, банкъ не оставилъ наслѣдниковъ, имущество его невыморочное, оно ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ въ казну.

Пятое условіе—выдача вклада произошла не чрезъ злоупотребленіе довѣрія. Это послѣднее условіе я отрицаю въ большей еще степени нежели всѣ остальные. Мнѣ говорятъ: дѣло рѣшено по существу непоколебимымъ въ этомъ отношеніи приговоромъ присяжныхъ; присяжные признали, что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія и такимъ образомъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе. Я долженъ прежде всего отдѣлать въ этомъ отвѣтѣ, что сказали присяжные *отъ умозаключеній самого суда*. Отвѣчая на вопросы, присяжные признали: 1) что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія, 2) для взятія своего вклада полностью; 3) между тѣмъ какъ званіе обязывало его не допускать даже съ ущербомъ для себя уменьшенія капитала Банка. Изъ этихъ трехъ положе-

ній первое фактически невѣрно, но я не вправѣ его опровергать, оно примѣръ неправды, которую никакъ нельзя исправить. Членъ совѣта ни чѣмъ не распоряжается, приказовъ не даетъ; онъ по званію члена совѣта, узналъ о положеніи дѣлъ банка, но онъ взялъ свой вкладъ не по званію члена совѣта, а по званію кредитора. Но если бы въ самомъ дѣлѣ онъ взялъ свой вкладъ пользуясь своимъ положеніемъ, какъ члена совѣта, то взятіе своего вклада есть дѣйствіе совершенно законное и потому ненаказуемое. Итакъ, вся суть отвѣта заключается въ третьемъ положеніи, въ словахъ что Шумахеръ взялъ свой вкладъ, между тѣмъ, какъ на немъ лежали такія-то обязанности. Защитникъ Шумахера протестовалъ въ судѣ противъ постановки всего вопроса, въ кассационной своей жалобѣ онъ оспариваетъ послѣднюю его часть, содержащую изложеніе обязанностей членовъ совѣта. Я поддерживаю эту часть жалобы на слѣдующихъ основаніяхъ. Если по 760 ст. уст. угол. суд. присяжнымъ нельзя предлагать вопросъ въ видѣ закономъ принятыхъ опредѣленій, то конечно нельзя предлагать на ихъ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, какія обязанности возложены закономъ на членовъ совѣта, потому что присяжные не законники, а это вопросы *техническіе*, юридическіе, въ которыхъ они не свѣдуци, въ которыхъ нельзя ихъ брать въ провозатые. Я не унижу нисколько достоинства присяжныхъ, если скажу, что они столь же мало способны рѣшать *техническіе* вопросы юриспруденціи, какъ я, не математикъ, разрѣшать задачи съ помощію дифференціального исчисленія. Въ сферѣ уголовной есть два ряда предметовъ, сличаемыхъ между собою и приводимыхъ къ уравненіямъ: обязанности людскія, изображенныя въ законахъ, толкуемыя судомъ безъ помощи присяжныхъ и дѣянія *человѣческія*, которыя обсуждаются для подведенія ихъ подъ законы; въ дѣлахъ важнѣйшихъ, дѣянія эти обсуждаются присяжными. Судъ не можетъ предлагать присяжнымъ вопросовъ, виновенъ ли подсудимый въ томъ, что нару-

шилъ такія-то обязанности, закономъ на него возложенныя, потому что они могутъ отвергнуть виновность, не признавая самой обязанности, не сочувствуя ей, и такимъ образомъ присяжные отмѣняютъ то, что установлено законодателемъ. Если присяжные не законники, то нельзя ни давать имъ провѣрять правильность того, что установлено закономъ, ни предлагать имъ свое толкованіе обязанностей будто бы изъ закона вытекающихъ, а можетъ быть и совсѣмъ изъ закона не почерпнутыхъ и лишенныхъ всякаго законнаго основанія, потому что если въ вопросахъ факта совѣсть присяжныхъ есть окончательно рѣшающая власть, то въ вопросахъ права должны быть инстанціи, должно быть обращеніе къ кассационному департаменту сената. Всякій судъ можетъ ошибиться и измыслить небывалыя обязанности, которыя потомъ присяжные закрѣпляютъ своимъ приговоромъ. Ошибки эти возможны; онѣ и допущены московскимъ окружнымъ судомъ, который въ вопросѣ присяжнымъ позволилъ себѣ изложить обязанности члена совѣта банка чисто *фантастическія*. Никогда законъ не возлагалъ на членовъ совѣта обязанностей дѣйствовать въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Еще римляне сводили всѣ юридическія обязанности къ тремъ: *honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue*. Мы слышали здѣсь въ засѣданіи высказанное мнѣніе, что всякіе вопросы права могутъ превращаться въ вопросы факта; къ сожалѣнію не были указаны законы, по которымъ совершаются подобныя превращенія. Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что законы суть тоже факты, но факты абстрактныя, эти абстрактныя факты не могутъ быть превращаемы въ конкретныя и предлагаемы въ такомъ видѣ присяжнымъ, потому что присяжные установлены только для однихъ конкретныхъ фактовъ, а не абстрактныхъ. Превратнымъ истолкованіемъ обязанностей членовъ совѣта судъ могъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ и былъ причиною того, что они признали Шумахера виновнымъ. По всѣмъ симъ основа-

ніямъ оказывается, что въ поступкѣ Шумахера нѣтъ четырехъ изъ пяти признаковъ состава преступленія, предусмотрѣннаго въ 1198 ст. ул., а потому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ.

Да будетъ мнѣ позволено при окончаніи защиты сказать нѣсколько словъ о весьма важной бытовой сторонѣ настоящаго дѣла, для котораго ваше рѣшеніе, гг. сенаторы, будетъ имѣть громадное значеніе. Акціонерное дѣло у насъ новое; въ то время, когда писалось уложеніе оно существовало въ однихъ ничтожныхъ зачаткахъ; иначе и быть не могло при системѣ правительственной опеки въ области промышленности. Съ тѣхъ поръ Россія вступила на новые пути, возникли банки, желѣзнодорожныя компаніи, торговыя товарищества. Разумѣется эти скороспѣлые плоды — пріобрѣтенія ненадежныя, набирались туда люди всякіе, и существовало убѣжденіе, что достаточно получить уставъ, вывѣску повѣсить, да выбрать правленіе и совѣтъ, чтобы машина пошла, какъ слѣдуетъ. Всякая новинка, пока она привьется, оплачивается крахами и неудачами, разочарованіями. Всѣ страны переживаютъ подобные кризисы, доходя горькимъ опытомъ до сознанія условій, при которыхъ механизмъ можетъ успѣшно дѣйствовать. Урокъ былъ и намъ данъ, — и притомъ данъ урокъ относительно дешевый; онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, панику, острастку, заставилъ призадуматься. Онъ породилъ раньше вопросы по предмету того, какъ слѣдуетъ относиться къ акціонернымъ неурядицамъ. Два противоположныя направленія высказались въ двухъ сужденіяхъ по дѣлу Московскаго коммерческаго ссуднаго банка — въ приговорѣ присяжныхъ и въ рѣшеніи коронныхъ членовъ суда. Взглядъ присяжныхъ умѣреннѣе; вина всеобщая, всѣ виноваты, но тѣ которые провинились только оплошностію, малою заботливостію должны быть освобождены, наказать слѣдуетъ только лицъ дѣйствовавшихъ вполнѣ недобросовѣстно. Иной, болѣе энергичный образъ мыслей у коронныхъ судей, которые при-

говоромъ присяжныхъ недовольны и явно высказываютъ сожалѣнiе о томъ, что имъ не предоставлено право передавать дѣла, подобныя настоящему, на новый комплектъ присяжныхъ вслѣдствiе того, что оправданные явно, по ихъ мнѣнiю, виноваты. Увлекаясь своею спеціальностью, гг. коронные судьи полагаютъ, что все акціонерное дѣло можно бы наладить и имъ заправлять посредствомъ острастки, посредствомъ частаго употребленiя уголовныхъ инструментовъ, закона о подлогѣ, законовъ о мошенничествѣ, о присвоенiи и бездѣйствiи власти, 1198 ст. Улож. Недостатокъ этой политики заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ крутыми мѣрами, что она вводитъ въ сложное и трудное акціонерное дѣло сильно и разрушительно дѣйствующiе снаряды, отъ которыхъ попорятся всѣ зубья и колеса, всѣ составныя части машины. Излѣченiе конечно будетъ радикальное въ томъ смыслѣ, что неправильностей въ ходѣ машины не будетъ, когда перестанетъ дѣйствовать сама машина.

Уголовный кассационный департаментъ (въ 37 ст. св. рѣшенiя) призналъ, что члены совѣта Московскаго коммерческаго банка обвинялись въ допущенiи уменьшенiя оставшихся въ банкѣ 5 октября капиталовъ, составлявшихъ общую собственность кредиторовъ банка выдачею вкладовъ полнымъ рублемъ, между прочимъ, и Шумахеру *съ нарушенiемъ* при этомъ правилъ, установленныхъ для выдачи по чекамъ; но изъ вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ невидно признанiя нарушенiй этихъ правилъ и вообще допущенiя злоупотребленiй въ порядкѣ выдачи Шумахеру вклада, а въ виду сего помѣщенное въ вопросѣ выраженiе «воспользовался должностью члена совѣта для полученiя вклада полностью» безъ объясненiя въ чемъ именно это воспользованiе заключалось, не можетъ имѣть значенiя. По уставу банка членамъ совѣта и служащимъ вообще не воспрещено быть вкладчиками банка, и выдача имъ вкладовъ не обуславливается какими либо особыми правилами, да и отвѣтомъ присяжныхъ Шумахеръ признанъ виновнымъ въ томъ только, что зная о растратѣ капиталовъ банка, *постышился лишь* взять свой вкладъ, тогда какъ по довѣрiю акціонеровъ, избравшихъ его въ составъ совѣта, онъ обязанъ былъ ограждать интересы банка и его кредиторовъ недопущенiемъ даже съ ущербомъ для себя уменьшенiя капиталовъ банка, подлежащихъ соразмѣрному между кредиторами распределенiю. Вкладчики банка представляютъ кредито-

ровъ банка, которые въ случаѣ *послѣдности* полученія уплаты отъ своего должника до объявленія послѣдняго несостоятельнымъ, хотя бы и въ ущербъ другимъ кредиторамъ, не совершаютъ уголовного проступка. Засимъ остается только обвиненіе Шумакера въ томъ, что онъ зная несостоятельность банка къ полному удовлетворенію кредиторовъ банка, недолженъ былъ по званію члена совѣта воспользоваться представленнымъ ему, какъ вкладчику, правомъ полученія своего вклада полностью. По точному смыслу этого обвиненія дѣйствіе Шумакера, если признаютъ оное несоответствующимъ въ данномъ случаѣ положенію Шумакера, какъ члена совѣта, не могло за силою 1 ст. улож. послужить основаніемъ къ присужденію его къ уголовной отвѣтственности, какъ потому, что для членовъ совѣта, состоящихъ въ то же время въ отношеніи къ банку вкладчиками, никакихъ особыхъ ограниченій въ правѣ полученія своего вклада уставомъ банка не опредѣлено, такъ и потому, что въ приведенномъ вопросѣ о дѣйствіи Шумакера не заключается признаковъ какого либо дѣянія воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія. Въ виду сего, признавая выводы суда и прокурора въ возраженіи по жалобѣ Шумакера о преступности указаннаго въ вопросѣ дѣянія его не согласными съ точнымъ смысломъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и съ уставомъ банка, жалоба защитника Шумакера о томъ, что въ дѣяніи, въ коемъ подсудимый обвиняется по вопросу нѣтъ признаковъ преступленія или проступка представляется заслуживающею уваженія

Дѣло о 50 разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій.

Довзаніями, начавшимися весною 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившимися въ 1875 и 1876 гг. во Владимірской, Саратовской губерніяхъ и городахъ Тулѣ, Кіевѣ и Одесѣ, было обнаружено существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавагося цѣлью низпроверженія существующаго порядка управления и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это общество содалось подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся за границу, преимущественно въ Швейцарію, и возвратившихся обратно въ отечество съ единственною цѣлью заняться пропагандою революціонныхъ идей среди рабочаго класса имперіи.

Къ слѣдствію и суду было привлечено 50 лицъ, по обвиненію: 1) первая група, и въ томъ числѣ Джабадари, Георгіевскій и Вѣра Люботовичъ въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, низпроверженіе и ивмѣненіе порядка государственнаго устройства, что предусмотръно 2 ч. 250 ст. улож. о нак.; 2) сверхъ того Джабадари, Вѣра Люботовичъ и др. въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному

неповиновенію власти верховной, что предусмотрено 251 ст. улож.; 3) не зависимо отъ сего кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ въ томъ, что во время обыска, съ цѣлью лишить жизни полицейскихъ чиновъ Ловягина и Федорова, первый сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Федорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, каковыя дѣянія предусмотрены 114 и 1455 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ особомъ присутствіи правит. сената, нучрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ 21 февраля по 14 марта 1877 года, при открытыхъ дверяхъ, «Правительственный Вѣстникъ» 1877. № 39 и слѣд.

ГГ. судьи! Такъ случалось, что мои подсудимые съ краю верхняго всей фаланги—первые, а потому и я съ краю — первый, и что мнѣ выпала въ нѣкоторомъ отношеніи выгодная а въ нѣкоторомъ и невыгодная доля первому говорить, и выразить многое, что, по всей вѣроятности, раздѣляется многими моими товарищами по защитѣ. Вотъ почему безъ всякой между нами стачки и сговора, просто въ силу того, что каждый процессъ есть работа коллективная, стройная, съ раздѣленіемъ труда, работа органическая, въ виду того чтобы не терять времени лишняго и не говорить словъ праздныхъ, я смѣю думать, что я въ общихъ моихъ соображеніяхъ, а не въ подробностяхъ, выражу многое, что думается и чувствуется моими товарищами по защитѣ и прежде всего къ числу такихъ общихъ ощущеній я долженъ отнести чувство большой трудности нашей задачи и большой отвѣтственности, которую мы несемъ въ настоящую минуту. Трудность велика, каждое слово должно быть взвѣшиваемое, не докажешь—не хорошо защищаешь кліента, такъ сказать, казеннымъ образомъ лишнее скажешь, вступишься теплымъ словомъ за обвиняемымъ,—посягнешь на основы церкви, общества, государства, семьи и доброй нравственности. Я лично полагаю, что эта трудность болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, что она въ значительной степени облегчится для насъ вами же, гг. судьи, потому что она

искусственно создана разными умышленными или неумышленными алармистами и основана на смѣшеніи умышленномъ или безсознательномъ, но ошибочномъ, личностей подсудимыхъ съ личностями защитниковъ. Къ несчастію это смѣшеніе никогда не бываетъ по обыкновеннымъ дѣламъ, а только какъ разъ постоянно и неизмѣнно просходитъ по дѣламъ политическимъ. Когда судится убійство или кража, то никто и не вздумаетъ заподозрить въ защитникѣ единомышленника, хотя бы съ трогательною до глубины души красотою онъ отстаивалъ своего кліента, но есть много людей, которые по преступленіямъ политическимъ готовы корить защитника за всякое слово теплое, сказанное въ пользу этихъ гибнущихъ молодыхъ силъ, до того сильно предубѣжденіе, которое отвергая и осуждая ихъ гуртомъ, видитъ въ нихъ либо сумасшедшихъ, либо отъявленныхъ враговъ всякаго общежитія, разрушающихъ основы общества и государства. Въ вашемъ присутствіи, гг. судьи, подъ вашею эгидою и на вашихъ глазахъ мы подобнаго смѣшенія опасаться не можемъ, смѣшенія, которое, сливая подсудимаго съ защитникомъ, влагалобы въ защитника душу подсудимаго и наоборотъ заставляло бы подсудимаго страдать и терпѣть всякія послѣдствія за всякое неловкое слово защитника. Отъ васъ, конечно, нечего опасаться этого смѣшенія съ подсудимыми, отъ которыхъ насъ отдѣляетъ возрастъ, общественное положеніе, иной образъ мыслей, инныя идеи, нравы; вѣдь и защищать мы явились большею частью по наряду и назначенію суда. Говорю я объ этомъ коренномъ различіи не потому, чтобы я желалъ насъ самихъ лично выгородить и обезопасить, выдавая головою подсудимыхъ, или чтобы я хотѣлъ нашу задачу возвести до простого актерства, до лицедѣйства, но потому что на этомъ различіи основывается качество защиты, которое къ несчастію оспаривается не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только по политическимъ, и безъ котораго защита существовать не можетъ и будетъ только притворная а слѣдовательно

безполезная и унижительная — я разумѣю *свободу зашиты*. Я разумѣю свободу какъ нѣчто относительное, допускающее, степень и утверждаю, что, хотя есть страны и общества, въ которыхъ эта свобода больше, шире, въ которыхъ она доходитъ до того, что на судѣ подобномъ настоящему можно даже продискутировать тѣ ученія, которыя судятся, выдѣливъ изъ нихъ ту частицу истины, которая кроется въ каждомъ ученіи самомъ вредномъ, но тѣмъ не менѣе эта свобода существуетъ и у насъ какъ возможность защищать, какъ возможность высказать все то, что можетъ быть сказано для оправданія или уменьшенія вины подсудимыхъ, серьезно, скромно, безъ фразъ, не для того, чтобы рисоваться и производить эффектъ, и не для того, чтобы совершить формальность, но для того чтобы произвести на совѣсть людей не предубѣжденныхъ и безпристрастныхъ возможно выгодное или лучше сказать наименѣе не выгодное впечатлѣніе для подсудимыхъ и даже для идей и чувствъ, которыя руководили ими въ ихъ антигосударственной, революціонной дѣятельности.

У меня трое подсудимыхъ, которые по отношенію къ тяжести обвиненія идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Вѣра Любатовичъ и заговорщица и пропагандистка по обвинительному акту, болѣе даже заговорщица, потому что она не видно, чтобы пропагандировала въ администраціи, такъ что если въ ней скрещиваются два обвиненія, то первое беретъ верхъ надъ вторымъ; 2) Джабадари, который, хотя и обвиняется и въ сообществѣ и въ пропагандѣ, но по отношенію къ которому обвиненіе въ сообществѣ отодвигается на задній планъ, такъ какъ и сама организація сообщества болѣе поздняя по времени, нежели его заарестованіе, слѣдовательно участникъ, который по моему только и можетъ быть уличаемъ съ успѣхомъ, какъ въ главномъ преступленіи доказанномъ—въ пропагандѣ, а уже по изобличеніи въ пропагандѣ можетъ быть привлеченъ по второстепенному обвиненію—въ сообществѣ, какъ къ факту предполагаемому; нако-

нецъ 3) Георгіевскій, который и арестованъ до возникновенія организаціи, слѣдовательно когда, какъ я постараюсь доказать, не было еще сообщества въ настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ соединенія лицъ дѣйствующихъ по опредѣленному плану, да онъ и не пропагандировалъ, не ходилъ въ народъ, не раздавалъ книжекъ, а обличается въ весьма реальномъ, но не политическомъ преступленіи, за которое и судиться въ особомъ присутствіи не можетъ, а именно въ проживаніи по чужому или по ложному паспорту. Попался онъ потому, что, по случайному стеченію обстоятельствъ, накрытъ въ чужой квартирѣ вмѣстѣ съ другими; знакомый—слѣдовательно сообщникъ, вѣроятно по пословицѣ: «съ кѣмъ знаешься, такимъ и самъ бываешь». И по раздѣленіи подсудимыхъ на группы, я не могу ставить защиты въ такомъ порядкѣ и отдѣляю Вѣру Любатовичъ за послѣднее время къ группѣ 4-ой. И по моимъ личнымъ соображеніямъ, какъ защитника, то есть какъ техника, который предпочитаетъ методически разбирать вопросы, я долженъ и 2-хъ другихъ подсудимыхъ переставить, чтобы идти отъ простаго къ болѣе сложному, отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному и болѣе сомнительному. Я во главу угла моей защиты ставлю Георгіевского и полагаю, что если, мнѣ удастся его оправдать, не по несомнѣнному преступленію, въ которомъ онъ положительнo виновенъ, но по которому значительную часть населенія Россіи, т. е. всю Русь безпаспортную и бродячую можно перевести въ политическіе преступники, но въ томъ въ чемъ онъ обвиняется по обвинительному акту. Если онъ будетъ оправданъ, то есть еще лучъ надежды и для Джабадари, который имѣетъ съ Георгіевскимъ одну общую черту—отрицаніе самаго матеріальнаго факта, ставимаго и тому и другому въ вину. Отрицать этотъ фактъ труднѣе Джабадари чѣмъ Георгіевскому, потому что, если проанализировать этотъ фактъ съ поддерживающими его доказательствами, то фактъ самъ улетучивается и пропадаетъ. Разберемъ въ чемъ же

собственно проявилась прикосновенность материальная или моральная Георгіевскаго къ разбираемому здѣсь сообществу.

Причины, по которымъ я полагаю, что особое присутствіе не вправѣ судить Георгіевскаго за проживательство по завѣдомо фальшивому, виду я вывожу изъ двухъ оснований: а) изъ того, что по 751 ст. ус. уг. суд. основаніемъ вопросовъ по существу дѣла служить прежде всего и главнѣйше *обвинительный актъ*; а также слѣдствіе съ преніями, на сколько это слѣдствіе развивается, дополняетъ или измѣняетъ выводы обвинительнаго акта. Изъ сего наша практика, на сколько мнѣ извѣстно, вывела то заключеніе, что не по обвинительному акту ставятся вопросы, когда въ слѣдствіи произошло нѣчто новое, когда обнаружены новые факты, вслѣдствіе которыхъ событіе получило новую окраску, новую квалификацію; но если къ фактамъ ничего во время слѣдствія не прибавилось, то невозможно по требованію обвиненія или усмотрѣнію суда измѣнять вопросъ и нельзя ни по ст. 751, ни даже по статьѣ 752, гдѣ говорится о преступномъ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи и гдѣ разрѣшается ставить вопросы, если они подвергаются наказанію болѣе слабому; нежели предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ. Я не могу сказать, что дѣяніе проживательства по фальшивому виду не предусмотрѣно въ обвинительномъ актѣ, въ ст. 6 обвинительнаго акта написано: «паспортъ В. Георгіевскаго оказался по справкамъ подложнымъ», и только изъ того предусмотрѣннаго дѣянія не выведено окончательное заключеніе. Почему оно не выведено? Я не знаю. Можетъ быть потому, чтобы поставить судьямъ дилемму: либо этотъ человекъ несомнѣнно виновный будетъ совсѣмъ оправданъ, либо обвиненъ, но въ тяжкомъ преступленіи безъ всякихъ посредствующихъ оттѣнковъ. Если такова была тактика обвиненія, то послѣдствіями ея только и могутъ быть оправданіе

или обвиненіе по главному вопросу и оставленіе вопроса о меньшемъ преступленіи безъ разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что это преступленіе можетъ быть преслѣдуемо отъ настоящаго дѣла особо. Противный тому образъ дѣйствія весьма по послѣдствіямъ неудобенъ и нарушаетъ начало fair play—равноправности сторонъ, равенства сторонъ въ состязаніи. Обвиненіе, имѣя факты въ обвинительномъ актѣ достаточныя для обвиненія въ нѣсколькихъ преступленіяхъ одновременно совершенныхъ, совокупно вмѣщающихся въ одномъ внѣшнемъ дѣйствіи и одинаковыхъ по отвѣтственности, можетъ нарочно обвинять не по самому подходящему съ тѣмъ, чтобы защита не могла и подготовиться къ отпору, вызвать свидѣтелей, собрать доказательства... Наступаетъ состязаніе; обвиненіе отступаетъ отъ выставленнаго въ обвинительномъ актѣ; оказывается, что это обвиненіе было притворное и демаскируется главное обвиненіе, наносится неотразимый ударъ, неотразимый потому, что онъ задуманъ, но прикрытъ. Я не утверждаю, чтобы нѣчто подобное имѣло мѣсто теперь, я утверждаю только, что оно могло бы быть и ради этой возможности я ходатайствую, чтобы ее навсегда и въ принципѣ устранить.

Другое основаніе моего ходатайства основано на точномъ смыслѣ Высочайш. повелѣнія отъ 8 іюля 1876 г., изложеннаго въ предложеніи Министра Юстиціи Сенату 20 іюля 1876 г. Въ судебныхъ уставахъ, въ ст. 545 уст. уг. суд. содержится важное постановленіе, что по дѣлу, судимому съ присяжными, никто не можетъ быть судимъ безъ предварительнаго слѣдствія, по одному лишь дознанію. Изъ этого начала сдѣлано было въ Высоч. повелѣніи исключеніе примѣнительно къ 545 ст.—дать ходъ дѣлу по дознанію, безъ предварительнаго слѣдствія, то есть судить это дѣло политическое какъ судятся дѣла безъ присяжныхъ; это дѣло совершенно опредѣленное, это дѣло а не какое бы то не было другое, которое могло бы кромѣ того по поводу этого дѣла обнаружиться. Высоч. повелѣніе, лиша-

ющее подсудимыхъ одной изъ гарантій, которой они пользовались бы въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, должно быть толкуемо стѣснительно и строго. Матеріаль весь, къ которому оно относится, переданъ для составленія обвинительнаго акта; предполагается, что въ обвинительномъ актѣ выведены всѣ заключенія, которыя можно извлечь т. е. перечислены всѣ признаки преступленія. Если оказывается, что можно сдѣлать еще обвиненіе въ подлогѣ паспорта, то это преступленіе новое, если оно новое, то конечно на него не распространяется дѣйствіе Высоч. повелѣнія отъ 8 іюля, а такъ какъ это преступленіе судится съ присяжными (976 ст. улож.) то либо надлежало бы приостановить все судебное слѣдствіе по политическому преступленію по 753 ст. уст. уг. суд., либо оставить безъ разсмотрѣнія обстоятельство о проживаніи по фальшивому паспорту.

Я постараюсь вамъ доказать, что это сообщество со стороны Георгіевскаго не проявилось рѣшительно ни въ чемъ и я надѣюсь, что докажу, если... если... тутъ камень преткновенія, тутъ вопросъ коренной капитальный для всей защиты, который надобно прежде всего устранить... если не будетъ недоразумѣнія въ методѣ, если обвиненіе, защита и судъ будутъ дѣйствовать по одному и тому же методу изслѣдованія, а не пойдутъ кто въ одну, кто въ другую сторону. Какой же долженъ быть методъ? зачѣмъ возбуждается этотъ вопросъ о методѣ, когда судъ настоящій есть судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію? Почему?... а потому, что уже при предварительномъ слѣдствіи по вопросу о прочности показанія Жерковскаго (2 группа) произошло кое что и высказались взгляды, которые ставятъ защиту въ тупикъ... ни одинъ документъ, находящійся въ дѣлѣ, не былъ оставленъ особымъ присутствіемъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ особое присутствіе не есть судъ присяжныхъ и оно не руководствуется законами установленными для присяжныхъ а почерпаетъ свои

убѣжденія какъ изъ судебного слѣдствія, такъ и изъ всего матеріала заключающагося въ десяти томахъ жандармскаго дознанія. Таковъ былъ смыслъ опредѣленія Правительствующаго Сената, состоявшагося 24 февраля. Какъ понимать эти слова: слѣдуетъ ли защитѣ готовиться къ отпору всѣхъ возможныхъ предположеній и уликъ содержащихся въ громадномъ матеріалѣ десяти томовъ или ей достаточно отражать и защищаться противъ того, что было здѣсь прочитано, сказано и выслушано? Вопросы эти капитальные для всѣхъ насъ, отъ нихъ зависитъ нашъ образъ дѣйствій. Разрѣшая этотъ вопросъ по моему крайнему разумѣнію, я въ моихъ колебаніяхъ и недоумѣніяхъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые считаю долгомъ изложить.

Всѣ уголовныя судопроизводства дѣлятся на два типа: 1) на процедуры письменныя онѣ же и инквизиціонныя, здѣсь нѣтъ дѣленія работы, нѣтъ обвиненія, нѣтъ защиты, а есть одни судьи, вытаскивавшіе истину изъ груды бумагъ, но есть и гарантія: судятъ человѣка только по бумагѣ и каждый выводъ, какъ въ историческомъ сочиненіи долженъ быть подкрѣпленъ ссылкой на бумажные источники, причемъ предполагается что эти источники собраны правильно и формально. 2) Другой типъ представляетъ процедура устная и вмѣстѣ съ тѣмъ состязательная, здѣсь есть письменная подготовка, но она составляетъ элементъ, иногда состоящій изъ одного только дознанія, есть обвиненіе, которое изъ груды матеріала изготавляетъ свою программу — обвинительный актъ, есть защита, которая изъ той-же груды извлекаетъ то только, чѣмъ нужно отразить актъ, есть законы допускающіе только частицѣ быть предлагаемою на судѣ и относящіе все остальное въ бракъ; законы эти одинаковы и для суда присяжныхъ и для суда безъ присяжныхъ; для присяжныхъ они существуютъ въ такомъ видѣ, что имъ недопускается даже знакомиться съ содержаніемъ акта не разрѣшаемаго закономъ для прочтенія и не бывшаго предметомъ состязанія на-

судѣ; для суда безъ присяжныхъ они существуютъ въ томъ видѣ, что хотя судъ беретъ съ собою дѣло и можетъ его прочесть, но основывать свои сужденія онъ можетъ всетаки только на томъ, что обсуждалось въ судебномъ засѣданіи и о чемъ сказали свое слово и обвинитель и защитникъ, все же остальное идетъ въ бракъ, какъ для математика все, что небыло имъ повѣрено, какъ для химика или физика свѣдѣнія, переданныя но не испытанныя и не испробованныя на опытѣ. Когда особое присутствіе по поводу показанія Жерковскаго постановило читать, мотивируя чтеніе тѣмъ, что для него какъ для суда присяжныхъ необязательны строгіе законы бракованія доказательствъ и что оно не можетъ оставить ни одного документа не разсмотрѣннымъ, то я это опредѣленіе понялъ такимъ образомъ, что по требованію обвиненія, защиты или по постановленію суда могутъ быть прочитаны всякіе акты, кромѣ разумѣется самосознаній подсудимыхъ, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы на актахъ не прочтенныхъ могъ судъ основываться, чтобы всѣ десять томовъ онъ читалъ и выбиралъ изъ нихъ то, что сторонамъ и въ голову не приходило, чтобы удаляясь въ совѣщательную комнату, онъ могъ вынести приговоръ основанный на признаніяхъ подсудимыхъ на дознаніи, которымъ нашъ гуманный законъ до такой степени не даетъ вѣры, что вовсе устраняетъ и выдѣляетъ ихъ изъ судебного слѣдствія. И такъ, я полагаю, что хотя въ этомъ судѣ область источниковъ шире, но все таки она ограничена предѣлами судебного слѣдствія и что она только и состоитъ изъ этихъ элементовъ: 1) обвинительнаго акта, какъ программы, какъ того, что требуется доказать, 2) изъ фактовъ объективныхъ и разъясненныхъ при судебномъ слѣдствіи, подтверждающихъ или ослабляющихъ обвиненіе и наконецъ 3) изъ умозаключеній почерпнутыхъ только изъ этихъ фактовъ и не больше. Если это такъ, то часть дѣла, касающаяся Георгіевскаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Сынъ весьма бѣднаго и обремененнаго огромнымъ семействомъ священника, неудавшійся студентъ технологическаго института и медико - хирургической академіи, уволенный въ началѣ 1875 г., не могшій ее кончить по недостатку средствъ, бѣдствовавшій до того, что долженъ былъ ночевать въ ночлежныхъ заведеніяхъ по 3 коп. за ночь, Георгіевскій прибылъ въ Москву и поставилъ себѣ задачею поступить куданибудь простымъ слесаремъ на казенномъ или частномъ заводѣ. Жилъ онъ крайне бѣдно, квартиру нанималъ за 6 руб. въ мѣсяцъ; а такъ какъ отъ него постоянно требуютъ паспортовъ, то прошлое его званіе могло ему служить только помѣхою; студентъ по свидѣтельству академіи, вѣчный студентъ, лицо подозрительное въ виду полицейскаго надзора, стираемаго на всѣхъ въ послѣдніе 4, 5 лѣтъ, за тѣмъ, не проявляется ли интернаціоналка въ Россіи. Со своими бумагами было рискованно соваться на фабрику, онъ и купилъ за 5 рублей паспортъ темный, но такой въ которомъ фальшивы были только подписи да званіе, а показаны истинное имя и отчество Василій Григорьевъ. На своей квартирѣ онъ не имѣетъ притона, гдѣ бы сходился кружокъ товарищей и галдѣлъ и рассказывалъ и толковалъ; разъ только пришелъ къ нему переночевать его товарищъ, такой-же какъ онъ и ушелъ; предварительнымъ дознаніемъ хотѣли установить связь между Георгіевскимъ и жильцами дома Корсакъ чрезъ Чикоидзе, но домохозяинъ отвергаетъ это сходство, а что касается до Чикоидзе, то вы сами знаете, трудно ли это лицо запомнить, оно выдѣляется рѣзко и запечатлѣвается мѣтко въ памяти.— Никакихъ книжекъ у Георгіевскаго не найдено, да и вообще не установлено, что-бы онъ чтонибудь читалъ, а тѣмъ менѣе, чтобы онъ распространялъ. Пасмурный, молчаливый, не общительный и угрюмый онъ меньше всего годится въ пропагандисты. Есть еще несомнѣнное доказательство отсутствія тѣсныхъ сношеній между Георгіевскимъ и жильцами дома Корсакъ. Это Дарья

Ивановна, которая рассказывала много про какого то Василю, покупавшаго мебель и давашаго ей первое свѣдѣніе объ арестѣ Николая Василюевича, но этого Василю здѣсь неопознавшая и прямо удостовѣрившая, что Георгіевскаго въ лицо не знаетъ. И такъ единственная ниточка, которая связываетъ Георгіевскаго съ группого дома Корсакъ, это фактъ, что его накрыли въ этомъ домѣ при обыскѣ 3 апрѣля. Георгіевскій не повторялъ здѣсь сказки: мебель ходилъ покупать. Онъ бѣднякъ, не имѣющій гдѣ эту мебель уставить. Назвался онъ Василюемъ Григорьевымъ изъ очень понятной боязни быть уличеннымъ въ другомъ преступленіи; онъ зашелъ просто по знакомству съ людьми, съ которыми встрѣчался въ академіи въ 73—74 и половинѣ 75 гг. и которые могли его пригласить по товариществу, могли его пригласить потому, что имѣли на него и какіе нибудь виды, но откуда же увѣренность, что эти виды раздѣлялъ Георгіевскій, что онъ ихъ поддержалъ? Никогда еще на одномъ столь страшно шаткомъ основаніи, какъ физическая близость не основывался приговоръ. Я утверждаю, что Георгіевскій совершенно чистъ въ томъ преступленіи, которое по кѣмъ то счастливо сдѣланной характеристикѣ есть преступленіе свыше уголовнаго, что онъ по крайней мѣрѣ былъ совершенно чистъ относительно сообщества до ареста, что-же случилось бы съ нимъ во время ареста... Во время ареста совершилось надъ нимъ, что совершается со всѣми арестантами, будь они судимы не за дѣла свыше уголовныхъ, а за простыя кражи; устанавливается особаго рода сообщество не политическое а просто тюремное, переписка, обмѣнъ словъ, общія думы и заботы о свободѣ, заговоры противъ тюремнаго начальства, всѣ порожденія скуки, всѣ ухищренія ума, обреченнаго на бездѣйствіе и способнаго вслѣдствіе уединенія на выходы необыкновенныя а иногда и геніальныя. Георгіевскій уже посвященъ въ шифры, уже принимаетъ дѣятельное участіе въ перепискѣ по слу-

чаю освобожденія Чикоидзе. Тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы его по поводу и на основаніи этого тюремнаго сообщества можно было привлечь къ отвѣтственности за заговоръ политическій. Я полагаю, что подобныя сообщества между людьми подъ замкомъ сидящими только и могутъ устраиваться, благодаря несовершенству мѣстъ содержанія или оплошности содержащихъ въ отношеніи къ содержимымъ. Злая сатира на современные порядки не могла бы придумать ничего злѣе предположенія о политическомъ заговорѣ, составленномъ уже въ тюрьмѣ между арестантами на ниспроверженіе государственнаго порядка и суда, который бы такихъ, въ мѣшкѣ сидящихъ, за это судилъ. И такъ, гг. судьи ни въ чемъ свѣше уголовномъ Георгіевскій не повиненъ, не доказано даже, чтобы онъ былъ единомышленникъ ни кружковъ дома Корсакъ, ни своихъ товарищей по заключенію; а ежелибы вы и подозрѣвали, что онъ единомышленникъ, то слава Богу еще за мысли у насъ не судятъ; казнь за мысль въ смыслѣ науки есть такая криминалистическая ересь, которую я даже не берусь опровергать. Раставаясь съ Георгіевскимъ въ полной увѣренности, что я его еще встрѣчу на свободѣ и оправданнымъ, я приступаю къ другому подсудимому гораздо болѣе уличаемому и потому болѣе печальному, къ закавказцу Ивану Спиридоновичу Джабадари, который обвиняется и въ сообществѣ и въ пропагандѣ. Чтобы оцѣнить, какъ велики противъ него улики, надлежитъ взвѣсить объективно по началамъ науки, что такое сообщество и что такое пропаганда, послѣ чего уже можно будетъ подводить дѣяніе Джабадари подъ ту ли другую уголовную форму.

Въ то самое время когда по предположенію обвиненія нѣкоторые изъ подсудимыхъ, кромѣ Георгіевскаго, задумывали въ Парижѣ, Бернѣ и Цюрихѣ ниспроверженіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ русскаго правительства и упраздненіе русскаго государства, происходила здѣсь въ Россіи маленькая перемѣна

въ законахъ, предрѣшающая ихъ настоящую судьбу; 4 іюня 1884 г. добавлено къ 250 ст. 2-ую часть въ главѣ о бунтѣ и измѣнена въ главѣ о противозаконныхъ обществахъ статья 318, бывшая въ свою очередь передѣлкою этой главы посредствомъ закона 27 марта 1867 г. Главныя черты этой перемѣны, измѣняющей существенно систему уложенія заключаются въ слѣдующемъ. Система уложенія была необыкновенно послѣдовательна и цѣльная; въ главѣ VI запрещались всякія собранія и соглашенія, хотябы и для дозволенныхъ закономъ цѣлей, и усиливаясь шли наказанія, смотря по увеличивающейся противозаконности цѣлей. Когда эта противозаконность доходила до возмущенія спокойствія государства и поколебанія или измѣненія образа и порядка правленія, то такое общество уже становилось однимъ изъ подвидовъ бунта, а законы о бунтѣ преслѣдовали и подавляли это преступленіе, начиная съ первоначальнаго его зародыша—появленія умысла въ единичной головѣ и до открытаго дѣла т. е. до возстанія заговоромъ или скопомъ противъ верховной власти. По наказанію выдѣлена была только одна зародившаяся въ единичной головѣ идея, она наказывалась слабо какъ приготовленіе и начало покушенія по 251 ст., но разъ она сообщена и распространена, само распространеніе сочиненія или письма или произнесеніе рѣчи преслѣдовались почти одинаково какъ заговоръ открытый до произведенія смятеній и почти одинаково какъ самъ бунтъ на дѣлѣ... Въ этой системѣ все послѣдовательно, но она вся покоится на предположеніи, что одна идея равна почти дѣлу, что надобно тушить идею въ ея зародышѣ, что зажигательная революціонная идея, хотя она мала какъ спичка, отъ которой не можетъ сыръ боръ загорѣться и которая есть только первое возбужденіе, вносимое въ организмъ общественный, совершенно по злокачественности равна рефлексамъ, вызваннымъ этою идеею, когда организмъ общественный его усвоилъ и перерабатываетъ, на каковую перера-

ботку требуется конечно время пропорциональное величинѣ этого организма. Эта система выкидывала совѣмъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ для оцѣнки преступнаго умысла—время. Возьмемъ самаго радикальнаго революціонера, который составилъ себѣ идею объ упраздненіи всякаго государства и всякой власти, даже отцовской и материнской; если этотъ революціонеръ отлагаетъ осуществленіе своего идеала, хотя и не до втораго пришествія Христа и не до возвращенія въ Европѣ ледянаго періода, но за 200, 300 лѣтъ, когда не только его въ живыхъ не будетъ, но не будетъ въ живыхъ и тѣхъ самыхъ юныхъ дѣтей, съ которыми онъ сообщался въ условіяхъ жизни земной, то невозможно этого человѣка считать бунтовщикомъ и его идеи столь индифферентны для насъ, какъ индифферентно для насъ то что, по ученію естествоиспытателей паступитъ когда-то прекращеніе жизни органической и паденіе земли на солнце. Вотъ почему, въ виду трудности примѣненія въ первоначальномъ видѣ ст. 249 о бунтѣ, въ виду усиливавшагося развитія во всевозможныхъ видахъ жизни общественной, чему дали толчекъ великія реформы настоящаго царствованія, явилась, необходимость соразмѣрить наказаніе съ видами вины вновь зарождающимися въ общежитіи и отдѣлить умыселъ на бунтъ въ опредѣленномъ будущемъ и посредствомъ мѣръ насильственныхъ, отъ вины человѣка не думающаго дѣйствовать насильственно и стремящагося только къ распространенію такихъ идей, которыя, въ заранѣе съ точностью неопредѣленное время, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ могли бы произвести коренной и можетъ быть внезапный государственный переворотъ. Таковъ смыслъ 2 ч. ст. 250 по редакціи 1874 г. Въ техническомъ отношеніи, въ отношеніи шематизма эта редакція ступевала всякую границу между главою II и VI. Глава VI и теперь озаглавлена: «тайныя общества и сходбища», но сходбища уже выкинуты въ 1867 г. а и тайныя общества превращены просто въ сообщества

не политическо-революціонныя, сіи же послѣднія вклеены и приставлены къ бунту по 250 ст., отъ которой они существенно отличаются и по составу преступления и по ненаказуемости весьма широко понятой и допускающей громадное въ пользу подсудимаго число отгѣнковъ, опускающихся до простаго заключенія въ крѣпости на 1 г. и 4 мѣсяца. Редакція во всякомъ случаѣ выгоднѣе для подсудимыхъ; что касается до примѣненія ея къ настоящему случаю, то я наталкиваюсь на нѣкоторыя сомнѣнія, кои долгомъ считаю отмѣтить. Сомнѣнія мои заключаются во 1) въ томъ, что во 2 ч. 250 ст. сказано: въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, всетаки не очень отдаленномъ, не такимъ, котораго и опредѣлить нельзя, что имѣетъ мѣсто въ настоящемъ заговорѣ; 2) въ томъ, что умыселъ направлень къ ниспроверженію правительства во всемъ государствѣ или его части или къ перемѣнѣ образа правленія, а въ данномъ случаѣ. хотя я не отвергаю, что умыселъ клонился къ упраздненію государства и всякаго правительства, но вовсе не непосредственно а посредственно, чрезъ предварительное упраздненіе собственности а можетъ быть и семьи, послѣ чего упразднилось бы и правительство. Всякое тайное общество имѣющее предметомъ измѣненіе общественныхъ отношеній имѣетъ въ сущности и политическій характеръ, рефлексомъ оно отражается и на государствѣ, но всетаки оно должно быть оцѣниваемо по главному преобладающему въ немъ характеру, который есть несомнѣнно социалистическій или пожалуй коммунистическій—разрушеніе основъ общественной жизни, религіи, семьи и собственности, возбужденіе вражды между сословіями, слѣдовательно преступленіе, предусмотрѣнное въ 1 и 318 ст. улож. о наказ. а не въ 250 ст. Но оставляя въ сторонѣ эти сомнѣнія, допустимъ, что было сообщество революціонно политическое, въ которомъ принимаютъ участіе нѣкоторыя лица; прежде чѣмъ осудить за принадлежность

къ нему Джабадари нужно опредѣлить какого рода дѣятельность необходима для подведенія кого бы то не было подъ сообщество, послѣ чего соотвѣтствуетъ ли этимъ условіямъ дѣятельность Джабадари. И такъ, какой составъ преступленія революціонно политическаго сообщества по 2 ч. 250 ст. улож.?. Мнѣ кажется, что надобно начать съ этимологическаго разбора самаго слова: сообщество. Оно конечно происходитъ отъ *общій*, общаго я могу имѣть много съ разными людьми, съ одними любовь къ скульптурѣ, съ другими убѣжденія религіозныя, съ третьими привычки общежитія или наклонности политическія, изъ того что у меня черты общія не вытекаютъ даже того, чтобы между мною и тѣми лицами было *общеніе* т. е. обмѣнъ идей, чувствъ или услугъ. Общеніе самое близкое, знакомство самое задушевное недостаточны для сообщества. Сообщниками по смыслу 13 ст. уложенія, которая относится ко всѣмъ преступленіямъ а слѣдовательно и къ политическимъ считаются тѣ лица, которыя по предварительному между собою соглашенію рѣшили произвести политическій переворотъ или по крайней мѣрѣ произведенію его посодѣйствовать. Такой выводъ вытекаетъ изъ 13 ст., такой же вытекаетъ и изъ сопоставленія ст. 250 съ 318.—Во главѣ 6-й стояло прежде «всякія тайныя общества», потомъ при томъ же заглавіи поставлено *сообщества*, потомъ слово сообщество перешло въ 250 ст., очевидно, что оба выраженія одно и тоже выражаютъ — *тайныя общества*. Тайныя общества съ революціонною цѣлью вездѣ запрещены; они преслѣдуются по французскому праву какъ *комплотъ* (который все таки требуетъ *resolution d'agir convertie et arrêtée entre deux ou plusieurs personnes art. 89*) или какъ *Verbotene Verbindung* по 129 § новаго нѣмецкаго имперскаго кодекса; всегда однако требуются извѣстныя условія, которыя бы отдѣляли тайное общество отъ общенія т. е. знакомства и условія, которыя могутъ выразиться въ слѣдующемъ опредѣленіи.

Тайное общество есть постоянный союзъ лицъ, рѣшившихся преслѣдовать по извѣстному плану или уставу политическую революціонную цѣль, напримѣръ цѣль пропаганды идей, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, если распространятся и усвоятся, произведутъ бунтъ и переворотъ. Какъ въ старыхъ учебникахъ давалось слѣдующее опредѣленіе государству: союзъ лицъ, состоящихъ подъ господствомъ одного закона и управляемыхъ на основаніи этого закона одного властью, такъ и здѣсь въ этомъ тайномъ обществѣ, которое изображаетъ собою *status in statu*, необходимы: 1) люди, 2) подчиненные уставу, 3) признающіе власть, 4) имѣющіе одну цѣль, 5) которую они рѣшили осуществлять сообща и дружно общими средствами. Тайное общество есть прежде всего организція, это есть живая клѣточка, воспринимающая кое что извнѣ, сама получаемое перерабатывающая и на внѣшній міръ воздѣйствующая. Принадлежалъ ли къ такой клѣточкѣ Джабадари, сидѣлъ ли онъ въ ней, да вообще доказано ли, что она существовала въ тотъ моментъ когда онъ былъ арестованъ? Таковы вопросы, которые ставятся дѣломъ и на которые отвѣты могутъ быть весьма различные, смотря по исходной точкѣ разсуждающаго.

Есть одинъ способъ рѣшенія: все въ жизни и отдѣльнаго человѣка и общества происходитъ, совершается и устраивается сознательно. Если случилось смятеніе, если есть движеніе, то потому, что дѣйствуютъ и орудуютъ злоумышленники, которые задумали, распространили, согласили и произвели все чего маленький отрывокъ прошелъ предъ вами на судѣ. Такова теорія обвинительнаго акта. По этой теоріи реформація произошла только потому, что появился Лютеръ; революціи французской не было бы не будь Мирабо. По этой теоріи вся будущая организція и все тайное общество существовали потенціально въ Парижѣ 1874 г. и безъ дальнѣйшихъ уже доказательствъ, въ силу од-

ного а priori и на вѣру принимается предположеніе и допускается, что все впослѣдствіи осуществленное отбывалось по плану, который изъ начала былъ уже присутствіе этимъ лицамъ, когда они еще ходили по улицамъ Берна или Цюриха или когда они изъ Парижа направлялись въ Россію для революціонной пропаганды. Я не буду долго останавливаться на этой гипотезѣ, которой главный недостатокъ въ томъ, что она противоестественна, потому что большая часть психической жизни, какъ единичной, такъ и социальной происходитъ въ безсознательномъ, что гдѣ есть потребности, чувства тамъ сами собою являются и дѣйствія болѣе или менѣе сознательныя, но далеко не всѣ сознательныя, что гдѣ есть организованная плазма тамъ сами собою появляются и клѣточки, слѣдовательно моментъ образованія клѣточки не предполагается въ прошедшемъ совершенно неопредѣленномъ, а въ каждомъ случаѣ долженъ быть опредѣленъ. Нашъ государственный канцлеръ въ своей извѣстной нотѣ говоритъ о сказочномъ завѣщаніи Петра Великаго и, отвергая объясненія враждебныхъ Россіи державъ о подстроеномъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ, называетъ превосходно подобныя объясненія дипломатической миѳологіею. И я утверждаю, что въ настоящемъ случаѣ происходитъ нѣчто подобное, криминалистическая миѳологія, которую надо устранить, приступая къ изслѣдованію дѣла безъ предвзятыхъ идей. Если разсматривать дѣло безъ предвзятыхъ идей, то оказывается, что случайно въ 1874 г., вслѣдствіе движенія нашей молодежи недоучившейся въ Россіи, нѣкоторые изъ этихъ лицъ побывали въ Цюрихскомъ университетѣ и потомъ слушали медицинскіе курсы въ Парижѣ, послѣ чего они возвратились; нѣкоторые изъ нихъ остались въ С.-Петербургѣ, другіе разсѣялись и возвратились въ мѣста родины. Въ подобныхъ случаяхъ сборнымъ пунктомъ для разбѣзжающихся въ южныя губерніи, въ Малороссію, Закавказье, представляется Москва. Допустимъ, что подобрались люди одной масти, что

всѣ, не исключая Джабадари, и коренные русскіе и восточные, которые по происхожденію и обыкновенному разсчету должны бы быть сепаратисты, а оказываются вовсе не сепаратистами а нигилистами—единомышленники, что всѣ они какъ герои романа «Новь» имѣютъ стремленіе идти въ народъ; то изъ этого только слѣдуетъ, что они кружокъ. Всякая куча знакомыхъ кружокъ—кружокъ еще не тайное общество; чтобы оно было организовано ему необходимо имѣть организацію, необходимо имѣть уставъ; гдѣ же уставъ? гдѣ сѣтъ общинъ, съ центромъ въ Москвѣ? Къ Джабадари не можетъ быть отнесенъ ни одинъ изъ признаковъ, по которымъ узнается по обвинительному акту организація: ни денегъ изъ общественныхъ суммъ онъ не получалъ, ни колючка не носилъ, ни бѣльемъ онъ не компрометировался, ни шрифтомъ не обладалъ, ни переписывался. Въ рукахъ обвинительной власти столь богатой письменными документами нѣтъ ни одного клочка бумажки Джабадаровскаго, я уже не говорю о томъ, что о подведеніи его подъ какой бы то не было уставъ не можетъ быть и рѣчи. Самъ уставъ то выработался лѣтомъ, когда послѣ крушенія Московскаго кружка птицы разсѣялись. Дарья Скворцова проговорила, что они и до погрома намѣрены были разсѣяться, разсѣяться: 1) но она на мои вопросы отозвалась незнаніемъ зачѣмъ разсѣяться и не сказала вовсе что для пропаганды, и 2) она не относилась этого плана разсѣяться ко всѣмъ подсудимымъ, не относилась его къ Джабадари. Дивчата, бывшія на квартирѣ, говорили что разсѣдутся, изъ чего нельзя заключить, что разсѣяться съ ними имѣлъ Джабадари, который напротивъ того собрался ѣхать гораздо раньше, а именно еще до весны, въ концѣ марта отправилъ свои пожитки, оставилъ свою квартиру и ждалъ только денегъ, за которыми зашелъ къ своей знакомой Бардиной. Въ подтвержденіе его членства приведены быть могутъ единственно только два обстоятельства: 1) заарестованіе его въ домѣ Корсака и не объявленіе при этомъ

своей фамиліи и 2) показаніе Дарьи Скворцовой. Но заарестованіе можетъ случиться вслѣдствіе простаго знакомства, а имени своего Джабадари въ теченіи часу открыть не хотѣлъ, онъ какъ и всѣ его сотоварищи пикировался въ сношеніяхъ съ жандармами, становился на почву законную впредь до исполненія своихъ, какъ онъ полагалъ, законныхъ требованій не хотѣлъ исполнять ихъ требованій—укрывательства своей фамиліи не учинилъ. Что касается до Дарьи Скворцовой, то онъ ее знаетъ, какъ и она его знаетъ, онъ съ товарищами дѣйствительно проживалъ у нея и ея любовника на квартирѣ въ домѣ Костомарова на Сыромятникахъ. Разберемъ по кусочку тѣ части ея показаній, которыя бросаютъ на него тѣнь и убѣдимся, что всѣ они не такого рода, чтобы могли убѣждать въ чемъ либо иномъ кромѣ знакомства и пожалуй единомыслія.

И такъ по словамъ Дарьи на съемку квартиры подбылъ Васильева не Джабадари а Петръ Алексѣевъ. При покупкѣ вещей Джабадари давалъ денегъ 5 р. Васильеву и 5 р. Дарьѣ, очевидно онъ былъ заинтересованъ, квартира была нанята и для него; потомъ привезъ какія то книги въ чемоданѣ Ѳедоръ, а чрезъ нѣсколько времени увезъ ихъ Джабадари. Какія? этого сама Дарья не знаетъ, мало ли книгъ перебывало въ рукахъ у учащейся молодежи. Джабадари этого обстоятельства не помнитъ, вѣроятно развозилъ книги по случаю переѣзда на другую квартиру. Джабадари называетъ Михаила, — этого обстоятельства никто другой не подтвердилъ; вообще на именахъ играть трудно въ этомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть много Ивановъ, Степановъ, Алексѣевъ да Михайловъ; есть и настоящій Михайло Петровъ а именно Боронковъ, но никто его и не думалъ приурочивать къ Москвѣ и къ дому Костомарова, либо Корсака. На масляной разстались. Дарья переѣхала въ Лефортово, потомъ по заарестованіи Николая Василіева она отыскала квартирантовъ у Николаевского вокзала, ночевала два дня, послѣ чего ей горько стало и пошла она до-

нести властямъ о случившемся съ ея любовникомъ. Посудите сами, гг. судьи, есть ли въ этомъ разсказѣ элементы для признанія не только членства Джабадари въ организациі, но и существованія самой организациі, вотъ почему я прошу по этой статьѣ Джабадари оправдать.

Но Джабадари обвиняется не только въ сообществѣ, а и въ пропагандѣ и по обстоятельствамъ дѣла второе обвиненіе несравненно сильнѣе перваго. Чтобы защищать Джабадари по этому пункту я долженъ сдѣлать, что сдѣлалъ по первому, то есть совершить экскурсію въ область уголовного права, въ область уложенія. Я объяснял систему уложенія направленную на самую идею и ея распространеніе; набросанная на бумагу она уже начало исполненія, сообщеніе ея на письмѣ или въ печати и передача изъ рукъ въ руки знакомымъ или незнакомымъ почти все равно по наказуемости, что и составленіе комплота, имѣющаго цѣлью бунтъ,—одинаково каторжныя работы. Я уже объяснял, какія обстоятельства и соображенія вызвали измѣненіе въ 1874 г. въ законѣ о комплотѣ 250 ст.; законодатель остановилъ вниманіе на 2-хъ чертахъ—насильственность и близость переворота и рядомъ съ настоящимъ заговоромъ, затѣяннымъ съ цѣлью произвести переворотъ насильственно и въ точно опредѣленномъ будущемъ, поставилъ тайное общество, задуманное съ цѣлью произвести переворотъ, но безъ рѣшимости на насильственные средства и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; это сообщество угрожаетъ сравнительно весьма слабыми въ широкихъ предѣлахъ опредѣленными наказаніями. Но сообщеніе бнжки или рукописи или такъ называемая пропаганда остались по прежнему безъ измѣненія подъ угрозой каторжныхъ работъ. Эта неподвижность 251 ст., въ то время когда 250 ст. подверглась коренному измѣненію, имѣетъ то важное и существенное послѣдствіе, что многочисленное сообщество, развѣтвившееся и въ теченіи многихъ лѣтъ выработавшее планъ новой организациі

общества, если оно еще не условилось какъ и когда ее произвести, подвергается слабому относительно наказанію, между тѣмъ какъ подъ казнь, граничащую со смертной, подходит простая передача любознательному другу пріятелю, какъ пикантную новость, подлиннаго произведенія подпольной печати или № «Впередъ» или «Набата», провезенные изъ заграницы. Упирая на одно обыкновенное свойство произведенія, не дѣлается уже никакого различія, ни кто его распространяетъ, ни между кѣмъ (между образованными скептиками или совсѣмъ необразованными или полуобразованными), ни съ какими намѣреніями, ради курьеза, или для предостереженія отъ злоумышленныхъ подстрекателей разоблаченіемъ всей несостоятельности ихъ ученія съ точки зрѣнія логической (печатался же катехизисъ революціонный по нечаевскому дѣлу и никого не возбудилъ къ возмущенію и бунту). Вслѣдствіе величайшихъ неравномѣрностей и несоотвѣтствія между опасностью и наказаніемъ, между виною и наказаніемъ я полагаю, что сама ст. 251 должна быть примѣняема съ величайшею осторожностью и осмотрительностью со многими изъятіями и рестрикціями, и что главнымъ образомъ надо имѣть при примѣненіи ея въ виду; 1) что брошюры, статьи, прокламаціи могутъ имѣть значеніе воззванія или подстрекательства къ бунту въ исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ кидаются въ массы въ рѣдкій моментъ броженія, а обыкновенно онѣ только сѣмена, бросаема въ почву, которая, хотя и способна къ ихъ воспріятію но переработаетъ ихъ по своему и длиненъ будетъ этотъ процессъ и нельзя и предвидѣть какіе будутъ всходы; 2) что въ разборѣ злокачественности этихъ брошюръ и прокламацій необходимо ввести, какъ орудіе сортировки тѣ признаки, которые послужили для отдѣльнаго заговора или тайнаго общества а именно: опредѣленное время, когда предполагается переворотъ и побужденіе къ тому, чтобы совершить его насильственно. Съ этой стороны подвергнемъ

разбору всю ту литературу, которая распространялась во многих сотнях и тысячах экземпляров между простонародіемъ. Разборъ этотъ представляетъ нѣкоторыя особенныя затрудненія, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, что трудно критиковать то, что составляетъ само по себѣ секретъ и что само, своимъ невѣдомымъ для публики, но распространеннымъ въ народѣ содержаніемъ, защищаться не можетъ. Такія критики обыкновенно расходятся съ цѣлью и приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, то есть критику послушаютъ а думаютъ: въ книгѣ то по больше чѣмъ въ критикахъ, однимъ словомъ въ самомъ безобразномъ сочиненіи предполагается существованіе той доли истины, которая кроется и въ самомъ сильномъ заблужденіи. Другое затрудненіе это множественность этихъ произведеній, ихъ разныхъ десятка два, писанныхъ съ неровнымъ успѣхомъ и дарованіемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній уже потому не могутъ дѣйствовать, что весьма скучны («Чтой то братцы»), иныя производятъ впечатлѣніе въ окончательномъ результатѣ совершенно противоположное революціонной пропагандѣ («Исторія французскихъ крестьянъ»), которая доказываетъ, что крестьянинъ всегда былъ игрушкою интригановъ, властныхъ людей, кулаковъ. Мнѣ кажется, что изъ этой массы книгъ надобно выбирать не отдѣльныя зажигательныя фразы, которыя отторгнутыя отъ цѣлаго и безъ связи съ нимъ ничего не доказываютъ и ничего не выражаютъ, но тѣ произведенія, которыя содержатъ въ себѣ самую соль, самую суть ученія, которыя могутъ служить мѣриломъ и показателями идей, и такихъ я нахожу двѣ: «Хитрая механика» и «Сказка о 4 братьяхъ», которую нѣкоторые пропагандисты не изъ развитыхъ знали наизусть. Въ этихъ произведеніяхъ обращаетъ прежде всего вниманіе ихъ несерьезная, сказочная форма. Я не слышалъ, чтобы какое нибудь воззваніе къ бунту было въ формѣ сказки. Сказка, новелла, басня все равно, что

орѣхъ въ своей скорлупѣ: сначала раскуси, намотай на усъ, поразмысли и тогда пойми, возбужденіе на размышленія не совсѣмъ хорошія, но не бунтъ. Въ скорлупѣ сидитъ и мораль. Мораль эта: критика настоящаго, чаяніе будущаго или идеаль. Идеаль этотъ политическаго свойства: не будетъ моего ни твоего а все братское, чтобы всѣ трудились по своей силушкѣ, а брали сколько надобно, безъ излишества. Когда все братское то не можетъ быть барыша, а не будетъ барыша, нѣтъ надобности копить, а нѣтъ накопленія и воровъ не будетъ. Хитрой механики мы не заведемъ, но и никакой механики не предлагаемъ; настоящая фаза пропаганды тѣмъ и замѣчательна, что въ неопредѣленной дали, открывая виды на коммунистическій рай, изображая нѣчто въ родѣ золотаго сна, она воздерживается отъ всего догматическаго, не предлагаетъ ни фаланстера, ни коммуны, ни какихъ бы то не было построеній, ни окончательныхъ, ни переходныхъ; на первый планъ вмѣсто всѣхъ утопій она выдвигаетъ критику и одну только критику всего существующаго съ коммунистической точки зрѣнія: совѣсть у богатаго, что сталь закаленная; законъ такъ устроенъ, что сильный можетъ все сдѣлать а слабый долженъ молчать—нѣтъ мѣста для бѣднаго, всѣ мѣста міроѣдами заняты. Критика и одна критика ѣдкая и сильная идетъ по всѣмъ направленіямъ отъ міра мужицкаго и фабричнаго до вершинъ общества и государства, возбуждая общее неопредѣленное неудовольствіе настоящимъ, которое, потому что оно общее, потому что оно направлено въ одинаковой степени и противъ собственности и противъ фабрикантовъ и противъ священниковъ и противъ всѣхъ міроѣдовъ и противъ, правительства дѣлается мало интенсивнымъ, а болѣе экстенсивнымъ и захватываетъ въ ширь, но не захватываетъ въ глубину;—оно слишкомъ широкое, чтобы можно предположить, что оно то что предполагаетъ произвести, что оно, сдвинетъ горные хребты и выровняетъ моря общественнаго устройства. Чтобы вы сказали на цѣлый муравейникъ, который бы

задался мыслью разрушить Монбланъ: оно конечно возможно но въ продолженіи безконечно долгаго времени и безконечно великаго числа рабочихъ единицъ. Произвести политическую революцію легче, надобно только пріударить на правительство, но социальную куда какъ труднѣе, а объ вмѣстѣ даже невозможно; вотъ почему социальныя революціонеры, подводя свои мины подъ общество, стараются быть легалистами, быть строгими законниками и жить въ ладахъ съ правительствомъ. Но если общій характеръ всей пропаганды, которая судится по книжкамъ, есть социальный съ примѣсъю относительно незначительнаго политическаго элемента, съ незначительною и, смѣю полагать, неловкою примѣсъю, то спрашивается возможно ли пропагандистовъ подводить подъ 251 ст. (воззваніе къ бунту, къ перевороту въ близкомъ опредѣленномъ будущемъ и притомъ насильственному)? Я увѣренъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный.

Подъ какой же законъ другой болѣе подходящій подводить эти ученія, всетаки съ государственной точки зрѣнія вредныя? Я бы могъ сказать—не мое дѣло, поищите сами, можетъ быть 252 ст., а можетъ быть и еще какаянибудь иная. Мнѣ кажется, что еслибы я былъ судья, если бы меня заставили пріискать эту статью, то я не затруднился бы и подвелъ дѣяніе пропагандистовъ, судя его по главному преобладающему въ немъ характеру, подъ оспариваніе началъ собственности и семейнаго союза—1037 ст. улож., воззваніе вооружающее одну часть населенія противъ другой—1036, колебаніе довѣрія къ дѣйствующимъ законамъ—1035 ст. и меня не остановило бы то, что за эти преступленія, совершенныя посредствомъ гуттенбергова изобрѣтенія, полагаются сравнительно малыя, хотя и очень чувствительныя наказанія: смирительный домъ. Они малы, но мнѣ кажется были бы вполне достаточны. Репрессивность наказаній всего сильнѣе обезпечивается умѣренностью ихъ, строгимъ соответствіемъ ихъ съ виною. Кромѣ того не надо забывать, что собственность, религія, семья—это уста-

новленія самостоятельныя, которымъ, хотя государство и обязано охраною отъ посягательствъ извнѣ, но охраною непереходящею границъ строгой необходимости; государство находится въ союзѣ, но не сливается ни съ однимъ изъ этихъ установленій, они сами должны давать отпоръ. Когда они охраняются только государствомъ и посредствомъ такихъ мѣръ, какими государство ограждаетъ собственное свое бытѣе, то они сами теряютъ свою самостоятельность, дѣлаются, такъ сказать, понятіями казенными и вокругъ нихъ вслѣдствіе строгостей образуется искусственная тишина; никто ихъ не защищаетъ, потому что оспаривать ихъ не безопасно, и неоспариваемыя явно—они только подтачиваются незаметно маленькими червячками въ родѣ брошюръ, которыя выложены на столѣ и которыхъ дѣйствіе, по моему мнѣнію, было бы гораздо менѣе опасно, если бы онѣ были пропечатаны въ газетахъ.

Такова по моему общая характеристика этой значительной по размѣрамъ и задающейя широкими цѣлями пропаганды коммунистической. Чтобы наказать когонибудь, напр. Джабадари, за производство этой пропаганды нужно съ точностью опредѣлить, что онъ пропагандировалъ, какія книжки онъ давалъ, потому что нельзя же взваливать на человека всѣ произведенія подпольной печати, когда онъ распространялъ только нѣкоторыя а отъ иныхъ можетъ быть и чурался, ненавидя ихъ и боясь, какъ ненавидѣлъ Вольтеръ Руссо, какъ всякій революціонеръ не самый крайній и всякій постепеновецъ боится и противодѣйствуетъ тѣмъ, которые его перещеголяли. Подъ боевымъ перекрестнымъ огнемъ суда всѣ тѣ лица, которыя привлечены за пропаганду, сплотились и стоятъ однимъ фронтомъ, но какъ въ церкви нѣтъ двухъ лицъ, которыя бы имѣли одинаковыя понятія о Богѣ, такъ и въ этомъ отрядѣ нѣтъ двухъ людей одинаково понимающихъ свои цѣли, средства и задачи. Что въ нѣдрахъ этой, если она дѣйствительно существовала, организаціи были страшныя раз-

ногласія, діаметрально противоположныя мнѣнія, на это есть указаніе въ письменномъ архивѣ, который такъ богатъ и разнообразенъ по настоящему дѣлу. Въ бумагахъ нашли переписанное рукою Цвилленева характерное письмо. Всякая революціонная организація тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ ней какъ въ ковчегѣ Ноя сосуществуютъ и взаимно себѣ помогаютъ всякія животныя — и рядомъ съ человѣкомъ, который говоритъ: бунтовать, убивать, стрѣлять, можетъ быть человѣкъ, который по принципу не способенъ убить даже муху. Онъ напрямикъ говоритъ пропагандистамъ: вашъ радикализмъ основанъ на ненадежной подкладкѣ чувства—онъ сулитъ синицу въ небѣ людямъ, которыхъ потребности доведены соціальными невзгодами до *minimum*'а и народу, который одомашненъ и прирученъ, такъ что его и не поднять на дѣло Стеньки Разина и Пугачева. Народъ-стихія, бываютъ стихійныя движенія, но разъ они возбуждены имъ воспользуются не тѣ, которые ихъ вызвали а люди иные, которые сумѣютъ ими воспользоваться. Революція это не теорія, а чувства отдѣльныхъ лицъ и порывы массы.

Внести сознаніе въ эту массу надо, но надо развить эту массу вообще, возвысить въ ней культуру а не бросать тенденціозныя книжки зажигательнаго свойства, которыя надо кинуть въ печь, потому что онѣ только абсурдъ.—Если это письмо писалъ революціонеръ, то съ нимъ можно въ значительной степени помириться. Если какой либо революціонеръ идетъ въ народъ, дабы изучать его и поднять въ немъ культуру дѣйствіями образовательными, тоже тенденцію заключающими, то смѣшивать его съ сорвиголовую и вертопрахомъ, которому бы только зажечь пламя и любоваться какъ оно красиво, было бы явною вопіющею несправедливостью. Итакъ надобно различать пропаганду и пропаганду и вникать въ то какія книжки раздавалъ Джабадари и какія рѣчи произносилъ. Чемоданъ съ книжками, по словамъ Дарьи, содержалъ какія то книги, но какія неизвѣстно.

Джабадари на фабрику онъ не поступалъ, съ рабочими не работалъ а дѣйствительно вертѣлся вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ около фабрики Тюляевыхъ. Филатовъ дѣйствительно давалъ книжки («Хитрая Механика», «Сказка о 4 братьяхъ»), улика противъ Джабадари заключается только въ томъ, что когда Филатъ Егоровъ для разговора и раздачи книжекъ зазывалъ рабочихъ въ трактиръ, то, по словамъ Афанасія Ермолаева, Семена Зотова и Игнатова, въ этомъ же трактирѣ сидѣлъ чернолицый челоуѣкъ не изъ русскихъ, который курилъ табакъ и чаемъ угощалъ, изъ чего заключается, что онъ былъ въ исходѣ бесѣды заинтересованъ, но участіе въ разговорѣ онъ принималъ самое обыкновенное: у Зотова расспрашивалъ, какъ онъ сѣздилъ въ Нарву, у Игнатова, какимъ образомъ была деревня обложена оброкомъ, однимъ словомъ онъ имѣлъ видъ челоуѣка знакомящагося съ бытомъ крестьянъ, но не пропагандирующаго. О идеяхъ Джабадари, которыя бы онъ вносилъ въ пропаганду ничего неизвѣстно, рассказъ Дарьи Ивановой о томъ, что занимало кружокъ, вышелъ на судѣ отрывочный и блѣдный, скорѣе въ пользу подсудимаго, а не во вредъ, хотя ему трудно вѣрить даже и въ такомъ смягченномъ видѣ: Бога признавали, но личность его отрицали? Что это, научное ли опредѣленіе религіозно философской системы пантеизма? Едвали неграмотная Дарья настолько имѣла образованія, чтобы понимать въ чемъ заключается сущность пантеизма, да и едвали эти молодые люди занимались такою ветошью и такою метафизикою, какъ пантеизмъ; они скорѣе позитивисты, слѣдовательно люди, для которыхъ и ставиться не можетъ вопросъ метафизическій о личности или безличности Бога. Слѣдовательно надобно осторожно относиться и къ другимъ частямъ показанія Дарьи Ивановой: чтобы горя не было, чтобы всѣ жили ровно, да не былобы то, что у одного десять домовъ, а у другого ни одного. Я и узнаю разговоръ экономическо-соціальный съ примѣсю рассказовъ о формѣ правленія, что Дарья Иванова и приня-

ла за разговоръ о бунтѣ; о рѣзни не упоминалось, да и была это простая бесѣда между товарищами, а не пропаганда. Такимъ образомъ по совершенной неопредѣленности, зачѣмъ Джабадари бывалъ въ народѣ, можетъ быть просто какъ наблюдатель, по совершенному отсутствію указаній на то, чтобы онъ давалъ книжки, по совершенной невинности разговоровъ и бесѣдъ, которые онъ имѣлъ съ рабочими, я прошу и по вопросу о пропагандѣ его оправдать.

Моя работа еще не кончена, остается на рукахъ еще самое трудное—участъ Вѣры Люботовичъ, такъ называемой съ малолѣтства въ домѣ родителей *Волченка*.

Моя кліентка Вѣра Люботовичъ обвиняется прежде всего въ общегражданскомъ т. е. просто уголовномъ преступленіи—покушеніи на смертоубійство, состоящее въ томъ, что она хотѣла собственными ручками, которыя не велики и не сильны, какъ Геркулесъ—Антея задушить помощника частнаго пристава Федорова, между тѣмъ какъ компаніонъ ея Циціановъ стрѣлялъ въ жандарма Ловягина, причемъ сдѣлана ссылка на ст. 114, то есть, что покушеніе остановлено независѣвшими отъ преступницы обстоятельствами. Изъ судебного слѣдствія вытекаетъ, мнѣ кажется, то неопредѣленное убѣжденіе, что между выстрѣломъ Циціанова и царпаніемъ по шеѣ Федорова нѣтъ ничего общаго. Подсудимые не сговаривались, соединиться для общей цѣли они не могли. Еслибы они знали что происходило въ номерахъ. «Украины», то они бы эти номера не только обошли, но и объѣхали. Она и попалась совершенно отдѣльно, на разстояніи, какъ показываетъ Вѣра Люботовичъ, 4 часовъ, по показаніи свидѣтелей, дающихъ самыя меньшія разстоянія времени,— $\frac{3}{4}$ часа. Вѣра Люботовичъ сидѣла спокойно до второго выстрѣла; послѣ второго, какъ извѣстно, Евстихievъ и Власевъ храбро бросились бѣжать, швейцаръ Галактіоновъ, городовые Вдовинъ, Чибисовъ, Лебедевъ и Федоровъ—всего 5 человекъ повалили Циціанова, чтобы вырвать у него изъ рукъ револь-

веръ и ухватились за него не съ нѣжными чувствами. Они образовали пирамиду тѣлъ, человѣкъ на человѣкѣ, Федоровъ подъ однимъ изъ городскихъ, а подъ нимъ Циціановъ. Въ сердцѣ каждаго человѣка есть чувство, которое психологически называется симпатіей, которое заставляетъ при видѣ, что когонибудь бьютъ, кидаться на выручку слабѣйшему, а Циціановъ былъ не кто-нибудь, но компаніонъ Вѣры. Что у нея было на умѣ трудно сказать, потому что происшествіе случилось въ нѣсколько секундъ; мысль почти совпадаетъ съ исполненіемъ, вѣроятно Вѣра хотѣла сдѣлать просто диверсію. Эпизодикъ былъ до того маловажный, что его не замѣтили Вдовинъ, Чибисовъ, что Ловягинъ вовсе не занесъ его въ протоколъ, запомнили его только пострадавшій Федоровъ, да Галактіоновъ и Лебедевъ, при осмотрѣ оказались на шеѣ и за ухомъ только ссадины и никакихъ знаковъ давленія, никакихъ подтековъ, слѣдовательно то, что, какъ вѣрно охарактеризовалъ движеніе Вѣры Любатовичъ, Лебедевъ, она щипала за шею Федорова—движеніе конечно не женское, не красивое и совпадающее съ прозвищемъ Волченка. Волченокъ и показалъ свои зубы. Вполнѣ понятно и то, что Вѣра предлагала Власьеву или сулила ему за его усердіе при посылкѣ пятачекъ, но гдѣ же силушка то на удушеніе, гдѣ условія приведенія замысла въ исполненіе, гдѣ наконецъ смертоубійство; замысла этого не высказалъ даже и Федоровъ. Геркулесъ задавилъ гиганта Антея, но Геркулесъ былъ Богъ греческій, на то чтобы задавить нужно лишить дыханія человѣка на нѣсколько минутъ, а Федорову достаточно было выпустить Циціанова и обернуться, онъ бы съ Волченкомъ справился, онъ этого не сдѣлалъ, царянины не заставили его обернуться. «Мы сладили съ Циціановымъ, тогда и барыня перестала меня душить»—новое доказательство, что барышня не покушалась на душеубійство, а просто выручала товарища. Федорову она причинила легкое поврежденіе, не преслѣдуе мое какъ только по частной жалобѣ, которая по-

дана быть не могла за смертью Федорова, почему я прошу весь этот эпизодъ скорѣе забавный нежели трагическій оставить безъ послѣдствій и не возводить мою клиентку на пьедесталь, на которомъ красовалась Леди Макбетъ и иныя эпическія или историческія героини, кровью человѣческою обогранныя.

Кромѣ того Вѣра Люботовичъ обвиняется еще и въ томъ, что она распространяла печатныя воззванія къ бунту въ народѣ; ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ судебномъ слѣдствіи не было ни малѣйшаго указанія на то, чтобы она давала какую нибудь, хотя малѣйшую, книжку. Единственнымъ основаніемъ подозрѣнія является то, что Вѣра Люботовичъ съ необыкновенною юркостью и подвижностью успѣвшая перебивать во всѣхъ мѣстахъ, которыя считаются гнѣздами организаціи: въ домѣ на Сыромятникахъ, въ домѣ Эйбротъ, въ домѣ Толстой и посѣщавшая номера «Украины», считается чуть ли не главою организаціи, а такъ какъ въ послѣдней квартирѣ, занимаемой ею у кн. Циціанова, въ домѣ Толстой, найденъ архивъ печатныхъ зажигательныхъ сочиненій, ерго и она совиновница тѣхъ, которые оттуда выносили книжки для распространенія, ерго совиновница самаго распространенія. Я протестую противъ такого примѣненія къ Вѣрѣ Люботовичъ ст. 251, считаю, что эта статья не примѣнима безъ точнаго указанія на фактъ, на то, кому давались, когда и какія книги. Доказательства мои слѣдующія:

Если разобрать всѣ 1711 ст., изъ которыхъ состоитъ нашъ уголовный кодексъ, то окажется, что онъ казуистиченъ т. е. что всѣ предусмотренные въ немъ случаи сводятся къ какимъ нибудь 4 или 5 десяткамъ общихъ понятій, которымъ давно уже и присканы названія какъ въ обыкновенной, такъ и уголовной терминологіи, да и между этими преступленіями есть много общаго. Общность бываетъ двоякаго рода: во внѣшнемъ дѣйствіи, хотя намѣренія различны, нпр. убійство и поврежденіе тѣлесное, ударъ нанесенъ намѣренно, но если

не предполагалось умысла убить, то хотя послѣдовала смерть, будетъ только поврежденіе тѣлесное; обвинитель не можетъ доказывать, что меньшее содержится въ большемъ, и долженъ выбрать либо одно либо другое, либо ставить вопросъ вспомогательный: если не виновенъ въ смертоубійствѣ, то не виновенъ ли въ причиненіи поврежденій. Но общность можетъ быть и въ объективной сторонѣ преступленія. Въ этомъ случаѣ надобно различать не нанизываются ли эти дѣянія какъ бы на одну ниточку, не составляютъ ли они разныхъ только моментовъ развитія и осуществленія идеи, или они осуществляютъ идею по совершенно разнымъ направленіямъ. Я представлю примѣры. Возьмемъ нпр. пропаганду: сочиненіе въ родѣ о мудре^{цѣ} Наумов^ѣ написано и переписано, оно по 251 ст. только притотвореніе и начало покушенія къ пропагандѣ, затѣмъ слѣдуетъ распространеніе, слѣдовательно совершеніе; вы знаете какія громадныя разницы, но въ сущности это только два момента одного и того же дѣянія. Но есть дѣянія разнородныя нпр., съ одной стороны тайная организація революціоннаго общества, съ другой пропаганда, изъ которыхъ ни одно не представляетъ собою послѣдовательныхъ моментовъ осуществленія идеи, ни одно не вмѣщается во второмъ, съ третьей стороны агитація, имѣющая цѣлью побудить личность или кружки на активную революціонную дѣятельность. Когда образовано тайное политическо-революціонное общество, то хотя бы оно и имѣло въ виду и пропаганду и агитацію и приводило къ нимъ, оно еще не резматривается какъ активно революціонная дѣятельность т. е. какъ самый бунтъ, чему доказательствомъ служить обвинительный актъ, въ которомъ хотя обществу приписываютъ уставъ, гдѣ прямо помѣщены и пропаганда и агитація; но образованіе организаціи подведено подъ 2 ч. 250 а не подъ 17 и не подъ 251. Агитація можетъ быть совершена безъ всякой организаціи и безъ предварительной пропаганды, чему доказательствомъ можетъ служить ст.

249: возстаніе скопомъ и заговоръ противъ власти Верховной, скопомъ въ противоположность заговору, скопомъ дружнымъ дѣйствіемъ безъ предварительнаго сорлашенія.—Наконецъ, сколько же разъ пропаганда совѣщалась не к^усно, не сообща, а была дѣйствіемъ одинокаго человѣка, самаго новатора, который вздѣлѣялъ мысль, и зарядивъ ею слово, ввергаетъ ее въ общество какъ бомбу, которой опасаются какъ будто бы она была начинена порохомъ или динамитомъ, но которая въ сущности никакого непосредственнаго дѣйствія не имѣетъ, такъ какъ она подлежитъ самостоятельной переработкѣ въ средѣ, для которой предназначается. Въ организацію могутъ попадать люди, которые не сочувствуютъ ни способамъ пропаганды ни ея содержанію, которые знаютъ не все, что пропагандируется. Допустимъ, что вошелъ въ организацію жертвуя собою, Цвилленевъ, съ его взглядомъ, что книжки надо бросить въ печь, съ его понятіями, что на крестьянъ надо дѣйствовать образованіемъ а не зажиганіемъ а между тѣмъ только беречь силы на серьезное дѣло. Исторія тайныхъ обществъ исполнена такихъ примѣровъ. Наконецъ замѣтимъ, что въ своихъ моментахъ и относительной ихъ наказуемости пропаганда и организація не совпадаютъ. Въ организаціи совершеніе наступаетъ сразу когда соглашеніе состоялось; допустимъ что оно уже состоялось и что оно имѣетъ спеціальною цѣлью распространеніе не букварей и общепользныхъ книжекъ, но «Хитрой Механики» и «Сказки о 4 братьяхъ», то и тогда желанія одного и согласія мало; для пропаганды нужно, чтобы книжки были розданы, иначе будетъ только храненіе книжекъ, и тоже можно сказать, что со стороны Вѣры Любатовичъ были или тайное храненіе книжекъ или просто недонесеніе о книжкахъ, которыя хотя имѣли быть выпущены, но не могли быть выпущены, потому что она была заарестована въ августѣ 1875 года. Распространители книжекъ въ Москвѣ были выловлены въ началѣ апрѣля, съ апрѣля по августъ не видно пропаганды

а только организація образуется лицами, которыя были совсѣмъ новыя, гдѣ же доказательство, что они тѣ книжки выпускали? И такъ я прошу и полагаю, что моя просьба будетъ уважена, Вѣру Люботовичъ по этому обвиненію оправдать. Обвинительный вопросъ прошу ставить совершенно опредѣленно: виновна ли Вѣра Люботовичъ въ томъ, что приблизительно въ такое то время, въ такомъ то мѣстѣ, такимъ то лицамъ давала такія то книжки возмутительнаго содержанія. Я полагаю, что иначе какъ совершенно опредѣленно нельзя ставить вопросовъ о пропагандѣ.

Остается послѣдняя изъ подлежащихъ моей разработкѣ матерій—задача столь трудная, что я считаю ее едва ли себѣ по силамъ, это обвиненіе Вѣры Люботовичъ въ членствѣ, въ соучастіи въ организаціи, въ дѣятельности административной въ кружкѣ центральномъ, въ заправленіи нѣкоторое время дѣлами всего революціоннаго союза вкупѣ съ другимъ необнаруженнымъ членомъ организаціи—Рыжимъ, обвиненіе, которое возводитъ ее въ предводители и ставитъ почти во главу угла всего союза. Слабосильное чахоточное существо, дѣвушка, отправившаяся съ сестрою за границу, не чтобы учиться а чтобы лечиться, арестованная съ сестрою на границѣ по подозрѣнію въ провозѣ писемъ, отправленная потомъ въ Черниговъ и освобожденная только въ мартѣ 1875 г., Вѣра Люботовичъ въ короткій промежутокъ времени отъ марта и до августа (5 съ чѣмъ то мѣсяцевъ) попала въ водоворотъ революціоннаго движенія, завертѣлась столь шибко, со свойственной ей темпераменту юркостью и живостью, что успѣла вездѣ перебивать и со всѣми перезнакомиться, оставивъ свой слѣдъ во всѣхъ мѣстахъ, считааемыхъ гнѣздами и разсадниками заговора. Ее помнятъ въ домѣ Костомарова она жила въ домѣ Эйбротъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ, она проживала съ Циціановымъ въ домѣ Толстой и попалась въ номерахъ «Украины», въ квартирѣ Гамкрелидзе. Вездѣ она носила съ собою данное ей еще

въ отцовскомъ домѣ прозвище Волченка, которое въ обвинительномъ актѣ признается революціонною кличкою. Она и писала при слѣдствіи, подобно многимъ другимъ подсудимымъ, она измѣняла почеркъ; хотя эксперты не признали совершеннаго сходства съ ея рукою разныхъ предполагаемыхъ писанными ею писемъ, на ея отвѣтственность возлагаютъ, не по сходству почерка, а по содержанію, приписку 24 іюля 1875 г., писанную за двѣ недѣли до арестованія т. е. до конца революціонной дѣятельности Вѣры Любатовичъ и въ тотъ самый день когда Вѣрѣ Любатовичъ, если вѣрить ея метрическому свидѣтельству, исполнился срокъ ея гражданскаго и уголовнаго совершеннолѣтія.

Она эту приписку отвергаетъ. Но вслѣдствіе несчастнаго совпаденія имени писавшей—Вѣра съ ея именемъ, того что она имѣла сестру, того что она была въ Москвѣ, она и порѣшила защищаться такъ, какъ будто бы эта приписка была ею писана. Принятіе на себя письма имѣло то хорошее послѣдствіе, что а) упрощало дѣло и б) пресѣкало дальнѣйшіе поиски всевозможныхъ Вѣръ, которыхъ такъ много бываетъ на свѣтѣ. И такъ допустимъ что письмо писано Вѣрою Любатовичъ, что изъ этого слѣдуетъ? Что Вѣра просится вонъ изъ организаціи, что ей не хочется переписывать сказки о «Наумовѣ», что она шила сапоги т. е. сочиняла фальшивые паспорта. Я надѣюсь, что вы ей не припишете никакой солидарности съ содержаніемъ письма Рыжаго и съ глупымъ, бессмысленнымъ совѣтомъ: убивайте, стрѣляйте, бунтуйте. Приписка есть самостоятельное письмо и никогда приписчикъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣту за глупую ерунду. Если вы будете судить Вѣру Любатовичъ за эту приписку, если вы ее признаете виновною въ членствѣ, въ организаціи, въ администраціи, то я полагаю, что при постановкѣ вопросовъ и опредѣленіи степени соучастія вы всетаки не окажете ей чести считать ее главнымъ воротилою, главнымъ лицомъ въ организаціи, что вы не возвысите

ее въ предводительши, а не признаете ее потому, что какія бы усилія ни дѣлались, чтобы играть роль и начальствовать, всетаки она въ моментъ самый важный своей революціонной дѣятельности была малолѣтка и женщина...

Кончая мою защиту, я позволю себѣ высказать нѣсколько общихъ соображеній, которыя, по моему убѣжденію, должны бы васъ расположить быть мягкими,нисходительными въ отношеніи ко всѣмъ моимъ кліентамъ, какъ и ко всѣмъ вообще подсудимымъ по дѣлу 21 февраля. По обвинительному акту подсудимыхъ 50, изъ нихъ какъ разъ $\frac{1}{3}$ женщинъ, $\frac{2}{3}$ мужчинъ, изъ подсудимыхъ болѣе 10⁰/₀ несовершеннолѣтнихъ, да и вообще если сложимъ всѣ года подсудимыхъ, то получимъ средній выводъ 23,72, изъ чего вытекаетъ заключеніе, что судится молодое недозрѣлое поколѣніе людьми, которыхъ средній возрастъ едва ли не вдвое болѣе... Разница въ возрастахъ затрудняетъ пониманіе нуждъ и потребностей, ошибокъ и стремленій — они не всѣ могутъ быть такъ дурны какъ предполагаютъ; при оцѣнкѣ не надо слишкомъ довѣряться первому впечатлѣнію, ихъ рѣзкости въ словахъ, ихъ грубости въ выраженіяхъ; оно вообще грубѣе это поколеніе, оно выросло и сложилось при другихъ нежели наше условіяхъ. Наше поколѣніе выросло при двухъ условіяхъ: при устраненномъ потомъ волею законодателя крѣпостномъ правѣ и при полномъ отсутствіи почти всякой жизни общественной, вслѣдствіе чего кормились мы одними только отвлеченными умственными наслажденіями, воспитывались по началамъ эстетики, въ культѣ чистой красоты. Ваякая односторонность вызываетъ реакцію въ совершенно противоположномъ направленіи. Такою реакціею и является позитивизмъ, презрѣніе ко всякой эстетикѣ, понятіе, что пара сапоговъ лучше поэмы Пушкина и такая водобоязнь въ отношеніи къ идеальному, къ романтическому, что аффектируется напускная грубость, чтобы не показаться сентиментальнымъ и слюнявымъ и что по выраженію

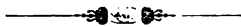
письма, на которое я просил позволенія сослаться, если бы новому дѣятелю пришлось быть въ лѣсу и заблудить, то онъ имѣя спички не зажегъ бы огня, чтобы не походить на героя изъ Майнъ Рида или Купера. Этой рѣзкости я не одобряю. Mais on a les qualités de ses défauts, у нихъ есть нѣкоторыя качества, которыхъ въ наше время недоставало, намѣренное предпочтеніе, отдаваемое черной работѣ, тяжкому труду, сознательное стремленіе посвящать себя этому труду. Стремленіе доведено до абсурда, но съ теченіемъ времени абсурдъ отойдетъ, хорошее останется и человѣкъ подобный можетъ быть употребленъ съ пользою даже государственною властью на дѣло полезное; я ссылаюсь на вашъ опытъ, на то, что бывали въ государствѣ Россійскомъ люди, которые въ молодости считались отчаянными и опасными революціонерами, а впослѣдствіи оказали услуги, какъ люди вполне государственные.

Наконецъ мой послѣдній аргументъ—это чрезвычайное распространеніе въ настоящее время, если не коммунистическихъ и социалистическихъ сообществъ, то по крайней мѣрѣ идей, вслѣдствіе чего идетъ большая волна, на ней плаваютъ какъ будто бы крупинки, какъ будто бы щенки, ничѣмъ невыдающіяся, ординарные представители «безъимянной Руси», какъ ее обозвалъ Тургеневъ въ своемъ романѣ «Новь». Чрезвычайное распространеніе есть фактъ общеизвѣстный, для удостовѣренія коего я и просилъ позволенія сослаться на официальные данныя извѣстныя въ настоящемъ дѣлѣ. Изъ этого документа видно, что въ 1875 г. пропаганда въ кружкахъ была въ 37 губерніяхъ, что къ ней привлечены были въ то время 770 человѣкъ, 612 мужчинъ, 158 женщинъ, и что она, эта пропаганда, шла въ то время въ возрастающей прогрессіи, вслѣдствіе отсутствія достаточнаго противодѣйствія со стороны общества. Этихъ данныхъ довольно. Широкій фактъ, серьезный фактъ, какое же вліяніе его на уголовную отвѣтственность въ нашемъ судѣ? По дѣлу, недавно бывшему,

о преступленіи 6 декабря моимъ товарищемъ по однимъ защитѣ произнесены были слова, противъ которыхъ я протестую: что въ дѣлахъ политическихъ, проистекающихъ не столько отъ испорченности сердца, сколько отъ заблужденій ума, нравственность и безнравственность не принимаются въ расчетъ, а преступленія преслѣдуются и наказываются только по относительной опасности дѣянія, по закону необходимой обороны. Я протестую противъ начала, которое повело бы къ тому, что пропаганда должна соразмѣряться съ распространеніемъ преступленія, съ чиномъ дѣйствующаго лица и отрицаю всякое примѣненіе закона необходимой обороны. Какая же тутъ необходимая оборона? гдѣже опасность неминуемая? гдѣ вулканъ? Фактъ распространенія, имѣеть свои причины, въ эти причины не могутъ входить ни защита, ни судъ; и защитнику непрошенному совѣтнику не придетъ на мысль предлагать свою политику, свои мѣры противодѣйствія. Но защитникъ не можетъ не знать, что этотъ фактъ вызываетъ противодѣйствіе не въ одной только формѣ уголовныхъ наказаній, что, уголовныя наказанія всего менѣе успѣшны и что не задаваясь никакими посторонними задачами политики, судъ долженъ только, рѣшая по справедливости, отыскивать уравненіе между наказаніемъ и виною, а по справедливости онъ можетъ уравнивать, опредѣляя величину преступленія, не измѣреніемъ волны плюсъ стоящей на ней человѣчекъ, но откидывая волны и за устраненіемъ ихъ, измѣряя только человѣчка; не можетъ же быть этотъ человѣкъ искупителемъ за духъ вѣка, за его неудержимыя стремленія, за все то, что увлекаетъ мимо вѣдѣнія и воли въ невѣдомую и загадочную даль. Распространеніе движенія есть въ глазахъ правосудія смягчающее вину обстоятельство. Я вѣрю, что вы это обстоятельство примете въ расчетъ и что вообще вы будете дѣлать различіе между подсудимыми по степени ихъ революціонности.

Правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, призналъ: 1) подсудимыхъ Ивана Джабадари и Вѣру Люботовичъ—виновными въ составленіи, въ 1875 г., въ Москвѣ, противозаконнаго сообщества, имѣвшаго своею цѣлю, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ, 2) подсудимыхъ Василія Георгіевскаго и др.—виновными въ принадлежности къ упомянутому выше противозаконному сообществу, съ знаніемъ о цѣляхъ оного; 3) подсудимыхъ Джабадари и Люботовичъ—сверхъ сего виновными въ злоумышленномъ, съ цѣлю возбужденія къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, распространеніи сочиненій, соотвѣтствующихъ этой цѣли; 4) сверхъ сего, Вѣру Люботовичъ—виновною въ сопротивленіи, сопровождавшемся насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отправленіи должности.

Вслѣдствіе сего опредѣлили: Вѣру Люботовичъ и Ивана Джабадари—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Вѣру Люботовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари—на пять лѣтъ. Василія Георгіевскаго—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Енисейскую губ., съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіи 4 лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи 12 лѣтъ.

Дѣло объ убійствѣ Нины Андреевской.

22-го іюля 1876 г., между 9 и 10 часами вечера, исчезла дѣвица Нина Эрастовна Андреевская, временно проживавшая вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою дѣйс. ст. сов. Варварою Андреевскою, въ г. Тифлиссѣ, на Воронцовской набережной, въ домѣ княгини Шервашидзе, рядомъ съ лѣтнимъ помѣщеніемъ «Кружка», а на другой день утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, трупъ ея былъ найденъ рыбаками въ р. Курѣ, въ такъ называемой Караязской мѣстности, приблизительно верстахъ въ 40 отъ города.

Произведеннымъ по этому поводу предварительнымъ слѣдствіемъ было обнаружено слѣдующее: по духовному завѣщанію д. с. с. Эраста Андреевскаго, двумъ его дочерямъ Нинѣ и Еленѣ, вышедшей замужъ за князя Георгія Шервашидзе, достались имѣнія, расположенныя въ равныхъ частяхъ Тифлисскаго уѣзда. Первоначально имѣнія находились въ нераздѣльномъ владѣніи обѣихъ сестеръ и, такъ какъ владѣльцы проживали въ Россіи, и завѣдывались управляющими, то не доставляли владѣльцамъ никакого дохода. Въ концѣ 1875 г. кн. Шервашидзе предложилъ управлять имѣніями князю Давиду Чхотуа, не какъ опытному хозяину, а какъ честному, вполне благонадежному лицу и другу. Молодой Чхотуа принялъ предложеніе и вскорѣ поселился въ Тифлиссѣ, въ д. кн. Шервашидзе; въ іюнѣ 1876 г. къ нему пріѣхалъ младшій братъ—Николай Чхотуа, собиравшійся поступить въ военную службу. Весною этого года владѣльцы порѣшили проивести раздѣлъ доставшихся имъ имѣній и съ этою цѣлію Нина Андреевская съ своею матерью Варварою и кн. Шервашидзе въ началѣ іюля съѣхались въ г. Тифлиссѣ, гдѣ остановились въ гостин-

ницѣ «Европа». Вскорѣ Шервашидзе переселился изъ гостинницы въ домъ жены своей, находящійся въ Кукахъ, надъ Курою, въ довольно глухомъ мѣстѣ, куда приглашалъ переѣхать и Андреевскихъ. Последніа, не желая быть стѣсненными, не приняли этого предложенія. Раздѣлъ совершился третейскимъ судомъ, по жребію; обѣ стороны дѣлежомъ остались вполнѣ довольны. Послѣ раздѣла кн. Шервашидзе уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Кутаисскую губ., а Андреевскія, на другой день послѣ его отъѣзда, переехали въ его домъ, въ ту самую комнату, гдѣ жилъ домовладѣлецъ. Домъ этотъ представляетъ каменное 2-хъ этажное зданіе, обращенное переднимъ фасадомъ во дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ густымъ, запущеннымъ садомъ, примыкающимъ къ саду лѣтнаго помѣщенія, такъ наз. «Кружка» а заднимъ на небольшую площадку, обнесенную деревьями, за которыми спускается, въ видѣ обрыва, крутой берегъ Куры. Къ рѣкѣ ведетъ крутая и обрывистая тропинка, по которой спускъ довольно труденъ. Въ зданіи имѣются два входа: одинъ со двора вользъ кухни, а другой съ площадки; чрезъ сѣни и по длинѣ всего нижняго этажа проходитъ корридоръ. Изъ числа проживавшихъ въ домѣ лицъ старшій Чхотуа помѣщался въ верхнемъ этажѣ и окна его комнаты выходили во дворъ; младшій же Чхотуа и Андреевскіе помѣщались въ нижнемъ этажѣ, но комната перваго изъ нихъ была расположена ближе къ кухнѣ и окна ея также выходили во дворъ, комната Андреевскихъ находилась въ противоположномъ концѣ корридора и была обращена окнами къ рѣкѣ. Прислуга состояла изъ 3-хъ лицъ: поваръ Габисонія и сторожъ Коридзе жили въ комнатѣ рядомъ съ кухней, а садовникъ Мчаладзе въ особой сторожкѣ у воротъ дома. У Андреевскихъ собственной прислуги не было, почему онѣ довольствовались тою мужской прислугой, которая состояла при Чхотуа. Обыкновенно онѣ утромъ уходили изъ дому, возвращались около 7—8 час. вечера и до 12 час. ночи и даже позже занимались своими дѣлами а послѣ ложились спать. Въ день происшествія, 22-го іюля утромъ, Нина Андреевская, вмѣстѣ съ матерью своею, отправились на именины къ бабушкѣ своей, проживавшей у кн. Варвары Тумановой. Здѣсь она согласилась съ дочерьми Тумановой, Ниною и Елизаветою, что въ 10 часовъ вечера подойдутъ въ своемъ саду къ забору «Кружка», гдѣ въ тотъ день долженъ былъ быть танцевальный вечеръ. Около восьми часовъ вечера Андреевскія вернулись домой, гдѣ встрѣтилъ ихъ Давидъ Чхотуа; братъ же его Николай, по прибытіи ихъ, сейчасъ же отправился кататься въ Муштайдъ. Просидѣвъ съ Андреевскими минутъ двадцать, Давидъ Чхотуа оставилъ ихъ и отправился по своимъ дѣламъ въ городъ, тотчасъ по прибытіи брата своего Николая. Последній оставался съ Андреевскими минутъ десять. Затѣмъ всѣ разошлись. Нина Андреевская, переодѣвшись въ домашнее платье, и старья опорки отъ дамскихъ полусапожекъ и вытряхнувъ на террасѣ

отъ пыли платье, въ которомъ она вернулась изъ города, принялась писать письмо къ кн. Шервашидзе въ Кутаисъ, предполагая послать его съ Давидомъ Чхотуа, который, уходя вечеромъ въ городъ, сказалъ, что завтра поѣдетъ въ Кутаисъ, чтобы, отвести князю Шервашидзе, забытую имъ пашку. Часу въ 10-мъ Нина, окончивъ письмо, взяла у матери большую свѣчу, оставила ей огарокъ и вышла со свѣчею изъ комнаты, причеъ сказала матери, что пойдетъ въ кухню къ повару Габисоніи за полусапожками, которые дала ему утромъ для чистки. Спустя минутъ 20 по уходѣ Нины, когда оставленный ею огарокъ началъ догорать, Варвара Андреевская вышла въ корридоръ и увидѣла, что свѣча, вятая Ниною, горѣла въ корридорѣ у поворота къ двери, ведущей на террасу, а дочери ея нѣтъ; на встрѣчу ей шель Зурабъ Коридзе босикомъ. На вопросъ, гдѣ барышня, Коридзе отвѣтилъ, что она, должно быть, пошла въ садъ прогуляться. Они отправились вмѣстѣ въ садъ, но Нины тамъ не нашли. Тогда по просьбѣ Андреевской, Коридзе разбудилъ спящаго уже Николая Чхотуа и съ нимъ Андреевская продолжала розыски въ саду, постоянно зова дочь свою по имени. Когда они вышли изъ сада на дворъ, въ верхнемъ этажѣ, изъ окна показался Давидъ Чхотуа и, узнавъ о поискахъ Нины Эрастовны, тотчасъ же сбѣжалъ внизъ и сталъ искать ее въ саду; когда же поиски оказались безуспѣшными, спустился къ берегу Буры и нашелъ тамъ, на каменной площадкѣ, платье и опорки Нины Андреевской. На другой день, 23 іюля, въ Караясѣ, авлабарскіе рыбаки Менабдишвили и Чюберовъ задержали утромъ плывущій по рѣкѣ, ногами по теченію, трупъ дѣвушки въ рубашкѣ, кальсонахъ и чулкахъ, въ каковомъ трупѣ, какъ по немъ самомъ, такъ и по бывшему на немъ бѣлью, знакомые и родные Нины А. признали эту послѣднюю. Первоначально возникло предположеніе, не утонула ли она, отправившись вечеромъ купаться въ рѣкѣ; но затѣмъ слѣдствіемъ были добыты данныя, которыя привели обвинительную власть къ убѣжденію, что Нина А. въ вечеръ происшествія не могла отправиться купаться и что смерть ея послѣдовала не отъ случайной к. л. причины, а была причинена постороннею рукою, путемъ насилія.

Вотъ эти данныя: 1) Нина А. не могла бы сама, безъ посторонней помощи, спуститься ночью къ рѣкѣ, по крутой и обрывистой тропинкѣ. 2) Еслибы она и рѣшилась на это, то такъ какъ тропинка ведущая къ рѣкѣ покрыта грязью и постоянно мокра, то платье и сапоги ея непременно были бы перепачканы грязью и мокры; между тѣмъ какъ они оказались совершенно чистыми и сухими. 3) Задумавъ купаться Н. А. оставила бы на берегу рубашку, кальсоны и чулки и не стала бы купаться въ бѣльѣ. 4) Будучи въ высшей степени стыдливой и конфузливой, она не рѣшилась бы купаться въ то время когда, по заявленію свидѣтелей, на противоположномъ берегу рѣки купались мужчины. 5) Это не возможно тѣмъ болѣе, что Н. А. въ день

происшествия находилась въ периодѣ мѣсячнаго очищенія и вообще, видя купающихся въ Курѣ возмущалась какъ можно купаться въ такой грязной и мутной водѣ. 6) Если бы Н. А. и утонула, то трупъ ея не могъ бы въ продолженіи 6—8 час. оказаться въ Караязской мѣстности, на разстояніи 40 в. отъ города. 7) Такъ какъ въ 16 верстахъ отъ г. Тифлиса Кура, вслѣдствіе мелководія, образуетъ 3 острова и раздѣляется на 3 рукава глубиною лишь отъ 2—4 вершковъ, то трупъ ея едва ли могъ бы проплыть дальше указаннаго мѣста; но если бы въ силу случайныхъ причинъ успѣлъ проплыть и далѣе, то по причинѣ каменистаго дна, оказался бы разбитымъ и поврежденнымъ; между тѣмъ какъ на немъ никакихъ ссадинъ, царапинъ и др. знаковъ насилія или побоевъ не было.

Судебно-медицинское вскрытіе трупа Н. А., произведенное 25 іюля въ г. Тифлисѣ врачами: Горалевичемъ, Блюмбергомъ и Павловскимъ тоже привело къ заключенію, что Н. А. утонуть не могла.

Хотя вскрытіе не могло во всей точности выяснить ближайшую причину смерти Н. А., такъ какъ трупъ ея подъ влияніемъ дѣйствія воды и главнымъ образомъ высокой лѣтней температуры воздуха сильно разложился (особенно мозгъ и мозговые оболочки),—но тѣмъ не менѣе врачи эксперты пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что при вскрытіи не обнаружено ни одного признака, который съ достовѣрностью указывалъ бы на смерть отъ утопленія, а именно: въ гортани, дыхательномъ горлѣ и легкихъ не было ни пѣны, ни пѣнистой жидкости, въ дыхательномъ и пищеварительномъ путяхъ не оказалось присутствія песку или ила,—въ желудкѣ не было накопленія воды и на рукахъ не было замѣчено ссадинъ, а подъ ногтями песку, или же камешковъ; 2) на головѣ умершей Андреевской и на разныхъ частяхъ туловища и конечностей ея оказались значительные кровоподтеки, имѣющіе характеръ прижизненныхъ поврежденій, такъ какъ кровяные свертки на головѣ представляли обширную сплошную массу, а на груди слишкомъ глубоко были расположены въ мышечномъ слоѣ, и притомъ, травматическаго происхожденія, т. е. происхожденія не отъ болѣзненныхъ внутреннихъ явленій, а отъ внѣшняго насилія; вмѣстѣ съ тѣмъ врачи—эксперты признали, что кровоподтекъ, найденный на головѣ, могъ произойти или отъ удара, или отъ паденія о какое либо твердое тѣло, а поврежденія, найденныя на шеѣ и на груди и особенно противъ яремной впадины, т. е. надъ дыхательнымъ горломъ, произошли, вѣроятно, отъ удавленія; поврежденія эти не могли быть объяснены ушибомъ о камень въ рѣкѣ, ибо тогда: а) на головѣ подтекъ не могъ бы занимать столь большаго и при томъ сплошнаго пространства, а поврежденія на груди и въ яремной области не допускаютъ возможности такого рода ушибовъ, такъ какъ эти части тѣла окружены мягкими, упругими органами и защищены болѣе выдающеюся нижнею челюстью и б) при такихъ ушибахъ поврежденія на обѣихъ половинахъ груди

не представляли бы такой полной симметричности. 3) Что же касается до ближайшей причины смерти Н. А., то, по мнѣнію д-ра Главацкаго смерть ея, судя по жидкому состоянію крови, не оставившей по себѣ въ сердцѣ кровяныхъ свертковъ, была асфиктическая, т. е. произошла отъ прекращенія доступа воздуха къ легкимъ, и составляетъ одинъ изъ видовъ удушенія, но было-ли въ данномъ случаѣ утопление или задушеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, опредѣлить не возможно; остальные же три врача, не находя достаточныхъ признаковъ для признанія асфиктической смерти, полагаютъ, что причиною смерти А. могли быть ушибы, нанесенные ей по головѣ и причинившіе, какъ надо полагать по величинѣ ихъ, сотрясеніе мозга, которое могло быть смертельнымъ.

Въ виду этихъ данныхъ обвиненіе пришло къ заключенію, что какова бы не была причина смерти Н. А., во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ трупъ ея попалъ въ воду, ей были нанесены дѣльный рядъ поврежденій, произведенныхъ давленіемъ на горло, ударами по головѣ и тому подобнымъ насиліемъ.

Что же касается вопроса, кто является виновникомъ сего преступленія, то обвиненіе признало, что такая мысль могла явиться лишь у тѣхъ лицъ, которые знали, что отъ нихъ прежде всего потребуютъ отчета о причинѣ исчезновенія Н. А., близко и хорошо были знакомы съ мѣстностью и имѣли достаточно времени и возможности для того, чтобы по совершеніи преступленія принять всѣ нужныя мѣры къ сокрытію слѣдовъ онаго; такими же лицами могли быть лишь Давидъ и Николай Чхотуга и ихъ прислуга. Притомъ, такъ какъ на дворѣ дома Шервашидзе были на столько злыя собаки, что не только ночью, но даже и днемъ никого посторонняго не впускали во дворъ, то потому никакой чужой человѣкъ не могъ забраться въ домъ Ш., для совершенія преступленія. Къ тому же отсутствіе при убійствѣ видимой дѣлы преступленія напр. грабежа, посягательства на дѣломуріе ея и т. п. указывали обвиненію на существованіе между убійцами и жертвою болѣе близкихъ, личныхъ или денежныхъ отношеній, могущихъ возбудить неудовольствія; въ такихъ же отношеніяхъ съ Андреевскими могли находиться лишь бр. Чхотуга. Но, такъ какъ трудно допустить, чтобы подобное преступленіе могло быть совершено ими одними, безъ вѣдома и содѣйствія домашней прислуги, то вмѣстѣ съ Чхотуга были привлечены къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ, находившіеся у нихъ въ услуженіи: сторожъ Зурабъ Коридзе, поваръ Петръ Габисонія и садовникъ Иванъ Мчеладзе. Всѣ они, не признавая себя въ чемъ либо виновными по настоящему дѣлу, дали слѣдующія показанія.

Давидъ Чхотуга объяснилъ, что въ вечеръ происшествія, по возвращеніи Андреевскихъ домой, онъ, посидѣвъ съ ними на террасѣ и дождавшись вернувагоса съ катанья брата, ушелъ въ городъ за по-

кушками, такъ какъ на другой день утромъ имѣлъ въ виду отпра- виться въ Кутансъ, для доставленія кн. Шервашидзе, оставленной имъ въ Тифлисъ шапки. Прежде всего онъ заѣхалъ къ портному Капанадзе, взять находившіеся у него въ починкѣ брюки, но нашелъ магазинъ запертымъ; оттуда отправился въ Сололакскую аптеку, въ ко- торой купилъ хинные порошки и мовольные кружки. На обратномъ пути въ магазинъ Чарухіанца купилъ себѣ черный шарфъ и затѣмъ, около 9¹/₂ ч. веч., зашелъ въ гостинницу «Европа» поужинать. Домой вернулся въ началѣ 11 часа; въ комнатѣ Ан—ихъ, хотя и былъ тогда видѣнъ свѣтъ, но разговора слышно не было. Раздѣвшись при помощи Зураба, онъ легъ спать, но вскорѣ былъ разбуженъ крикомъ В. А., которая на дворѣ звала свою дочь. Открывъ окно и узнавъ объ ис- чезновеніи Нины, онъ наскоро одѣлся и сошелъ внизъ; такъ какъ послѣ поисковъ Нины нигдѣ не оказалось, то ему мелькнула мысль, не пошла ли она купаться и не утонула ли въ рѣкѣ, вслѣдствіе чего онъ спустился по тропинкѣ къ рѣкѣ, на берегу которой, на площадкѣ нашелъ платье и сапоги ея, и тогда убѣдился, что она утонула, но объ этомъ въ ту ночь ничего не говорилъ В. А., чтобы еще больше не разстроить ея. Давъ знать о случившемся полиціи и мировому судѣ, онъ послалъ телеграмму въ Поті на имя Шервашидзе о томъ, что Нина при смерти и чтобы онъ немедленно пріѣхалъ и, на случай выѣзда его въ Кутансъ, такого же содержанія телеграммы въ Ку- тансъ, на имя Висаріона Гогоберидзе и Маріи Цулукидзе съ просьбою передать содержаніе ихъ кн. Шервашидзе.

Николай Чхотуа показавъ, что вернувшись въ день происшествія около 10 ч. утра съ урока, онъ до вечера никуда изъ дому не выхо- дилъ. Около 7 ч. вечера поѣхалъ кататься верхомъ и когда вернулся домой, то братъ его, сказавъ, что пойдетъ гулять, куда то ушелъ, а онъ остался на террасѣ и нѣкоторое время разговаривалъ съ А—ми. Когда же затѣмъ А—ія ушли къ себѣ, то и онъ отправился въ свою ко- мнату, гдѣ часовъ въ 9 или въ началѣ 10-го раздѣлся и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ легъ спать. Черезъ нѣкоторое время былъ разбуженъ, вошедшими въ его комнату Вѣрою А—ою и Зурабомъ, изъ коихъ 1-ая объявила ему, что Нина пропала; тогда онъ одѣлся и когда вышелъ на дворъ, то тамъ уже была Вѣра А—ая, Зурабъ и братъ его Да- видъ, который отправился разыскивать Нину и вернувшись назадъ сказалъ ему по мингрельски, что платье ея лежитъ на берегу.

Поваръ Петръ Габисонія показавъ, что въ день происшествія онъ видѣлъ Андреевскихъ лишь утромъ, уѣзжающими изъ дому; болѣе ихъ не видѣлъ такъ какъ будучи въ тотъ день боленъ, лежалъ на кухнѣ и только впоследствии отъ Зураба узналъ, что барышня уто- нула. Когда же послѣ обыска въ кухнѣ подъ кроватью его были най- дены полусапожки Н. А., то Габисонія прибавилъ, что утромъ того дня онъ по порученію барышни сапоги эти отнесъ сапожнику въ по-

чинку, а вечеромъ, отправляясь въ Александровскій садъ гулять, взялъ ихъ у сапожника починенными. Такъ какъ тогда онъ былъ боленъ, то въ этотъ вечеръ не отнесъ сапогъ барышнѣ, а оставилъ ихъ до утра на кухнѣ, а самъ легъ спать.

Наконецъ, сторожъ Зурабъ Коридзе и садовникъ Иванъ Мчеладзе первоначально объяснили, что никакого участія въ убійствѣ Н. А. не принимали и объ убійствѣ или исчезновеніи ея ничего не знали до тѣхъ поръ, пока В. А. сама не замѣтила отсутствія своей дочери; при этомъ изъ нихъ Зурабъ пояснилъ, что послѣ возвращенія Андреевскихъ домой онъ видѣлъ барышню, вытряхивавшую платье; Давида Чхотуа тогда не было дома; когда же онъ вернулся, то Зурабъ раздѣлъ его, послѣ чего, подавъ В. А. воды отправился къ себѣ на кухню и снялъ сапоги, но въ это время былъ позванъ А—ою, съ которою пошелъ въ садъ искать пропавшую барышню; а Иванъ показалъ, что подавъ Николаю Чхотуа, по возвращеніи Андреевскихъ, чай, онъ ушелъ въ свою сторожку, находящуюся у воротъ и легъ спать, послѣ чего былъ разбуженъ Зурабоу, который сообщилъ ему о смерти барышни.

Но въ послѣдствіи Зурабъ Коридзе и Иванъ Мчеладзе, хотя и не признали своей виновности въ содѣйствіи или пособничествѣ Чхотуа въ убійствѣ Н. А., тѣмъ не менѣе объ обстоятельствахъ, при которыхъ она была лишена жизни, заявили слѣдующее.

22 іюля, послѣ возвращенія А—ихъ изъ города, Давидъ Чхотуа велѣлъ Зурабу осѣдлатъ лошадь и подать ее брату Николаю, а самъ остался съ А—ими на террасѣ. Когда Николай вернулся съ прогулки, то братъ его Давидъ приказалъ Зурабу хорошенько выводить лошадь, которая вся была въ пѣнѣ и сильно измучена и сталъ о чемъ то говорить съ Николаемъ,—послѣ чего, подозвавъ Ивана, онъ приказалъ ему убить самую большую и злую собаку, что съ помощью топора и было исполнено, а остальныхъ собакъ запереть въ сторожку; на вопросъ Ивана зачѣмъ запираетъ, Давидъ ему отвѣтилъ: «не твое дѣло». Затѣмъ Давидъ велѣлъ Ивану напоить брата чаемъ и самому ложиться спать, сказавъ при этомъ, что онъ отправится въ городъ и привезетъ гостей. Вскорѣ послѣ ухода Давида Иванъ, послышавъ чьи то шаги, вышелъ изъ сторожки и увидѣлъ Давида Чхотуа, который съ нѣсколькими неизвѣстными ему, Ивану, личностями въ темныхъ платьяхъ, прошелъ черезъ садъ по направленію къ задней сторонѣ дома. Изъ любопытства Иванъ послѣдовалъ за ними и, хотя замѣтившій его Давидъ Чхотуа приказалъ ему не ходить, при чемъ грозилъ револьверомъ, но подкравшись онъ всетаки замѣтилъ, что около тропинки въ кустахъ двигаются какіе то люди и въ это время услышалъ легкій храпъ, а затѣмъ, присмотрѣвшись, увидѣлъ, что Давидъ Чхотуа и пришедшіе съ нимъ люди тащутъ трупъ женщины, одѣтой въ темное платье, къ рѣкѣ; но бросили ли ее туда или нѣтъ, онъ не знаетъ; тогда онъ догадался, что они задушили барышню, и хотѣлъ

убѣжать, но не успѣлъ, ибо Давидъ Чхотуа, схвативъ его за волосы, пригнувъ къ землѣ, чтобы онъ не могъ разсмотрѣть ухидившихъ по направленію къ воротамъ людей; затѣмъ сказалъ Ивану, чтобы онъ не смѣлъ никому говорить о случившемся и не боялся, что они задушили барышню; такъ какъ платъе ея положено на берегу то подумаютъ, что она сама утонула, купаясь въ рѣкѣ;—что елибы его, Ивана, даже задержали, то онъ освободитъ его и, въ удостовѣреніе того, что онъ, Иванъ, сохранитъ молчаніе, Давидъ Чхотуа приказалъ ему произнести клятву такого содержанія: «пусть будетъ на моей совѣсти твой грѣхъ, грѣхъ этихъ людей и смерти барышни, если я скажу кому нибудь объ этомъ».

Что касается до Зураба, то тотъ показавъ, что замѣтивъ на террасѣ какихъ то людей, вышелъ изъ кухни на площадку, гдѣ увидѣлъ, что два брата Чхотуа и еще трое какихъ то людей несли по тропинкѣ къ рѣкѣ что то въ родѣ человѣческой фигуры, въ коей онъ отличилъ туловище и голову,—около нихъ стоялъ Петръ Габисонія. Вдругъ къ нему, Зурабу, подскочилъ какой то человѣкъ и обнаживъ кинжалъ, схватилъ за шею, въ каковомъ видѣ держалъ его до тѣхъ поръ, пока Чхотуа и бывшіе съ нимъ люди не вернулись на террасу. Тутъ Давидъ Чхотуа, обращаясь къ своему брату, сказалъ: «убьемъ этого сукина сына, а то онъ насъ выдастъ», но Николай Чхотуа на это не согласился и отвѣтилъ Давиду: «развѣ не довольно, что убили одного? онъ не выдастъ». Тогда Д. Чхотуа заставилъ его, Зураба, произнести слѣдующую клятву: «пусть меня причастятъ собачьею кровью, если я выдамъ», и проводивъ до воротъ бывшихъ съ нимъ людей, приказалъ Зурабу отправиться къ нему въ комнату и раздѣть его,—при чемъ Зурабъ замѣтилъ, что брови Давида были въ грязи а изъ сапогъ текла вода. Тутъ только Давидъ сказалъ Зурабу, что они задушили барышню;—послѣ того Зурабъ пошелъ на кухню, но когда проходилъ по корридору В. А. позвала его и сначала потребовала воды, а потомъ спросила, гдѣ дочь ея и затѣмъ они пошли въ садъ ровыскивать барышню.

Независимо отъ сего виновность вышесказанныхъ обвиняемыхъ въ совершеніи, по взаимному между собою соглашенію, убійства дѣвицы Андреевской, удостовѣряется въ обвинительномъ актѣ слѣдующими данными:

1. Въ отмотеніи Давида и Николая Чхотуа. 1) Показаніями Зураба Коридзе и Ивана Мчеладзе, подтвержденными показаніями арестантовъ Муса-Измайлъ-Оглы и Меликъ-Мамедъ-Мурадъ-Али-Оглы, которые, находясь на налѣченіи въ военномъ госпиталѣ вмѣстѣ съ Петромъ Габисоніа, узнали отъ сего послѣдняго, что въ убійствѣ дѣвицы Андреевской принимали участіе оба брата Чхотуа и вся прислуга, по подговору и подстрекательству Давида Чхотуа. 2) Распоряженіями Давида Чхотуа относительно собакъ, вслѣдствіе которыхъ одна самая злая и большая собака была убита садовникомъ Мчеладзе, а остальные были

имъ заперты на ночь въ сторожкѣ. 3) Не подтвержденіемъ alibi Давида Чхотуа такъ какъ а) въ теченіи всего іюля мѣсяца у портнаго Капанадзе никакихъ брюкъ Чхотуа въ починкѣ не было, б) въ Сололаксской аптекѣ, какъ это видно изъ листа личной продажи за 22 іюля, хининъ и кружки могли быть ему отпущены не позже 7—8 часовъ утра и ни въ какомъ случаѣ не вечеромъ, в) когда именно и въ какое время была произведена въ магазинѣ Чарухіанца продажа шарфа выяснитъ не было возможности. 4) Ложнымъ показаніемъ Давида Чхотуа, что по возвращеніи домой, тотчасъ заснулъ и былъ разбуженъ крикомъ В. А.—ой, такъ какъ: а) свидѣтелямъ Исарлову и Меликову онъ же самъ рассказывалъ, что въ то время еще не спалъ, а лишь собирался лечь спать и б) Варвара А., по показанію ея, не на столько громко кричала, чтобы могла разбудить спавшаго во 2-мъ—этажѣ Давида Чхотуа. Точно также и Николай Чхотуа, по показанію Зураба Коридзе, хотя лежалъ въ постелѣ, закрывшись одѣяломъ, но былъ совсѣмъ одѣтъ и только сапоги у него были сняты. По мнѣнію же В. А.—ой, онъ вовсе не спалъ, такъ какъ проснулся слишкомъ быстро и вышелъ къ ней тотчасъ послѣ того, какъ Зурабъ сказалъ ему у постели, что «барышню ищутъ». 5) Душевнымъ волненіемъ, беспокойствомъ и неестественнымъ поведеніемъ обоихъ братьевъ Чхотуа, въ то время когда на нихъ еще не падало подозрѣнія въ причиненіи Нинѣ Андреевской насильственной смерти. 6) Неожиданнымъ предположеніемъ Давида Чхотуа о томъ, что Нина Андреевская могла утонуть, а когда платье ея было найдено на берегу рѣки, тѣмъ стараніемъ, съ которымъ оба брата старались cadaго являвшася на мѣсто происшествія убѣдить въ томъ, что Н. А. утонула. 7) Переговорами Давида Чхотуа съ Петромъ Габисоніа на непонятномъ для окружающихъ языкѣ въ то время, когда Габисоніа находился подъ надзоромъ полицейскихъ солдатъ и всякіе разговоры съ нимъ были воспрещены.

II. Въ отношеніи Зураба Коридзе и Ивана Мчеладзе: 1) Собственнымъ ихъ сознаніемъ въ укрывательствѣ убійства Н. А., но коль скоро они присутствовали на мѣстѣ преступленія, то не могли не принимать участія и въ самомъ совершеніи преступленія, иначе Чхотуа приняли бы мѣры, къ устраненію ихъ на время изъ дому. 2) Показаніями арестантовъ Церетели, Муса-Измаиль-Оглы и Меликъ-Мамеда-Мурадъ-Али-Оглы, которые, содержась подъ стражею въ госпиталѣ вмѣстѣ съ Петромъ Габисоніа, слышали отъ него, что въ убійствѣ дѣвицы А. принимали участіе вмѣстѣ съ братомъ Чхотуа и всѣ три человѣка прислуги. 3) Отсутствіемъ у Зураба сапогъ во время появленія его на зовъ Варвары А., каковое обстоятельство указываетъ, что онъ вмѣстѣ съ Давидомъ Чхотуа, по всей вѣроятности, спускался внизъ къ рѣкѣ и сапоги у него были мокры. 4) Возгласами Зураба послѣ его заарестованія, что онъ погибъ, что указываетъ на то, что онъ,

чувствуя и сознавая свою виновность, предвидѣлъ грозившую ему ответственность. 5) Прикаваніемъ Давида Чхотуа, даннымъ Мчеладзе, убить одну собаку и запереть остальныхъ, такъ какъ если бы всѣ они не дѣйствовали за одно, по взаимному между собою соглашенію, то Чхотуа не сдѣлалъ бы такого распоряженія и скорѣе лично принялъ бы мѣры къ устраненію собакъ, коль скоро онѣ ему мѣшали.

« III. Въ отношеніи Петра Габисонія. 1) Объясненіемъ Зураба Коридзе, видѣвшаго между лицами тащившими трупъ Н. А. и Петра Габисонія. 2) Показаніями Ивана Церетели, Муса-Иманлъ-Оглы и Мелика-Мамеда-Мурадъ-Али-Оглы, которымъ Габисонія сознался, что убійство Н. А. совершено по подговору хозяина (Чхотуа), по предварительному соглашенію со слугами, въ кухнѣ, куда около 10 ч. вечера подошла А.; что Габисонія втащилъ ее туда, при чемъ она успѣла одинъ разъ крикнуть и защищаясь, оцарапала ему грудь; что въ это время всѣ они накинулись на нее и задушили, послѣ чего онъ, Габисонія, привелъ фатонъ и, посадивъ въ немъ убитую барышню, какъ живаго человѣка, повезъ ее вмѣстѣ съ знакомымъ имеретинцомъ за городъ, гдѣ въ Ортогалахъ трупъ ея бросили въ рѣку. Рассказъ этотъ нашель себѣ подтвержденіе: а) въ томъ, что у Габисонія на груди дѣйствительно были найдены слѣды царапинъ, б) что исчезновеніе Н. А. послѣдовало именно въ то время, когда она со свѣчею въ рукѣ отправилась въ кухню за полусапожками и в) что, по заявленію Коридзе, послѣ убійства А., Габисонія не оказалось на кухнѣ и онъ появился лишь чрезъ довольно продолжительное время, откуда то на дворѣ. 3) Найденными подъ кроватью Габисонія полусапожками Н. А., которые, по объясненію Габисонія, были имъ отдаваемы въ починку и не возвращены въ тотъ вечеръ Нинѣ, вслѣдствіе его нездоровія; хотя никто изъ сапожниковъ факта починки полусапожекъ въ тотъ день не подтвердилъ и сапоги, по показанію. В. А., были отданы лишь въ чистку а не для починки. 4) Симуляціей болѣзни, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, онъ въ продолженіи дня производилъ разныя работы и завязывалъ голову платкомъ лишь вечеромъ, послѣ прибытія полиціи. 5) Разговоромъ съ Давидомъ Чхотуа на непонятномъ для окружающихъ языкѣ, во время своего ареста, когда всякіе разговоры были ему воспрещены. 6) Неохотнымъ розыскиваніемъ исчезнувшей Н. А. 7) Заявленіемъ своимъ свидѣтелю кн. Гебаудзе на нѣсколько дней до происшествія, что Давидъ Чхотуа уговариваетъ его ограбить барышню А. и уѣхать затѣмъ туда, гдѣ ихъ никто не отыщетъ.

Такимъ образомъ картина убійства Нины А—ой представилась обвиненію въ слѣдующемъ видѣ. Давидъ Чхотуа, задумавъ лишить жизни Н. А., согласилъ на это преступленіе брата своего Николая, находившихся у него въ услуженіи Коридзе, Мчеладзе и Габисонію и еще нѣсколькихъ постороннихъ, по дѣлу не обнаруженныхъ лицъ, необхо-

дымьхъ для сокрытія трупа послѣ совершенія преступленія и выжидалъ удобнаго случая, который и представился 22 іюля. Въ этотъ день утромъ Н. А. передала Габисоніи свои полусапожки для чистки, которые тотъ, по соглашенію съ Д. Чхотуа, не возвратилъ ей днемъ а оставилъ у себя. Когда же въ 10-омъ часу вечера она сама зашла за ними на кухню, на нее набросились братья Чхотуа, прислуга и приглашенные заранѣе сообщники въ количествѣ 3 или 4 человекъ. Чтобы сообщники могли войти во дворъ безпрепятственно, подъ вечеръ этого дня, самая алая изъ собакъ, по распоряженію Д. Чхотуа, была убита а остальные заперты въ сторожку. Нападеніе на Нину А. было столь неожиданно, что она была лишена всякихъ средствъ защиты и, по всей вѣроятности, задушена. Затѣмъ вытащили ее въ садъ, сняли съ нее платье и сапоги, которые, для введенія правосудія въ обманъ, положили на берегу рѣки и трупъ ея увезли въ фаэтонъ за городъ и тамъ бросили въ рѣку. Что трупъ А. былъ брошенъ въ рѣку не у дома Шервашидзе, а увезенъ въ фаэтонъ, имѣются многочисленныя показанія свидѣтелей. По объясненіямъ однихъ, фаэтонъ съ большимъ числомъ людей, съ женщиной въ бѣломъ по серединѣ, съ протянутыми руками, промчался по лѣвому берегу Куры, такъ называемой караявской дорогѣ; по показаніямъ же другихъ трупъ А. былъ переправленъ на другой берегъ Куры въ мѣшкѣ, гдѣ ожидалъ уже фаэтонъ, который доставилъ трупъ за городъ.

Что касается до цѣли убійства, то та была найдена въ оскорбленномъ чувствѣ самолюбія Д. Чхотуа и той затаенной злобѣ, которую онъ долженъ былъ питать по отношенію къ Н. А. вслѣдствіе: 1) недовѣрчиваго отношенія къ нему послѣдней, выразившагося не только въ лишеніи его полномочія на участіе вмѣсто ея при раздѣлѣ имѣній, но даже въ устраненіи его отъ управленія доставшейся ей половиной и 2) неудовольствій, доходящихъ до столкновеній между ними по поводу находившихся въ домѣ Шервашидзе подъ надзоромъ Д. Чхотуа вещей ея.

На основаніи вышеназложеннаго обвинялся:

1) князь Давидъ Чхотуа въ томъ, что, задумавъ изъ личныхъ видовъ убить дѣвицу Нину Андреевскую, онъ согласилъ на это преступленіе другихъ лицъ и вечеромъ 22 іюля 1876 г., устроивъ въ кухнѣ засаду, куда должна была придти Нина А., онъ вмѣстѣ съ сими послѣдними лишилъ ее жизни посредствомъ задушенія или инымъ насильственнымъ образомъ.

и 2) князь Николай Чхотуа и крестьяне: Зурабъ Коридзе, Иванъ Мчеладзе и Петръ Габисонія въ томъ, что, согласившись съ Давидомъ Чхотуа, совершили означенное въ п. 1 преступленіе, каковое предусмотрено 3 п. 1453 ст. улож. о нак.

Дѣло это слушалось въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ съ 23 Февраля по 5 Марта 1878 г. Изъ поименованныхъ лицъ, преданныхъ су-

ду, Мчсладзе умеръ, а Коридзе заболѣлъ, вслѣдствіе чего дѣло въ отношеніи перваго было прекращено, а въ отношеніи втораго отложено разсмотрѣніемъ впредь до его выздоровленія.

На судебномъ слѣдствіи обвиняемые не признали себя виновными а Давидъ Чхотуа объяснилъ, что онъ отрицаетъ самый фактъ преступленія, приписывая смерть Андреевской случайному утопленію во время купанья въ р. Куръ.

Изъ показаній свидѣтелей, знавшихъ Н. А. съ дѣтства выяснилось, что она была дѣвушка умная, развитая, съ сильнымъ, настойчивымъ и самостоятельнымъ характеромъ, такъ что въ домѣ всѣ ея желанія исполнялись; общество она всегда выбирала себѣ по своему желанію и хотя поведенія была безукоризненнаго, но иногда, по свидѣтельству кн. Тумановой, позволяла себѣ такія шалости, изъ которыхъ можно заключить, что въ данномъ случаѣ она могла попробовать купаться; такъ напримѣръ поѣдетъ верхомъ кататься и ускачетъ впередъ одна, или же, бывало въ Кисловодскѣ, опускается въ рѣчку, гдѣ и мужчины не рѣшались опускаться. Николай Чхотуа показалъ, что Н. А. нѣсколько разъ спрашивала его, въ которомъ мѣстѣ онъ купается и глубока ли тамъ Кура.

Относительно алиби Давида Чхотуа портной Капанадзе измѣнили данное имъ на предварительномъ слѣдствіи показаніе, объяснивъ, что на дняхъ, уже по открытіи засѣданія по настоящему дѣлу, другой его приказчикъ Шахнабаровъ, поступившій на мѣсто Мдивани, нашелъ брюки Чхотуа въ магазинѣ, и въ подтвержденіе сего Капанадзе представилъ въ судъ таковыя. Шахнабаровъ подтвердилъ это обстоятельство. Брюки, по осмотру ихъ въ судебномъ засѣданіи, оказались почти новыми. Капанадзе не могъ вспомнить, что именно имъ почитено.

Изъ показаній, данныхъ свидѣтелями Мусою-Измайлъ-Оглы, Дмитріемъ Сагара-Швели, докторомъ Маркаровымъ и полковникомъ Бѣликкомъ, бывшимъ во время производства предварительнаго слѣдствія Тифлискимъ старшимъ полиціймейстеромъ, обнаружилось: что Габисонія не сознавался свидѣтелямъ Мусѣ Церетели; что полиційскій чиновникъ Лоладзе всѣ вышеприведенныя показанія о сознаниі выманилъ путемъ пытокъ, обѣщаній и застрашиваній; что когда Лоладзе неудалась попытка выманить у Габисоніи сознаниа посредствомъ спаиванія его водкой, онъ обѣщаль татарину Мусѣ сначала 800, потомъ 2000 руб. а также и свободу, если онъ повторитъ продиктованный ему рассказъ; что для полученія сознаниа Мчсладзе, Лоладзе вкрался въ его довѣріе, выдавая себя за ходатая по дѣламъ, и самъ Бѣликъ призналъ, что онъ лично обѣщаль этому подсудимому за таковое сознание смягченіе наказанія и пережѣщеніе изъ одиночной въ общую арестантскую камеру; что Мчсладзе передъ смертью терзался и раскаявался въ томъ, что невинно оговорилъ

своихъ товарищей и господъ; что для полученія сознанія Коридзе, Лодаде съ одной стороны мучилъ его и держалъ «въ секретѣ», съ другой же обѣщалъ хлопотать передъ Великимъ Княземъ объ его освобожденіи, если тотъ будетъ говорить такъ, какъ онъ его научить почему Коридзе «показалъ то, чего и не зналъ».

Врачи эксперты, принявъ во вниманіе, что при вскрытіи трупа Н. А., не было обнаружено ни одного изъ признаковъ, характеризующихъ утопленіе а именно: въ дыхательныхъ путяхъ и въ легкихъ не было найдено ни пѣны, ни пѣнистой жидкости, равнымъ образомъ не было открыто слизи и въ плеврѣ жидкости, гортань оказалась совершенно сухою и отека легкихъ не было, пришли къ заключенію: что смерть Н. А. не могла произойти отъ утопленія. Что касается кровоподтековъ, обнаруженныхъ на головѣ, груди и подъ яремной впадиной, то эксперты признали ихъ прижизненными, происшедшими отъ ударовъ и давленія, а не причиненными въ водѣ. Кровоподтеки же на бедрѣхъ и др. мѣстахъ признали за трупныя явленія, т. е. они не имѣли свертка крови. Устанавливая происхожденіе кровоподтековъ, эксперты въ данныхъ, представляемыхъ вскрытіемъ трупа, открыли признаки, указывающіе на существованіе удушенія, какъ одной изъ причинъ смерти А—ой. Такowymi эксперты признали расширеніе мышцъ задняго прохода, пустоту мочевого пузыря, сокращеніе селезенки и слабое налитіе ея кровью, пузыри на легкихъ, прижатіе языка зубами и жидкое состояніе крови. Опредѣляя ближайшія причины смерти, экспертъ д-ръ Горалевицъ объяснилъ, что таковая послѣдовала отъ удара въ голову, оставившаго слѣдъ въ видѣ кровоподтека и молниаго произвести сотрясеніе мозга, и отъ удушенія; экспертъ д-ръ Главацкій— что смерть произошла отъ давленія на дыхательное горло и грудную клітку, т. е. отъ удушенія;—д-ръ Блюмбергъ — что ударъ въ голову произвелъ безсознательное состояніе А—ой., во время коего она была задушена, и д-ръ Павловскій—что смерть была слѣдствіемъ и удара въ голову и удушенія.

По выслушаніи заключительныхъ преній окружный судъ, опредѣлялъ: Давида Чхотуга и Петра Габисонію, признанныхъ виновными въ насильственномъ лишеніи жизни Нины Андреевской, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: перваго въ рудникахъ на 20 л. а втораго въ крѣпостяхъ на 10 л. Николай Чхотуга признанъ оправданнымъ.

Вслѣдствіе отзыва подсудимыхъ и протеста прокурора дѣло это 25—30 Ноября 1878 г. слушалось въ апелляціонномъ порядкѣ въ Тифлисской судебной палатѣ.

Защита пригласила новаго эксперта профессора С.-Петербургскаго университета и Медико-Хирургической академіи Сорокина. Обвиненіе довольствовалося экспертами окружнаго суда.

Професору Сорокину были предложены палатою тѣже вопросы, что и экспертамъ въ окружномъ судѣ. Въ виду неполноты и неясности фактовъ, изложенныхъ въ протоколѣ вскрытія, имъ было искомпрошено разрѣшеніе палаты предложить экспертамъ, производившимъ вскрытіе, нѣсколько вопросовъ, съ цѣлью болѣе подробнаго описанія видѣнныхъ ими фактовъ и объясненія употребленныхъ ими способовъ изслѣдованія. Эксперты, отвѣчая на заданные имъ вопросы, между прочимъ, высказали, что во всѣхъ кровоподтекахъ замѣченныхъ ими на трупѣ Н. А. найдены были кровяные свертки т. е., что кровоподтеки эти не посмертнаго, а прижизненнаго свойства.

Профессоръ Сорокинъ, основываясь на полученныхъ отъ экспертовъ свѣдѣніяхъ и добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, пришелъ къ заключенію, что смерть Н. А. произошла отъ утопленія. По его мнѣнію, въ виду жидкаго состоянія крови и сокращенія селезенки, слѣдуетъ признать, что Н. А. умерла отъ асфиксіи, причиною же послѣдней могло быть или утопленіе или одинъ изъ видовъ механическаго задушенія. Главнымъ и единственнымъ основаніемъ послѣдняго предположенія, являются знаки насилія, въ видѣ кровоподтековъ на различныхъ частяхъ тѣла, которые могли быть произведены или побоями, или давленіемъ. При побояхъ (ушибахъ) подтеки бываютъ или поверхностные или глубокіе. Первые обнаруживаются немедленно послѣ нанесенія побоевъ, но рыбаки, кромѣ мелкихъ синихъ пятенъ на рукахъ, не замѣтили на тѣлѣ покойной никакихъ слѣдовъ насилія,—что же касается вторыхъ то они производятъ разрывы и полное разможеніе глубокихъ тканей, переломы костей и другія тяжкія поврежденія, чего въ настоящемъ случаѣ тоже не замѣчено. При давленіи же нѣкоторые подтеки имѣли бы поверхностное положеніе, а таковыхъ не обнаружено; затѣмъ, на тѣлѣ потерпѣвшей остались бы ссадины, царапины, вдавленія ногтей или отпечатки пальцевъ въ видѣ углубленій, которыя вслѣдствіе высыханія кожи съ теченіемъ времени становятся еще замѣтнѣе. Однако на тѣлѣ Н. А. никакихъ вообще поврежденій не оказалось. Итакъ, если подтеки не могли произойти ни отъ побоевъ, ни отъ давленія, то необходимо должно заключить, что всѣ наружныя подтеки не имѣли травматическаго характера и безъ сомнѣнія были группными гипостазами, тѣмъ болѣе, что при всѣхъ видахъ асфиксіи часто встрѣчаются произвольныя кровотеченія, которыя иногда по своему макро и микроскопическому виду ничѣмъ не отличаются отъ подтековъ, произведенныхъ механическимъ насиліемъ.—Что касается подтековъ, замѣченныхъ на головѣ, шеѣ и груди Н. А., то, по мнѣнію пр. Сорокина, ихъ можно было бы признать за травматическіе только въ томъ случаѣ, еслибы на ограниченномъ ихъ пространствѣ находилось большее количество жидкой или свернувшейся крови, когда была бы повреждена самая ткань, содержащая подтекъ или же когда имѣлись бы наружныя поврежденія въ видѣ ссадинъ, царапинъ, вдавленій и т. п. Такъ какъ

въ этихъ подтекахъ ни одного изъ упомянутыхъ признаковъ не найдено, то они должны быть признаны или за трупные гипостазы или за произвольные кровоподтеки, развившіеся во время агоніи.—Но не было ли замѣчено при вскрытіи признаковъ смерти отъ утопленія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, профессоръ Сорокинъ замѣтилъ, что, такъ какъ вскрытіе тѣла Н. А. было произведено черезъ 62 часа послѣ ея смерти, то всѣ характерные признаки отъ утопленія, если не исчезли, то должны были значительно ступеваться, въ особенности когда эксперты употребили всѣ старанія, конечно неумышленно, чтобы замаскировать или уничтожить всѣ доказательные признаки. Сохранился, однако, одинъ существенный признакъ, приведенный въ протоколѣ: «легкія не спавшіяся, выполняютъ грудную полость»; присутствіе «на поверхности ихъ эмфизематозныхъ возвышеній» не могло препятствовать ихъ спаденію, гортанная щель была открыта, гиперемія не послужила бы препятствіемъ къ спаденію, да, по словамъ протокола, ея и не было; слѣдовательно, находились препятствія, если не въ дыхательномъ горлѣ, то въ крупныхъ и мелкихъ дыхательныхъ вѣтвяхъ а такимъ препятствіемъ могла быть содержавшаяся въ нихъ вода, или пѣна, или та и другая вмѣстѣ. Признакъ этотъ получаетъ значеніе несомнѣннаго доказательства, въ виду показанія рыбака Менабди Швиди, даннаго имъ на судебномъ слѣдствіи въ судебной палатѣ. Рыбакъ этотъ объяснилъ, что когда тѣло Н. А. вытащили на берегъ, раздѣвали, сплавляли на островъ, опускали въ могилу, то всякій разъ, когда сообщалось трупу какое нибудь движеніе, у покойницы изо рта показывалась «каплями», «какъ слезы» *слега окрашенная жидкость и мелкая пѣна*. Такое явленіе, въ совершенно свѣжемъ трупѣ, въ высшей степени характерно и наблюдается исключительно у однихъ только утопленниковъ. — Итакъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, проф. Сорокинъ заключилъ, что Н. А. утонула, безъ всякихъ признаковъ насильственной смерти.

Гг. члены тифлисской судебной палаты, гг. судьи коронные, гг. судьи законники, то есть посвящающіе себя служенію закону, исполненію его свято, и разумному его истолкованію, позвольте мнѣ начать мою защитительную рѣчь словами же закона.

Ст. 890 ус. уг. суд. гласить, что при пересмотрѣ приговора по отзыву подсудимаго, опредѣленное ему наказаніе можетъ быть не только уменьшено, но и вовсе отмѣнено. Слова эти исполнены глубокаго значенія, они

якорь спасенія для тѣхъ несчастныхъ мучениковъ, которые, бывъ осуждены въ 1-й инстанціи, ввѣрили мнѣ свою судьбу. Если апелляція не мертвый обрядъ, если апелляціонное производство не трата времени, томительная какъ все, что бесполезно, если слова закона, который я только что прочелъ,—настоящая, живая правда, то значать они слѣдующее: что эти арестанты еще люди не рѣшенные, что еще они не осуждены, не избиты, что они могутъ возвратиться въ общество, отъ котораго ихъ отдѣляли долгое время стѣны тюрьмы; что къ приговору ихъ осудившему вы должны отнестись критически, то есть должны его испытать и провѣрить, слѣдовательно—усомниться въ томъ, что онъ справедливъ, слѣдовательно предположить, что можетъ быть они люди невинные и перебрать мысленно всѣ звенья, состоящія изъ умозаключеній того приговора, который ихъ сковалъ точно веригами, съ тѣмъ чтобы узнать, не порвутся ли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя звенья, какъ нити, и не спадутъ ли съ подсудимыхъ вслѣдствіе того оковы приговора. Эта закономъ возложенная обязанность на судей высшаго суда, обладающихъ большею опытностью, большими свѣдѣніями, значить большею возможностью систематически усомниться въ виновности осужденныхъ подсудимыхъ до тѣхъ поръ, пока заново и самостоятельно не будетъ построена вполне прочно ихъ вина въ совѣсти судей, составляетъ одно изъ преимуществъ суда, передъ которымъ я имѣю честь говорить, суда апелляціоннаго передъ судомъ съ присяжными. Въ судѣ присяжныхъ, судящемъ болѣе по впечатлѣнію, а не по логическимъ выводамъ, и человѣка, только еще обвиняемаго, а не такого, о которомъ уже прогремѣлъ осуждающій его приговоръ,—закономъ не установлено никакого метода повѣрки обвиненія, не предписано никакихъ правилъ изслѣдованія, а для избѣжанія увлеченій, весьма возможныхъ, когда судится дѣло громкое и сильно возбуждающее страсти, служатъ два средства,—съ одной стороны, присяга присяжнаго:

подать голосъ сообразно тому, что увижу и услышу на судѣ (ст. 666 ус. у. с.), и съ другой стороны, неизбежное почти затѣмъ предвареніе со стороны предсѣдателя въ заключительномъ словѣ: забыть все то, что моглобы дойти до присяжныхъ окольнымъ путемъ, въ видѣ разсказовъ, молвы, слуховъ, устныхъ или печатныхъ. Судьи коронные въ такихъ предвареніяхъ и присягахъ не нуждаются. По закону, а именно по 2 п. 797 и 892 ст. ус. уг. суд., судѣ долженъ мотивировать рѣшеніе, объяснивъ его и сопоставивъ не съ иными какими нибудь данными, а только съ представленными къ дѣлу доказательствами и уликами. По 737 ст. ус. уг. суд. прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется по судебному слѣдствію, точно также какъ и защита—по 744 ст. у. у. с. въ томъ же видѣ представляетъ свои объясненія; причемъ каждой изъ состязующихся сторонъ воспрещается вставлять, ссылаться или приводить обстоятельства, не бывшія предметомъ слѣдствія. Если же сторонамъ возбранено употреблять данныя, въ дѣлѣ неимѣющіяся, если суду только и можно мотивировать свое рѣшеніе имѣющимися въ дѣлѣ доказательствами и уликами, то отсюда ясно, очевидно и безспорно, что и состязаніе, и рѣшеніе происходятъ въ рѣзко очерченномъ и ограниченномъ кругѣ, на почвѣ фактовъ, въ предѣлахъ источниковъ; а источниками только и могутъ быть 4 тома предварительнаго слѣдствія, 2 т. производства окружнаго суда и судебной палаты и дополненіе судебного слѣдствія. Закономъ установленная необходимость позабыть все, внѣ дѣла лежащее, имѣетъ громадное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, потому что на канвѣ дѣйствительности, какъ бурьянъ, поросли сказки, легенды и миѣы, которые приходится корчевать и вырывать, чтобы добраться до истины. Отрѣшаясь отъ сказочнаго элемента, судебное изслѣдованіе по источникамъ, согласно закону должно поступать въ изслѣдованіи правды точно тѣми же путями, какъ и всякое изслѣдованіе истины, напр., изслѣдова-

ніе историческое. Былъ фактъ въ исторіи, изъ него возникла была, сказаніе, легенда, которыя составляютъ ходячее, хотя и превратное представленіе о предметѣ; ложь перемѣшалась съ истиной. Что дѣлаетъ историкъ? Онъ отрицаетъ всю легенду, кропотливо возстановляетъ истину по источникамъ и являетъ фактъ въ новомъ видѣ. Можетъ быть новое, добытое такимъ образомъ, представленіе и не совершенно совпадаетъ съ дѣйствительностью, можетъ не вполне изобразить ее, но оно, тѣмъ не менѣе, несравненно ближе къ истинѣ, гораздо правдивѣе, нежели всякія легенды.

Доказавъ, такимъ образомъ, что изслѣдованіе должно быть производимо только по источникамъ и что было бы противозаконно основывать его на чемъ либо еще иномъ, кромѣ источниковъ, я позволю себѣ еще изложить какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться этими мною уже исчисленными источниками. Способы и приемы пользованія источниками находятся въ тѣснѣйшей связи съ устройствомъ суда. Каждый своеобразно устроенный судъ иначе функционируетъ, и есть коренное различіе въ этомъ отношеніи между судомъ съ присяжными, окончательно рѣшающимъ дѣла въ одной инстанціи, и судомъ тифлисской палаты, рѣшающимъ дѣла по апелляціи. Основной типъ судопроизводства по судоустройству есть судъ съ присяжными. Къ нему примѣнены и приспособлены почти всѣ кассаціонныя рѣшенія, даже и такія, которыя имѣютъ самый общій характеръ. Въ судѣ съ присяжными источники предлагаются далеко не всѣ; здѣсь заботливо усѣкаются, такъ сказать, всѣ дикія вѣтви; запрещено читать и собственныя признанія, и опыты дознанія, и нѣкоторые документы; не могутъ быть подвергнуты подъ опыты судебного слѣдствія и вещественныя доказательства. Вы, господа судьи, гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи, вы рассматриваете все дѣло отъ первой страницы до послѣдней, вы знаете его полнѣе, нежели присяжные, вы знаете больше, но и къ источникамъ вы съ молодю

привыкли относиться критически, для васъ не существуетъ причинъ, заставляющихъ законодателя искусственно устранять тѣ изъ источниковъ, которымъ онъ не совсѣмъ довѣряетъ. Какъ историкъ пользуется всѣми ими, такъ и вы воспользуетесь всѣми источниками, и позволите мнѣ ссылаться на всякій источникъ, лишь бы онъ имѣлся въ дѣлѣ. Но вслѣдствіе того, что вы рассматриваете дѣло во второй инстанціи, не повторяя всего судебного слѣдствія, знаніе ваше менѣе непосредственное, изученіе менѣе наглядное, опытъ вашъ имѣетъ болѣе книжный, бумажный характеръ; каждая буква въ протоколѣ что нибудь да вѣситъ и вы не будете мнѣ препятствовать, когда я буду взвѣшивать слова, буквы и даже запятая, уничтожая измышленія, искаженія истины и прикрасы въ самомъ ихъ зародышѣ.

Кромѣ этихъ двухъ существенныхъ различій есть еще одно третье, которому приписываютъ большое значеніе, но на которое я попрошу не обращать никакого вниманія. Оно заключается въ томъ, что, такъ какъ присяжные ничѣмъ не мотивируютъ своего рѣшенія, а вы обязаны мотивировать, то судъ присяжныхъ въ своихъ осужденіяхъ несравненно смѣлѣе и рѣшительнѣе, что судъ присяжныхъ можетъ и долженъ брать болѣе на свою совѣсть. Юстиція присяжныхъ способна ошибаться и увлекаться, но она менѣе дискредитируется, потому что она юстиція по преимуществу народная. Когда есть, и несомнѣнно есть фактъ преступленія на лицо, а съ другой стороны въ обвиняемомъ сильныя къ совершенію его мотивы, удостовѣренные порывы и стремленія къ тому, чтобы воспользоваться плодами жизни, или, по крайней мѣрѣ, напряженное выжиданіе результата, то сотни разъ я это видѣлъ и испыталъ, для совѣсти присяжныхъ этого достаточно: смѣло перекидывается воздушный мостъ стройною аркою отъ преступленія къ мотивамъ, хотя бы въ дѣлѣ не было и малѣйшаго слѣда руки обвиняемаго. Отъ васъ, господа судьи, стоящихъ превыше страстей и увлече-

ній народныхъ, обязанныхъ отдавать отчетъ въ каждомъ вашемъ выводѣ, обыкновенно требуется чтобы, даже при наличности факта преступленія и мотивовъ, виновность подсудимаго только тогда признавалась, когда есть какое нибудь хотя бы малое, но удостовѣренное внѣшнее дѣяніе обвиняемаго въ преступленіи, видимое проявленіе его воли въ мірѣ внѣшнемъ по пути къ преступленію. Допустимъ, что Н. Андреевская удушена и потомъ въ воду брошена, допустимъ, что отысканы правдоподобные мотивы, зачѣмъ подсудимые Чхотуа и Габисонія желали ея смерти. Но докажите, что по ея шеѣ и груди проходила ихъ рука, докажите это по отношенію къ каждому изъ нихъ, а если не можете сдѣлать этого, то докажите, что существовалъ между ними общій на умерщвленіе Н. Андреевской уговоръ. Это требованіе, которое всегда почти и не безрезонно ставилось по отношенію къ судамъ изъ техниковъ и которое вытекаетъ изъ того, что отъ нихъ и ожидается всегда менѣе вообще осуждающихъ приговоровъ, но также, такъ какъ они свѣдущіе судьи, менѣе и плачевныхъ судебныхъ ошибокъ, имѣеть громадное значеніе для тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые являются спутниками другихъ свѣтилъ, мерцають въ ихъ блескѣ и осуждаются за одно, по общему правилу: «да кто ихъ тамъ разберетъ!» Таковы въ данномъ дѣлѣ Габисонія и Н. Чхотуа, таковъ былъ бы и Мелитонъ Кипіани, если бы прокуроръ не составилъ заключенія о прекращеніи относительно его преслѣдованія. Были на мѣстѣ преступленія въ моментъ совершенія его, и отчего о немъ не знаютъ? Значить виноваты.

Я заявилъ, что, сообразуясь съ условіями устройства и производства суда, я могъ бы съ полнымъ основаніемъ стоять на этой почвѣ и, допуская, что могло совершиться удушеніе, утверждать, что виновность въ немъ подсудимыхъ не доказана, не доказано ихъ участіе, что Нина А. можетъ быть убита, но не они убійцы, что невѣдомые люди могли проникнуть въ садъ, спус-

титься въ немъ и сбросить съ обрыва свою жертву въ воду, что могли сторожить ее когда она вошла въ воду и стала купаться, и тогда ее удавили, и мало ли можно сдѣлать подобныхъ предположеній, не совсѣмъ правдоподобныхъ, но физически не невозможныхъ. Но, господа судьи, я отъ этого средства отказываюсь, я его откидываю, какъ ненужное, я на вашихъ глазахъ сожигаю мои корабли. Я становлюсь прямо и безъ колебаній на точку зрѣнія суда и усваиваю себѣ слѣдующую дилемму: 1) либо Н. Андреевская утонула случайно, и тогда уголовному правосудію нечего дѣлать; 2) либо она убита и брошена потомъ въ воду, но убита никѣмъ инымъ, какъ домашними, и тогда въ числѣ этихъ домашнихъ были или какъ подстрекатели, или какъ физически виновные, или, по крайней мѣрѣ, какъ пособники и укрыватели, Д. Чхотуа и Габисонія, но не Н. Чхотуа, который могъ, по мнѣнію суда, ничего не знать о преступленіи и о которомъ мнѣ придется говорить особо, по поводу прокурорскаго протеста.

Поставивъ эту дилемму, я разрѣшаю ее прямо и ставлю какъ тезисъ, который я долженъ доказать и который я надѣюсь доказать, тезисъ въ полной истинѣ котораго я глубоко убѣжденъ и который для меня яснѣе бѣлаго дня, а именно, что Н. Андреевская, купаясь, утонула, и что, слѣдовательно, въ смерти ея никто не виноватъ.

Чтобы доказать этотъ тезисъ, пойдемъ за трупомъ Н. Андреевской съ того момента, когда онъ отысканъ въ Караязѣ, прослѣдимъ обратно тотъ путь, который былъ пройденъ этимъ трупомъ, дойдемъ до мѣста на площадкѣ, гдѣ найдено ея платье, до минуты, когда она разсталась съ матерью и до предшествовавшихъ ея исчезновенію обстоятельствъ, и при этомъ разборѣ фактовъ будемъ перебирать, какъ зерна въ четкахъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые нанизаны одно на другое, какъ обвиняющія подсудимыхъ улики. При этомъ разборѣ я надѣюсь васъ убѣдить, что ни одна улика не уцѣлѣетъ,

что всѣ онѣ раскрошатся въ мелкій песокъ; однѣ изъ нихъ изъ фактовъ обратятся въ противное тому—небылицы, другія получаютъ смыслъ безразличныхъ, третьи—сомнительныхъ, и весь искусственно построенный замокъ обвиненія превратится въ маревъ, въ миражъ.

Я кончилъ мои предварительныя объясненія, извиняясь за ихъ длинноту, но такова ужъ моя усвоенная привычка обращать прежде всего вниманіе на приемы и методы изслѣдованія. Во всякомъ изслѣдованіи они то главное, они почти все, всякая погрѣшность коренится въ ошибочномъ приемѣ, въ ложномъ методѣ.

За симъ прошу перенестись мысленно въ Караязь и присутствовать при обстоятельствахъ отысканія и вскрытія трупа.

22 іюля 1876 года, въ среду, въ самый день таинственнаго происшествія исчезновенія Н. Андреевской, два рыбака спустились утромъ въ Ортачалы на бурдюкахъ. Черезъ часъ, въ полдень, они остановились въ Навтлугѣ, а въ сумерки прибыли въ село Таклы. Одно го звали Пидуа Менабди-Швили, другого—Эстате Чиаберовъ, по прозванію Наташка. Такловъ два: по лѣвой сторонѣ Куры - Кара - Таклы и по правой - Акъ - Таклы. Возьму предположеніе, наименее выгоднѣйшее для подсудимыхъ, именно, что они ночевали въ Акъ - Таклы. По протоколу судебного слѣдствія, по словамъ Чиаборова - Наташки, они ночевали не въ Акъ-Таклахъ, а въ мѣстности, находящейся близко Акъ - Таклы и называемой Кенчи - Кара. Съ восходомъ солнца (которое бываетъ по календарю въ концѣ іюля въ 4 часа 58 минутъ, возьму для округленія счета 5 часовъ) они умылись и пошли внизъ, до праваго развѣтвленія Куры, къ тому мѣсту, гдѣ были разставлены еще прежде того ими сѣти и надо было повѣрить привѣшенные къ сѣтямъ крючья. Мѣсто, гдѣ были сѣти и крючья, отстояло отъ мѣста ночевки, какъ этотъ судъ отъ Татарскаго майдана, во всякомъ случаѣ болѣе версты. Я полагаю, что минимум надо дать на путь полчаса. И такъ, въ 5¹/₂ ча-

совъ утра они осмотрѣли сѣти и разошлись, Пидуа пошелъ вверхъ, Эстате Чиберовъ внизъ. Но всетаки они отстояли другъ отъ друга на разстояніи человѣческаго крика. Спустя 1½ или 2 часа, говоритъ Чиберовъ, я услышалъ крикъ Пидуа; солнце уже было порядочно высоко. Крикъ былъ вызванъ видомъ трупа, и находка трупа произошла, такимъ образомъ, въ 7 или 7½ часовъ, что совпадаетъ и съ словами Пидуа: солнце не было еще очень высоко, т. е. далеко было ему до апогея высоты. Трупъ этотъ плылъ свободно по водѣ въ бѣльѣ и браслетахъ, съ распущенными волосами, закрытыми глазами и ртомъ. Лицо бѣлое, спокойное, какъ у спящаго ангела; ноги были у нея раздвинуты на два вершка, руки приподнятыя вверхъ, у локтей обгибали грудь. Экспертъ по части утопленниковъ, Пидуа, видѣвшій болѣе 15 труповъ, не вытерпѣлъ и сдѣлалъ слѣдующую индукцію, образчикъ эмпирической индукціи, которая едва ли найдетъ оправданіе въ судебной медицинѣ: трупъ женщины всегда плыветъ на спинѣ, а мужчины вверхъ спиною. Вѣроятно онъ плылъ ногами впередъ. Мѣсто, гдѣ трупъ отысканъ, находится ниже караязскаго моста, слѣдовательно, у развалинъ Рша-кала. Рыбаки раздѣли трупъ донага и, помѣстивъ его на островку, приняли мѣры, чтобы дать знать властямъ о находкѣ. Въ верстѣ отъ мѣста находки трупа по направленію къ Тифлису, въ шабуровской мѣстности, они натолкнулись на собиравшихся въ городѣ крестьянъ Ивана Арутинова и Гигола Каракозова, и которые, хотя собирались въ городъ, но пришли на островокъ поглядѣть на трупъ. Общее впечатлѣніе всѣхъ 4-хъ то, что трупъ былъ свѣжій, чистый; а между тѣмъ тогда былъ уже голый; никакихъ рѣшительно не было поврежденій и знаковъ, ни на шеѣ, ни на груди (ссадинъ), ни царапинъ, а только, говорятъ Пидуа и Чиберовъ, что было синее пятно на лѣвой рукѣ. По показаніямъ Пидуа и Цинамзгварова синее пятно было ниже сгиба, на самой кисти лѣвой руки. Я прошу обратить вниманіе на

эти, совершенно согласны между собою, четыре показанія: это не то что не замѣтили, а то что совершенно не было никакихъ пятенъ и подтековъ. Когда трупъ подняли, по словамъ какъ Пидуа такъ и Арутинова, изъ рта вылилась кровь красноватая, какъ бы разбавленная водою. Пидуа говоритъ, что жидкости вытекло нѣсколько капель, а Арутиновъ говоритъ—ложки двѣ.

Пидуа при передопросѣ пояснилъ: это была жидкость, въ которую замѣшана была кровь.

Нагой трупъ тутъ же для предохраненія отъ быстраго разложенія зарыли въ яму, конечно, не глубокую, засыпали пескомъ, прикрывши его хворостомъ. Ясно, что къ тѣлу не могли не пристать земляныя частицы, но я долгомъ считаю сказать, что, по показаніямъ Пидуа и Кобіева, въ рукахъ между пальцами, подъ ногтями не было найдено ни земли, ни песку. Черезъ день потомъ, т. е. 24 іюля въ 7 часовъ вечера, произведено полиціею при докторѣ Мревловѣ, съ замѣчательною неточностью и небрежностью, вскрытіе трупа для перенесенія его въ анатомическій театръ. Полиція, Мревловъ, Кобіевъ, Цинамзгваровъ стояли на берегу и послали на островъ раздѣтыхъ рыбаковъ, Арутиновыхъ, которые, откопавъ трупъ, сплывили трупъ нагой по рѣкѣ къ мѣсту, гдѣ стояли изслѣдователи, причемъ, конечно, трупъ былъ обмытъ отъ земляныхъ частицъ и песку, и если были какія нибудь песчинки или былинки между пальцами и подъ ногтями, то онѣ должны были исчезнуть. Отъ пребыванія его въ ямѣ неглубокой остались наружные слѣды, глубокіе и узкіе желоба, вѣроятно, отъ хворосту, вѣвшагося въ потерявшую всякую окоченѣлость и размягченную отъ разложенія массу.

Кромѣ того говорится, что на пальцахъ ногъ кожа представилась поверхностно изъѣденною, вѣроятно, полевыми крысами. Пребываніе въ водѣ сдѣлало свое дѣло въ совокупности съ жгучимъ зноемъ іюльскаго солнца. Трупъ былъ въ полномъ гніеніи. Обѣ щеки, вѣки, шея

и верхъ груди представляли видъ темнокрасныхъ поверхностей съ синимъ отливомъ, покрытыхъ пузырями. Также представляли спина, оба бока груди и живота, мѣста подъ колѣнами, заднія поверхности обѣихъ верхнихъ конечностей, а также уши; съ спины и съ предплечій даже кожа слупилась. Тѣло сдано цирюльнику Шахъ-Незидову, который прокололъ его булавкою, или бистурмомъ на животѣ въ двухъ мѣстахъ, и доставлено въ анатомическій театръ въ Тифлисъ. Бѣглый, небрежный, поверхностный протоколъ 24 іюля едва отмѣтилъ нѣкоторыя подробности.

Настоящее изслѣдованіе началось только въ анатомическомъ театрѣ 25 числа, ровно черезъ двое съ половиною сутокъ послѣ исчезновенія Н. Андреевской, т. е. чрезъ 61 часъ отъ момента ея предполагаемой смерти. Было ли оно полное, было ли оно точное, вотъ въ чемъ да будетъ мнѣ позволено усомниться. Дѣятельность врачей должна быть двоякая: константированіе фактовъ въ актахъ, осмотровъ и выводы заключеній. Разсмотримъ отдѣльно и то и другое.

Съ формальной стороны все какъ слѣдуетъ. Произведенъ наружный осмотръ, а затѣмъ вскрытіе головы, брюшной и грудной полостей, и при этомъ наружномъ осмотрѣ пропущены несомнѣнно существовавшіе на трупѣ знаки, неупомянуты проколы булавокъ на животѣ фельдшеромъ Шахъ-Незидовымъ, ни даже такой важный признакъ, по которому трупъ признанъ 24 іюля за трупъ Н. Андреевской со стороны Шарвапидзе, Андреевской и Чхотуа, а именно порубленіе, т. е. отсѣченіе указательнаго пальца лѣвой руки. За то въ актѣ осмотра вошли текстуально совсѣмъ непринятые и не провѣренные экспертизою, а я полагаю, что докажу, ошибочныя удостовѣренія со стороны слѣдователя, неимѣющаго права ничего подобнаго удостовѣрять, потому что оно для него искомое, а именно, что Н. Андреевская не могла сойти на площадку, что ея ботинки не загрязнены, что слѣдовательно, правдоподобно, она не

утонула, а инымъ образомъ была изведена. вмѣсто того, чтобы сказать имъ: вотъ вамъ трупъ, спорный вопросъ: утонула ли Андреевская, или была убита и въ воду брошена,—имъ предлагаютъ все слѣдствіе въ извлеченіи съ готовымъ уже заключеніемъ: она убита, и заставляютъ искать признаковъ, которые бы соотвѣтствовали этому заключенію. И вмѣсто того, чтобы отстоять самостоятельность своего изслѣдованія, медики вносятъ заключеніе въ свой актъ и изъ осмотра выпускаютъ все то, что не имѣетъ съ нимъ прямой связи, вопреки 1766 ст. уст. суд. мед., которая предписываетъ записать въ актъ даже рубцы, бородавки и родимыя пятна, не только отсутствіе одного изъ членовъ тѣла. Слово «ноготь» измѣнено въ «палець», такъ какъ обезображенъ былъ указательный палець, вслѣдствіе бывшаго, вѣроятно, ноготѣда. Изъ осмотра извлекаемъ черты, считаемыя мною существенными: конецъ языка прижать, ротъ и глаза закрыты, изъ рта выходила сукровица, тѣло распухшее, кожа облѣзаетъ, гдѣ были багровыя пятна, тамъ теперь, какъ на головѣ, шеѣ, груди, бокахъ, зеленыя трупныя пятна. Есть и сине-багровыя пятна съ сильными кровоподтеками; на обѣихъ бедрахъ въ $\frac{1}{2}$ ладони, ниже того два, величиною въ двугривенный; а также на спинѣ, подъ лопаткою, на поясницѣ, на обѣихъ плечахъ, на обѣихъ голеняхъ.

Внутренній осмотръ представляетъ слѣдующее: подъ кожею на всѣхъ костяхъ черепа обширныя кровоподтеки въ видѣ рыхлыхъ темныхъ шариковъ, лежащихъ сплошною массою. Мозгъ малокровенъ, сильно разложенъ, безъ всякихъ признаковъ кровоизліянія. Кости цѣлы. На груди, при полной цѣлости реберъ, кровоподтеки въ грудныхъ мышцахъ въ видѣ острововъ. Легкія не спали, блѣднокровныя; сердце пусто, въ околосердной сумкѣ обильное скопленіе серозной жидкости. Въ желудкѣ ничего особеннаго, ни малѣйшихъ признаковъ отравленія, но нѣтъ и воды; мочевоу пузырь пустой. Въ дѣтородныхъ частяхъ слизистая оболочка влагалища блѣдна,

что представляет важный признак отсутствія регуль. Селезенка умѣренно сокращена. Наконецъ, на шеѣ, противъ яремной впадины, между мышцами шеи кровоподтекъ въ двугривенный; безъ поврежденія хрящей, съ покраснѣлою слизистою оболочкою гортани и дыхательнаго горла, но безъ пѣнистой жидкости. Таковы главные факты. Посмотримъ же теперь на заключеніе.

Заключеніе состоитъ изъ отрицательныхъ и положительныхъ результатовъ. Отрицательный результатъ есть тотъ результатъ, въ которомъ всѣ эксперты, Горалевичъ, Главацкій, Блюмбергъ и Павловскій, согласились съ поразительнымъ единогласіемъ, а именно въ томъ, что никакихъ признаковъ утопленія нѣтъ, потому что нѣтъ двухъ признаковъ, постоянныхъ и характеристичныхъ смерти отъ утопленія, а именно пѣны у рта и отека легкихъ, и менѣе постоянныхъ—воды въ желудкѣ и песку подъ ногтями. Пѣна въ гортани остается трое сутокъ, потомъ она переходитъ въ плевру, остается слизь, которую можно рассмотретьъ еще въ третьи сутки. Отекъ въ легкихъ увеличиваетъ ихъ въ объемъ; они нажимаютъ на вдавливающія ихъ ребра и только тогда, когда жидкость просочится въ сосѣднія ткани, легкія спадаютъ и являются въ половину своей прежней величины. Въ данномъ случаѣ не было ни отека, ни спаденія.

Установилось также полное единодушіе и по важнѣйшему изъ пунктовъ положительнаго результата, по вопросу о кровоподтекахъ. Тѣ свертки крови густыми массами, которые замѣчены на всѣхъ почти частяхъ тѣла, признаны прижизненными явленіями травматическаго происхожденія, т. е. причиненными Н. Андреевскою насиліемъ извнѣ, причемъ признано неправдоподобнымъ, чтобы они могли появиться отъ ударовъ утопающей или только что утонувшей, у которой только что прекратилась жизнь, но продолжаютъ еще сокращенія сердца и кровообращеніе. Выводъ этотъ сдѣланъ рѣшительно и категорически, какъ ножемъ отрѣзано. Крово-

подтеки не могли быть смѣшаны съ трупными явлениями. Горалевичъ даже опредѣлилъ, что ударовъ было нанесено не 1, а 4; цѣлыхъ 4, ни болѣе, ни менѣе. По словамъ Главацкаго, былъ нанесенъ ударъ твердымъ тѣломъ, не особенно сильный. По словамъ Блюмберга, кровоподтеки служатъ признакомъ удавленія, травматическаго поврежденія и вообще насилія, болѣе несомнѣннымъ, нежели петля, затянутая на шеѣ какого нибудь трупа. Павловскій заявилъ, что посмертные подтеки никогда не бываютъ въ сверткахъ и смѣшать кровоподтеки съ трупными пятнами почти невозможно. Полное отсутствіе ссадинъ и ранъ заставило экспертовъ придти къ заключенію, что подтеки могли произойти либо отъ ушибовъ не особенно сильныхъ, либо отъ давленія. Особенно поражали подтеки на черепѣ и подтекъ на шеѣ противъ подъяремной впадины, величиною въ двадцати копѣечную монету.

При оцѣнкѣ вліянія кровоподтековъ на смерть Н. Андреевской произошли споры, и мнѣнія раздѣлились. Самый осторожный изъ врачей, Главацкій, формулировалъ свой взглядъ довольно неопредѣленно. По его словамъ, смерть произошла отъ асфиксіи, т. е. отъ прегражденія доступа воздуха къ легкимъ. Заключение довольно эластичное, потому что подъ него подходит и насильственно удушенный зажатіемъ рта, и захлебнувшійся, потерявшій сознание и переставшій дышать самоутопленникъ. Остальные врачи возстали всѣ, защищая внѣшнее насиліе съ поврежденіями. По мнѣнію Павловскаго, Н. Андреевская была удушена нажатіемъ на шеѣ безъ поврежденія гортаннаго хряща, а по мнѣнію Блюмберга, главную роль играли не знаки на шеѣ, а удары по головѣ, которые причинили сотрясеніе мозга. Заключение удобное и трудно опровержимое, въ виду того, что во 1-хъ, мозгъ былъ въ состояніи полнаго разложенія, недопускавшаго изслѣдованія, и во 2-хъ, сотрясеніе мозга не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, слѣдовательно нѣтъ предположенія какъ предположеніе,

оно неопровержимо, его и провѣрить то нельзя. Ученый споръ кончился, какъ не всегда бываетъ, соглашеніемъ въ духѣ эклектизма, въ смыслѣ допущенія одновременно всѣхъ противоположныхъ системъ, въ родѣ моллеровскаго изреченія: *Passez moi la rhubarbe, et je vous accorde la séné.*

Главацкій признаетъ травматичность подтековъ и сотрясеніе мозга и думаетъ, что смерть произошла скорѣе отъ удушенія, нежели отъ утопленія, хотя признаки и той и другой смерти одинаковы. По мнѣнію Горалевича, смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ наружныхъ поврежденій, т. е. отъ давленія на горло и грудную клетку. Павловскій приписываетъ подтекъ въ яремной впадинѣ давленію, которое прекратило доступъ воздуха къ легкимъ и такимъ образомъ причинило удушеніе. Блюмбергъ, отстаивая свою гипотезу о *comotio cerebri*, знаетъ даже самымъ точнымъ образомъ, какъ совершилось убійство: сначала были нанесены удары по головѣ, удары эти не произвели мгновенной смерти, а привели Н. Андреевскую въ безсознательное состояніе, въ которомъ она была удушена и тотчасъ брошена въ воду. Но г. Блюмбергъ знаетъ весьма многое, и не только по предметамъ, относящимся къ его специальности; онъ знаетъ, напр., какъ значитса въ судебномъ протоколѣ, что трупъ вовсе и не плылъ по рѣкѣ, а такъ только былъ положенъ на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ его и обрѣли рыбаки.

Такова главная суть заключенія экспертовъ, изъ котораго я выпускаю все второстепенное, какъ напр., рассказы объ илѣ и пескѣ, которыхъ нѣтъ, а быть непременно должны у утопленниковъ на глубокихъ мѣстахъ, о водѣ въ легкихъ и желудкѣ, которой можетъ не быть, о пустомъ мочевомъ пузырьѣ, на пустотѣ котораго настаиваетъ г. Блюмбергъ, но тутъ же замѣчаетъ, что этотъ признакъ отвергаютъ ученые. По особенному свойству нашего дѣла весь ключъ позиціи въ томъ, что составляло предметъ экспертизы: утонула ли, или

была убита и брошена въ воду? Въ этого вопроса все остальное, какъ я постараюсь доказать, не важно и мелочь. И по этому вопросу въ отвѣтахъ экспертовъ уже былъ вынесенъ подсудимымъ готовый приговоръ: убита. Суду оставалось только либо усомниться и призвать другихъ еще болѣе опытныхъ экспертовъ, либо приложить, такъ сказать, къ готовому осужденію свою печать, потому что ни я, ни мой почтенный противникъ, ни господа судьи не знаемъ, не можемъ, и не вправѣ по незнанію своему рѣшать, какіе признаки на трупѣ соотвѣтствуютъ утопленію, и какіе удавленію. Судъ такъ и сдѣлалъ. Но послѣ того возникаетъ вопросъ, какой смыслъ сторонѣ, хотя бы и осужденной, возражать противъ такого приговора, произнесеннаго представителями науки. Я, господа, уважаю всякій законный, по закону юридическому или по природѣ и законамъ вещей, авторитетъ, но я не допускаю авторитетовъ безусловныхъ, въ особенности когда отъ оракула этого авторитета зависитъ судьба человѣка, смертная казнь или каторжныя работы. Что можетъ быть святѣе и крѣпче третейскаго рѣшенія по формальной записи, а и оно можетъ быть кассировано судомъ; точно также, что можетъ быть сильнѣе слова, произнесеннаго представителемъ науки во имя науки, но и это слово можетъ быть уважено или не уважено, и не должно быть уважено, когда въ немъ нѣтъ условій, при которыхъ оно становится убѣдительнымъ. Когда же оно становится убѣдительнымъ то и тогда, какъ извѣстно, судъ юридически ему не обязанъ подчиняться. Но возможны случаи, когда онъ и нравственно не обязанъ ему подчиняться. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о соотношеніи двухъ авторитетовъ — суда и науки, — вопросъ, который не ясно понимался и криво поставленъ даже въ рѣшеніи Тифлискаго окружнаго суда. Да будетъ мнѣ позволено сосредоточить на нѣкоторое время на немъ вниманіе палаты. Всякій судебный приговоръ есть логическая дедукція, всякая дедукція имѣетъ форму силлогизма; каждый, кто совершилъ тако-то дѣя-

ніе, подлежить такому-то наказанію, говоритъ законъ, — это большая посылка. А совершилъ такое-то дѣяніе — меньшая посылка, выражающаяся въ вердиктѣ присяжныхъ. Слѣдовательно, А подлежить такому-то наказанію, дополняетъ судъ въ своей резолюціи. Въ общемъ ходѣ и работѣ судебной дедукціи есть эпизоды, къ числу которыхъ принадлежитъ и экспертиза. Она тоже вся построена въ формѣ силлогизма, въ выводѣ котораго участвуютъ и эксперты, и судъ.

Дедукція съ помощью экспертовъ имѣетъ слѣдующій видъ. Большая посылка представляется въ такомъ видѣ: Если есть на лицо признаки 1, 2, 3, то имѣло ли мѣсто удушеніе, или отравленіе, или изгнаніе плода? Этого положенія никто не можетъ вывести, кромѣ специалиста, не только специалиста по медицинѣ вообще, но и специалиста по судебной медицинѣ. Есть люди, которые всю жизнь посвятили подаванію помощи живому больному человѣку, которымъ, однако, я не довѣрю вовсе рѣшать вопросъ о причинахъ смерти субъекта, котораго они не наблюдали живымъ, какъ не совѣтую обращаться ко мнѣ, хотя и юристу, по финансовому вопросу, потому только, что мнѣ, какъ юристу, не можетъ быть чуждо и финансовое право, или по вопросамъ по архитектурѣ, потому что я, будучи, напимѣрь, искуснымъ человѣкомъ въ построеніи рѣчи, долженъ быть искуснымъ и во всякомъ другомъ строеніи, даже каменныхъ зданій. Большая посылка это положеніе, недоступное для профановъ. Но если оно въ себѣ самомъ заключаетъ противорѣчіе, если оно чисто эмпирическое, т. е. предлагаетъ фактъ голый, но не объясняетъ законовъ факта; если оно, наконецъ, совсѣмъ противно популярному книжному значенію, столь нынѣ распространенному посредствомъ печати, то понятно, что и судъ можетъ и долженъ усомниться въ большой послылкѣ и либо эту посылку совсѣмъ отвергнуть, либо обойтись вовсе безъ экспертизы, или же обратиться къ другимъ оберъ-свѣдущимъ людямъ, специалистамъ въ квадратѣ.

Что касается до второй посылки, то она ставится такъ, въ данномъ случаѣ, на примѣръ: на тѣлѣ Андреевской найдены такіе-то признаки, соотвѣтствующіе понятію убійства, удушенія, отравленія. Въ выводѣ этой посылки, которая заимствована изъ протоколовъ и свидѣтельскихъ показаній, оба элемента, и судьи и эксперты, принимаютъ одинаково живое и непосредственное участіе, контролируя другъ друга. Слѣдовательно, если экспертъ выдаетъ за признакъ то, чего никто изъ свидѣтелей не говоритъ, или то, чего вовсе нѣтъ въ *visum peritum*, то судъ вправѣ сказать: этого признака нѣтъ, онъ фальшивъ, это фантазія, устранить его совсѣмъ.

Когда есть обѣ посылки, то заключеніе слѣдуетъ само собою и его выводитъ самъ судъ, уже съ вѣсѣмъ безъ экспертовъ, при чемъ онъ юридически можетъ и не вывести его. 533 ст. уст. гр. судопр. примѣняется и къ уголовному производству. На основаніи этой статьи судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, несогласному съ достовѣрными обстоятельствами дѣла, но нравственно обязанъ подчиниться, коль скоро оно стойко и выдерживаетъ пробу тѣхъ критеріевъ, которые я имѣлъ честь изложить.

Изложивъ логическія основанія, по которымъ и профаны, каковы судьи и стороны, могутъ, конечно не по существу, а только съ внѣшней стороны, съ кассационной, такъ сказать, точки зрѣнія, отнестись къ дѣлу, я позволю себѣ примѣнить эти критеріи къ экспертизѣ по дѣлу Н. Андреевской.

Я думаю, что не обижу и не скажу ничего непріятнаго для гг. экспертовъ Блюмберга, Главацкаго, Горалевица и Павловскаго, сказавъ, что они не то что дилетанты, но и не полные спеціалисты, такъ сказать, полуспеціалисты, такіе напр., какимъ былъ бы я критикомъ, если бы мнѣ дали разрѣшать тонкіе вопросы права полицейскаго, финансоваго или административнаго. Всѣ гг. эксперты — искусные люди въ принесеніи по-

мощи живому больному человѣку, но не въ излѣдованіи причинъ смерти умершаго.

Лекціи судебной медицины, этой крайней специальности въ кругу медицинскихъ знаній,—предметъ второстепенный,—остающийся въ нашихъ тетрадяхъ, да нѣсколько печатныхъ учебниковъ, да собственный опытъ—десять два вскрытій, а эти опыты куда какъ недостаточны, все это способствуетъ образованію поспѣшныхъ индукціи, общихъ выводовъ изъ нѣсколькихъ случайныхъ примѣровъ.

Ни одинъ изъ экспертовъ не могъ объяснить признаковъ утопленія и давленія генетически; они говорятъ: есть, но не говорятъ: почему?... За то явились обобщенія, напримѣръ у г. Блюмберга о пустотѣ мочевого пузыря, отъ которой онъ самъ долженъ былъ отказаться, совершенно такія же основательныя, какъ обобщенія Пидуа: утопленники плывутъ вверху спиною, а утопленницы на оборотъ. При такой экспертизѣ не исполнѣ специалистовъ весьма важное значеніе имѣетъ литература, книжки. Знаніе у насъ не хранится подъ спудомъ; есть по каждому знанію печатные учебники, капитализированный опытъ цѣлыхъ вѣковъ, изложенный въ доступной формѣ. Если эти книжки говорятъ прямо противное тому, что говорятъ живые эксперты, то я не совѣтовалъ бы судить по книжкамъ, по причинамъ, которыя я потомъ изложу, но я бы совѣтовалъ не вѣрить и экспертамъ относительно этого факта, а разъ не вѣришь этимъ фактамъ, то все обаяніе ихъ авторитета пропало, — не вѣришь имъ совсѣмъ. Авторитетъ есть нѣчто цѣльное, какъ заговоръ. Разъ въ одномъ пунктѣ его провалишь, онъ провалится и во всей своей цѣлости. Но даже одинъ бѣглый просмотръ книжекъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ употребительнѣйшихъ учебниковъ недостаточенъ, чтобы пошатнуть всю вѣру въ экспертизу. Книжки говорятъ противное тому, что экспертиза. Господа, я не специалистъ, но учебники я перелистывалъ и вотъ что я нашелъ въ самыхъ употре-

бительнѣйшихъ изъ нихъ, каковы: Casper, Liman, для вскрытія труповъ, Mittelerweig, переводъ профессора Крылова, Briandet Chaudet, Tardieu и даже самый старѣй, но почетный Шауенштейнъ и друг. Относительно пресловутыхъ устойчивыхъ признаковъ утопленія, будто-бы отсутствующихъ въ трупѣ Н. Андреевской, то напр., еще у Шауенштейна говорится, что никакихъ признаковъ нѣтъ вѣрныхъ, устойчивыхъ, не постоянны даже пѣна, даже отекъ легкихъ. Одинъ признакъ, который здѣсь имѣется: гніеніе страшно быстрое и начинающееся сверху, съ головы, безусловно постоянно. Даже не могутъ считаться таковыми пѣна и пѣнистая жидкость. Она дѣйствительно важна, но только тогда, когда смерть произошла отъ асфиксіи. Когда человѣкъ утопая, борется со смертью, реагируетъ и напрягаетъ силы, чтобъ дышать, тогда гортань, горло и бронхи содержатъ всегда пѣну, но когда смерть происходитъ отъ обморока, тогда наступаетъ мгновенная пріостановка рефлекторнаго дѣйствія легкихъ, и дыханія, происходитъ потеря сознанія безъ боли отъ апоплексіи нервной въ выдыхательномъ положеніи грудной кѣтки и тогда дыхательное горло сухо, и содержитъ въ себѣ немного лишь воды безъ пѣны. Точно тоже можно сказать и объ отекаѣ легкихъ. Увеличеніе легкихъ происходитъ отъ тойже причины, что и пѣна: отъ сильнаго вдыханія при борьбѣ со смертью; но во первыхъ, при смерти отъ обморока, при выдыхательномъ положеніи кѣтки увеличеніе легкихъ до такой степени слабый признакъ, что Миттелервейгъ не помѣстилъ его въ число признаковъ смерти отъ утопленія. Во вторыхъ, кромѣ того, я обращаю вниманіе на слѣдующую странность въ словахъ экспертовъ. Они признали бы утопленіе, если бы легкія были съ отчетнымъ отпечаткомъ реберъ или спавшія, вслѣдствіе просоченія жидкости въ сосѣднія ткани, а если тѣло найдено въ моментъ перехода отъ одного состоянія въ другое, то, очевидно, не было бы ни того, ни другого, ни А. ни В., а среднее состоя-

ніе, не очень отечное, а съ легкою воздушною опухолью.

Но я имѣю болѣе серьезный упрекъ противъ экспертовъ нежели тотъ, что они приняли не серьезный признакъ—пѣну изо рта—за серьезный, я ихъ упрекаю въ томъ, что они не провѣрили существованіе этого признака въ данномъ случаѣ, который, по всей вѣроятности, былъ. Это нѣчто въ родѣ воды у рта, которая замѣчена Пидуа—нѣчто ни кровь, ни вода; вода разбавленная кровью, которой вылилось двѣ ложки, въ связи съ состояніемъ красноватости гортани и дыхательнаго горла, давали полное основаніе думать, что пѣна была, но исчезла, потому что произошло необычайно быстрое разложеніе трупа и сохраниться то на третій день она не могла. Гг. эксперты предпочли совсѣмъ игнорировать показаніе рыбаковъ и остановились на выводѣ: пѣны не нашли, а слѣдовательно ея не было. Одинъ изъ нихъ, Главацкій, объяснилъ показаніе рыбаковъ такимъ образомъ: пѣна могла исчезнуть, но осталась бы слизь, а слизи то и не было, гортань была сухая. Прошу обратить вниманіе на этотъ отзывъ. Онъ является expropterea, онъ не занесенъ въ *visum perertum*, онъ не подтвержденъ другими экспертами. Прямая обязанность суда была его исключить, именно потому, что, если этотъ важный и существенный признакъ имѣлъ мѣсто, то онъ долженъ былъ быть занесенъ въ актъ осмотра, а заявленный такъ поздно, теряетъ всякое значеніе. Судъ же его такъ таки безъ провѣрки и принявъ, хотя принятіе или не принятіе признака есть обстоятельство изъ области житейскихъ, а не научныхъ фактовъ, опредѣляемыхъ и провѣряемыхъ протоколами. И такъ оказывается, что не доказано отсутствіе устойчивыхъ признаковъ утопленія.

Еще менѣе оправдывается признаніе наличности удушенія, доказываемое кровоподтеками. Самый наглядный пунктъ положенія совершенно ложный: что подтеки не могли быть смѣшаны съ гипостозами или трупными

пятнами отъ просачиванія сыворотки съ кровянымъ пигментомъ сквозь капилляры въ сосѣднія ткани, и о томъ, что, какъ только есть кровяные свертки, такъ, непременно, должны были имѣть мѣсто прижизненные поврежденія.

Миттелервейгъ говоритъ, что въ періодѣ гніенія кровоподтеки тоже измѣняются и тогда ихъ едва возможно отличить отъ гипостозовъ посредствомъ имбибиціи. Гипостозы представляютъ равномерно окрашенную поверхность, ихъ признаки рѣзки, такъ какъ они не проникаютъ глубоко въ ткань; но для опредѣленія ихъ надобно прорѣзать мышцу, а этихъ опытовъ именно и не дѣлали эксперты на черепѣ. Здѣсь то, что они называютъ подтекомъ, было прямо на кости, но не въ мышцахъ шеи, которой кожа не была окрашена, а только между ними было пятно, величиною въ двадцати копѣечную монету. Ихъ не было даже между ребрами. Въ *visum perertum* сказано, что разсѣянные островками сѣтки на реберныхъ мышцахъ проходили до надкостницы реберъ, но это заключеніе лично было выведено изъ сопоставленія красноты на ребрахъ съ краснотою на подкостницѣ, безъ сѣченія всей мышцы, которое едва ли было произведено. Брианъ и Шоде говорятъ, что когда вырѣзанная кожа оказывается пропитанною кровью во всю толщину и эта жидкость оказывается густою и свернувшешюся, то почти съ достовѣрностью можно сказать, что эти поврежденія были причинены при жизни. Этихъ признаковъ нельзя повѣрить на *visum perertum*. Великій авторитетъ—Касперъ, основываясь на опытахъ своихъ, Энгеля и Бока, отвергаетъ, чтобы свертки крови доказывали происхожденіе прижизненное. Майръ говоритъ, что какъ только наступаетъ гніеніе, уже нельзя опредѣлить, имѣешь ли передъ собою прижизненный или посмертный свертокъ крови. Главная разница та, что при травматическихъ кровоподтекахъ границы подтека точнѣе и рѣзче обозначены, между тѣмъ какъ трупныя пятна болѣе расплывчаты, а въ данномъ

случаѣ подтеки описаны, какъ обширныя, рыхлыя, сплошныя, на черепѣ, и какъ неопредѣленные островки на ребрахъ. Я думаю, что если не останавливаться на нѣкоторыхъ только кровоподтекахъ, а взять всѣ описанныя въ *visum peritum* въ связи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ ссадинъ, ранъ, царапинъ и подкожныхъ подтековъ, то легко убѣдиться, что почтенные эксперты просто на просто смѣшали гипостозы съ экхимозами. Кровоподтековъ оказалось пропасть на головѣ, кругомъ черепа, въ мышцахъ реберъ, на бедрахъ, спинѣ, правой лопаткѣ, поясницѣ, бокахъ, обѣихъ голеняхъ, у колѣнъ; всѣ эти кровоподтеки на всѣхъ частяхъ туловища и головѣ признаны прижизненными. Для объясненія, какъ могли они произойти безъ окрашиванія кожи, такъ какъ трупъ былъ чистъ, и безъ внѣшнихъ знаковъ, каковы ссадины и проч., г. Главацкій долженъ былъ прибѣгнуть къ предположенію мягкой подстилки между кожею и бьющимъ предметомъ, вслѣдствіе чего кровь изливается не подъ кожицу, но въ мышцы. Но въ такомъ случаѣ были истязанія. Н. Андреевская была избита отъ головы до пятокъ, съ такими утонченными варварскими приемами, которые не соответствуютъ ни короткому времени между ея исчезновеніемъ и обнаруженіемъ исчезновенія, ни мѣсту и обстоятельствамъ, которыя внушали осторожность, ни цѣли, которую могла полагать даже корысть или мщеніе. Зачѣмъ было надо колотить по плечамъ, и по бокамъ, да по головѣ чрезъ какую нибудь подушку? Многочисленность кровоподтековъ доводитъ предположеніе объ ихъ прижизненности до абсурда. Ясно, что мало мальски разсудительная критика должна была обнаружить, что признаки утопленія Н. Андреевской весьма вѣроятны, и напротивъ, признаки травматическихъ изліяній крови, слѣдовательно прижизненныхъ насилій, весьма сомнительны. Что предстояло суду? Либо повѣрить экспертамъ на слово, какъ авторитету, либо усомниться въ томъ, толкуютъ ли они согласно съ обстоятельства-

ми дѣла, извѣстными и суду по протоколу? отрицають ли пѣну, когда она есть, отрицають ли плытіе трупа, какъ напрімѣръ Блюмбергъ, когда трупъ найденъ пльвшимъ. Разъ усомнившись, судъ столь же мало можетъ видоизмѣнять, кодифицировать сужденія экспертовъ, какъ приговоръ присяжныхъ. Судъ не можетъ совладать съ большою посылкою, которой эксперты являются вѣщателями, онъ можетъ повѣрить оракулу и тогда принять цѣликомъ его изреченіе; либо потерять вѣру въ авторитетъ, и тогда отнестись къ экспертамъ, какъ къ недостовѣрному источнику. А затѣмъ что?... Затѣмъ либо надо самый вопросъ признать не рѣшеннымъ, т. е. сказать: можетъ быть удушена, а можетъ быть утонула, и оправдать прямо и просто подсудимыхъ по общему правилу криминалистики, что всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу подсудимыхъ; либо—назначить новую и настоящую экспертизу. Въ мѣсто того судъ вышелъ изъ предѣловъ своей роли, заявилъ, что онъ вправѣ повѣрять, какъ экспертизу, такъ и научную основательность приводимыхъ въ опроверженіе ея выводовъ авторитетовъ, и явиться судьей между экспертами, требующими пѣны и ученымъ Окстономъ, который вскрывалъ 90 труповъ въ 55 часовое время послѣ смерти и пѣны не находилъ. Окстонъ не нашелъ пѣны, но не видно изъ протокола, не нашелъ ли онъ слизи, а слизи не было, какъ говорятъ эксперты, слѣдовательно, эксперты правы.

Я уже замѣтилъ, что слизь вѣроятно была, но не въ томъ ошибка, а въ томъ, что судъ является разборщикомъ спора между экспертами и книгою, которой они не читали, которая извѣстна только по отрывку изъ судебной медицины Бухнера; что хотя судъ даетъ предпочтеніе экспертамъ передъ книгою, но могъ дать предпочтеніе и книгѣ предъ экспертами, и на основаніи сочиненія, хотя и спеціальнаго, но достоинствъ котораго онъ оцѣнить не въ состояніи, рѣшилъ научный вопросъ, въ которомъ онъ, очевидно, столь же мало

компетентенъ, какъ я въ вопросахъ объ ассирійскомъ языкѣ. Позвольте пояснить мою мысль примѣромъ. Есть въ судебной медицинѣ знаменитость, Тардье, написавшій десятки сочиненій. Онъ изобрѣлъ теорію распознаванія задушенія по подтечнымъ пятнамъ подъ плеврою на легкихъ, которыхъ никогда нѣтъ при смерти отъ утопленія. Допустимъ, что судъ преклонился бы предъ этимъ авторитетомъ. Но всѣ нѣмецкіе врачи отвергаютъ выводъ Тардье. Слѣдовательно оказалось бы, что судъ подкупило бы и увлекло громкое имя, и что онъ сдѣлалъ бы громадную ошибку, взявшись не за свое дѣло судить по вопросу, въ которомъ онъ то и не судья и потому, что не судья вызываетъ экспертовъ. Я надѣюсь, гг. судьи, что вы не пойдете по этой опасной стезѣ, что вы не повѣрите экспертамъ, Главацкому, Горалевичу, Блюмбергу и Павловскому, и ихъ рубящему, какъ топоръ, выводу, въ виду противорѣчій и промаховъ экспертизы, что вы отдадите предпочтеніе болѣе трезвому и убѣдительному выводу моего эксперта, настоящаго по этому дѣлу специалиста, и, слѣдовательно, заключите, что 23 іюля въ Караязъ приплылъ свѣжій трупъ женщины, на которомъ не могло быть никакихъ знаковъ внѣшняго насилія, удавленія или задушенія, женщины, можетъ быть, утонувшей. Такимъ образомъ одна улика убыла, разсѣялась изъ тѣхъ, которыя доказывали событіе преступленія. Всѣ остальные остались, а ихъ, повидимому, безчисленное множество, и всѣ до единой надо разобрать. За доводами, почерпнутыми изъ осмотра тѣла, идетъ доводъ, заимствованный изъ области механики, или, лучше сказать, гидравлики. Если Н. Андреевская не убита, то утонула въ 10 ч. вечера 22 іюля, а если утонула, то въ Тифлисѣ, въ саду около своего дома. Но если она утонула въ этомъ мѣстѣ, трупъ ея не могъ проплыть пространство, отдѣляющее Тифлисъ отъ Караяза, сомнительно даже могло ли ея тѣло пройти по мелкимъ мѣстамъ, во всякомъ случаѣ не могло оно не ударяться о дно, не быть

ушибленнымъ. А такъ какъ трупъ чистъ, то она, вѣроятно, была убита, изъ Тифлиса увезена сухимъ путемъ и пущена въ воду гдѣ нибудь, по близости отъ того мѣста, гдѣ ее нашли. Такова вторая улика. Займусь ея разборомъ.

Было заявлено при слѣдствіи не Богъ знаетъ какимъ знатокомъ, пожалуй, такимъ же, какъ Пидуа или «Наташка», что трупъ непременно идетъ ко дну, что, попавъ въ яму, онъ пролежитъ тамъ дня три, пока разбухнетъ, и что онъ долженъ тащиться по дну, цѣпляясь за камни и подвергаясь ушибамъ. Всѣ эти заключенія подлежатъ сильному спору и весьма сомнительны. Коль скоро человѣкъ потерялъ сознание, то онъ пересталъ управлять собою и дальнѣйшій его путь въ водѣ зависитъ отъ удѣльнаго вѣса его тѣла. Вѣсъ этотъ больше, если человѣкъ захлебнулся, напился воды и вода вытѣснила изъ легкихъ воздухъ, и меньше, если смерть безъ опоенія, вслѣдствіе нервной апоплексіи, какъ въ данномъ случаѣ. Вѣсъ больше, когда человѣкъ худъ, какъ щепка, и меньше, когда человѣкъ плотенъ, съ отложеніемъ жиру, какъ въ настоящемъ случаѣ. Вотъ почему трупъ могъ не опуститься въ яму, могъ попасть въ теченіе прямо изъ этой ямы у площадки въ 4¹/₂ арш., по словамъ Водопьянова, въ 5—по словамъ Каменогорскаго, и пойти дальше. Вѣсъ человѣка почти равенъ вѣсу воды, вѣсъ Андреевской, вслѣдствіе ея полноты и того количества воздуха, который остался въ легкихъ, могъ быть меньше воды, т. е. что тѣло настолько же было погружено подъ поверхность, насколько высовывалось надъ поверхностью, забирая такимъ образомъ чрезвычайно малое количество воды. Плылъ же свободно этотъ трупъ, когда его остановили, хвативъ за ноги, рыбаки; слѣдовательно, по той же самой причинѣ, онъ могъ уплыть такъ и отъ Михайловскаго моста. Тутъ изъ этого логическаго кольца выхода нѣтъ, развѣ оспаривать показаніе рыбаковъ, но такого *tour de force* не дѣлаетъ даже и обвиненіе. Оно

пришло въ голову только г. Блюмбергу, съ его живымъ воображеніемъ.

Но трупъ не могъ проплыть 43 версты отъ начала ночи 22 іюля до ранняго утра 23. Прежде всего я отвергаю эти 43 версты. Они безъ критики взяты со словъ свидѣтеля Водопьянова, котораго я ловлю на первой крупной цифровой неточности и утверждаю, что если онъ ошибся въ длинѣ рѣки, которую онъ такъ досконально будто бы знаетъ, какъ староста спасательной станціи, то почему ему же не ошибиться и въ глубинѣ той же рѣки. Экспертъ Ткачевъ, на основаніи точныхъ измѣреній, опредѣлилъ это разстояніе въ 33 версты, и сомнѣваться въ этомъ невозможно. Такимъ образомъ, разстояніе прочно установлено. Остается опредѣлить скорость теченія. Въ сентябрѣ 1876 г. при слѣдствіи путь этотъ пройденъ лодкою ровно въ $5\frac{1}{2}$ часовъ, а именно отъ $6\frac{1}{2}$ ч. утра до 12 ч. Н. Андреевская, если утонула, то въ половинѣ десятаго. Нашли ее въ Караязѣ приблизительно чрезъ 14 часовъ, т. е. 840 минутъ. Если раздѣлить это время на 33 версты и 100 саж. (840:16600), то окажется, что трупъ проходилъ версту почти въ 25,5 минуты, вдвое медленнѣе ходбы человака пѣшкомъ и ѣзды на лодкѣ. Если разсчитать, какова будетъ эта скорость въ минуту, то выйдетъ въ минуту 19,7 саж., а въ секунду—0,33 сажени. Это исчисленіе почти цифра въ цифру совпадаетъ съ вычисленіями, на которыя я попрошу обратить вниманіе въ запискахъ кавказскаго технического общества за 1869—70 г. т. II. Въ технической бесѣдѣ г. Вейсенгофа отъ 27 сент. 1870 г. передаются результаты изслѣдованій Куры въ Тифлисѣ англійскими инженерами Белли и Габъ, въ теченіи 4 лѣтъ, отъ 1862 г. до 1865 г. По этимъ изслѣдованіямъ Кура рѣка капризная. Она имѣетъ самыя низкія воды зимою, не столь низкія лѣтомъ, весьма большія весною, не столь большія осенью. Колебанія между максимумомъ и минимумомъ относятся, какъ 33 къ 1. Скорость рѣки, немѣ-

ющей водопадовъ, на небольшихъ протяженіяхъ въ нѣсколько десятковъ верстъ, почти вездѣ одинакова. Она по вертикальному разрѣзу воды больше на поверхности, нежели въ глубинѣ, но тѣло плыло по поверхности. Быстрота теченія зависитъ отъ объема воды и при объемѣ воды въ кубическихъ саженихъ 10,93, она равняется 0,378 въ секунду. Наибольшая скорость 2 саж. въ секунду. Но могутъ сказать, что лѣтомъ объемъ воды, доставляемой въ секунду, можетъ быть меньше 10,93 саж. Едва ли, скорѣе больше. Я это заключаю изъ сопоставленія по таблицѣ объема воды за 22-е іюля за всѣ 4 года, 1862—1865. Объемъ воды бывалъ въ 7,2 саж., но бывалъ и въ 22½ саж., а въ среднемъ выводѣ 15,13 сажени, а при этомъ объемѣ средняя скорость теченія 0,45.

Итакъ, по техническимъ даннымъ, основаннымъ на точныхъ вычисленіяхъ, трупъ могъ проплыть 22 іюля 1876 г. 33 версты до Караяза.

Но если исчезаетъ препятствіе пространства въ 43 версты, то существуетъ другое, въ такъ называемыхъ въ рѣшеніи суда перекатахъ въ Курѣ. Рѣка течетъ глубокимъ русломъ до 16 верстъ. Затѣмъ, не доѣзжая до Караджалара, она дѣлится на три рукава, изъ которыхъ наиболѣе глубокой имѣлъ въ сентябрѣ 1876 г. глубины 6 вершковъ. Потомъ идетъ опять развѣтвленіе съ глубиною въ наиболѣе глубокомъ изъ 3 рукавовъ на 4 вершка, причемъ руководившій экспертизою Водопьяновъ удостовѣряетъ, что 23 іюля 76 г. вода была еще ниже на 1½ вершка, слѣдовательно имѣла 4½ и 2½ верш., и значитъ, въ глубочайшемъ изъ рукавовъ стояла на высоту, равную ширинѣ моей ладони. Ясно, что по такой мели не проплыть никакому трупу, если правду говорить Водопьяновъ; но говорить ли онъ правду, въ томъ да будетъ мнѣ позволено усомниться.

Прежде всего я поторгуюсь объ этихъ 1½ вершкахъ. Въ осмотрѣ мѣстности занесено въ протоколъ,

что Водопьяновъ признавалъ разницу уровней воды всего въ $1\frac{1}{2}$ вершка, слѣдовательно, въ наиболѣе мелкомъ мѣстѣ наиболѣе глубокаго рукава $3\frac{1}{2}$ вершка. Въ протоколѣ 9 сентября и въ протоколѣ судебного слѣдователя записано $1\frac{1}{2}$ вершка, вѣроятно, по ошибкѣ. Во всякомъ случаѣ, разница цифръ не объяснена, на нее не обратили никакого вниманія. Но я полагаю, что, при изысканіи полной и настоящей истины, никакъ нельзя установить $1\frac{1}{2}$ вершка на томъ только основаніи, что противъ протокола защитникъ не возражалъ.

Почему судилъ даже и объ этихъ 4 и $3\frac{1}{2}$ вершкахъ Водопьяновъ? Имѣлъ ли онъ аршинъ съ собою, мѣрилъ ли онъ воду? Нѣтъ, онъ судилъ по глазомѣру, какъ судилъ о 43 верстахъ, и если ошибся на 43 верстахъ, то могъ ошибиться и на 4 вершкахъ. Но если была ошибка, то никакъ уже не въ пользу подсудимыхъ, потому что Водопьяновъ принадлежалъ къ числу увлекавшихся, желавшихъ доказать преступленіе, какъ увлекались Цимамзгваровъ, слѣдователь и весь, можно сказать, Тифлисъ, т. е. всѣ вѣрившіе въ преступленіе и подгонявшіе къ нему факты. А между тѣмъ изъ того же показанія можно почерпнуть нѣсколько данныхъ, послѣ которыхъ плохо вѣрится въ 4 вершка. Осмотръ былъ произведенъ такимъ образомъ. Въ лодкѣ сидѣли слѣдователь, товарищъ прокурора, Бураковъ, Водопьяновъ, Каменогорскій да 4 гребца, итого 9 человекъ. Вѣсъ этихъ людей вмѣстѣ съ вѣсомъ лодки былъ не менѣе 55 пудовъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы эта лодка сидѣла въ водѣ только на 4 вершка, т. е. на глубинѣ двухъ моихъ ладоней въ ширину. Она забирала больше, и глубина рѣки, такъ какъ лодка не сѣла на днѣ, должна была быть и того еще больше. Правда, что въ одномъ мѣстѣ лодка цѣплялась за камни и они должны были ее перетащить. Но что значитъ это «перетащить»? Не тащили же гг. Кобіевъ, Хлодовскій и понятые, не высаживались же они, а просто, вѣроятно, одинъ или

два гребца сошли въ воду, да толкнули и двинули ее своими руками. Притомъ, самъ Водопьяновъ, хотя предполагать, что воды было чуть ли не на одинъ стаканъ, предполагаетъ, но трупъ все же могъ проплыть. Даже въ судебномъ протоколѣ сказано, что если трупъ проплылъ, то долженъ былъ быть сильно поврежденъ. А почему поврежденъ? Потому, что по идеямъ Водопьянова, трупъ тащится по дну, а не шель поверхъ воды. Но я отвергаю эту теорію Водопьянова; трупъ долженъ былъ идти, если онъ легокъ, по поверхности, а трупъ Н. Андреевской былъ особенно легокъ, распущенные волосы предохраняли голову, плылъ онъ на спинѣ, но туловище было охраняемо бѣльемъ, которое испытало значительныя поврежденія. Рубашка, приподнятая вверхъ и державшаяся подъ мышками была разорвана на спинѣ на $\frac{1}{4}$ вершка. Кальсоны были тоже разорваны по бокамъ. Быстрота теченія, $\frac{1}{3}$ сажени въ секунду, не такова, чтобы тихо несущееся тѣло, въ особенности предохраненное бѣльемъ, должно было терпѣть ушибы. И такъ, существуетъ полная возможность проплытія трупомъ пространства отъ Тифлиса до Караяза въ 10 часовъ, а тѣмъ болѣе въ 14.

Но я не отвергаю, что существуетъ и возможность смерти Нины Андреевской отъ асфиксіи, не оставившей насильственныхъ знаковъ и не отличимой отъ утопленія, перевозки ея тѣла ниже перекатовъ Караладжарскихъ и опущенія трупа въ воду гдѣ нибудь около Кара-Таклы или Акъ-Таклы. Вдумаемся въ это послѣднее предположеніе и укажемъ на тѣ невѣроятности, на которыя оно наталкивается. Тайнственные неизвѣстные убійцы, которые вынесли, по предположенію суда, трупъ Нины Андреевской на своихъ рукахъ и обладали превосходными средствами перевозки, должны были быть озабочены тѣмъ, куда дѣвать трупъ, не подавая вида, что она убита, вселяя убѣжденіе, что она утонула. Изъ-за чего они провезли трупъ верстъ двадцать слишкомъ, и спустили его въ одномъ изъ немногихъ спусковъ къ Курѣ, двѣ версты

за Таклами, гдѣ дорога, прежде чѣмъ отойти отъ Куры, подходитъ къ ней на 80 саженой и гдѣ проѣзжіе поятъ скоть? Надобно признаться, что эти люди, которые должны были страшно умно и хитро задумать преступленіе, страшно глупыми оказались при укрывательствѣ. Зачѣмъ довѣрять ея трупъ водѣ и притомъ водѣ такой быстрой, не хранящей довѣренной ей поклажи? Платье, сложенное на берегу, заставляло бы предполагать утопленіе; изслѣдованіе преступленія задерживалось бы ожиданіемъ всплытія трупа; есть трупы даже и въ малыхъ рѣчкахъ, которые никогда не всплываютъ, и между тѣмъ трупъ былъ бы зарытъ въ уединенномъ мѣстѣ, въ какую нибудь яму, въ оврагѣ или между кустами, и не узнали бы о немъ не только люди, но и птицы небесныя. Если же эти люди, вопреки здравому смыслу, рѣшились бросить трупъ въ рѣку, какъ поддѣльное доказательство не бывшаго утопленія, то, во-первыхъ, имъ нельзя было Н. Андреевской до нага не раздѣть, оставляя браслеты и медальонъ, а снять по крайней мѣрѣ бѣлье, такъ какъ купанье въ бѣльѣ даже между женщинами исключеніе и съ этимъ исключеніемъ могли быть знакомы мать, сестра, но едва ли могли быть знакомы недавно приставленная прислуга Шервашидзе и самъ Чхотуа. Во-вторыхъ, изъ осмотра сухимъ путемъ мѣстности видно, что есть спускъ въ нѣсколькихъ верстахъ за Навтлугомъ, за дачею Тамамшева, у дальней церкви св. Варвары. Въ осмотрѣ мѣстности сказано, что спускъ крутъ и есть строенія жилища по близости. Крутизною спуска никого въ Тифлисѣ не испугаешь, а что касается до жилыхъ строеній, то ихъ назначеніе не опредѣлено и не указано, какъ далеки они отъ спуска, а притомъ ночью подвозъ трупа къ спуску и мимо жилыхъ строеній, лишь бы не открытыхъ всю ночь для гуляющихъ людей, какъ духаны, совершенно возможенъ. Таковы соображенія, по которымъ весьма сомнительно, чтобы трупъ Н. Андреевской былъ вывезенъ и умышленно спущенъ за Акъ-Таклами, за двумя перекатами;

а слѣдовательно и эта вторая улика превращается въ дымъ, въ неизвѣстное, въ мечту воображенія. Остается 3-я. Спускъ изъ дома Шервашидзе былъ весьма крутой и почти невозможный для ходьбы днемъ, не только ночью; притомъ съ половины этого спуска сочилась вода родника по тропѣ, такъ что платье, а по крайней мѣрѣ ботинки сходящей должны быть грязными, или, по крайней мѣрѣ, мокрыми, а онѣ найдены совсѣмъ чистыми и сухими. Разберемъ послѣднюю изъ уликъ, будто бы доказывающихъ физическую невозможность купанья, а слѣдовательно и того, что Н. Андреевская утонула.

Передъ открытымъ окномъ комнаты, въ нижнемъ этажѣ, занимаемой В. и Н. Андреевскими, есть площадка, по которой идетъ черезъ обрывъ къ рѣкѣ, какъ обыкновенно на кручахъ, зигзагами тропинка въ формѣ латинскаго вывороченнаго на другую сторону S; всей тропинки 5 сажени до воды, но сюда слѣдуетъ включить самую площадку до обрыва; самъ обрывъ отъ площадки до поверхности воды въ вертикальномъ направленіи 2, мало-мало 2¹/₂ сажени, т. е. какъ спускъ съ крыши одно-этажнаго небольшого домика. Первый зигзагъ, составляющій половину S, идетъ по твердому и сухому, зеленю поросшему грунту и неособенно крутъ. Я сходилъ по немъ безъ всякихъ затрудненій. Говорять, и это записано въ протоколѣ судебного слѣдствія, но весьма неопредѣленно и глухо, что послѣ того, какъ въ домѣ помѣщена больница Краснаго Креста, сдѣлана выемка, тропа расширена. Незнаю, произошли ли какія либо перемѣны въ этой части спуска, можетъ быть слово выемка относилось къ другой части спуска. Сторожъ, который водилъ меня, утверждалъ, что первая верхняя половина спуска совсѣмъ не тронута. Но другой зигзагъ, другая часть спуска подверглась нѣкоторому весьма незначительному исправленію, которое, неизмѣняя его вида, облегчаетъ работу спускающейся стопы; въ немъ сдѣланы насѣчки горизонтально въ видѣ ступенекъ. Когда я былъ въ сентябрѣ, да и теперь, ни-

какихъ камешковъ не было, но изъ протокола, отъ 27 февраля, видно, что мелкій щебень, оставшійся, вѣроятно, отъ насѣчекъ, мѣшалъ осматривавшимъ. Теперь по ступенькамъ сходить удобно, тогда же не отрицаю, что было трудненько; рискнулъ ли бы я сходить въ мои 50 лѣтъ,—не знаю, можетъ быть не рискнулъ бы, но во всякомъ случаѣ я замѣчу, что трудность есть понятие относительное и что для насъ спускъ былъ бы un peu gaide въ виду того, что и плотнѣе мы и главное менѣе гибки наши мускулы и кости, то ни по чемъ для дѣвушки молодой, бойкой, отважной, воспитанной не для салона, но имѣющей почти мужскій складъ ума и сильную волю. Правда, что сходъ затруднительнѣе ночью, но вспомнимъ, что это былъ садъ дома, гдѣ проживала Н. А. цѣлую недѣлю, и что ночь была хотя и облачная, но лунная, слѣдовательно, дающая полную возможность ориентироваться, какъ днемъ. Сходили же по этой тропѣ во время поисковъ за Ниною, кромѣ братьевъ Чхотуа, Цинамзгваровъ, полиціймейстеръ Меликъ-Бегляровъ, Исарловъ и самъ слѣдователь; а Бѣликъ и Сулхановъ сходили только до половины, до родниковъ. Мало того, на судебномъ слѣдствіи Гоцеридзе, лакей Цинамзгварова, показалъ, что видѣлъ какъ малютка Николаева, дочь лѣснаго сторожа, спускалась къ Курѣ по тропинкѣ. Всѣ они охали и жаловались на боль въ спинѣ, нѣкоторые пользовались помощью полицейскихъ на спускѣ. Тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что спускъ былъ возможенъ, а не опасенъ, что до нижней площадки на скалѣ, въ 12 шаговъ длины и 5 ширины, съ которой былъ сходъ въ рѣку, могла Н. Андреевская рѣшиться сойти и исполнить свое намѣреніе, не дѣлая никакого tour de force, не обладая никакими акробатическими способностями, кромѣ здоровыхъ и гибкихъ мускуловъ. Возможность подтверждается и показаніемъ кн. Варвары Тумановой, что въ день происшествія Н. Андреевская ходила по спуску и спрашивала про мѣсто, гдѣ купаться. Даже и окружный судъ не поставилъ крутизну спуска

въ шеренгу уликъ, онъ зачислилъ туда только сухіе и чистые сапожки. Приходится именно объ нихъ и говорить теперь.

На площадкѣ у берега лежали въ образцовомъ порядкѣ, заставляющемъ вѣрить въ купаніе, либо предполагать весьма тонкое, умное, хладнокровно обдуманное воспроизведеніе искусственныхъ сборовъ къ купанію, сначала поясокъ, потомъ кофточка, на ней платье съ грязными пятнами и разорваннымъ подоломъ, а рядомъ съ платьемъ пара опорокъ отъ ботинокъ старыхъ и поношенныхъ, поставленныхъ рядышкомъ, носками къ рѣкѣ, но совершенно сухихъ. Въ актѣ, составленномъ въ 4^{1/2} ч. утра, значитса, что на этихъ ботинкахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ засохшей грязи. По словамъ главныхъ свидѣтелей, Цинамзгварова и Меликъ-Беглярова, 22 іюля, съ половины высоты обрыва, сочилась вода изъ родниковъ и воды было больше, нежели потомъ, нежели теперь, потому что родникъ обдѣланъ кирпичемъ, послѣ чего вода течетъ теперь струею, а тогда она, вѣроятно, стекала сплошною, тонкою массою. Бегляровъ утверждалъ, что послѣ спуска по тропинкѣ сапоги его были совершенно грязные, но напротивъ, тѣ ботинки были совсѣмъ красноватыя съ замѣтными слѣдами зелени. Цинамзгваровъ утверждаетъ тоже, что на подошвахъ были замѣтны слѣды травы и зелени. Этотъ отрицательный признакъ и былъ точно лучъ свѣта, съ этой минуты Цинамзгваровъ увѣровалъ въ преступленіе. Чтобы оцѣнить этотъ признакъ по достоинству, отдѣливъ его отъ всякихъ отгѣняющихъ его субъективныхъ возрѣній, нужно принять въ соображеніе: 1) время наблюденій, 2) свойства какъ грунта, такъ и стекающей воды въ лѣтнее время, безъ дождей. Прежде всего я долженъ замѣтить, что въ Тифлисѣ, имѣющемъ вообще грунтъ скалистый, не бываетъ и не можетъ быть грязи иначе, какъ послѣ дождя. Ея не бываетъ и быть не можетъ въ скалистомъ грунтѣ, даже тамъ, гдѣ родники, развѣ грязь эта образуется искусственно, когда, топча

ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ, разболтаютъ сочащуюся влагу. Я понимаю, что теперь, когда родникъ выложенъ кирпичемъ и превращенъ въ одну струю, т. е. въ ручеекъ водообильный, многократно проходя по немъ толпой, можно его взбаламутить и получить на сапогахъ сланцевые и иловые слѣды. Но даже и по этой чистой струѣ, если идетъ только одинъ, то онъ можетъ лишь замочиться, а не загрязниться, тѣмъ болѣе въ то время, когда вода тонкимъ и широкимъ слоемъ покрывала скалистый бокъ обрыва. Что касается до грязныхъ сапогъ Меликъ-Беглярова, то еслибы свидѣтели припомнили, что ихъ имъ показывалъ Меликъ-Бегляровъ, я думаю, онъ могъ загрязниться, потому что былъ на обрывѣ въ особенныхъ обстоятельствахъ 22 іюля, послѣ обоихъ Чхотуа, Цинамзгварова, Бѣллика, Сулханова да мало ли кого, когда на всей скалѣ виднѣлись слѣды сапоговъ, слѣды истоптанные и размазанные. И такъ, я полагаю, что не грязь слѣдуетъ искать, не на ней останавливаться, а главнымъ образомъ имѣть въ виду сухость или мокроту. Извѣстно, что г. Тифлисъ имѣетъ одинъ изъ самыхъ сухихъ климатовъ въ мірѣ, въ особенности въ бездождное лѣтнее время, въ концѣ знойнаго іюля, при 30 гр. жары. Съ 8¹/₂ ч. до 4¹/₂ ч., когда былъ составленъ протоколъ Кобіевымъ, прошло 7 часовъ, въ теченіе которыхъ всякіе сапоги могли просохнуть. Относительно ихъ мокроты во время, болѣе близкое къ происшествію, мы ограничимся только показаніемъ Цинамзгварова и Беглярова. Оба наблюдали поздно и при огненномъ свѣтѣ, даже не въ комнатѣ, а на площадкѣ, гдѣ вещи такъ и лежали до прибытія слѣдователя Кобіева.

Согласитесь, гг. судьи, что эти условія крайне неудобны для изслѣдованія цвѣтовъ. Я по первому показанію Цинамзгварова, данному 30 октября, опредѣляю такимъ образомъ время: узнали о происшествіи около 12 часовъ, въ половинѣ перваго; въ часъ ночи поѣхали вмѣстѣ съ Бегляровымъ къ Варварѣ Андреевской. Оба

видѣли площадку, и сапоги около половины второго, слѣдовательно, опять черезъ 4 часа послѣ происшествія, когда незначительная мокрота могла просохнуть. Но ихъ показанія именно такого рода, что если принять ихъ за сущую правду, то надо положительно заключить, что подошвы ботинокъ были весьма мокры и мокротою именно родника. Старыя изношенныя опорки отъ ботинокъ имѣютъ сѣро-желтый цвѣтъ нежженной охры съ тушью, между тѣмъ, по Беглярову, подошвы были красноватая, но Цинамзгваровъ утверждаетъ, что подошвы были красны, а кожа старая, не полированная, бываетъ всегда томнокрасная и коричневая, когда ее намочить; что же касается до зелени, то она необъяснима ничѣмъ другимъ, кромѣ соприкосновенія съ тѣми слизистыми водорослями въ водѣ, нити которыхъ всегда заводятся въ топкой влагѣ, на скалистомъ грунтѣ подлѣ ручейковъ. Н. А. нигдѣ не была, гдѣ бы могла къ подошвѣ пристать зелень, зелень сада въ концѣ іюля не была сочною, слѣдовательно, если допустить слѣдъ зелени, а онъ подтвержденъ произведенной экспертизой, то отъ водорослей на нашей колѣѣ, а слѣдовательно, въ связи съ темнокоричневымъ цвѣтомъ подошвъ прямо доказываетъ, что Н. А. прошла чрезъ родникъ.

Замѣчательно то, что при осмотрѣ обуви Кобіевымъ въ 4¹/₂ ч. утра, при тѣхъ же гг. Цинамзгваровѣ и Меликъ-Бегляровѣ признакъ зелени вовсе въ протоколъ не занесенъ, изъ чего я усматриваю, что на глазъ его не было видно, что проходя черезъ столько рукъ, онъ стерся, какъ стереться могли и слѣды грязи на ботинкахъ, которая, если была, то, конечно, самая неглубокая. Однимъ словомъ, либо пятна зелени были, и они доказываютъ присутствіе родника, а ихъ исчезновеніе доказываетъ, что проходя черезъ много рукъ, ботинки потеряли всѣ характерныя особенности, которыя имѣли, когда стояли на площадкѣ; либо зелени вовсе не было, такъ что, рассматривая ботинки второпяхъ при свѣчѣхъ или факелѣ, Цинамзгваровъ или Бегляровъ увидѣли чего не

было, зеленъ имъ померещилась, но въ такомъ случаѣ и показанія ихъ о сухости подошвъ не достовѣрны; неизвѣстно каковы были ботинки, въ пяти часамъ утра они успѣли окончателъно просохнуть. Такимъ образомъ выходить слѣдующее: было обстоятельство столь важное, что его сразу приняли за рѣшительное доказательство преступленія. Лица, сдѣлавшія это открытіе, сейчасъ пошли обыскивать, арестовывать, строить воздушныя замки гипотезъ для объясненія мотивовъ, а между тѣмъ самого то обстоятельства не констатировали какъ слѣдуетъ, не описали, вслѣдствіе чего оно и выходить въ уголовномъ отношеніи никуда негоднымъ, какимъ то не то жировымъ, не то кровянымъ пятномъ, изъ котораго самый тщательный химикъ, анализируя, ничего вывести не въ состояніи, а между тѣмъ это и есть единственный кирпичъ, на которомъ зиждется все зданіе, вся пирамида обвиненія, имѣющая вопреки статикѣ узкое основаніе и широкую вершину въ самомъ неустойчивомъ равновѣсіи.

Послѣ разбора улики, основанной на ботинкахъ, о физической невозможности утонутія не можетъ быть и рѣчи. Остаются соображенія, заимствованныя уже не изъ области физики и статики, и уже гораздо менѣе рѣшительныя, основанныя на психологіи, на серьезныхъ свойствахъ ума и характера, которыя, по мнѣнію суда, мѣшали молодой дѣвушкѣ купаться, на ея привычкахъ, потому что не могла она купаться въ бѣльѣ, не могла она купаться во время регуль. Между тѣмъ всякія психологическія задачи труднѣе рѣшать нежели физическія, потому что дѣятельность человѣка не чисто рефлекторная и какъ элементъ въ нихъ входитъ тотъ X, который одними называется свободнымъ произволомъ, а другими—способностью противопоставлять внѣшнимъ мотивамъ тѣ неисчислимыя сонмы идей и представленій, которыя составляютъ содержаніе нашего сознанія. Какъ бы то не было и эта новая категорія уликъ физико-психологическихъ, блѣдныхъ, не ясныхъ должна

быть разобрана и упразднена. Я полагаю, что она упразднится несравненно легче даже, нежели улики, почерпанные изъ законовъ физики и изъ свойствъ матеріи.

Въ *visum reperitum* 25 іюля 1876 г. есть слѣдующія слова: *слизистая оболочка влагалища блѣдна*. Никѣмъ незамѣченный, этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе. Онъ доказываетъ, что въ моментъ купанья не только прошла менструація съ ея признаками, но прошло послѣдующее послѣ выдѣленія крови выдѣленіе бѣлей или, по крайней мѣрѣ, что послѣ менструаціи продолжалось только выдѣленіе бѣлей, которыхъ слѣды найдены на правомъ рукавѣ рубашки, но которыхъ во все не найдено на кальсонахъ.

Оно такъ и должно быть по рассказамъ прачки. По словамъ г-жи Зуевой регулы впервые были въ гостиницѣ, куда пріѣхала Андреевская, какъ извѣстно, 29-го іюня, а такъ какъ, по словамъ Зуевой, регулы бывали черезъ 3 недѣли, то регулы должны были быть ко времени убійства. Они и были дѣйствительно. За два или за три дня до убійства, слѣдовательно 19-го или 20-го іюля, г-жѣ Зуевой дано было бѣлье, въ томъ числѣ извѣстныхъ женскія тряпки, окровавленные, изъ чего г-жа Зуева и заключила, что регулы имѣли мѣсто за 5 дней до убійства, т. е. около 17-го іюля; кусковъ этихъ было всего 5; изъ факта ихъ отдачи я могу заключить, что періодъ регулъ кончился. Да и спросите любого доктора, могутъ ли онѣ 5 дней продолжаться. Нинѣ такъ нужно было бѣлье, что, отдавъ его 19-го, она уже ѣздила 22-го къ прачкѣ просить о доставкѣ его немедленно; прачка и приняла все бѣлье и съ этими тряпками, 23 или 24 іюля, вмѣстѣ съ запискою Нины. И то и другое получила Безирганова, заплатившая за бѣлье 2 р. 50 к.

Настоящая экспертиза единогласно согласилась, что въ моментъ купанья у Нины Андреевской не было уже кровей. Войдите же теперь въ положеніе чистошлотной женщины, у которой только что кончились регулы. У нея должна быть неодолима физиологическая потреб-

ность вымыться, каковы не были бы серьезные или не серьезные свойства ея ума и характера. Когда является физиологическая потребность, то какой вздоръ толковать про свойства ума и характера.

А что, имѣя надобность выкупаться, она прямо отправилась тайкомъ, никому не сказавъ, въ Куру, это настолько естественно, какъ то, что когда кто голоденъ, то отправится поѣсть въ первый ближайшій трактиръ. Въ пользу этого предположенія говорить не только бойкость и неутомимость ея характера, ея всёми извѣстная и всёми удостовѣряемая эксцентричность, но и та масса имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, что она постоянно была занята идеею купанья въ Курѣ, что ее подмывало идти окунуться въ струяхъ этой рѣки. Сюда относятся всѣ разговоры Н. Андреевской съ разными лицами о грязной водѣ въ р. Курѣ и о томъ, что она бы не рѣшилась купаться. Изъ отзывовъ Автандилова, Сулханова и друг. видно, что она заводила съ ними разговоры объ этомъ именно предметѣ, а если относилась къ этой идеѣ отрицательно, скажу, что $\frac{9}{10}$ всего числа дѣвушекъ отнесли бы на языке отрицательно въ самой эксцентричной выходѣ, напимѣръ, поѣхать въ маскарадъ или куда нибудь на пикникъ. Не ожидать же отъ нея, что она скажетъ: а вотъ я такъ пойду купаться; не ожидать же, что она скажетъ: я тогда и тогда буду купаться.

Подобнаго рода заявленія были бы граничащею съ идиотизмомъ простотой, или болѣе, чѣмъ кокетствомъ. Ни то, ни другое не было присуще Н. Андреевской.

Съ посторонними она заводила только разговоры, не высказывалась, но съ близкими она не таилась и не хитрила, какъ говоритъ В. Андреевская. Матери она прямо сказала, что попробуетъ разъ выкупаться. Помните показаніе на судебномъ слѣдствіи кн. Варвары Тумановой, что въ Кисловодскѣ, въ 1866 году, Н. Андреевская купалась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не рѣшился бы купаться и мужчина. Помните ея же слова,

что В. Андреевская передавала ей послѣ событія, слѣдовательно утромъ 23-го іюля, слышанное отъ прислуги, что 22-го іюля Нина спускалась къ Курфѣ, распрашивала прислугу и Н. Чхотуа, гдѣ мельче, и вы повѣрите словамъ обоихъ Чхотуа, что она выражала имъ намѣреніе выкупаться. Это совсѣмъ на нее похоже, пойти купаться въ 10 часовъ, говоритъ княгиня Туманова.

Но если она рѣшилась купаться, то, раздѣваясь, она должна была скинуть и бѣлье, должна была взять съ собою перемѣну бѣлья, простыню. Такъ судило общество, такъ судили даже знакомые, даже родные, на примѣръ, кн. Кетевана Орбелиани, но знающіе жизнь въ извѣстномъ домѣ лишь по наружности, по входу съ передняго крыльца. Если предположить, что убійцы Н. Андреевской хотѣли сочинить поддѣльное утопленіе и расположили для виду платье на площадѣ въ порядкѣ естественнаго раздѣванія, то, во что бы то ни стало, они должны были снять и бѣлье, тѣмъ болѣе, что оно оказалось не окровавленнымъ, за исключеніемъ тѣхъ незначительныхъ крапинокъ, доказывающихъ, что оно было грязно, когда его одѣла Н. Андреевская. Но, гдѣ судьи, судебное изслѣдованіе имѣетъ свои громкія прерогативы, оно ходитъ съ задняго крыльца и наблюдаетъ человѣка *en déshabillé*. Такихъ неожиданностей и тутъ много, противорѣчащихъ ходячимъ понятіямъ о комфортѣ въ семьѣ, во всякомъ случаѣ богатой. На Нинѣ Андреевской было, несомнѣнно, грубое и сильно заношенное бѣлье, кальсоны заплатанные и на заднихъ частяхъ, и на колѣнахъ. Рубаха испещрена кровяными крапинками, башмаки съ покривившимися каблуками весьма не элегантнаго свойства. Изъ показанія В. Андреевской явствуетъ,—прошу извиненія за подробность, но суду не присуще чувство стыдливости,—что Н. Андреевскою выливаемо было за окно содержимое ночного горшка. Добавьте незначительность багажа, отдачу всего бѣлья прачкѣ; тогда и явится предположеніе, что мо-

жетъ и не быть губки, можетъ и не быть другой простыни, а былъ такой расчетъ, что, снявъ рубашку и кальсоны, Нина, надѣвъ платье, кофту и на голую ногу широкія опорки, доберется до дому такимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ воду она могла пойти только въ бѣльѣ, одѣтая, во-первыхъ, потому, что хотя ночью, но купанье происходитъ все-таки въ Тифлисъ, во-вторыхъ, что бойкая дѣвушка, наѣздница, артистка, читавшая Геккеля и Дарвина и удивлявшая рѣзкостью своихъ словъ и смѣлостью поступковъ, была нѣчто въ родѣ Карла XII, крайне застѣнчивая, стыдливая, мечтавшая также остаться на вѣкъ дѣвицею. Стыдливость ея была столь неслыханно велика, что даже въ баню ходила она въ рубашкѣ. Старуха служанка Хончикашвили говоритъ: «Разъ была я въ банѣ съ Андреевскими; барышня парилась въ рубашкѣ и только потомъ раздѣлась». Мать, В. Андреевская, удостовѣряетъ, что она всегда мылась въ рубашкѣ, и когда ей приходилось снимать рубашку и закутываться въ простыню, она даже ей никогда не показывалась въ одной рубашкѣ, а выходила совсѣмъ одѣтая. Если родная мать, которая въ концѣ концовъ увѣрилась въ убійствѣ, твердила, что Н. Андреевская могла сойти въ однихъ чулкахъ безъ ботинокъ, что она не могла снять бѣлья, но могла не взять съ собою простыни, то по какому же праву и на какомъ основаніи могъ усомниться въ этомъ судъ, менѣе знающій Н. Андреевскую, чѣмъ родная мать. Спущенные чулки ничего не значатъ, если трупъ, хотя нѣкоторое время, плылъ впередъ головою а не ногами, а неизвѣстно какъ онъ плылъ, когда его изловили Пидуа.

И такъ, и эти улики пропадаютъ. У средневѣковыхъ юристовъ для доказательства убійства требовалось тѣло убитаго, *corpus delicti*. Здѣсь есть *corpus*, но весьма сомнительно, есть ли это *corpus delicti*. Можетъ быть утоплена, можетъ быть задушена, но безъ давленія на

горло, а однимъ изъ способовъ въ романахъ только встрѣчающихся, напимѣръ, приложеніемъ пластыря и прегражденіемъ дыханія, а можетъ быть и утонула. Чтобы обличить убійство, необходимо доказать, что ее извѣстные люди убивали, поймать ихъ на самомъ дѣяніи убійства, а затѣмъ, такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины и злодѣянія безъ мотива, то доискаться личныхъ цѣлей убійства; необходимы доказательства не самаго дѣла, а преступнаго дѣянія подсудимыхъ. Такихъ доказательствъ нѣтъ, актъ дѣянія покрытъ совершеннымъ мракомъ. Ставятъ улики, которыя относятся либо къ области приготовленій, либо къ области сокрытія слѣдовъ преступления, о мотивахъ никто и не думаетъ; зачѣмъ ихъ доискиваться? Эти изслѣдованія разсматриваются, вѣроятно, какъ роскошь. Если предшествующіе мои доводы успѣли хоть сколько нибудь пошатнуть убѣжденіе въ наличности *corpus delicti*, то, конечно, остальной анализъ дѣйствій приготовительныхъ къ акту, который можетъ быть и не былъ, или охранительныхъ, когда преслѣдованіе уже висѣло надъ головами подозрѣваемыхъ не имѣетъ никакого значенія.

Но я долженъ сразиться и съ этими личными уликами противъ cadaго изъ подсудимыхъ, дабы доказать, что это псевдоулики, хитроумныя натяжки, что въ силу предвзятой идеи, каждое лыко шло въ строку, что каждый безцѣльнѣйшій предметъ превращался въ рѣжущій инструментъ, топоръ или револьверъ, противъ подсудимыхъ и въ особенности противъ главнаго, Чхотуа, потому что объ остальныхъ мало и думали, они такъ и шли безъ счету и числа въ придачу.

И такъ, разберемъ прежде всего личныя улики противъ Д. Чхотуа, подраздѣливъ ихъ на приготовительныя и послѣдовавшія за преступленіемъ, изъ которыхъ я постараюсь потомъ доказать, что только первыя имѣли бы значеніе, а послѣднія никакого.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію уликъ противъ Д. Чхотуа. Главною уликою являются собаки. Въ домѣ

Шарвашидзе ихъ было 5 или 6. Онѣ были особенно злыя, кусались, не пропускали постороннихъ, но своихъ домашнихъ знали, и повидимому, и Андреевскія освоились съ ними, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ нѣтъ намековъ, чтобы собаки беспокоили ихъ, и чтобы люди, по приѣздѣ Андреевскихъ, были озабочены униманіемъ собакъ. Прочіе же входили во дворъ только при комъ нибудь изъ домашнихъ, всего же чаще при помощи садовника Мгеладзе, который и жилъ въ сторожкѣ у воротъ двора. Между этими собаками самая большая, сильная и злая была одна, которая была между ними первая и главная, въ родѣ старшины. Свидѣтель Кадуринъ удостовѣрилъ, что за недѣлю до событія, слѣдовательно когда Андреевскія только что вѣхали въ домъ, Д. Чхотуа просилъ яду у Кадурина, чтобы отравить собаку, такъ какъ она могла взбѣситься, но Кадуринъ посовѣтовалъ ему подождать. Въ дѣлѣ есть еще болѣе раннія доказательства, что собакъ опасались. Въ счетахъ Д. Чхотуа подъ № 22 значится на 21 іюня, что коновалу дано 2 руб. за леченіе собакъ. Случилось, что свое давнишнее намѣреніе убить собаку Д. Чхотуа привелъ въ исполненіе какъ разъ въ роковое число 22 іюля. Вечеромъ того числа, часовъ въ 8, онъ приказалъ ее убить садовнику Мгеладзе, что Мгеладзе и сдѣлалъ, убивъ ее палкою, которая и найдена 23 іюля утромъ въ кухнѣ окровленной съ прилипшими къ ней шерстинками. Но въ соображеніи г. Цинамзгварова, присутствовавшего при ея осмотрѣ, палка эта превратилась потомъ въ топоръ, какъ онъ это показалъ 30 октября.

Остальныя собаки присмирѣли, не лаяли, оно такъ и должно было быть послѣ того, какъ изведенъ былъ подзадоривавшій ихъ собратъ. Были ли онѣ заперты, или такъ гдѣ нибудь припрятались, не извѣстно; очень можетъ быть, что онѣ не были заперты, такъ какъ одна изъ нихъ попала подъ ноги приѣхавшей въ 10¹/₂ часовъ княгинѣ Варварѣ Тумановой. Отсутствие собакъ обратило на себя вниманіе розыщиковъ въ самую ночь

событія и породило предположеніе, что собаки были заперты и заперты по приказанію Чхотуа. Фактъ этотъ непосредственно извѣстенъ только Д. Чхотуа и Мгеладзе, но во время слѣдствія онъ явился обставленнымъ мельчайшими подробностями. Говорили, нпр., о какомъ то опрокинутомъ корытѣ съ помоями, о закладкѣ двери сторожки полѣномъ. Но тутъ представляется такая особенность, что все показаніе Мгеладзе признано судомъ романомъ, совершенно какъ зачумленное, какъ вынужденное спайваніемъ и подкупомъ. Самъ Мгеладзе умеръ. Фактъ запиранія собакъ выяснился такимъ образомъ изъ вторыхъ источниковъ, а именно: 1) изъ показаній Цинамзгварова и Беглярова, которые распрашивали и прислугу, и Чхотуа о собакахъ ночью въ саду и 2) изъ показаній другихъ лицъ, имѣвшихъ съ Д. Чхотуа разговоры о собакахъ впоследствии. Что касается до Цинамзгварова и Беглярова, то ихъ роль, которую я разберу послѣ, не такова, чтобы ихъ собственно можно было назвать свидѣтелями; они скорѣе были доводчики, ближайшіе дѣятели въ созиданіи легенды о таинственныхъ незнакомцахъ, о фэтонахъ и т. д. Но въ дѣлѣ еще приведенъ цѣлый рядъ показаній людей, которыхъ приставили къ Д. Чхотуа послѣ того, какъ онъ сдѣланъ былъ кандидатомъ въ тюремные сидѣльцы, на похоронахъ и послѣ похоронъ. Прочтите, господа судьи, всѣ эти показанія, и вы не найдете, чтобы имъ признавался Д. Чхотуа, что онъ приказалъ запереть собакъ. Таковы показанія Умикова, Меликова, Ивана Месхи, Мозгварова. Они отозвались въ томъ смыслѣ, что когда приставали къ Чхотуа относительно запиранія собакъ, то онъ отражалъ эти нападки, не говоря, что онъ приказалъ запереть, а говоря: „ну и что же, если были заперты, ихъ заперли, чтобы онѣ не кусались и чтобы не мѣшали розыскамъ.“ Итакъ, сомнительно, по приказанію ли Д. Чхотуа заперъ собакъ Мгеладзе, а можетъ быть ихъ и вовсе не запирали. Несомнѣнно только, что самая боль-

шая изъ собакъ была убита. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что Д. Чхотуа старался облегчить нешумный доступъ въ садъ таинственнымъ незнакомцамъ? Какимъ? Доказано ли существованіе этихъ незнакомцевъ, не легенда ли они? А такъ какъ устраняются показанія Мгеладзе и Коридзе, то кто ихъ видѣлъ? Господа судьи, здѣсь допущенъ, по моему, такой антилогичный пріемъ: запираніемъ собакъ, доказывается входъ незнакомцевъ, а входъ незнакомцевъ объясняется запираніемъ собакъ, при чемъ теряется изъ виду, что является уравненіе съ двумя неизвѣстными безъ извѣстныхъ величинъ; теряется изъ виду, что запираніе собакъ не имѣетъ смысла, коль скоро допускается, какъ это сдѣлано въ приговорѣ, совмѣстное убіеніе Н. Андреевской и домашними, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, и незнакомцами извнѣ, въ составѣ тоже пожалуй 4 человѣкъ. Господа судьи, для того, чтобы справиться съ дѣвушкой 25-ти лѣтъ, не надо восьми человѣкъ, довольно двухъ или трехъ. Если въ заговорѣ были домашніе, двое Чхотуа, Коридзе, Мгеладзе, Габисонія, то, убивъ Н. Андреевскую, они могли сдать ее чрезъ ворота незнакомцамъ, съ тѣмъ чтобы припрятать трупъ. Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ убивать собакъ, такъ какъ дворъ и ворота находились внѣ наблюденій В. Андреевской. Или убійство совершили невѣдомые незнакомцы, то тогда не однѣхъ собакъ надлежало припрятать и удалить, но и Коридзе, и Мгеладзе, и Габисонію, и я не понимаю, зачѣмъ послѣдній на скамьѣ подсудимыхъ, такъ какъ достаточно было посадить одного Д. Чхотуа. Во всякомъ случаѣ улика, заключающаяся въ собакахъ, далекая и подлежитъ многоразличнымъ толкованіямъ.

Какія же другія? Штаны, мозольные кружки и галстухъ, изобрѣтенные для сочиненія поддѣльнаго alibi. Или я ничего не смыслю въ дѣлахъ уголовныхъ, или по вопросу объ этомъ alibi существуетъ странное недоразумѣніе. Признаюсь, я этого alibi не понимаю, и вотъ по какимъ соображеніямъ: я думаю, что эта улика не улика, что она походитъ на колесо вѣтренной мельницы,

съ которымъ пресерьезно сражалось обвиненіе, не подозрѣвая, что оно неодушевленный предметъ.

Alibi называется отводъ со стороны обвиняемаго, основанный на томъ, что онъ не былъ на мѣстѣ преступленія въ моментъ совершенія его. Преступленіе совершено въ промежутокъ времени получасовой, между моментомъ, когда Н. Андреевская вышла со свѣчкою изъ комнаты матери и моментомъ, когда В. Андреевская стала искать свою дочь. Судь опредѣляетъ этотъ промежутокъ равнымъ отъ времени послѣ 9 часовъ до 9³/₄ часа, но точное опредѣленіе времени здѣсь ни причемъ. Д. Чхотуа могъ думать, что онъ возвратился въ 10¹/₄ часа, но главное то, что онъ уже спалъ или притворился спящимъ въ моментъ началія поисковъ, т. е. въ 9³/₄ часа, а передъ тѣмъ вернулся, раздѣлся и расположился спать, на что нужно полчаса, слѣдовательно, что онъ несомнѣнно былъ въ своей квартирѣ въ единственные полчаса, потребные для лишенія жизни Н. Андреевской, внѣ которыхъ преступленіе и не мыслимо.

При такихъ условіяхъ разыскиваніе того, гдѣ былъ Чхотуа вечеромъ, прежде чѣмъ онъ возвратился домой, не имѣетъ никакого соотношенія къ alibi его, есть работа столь же праздная, какою, напр., была бы повѣрка того, что онъ ѣлъ за обѣдомъ, рыбу или говядину, или въ какомъ онъ былъ сюртукѣ, сѣромъ или черномъ. Ну, не ужиналъ Д. Чхотуа въ гостиницѣ «Европа», хотя объ этомъ и не произведено изслѣдованія, не покупалъ онъ въ аптекѣ у провизора Канделяки хинныхъ порошковъ и мозольныхъ кружковъ 22 іюля вечеромъ, а утромъ, хотя записка въ книгѣ едва ли что нибудь доказываетъ и неизвѣстно, не записывались ли продаваемые медикаменты заразъ, а не постепенно. Ну, положимъ, совралъ въ этомъ отношеніи Д. Чхотуа. Можетъ быть галстухъ онъ купилъ у Чарухчіанца не 22, а 23 іюля, хотя такіе шарфы продавались у Чарухчіанца и 21, и 22, и хотя изъ показанія обоихъ Чарухчіанцевъ и изъ книги видно, что шарфъ могъ быть купленъ 22

іюля во время до пожара, что совершенно понятно, такъ какъ пожаръ совпалъ съ моментомъ исчезнованія Н. Андреевской. Такого же рода и вопросъ о брюкахъ, хотя онъ и повредилъ, можетъ быть, всего больше Д. Чхотуа, возбудивъ подозрѣніе о какомъ то подстроеномъ доказательствѣ, о стачкѣ между Д. Чхотуа и портнымъ Капанидзе, вслѣдствіе коей Капанидзе и Мдивани на предварительномъ слѣдствіи отозвались, что никакихъ брюкъ Д. Чхотуа имъ не оставлялъ и подтвердили этотъ отвѣтъ, осмотрѣвъ и свои книги, и магазинный гардеробъ, а при судебномъ слѣдствіи они и новый приказчикъ Шахнабазовъ представили тѣ самыя брюки, какъ завалывшіеся между старыми вещами. Но это дѣло до того выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, что настоящія, несомнѣнныя, фальсификаціи проходили въ немъ безслѣдно, зато и подлинное принималось иногда за фальшивое, какъ нпр., находка брюкъ, которую я положительно отношу къ числу неподдѣльныхъ фактовъ, на томъ основаніи, что эти брюки не имѣютъ къ дѣлу никакого соотношенія и слѣдовательно сочинять этотъ фактъ въ сообществѣ съ портными для Чхотуа не представляло никакого интереса. Я въ такомъ видѣ представляю себѣ это произшествіе: когда пошелъ таинственный розыскъ по всѣмъ направленіямъ по таинственному дѣлу, преступленію, которое по своей обстановкѣ поражало воображеніе и ужасало будто бы своими размѣрами, всякій, кромѣ тѣхъ, которые явились добровольцами—сыщиками, старались, сколько могли, не быть задѣтыми, чтобы не попасть въ какую то прикосновенность съ убійцами. Вотъ! почему и Капанидзе съ Мдивани, изъ малодушія и трусости, промолчали, о брюкахъ, но когда дѣло пошло на судъ, Шахнабазовъ прочелъ обвинительный актъ и магазинщики пораскусили въ чемъ дѣло и какое значеніе имѣютъ брюки, всѣмъ имъ жалъ сдѣлалось, что можетъ быть они напрасно повредили Чхотуа, они и предъявили въ интересахъ правды брюки, но оказали Д. Чхотуа медвѣжьёю

услугу, потому что ихъ запоздалое поличное отвергнуто какъ плодъ ихъ стачки съ Д. Чхотуа. Оставимъ, впрочемъ, тотъ споръ, который, по моему, не болѣе, какъ водотолченіе. Допустимъ что Д. Чхотуа совралъ. Что же изъ этого слѣдуетъ по дѣлу объ убійствѣ? Развѣ судъ засѣдаетъ, чтобы судить о нравственныхъ грѣшкахъ Д. Чхотуа? Предоставимъ это дѣло его бесѣдѣ съ священникомъ на духу. Развѣ мы не знаемъ вралей постоянныхъ, вралей безъ мотива, вралей, которые постоянно и безъ интереса врутъ. Никто же ихъ еще не судилъ какъ за убійство. Мало того, вы, господа судьи даже и относиться къ этому вранью не можете, какъ отнесся бы посторонній человѣкъ, съ осужденіемъ и негодованіемъ. Вы должны устранить это обстоятельство, какъ къ дѣлу не подходящее, на основаніи того, что вы слуги закона, вы судите по законамъ, а преслѣдованіе обвиняемаго только за то, что онъ вралъ, прямо противно духу судебныхъ уставовъ. Въ старой инквизиціонной процедурѣ, гдѣ доискивались прежде всего собственнаго признанія подсудимаго, я понимаю, что искренность или не искренность подсудимаго играли роль, и въ числѣ уликъ преступленія было то, что подсудимый дѣлалъ на слѣдствіи разнорѣчивыя, а слѣдовательно ложныя, или просто лживыя показанія. Но замѣтите, что за то онъ могъ быть оставленъ только въ подозрѣніи, а лучшія постановленія нашей старой магистратуры направлены къ тому, чтобы на такой фактъ не обращалось даже вниманія. вмѣсто инквизиціи мы дожили до процесса состязательнаго. Первое условіе состязанія-свобода дѣйствій, возможность употребленія подсудимыми всѣхъ средствъ къ оправданію безъ малѣйшаго разбора; никто не можетъ ему воспретить употреблять даже ложь и, *summum jus summa injuria*. Въ нашемъ новомъ судѣ отношеніе его къ подсудимому таково — извините за нѣсколько тривіальныхъ выраженія: защищайся чѣмъ угодно, ври сколько душѣ угодно, тѣмъ покойнѣй будетъ судья, что все вышло наружу, интрига не оста-

лась скрытою. Судья будетъ судить не по твоимъ словамъ, которыя, какъ слова заинтересованнаго, подозрительны, но по обстоятельствамъ дѣла, въ число которыхъ войдутъ факты дѣла, но не твоя ложь, но не твое поведеніе при слѣдствіи. Въ судѣ съ присяжными показанія при слѣдствіи подсудимаго вовсе не читаются, такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ, какъ онъ защищался при слѣдствіи. Да если бы онъ вралъ и на судѣ, то ни одинъ изъ предсѣдателей не остановитъ его, не будетъ объяснять присяжнымъ, чтобъ они на эту ложь не обращали вниманія, а его предупреждать, что до истины можно добраться умомъ, помимо всѣхъ усилій подсудимыхъ затемнить истину и безъ вымучиванія у него признанія. Въ судѣ безъ присяжныхъ есть другое средство противъ увлеченія негодованіемъ, возбужденнымъ ложью: мотивація приговора. — Подсудимый, защищаясь, на что онъ имѣетъ право, ставитъ отводъ объ alibi. Отводъ этотъ, по несостоятельности, отвергнуть; и такъ, слѣдуетъ, что подсудимый былъ на мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія, былъ въ домѣ Шарвашидзе. Да онъ этого и не отвергалъ, будутъ ли ему вѣрить, что онъ уже спалъ, или повѣримъ ли мы другимъ лицамъ, которые будто бы отъ него слышали, что онъ читалъ газету, собираясь спать. Фактъ этотъ весьма сомнительный, такъ какъ въ его комнатѣ было темно, свѣча не свѣтилась, а безъ свѣчки не читаютъ.

Во всякомъ случаѣ опроверженіе alibi не идетъ дальше того, что alibi не было; а превращать отводъ alibi въ самостоятельную улику преступленія есть, по моему, грубая логическая ошибка, принятіе какого то картоннаго доказательства за настоящее. Я отрицаю, какъ одно изъ грубѣйшихъ заблужденій, умозаключеніе суда, что къ нелѣпому предлогу, по мнѣнію суда, подсудимый могъ прибѣгнуть, такъ какъ всякій юристъ знаетъ, что сгораяча, когда подсудимый, хотя бы и не виновный, попадетъ подъ судъ, онъ наговоритъ

вздору для себя же вреднаго короба съ два, а судъ долженъ будетъ установить связь между alibi и преступленіемъ, а не гадать о цѣли съ какою кто вралъ. Цѣль была ясная, чтобы спастись отъ опасности, кажущейся грозюю, отъ каторжныхъ работъ. Мнѣ тяжело даже отвѣчать на двѣ послѣднія улики противъ Чхотуа, до того онѣ представляются натянутыми, на тѣ два—три слова, которыми онъ обмѣнялся съ Габисоніей въ ночь 22-го іюля и на то, что онъ будто бы дѣлалъ притворные поиски трупа у парома. Прислуга уже была охраняема стражею подъ глазами Петренко, значить заподозрѣна въ убійствѣ. Д. Чхотуа оставался на свободѣ, но въ него вшивались жадные взгляды людей, уже заранѣе убѣжденныхъ, что онъ убійца, и слѣдившихъ съ напряженнымъ вниманіемъ Гамлета въ сценѣ съ театромъ, не измѣняется ли онъ въ лицѣ. Въ эту минуту подсудимые перекинулись двумя—тремя словами по грузински, которыхъ никто не слышалъ и которыхъ содержаніе осталось неизвѣстнымъ. Можетъ быть со стороны Габисонія было сказано: «за что насъ арестовали, что намъ дѣлать?» Можетъ быть Д. Чхотуа отвѣтилъ: «не унывайте, держитесь какъ слѣдуетъ, говорите правду» и т. д. Обмѣнъ мыслей тотчасъ же былъ прерванъ Петренко, Колмогородскимъ, Цинамзгваровымъ. Приведеніе такихъ уликъ доказываетъ, что нѣтъ вѣскихъ, нѣтъ настоящихъ, когда платежъ наличными производится выдачею такихъ кусковъ металла, которые совершенно лишены даже формы монетъ.

Еще красивѣе улика съ паромщикомъ, со словъ его, паромщика Кадурина о томъ, что Д. Чхотуа стоялъ долго на берегу,—а можетъ быть онъ отыскивалъ глазами трупъ Нины,—потомъ вымылъ руки, а можетъ быть и голову какъ это дѣлаютъ люди встревоженные, когда желаютъ успокоиться и собрать мысли; затѣмъ, вѣроятно, увидѣвъ его, Кадурина, лежащимъ на паромѣ, пораженный пришедшею ему въ голову мыслию, онъ сталъ съ горячностью спрашивать: не видѣлъ ли па-

ромщикъ утопленника. Въ безсвязности этихъ дѣйствій, происходящихъ отъ внутренней тревоги лица, судъ усматриваетъ явное притворство, притворные поиски за тѣломъ Н. А., о которой Д. Чхотуа извѣстно было, что она не утонула. Чтобы вы сказали, гг. судьи, если бы родственникъ и ближній наслѣдникъ завѣщателя по закону сталъ доказывать недѣйствительность завѣщанія сумасшествіемъ, а сумасшествіе сталъ доказывать невозможностью, чтобы по духовному завѣщанію. онъ, наслѣдникъ по закону, былъ бы устраненъ. Ясно что здѣсь будетъ *retitio principii*, верченіе въ бѣлицемъ колесѣ. Не то ли самое и здѣсь?

Вопросъ о притворствѣ есть вопросъ чисто психологическій, о томъ, что А. зналъ, что чего-то нѣтъ и несмотря на то его искалъ. Еслибы мы не знали по обстановкѣ театральнаго представленія, что мы присутствуемъ при воображаемыхъ и симулированныхъ дѣйствіяхъ, то мы ни какъ не могли бы рѣшить, правду ли мы созерцаемъ или ложь; слѣдовательно и для рѣшенія вопроса, притворялся ли Давидъ Чхотуа, необходимо рѣшить, что Н. А. не утонула и что о неутонутіи ея зналъ Д. Чхотуа и не смотря на то ее искалъ. Но вѣдь и А. и В. суть факты искомые, еще неизвѣстные. Обыкновенно и въ логикѣ, и въ математикѣ идутъ отъ величинъ извѣстныхъ, чтобы опредѣлить неизвѣстныя. Здѣсь же отъ неизвѣстныхъ идемъ къ изслѣдованію неизвѣстныхъ. Вотъ почему и получаютъ нелѣпыя результаты. Лучшимъ опроверженіемъ вывода улики о притворномъ исканіи трупа слушать чрезъ нѣсколько же строкъ слѣдующія золотыя слова суда, къ несчастію, оставшіяся безъ примѣненія, а именно, что наблюденія надъ состояніемъ духа подсудимаго по обнаруженіи преступленія произведены при такомъ тревожномъ состояніи духа самихъ наблюдателей, что лишены гарантіи правильности, сдѣланныхъ имъ тогда находженій. А тревожное состояніе духа подсудимаго не должно ли быть объясняемо не столько утры-

зненіями совѣсти, сколько можетъ быть что оно слѣдствіемъ неловкаго его положенія, слѣдствіемъ устремленнаго на него всеобщаго вниманія, высказываемаго ему почти въ глаза. Какъ жаль, что судъ неостался вѣренъ этой правдивой мысли. Она, будучи послѣдовательно развита, предотвратила бы массу ошибокъ, предварила бы смерть двухъ людей и долговременное содержаніе другихъ подъ стражею.

Съ уликами противъ Д. Чхотуа я кончилъ. Но есть еще другіе подсудимые: братъ Чхотуа, Габисонія, Куридзе и Мгеладзе. Не явствуетъ ли преступность, какъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и всѣхъ съ совокупности, изъ уликъ, имѣющихся противъ остальныхъ подсудимыхъ. Разберемъ эти улики, и прежде всего улики противъ Габисоніи.

У Н. Андреевской было три пары обуви: а) опорки, найденныя у Куры, в) другія, которыя она сняла, вернувшись вечеромъ и раздѣваясь и с) которыя были найдены Цинамзгваровымъ подъ кроватью П. Габисоніи. Относительно сапожковъ этихъ только изъ показанія Цинамзгварова видно, что они была нечищены, но не расслѣдовано, какіе были починенные и какіе непочиненные, такъ какъ былъ сбитъ одинъ каблукъ. Это расслѣдованіе разрѣшило бы всѣ спорные вопросы. Но именно въ настоящемъ дѣлѣ—бездна праздныхъ изслѣдованій, тогда какъ важные пункты оставлены безъ вниманія. Вотъ эти то сапожки и задали работы слѣдователю больше, чѣмъ мозольные кружки и брюки Д. Чхотуа. Какъ и когда они попали къ П. Габисоніи? Это тайна между нимъ и Н. Андреевской. Ее не разрѣшили даже и показанія матери, которыя до того сбивчивы и противорѣчивы, что придется допустить: а) либо, что ея голова ослабѣла, б) либо, что показаній отъ нея добивались, пригоняя ихъ къ извѣстному уже рѣшенію задачи. Такъ, 23 іюля, она показала, что Нина пошла вытряхивать пыль изъ платья. 28 іюля, она-же показала, что Нина, уходя, сказала только слова: «я скоро

прійду». Петру были отданы того же утра Ниной, безъ ея вѣдома, сапоги для починки. Въ показаніи, данномъ 5 ноября въ Одессѣ, говорится: Нина сказала, что сходить въ кухню за полусапожками, которые дала утромъ вычистить повару. Наконецъ, 29 ноября Варвара Андреевская показала, что она не знаетъ, давала ли Нина въ день убійства повару или кому либо сапоги для починки. Сопоставьте эти показанія. Два изъ нихъ несомнѣнно ложны и, по всей вѣроятности, самое ложное отъ 5 ноября, когда одряхлѣвшая мать въ своемъ горѣ увѣровала, что ея Нина мученица, что ее убили. Но это показаніе, очевидно, всего то болѣе и было на руку обвиненію, какъ средство доказать, что, взявъ сапожки для чистки утромъ, Габисонія не возвратилъ ихъ вечеромъ, чтобы заставить барышню прійти въ кухню, гдѣ ее ожидала засада. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы доказать, что сапоги были даны для чистки, но не для починки, и, слѣдовательно, къ разрушенію показанія Габисоніи о томъ, какъ онъ отдавалъ сапоги, бралъ ихъ назадъ, оставлялъ ихъ у пурщика и т. д. Я не въ состояніи разбирать всю эту длинную и главное, бесполезную исторію. Она, по моему, разрѣшается очень просто тѣмъ, что не могъ же Габисонія рассчитывать, что барышня потребуеть чистые сапоги въ 10 ч. ночи, потому что, во-первыхъ, барышня никуда не собиралась, во-вторыхъ, что барышня имѣла другіе сапоги, которые скинула: наконецъ, въ третьихъ, барышни обыкновенно не ходятъ въ кухню, а зовутъ людей, и какъ ни неохотно служила Андреевскимъ чужая прислуга, а все таки на зовъ эта прислуга должна была явиться. Я главнымъ образомъ обращаю вниманіе палаты на то употребленіе, какое судъ сдѣлалъ изъ обстоятельства о ботинкахъ, столь же идущаго къ дѣлу, какъ берлинскій конгрессъ или событія въ Америкѣ къ уликѣ виновности Габисоніи въ убійствѣ. Габисонія, значить, и теперь старается скрыть истину о сапожкахъ, а если онъ старается скрывать,

то для того только, чтобы отклонить подозрѣніе, а кто старается отклонить подозрѣніе, тотъ уже виноватъ. Гораздо было бы прямѣе, вмѣсто всѣхъ этихъ логическихъ хитросплетеній, имѣющихъ видъ софизмовъ, поставить ребромъ вопросъ: носилъ ли Габисонія сапоги въ пючинку и разрѣшить его осмотромъ самыхъ сапоговъ. Но сапоговъ то и нѣтъ. За неимѣніемъ же сапоговъ, имѣется записанное въ протоколъ показаніе Ив. Сумбатова, говорившаго, что онъ замѣтилъ башмаки подъ кроватью Габисоніи, что онъ разсматривалъ ихъ, — башмаковъ теперь нѣтъ между вещественными доказательствами, — и что онъ замѣтилъ новую полосу на каблукѣ. Починка, по словамъ Сумбатова, была свѣжая и потому онъ убѣдился, что Габисонія говоритъ правду.

Вторая улика противъ Габисоніи заключается въ томъ, что, когда исчезла Н. А., когда исчезновеніе это огласилось и пришло даже много постороннихъ посѣтителей, въ томъ числѣ г. Цинамзгаровъ, кн. Сумбатовъ, княгиня Тумамова и др., то сходившіе на площадку, глядя сверху внизъ, видѣли на обрывѣ челоуѣка съ обвязанною головою, кто говоритъ тряскою, какъ напр. Варвара Андреевская, кто — башлыкомъ, и этотъ челоуѣкъ внимательно слѣдилъ за наблюдателями, а когда его замѣтили, удалился въ кухню. Челоуѣкъ этотъ оказался Н. Габисоніей. Онъ говорилъ, что его трясла лихорадка. Его словамъ не хотѣли вѣрить: онъ дескать притворяется больнымъ. Наконецъ, и само странное его любопытство обличало его въ преступленіи. Говорили, что онъ притворяется больнымъ, хотя въ скорбномъ листѣ значится, что онъ страдалъ давнишнею лихорадкою. Довольно взглянуть на этого исхудавшаго челоуѣка, чтобы убѣдиться, на сколько его жизнь сильно подточена сифилисомъ и кавказскою febris intermittens. Говорятъ, что онъ интересовался розысками и ставить это ему въ вину. Но, гг. судьи, вѣдь это дѣлаетъ г. Цинамзгаровъ, который лично не зналъ Андреевскую, а такъ заинтересовался с.з.мъ, что и слѣдствію то до-

ставилъ половину матеріаловъ. Спросите себя, неужели никто изъ васъ, узнавъ, что случилось по сосѣдству что то необычайное, не пожелалъ бы поглядѣть на это зрѣлище.

Но вѣнецъ всѣхъ уликъ и пес plus ultra въ искусствѣ строить предположенія смѣлыя до невозможности, болѣе тонкія, нежели паутиная сѣть, это царापина надъ правымъ соскомъ у П. Габисоніи, открытая 14 августа, слѣдовательно, чрезъ три недѣли, спустя послѣ происшествія, на такомъ мѣстѣ тѣла, которое я отношу къ секретнымъ, потому что нетолько въ высшемъ классѣ, но и въ простонародіи на Кавказѣ, никто этого мѣста не обнажаетъ, даже у русскаго мужика оно спрятано подъ рубашкою, а у здѣшнихъ — подъ рубашкою, архалукомъ и черкеской. Исходя изъ словъ доктора Маркарова, что ранка эта могла быть отнесена ко времени, когда совершенно преступленіе, т. е. къ 22 іюля, судъ связалъ эти два факта и вывелъ заключеніе, что царापина могла быть причинена Габисоніи во время совершенія убійства, но ставитъ между этихъ словъ маленькую, ничтожную на видъ частичку *только: царापина только и можетъ быть причинена Габисоніи при совершеніи убійства*. Сказать это, значитъ вывести заключеніе не о возможности, а о достовѣрности, т. е. что Габисонія при совершеніи убійства изцарапанъ. Позвольте мнѣ этотъ замѣчательный образецъ логики пояснить примѣромъ: 12 октября 1877 года много людей ранено за Дунаемъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ. Я тоже, положимъ, къ этому времени порѣзалъ себѣ руку. Рана по времени совпадаетъ съ сраженіемъ при Горномъ Дубнякѣ, изъ чего я вправѣ составить предположеніе, что я могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, но, вставивши частичку *только* и утверждая, что я только могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, выйдетъ, слѣдовательно, въ результатѣ, что я въ самомъ дѣлѣ раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, за что и могу претендовать на полученіе военнаго ордена Георгія четвертой степени. Но возвратимся къ Габисоніи. Если онъ

дѣйствительно израненъ при убійствѣ Н. А., то какъ же рука ея туда попала и какъ на самыхъ этихъ нѣжныхъ рукахъ не было слѣда того, что онѣ рвали черкеску, верхнюю рубаху и добрались до самаго соска. Въ скорбномъ листѣ есть ранки у Габисоніи также и на рукѣ, на противоположной сторонѣ голени, въ двухъ мѣстахъ двѣ ранки. Я удивляюсь какъ не отнесены онѣ тоже къ убійству и не приписаны рукѣ Н. А. Всѣ же эти улики, вмѣстѣ взятыя и уничтожающіяся при строгомъ анализѣ, доказываютъ только, какъ мало постигается у насъ вообще, что такое улика въ преступленіи и какъ искусственный подборъ какъ бы уликъ, псевдо-уликъ, лишь бы ихъ было много по счету, вполне достаточенъ для осужденія людей, хотя бы въ ихъ дѣйствіяхъ не было ничего, имѣющаго какое бы то ни было отношеніе къ преступленію, кромѣ ихъ случайной близости по времени и мѣсту къ преступленію еще не доказанному, но предполагаемому совершившимися.

За Габисоніею стояли въ категоріи прислуги Зурабъ Коридзе и Иванъ Мгеладзе, оба умершіе, оба подлежащіе и упоминовенію и разбору нынѣ съ одной лишь стороны, не признались ли они въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ преступленіи и не усиливаетъ ли ихъ участіе подозрѣнія, падающаго на остальныхъ. Иванъ Мгеладзе убилъ большую злую собаку и заперъ остальныхъ. Если предположить, какъ долженъ былъ дѣйствовать судъ, что оба эти дѣйствія совершены по приказанію Д. Чхотуа, то затѣмъ участіе Мгеладзе, видимое и доказанное, сведется до нуля. Если, не получивъ приказанія, онъ заперъ собакъ въ сторожку, то и въ такомъ случаѣ я уже доказалъ, что это обстоятельство безразлично; кромѣ того оно опровергается показаніемъ кн. Тумановой, что собаки не были заперты.

О Зурабѣ Коридзе, появившемся первымъ послѣ исчезновенія Н. Андреевской есть два совершенно противоположныя обстоятельства въ показаніяхъ В. Андре-

евской, съ которыми, по причинѣ уже разсмотренной, должно обходиться очень осторожно.

Въ показаніи отъ 25-го іюля В. Андреевская говоритъ: Я стала звать Нину, потомъ позвала Зураба, Зурабъ крикнулъ «сейчасъ» и съ полчаса не являлся; послѣ чего явился и сказалъ, что раздѣваль Д. Чхотуа.

Въ показаніи 29-го іюля она говоритъ: черезъ $\frac{1}{4}$ часа, послѣ ухода Нины, услыхавъ трескъ въ корридорѣ, я крикнула Зураба, онъ отвѣтилъ: «сейчасъ»! и пришелъ черезъ полчаса, когда огарокъ уже догоралъ. Я приказала ему убрать огарокъ и принести свѣчку.

По показанію ея 9-го ноября она говоритъ: Я вышла въ корридоръ, съ удивленіемъ увидѣла свѣчку на полу у двери и услышала приближающіеся шаги изъ комнаты Д. Чхотуа. То былъ Зурабъ, шедшій босикомъ.

Разницы малехонькія но онѣ существенны. Это обстоятельство о сапогахъ наводитъ на мысль, что сапоги были мокрые, когда барышню топили. Къ счастью, мокрыхъ сапоговъ нигдѣ въ домѣ не оказалось, а простонародіе какъ во всемъ свѣтѣ, такъ и здѣсь любитъ ходить босикомъ; что же касается до мѣста, гдѣ В. Андреевская встрѣтилась съ Зурабомъ, то его откровенное признаніе: «Я иду отъ Чхотуа», разомъ упрощало вопросъ. Нѣтъ, нужно было, чтобъ Зурабъ не самъ сказалъ, что его накрыли возвращавшимся отъ Чхотуа и вотъ почему во второмъ показаніи его замѣтили въ корридорѣ.

Такъ или иначе Зурабъ могъ раздѣвать Чхотуа, а такъ какъ противъ него нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ вымученнаго признанія средствами, которыми осудилъ окружной судъ, то я не сомнѣваюсь, что за полнымъ отсутствіемъ данныхъ о мѣрѣ участія Зураба Коридзе, вы, гг. судьи, если бы его судили, то тотчасъ же и оправдали бы его.

Остается оправданный Николай Чхотуа, котораго несчастіе заключается въ томъ, что онъ жилъ въ домѣ

Шарвашидзе и, повидимому, спалъ въ моментъ, когда Н. Андреевская пропала. Говорятъ, что въ послѣднемъ словѣ онъ сказалъ: «г. прокуроръ во всей своей рѣчи обо мнѣ не упомянулъ ни слова, что же мнѣ послѣ того говорить въ мою защиту»? Свобода, которая выпала на долю Николая Чхотуа оспорена апелляціоннымъ протестомъ г. товарища прокурора. Первый разъ судъ сказалъ: убійство совершено чрезъ домашнихъ, но кѣмъ, нѣтъ никакой возможности выслѣдить и указать прямо на одну какую нибудь личность. Совершенно съ участіемъ домашнихъ, слѣдовательно, нужно привлечь къ суду всѣхъ домашнихъ безъ изъятія. Если Д. Чхотуа согласилъ слугъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ согласить брата. При этомъ по послѣднимъ показаніямъ В. Андреевской, Николай Чхотуа слишкомъ скоро выскочилъ изъ комнаты и къ тому же одѣтый, на зовъ Варвары Андреевской, слѣдовательно, онъ притворялся, слѣдовательно, онъ зналъ и участвовалъ по предварительному съ ними соглашенію. Вся система доказательствъ состоитъ въ ссылкѣ на отвергнутыя судомъ вымученныя и купленныя сознанія Мгеладзе и Коридзе, которыя я теперь обхожу, предоставляя ихъ себѣ разсмотрѣть потомъ, когда, разобравъ и установивъ исторію происшествія, я перейду къ исторіи возникновенія сказокъ, легендъ и иныхъ фальсификацій происшествія. Теперь я имѣю дѣло только съ показаніемъ В. Андреевской, но прежде всего я долженъ повторить, что показанія ея раздваиваются по нѣкоторымъ интереснымъ пунктамъ, и что сторонамъ приходится либо выбирать любое, либо отвергнуть всѣ, какъ противорѣчивыя и не провѣренныя на судѣ, слѣдовательно, заставляющія предположить либо о слабыхъ умственныхъ способностяхъ, либо о внѣшнемъ давленіи, безъ всякой возможности возстановить нынѣ истину,

29 іюля В. Андреевская, не упомянувъ о пожарѣ, показала, что она стала звать Нину, и пошла съ Зурабомъ искать ее къ саду. „Мы разбудили Николая Чхотуа (въ нижнемъ этажѣ возлѣ кухни), который, повидимому,

спалъ въ то время. Отъ этого крика проснулся (въ верхнемъ этажѣ) Д. Чхотуа и спросилъ: «Что такое»? Потомъ одѣлся, побѣждалъ весь взволнованный. « Между тѣмъ въ показаніи 5 ноября она говоритъ: „Около 8^{1/2} часа Нина пришла со двора, сказавъ, что пожаръ вспыхнулъ гдѣ-то, что на пожаръ будто бы смотрѣли Николай Чхотуа и прислуга. Черезъ часъ, слѣдовательно въ 9^{1/2} часа, у Ник. Чхотуа свѣча уже не горѣла; я не входила въ комнату, я стояла внѣ (не смотрѣла же она сквозь щель въ комнату молодого человѣка), я только втолкнула Зураба со свѣчей. Чхотуа сдѣлалъ видъ проснувагося, но онъ проснулся быстро; я не вѣрю чтобы онъ спалъ, я не знаю, какъ онъ былъ одѣтъ (не спалъ же голый?), былъ ли онъ прикрытъ одеяломъ; не знаю, что онъ надѣлъ, надѣлъ ли онъ сапоги (слѣдовательно, былъ, можетъ быть, босъ). Когда онъ вышелъ на дворъ, то отворилось верхнее окошко, въ бѣлой рубашкѣ высунулся Д. Чхотуа и спросилъ: «что такое»?»

Извѣстно, какъ не благоприятны для подсудимыхъ послѣднія показанія Варвары Андреевской въ сравненіи съ первыми, и какъ ни объяснять ихъ, давленіемъ ли извнѣ, системою ли допросовъ, или убѣжденіемъ, мало по малу проникшимъ въ душу старушки, что дочь ея убита, убѣжденіе, котораго она сначала не имѣла. Но даже и въ этомъ допросномъ пунктѣ, кромѣ субъективнаго „мнѣ не вѣрится, чтобы онъ спалъ“, не сказано ничего далѣе о снѣ, котораго она и не могла, стоя внѣ комнаты и наблюдать, а выходить, что Н. Чхотуа, вѣроятно, былъ босъ, въ бѣльѣ лежалъ подъ одеяломъ, слѣдовательно, въ положеніи совершенно противномъ тому, какое изображено въ прокурорскомъ протоколѣ. Если-бы за часъ до исчезновенія Н. Андреевской Николай Чхотуа и смотрѣлъ на пожаръ, то и это еще ничего бы не значило; но, гг. судьи, замѣтите, что его наблюденія за пожаромъ ни чѣмъ не подтвердились. Записаны слова Н. Андреевской: „Матушка, подите, посмотрите на пожаръ, Н. Чхотуа отправился

смотримъ на него“—вставка странная: съ какой стати то обстоятельство, что Н. Чхотуа смотрѣлъ на пожаръ, могло повліять на В. Андреевскую, чтобы и она пошла посмотрѣть на пожаръ. Это одинъ изъ тѣхъ позднѣйшаго происхожденія узоровъ, которыми рождаящаяся легенда старалась сплести расплзающіеся свои элементы, изъ которыхъ выкраивалось исподоволь и постепенно обвиненіе. Но изъ этого матеріала зданіе не выстраивается, какъ не выстраивается домъ изъ пуху или каналъ изъ масла. Допустимъ, что Н. Чхотуа притворился, что онъ залѣзъ въ подушки, чтобы не быть при совершеніи или послѣ совершеннаго ужаснаго событія. Судите его, но судите по закону. Но законъ обойденъ, какъ будто онъ вовсе неизвѣстенъ обвинителю и я невольно задаюсь вопросомъ: извѣстно ли обвинителю, что въ преступленіи, совершенномъ нѣсколькими лицами сообща, нужно прежде всего, по 11 ст. улож., предварительно рѣшить, было ли это преступленіе совершено скопомъ, безъ предварительнаго соглашенія, или по предварительному соглашенію? Вопросъ этотъ не разобранъ, хотя и рѣшенъ безъ всякихъ мотивовъ въ послѣднемъ смыслѣ. Но въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать переборку всѣхъ участвующихъ и только подводя подсудимыхъ подъ извѣстныя категоріи, казнить ихъ по мѣрѣ участія въ преступленіи, какъ сказано въ заголовкѣ предъ 117 ст. Куда же прикажете отнести подсудимыхъ, какъ того требуетъ 13 ст., не говоря уже о Д. Чхотуа, котораго вы зачисляете и въ зачинщики, и въ подстрекатели, и, вѣроятно, въ физическіе виновники? Онъ конечно, атаманъ цѣлой разбойничьей шайки. Онъ Ванька Каинъ или Стенька Разинъ. Но остальные? Габисонія участвовалъ тѣмъ, что у него болѣла голова и что былъ оцарапанъ. Но участвовалъ ли онъ въ совершеніи преступленія, или въ сокрытіи слѣдовъ его? Н. Чхотуа участвовалъ только тѣмъ, что влѣзъ въ подушки и лежалъ прикрытый одѣяломъ. Кого онъ подстерекалъ? Какой онъ могъ имѣть къ совершенію преступленія мо-

тивъ? Откуда видно, что онъ физически участвовалъ? Предположеніе, что Д. Чхотуа, завлекая домашнихъ, завлекъ быть можетъ и брата, оказывается фальшивымъ и не вѣрнымъ, именно потому, что всякій любить брата и, задумавъ преступленіе, не втянетъ, а напротивъ изъ любви выгородитъ его тѣмъ болѣе, что въ физическомъ его участіи не было необходимости, въ виду и трехъ человѣкъ прислуги, и неопредѣленнаго быть можетъ сотеннаго числа таинственныхъ незнакомцевъ. Чѣмъ онъ помогаль къ подготовленію преступленія, чтобы быть отнесеннымъ въ сообщники? Имѣль ли онъ одну достаточную силу, чтобы помѣшать преступленію? Слѣдовательно, можетъ быть онъ отнесенъ къ разряду попустителей? Что онъ укрываль, чтобы можно было его отнести къ разряду укрывателей? Самое большое, что его могло постигнуть—это подведеніе его по 15 ст. улож., подъ категорію недоносителей о преступленіи уже содѣянномъ, но тутъ самъ законъ, а именно ст. 128, какъ Архангелъ становится на его стражѣ и прикрываетъ его своими крыльями. Наказаніямъ за не донесеніе о содѣянномъ преступленіи не подвергаются недоносшіе родители на дѣтей, дѣти на родителей, супруги на супруговъ, родные братья и сестры на родныхъ братьевъ и сестеръ. Преслѣдуя всѣхъ виновныхъ и въ томъ числѣ Н. Чхотуа безъ разбора, безъ раздѣленія на категоріи, безъ мѣры вины, обвиненіе поступаетъ суровѣе, чѣмъ по горскимъ адатамъ (обычаямъ). По этимъ адатамъ только опредѣленное число домашнихъ дѣлается за убійство отвѣтственнымъ.

Обвиненіе же требуетъ выдачи головою всѣхъ домашнихъ безъ исключенія, —отчего - же и не тѣхъ собакъ или щенковъ, которые тоже обнаружили нѣкоторое участіе въ преступленіи тѣмъ, что не лаяли въ вечеръ 22-го іюля?

Я разобраль всѣ доказательства событія преступленія; ихъ нѣтъ. Самое большое что можно извлечь—это двоящееся предположеніе: можетъ быть утонула, можетъ

быть утоплена; мало рѣзкости, чтобы была удавлена и брошена въ воду. Я разобралъ прикосновенность къ злему дѣлу; если оно было твореніемъ рукъ домашнихъ, то оказывается, что никто изъ нихъ не прикасался, что связь ихъ съ преступленіемъ основана только на томъ, что они домашніе. Но въ дѣлѣ преступленія, даже доказанномъ, есть еще нѣчто третье, кромѣ мертвѣго тѣла да и движенія рукъ убійцы, а именно та душевная пружина, которая приводила руки въ дѣйствіе, сердечное побужденіе, первоначальный импульсъ, мотивъ. Для полной ясности дѣла необходимо, чтобы существовали всѣ три элемента, обнаруженные или намѣченные, и при отсутствіи котораго либо изъ нихъ, дѣло точно статуя безъ головы, или безъ рукъ, или безъ туловища. Въ крайнемъ случаѣ субъективный человѣкъ, по скудости средствъ познанія, довольствуется двумя, когда можетъ догадываться о существованіи третьяго. Внѣшняя сторона дѣла раскрыта: есть убійство, есть физическій виновникъ, дѣйствовавшій въ состояніи вмѣняемости, тогда нужно предположить, что онъ имѣлъ цѣль, потому что только сумасшедшіе дѣйствуютъ безъ достаточнаго основанія, а меньше всего безпричинность можетъ быть приписана волѣ. Всего чаще случается въ судѣ уголовномъ и при томъ въ судѣ съ присяжными, вести мостъ воздушною аркою между дослѣженнымъ фактомъ убійства и несомнѣнными мотивами и дѣлать заключеніе о невѣдомомъ преступникѣ. Наконецъ, бываетъ, и это еще рискованнѣе, когда предполагаемый убійца похваляется, что онъ убилъ своего явнаго врага, на немъ найдены царапины и ссадины, обнаружено окровавленное платье предполагаемаго убитаго. Убійца осужденъ,—но во всѣхъ уголовныхъ лѣтописяхъ вы найдете случаи, что такіе убитые воскресали и въ старой практикѣ выработалось даже правило не обвинять безъ наличнаго *corpus delicti*.

Во всякомъ случаѣ мотивъ все равно что улика, клѣтка и сердце состава преступленія. Мотивы должны

быть хотя бы отмѣчены; въ приговорѣ должна быть, по крайней мѣрѣ, указана ихъ возможность, слѣдовательно, вѣроятность того, что, хотя не раскрыты, они существуютъ. Приговоръ суда о мотивахъ даже не заикнулся, онъ просто обошелся безъ нихъ. Онъ просто намъ далъ постройку преступленія безъ грудной клѣтки и сердца, какъ будто бы такъ и слѣдуетъ быть, такъ что по ихъ недостатку мы должны обратиться къ обвинительному акту, котораго намеки должно быть не подтвердились, коль скоро не вошли въ приговоръ.

Какіе же мотивы подходятъ подъ предполагаемыя дѣйствія подсудимыхъ, и прежде всего челяди? Даже въ обвинительномъ актѣ нѣтъ никакихъ, благо они челядь, чернь, толпа, о которой на всемъ свѣтѣ мало заботятся, предполагая, что, легко увлекаемая вожакомъ, она пойдетъ какъ панургово стадо; къ этому присоединяются чисто мѣстные причины, нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ горцамъ. Объ этихъ абхазцахъ, напр., говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: абхазецъ готовъ зарѣзать за абазъ, готовъ зарѣзать даромъ. Изъ этого взгляда при условіяхъ мѣстной среды и обстановки создается даже и у весьма образованныхъ, но обжившихся здѣсь людей, странное міросозерцаніе. Признаюсь, что отъ такихъ сужденій невольно морозъ подираетъ по кожѣ приѣзжлаго и кажется ему, что у суда должна быть одна мѣрка, и что этою мѣркою надо было бы судить даже дикихъ краснокожихъ и даже австралійскихъ аборигеновъ.

Каждый изъ насъ—человѣкъ Божій. Я полагаю, что вы ихъ будете судить по человѣчески, какъ людей, хотя они и абхазцы. Но въ такомъ случаѣ вы примете въ расчетъ то обстоятельство, что не всѣ изъ этой челяди были въ такомъ подчиненіи у Д. Чхотуа, чтобы они рѣшились на все или по матеріальной отъ него зависимости, или потому, что Гизо называетъ *esprit de clan*, чувство солидарности всѣхъ членовъ рода—клана къ старшему, которому слѣдуетъ повиноваться. Какое

такое подчиненіе, или какую привязанность могъ питать такой, наприм., Габисонія, безъ году недѣлю пребывавшій въ домѣ Шарвашидзе, нанятый за 8 или за 9 дней до происшествія. О Н. Чхотуа нѣтъ уже и помину.

Предполагаютъ, что онъ былъ увлеченъ старшимъ братомъ, хотя упускаютъ изъ виду, что братъ то и долженъ былъ помѣшать ему втягиваться безъ нужды въ дѣло убійства. Остается Давидъ Чхотуа. Изъ двухъ мотивовъ, только и возможныхъ въ настоящемъ случаѣ: корысти и злобы, прежде всего отпадаетъ корысть. Н. Андреевская не была ограблена, одна или двѣ вещицы съ медальономъ или остались на днѣ рѣвки, или пропали у рыбаковъ. Смерть ея никому матеріальной выгоды не доставила, кромѣ какъ стоявшему вдали отъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ и жившему тогда въ Одессѣ брату ея Константину. Итакъ злоба, но спрашивается за что? Занимаясь геологіею въ Петербургскомъ университетѣ, самъ кавказецъ, Д. Чхотуа пріѣхалъ въ 1870 году въ Одессу и сталъ вхожъ въ полукавказскій домъ бывшаго доктора при князѣ Воронцовѣ, женатаго на княжнѣ Тумановой и породнившагося съ Орбелиани. Знакомство началось еще при жизни Э. Андреевскаго. Въ домѣ этомъ онъ былъ принятъ точно родной послѣ женитьбы на одной изъ Андреевскихъ его молочнаго брата князя Шарвашидзе. Его отношенія съ бойкой, живой, имѣвшей много мужескаго, рѣшительнаго и занимавшейся естественными науками Ниной, были милыя, дружескія. Въ 1872 году умеръ Эрастъ Андреевскій. Сестрамъ достались домъ и имѣнія на Кавказѣ, которые съ 1872 года по 1876 годъ оставались въ нераздѣльномъ владѣніи сестеръ, но приносили мало дохода, потому что нельзя было подыскать умѣлыхъ и добросовѣстныхъ управляющихъ. Не оправдалъ довѣрія Анищенко, не поправилъ дѣла Вейсенфельдъ, тогда Шарвашидзе и упросилъ Д. Чхотуа взять на себя управленіе имѣніемъ. Человѣкомъ добрымъ его назы-

валъ еще покойный Андреевскій. Управляющій онъ былъ не важный. Но если въ немъ не видать качествъ управляющаго, то съ другой стороны тѣ даже, которые называютъ его скупымъ, говорятъ, что онъ былъ честный человекъ и даже честнѣйшій, какъ отозвался объ немъ редакторъ газеты *Дрозба* С. Месхи.

Во всякомъ случаѣ онъ былъ свой, вѣрный человекъ и за управленіе имѣніемъ, которое, по словамъ кн. Анчабадзе, стоитъ болѣе двухъ сотъ тысячъ руб., бралъ всего 600 руб., а потомъ, по предложенію кн. Шарвашидзе, 1,200 руб. въ годъ.

Будучи приглашенъ на это мѣсто, Чхотуа бросилъ Петербургъ, заключилъ условіе въ ноябрѣ 1874 г., но сталъ управлять имѣніемъ съ апрѣля 1875 года. Такимъ образомъ управлялъ годъ до давно желаннаго и предвидѣннаго момента раздѣла.

Въ цѣломъ раздѣлѣ этомъ онъ былъ фигурантъ, лице, являющееся только ради церемоній для приложенія къ акту своей подписи. Раздѣлъ условленъ былъ заранѣе еще въ Варшавѣ, когда мать съ дочерью посѣщали жену Шарвашидзе. Надобно было предварительно заложить имѣніе, потому и выслана была довѣренность нѣкоему Мирзоеву, который, по словамъ Шарвашидзе, и оцѣнилъ домъ въ 22 т. р. Но Мирзоеву было некогда, вслѣдствіе того была дана довѣренность на имя Давида Чхотуа, посланная при письмѣ Н. Андреевской изъ Одессы. Письмо это замѣчательно. Она, между прочимъ, пишетъ: «Это въ сущности одна формальность, потому что мы въ Одессѣ согласились на полюбовный раздѣлъ». Довѣренность эта служила только для предварительныхъ дѣйствій, потому что, когда В. и Н. Андреевскія пріѣхали 29 іюня и остановились въ гостиницѣ «Европа», то составить раздѣлъ на основаніяхъ, предложенныхъ въ Варшавѣ со стороны кн. Шарвашидзе, взялся кн. Анчабадзе, а со стороны Н. Андреевской ихъ старинный 65 лѣтній знакомый Ониковъ. Соглашеніе состоялось и относительно дома, по оцѣнкѣ

Мирзоева, и относительно имѣній. Шарвашидзе далъ Нинѣ вексель въ половину стоимости дома, а именно въ 11 т. р. Вексель былъ изорванъ потомъ братомъ ея, Константиномъ. Представителями сторонъ были Филковъ и Анчабадзе. Облечь полюбовный раздѣлъ въ форму третейскаго приговора упрощенъ былъ нѣкто Виссаріонъ Гогоберидзе. Анчабадзе и Ониковъ составили двѣ равныя части. Подававшему чай, лакею Оникова, Леванидзе, приказано было позвать мальчика съ улицы для вынутія жребія, и жребій вынуть: на долю Нины выпалъ лѣсъ въ Дрэ, въ которомъ производилась уже рубка по распоряженію Шарвашидзе и Чхотуа. По словамъ Ал. Сулханова, Оникова и Гогоберидзе, когда жребій былъ вынуть, то Нина сказала Шарвашидзе: «Георгій, ты хотѣлъ лѣсъ, помѣняемся», но Шарвашидзе не принялъ этого предложенія. Это обстоятельство разсѣваетъ всѣ выводы, основанные на лакейскихъ соображеніяхъ Леванидзе о томъ, что Шарвашидзе не былъ доволенъ, недопилъ чаю и уѣхалъ. Они опровергаются и тѣмъ, что beau frère и belle soeur остались въ дружескихъ отношеніяхъ, которыхъ я еще коснусь.— Какъ только раздѣлъ совершился, надо было приостановить рубку лѣса въ Дрэ; новая владѣлица, входя во всѣ свои права и видимо наслаждаясь ихъ пользованіемъ, поѣхала на мѣсто, созвала крестьянъ и въ присутствіи ихъ, а также Д. Чхотуа и Сулханова, племянника Оникова, заявила себя владѣлицей, указала на Сулханова, какъ на новаго управляющаго и какъ на человѣка, къ которому съ тѣхъ поръ они должны обращаться въ своихъ нуждахъ и со своими требованіями. При этомъ случаѣ, разсказывалось Сулхановымъ, что Д. Чхотуа былъ скученъ и поблѣднѣлъ; по словамъ Баграта-Швили, онъ металъ на Сулханова столь злобные взгляды, что Баграта-Швили опасался за жизнь Сулханова и держалъ ружье наготовѣ.

Я не придаю этимъ показаніямъ сулхановскимъ никакого значенія потому, что фактъ наблюденія можетъ

быть явился у Сулханова ретроспективно. Онъ трудно констатируется; такъ могло Сулханову показаться; что касается Баграта-швили, то онъ, какъ видно, дикарь, и какъ дикарь судилъ объ отношеніяхъ людей образованныхъ и при томъ такъ мало понималъ въ чемъ дѣло, что принималъ все время Д. Чхотуа за Константина Андреевскаго, на котораго опять незачѣмъ было бросать гнѣвные взгляды, да притомъ гнѣвныхъ взглядовъ никто не замѣчалъ кромѣ этого дикаря. Ни самъ фактъ, ни его формы не оправдывали ни въ малѣйшей степени предположенія, чтобы Д. Чхотуа могъ быть недоволенъ назначеніемъ новаго управляющаго. По рассказамъ очевидцевъ, Н. Андреевская не сказала никакихъ обидныхъ словъ и не сдѣлала обидныхъ намековъ для Д. Чхотуа. Назначеніе же новаго управляющаго было существенно важно и прагматически необходимо, какъ для того, чтобы отмѣтить перемену порядка, разницу стараго отъ новаго, такъ и для того еще, чтобы дать волю своему доброму и благородному сердцу, привлечь къ себѣ крестьянъ и провозгласить программу цѣлой новой помѣщичьей политики. Дѣло въ томъ, что, по показанію, весьма вѣроятному, свидѣтеля объѣздчика осетина Алексѣя Текета-Швили на этомъ имѣніи лежалъ отцовскій грѣхъ. Эрастъ Андреевскій заставилъ крестьянъ до ихъ освобожденія подписать прошеніе, въ которомъ они назывались «хизанами». Вслѣдствіе этого они не получили надѣла. Конечно, исправить зло не было возможности при общемъ владѣніи, но первымъ дѣломъ Н. Андреевской было объявить, что они получаютъ землю. Минута была торжественная и сильно могла растрогать присутствовавшихъ, вотъ почему могъ поблѣднѣть Д. Чхотуа. Что Н. Андреевская дѣлала крестьянамъ заявленія по необходимости своего положенія, а не для того, чтобы кольнуть Д. Чхотуа, и заявленіе не могло быть понимаемо какъ только въ видѣ дѣйствительной необходимости и со стороны самаго Чхотуа, что я заключаю изъ того, что и новый управляющій не

былъ человѣкъ окончательный. Г. Сулхановъ, племянникъ Оникава, имъ рекомендованный, былъ взятъ на время; это несомнѣнно изъ письма, найденнаго на столѣ Н. Андреевской и писаннаго ею утромъ 22 іюля къ своему учителю Іосифу Васильевичу Романовскому, управляющему одесскимъ домомъ. «Можетъ быть мой повѣренный Сулхановъ (назначенный на прошлой недѣлѣ) окажется также честнымъ человѣкомъ; до сихъ поръ онъ очень старателенъ... Но вы всетаки пришите надежнаго грузина. Мы съ маменькой только на васъ можемъ полагаться». Былъ ли смыслъ мѣнять Д. Чхотуа на Сулханова, а вмѣстѣ съ тѣмъ выписывать новаго управляющаго отъ Романовскаго; очевидно, практичнѣе было подождать новаго, оставивъ управленіе при Чхотуа. Нельзя было не перемѣнить въ одномъ только случаѣ, если бы самъ Чхотуа отказался. Есть обстоятельства, дѣлающія этотъ отказъ фактомъ, почти несомнѣннымъ, и прежде всего слова Сулханова, который говоритъ, что отношенія между Н. Андреевской и Д. Чхотуа были самыя вѣжливыя. Д. Чхотуа самъ отказался отъ званія управляющаго, чтобы не навлечь на себя нареканій изъ боязни, чтобы къ нему не отнеслись недовѣрчиво. Не повѣрите Сулханову, такъ повѣрьте матери. Въ этомъ дѣлѣ какъ бы условлено брать изъ ея показаній только то, чѣмъ она обвиняетъ, а не то, чѣмъ она оправдываетъ Д. Чхотуа. Между тѣмъ въ показаніи 28 іюля она говоритъ, что у Нины никакой неприязни къ Д. Чхотуа не было. Чхотуа никогда не выражалъ желанія быть управляющимъ имѣніемъ Нины; при томъ онъ ничего не знаетъ въ дѣлѣ управленія. Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы онъ напрашивался. Единственный свидѣтель въ этомъ родѣ лѣсной сторожъ Ковальскій, слышавшій это отъ неподтвердившаго ссылки лѣсника Георгія Модебадзе. Я потомъ объясню происхожденіе этой сказки. Между сторонами можетъ быть все обошлось безъ всякихъ объясненій; случилось то, что бываетъ между короткими и хоро-

шими знакомыми, изъ деликатности они не стануть другъ у друга одождаться, другъ къ другу наниматься, чтобы не испортить своихъ хорошихъ отношеній. Въ дѣловыхъ отношеніяхъ, неподходящихъ повода къ злобѣ и даже къ размовкѣ, не обнаружено ни малѣйшихъ поводовъ къ неудовольствію, ни малѣйшаго намека, на которомъ можно было бы построить романъ отвергнутой любви. За неимѣніемъ личнаго мотива стали подозрѣвать, что Д. Чхотуа есть только ширма, что за нимъ дѣйствовали другія темныя силы. Два тома дѣла посвящены обслѣдованію въ Кутаисѣ, что ѣлъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ разговаривалъ кн. Шарвашидзе съ своимъ повѣреннымъ, кн. Анчабадзе. Они не были привлечены къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, но я полагаю, что гораздо лучше положеніе подсудимыхъ, нежели людей, относительно которыхъ слѣдователемъ дается предложеніе кутаисской полиціи узнать между какими лицами вращался кн. Шарвашидзе и не готовился ли онъ послать въ Россію убить своего шурина К. Андреевскаго, или о которыхъ составляется постановленіе, что для окончательнаго убѣжденія въ виновности Шарвашидзе и Анчабадзе въ убійствѣ не достаетъ только телеграммъ ихъ къ Д. Чхотуа. Между тѣмъ и телеграммы на лицо, и все таки первоначальное убѣжденіе въ убійствѣ остается подъ спудомъ. Пришлось признать, что кн. Шарвашидзе не могъ имѣть ни малѣйшаго интереса въ смерти Н. Андреевской, такъ какъ не жена его наслѣдовала по закону все ея имущество, а братъ ея Константинъ, что досужія предположенія о томъ, что кн. Шарвашидзе нѣчто въ родѣ того шейха, который во время крестовыхъ походовъ посылалъ на Ричарда Львиное сердце и Филиппа Августа своихъ убійцъ, не внесены даже въ обвинительный актъ. Безсиліе и ничета этихъ предположеній не помѣшали помѣщенію въ обвинительномъ актѣ нѣсколькихъ парфянскихъ стрѣлъ, пущенныхъ назадъ убѣгающихъ всадниковъ, не сказано, что подозрѣнія не подтвердились, а намѣчено только, что

не добыто данныхъ къ возбужденію обвиненія и не открыто, къ несчастію, надлежащихъ уликъ, какъ будто бы есть мѣсто какимъ либо уликамъ, когда признается, что смерть не могла принести пользы, и что не могло быть болѣе интимныхъ отношеній, какъ тѣ, которыя существовали между Ниной и ея зятемъ. Она умерла, когда не обсохли еще чернила на письмѣ ея, которое она должна была въ 9 ч. утра слѣдующаго дня отправить въ Кутаисъ съ Д. Чхотуа. Она пишетъ: «Дорогой Георгій! Portez vous bien, cher princillo, n'oubliez pas votre belle soeur, qui vous embrasse et vous aime bien. — Nina, citoyenne mocalaque de Tiflis». Далѣе она пишетъ, что купила мѣсто на домъ и была страшно рада.

Я полагаю, что тѣмъ можно и покончить главу мотивовъ преступленія. Нигдѣ, ни въ комъ не обнаружено никакихъ мотивовъ, да ихъ и не было. Событія 22 іюля развертываются предъ нами просто, естественно, прямолинейно, словно хронологически они укладываются въ слѣдующемъ порядкѣ.

Передъ нами носится яркій, живой, рельефный образъ женщины, молодой, исполненной жизни и силы, имѣющей всѣ задатки долгой, счастливой жизни, полезной для себя и для другихъ. Хотя грузинка по матери, Н. Андреевская по складу ума, наклонностямъ, закалу характера въ полномъ смыслѣ русская женщина, въ лучшемъ смыслѣ слова, сама во все вникающая и рѣшающаяся на дѣло самостоятельно. Свидѣтель Меликовъ привелъ, между прочимъ, на судѣ ея слова, сказанныя кн. Анчабадзе: «Я русская женщина, люблю, чтобы все дѣлалось прямо, оканчивайте ваши акты, потомъ я поѣду и подпишу». Это была притомъ русская женщина новѣйшей формаціи, бойкая, веселая, рѣзвая, смѣлая, съ широкимъ умственнымъ горизонтомъ, незнающая предѣловъ. Она любила Бокля, читала Дарвина и Геккеля; по словамъ кн. Варвары Тумановой, знала медицину. По словамъ студента Донаіани, знававшего ее съ 1868 по 1870 г., занималась жен-

скимъ вопросомъ, мечтала о докторствѣ и о путешествіяхъ, рассказывала живо, огненно, съ увлеченіемъ, одѣвалась чрезвычайно просто, даже неряшливо, съ мужчинами становилась тотчасъ на товарищескую ногу, была рѣзка, отважна, по выраженію Варвары Тумановой, говорила, смѣясь, что трусятъ однѣ бабы. При такихъ условіяхъ понятно, что она подчинила себѣ всѣхъ окружающихъ, что она вполне подчинила себѣ мать. По словамъ кн. Тумановой, мать все дѣлала по волѣ Нины еще въ бытность ихъ въ 1876 году въ Кисловодскѣ. При этихъ смѣлыхъ полетахъ въ область мышленія, живомъ и трезвомъ разсудкѣ, стремленіе къ реальному, при рѣзости и вирильности въ манерахъ,— полное отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, полное подчиненіе чувственности, похоти и того, что называется плотскимъ инстинктомъ.

Она другая Діана, она между женщинами другой Карлъ XII. Объ ней говоритъ Шарвашидзе: «она была чужда всякаго романтизма». О ней всѣ говорятъ, что она никого, что называется, не любитъ; она смѣялась, когда говорили о любви, это говоритъ Донаіани. Она говорила домашнимъ, что никогда не выйдетъ замужъ. При этомъ пугливомъ цѣломудріи, при этой стыдливости, мѣшающей ей обнажаться при сестрѣ и матери, при этомъ крѣпкомъ умѣ и закаленномъ характерѣ, трудно было и выйти замужъ, ей трудно было подыскать человѣка, котораго превосходство она бы признала и потому къ нему привязалась. Н. Андреевская выходила изъ ряда женщинъ, но и рѣдкій мужчина былъ бы ей парой, его бы надо было со свѣчей поискать.

Дѣловитость Н. Андреевской проявилась и въ раздѣлѣ. Она даетъ для формы довѣренность, но условія продиетованы ею лично и сдѣлка совершена толково, расчетливо, съ полнымъ пониманіемъ своего интереса. Послѣ раздѣла, Нина, со свойственной ей принципиальностью и со сметкою, стала прискивать себѣ управляющаго, за отказомъ Д. Чхотуа, бывшаго интерималь-

нымъ управляющимъ, что нисколько не возмутило добрыхъ ея отношеній къ братьямъ Чхотуа. По познаніямъ и происхожденію, она не могла не относиться къ Д. Чхотуа, какъ къ человѣку своего общества и, конечно, не могла раздѣлять ретроградныхъ предразсудковъ своей матери: «какое же они намъ общество, они служатъ на жалованьи?» Еще въ бытность Шарвашидзе въ Тифлисѣ, онѣ предложили Андреевскимъ переѣхать въ свой домъ, но онѣ не переѣхали, боясь стѣснить князя, къ которому ходило много молодыхъ людей, а они могли быть ими стѣснены. Послѣ отъѣзда Шарвашидзе, онѣ вдругъ воспользовались приглашеніемъ и переѣхали по инициативѣ Нины. Это утверждаетъ прямо В. Туманова, это утверждаетъ и мать, объясняя переѣздъ такъ: Нинѣ, которая любила все устраивать и укладывать, пришла мысль наклеить ярлычки на вещи въ домѣ Шарвашидзе, ей принадлежація. Положеніе въ домѣ оказалось не очень удобное не потому, чтобы Д. Чхотуа не былъ предупредителенъ, но по недостатку подходящей прислуги. На всемъ свѣтѣ прислуга такова, что родственники господъ для нихъ люди чужіе, которымъ служатъ они нехотя, если не ублажать ихъ подарками, а мать и дочь — женщины расчетливыя. Какая притомъ прислуга изъ неуклюжихъ абхазцевъ или осетинъ могла быть годна для дамъ такого общества и воспитанія, къ какимъ принадлежали Андреевскія? Какая горничная — Зурабъ Коридзе,двигающійся медленно, какъ автоматъ, Зурабъ Коридзе, который скажетъ флегматически «сейчасъ» и ждешь его потомъ минутъ 10 или 20? Обѣ дамы отъ этой прислуги требовали весьма малаго, сами выливали горшки, не обѣдали дома и, разумѣется, имѣли въ виду пробыть здѣсь наиболѣе короткое время, затѣмъ уѣхать; ихъ пребываніе имѣло характеръ случайности, думалось, уѣдутъ черезъ день, черезъ два.—А задержали ихъ случайно появившіяся одно за другимъ обстоятельства. Ѣздили въ Каджоры въ фаэтонѣ, въ сопровожденіи Габисоніи. По показанію свидѣтелей То-

хадзе и Хидакова, она ѣздила въ лѣсъ Дрэ и обѣщала хизанамъ, что ихъ судьба будетъ устроена ~~была~~; наконецъ, была извѣстная покупка въ Тифлисѣ мѣста подъ домъ, по предложенію Сулханова, о чемъ писала Н. Андреевская въ письмѣ къ Шарвашидзе: «*me voila citoyenne de Tiflis*». Объ этой новой затѣѣ, задержавшей именно еще на нѣкоторое время Нину, не могъ знать Д. Чхотуа, ѣздившій съ Андреемъ Николаевымъ 20-го іюля и возвратившійся 21-го вечеромъ изъ Дрэ. 21-го онъ вернулся, а 23-го долженъ былъ ѣхать въ Кутаисъ, къ Шарвашидзе, везти отцовскую шапку, починенную въ Тифлисѣ.

У него въ промежуткѣ поѣздокъ только и было полтора дня, въ теченіи которыхъ онъ узналъ о предстоящей покупкѣ земли. Онъ предполагалъ ѣхать въ Гори. Онъ думалъ, что онѣ уѣхали. Ихъ обыкновенное времяпрепровожденіе было слѣдующее: утро онѣ проводили дома, въ 3 часа по полудни отправлялись обѣдать въ гостинницу, возвращались въ 7 часовъ вечера домой, пили чай, потомъ дамы запирались у себя и просиживали по городскому современному обычаю часовъ до 12 и до 1-го, между тѣмъ, какъ прислуга спала мертвымъ сномъ уже въ половинѣ десятаго или въ 10 часовъ и даже не свѣтился огонекъ въ корридорѣ. Такъ какъ даже за естественной нуждою дамы не выходили на дворъ, то устроеніе засады, безъ вызова ихъ изъ комнаты, было не мыслимо; вызовъ безъ мотива—тѣмъ паче. Подстроить нельзя было эту засаду такъ, чтобы попала въ руки жертва, потому что ея прогулка ночью была такая случайность, на которую никто изъ домашнихъ не могъ рассчитывать.

День 22-го іюля, прошелъ тѣмъ же порядкомъ, но съ нѣкоторыми особенностями, которыя только и могутъ быть удостовѣрены показаніями Варвары Андреевской, данными ею 23-го и 28-го іюля. 22-го былъ день ангела матери Варвары Андреевской. Дамы уѣхали туда въ 11 часовъ; видались съ Тумановыми, при-

чемъ Нина общала, по словамъ княжны Тумановой, подойти въ 10 часовъ къ забору «Кружка». Заѣзжали къ Бебѣеву заказать лимонаду, обѣдали въ 3 часа въ гостинницѣ «Кавказъ», потомъ пробыли до 7 часовъ у тетки, кн. Орбеліани; къ 8-ми часамъ, уже напившись чаю, приѣхали и, заставъ Д. Чхотуа одного, такъ какъ Н. Чхотуа ѣздилъ кататься въ Муштаидъ, отказались отъ предложеннаго Д. Чхотуа чаю. Нина раздѣлась; узнавъ отъ Д. Чхотуа, что онъ ѣдетъ, написала письмо къ Шарвашидзе, которое намѣревалась передать утромъ; посидѣла нѣкоторое время, а именно до 8¹/₄ часовъ съ В. Андреевской. Въ 8¹/₂ часовъ ушелъ Д. Чхотуа, но минутъ черезъ 10 явился Николай, посидѣлъ на террасѣ тоже минутъ 10, выпилъ чай, отъ котораго отказались дамы, но который былъ заготовленъ къ обычной порці прислугою и поданъ Зурабомъ. Затѣмъ прошли еще полчаса въ теченіи которыхъ Нина нѣсколько разъ входила и выходила. Въ этотъ промежутокъ времени апелляціонный протестъ вставляетъ, на основаніи показанія В. Андреевской отъ 5-го ноября, слова Нины: «пойдемъ, матушка, посмотрѣть на пожаръ, смотреть Н. Чхотуа и вся прислуга»,—какъ доказательство, что Н. Чхотуа не спалъ вплоть до исчезновенія Н. Андреевской, но это запоздалое показаніе подозрительно. Это было передъ уходомъ Нины со свѣчею. Если бы обстоятельства были таковы, то Андреевская, когда вышла за Ниною, натолкнулась бы на возвращавшуюся прислугу. А между тѣмъ, когда она вышла, не было ни живой души. Все успокоилось; въ 10 часовъ Нина условилась идти къ «Кружку». Настаетъ роковое время, 9¹/₂ часовъ. Въ это время совершается выходъ Нины изъ комнаты, возвращеніе ея съ огаркомъ, обмѣнъ огарка на свѣчку и уходъ Нины, сопровождаемой словами: «я скоро приду», какъ сказано въ показаніи 28-го іюля, или какъ сказано въ показаніи 5-го ноября: «я не успѣю пройти черезъ корридоръ съ этимъ огаркомъ, его вѣтеръ задуетъ, я ухожу черезъ кор-

ридоръ въ кухню за башмаками, которые отдали утромъ».

Изъ этихъ двухъ совершенно противорѣчивыхъ показаній о намѣреніяхъ Н. Андреевской надо выбрать одно. Я выбираю первое и положительно отвергаю второе, какъ несомнѣнно несостоятельное. Во-первыхъ, противно природѣ, чтобы несвѣжія воспоминанія были обстоятельнѣе, въ особенности у женщины, ослабленной лѣтами, которая въ послѣдующихъ показаніяхъ наговорила массу вещей, прямо противныхъ первымъ показаніямъ. Кромѣ того, я надѣюсь доказать, что и допросы были тенденціозны, т. е. дѣлались съ цѣлью подогнать показанія подъ факты, считавшіеся обнаруженными; во-вторыхъ, потому что для того, чтобы пройти корридоръ и вернуться, достаточно было маленькаго огарка; въ третьихъ, потому что Нина на ночь не нуждалась въ ботинкахъ, у нея были тѣ, въ которыхъ она была въ этотъ день, и опорки, и наконецъ, въ четвертыхъ, потому что не только стыдливой Нинѣ, но и всякой дѣвицѣ, дамѣ, женщинѣ не прилично идти на кухню въ то время, когда по часамъ челядь, повидимому, раздѣвается или раздѣлась и легла спать. Послѣ того и появленіе ночью между спящими мужчинами вы должны бы признать за явленіе естественное.

Итакъ, Нина сказала: «я скоро приду», не сказавъ, куда идетъ, но само взятіе свѣчки въ подсвѣчникѣ уазываетъ, что она не очень скоро придетъ, или, что скорость, по крайней мѣрѣ, есть понятіе относительное. Подсвѣчникъ нуженъ былъ, чтобы поставить его у лѣстницы, гдѣ его и увидала мать, а ушла она на террасу, передъ открытымъ окномъ матери, и оттуда на спускъ купаться, по извѣданной утромъ тропинкѣ. Не брала ни простыни, ни губки, ни полотенецъ, потому что она была въ чужомъ домѣ, безъ всякихъ принадлежностей туалета и даже безъ бѣлья, котораго у нея свѣжаго, можетъ быть, и вовсе не было, такъ какъ

оно было отдано въ стирку. Но если бы оно и было въ комодѣ, она, можетъ быть, и не взяла бы его, что-бы не беспокоить мать. Не сказавъ матери, куда она идетъ, она исполнила еще поутру задуманное со свойственною ей рѣшимостію и, поставивъ подсвѣчникъ въ корридорѣ, у выхода или лѣсенки на террасу, пришла на террасу; засады здѣсь никому нельзя было устроить, потому что малѣйшій крикъ услышала бы мать и высунулась бы въ открытое окошко. По своему обычаю, она предполагала выкупаться въ бѣльѣ, послѣ чего, сбросивъ его, надѣтъ на босую ногу сапожки, на тѣло—черное платье и кофту. Въ то время, когда она сходила на террасу, возвращался съ противоположной стороны черезъ сторожку Мгеладзе, въ это же самое время Д. Чхотуа и звалъ къ себѣ Коридзе помочь ему раздѣться.

Легкою поступью, свѣтлою лунною ночью, Н. Андреевская спустилась по тропинкѣ, раздѣлась и, не зная мѣстности, не умѣя плавать, попала тотчасъ въ яму, глубиною въ пять аршинъ, у площадки налѣво, яму, которую изслѣдовалъ потомъ Кадуринъ.

Она потеряла почву подъ собою, захлебнулась, не испустивъ крика, потеряла сознание, получила нервный ударъ, къ которому ее располагало полнокрое, и вода со свойственною Курѣ быстротою унесла ее, незамѣченную паромщиками, вдаль за Тифлисъ и до Караяза. Между тѣмъ, наступаетъ 10 часовъ, мать беспокоится, выходитъ въ корридоръ, видитъ подсвѣчникъ. По корридору раздались шаги; то былъ возвращавшійся отъ Д. Чхотуа Зурабъ, вѣроятно, съ платьемъ; на зовъ онъ по обычаю сказалъ «сейчасъ», да и не пришелъ сейчасъ, пока опять не вызвала его своимъ крикомъ В. Андреевская; тогда онъ пришелъ подпоясанный, въ архаху и босой; вѣроятно, босикомъ онъ ходилъ раздѣвать и Д. Чхотуа. Съ Зурабомъ Коридзе В. Андреевская пошла поднимать на ноги всѣхъ домашнихъ, всунула ему въ руки подсвѣчникъ и втокнула его будить Н. Чхотуа. Сама она же кричала «Нинуца» и заставила Д. Чхотуа вы-

сунуться изъ окна. Николай Чхотуа смотрѣлъ спокойнѣе, но Д. Чхотуа весь дрожалъ, пораженный неожиданнымъ извѣстiемъ. Остальное извѣстно. Явились знакомые и не знакомые, въ ихъ числѣ и Цинамзгваровъ; тотчасъ же, въ часъ ночи, возбуждилось подозрѣнiе въ убiйствѣ; въ 2 часа прислуга была арестована; всѣ глаза были устремлены на братьевъ, Чхотуа, что бы они ни дѣлали, стояли или сидѣли, краснѣли отъ внутренняго волненiя или блѣднѣли подѣ устремленными на нихъ взорами пытливыхъ розыщиковъ изъ знакомыхъ враговъ. Д. Чхотуа ставялъ въ вину и то, что онъ на рѣкѣ близъ парома вглядывался пристально въ камень, наблюдая не плывущiй ли это предметъ; и то, что онъ, взволнованный происшествiемъ, омочилъ руки, а можетъ быть, вспрыснулъ холодной воды на горячую голову и лицо; и то, что онъ не позволялъ трогать платье на берегу, пока не придетъ полицiя; и то, что онъ говорилъ «мы погибли»; и то, что, когда внезапно пало подозрѣнiе на домашнихъ, и эти люди, которыхъ онъ зналъ какъ невинныхъ, будучи неожиданно арестованы, смущались, онъ внезапно ободрилъ одного изъ нихъ спокойнымъ словомъ: «не бойся, не погибнешь, невинныхъ людей не губятъ»; и то, что, когда въ послѣдующiе дни его, оставленнаго пока на свободѣ, пронизывали пытливые взгляды публики, его лицо осунулось и губы нервно дрожали,—но вѣдь, въ такомъ положенiи въ одну недѣлю можно посѣдѣть!

Такимъ образомъ, изъ точнаго, обстоятельнаго разсмотрѣнiя дѣла Н. Андреевской вытекаетъ, что ничего нѣтъ въ немъ темнаго, загадочнаго, таинственнаго, что только болѣзненное воображенiе могло искать за естественнымъ ходомъ событiй какихъ-то адскихъ, страшныхъ, ужасающихъ причинъ. Дѣйствительность оказывается безъ всякой поэзiи: она суха и прозаична.

Положимъ былъ человекъ молодой, исполненный будущности, слетѣлъ со второго этажа и убится на смерть; невинное дитя убито было ударомъ грома на полѣ; кра-

сивая дѣвица, купаясь, утонула,—какъ жаль, скажетъ всякій по врожденному человѣку чувству симпатіи, чувству человѣколюбія. Иные, ближе знавшіе утопленницу, потоскуютъ, растрогаются и заплачутъ... Но затѣмъ, какая же вытекаетъ изъ этихъ событій драма, какая мораль, гдѣ чья либо вина? Развѣ вина утопленницы, заключающаяся въ неосторожности.

Но если бы послѣ всего предпосланнаго мною разбора дѣла, вы остановились окончательно, гг. судьи, на такомъ отрицательномъ, нигилистическомъ заключеніи, то вы бы сильно ошиблись. Заключение, что въ дѣлѣ ничего поучительнаго и драматическаго нѣтъ, вытекаетъ только изъ тѣхъ фактовъ, которые я до сихъ поръ подобралъ, сопоставилъ и разобралъ. Я же не всѣ факты вамъ представилъ и доложилъ, есть еще цѣлый непочатый уголъ фактовъ, совершенно особыхъ, совершенно своеобразныхъ, которые хотя и попадались но не достаточнымъ образомъ взвѣшены и оцѣнены, а между тѣмъ они то и даютъ дѣлу особенное, яркое, такъ сказать, электрическое освѣщеніе. Въ виду этихъ фактовъ все заключеніе подлежитъ измѣненію; есть въ дѣлѣ мораль, но она иного рода, есть и потрясающая драма, но не тамъ, гдѣ ее ожидали. Драматично то, что при всей простотѣ дѣла уже осуждены нѣкоторые люди, ничѣмъ неуличенные, что двое изъ нихъ отправились отъ недостатка воздуха, отъ лишенія столь дорогой для нихъ, какъ вода, хотя они и горцы, свободы, на тотъ свѣтъ, что и тѣхъ, которые остались, жизнь надломлена, что несмотря на всю глубину моего убѣжденія и ту опытность, которую я въ теченіи многихъ лѣтъ приобрѣлъ, я сомнѣваюсь, успѣлъ ли я моими словами и доводами разбить гранитъ предрасудковъ и предубѣжденій, который стоитъ предо мною стѣною.

Трагично въ дѣлѣ то, что оно возникло и разбиралось на почвѣ малоспособной, мало удобствъ представляющей для спокойнаго безстрастнаго историческаго изслѣдованія истины, почвѣ, на которой рядомъ съ исто-

рическимъ изслѣдованіемъ, въ уровень съ нимъ, а иногда и переростая его, слагается быль; вмѣсто точнаго преданія—поэтическая легенда, гдѣ ползучія вѣтви сказки совсѣмъ закроютъ дубъ, вокругъ котораго онѣ образовались. Вамъ всѣмъ извѣстны страны благословенныя въ тепломъ климатѣ густаго чернозема, земля тучная, благодатная, плодоносная, но дайте ей залежаться или засѣйте новь, потому, что разъ вы не будете ее полоть, разъ вы не будете ее истощать, пойдутъ бурьянъ, дикая ромашка и всякая другая гадость, и они заглушатъ хлѣбъ; никуда негодныхъ растеній получится бездна, а зерна хлѣбнаго ни-ни.

Въ художественномъ отношеніи эти зеленыя волны высыпающей ромашки и этотъ разросшійся бурьянъ красивѣе хлѣба, но въ хозяйственномъ—они злѣйшіе враги.

Я полагаю, что такое же отношеніе, какъ между бурьяномъ и агрономіей, существуетъ между практической жизнью вообще и легендою, поэзіею, вымысломъ, а въ особенности между судомъ и легендою. Судъ легенды не выносить, потому что двухъ господъ онъ не имѣетъ и служить только одной сухой, простой, иногда вовсе непоэтической, за то безсмертной истинѣ. Когда въ дѣло судебное проникаетъ контрабандою элементъ вымысла, сказки, поэзіи, то онъ худшія сочиняетъ штуки, болѣе плохія оказываетъ услуги, нежели вѣдьмы Макбету въ шекспировской драмѣ. Элементъ этотъ надо преслѣдовать, искоренять. Нѣтъ средствъ, которыхъ бы неслѣдовало употреблять, чтобы избавиться отъ заразы. Я думаю, что всѣ согласны на счетъ вреда страшнаго, происходящаго отъ этихъ паразитовъ, отъ этихъ башибузуконъ, залѣзающихъ въ покой мышленія и мѣшающихъ правильности изслѣдованія.

Но меня могутъ спросить, чѣмъ же я докажу, что въ настоящемъ дѣлѣ замѣтенъ элементъ фантастическій, что легенда затесалась въ судебные протоколы, что красная нитка сказки примѣшалась къ бѣлой тка-

ни точнаго изслѣдованія? Нѣтъ ничего легче, какъ доказать этотъ несомнѣнный фактъ: стоитъ только сослаться, съ одной стороны, на приговоръ окружнаго суда, съ другой—на апелляціонный протестъ товарища прокурора Холодовскаго. Оба документа, главнымъ образомъ, возятся съ этимъ фантастическимъ элементомъ, но ни одинъ изъ нихъ не справился какъ слѣдуетъ. Обратите вниманіе на тѣ характерные въ этихъ документахъ мѣста, на которые я вамъ укажу далѣе.

Я вамъ напомню часть приговора окружнаго суда, которая относится къ оцѣнкѣ показаній и образа дѣйствій агентовъ правительства и свидѣтелей Лоладзе, Бѣлика, Маркарова, а также арестантовъ Мусы-Измаиль-Оглы и Церетели, относительно подсудимыхъ Коридзе и Мгеладзе. Я позволю себѣ рассказать вкратцѣ факты изъ дѣла. Съ 22 іюля по 23 ноября спрашивали всю прислугу, слѣдовательно Коридзе, Мгеладзе и Габисонію, и посадили въ секретъ, какъ предполагаемыхъ убійцъ. Представьте себѣ положеніе этихъ темныхъ людей и этихъ горцевъ, ничего не смыслящихъ въ общественныхъ и въ особенности въ русскихъ порядкахъ. Намъ, понимающимъ ихъ смыслъ и ходъ, не всегда легко остеречься, чтобы эти шестерни и колеса насъ не раздавили, а что же имъ, которымъ эти учрежденія представляются какъ роковыя силы, какъ приближающаяся смерть отъ пожара, наводненія—не разсуждать, а спастись. Люди малые, сидѣвшіе больше въ кухнѣ и ничего не знающіе, они смекнули, что травля имѣетъ предметомъ болѣе крупнаго звѣря, а не ихъ мелкотравчатыхъ, что сила бѣльшая противъ Чхотуа. Они усомнились, сдобровать ли ему, а потому по политикѣ, свойственной людямъ маленькимъ и темнымъ, и приняли свои мѣры выйти изъ потока уликъ. Виновать, или не виновать Чхотуа, это ихъ не занимало. Его преслѣдуютъ, Богъ его знаетъ, можетъ быть и виновать, да мы то не виноваты. Крѣпились, крѣпились долго, да и пошли потомъ сами же на доносы. Доносы имѣли цѣлью выгораживаніе

самихъ себя. Они показали, сперва Коридзе, потомъ Мгеладзе: «мы видѣли какъ Чхотуа распорядился убійствомъ, вмѣстѣ съ невѣдомыми, чужими людьми, мы были съ кинжалами и револьверами, но и убійцы тоже». Объясненіе глупое: Чхотуа не могъ рѣшиться, не заручившись содѣйствіемъ домашнихъ, а если онъ имѣлъ ихъ на своей сторонѣ, то ему незачѣмъ было приводить чужихъ людей. Одинъ только Габисонія былъ какъ скала крѣпокъ, но и на того пошли показанія не совсѣмъ то надежныхъ свидѣтелей, тюремныхъ, сидѣльцевъ, людей, что называется прожженныхъ, осужденныхъ, лишенныхъ правъ состоянія, которые изъ услужливости начальству приняли на себя несомнѣнно неприличную, неоправданную роль лазутчиковъ. Таковы показанія Церетели и татарченка Мурада-Али-Оглы и Мусы-Измаиль-Оглы. Эти лазутчики писали и говорили, что при нихъ Габисонія сознался, что онъ былъ свидѣтелемъ убійства Н. Андреевской, съ мельчайшими подробностями обрисовали даже и экономическую сторону дѣла, т. е. сколько каждому изъ своихъ клеветовъ убійцъ далъ серебряниковъ Д. Чхотуа. Габисонія молчалъ, однако, твердо, какъ камень. Изъ доносившихъ на него лазутчиковъ въ моментъ судебного слѣдствія Церетели оказался больнымъ въ военномъ госпиталѣ, Али-Оглы — сосланнымъ уже въ Эривань; доставленъ одинъ Муса, но показаніе его вмѣсто того, чтобы окончательно уличить Габисонію, явилось на судѣ совершеннымъ откровеніемъ, лучемъ свѣта, озарившимъ цѣлую подготовительную стряпню въ дѣлѣ, цѣлый рядъ странныхъ, я смѣло скажу, преступныхъ маневровъ, подготовляющихъ показанія, прежде чѣмъ таковыя показанія облеклись въ юридическую форму протоколовъ судебного слѣдствія.

Муса татаринъ, хотя и каторжникъ, но подъ присягою, которую мусульмане вообще сильно уважаютъ, объявилъ, что осужденный и выше всякаго описанія несчастный, онъ поступилъ въ сыщики къ полицейскому

офицеру Ваалу Лоладзе, который обѣщалъ выхлопотать ему свободу отъ Великаго Князя, дать 2 т. рублей, а самому получить чинъ, если откроются убійцы Н. Андреевской. Муса пролежалъ 15 дней въ госпиталѣ съ другими, точно также посторонними, выпытывающими, вымучивающими у Габисоніи его сознание. Онъ приставалъ къ Габисоніи цѣлыхъ 4 дня. Для добытія истины употреблялось и вино. При докторѣ Маркаровѣ Лоладзе вынулъ изъ собственнаго кошелька 60 коп. на спаиваніе, но оно не удалось. Тогда приступлено было къ простому сочиненію показанія Габисоніи. Муса боялся присяги, его увѣрили, что онъ присягать не будетъ. Лоладзе училъ Мусу, что показывать и Муса повторялъ за нимъ тѣ же слова, затѣмъ былъ родъ домашняго экзамена при старшемъ полиціймейстерѣ Бѣликѣ. Наконецъ, показаніе, сочиненное и лживое, было облечено въ форму слѣдственнаго протокола. Впослѣдствіи Муса хотѣлъ взять назадъ свое показаніе, но онъ удержанъ былъ слѣдователемъ съ просьбью, который ему посовѣтовалъ держаться стараго, а то ему будетъ жестокое наказаніе.

Каторжнику можно было не вѣрить, но вотъ въ чемъ особенность его показанія: оно находитъ множество неожиданныхъ подтвержденій съ той стороны, съ которой ихъ трудно было ожидать, а именно, отъ доктора Маркарова и старшаго полиціймейстера Бѣлика, послѣ которыхъ намъ остается только послѣдовать примѣру окружнаго суда и признать все то правдой, что говорилъ Муса. Оба они наивно и безъ того, чтобы совѣсть ихъ мучила, участвовали съ Лоладзе въ предварительной обработкѣ подсудимыхъ и выпытываніи отъ нихъ сознаний, не подозрѣвая ничего въ томъ дурного, думая, что дѣлаютъ доброе дѣло и способствуютъ правосудію.

Докторъ Маркаровъ не сознается, что онъ мучилъ голодомъ Габисонію, чтобы вымучить сознание, какъ то прямо удостовѣряетъ Мурадъ-Али-Оглы, но сознается,

что онъ, докторъ, не въ видахъ лѣченія, а въ видахъ наказанія за непослушаніе, посадилъ этого Лазаря, на которомъ, какъ видите, только кожа да кости, на польпорціи, т. е. всетаки морилъ голодомъ. Этотъ же докторъ Маркаровъ открылъ ту знаменитую царапину на груди, которая какъ рана уже не признана, но превращена въ улику, вышла даже какъ улика въ рѣшеніи суда. Этотъ же докторъ Маркаровъ помогаль Лоладзе не выписывать, какъ самъ говоритъ, изъ лазарета Мусу и Мурада и обязательно командироваль своего солдата въ кабакъ за виномъ, чтобы напоить, да—напоить Габисонію, и въ пьяномъ видѣ заставить его сознаться. Къ довершенію красивой картины прибавлю, что есть въ дѣлѣ вещественное доказательство, а именно письмо ищейки Церетели къ доктору Маркарову: «Мой милостивый баринъ, который приказаль написать относительно дѣла, какъ расскажетъ Габисонія»... Это письмо обнаруживаетъ, что, подобно г. Цинамзгварову, онъ счель совмѣстимыми обязанности доктора съ ролью добровольца-разыщика, несчастный человѣкъ, а не докторъ! Къ чести русской медицины, я надѣюсь, что мало найдется людей, которые рѣшились бы на такое явное забвеніе обязанностей своего званія и искусства. Г. полковникъ Бѣлликъ, старшій полиціймейстеръ, одобрительно отзываясь, а также наивно рассказывая, какъ его субалтернъ-агентъ Лоладзе выдаетъ себя за ходатая по частнымъ дѣламъ, за друга и помощника, подосланнаго къ подсудимымъ ихъ родственниками,—слѣдовательно совершаль актъ возмутительный обмана и измѣны,—самъ производилъ нравственное давленіе на подсудимыхъ, обѣщая имъ освобожденіе изъ одиночнаго заключенія и помѣщеніе въ общей камерѣ, если они сознаются, т. е. склоняль тенденціозно къ заранѣе по содержанію опредѣленному показанію оказаніемъ выгодъ, вѣроятно, бывшихъ въ его власти, хотя по бумагамъ и по закону они числились тогда за судебнымъ слѣдователемъ. Превышеніе власти, обработка предварительная, соеди-

ненная съ фальсификацію свидѣтельскихъ показаній, пытка, подстрекательство ко лжи,—всѣ уголовныя красоты, собранныя въ одинъ букетъ, совмѣщаются въ картинѣ, которую имѣлъ предъ собою окружный судъ. Судъ не остановился на богатой находкѣ, никто не преданъ суду, не возбуждено преслѣдованія противъ Лоладзе, благоразумно не явившагося. Спасибо ему и за то, что онъ произвелъ извѣстнаго рода ампутацію, выбросивъ за бортъ нѣсколько, очевидно, фальшивыхъ доказательствъ изъ тѣхъ, которыя были подобраны самимъ обвиненіемъ; что онъ устранилъ всѣ показанія, имѣющія предметомъ усиливать вину, устранилъ добытое сознаніе Габисоніи; все это понятно, это само собою слѣдовало изъ обстоятельствъ судебного слѣдствія, съ этимъ согласенъ и прокуроръ, который не отрицаетъ, что Лоладзе допустилъ нѣкоторыя дѣйствія неправильныя и недозволенныя закономъ. Но судъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выкинулъ какъ недостоверныя, полупризнанія и другого подсудимаго Мгеладзе, а, слѣдовательно, и третьяго Коридзе, такъ какъ, если онъ промолчалъ о Коридзе, то только потому, что Коридзе былъ живъ, и что всякое сужденіе о недостаточности его признанія было бы преждевременно до явки Коридзе на судъ и либо утвержденія, либо отрицанія слѣдственныхъ показаній. Судъ заключилъ, что если Лоладзе вымучилъ показаніе у Габисоніи неудачно, то тѣ же способы онъ долженъ былъ употреблять и въ отношеніи Мгеладзе и Куридзе, т. е. спаиваніе водкой, обѣщаніе выгодъ, принятіе на себя не принадлежащаго ему званія, однимъ словомъ, насиліе и обманъ. Изъ сего судъ заключилъ, что сознаніе, выманенное у Мгеладзе, а, слѣдовательно, и у Коридзе, вопреки закону, посредствомъ ухищреній и обѣщаній выгодъ, драгоценныхъ для содержащагося въ одиночномъ заключеніи, не могло внушить ни малѣйшаго довѣрія. Однимъ словомъ судъ поступилъ какъ тотъ, кому придется подавать на столъ гнилое яблоко съ темнобурымъ пятномъ: сначала онъ

вырѣзываетъ пятно, а потомъ подаетъ бѣлый остатокъ. Вотъ изъ за этого гнилаго пятна и завязался споръ между прокуратурою и судомъ; это составляетъ главную тему апелляціоннаго протеста. Г. товарищъ прокурора употребляетъ слѣдующій пріемъ: поддѣльно сочиненное доказательство онъ называетъ нерегулярнымъ, не совсѣмъ правильнымъ и заключаетъ: если неправильно отобранныя при незаконномъ, напр., обыскѣ или выемкѣ вещественныя доказательства не пропадаютъ, а всетаки употреблены для дѣла, то и иррегулярно добытыя показанія Мгеладзе и Коридзе не должны пропадать; имъ нельзя вѣрить, когда они выгораживаютъ себя, но имъ надо вѣрить, когда они обвиняютъ другихъ, напр., Д. Чхотуа. Я полагаю, что такой взглядъ весьма выгоденъ для обвиненія, какъ средство захватить въ разставленныя тенета возможно большее число людей за одинъ разъ, и виноватыхъ, которымъ не вѣрять, и оговариваемыхъ виноватыми, на которыхъ эти послѣдніе сваливаютъ свои грѣхи. Но, чтобы способъ этотъ былъ законный, правильный и согласный съ истиною, въ томъ да позволено мнѣ будетъ усомниться на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній.

Понятія, правильно и неправильно, съ одной стороны, и подложно или не подложно — съ другой, принадлежатъ къ совсѣмъ различнымъ категоріямъ мышленія. Фальшивая бумажка нельзя сказать, что неправильна, потому что на ней не соблюдены всѣ тѣ знаки, которые неподдѣльны, а потому, что она фальшивая, т. е. обманнымъ образомъ фабрикуется частными лицами. Такъ точно и показанія сфабрикованныя Лолодзе не неправильны, а подложны; они могутъ служить вещественнымъ доказательствомъ, но только противъ него; по обвиненію его по 237 и 942 ст. улож. о нак., грозящимъ за подобныя дѣйствія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы. Я отвергаю и теорію г. товарища прокурора о вещественныхъ доказательствахъ, будто бы вещественное доказательство непре-

мѣнно будетъ доказательствомъ, гдѣ бы и какъ бы оно не было бы добыто. Если бы мнѣ, какъ частному лицу предоставлено было произвести обыскъ у моего противника и представить добытыя, такимъ образомъ, будто бы при этомъ обыскѣ, доказательства вещественныя, то я сомнѣваюсь были ли бы признаны отобранныя, такимъ образомъ, у него деньги и бумаги доказательствомъ противъ него; за такой обыскъ я бы заплатился. Равнымъ образомъ, если бы слѣдователь, завѣдомо сталъ производить слѣдствіе, въ которомъ онъ непосредственно заинтересованъ, я полагаю, что были бы выброшены, какъ негодныя, всѣ представленные имъ топоры, ломы, ружья и лопаты и не повѣрили бы кровавымъ знакамъ на платьѣ, потому что всѣ эти вещи были въ подличающихъ, нечистыхъ рукахъ и могли легко подвергнуться фабрикаціи. Я удивляюсь тому развязному способу оцѣнки доказательствъ, по которому одно и то же доказательство, заключающееся въ показаніи, считается и годнымъ и негоднымъ, не по своему содержанию, а по цѣли, для которой могло бы быть употреблено. Я согласенъ въ томъ, что нѣкоторыя вещи могли быть испорчены въ частяхъ, какъ напримѣръ, половина фрукта гнилая, но я утверждаю, что есть предметы, и къ числу ихъ относятся показанія, которыя въ техническомъ отношеніи на судѣ признаются совершенно испорченными, напримѣръ, какъ испорченъ стаканъ чаю, если въ него влита ложка чернилъ. Мнѣ невольно приходитъ на мысль сходство признаній Мгеладзе и Коридзе съ такимъ стаканомъ чая, приправленнымъ чернилами. Стаканъ чаю былъ поданъ въ обвинительномъ актѣ, изъ него хлебнули, выслушавъ Мусу, отвернулись послѣ глотка, стаканъ весь негоденъ. Нѣтъ, говоритъ г. товарищъ прокурора въ протестѣ: не годенъ былъ глотокъ; но отчего же не допустить, что кромѣ того глотка все остальное содержимое стакана превосходно. Я могу доказать, что оно не превосходно. Показаніе не можетъ быть никогда сравнено съ вещественнымъ доказатель-

ствомъ, или, если его сравнивать, то съ такимъ, какъ чай съ чернилами, медъ, приправленный дегтемъ.

Всякая рѣчь, слово, показаніе не есть изображеніе вещей или предметовъ, но тольکو нашихъ идей и представленія о предметѣ, они окрашены нашимъ я, проникнуты нашею субъективностью, суть произведеніе внѣшнихъ впечатлѣній и нашей субъективности.

Когда лице показываетъ о предметѣ, то возникаютъ два вопроса: первый, могло ли оно наблюдать, не было ли въ его умѣ нелѣпныхъ идей, предразсудковъ, превратныхъ и кривыхъ понятій, которые бы ему помѣшали наблюдать событіе, и второй вопросъ—хочетъ ли лице показывать правду, т. е. не заинтересовано ли оно корыстью, не поставлено ли оно угрозою и страхомъ въ необходимость лгать и представлять въ превращенномъ видѣ то, о чемъ его спрашиваютъ. Разъ только доказано, что былъ страхъ, былъ обманъ, ухищреніе, вымогательство, все показаніе въ конецъ испорчено до такой степени, что не только судья, но даже историкъ, не пренебрегающій никакимъ матеріаломъ, не рѣшится его употребить. Утверждать, что показаніе, хотя и вымученное, можетъ служить доказательствомъ, значить, не знать исторіи, ни отмѣны пытки въ 1801 году, ни наказа Екатерины, ни стараго, ни новаго судопроизводства, значить пытаться вернуть насъ къ блаженнымъ временамъ петровскимъ и Алексѣя Михайловича, когда вздергивали на дыбу, садили на кобылку, ломали ноги, завинчивая испанскіе сапоги; сказаль подсудимый, хотя его мучили, значить повинился, и дѣло съ концомъ, и приговоръ готовъ. Къ счастью, до этого позора и до святой инквизиціи мы не дожили и вымученныя сознанія обращаются, прежде всего, противъ вымучившаго. Главный вопросъ, вымучены ли сознанія у Мгеладзе и Коридзе. Но на этотъ счетъ не можетъ быть сомнѣнія, это удостовѣряютъ нѣмые габисоніевскіе свидѣтели.

По показанію Мусы, Лоладзе безъ вѣдома доктора выписаль его изъ лазарета, посадилъ къ Зурабу Ко-

ридзе и, сочинивъ показаніе, училъ, какъ показывать. И старшій полиціймейстеръ Бѣлликъ совѣтовалъ показывать, какъ научилъ Лоладзе. Все это происходило въ метехскомъ замкѣ. Даже Бѣлликъ самъ признаетъ, что онъ обѣщаль Мгеладзе выводъ изъ одиночнаго заключенія и смягченіе наказанія за признаніе. Кромѣ того, имѣется съ печатью правдивости показаніе Дм. Сапара-Швили, что Мгеладзе и Коридзе обвиняли другъ друга въ ложныхъ доносахъ по наущенію Лоладзе, и что передъ смертью Мгеладзе страшно мучился и приказаль ему, Сапара-Швили объявить, что мучимый Лоладзе, онъ напрасно оклеветаль невинныхъ людей.

Итакъ, гг. судьи, правильно поступилъ судъ, отвергнувъ полупризнанія Мгеладзе и Коридзе, какъ зараженныя органическимъ порокомъ, какъ явно противозаконныя, вымученныя.

Но при отсѣченіи пораженныхъ антоновымъ огнемъ членовъ, надо дѣйствовать энергично и рѣшительно, надо вырѣзывать гнилое съ корнемъ, надо вглубь рѣзать яблоко и захватывать не только темнобурое пятно, но и свѣтлобурюю полость, отдѣляющую гнилое отъ здороваго. Судъ не сдѣлалъ ни того, ни другого; онъ не предалъ суду Лоладзе, слѣдовательно, не пошелъ вглубь; онъ и не всѣ гнилыя пятна очистилъ, напротивъ того, многими пользовался. Возьмемъ, на примѣръ, его отзывъ о показаніи Дгебуидзе. Свидѣтель этотъ, говоритъ судъ, показалъ на предварительномъ слѣдствіи, что за недѣлю до убійства, Габисонія спрашивалъ его, какъ поступить ему: его подговариваютъ убить Андреевскую. Это показаніе ничѣмъ не опровергнуто, а потому не можетъ возбуждать подозрѣнія въ достовѣрности, ergo... и т. д. Вы спросите, кто такой Дгебуидзе? Я вамъ на это отвѣчу, что это каторжникъ, лишенный правъ состоянія, обязательно доставленный къ слѣдователю г. Цинамзгваровымъ и пропавшій безслѣдно, такъ что его не могли розыскать. Напрасно Габисонія клянется, что его въ глаза не видѣлъ, что они и не знакомы, что въ Але-

ксандровскомъ саду не могъ совѣтоваться, потому что изъ дѣла явствуется, что за недѣлю до событія еще не существовало даже того мотива неудовольствія, который эксплуатируется обвинительнымъ актомъ,—удаленія Д. Чхотуа отъ званія управляющаго, — а все-таки Габисонія долженъ опровергнуть показаніе Дгебуидзе. Да, предъ такимъ пріемомъ, предъ такимъ судомъ кто же устоитъ и очистится? Волосы становятся дыбомъ: ворипека, бродяга, не помнящій родства заявитъ въ глаза мнѣ, прожившему на виду всего общества 50 лѣтъ: «ты сознавался мнѣ, что ты краль, что ты убилъ, или совершилъ прелюбодѣяніе» и я буду осужденъ, потому что я не опровергъ. А какже я могу опровергнуть, доказывать не бытіе факта, что я не краль, что я не убивалъ, и долженъ я буду предъ такимъ судомъ преклонить выю и сказать, я погибъ, потому что ворипека рѣшился меня обогатить, и я его показанія не опровергъ.

Есть и другой свидѣтель, доставленный тоже г. Цинамзгваровымъ, нѣкто Кирилъ Ковальскій, лѣсной сторожъ въ Дрѣ, который показывалъ вещь важную, что Д. Чхотуа похвалялся, что скоро попрежнему сдѣлается управляющимъ. Къ несчастію, онъ только слышалъ это отъ другаго сторожа, Георгія; къ еще большому несчастію, этотъ другой сторожъ Георгій Модсбадзе отвергаетъ слова Ковальскаго, говоря, что ничего подобнаго не было и что онъ этого не говорилъ. Напрасно.

Слова Ковальскаго остаются. Дѣлается предположеніе, что, можетъ быть, былъ другой сторожъ Георгій и противъ этого parti pris вѣрить не помогаетъ ничѣмъ не опровергнутое показаніе Д. Чхотуа, что лѣсниковъ было не много и что одного изъ нихъ только, и то свидѣтеля по слухамъ, доставилъ къ слѣдствію мировой судья — поставщикъ свидѣтелей, — это явленіе рѣдкое, пикантное. Негодныхъ этихъ свидѣтелей поставилъ г. Цинамзгваровъ. Есть и другіе напр., рыбаки, которые и прежде прошли чрезъ его руки и уже имъ опрошен-

ные доставлены съ слѣдователю. Показанія ихъ, данныя Цинамзгварову, были потомъ закрѣплены формально. Въ теченіи всего слѣдствія г. Цинамзгваровъ стоитъ по срединѣ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, съ нимъ совѣтуются, когда допрашиваютъ Церетели и другихъ свидѣтелей изъ каторжниковъ, его слушаются, всѣ нити слѣдствія скрещиваются въ его лицѣ, и если есть одно темное пятно, которое уже судомъ немножко соскоблено, имя же ему Лоладзе, то есть еще другое, въ противоположной сторонѣ, которое называется Цинамзгваровъ. Я не дѣлаю г. Цинамзгварову той обиды, чтобы поставить его, хотя на одну минуту, рядомъ съ полицейскимъ офицеромъ Вааломъ Лоладзе: разница между ними громадная: та, что Лоладзе, какъ утверждаютъ арестанты, выслуживается, а Цинамзгваровъ является усердно безкорыстнымъ розыскателемъ истины; но, именно, потому что у Цинамзгварова болѣе убѣжденія, я считаю вліяніе его гораздо злокачественнѣе лоладзевскаго, потому что въ убѣжденіи даже ложномъ есть магическая сила, оно сильнѣе крупновскихъ пушекъ, оно заразительно. Я въ сущности не удивляюсь, что и слѣдователи имъ заразились. Да позволено мнѣ будетъ на минуту остановиться и обрисовать ту въ высшей степени оригинальную роль, какую играетъ въ этомъ дѣлѣ г. Цинамзгваровъ.

Г. Цинамзгваровъ, по его собственнымъ словамъ, есть завсегдашній понятой по всѣмъ важнымъ дѣламъ, какія встрѣчаются въ Тифлисѣ, объ убійствѣ консула и другихъ; такъ какъ, по его словамъ, онъ не можетъ отказывать слѣдователю въ своихъ совѣтахъ... Я не считаю нужнымъ останавливаться на томъ, что 1) такой завсегдашній понятой совсѣмъ не соотвѣтствуетъ понятію понятаго; по закону это все равно, что если судья, вмѣсто того, чтобы обновлять комплектъ присяжныхъ засѣдателей стали бы брать въ комплектъ однихъ и тѣхъ же засѣдателей и 2) какъ страшень, какъ опасень такой понятой — руководитель, такой доброво-

лецъ, не связанной обязанностями своего званія и не отвѣчающій за свои промахи, этотъ Габорисъ, произведенный въ судебные слѣдователи. Андреевскихъ Цинамзгваровъ не зналъ. Объ нихъ могъ только слышать вскользь отъ своего родственника Сулханова; первый разъ былъ онъ въ домѣ Андреевскихъ въ ночь послѣ происшествія съ Н. Андреевской. Цинамзгваровъ откровенный человѣкъ, онъ весьма просто и наивно изобразилъ всѣ душевные процессы, совершавшіеся въ его душѣ. Тропинка, дѣйствительно, крутая. Цинамзгваровъ убѣдился, что Н. Андреевская, которую онъ не зналъ, не сходила купаться по этой тропѣ. Поднялъ сапожки, посмотрѣлъ, эти сапожки были цѣлое откровеніе: они сухіе, со слѣдами зелени. Цинамзгваровъ убѣдился, что тутъ кроется преступленіе и тотчасъ же немедленно посовѣтовалъ арестовать прислугу. Когда люди были арестованы и смутились, смутившись же перекинулись двумя, тремя словами съ Чхотуа, Цинамзгваровъ восклицаетъ въ показаніи словами сыщика: «мы накрыли, Габисонія говорилъ, значить, старался скрыть преступленіе», потому, что преступленіе уже для Цинамзгварова несомнѣнно. Убѣжденный окончательно сухими сапожками въ виновности прислуги, мало того и Давида Чхотуа, Цинамзгваровъ, какъ Гамлетъ послѣ явленія тѣни отца, продѣлываетъ почти все то, что продѣлываетъ Гамлетъ въ знаменитой сценѣ театра. Онъ впивается глазами въ лицо Чхотуа и малѣйшую нервную дрожь въ теченіе этой ночи, столь богатой ощущеніями, онъ приписываетъ смущенію совѣсти. Онъ накрываетъ бр. Чхотуа, когда у нихъ при мысли объ обыскѣ, лица сдѣлались, какъ бѣлое полотно. Чхотуа ломалъ себѣ руки, измалъ бороду, чуть съ нимъ дурно не сдѣлалось. Какое противорѣчащее показаніе съ показаніемъ, даннымъ Ив. Сумбатовымъ на судебномъ слѣдствіи. Сумбатовъ говорилъ, что Д. Чхотуа такъ равнодушно относился ко всему, что происходило, что это не могло его не удивить. Цинамзгваровъ ѣдетъ въ степь съ Кобіевымъ ос-

матривать трупъ; присутствуетъ при вскрытіи, наблюдаетъ прижизненные кровоподтеки, принимаетъ участіе въ подготовкѣ фальшивыхъ свидѣтелей полиціей, въ спросѣ ихъ на слѣдствіи, какъ напр., Церетели, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ винѣ Чхотуа или лучше сказать, наблюдая какъ его убѣжденіе, которое сложилось цѣльное и полное, торжественно господствуетъ, увлекаетъ за собою, какъ неудержимый потокъ. Въ средствахъ онъ неразборчивъ, онъ самъ поставляетъ каторжника Дгебуидзе, т. е. содѣйствуетъ тому, чтобы вторгались башибузуки, чтобы подонки общества всплывали на его поверхность.

Съ Цинамзгаровымъ имѣло мѣсто то, что бываетъ со всякимъ увлекающимся, со всякимъ фанатикомъ; не въ немъ сидѣла идея, но онъ весь ушелъ въ идею, завоеванъ ею, готовъ бы ею клясться, на нее присягать. Такіе люди прямые создатели легендъ. Легенду не въ состояніи сочинить, пустить въ ходъ какой нибудь Лоладзе,—она требуетъ живой вѣры. Когда эта живая вѣра произвела свое дѣйствіе, когда ей поддались сотни и тысячи субъектовъ болѣе слабосильныхъ, посредственныхъ, тогда, и только тогда, являются спекулянты, которые на этой вѣрѣ строятъ свои расчеты и на ней уже возводятъ свои хитроумныя постройки. Разница между обоими дѣятелями, какъ между вдохновеннымъ пророкомъ начала всякой религіи и авгуромъ, опытнымъ въ надувательствѣ публики. Именно вслѣдствіе этого убѣжденія г. Цинамзгаровъ легъ пудовою гирею на вѣсахъ и перетянулъ чашку обвиненія. Не знающая подробностей, жадная къ самымъ пикантнымъ открытіямъ, публика, видя и слыша это лице, отъ самаго алтаря правосудія исходящее, знающее послѣдній протоколъ, вѣдающее результаты послѣдняго допроса и послѣдней выемки, съ разинутыми ртами ловила каждое изрѣченіе и повторила въ сущности на тысячу ладовъ, какъ самую правду, личныя, субъективныя убѣжденія г. Цинамзгарова, приучилась на всѣ обстоятельства дѣла, даже безразличныя,

смотреть его предубѣжденными глазами. Этому настроенію публики вторила и печать, печати всегда выгоднѣе угадывать вкусъ толпы, нежели идти противъ потока. Обрисовалось странное явленіе, травля людей, противъ которыхъ вооружилось все общество. Какъ грибы послѣ дождя, являлись свидѣтели обвиненія по собственному вызову, и свидѣтели большею частью фальшивые, напр., Оскановъ, обвинявшійся въ мошенничествѣ, который со словъ Хундадзе назвалъ даже № 406 фазтона, въ которомъ увозили Андреевскую въ мѣшкѣ, но когда ему предъявили Хундадзе, то онъ его не призналъ. Въ дѣлѣ есть весьма интересный отзывъ редакціи Тифлискаго Вѣстника о томъ, что чуть ли не каждый день получаемы были предложенія и совѣты открыть при редакціи подписку на увеличеніе средствъ сыскной полиціи по открытію убійць Н. Андреевской. Я не имѣю положительныхъ данныхъ, но я слыхалъ, что подобныя сборы дѣлались, и можетъ быть на нихъ то и рассчитывалъ располагающій извѣстными средствами на подпаваніе подсудимыхъ Ваалъ Лоладзе. Въ одинъ тонъ съ публикою настроена была и судебная власть, приглашавшая Цинамзгварова въ качествѣ непремѣннаго понятого, въ качествѣ совѣтника и участника въ слѣдствіи. Есть постановленія и протоколы, которые до того поражаютъ своею необычайностью, что ничего подобнаго не встрѣчается во всѣхъ концахъ и мѣстностяхъ обширной Россіи, по крайней мѣрѣ, той ея части, гдѣ дѣйствуютъ судебныя уставы. Для примѣра я укажу на постановленіе о Мелитонѣ Кишіани. Это былъ бывший слуга, рассчитанный Д. Чхотуа. 22 іюля онъ заходилъ въ домъ Шарвашидзе. Это и была единственная сильная улика, на основаніи которой постановили его арестовать съ прибавкою: «есть противъ него и другія улики, которыя не могли быть приведены, такъ какъ сообщеніе ихъ обвиненіемъ могло бы быть вредно для дѣла». Второй примѣръ. Производившимъ кутаисское слѣдствіе постановлялось предложеніе полиціи дознать между какими

лицами вращался кн. Шарвашидзе, и не готовился ли онъ послать въ Россію убить своего шурина К. Андреевскаго. Полиція можетъ дѣлать о чемъ угодно дознанія; каждый увѣренъ, что я спокоенъ подъ щитомъ судебной власти, какъ начинается дѣло безъ законныхъ къ слѣдствію основаній. Если дано предписаніе о дознаніи, то и полиція должна предположить, что есть уже законныя основанія предполагать, что Шарвашидзе настоящій убійца. Я васъ прошу указать, гдѣ эти данныя? По темнымъ слухамъ слѣдователь рѣшается повѣрить, не убійца ли человекъ, на котораго не подано даже и доноса. Третій примѣръ. Когда началось слѣдствіе въ Кутаисѣ о томъ, гдѣ обѣдаютъ и завтракаютъ князя Шарвашидзе и Анчабадзе, появились анонимныя письма, грозившія разными непріятностями слѣдователю. Можетъ быть эти анонимныя письма и подкинулъ В. Г. Чхотуа, но его привлекли къ отвѣтственности, на основаніи однихъ анонимныхъ писемъ, по подозрѣнію въ убійствѣ Н. Андреевской, 28 августа 1876 г. и, вопреки 398 статьи, допросили только 2 сентября, слѣдовательно съ произвольнымъ лишеніемъ свободы въ теченіи пяти дней, такъ какъ постановленіе о заарестованіи могло послѣдовать только послѣ привода и допроса.

Подъ вліяніемъ сложившагося предубѣжденія и въ обществѣ, и въ магистратурѣ, производилось слѣдствіе, искало силъ и лицъ, для которыхъ Чхотуа былъ будто бы только ширмою, гдѣ обрывались факты подставляло гипотезы и подгоняло показанія свидѣтелей и факты къ предвзятымъ предположеніямъ и объясненіямъ. Тенденціозность опредѣлилась на всемъ объемѣ слѣдствія. Конечно, въ большей части случаевъ доказать такой тенденціозности нельзя; она сказала въ томъ, что оправдывающія обстоятельства только намѣчены вскользь, но есть два рода показаній, въ которыхъ ясно, какъ на ладони, обнаруживается неправильный процессъ подтравливанія и прилаживанія ихъ къ предвзятой идеѣ, а

именно показанія подсудимыхъ Мгеладзе и Коридзе, и показанія В. Андреевской; въ обоихъ случаяхъ допрашивали несмѣтное число разъ и добывали данныя, совсѣмъ противныя прежде добытымъ, но прямо соотвѣтствующія измѣнившимся представленіямъ и взглядамъ слѣдователя.

Итакъ, что касается до подсудимыхъ Мгеладзе и Коридзе, то прежде всего въ разсказахъ этихъ сквозить намѣреніе обрисовать и дѣйствующихъ лицъ, Н. Андреевскую и Д. Чхотуа такимъ образомъ, чтобы сдѣлалась правдоподобною ихъ вражду. Но приемъ употреблялся такой, какъ у писателя, который, не зная народа, думаетъ, что онъ живымъ его перенесъ въ свой разсказъ, если вложилъ въ уста своихъ героевъ—пейзанъ нѣсколько ругани и похабщины. Н. Андреевская и Д. Чхотуа ругаются какъ пастухи или гренадеры. Н. Андреевская въ чужомъ домѣ чужую прислугу обзываетъ мамадзагли (собачій сынъ). Д. Чхотуа говоритъ при наклеиваніи билетиковъ: довольно того, что вы уже съѣли. Д. Чхотуа говоритъ: зачѣмъ эти проклятые пріѣхали и беретъ съ Зураба Коридзе клятву въ такомъ родѣ: пусть меня причастятъ собачьей кровью, если я выдамъ. Неправда ли, какая бездна *couleur locale* жаль только что картинка выходитъ суздальская, азбучная, какъ разъ соотвѣтствующая уровню пониманія сочинителей. Оба показанія Мгеладзе и Коридзе относительно образа совершенія преступленія основаны на первоначальномъ предположеніи полиціи, что трупъ тутъ же кинули въ рѣку, лѣвѣе водоворота, и что безпрепятственно онъ проплылъ до Караяза. Для того, чтобы бросить, должны были входить въ рѣку; вотъ почему, по словамъ Коридзе, сапоги у Чхотуа были совсѣмъ мокрые.

Вынудить то полупризнаніе которое сдѣлано Мгеладзе и Коридзе, можно было только обѣщая имъ безнаказанность или смягченіе наказанія, а достигнуть того и другого можно было, только придумавъ объяс-

неніе въ родѣ компромисса, чтобы и волки были сыты, и овцы остались цѣлы. Людей не предупредили, ихъ заставили быть безмолвными свидѣтелями убійства, да взяли клятву, что они будутъ молчать. Какъ средство заставить ихъ уличать Д. Чхотуа, выведены на сцену призраки четырехъ туманныхъ рыцарей въ темныхъ черескахъ, съ кинжалами. Д. Чхотуа стоитъ во главѣ ихъ. Для облегченія ихъ работы Д. Чхотуа приказалъ убить одну и запереть остальныхъ собакъ. У него при обыскѣ 2 августа не найдено, къ сожалѣнію, ни грязныхъ сапоговъ, ни полусапожекъ, но оказался револьверъ. Имъ машетъ онъ и кричитъ Мгеладзе: «убью и брошу трупъ твой въ рѣку». Окно, по показанію Мгеладзе, было открыто несомнѣнно; по несомнѣнному удостовѣренію В. Андреевской, оно было заперто и завѣшено. Такова была первая серія показаній, добытыхъ въ то время, когда Габисонія еще крѣпился и когда его уличали только языки Церетели и Мусы-Оглы.

Показаніе Церетели не провѣрено, но есть его знаменитая записка; есть и показаніе при слѣдствіи Мусы, столь блистательно имъ опровергнутое на судѣ. Въ обоихъ готовится совершенно новое объясненіе убійства въ связи съ распространившимися сомнѣніями—могла ли Н. Андреевская проплыть въ одну ночь отъ Тифлиса до Караяза. Если она не проплыла, то ее вывезли и и бросили; если вывезли и бросили, то долженъ быть кто нибудь видѣть фэатонъ и стали, съ одной стороны, разыскивать людей, которые видѣли чѣмъ нибудь особеннымъ отличающіеся по способу ѣзды фэатоны, съ другой,—являются показанія личностей, которыя нѣчто подобное замѣчали. Ходитъ слухъ, что какая то баба въ фэатонѣ на Курѣ колотила двухъ господъ. Карапетъ Агаровъ, генеральша Минквицъ и сторожъ ея дома Грикуръ Эліазаровъ, семья Принцевъ и маіоръ Алихановъ видѣли собственными глазами скачущій во весь опоръ фэатонъ или фэатоны съ болѣе или менѣе многочисленными сѣдоками, мужчинами и женщинами,

скачущіе отъ «Кружка» къ Михайловскому мосту. Одинъ ли или два, или болѣе фазтоновъ,—это вопросъ; покрайней мѣрѣ вѣрно, что фазтонъ, гдѣ, по словамъ семьи Минквицъ, сидѣла женщина въ черномъ, между мужчинами, съ распростертыми руками, могъ быть тотъ же фазтонъ, которому Алихановъ готовился обрѣзать пашкой ремни и въ которомъ у ногъ мужчинъ что то лежало въ мѣшкѣ. Къ довершенію путаницы, по утру, на одномъ изъ спусковъ къ Курѣ Иванъ Вартановъ, духанщикъ, былъ разбуженъ какою то веселою компаніею, которая чуть не выбила окна, крича: «Ослиный сынъ! дай водки!» бросила ему цѣлковый и, не дожидая сдачи, уѣхала. И эту исторію припутали: Можетъ быть убійцы такъ наскандалничали на радостяхъ, что совершили наконецъ свое темное дѣло?... Въ виду этихъ показаній, легенда рѣшительно усвоила себѣ фазтоны, а вслѣдъ за легендою готово показаніе Габисоніи, сочиненное въ лазаретѣ, уже совершенно отличное отъ показаній—Мгеладзе и Коридзе.—Ниву не душатъ на кухнѣ, не несутъ на площадку, а прямо къ фазтону черезъ дворъ, завертываютъ въ мѣшокъ и везутъ мимо Алиханова вскачь въ Ортачалы и за Ортачалами къ спуску.—Такъ изображаетъ дѣло докторъ Маркаровъ. Есть имя фазтонщика Нико, и номеръ новый, и даже подробнѣйшія указанія, сколько денегъ получилъ каждый изъ нанятыхъ bravi. Какъ согласовать показанія Мгеладзе и Коридзе съ показаніемъ Габисоніи, если бы оно было дано? Но, зная музыку, легко обойти всѣ диссонансы и остановиться на согласныхъ аккордахъ. Одни говорятъ: стащилъ въ рѣку. другіе—вывезли, всѣ говорятъ—убили. И такъ если убита, къ чему теряться въ противорѣчьяхъ?

При дальнѣйшей обработкѣ дѣла подробности еще болѣе улетучились, даже самъ фазтонъ не существуетъ; но все таки осталось самое существенное, самое главное и уже ничѣмъ не доказанное—это гипотеза о рыцаряхъ тумана, о всесильныхъ убійцахъ и этотъ при-

зракъ, въ которомъ сидитъ квинтэссенцированная легенда, подводитъ нынѣ подсудимыхъ подъ каторжныя работы. Неопредѣленное показаніе о фазтонѣ заставило забыть о брошенномъ разсказѣ Мгеладзе и Коридзе; но и объ нихъ вспомнилъ опять апелляторъ, г. товарищъ прокурора Холодовскій, въ своемъ протестѣ. Почему же и ихъ не употребить? докажите, что они фабрикованы. Я уже это, полагаю, доказаль и еще разъ докажу: вспомните мокрые сапоги и револьверъ Чхотуа. Мокрыхъ сапоговъ не оказалось, а револьверъ, по показаніямъ Константина Дадшиколіани, оказался купленнымъ съ патронташемъ за 21 р. 50 к. на слѣдующій день послѣ событія 22 іюля, когда Чхотуа считаль себя въ опасности не только отъ юстиціи, но и отъ публики, и приобрѣль это смертоносное оружіе.

Противорѣчій въ показаніяхъ Варвары Андреевской я не буду излагать; я уже на нихъ указываль: они бьютъ въ носъ, рѣжутъ глаза. Кажется, ревностные слѣдователи, Кобіевъ и Цинамзгваровъ, допрашивали В. Андреевскую въ Тифлисѣ; между тѣмъ въ Одессѣ, при мелочномъ допрашиваніи о томъ же о чемъ она уже была въ Тифлисѣ допрошена, отъ нея добыто совсѣмъ противное тому, что добыто въ Тифлисѣ. Я припомню только заключительныя слова ея показанія при Кобіевѣ и Цинамзгваровѣ отъ 28 іюля: «У Нины никакихъ непріятностей съ Чхотуа не было. Мнѣ крайне непріятно, что изъ за этого дѣла явились нареканія въ обществѣ на Чхотуа и на моего зятя. Я этимъ слухамъ не вѣрю и совершенно увѣрена, что здѣсь никакого преступленія не могло быть, а просто несчастный случай при купаніи, на которое моя дочь, Нина, какъ я ее знаю, могла по своему характеру смѣло рѣшиться».

Многія соображенія эти и тому подобныя отзывы забыты, а взяты изъ показаній В. Андреевской послѣдующія, позднѣйшія, когда ей, слабой женщиной, втолковали, что Нина убита, и эти только отзывы легли въ основаніе приговора.

Дѣятельность окружнаго суда въ этомъ отношеніи я бы охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: Окружный судъ имѣлъ предъ собою самый трудный матеріалъ—чистыя, хрустальныя струи историческаго преданія сливаюціяся съ мутными притоками безсознательно ложной легенды, съ грязными и вонючими осадками изъ клоакъ подлога съ нарочно дѣланнми показаніями. Онъ, по своему крайнему разумѣнію, старался поступить критично, но не успѣлъ; плаваюція по поверхности явную пададь и нечистоты онъ выдѣлилъ, но затѣмъ онъ забылъ, что и въ очищенномъ то жидкомъ остаткѣ, безъ твердыхъ частицъ, къ чистому примѣшено грязное, что тончайшія міазмы, не видимыя на глазъ, разведены въ цѣломъ растворѣ, и что прежде чѣмъ воспользоваться этою водою, надобно ее профильтровать, а можетъ быть и подвергнуть перегонѣ.

Я не оскорблю васъ, гг. судьи, если скажу, что и я, и мои кліенты возлагаемъ на вашу совѣсть, надежду, что вы совершите эту великую, трудную работу. Я кончаю безъ риторическихъ орнаментовъ, безъ фразъ, я убѣжденъ въ ихъ невинности.

Судебная палата большинствомъ 2-хъ голосовъ противъ 1-го приговора тифлискаго окружнаго суда утвердила во всемъ его объемѣ. Кассационная жалоба Д. Чхотуа и П. Габисони была оставлена Правительствующимъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

**Дѣло по обвиненію Архипова, Черенкова
и Сѣрикова въ подпаиваніи и подкупѣ вы-
борщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ.**

Отставной коллежскій регистраторъ Павелъ Родіоновъ Архиповъ, 38 лѣтъ, и крестьяне елецкаго уѣзда, села Гущина Колодезя Фроль Гавриловъ Черенковъ, бывшій засѣдатель Богато-Платовскаго волостнаго правленія, 31 года, и деревни Роговой Иванъ Ивановъ Сѣриковъ, 47 лѣтъ, были преданы суду по обвиненію въ томъ, что чрезъ угощеніе водкою и денежные подарки склоняли другихъ лицъ къ подаванію голоса при выборахъ въ пользу землевладѣльцевъ изъ дворянъ Хвостова и Бехтѣева, т. е. въ совершеніи каждымъ изъ нихъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1425 ст. уложенія. Разбирательство дѣла происходило въ елецкомъ окружномъ судѣ въ г. Ельцѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей 21—22 марта 1879 года.

Гг. судьи! Судъ безъ присяжныхъ засѣдателей отличается отъ суда съ присяжными нѣкоторыми особенностями, на которыя я позволю себѣ указать. Первая особенность заключается въ томъ, что не всѣ бумаги производства читаются, что можно сослаться на тѣ, которыя находятся въ дѣлѣ, которыя извѣстны уже гг. судьямъ и на которыя мнѣ разрѣшено сослаться; вто-

рая особенность та, что такъ какъ въ этомъ судѣ не отдѣляется вопросъ о фактѣ отъ вопроса о правѣ, то, смотря по обстоятельствамъ, защита можетъ начать съ одного или съ другого --или съ вопросовъ юридическихъ и кончить фактическими, или наоборотъ. Я воспользуюсь этою предоставленною защитѣ свободою дѣйствій и начну съ разбора 1,425-й ст. улож. о нак., по которой обвиняются подсудимые. Эта статья гласитъ: «кто, при выборахъ дворянскихъ или же городскихъ, или сельскихъ обществъ, будетъ, черезъ *подкупъ, подарки, общанія* или *угрозы*, склонять кого-либо къ подаванію голоса въ его пользу, или въ пользу, или противъ другого лица, тотъ подвергается такому-то наказанію». Изъ текста этой статьи явствуетъ, что если бы кто нибудь на собраніи откупался отъ выбора его въ должность и не въ видѣ угощенія послѣ факта отклоненія отъ выборовъ, какъ это сдѣлалъ Иванъ Сѣриковъ, но еще предъ самыми выборами отказался отъ должности, то онъ не могъ бы быть судимъ по 1,425-й статьѣ. Итакъ, Иванъ Сѣриковъ не могъ бы подлежать никакой отвѣтственности, если бы еще передъ выборами онъ раскошелился и далъ 3 рубля на водку избирателямъ. Сверхъ того, изъ текста ст. 1,425-й видно еще слѣдующее: въ ней запрещены: подкупъ, подарки, общанія или угрозы, но не подговариваніе и склоненіе. Постараюсь впослѣдствіи доказать, что подговариваніе и склоненіе суть совершенно законныя средства на выборахъ при всякой электоральной борьбѣ. Статья 1,425-я изданія «Уложенія» 1866 года представляетъ еще ту особенность, что она говоритъ о выборахъ дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, но не говоритъ о выборахъ земскихъ. Она взята изъ старинныхъ источниковъ; она въ такомъ же точно видѣ обрѣтается въ проектѣ «Уложенія» 1845 года (статья 1,889-я), откуда вошла въ 1,884-ю ст. «Уложенія» 1845 года. Съ тѣхъ поръ она повторяется безъ перемѣны во всѣхъ слѣдующихъ изданіяхъ подъ инымъ только числомъ. Она возникла еще въ то время,

когда не было и въ поминѣ земскихъ учрежденій, когда были только выборы дворянскіе, городскіе и сельскіе. Въ «Проектѣ Уложенія» отмѣчено, что это постановленіе *новое*. Оно мотивировано слѣдующимъ образомъ: «Злоупотребленіе, о которомъ говорится въ сей статьѣ, тогда было замѣчено при выборахъ, а отъ сего поступаютъ на мѣста, можетъ быть важныя, люди, которые безъ подобныхъ происковъ не были бы избраны и которые впослѣдствіи оказываются вовсе неспособными и недостойными довѣренности. Сверхъ сего, кажется, само приличіе требуетъ, чтобы такія дѣйствія были наказываемы».

Итакъ, наказаніе налагается по двумъ мотивамъ. одинъ, такъ сказать, эстетическій. Наказуемость нужна для симметріи — «прилично, чтобы такія дѣйствія наказывались». Другой мотивъ заключается въ томъ, что въ интересахъ государства нужно стараться, чтобы поступали на выборныя должности лица, того достойныя. Вся статья пропитана духомъ безвыходной и непрестанной надъ сословіями правительственной опеки, завѣдыванія правительствомъ всѣми дѣлами всякихъ сословій. Со времени возникновенія этого закона многое измѣнилось къ лучшему; явились новыя, уже инымъ совсѣмъ духомъ проникнутыя земскія учрежденія. Дано имъ болѣе самоуправленія, болѣе широкая автономія. Можетъ возникнуть даже споръ о томъ, относится ли эта статья 1,425 къ земскимъ выборамъ. Я, можетъ быть, возбуждилъ бы этотъ споръ, если бы онъ уже не былъ рѣшенъ уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ правительствующаго сената, который, въ рѣшеніяхъ своихъ, за №№ 459 и 626, 1875 года, по дѣламъ Лихотинскаго и Телѣгина, призналъ, что ст. 1,425 примѣнима и къ земскимъ учрежденіямъ. Но, распространяя ее и на земскіе выборы, сенатъ не разрѣшилъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ ею. Онъ не разрѣшилъ слѣдующаго вопроса, который нынѣ находится въ разсмотрѣніи общаго собранія кассационныхъ и перваго департамента сената,

по дѣлу Голубова. Одно лицо, выбранное въ земскіе гласные, было обвинено въ подкупѣ, но выборы его были утверждены земскимъ собраніемъ; о немъ состоялся, обвиняющій его въ подкупѣ выборщиковъ, приговоръ; оно обжаловало этотъ приговоръ, какъ послѣдовавшій по дѣлу, по которому, предварительно разсмотрѣнія его уголовнымъ судомъ, надлежало разрѣшить по 27-й ст. уст. угол. суд. преюдиціальныи вопросъ. Преюдиціальными вопросами, какъ извѣстно, считаются не только вопросы, исчисленные въ 27 ст. уст. уг. суд., т. е. о правахъ состоянія, о правахъ собственности на недвижимое имущество и о свойствѣ несостоятельности, но еще цѣлый рядъ вопросовъ, не только гражданскихъ, но и въ другія области права входящихъ, напимѣръ, въ область права государственнаго. Проситель, по указанному мною дѣлу, основываетъ свою кассационную жалобу на ст. 1,853 т. 2-го ч. 1-й учр. гос. по изданію 1876 года (37-я ст. положенія о земск. учр.): «Повѣрка числа гласныхъ, законности и дѣйствительности выбора возлагается на самое земское собраніе». Если законъ возлагаетъ на земскія собранія окончательную повѣрку выборовъ, то спрашивается, какимъ же образомъ можетъ быть возбуждено преслѣдованіе, помимо собранія, по выборамъ, уже имъ утвержденнымъ, а слѣдовательно, узаконеннымъ? Подобный случай равносильнъ былъ бы тому, если бы противъ должностнаго лица было возбуждено преслѣдованіе безъ разрѣшенія той власти, которой оно подчинено, вопреки 1,086 ст. уст. угол. суд. Тутъ выйдетъ слѣдующая несообразность: собраніемъ выборъ утверждёнъ, лицо признано гласнымъ окончательно, слѣдовательно, разслѣдованіе злоупотребленій при выборахъ безцѣльно. Неужели возможенъ такой скандалъ, что лицо, осужденное за подкупъ, послѣ того будетъ продолжать засѣдать въ собраніи въ качествѣ гласнаго! Если же, напротивъ, предоставить власти судебной приостанавливать дѣятельность гласнаго и лишать его этого званія, то тогда можно каждаго гласнаго на неопредѣленное

время устранить или даже вышвырнуть изъ собранія, приче́мъ сословіе потеряетъ значительную долю самостоятельности и самоуправленія, предоставленныхъ ему закономъ. Во что обратилась бы независимость администраціи, если бы мы подчинили ее тому же началу, если бы противъ должностного лица можно было возбудить преслѣдованіе помимо его начальства. Я не вхожу въ разборъ, было ли бы при этой системѣ лучше или хуже—я только утверждаю, что строй государственнаго управленія измѣнился бы и что надъ всѣми министерствами возвысилось бы одно: министерство юстиціи, какъ грозная государственная инквизиція надъ служащими, и приобрѣло бы первенствующее въ государствѣ положеніе, а всѣ вѣдомства сдѣлались бы отъ него зависимыми. Если бы въ данномъ случаѣ уѣздное елецкое земство стояло за свои, закономъ ему дарованныя прерогативы, если бы оно постигало силу изложенія 1,853 ст. ч. 1-й т. 2-го учр. губ., то я непремѣнно возбудилъ бы преюдиціальнѣйшій вопросъ по 27 ст. уст. угол. суд. и доказывалъ бы, что Архиповъ, Сѣриковъ и Черенковъ судимы быть не могутъ, пока ихъ не предало суду елецкое уѣздное земское собраніе. Но елецкое земское собраніе о правахъ своихъ меньше всего заботилось. Изъ представленнаго мною протокола этого собранія 27-го сентября 1878 года видно, что когда выборы 6-ти волостей 3-го стана елецкаго уѣзда были опротестованы губернаторомъ, никто въ собраніи даже и не сослался на статью 1,853, никто не указалъ на безконтрольное право собранія повѣрять и утверждать выборы. Образовались только два мнѣнія. Одни полагали, что слѣдуетъ, не утверждая гг. Хвостова и Бехтѣева гласными, допустить ихъ участвовать въ засѣданіяхъ собранія впредь до рѣшенія возбужденнаго уголовного дѣла о злоупотребленіяхъ на выборахъ. Другіе, напротивъ, думали, что сообщеніе губернатора не подлежитъ разбору и должно быть принято на вѣру и что губернаторъ не могъ безъ солидныхъ основаній и сооб-

щать о раскрытыхъ имъ злоупотребленіяхъ. Второе мнѣніе побѣдило: выборы были отмѣнены и въ настоящее время Бехтѣевъ и Хвостовъ не состоятъ въ числѣ гласныхъ. Но именно потому, что они извергнуты изъ собранія безъ разбора злоупотребленій, о которыхъ только въ настоящее время можно будетъ удостовѣриться, существовали ли они въ дѣйствительности или нѣтъ, приговоръ вашъ, помимо вашей воли и, можетъ быть, противъ вашего желанія, будетъ имѣть громадное значеніе въ электоральной борьбѣ партій—онъ обратится по необходимости въ орудіе дѣйствія. Если онъ будетъ обвинительный, то онъ доставитъ одной сторонѣ, той, которая была противна выбору гг. Бехтѣева и Хвостова, законное основаніе и оправданіе ея дѣйствій, которыя совершены въ предположеніи, что есть налицо злоупотребленія. Если онъ будетъ оправдательный, то онъ обнаружитъ, что исключеніе гг. Бехтѣева и Хвостова сдѣлано безъ всякихъ причинъ и основаній. Такимъ образомъ, главная въ этомъ дѣлѣ сторона вовсе не уголовная, а бытовая. Предъ нашими глазами раскрывается упорная, ожесточенная борьба партій—борьба, въ которой одна партія старается доѣхать другую, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, а можетъ быть, и мытьемъ, и катаньемъ. Въ этой картинѣ, среди этого движенія стоять подсудимые Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ, къ которымъ, поистинѣ, можно примѣнить извѣстную поговорку: «когда паны дерутся, у хлопцевъ чубы трещать». Въ средніе вѣка былъ обычай, когда воспитывали принцевъ крови, ставить при нихъ сверстниковъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которыхъ наказывали и сѣкли за всякія провинности проказника принца. Отчасти такую же роль играютъ въ этомъ дѣлѣ подсудимые, которыхъ я защищаю. Я думаю, что они имѣютъ право сказать: обратите вниманіе на насъ, нами двигаютъ какъ пѣшки, но мы живые субъекты, мы люди и, какъ таковые, имѣемъ право быть судимыми независимо отъ того, какіе отъ нашего страданія результаты могутъ при-

годиться той или другой партіи. Три четверти дѣла вовсе до подсудимыхъ не относятся. Дѣло само — это громадное полотно въ нѣсколько сажень, па которомъ виднѣются три маленькія точки: Архиповъ, Сѣриковъ и Черенковъ. Спрашивается: нельзя ли вырѣзать эти точки и разсматривать ихъ отдѣльно отъ цѣлаго полотна? Какъ бы ни былъ подобный образъ дѣйствія желателенъ, но онъ невозможенъ, потому что этихъ точекъ не разобрать и значенія ихъ не опредѣлить безъ связи съ цѣлою картиною. Если обвиняемые согрѣшили, если они въ самомъ дѣлѣ нарушили законъ употребленіемъ преступныхъ средствъ при выборахъ, то надо же знать подкупали ли они или спаивали выборщиковъ по своему собственному произволу или по чужому подговору и подстрекательству. Вы должны разобрать мотивы ихъ дѣйствія, съ этими мотивами сообразовать наказаніе. Но вины они за собою вовсе не признаютъ, они защищаются говоря: мы не насильовали выборовъ, напротивъ, мы только старались изо всѣхъ силъ сохранить нашу самостоятельность; мы только противодействовали другому внѣшнему вліянію; насъ приневоливали не выбирать господъ Бехтѣва и Хвостова; но, понимая свою пользу и отстаивая свое избирательное право, мы провели выборъ Хвостова и Бехтѣва. Вы, такимъ образомъ, поставлены въ необходимость, гг. судьи, вникнуть въ душу подсудимыхъ и сообразить, могли ли они имѣть такія убѣжденія. Но этимъ не исчерпана ваша задача. Противъ подсудимыхъ возбуждено преслѣдованіе, ставятся обвиняющіе ихъ свидѣтели, подсудимые съ перваго же допроса заявляютъ, что эти свидѣтели лживые и противопоставляютъ имъ другихъ, которыхъ слѣдователь не потрудился спросить, но которые должны были удостовѣрить, что первые свидѣтели, то есть, свидѣтели обвиненія, суть свидѣтели лживые, что они подговорены и подстроены, что та же полиція, которая оказывала давленіе на выборы, отклоняя отъ выбора гг. Бехтѣва и Хвостова, продолжала ту же дѣятельность при

предварительномъ слѣдствіи, чтобы себя оправдать и, съ другой стороны не допустить сторонниковъ Бехтѣва и Хвостова очистить себя отъ обвиненія въ злоупотребленіяхъ. Итакъ, обвиненіе ставить доказательства, поддаваемые опровергають эти доказательства новыми, которыя, въ свою очередь, могутъ быть опровергаемы, причемъ это противопоставленіе доказательствъ и опроверженій должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока изслѣдованіе не дойдетъ до совершенно твердаго грунта, до фактовъ, уже не подлежащихъ оспариванію. По всѣмъ симъ соображеніямъ, какъ ни тяжело вдаваться въ разборъ косвенныхъ обстоятельствъ, повидимому, мало относящихся къ настоящему дѣлу, но все-таки, необходимо уяснить себѣ ихъ, необходимо разбить эту скорлупу, чтобы добраться до маленькаго, очень маленькаго, заключающагося въ немъ ядра. Догломъ считаю пояснить, какимъ образомъ я буду разбирать тѣ неуголовныя, или, по крайней мѣрѣ, не подлежащія нынѣ разбору въ уголовномъ порядкѣ обстоятельства, которыми осложняется нынѣ разбираемое уголовное дѣло объ Архиповѣ, Сѣриковѣ и Черенковѣ. Конечно, я не вправѣ судить споры и пререканія между установленіями по крестьянскимъ дѣламъ для опредѣленія, кто правъ, кто виноватъ. Конечно, ни я, ни вы, гг. судьи, не вправѣ судить дѣйствія полиціи, опредѣлять виновность полиціи. Она можетъ быть привлечена къ отвѣтственности только по 1,086 ст. уст. угол. суд. Но въ данномъ дѣлѣ нельзя обойти фактъ дѣйствій полиціи на выборахъ и нельзя не разобрать, вліяла ли полиція на выборы, насколько этимъ фактомъ объясняются дѣйствія подсудимыхъ, насколько этотъ фактъ входитъ въ систему защиты подсудимыхъ. Поставивъ такимъ образомъ мою задачу, я раздѣлю защиту на двѣ части: я постараюсь, прежде всего, въ первой изъ нихъ представить вамъ бытовую картину выборовъ въ селѣ Стегаловкѣ, соединивъ въ этой картинѣ всѣ обстоятельства, неподлежащія вашему суду и косвенно только относящіяся къ

обвиненію, направленному противъ подсудимыхъ. Затѣмъ, окончивши съ неуголовнымъ матеріаломъ, перейду ко второй части моей защиты—къ обзору дѣйствій, приписываемыхъ Архипову, Черенкову и Сѣрикову. Вы знаете, гг. судьи, что Сѣрикова я долженъ защищать, несмотря на то, что г. прокуроръ отказался отъ обвиненія. Начинаю съ исторіи выборовъ.

Въ елецкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи должно быть 33 гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 10 отъ городскихъ обществъ и 28 отъ крестьянскихъ. Съѣздъ крупныхъ землевладѣльцовъ состоялся 7-го іюня прошлаго года; на этомъ съѣздѣ дѣйствительно были забаллотированы гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ, или, какъ выражается обвиненіе, будто бы повторяя слова свидѣтелей крестьянъ: «прокачены на вороныхъ». Замѣчу, что само это выраженіе чисто дворянское; оно не употребляется крестьянами, потому что нынѣ при всѣхъ выборахъ, а слѣдовательно, и крестьянскихъ, употребляются одного цвѣта шары, бросаемыя направо или налѣво; понятіе же о вороныхъ или черныхъ шарахъ есть остатокъ прежняго времени и прежней системы баллотировки, когда въ одно отверстіе клали шары либо бѣлые, либо черные. До сихъ поръ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ были постоянно гласными въ теченіи трехъ трехлѣтій и въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, участвовали во всевозможныхъ комиссіяхъ, принимали въ земскихъ дѣлахъ живѣйшее участіе. Когда они были забаллотированы, то немедленно у нихъ явилась мысль предложить себя въ кандидаты отъ крестьянскихъ обществъ. Эта мысль неновая; она всегда и вездѣ вторгается. Вездѣ молодая партія людей прогрессивныхъ, подающая руку преобразованію, интересамъ массы, сближенію сословій, была въ своей средѣ побиваема; но она подавала руку плебсу, становилась въ его главѣ и гораздо лучше, нежели самъ этотъ плебсъ, отстаивала его интересы. Самъ законъ предусмотрѣлъ возможность подобнаго стремленія и узаконилъ его, допустивъ крестьянъ

намъ выбирать своихъ гласныхъ изъ среды членовъ землевладѣльческаго съѣзда. Появленіе этихъ кандидатуръ было, въ данномъ случаѣ, тѣмъ естественнѣе, что во всѣхъ волостяхъ, гдѣ происходили выборы, Бехтѣевъ и Хвостовъ отлично извѣстны, какъ мировые судьи; ихъ заявили своими кандидатами пять волостей, въ томъ числѣ даже и Воронежская; первое заявленіе подано отъ Богатолатовской волости. Всѣхъ выборщиковъ на съѣздѣ могло быть, еслибы всѣ они явились, около 300 человекъ; выборы назначены на 24-е іюня, въ селѣ Стегаловкѣ. Такимъ образомъ, поставлена была открыто и сильно кандидатура гг. Бехтѣева и Хвостова въ маломъ кружкѣ меньшей братіи, въ средѣ самоуправленія крестьянскаго. Маленькій мірокъ крестьянскаго самоуправления существуетъ по закону и красуется, по болѣе части, на бумагѣ; въ дѣйствительности онъ только зародышъ, или, по крайней мѣрѣ, птенецъ, едва выклевывающійся изъ яичка. На бумагѣ онъ красивъ: всѣ должности выборныя—старосты, засѣдателя и старшины; старшины утверждались мировымъ посредникомъ, а по упраздненіи посредниковъ, утверждаются по 1-му п. 143-й ст. полож. о губ. и уѣздн. крест. учр., изд. 1876 года, уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ; по 122-й ст. общаго положенія о крестьянахъ, отрѣшить старшину отъ должности можетъ присутствіе не иначе, какъ по докладу утвержденному губернаторомъ; такъ какъ всякаго рода постановленіе уѣзднаго присутствія, слѣдовательно и постановленія его объ оштрафованіи должностныхъ лицъ крестьянскихъ за маловажные проступки, а тѣмъ болѣе о смѣщеніи, можетъ быть, по 127-й ст. пол. о крест. уст., обжаловано губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, то, обыкновенно, всѣ подобнаго рода смѣщенія съ должностей проходятъ чрезъ губернское присутствіе, образующее собою нѣчто въ родѣ кассационной инстанціи. Въ дѣйствительности, какъ вы знаете, эта сила крестьянскаго самоуправления болѣе кажущаяся, чѣмъ

реальная. Она призрачна, потому что отношеніе должностныхъ лицъ крестьянскихъ къ начальнику полиціи самое неопредѣленное; онъ привыкъ распоряжаться ими, какъ своими подручниками, требовать безусловной исполнителности по командѣ даже при подачѣ голосовъ и взыскивать за уклоненіе, какъ за ослушаніе начальства. Я спрашивалъ г. исправника Ивашинцева, въ качествѣ чего провинились поддерживавшіе выборъ Бехтѣева и Хвостова старшины, и онъ мнѣ отвѣчалъ: въ качествѣ не выборщиковъ, а его, г. исправникъ Ивашинцева, подчиненныхъ. Самые выборы происходятъ съ явнымъ нарушеніемъ дарованной закономъ автономіи. Членъ уѣзднаго присутствія, по закону, только открываетъ выборы; обыкновенно, эта функція поручается непремѣнному члену и ограничивается тѣмъ, что членъ предложитъ сѣзду выбрать предсѣдателя и потомъ, послѣ избранія его, передаетъ ему распоряженіе въ открытомъ собраніи. Вы сами знаете, что въ Стегаловкѣ происходило противное, то-есть, что г. начальникъ полиціи и открылъ собраніе, и руководилъ имъ самолично вплоть до конца, оставляя въ сторонѣ избраннаго предсѣдателемъ Лаврентія Сѣрикова. Настоящее дѣло могло бы служить превосходнымъ поясненіемъ того, какъ неисполняются желанія законодателя, какъ понуждаются должностные крестьяне не выбирать, кого не желаетъ начальство, и какъ они поплатиться могутъ лично, еслибы они воспользовались своимъ правомъ, какъ избиратели, и выбрали того, кто не былъ начальству угоденъ. Я не могу не коснуться послѣдняго изъ этихъ фактовъ, какъ относящагося прямо къ моему кліенту Черенкову и къ его страданію за результаты выборовъ. Всѣ старшины и засѣдатели, которые участвовали въ выборахъ 24-го іюня, какъ вамъ извѣстно, были позваны 8-го іюля въ уѣздное крестьянское присутствіе; двое старшинъ были немедленно отрѣшены за злоупотребленія на выборахъ, безъ всякаго потомъ преданія суду; та же участь постигла двухъ засѣдателей, въ томъ числѣ и Черенкова.

Изъ нихъ только Черенковъ можетъ нынѣ оправдываться; отъ остальныхъ не выслушано даже объясненій. Это доказано бумагою, имѣющеюся въ дѣлѣ: постановленіемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое отиѣнило на этомъ основаніи, за несоблюденіемъ 1,086-й ст. уст. угол. суд., постановленіе уѣзднаго присутствія, наложившаго взысканіе за выборы. За мѣтете, что на выборахъ всѣ эти лица являлись не въ качествѣ должностныхъ лицъ, а только какъ выборщики, и если могли подвернуться отвѣтственности, то только какъ выборщики, а не за преступленіе по должности. Преступленіе, за которое преслѣдуетъ 1,425-я ст., есть преступленіе общее, а вовсе не преступленіе по должности; въ противномъ случаѣ, не могъ бы вовсе судиться ни Архиповъ, который вовсе не участвуетъ въ сельскомъ обществѣ, ни Иванъ Сѣриковъ, который хотя и крестьянинъ, но не выборщикъ. За это преступленіе они и не могли подлежать суду присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, а только общему суду. Смѣщеніе старшинъ и засѣдателей породило цѣлый конфликтъ между обоими присутствіями, губернскимъ и уѣзднымъ, старшины были возстановлены губернскимъ присутствіемъ, потомъ опять смѣщены уѣзднымъ и во второй разъ возстановлены и въ третій разъ смѣщены; дѣло о нихъ, кажется, получило государственное значеніе, чуть ли не внесено оно въ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ! Таковы послѣдствія выборовъ. Но и передъ выборами всѣ крестьянскія власти подвергались сильному натиску со стороны администраціи, съ которою они находятся въ болѣе или менѣе частыхъ и близкихъ отношеніяхъ. Этотъ натискъ былъ такъ силенъ, до того укоренилось понятіе, что, состоя должностными лицами общества, старшинами, они, въ то же время, суть полицейскіе чины, слѣдовательно, отвѣчаютъ за то, что происходитъ въ собраніи; что еслибы даже вовсе не присутствовалъ на выборахъ исправникъ, то онъ, вѣроятно, взыскалъ бы съ нихъ за послѣдствія выборовъ,

такъ какъ они старшинны и такъ какъ предполагается, что въ ихъ вѣдѣнїи совершенно противное тому, что начальству было угодно. Что таково было влїяніе полиціи, это вполнѣ подтверждено фактами, это доказывается не четырьмя свидѣтельскими показанїями, какъ говорить г. прокуроръ, а гораздо большимъ ихъ числомъ, именно, семью присяжными показанїями. Нѣкоторые, правда, говорятъ, что слышали приказъ отъ одного становаго, но другїе утверждаютъ, что приказанїе исходило отъ исправника. Лавренїй Сѣриковъ (смѣщенный безъ суда старшина) утверждаетъ, что за двѣ недѣли до выборовъ онъ былъ въ Ельцѣ и тамъ получилъ приказъ отъ становаго Крупкина не выбирать гг. Бехтѣва и Хвостова, причемъ становой сказалъ, что этого желаетъ исправникъ. Затѣмъ, передъ самыми выборами двое старшинъ: Сорокинъ и Роцупкинъ отправились по зову сотскаго къ Бологову, пристава 3-го стана, въ квартирѣ котораго произошелъ тотъ разговоръ, о которомъ такъ долго пререкались мы съ г. прокуроромъ во вчерашнемъ засѣданїи суда. Признаюсь, я не вижу никакого противорѣчїя между показанїями Роцупкина и Сорокина. Роцупкинъ прямо показалъ, что, стоя на улицѣ, у квартиры становаго, онъ слышалъ черезъ полураскрытую дверь, какъ становой внушалъ Сорокину не выбирать Бехтѣва и Хвостова, потому что этого желаетъ исправникъ. Показанїе Сорокина тоже, въ сущности, но по формѣ, нѣсколько сдержаннѣе, что можетъ объясняться его положенїемъ. Роцупкинъ смѣщенъ, а Сорокинъ и до сихъ поръ состоитъ старшиною, слѣдовательно, зависимъ отъ исправника; тѣмъ не менѣе, не смотря на эту зависимость, онъ, всетаки, прямо высказалъ, что становой употребилъ выраженїе: «этого желаютъ», причемъ слово «желаютъ», употребленное безлично во множественномъ числѣ, указывало, по понятїямъ Сорокина, на желанїе начальства, на желанїе исправника. Такимъ образомъ, очевидно, что оба эти показанїя вполнѣ подтверждаютъ одно другое. Но сверхъ того, они подтверждаются еще

показаніемъ Лаврентія Сѣрикова, который говоритъ то же самое; подтверждаются и свидѣтелями - выборщиками Богачевымъ и Першиковымъ. Два послѣднія лица находились на выборахъ и видѣли, какъ во время выборовъ между народомъ ходилъ становой приставъ и внушалъ не выбирать Бехтѣва и Хвостова. То же самое удостовѣряется Камышевымъ. Наконецъ, то же явствуетъ изъ показанія непремѣннаго члена Кузьмина, который далъ вамъ самый обстоятельный очеркъ того, что происходило въ собраніи. Я знаю, что противъ г. Кузьмина собирался разный матеріалъ, заносимый въ протоколъ судебного засѣданія; что г. Кузьминъ со стороны обвиненія выставлялся, какъ лицо, которое вліяло на выборы и, будто бы, внушало, какъ выражаются свидѣтели Тулениновъ и Ковыршинъ, избрать Хвостова и Бехтѣва. Дѣйствительно, г. Кузьминъ явился на выборы. Явка его объясняется очень просто. Я не знаю закона, который воспрещалъ бы члену присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, хотя не тому, который назначенъ присутствовать при открытіи сѣзда выборщиковъ, явиться и присутствовать, не принимая, конечно, прямого и дѣятельнаго участія. Г. Кузьминъ имѣлъ прямой интересъ въ томъ, чтобъ своими собственными глазами слѣдить за выборами: во первыхъ, ему официально было заявлено старшиною Сорокинымъ о давленіи полиціи на старшинъ, слѣдовательно, вовторыхъ, онъ былъ заинтересованъ какъ членъ присутствія, держащійся иного мнѣнія, принадлежащій къ иной партіи, нежели г. Ивашинцевъ; онъ не могъ не желать провѣрить это свѣдѣніе полученное отъ Сѣрикова, и, насколько можно, не допустить, чтобъ въ его присутствіи чинимы были явныя противозаконія, чтобъ стѣсняема была свобода выборовъ. Кузьминъ присутствовалъ на выборахъ на совершенно одинаковыхъ правахъ съ открывшимъ сѣздъ г. Ивашинцевымъ, потому что и г. Ивашинцеву слѣдовало только открыть собраніе и потомъ все остальное предоставить предсѣ-

дателю, избранному самими крестьянами. Любопытно то, что только по крестьянскимъ выборамъ возникаютъ подобные курьезные вопросы, ни на какихъ другихъ выборахъ ихъ быть не могло бы, потому что ни въ какомъ другомъ сословіи не было бы допущено, чтобъ лицо, на которое возложено только открытіе выборовъ, распоряжалось бы все́мъ ходомъ выборовъ послѣ открытія, слѣдовательно, въ сущности предсѣдательствовало во все время выборовъ. Если къ г. Кузьмину обращались крестьяне и требовали совѣта, то я не вижу почему бы Кузьминъ отказывалъ себѣ въ удовольствіи преподать подобный совѣтъ: онъ могъ открыто высказать свое мнѣніе. Ни одинъ изъ свидѣтелей не утверждалъ, чтобъ г. Кузьминъ совѣтовалъ выбирать именно Бехтѣева и Хвостова, чтобъ онъ этихъ лицъ называлъ. Онъ говорилъ вообще о землевладѣльцахъ, о томъ, что землевладѣльцевъ не запрещается выбирать. Вотъ какой смыслъ имѣли слова г. Кузьмина. Они не заключали въ себѣ никакого внушенія, а только разъясненіе закона. Но еслибъ они и содержали въ себѣ внушеніе, то это внушеніе являлось бы только, какъ противовѣсь, и то далеко недостаточный, давленію, производимому полиціей. Когда двѣ силы дѣйствуютъ на одно тѣло въ противоположныхъ направленіяхъ, то дѣйствіе этихъ обѣихъ взаимно нейтрализующихся силъ, равняется разности ихъ или нулю. Силы нейтрализуются, дѣйствуя на тѣла неодушевленные; но, въ данномъ случаѣ, онѣ дѣйствовали на тѣло живое, на людей. Какъ ни малъ этотъ мірокъ крестьянскій, но нельзя относиться къ нему свысока, съ пренебреженіемъ; вынесъ на себѣ этотъ мірокъ всю тягость крѣпостного права, и не сломился; нынѣ онъ сталъ уже понимать, гдѣ его друзья и въ чемъ заключаются его интересы. Для доказательства этого пониманія, я приведу изображенный въ свидѣтельскихъ показаніяхъ разговоръ между воронежскими крестьянами на выборахъ. Одни распинались, доказывая, что незачѣмъ выбирать господъ, что тамъ, гдѣ есть

24,000 крестьянъ, можно изъ нихъ выбрать всѣхъ девять гласныхъ; другіе заявляли, что желаютъ выбрать хорошихъ господъ, Хвостова и Бехтѣва. У крестьянъ всякій споръ сходитъ скоро на почву личныхъ вопросовъ. Ефимъ Кабановъ брякнулъ прямо въ глаза Дмитрію Богачеву: «подкупленъ», на что разсердившись, Богачевъ отвѣтилъ: «Хвостовъ хорошій баринъ, а ты его выбирать не хочешь, потому что ты прикарманилъ общественныя деньги и не далъ въ нихъ отчета, такъ ты его боишься». Изъ всего, что намъ извѣстно о выборахъ, видно пониманіе вообще своихъ интересовъ маленькимъ міркомъ крестьянскимъ и видно, что онъ пытается справиться съ своею задачею, хотя не всегда пользуется тою долею свободы, которая предоставлена ему закономъ. Выборы открылись въ 12 часовъ; въ 11 часовъ пріѣхалъ исправникъ. По открытіи засѣданія, одна какая то волость заявила своихъ кандидатовъ. Это была единственная, у которой не значились имена Бехтѣва и Хвостова. Эти имена были заявлены второю волостью, потомъ Богатолатовскою волостью; такимъ образомъ, гг. Хвостовъ и Бехтѣвъ должны бы значиться четвертымъ и пятымъ въ общемъ спискѣ кандидатовъ. Списокъ кандидатовъ составилъ, вопреки закону, самъ исправникъ Ивашиинцевъ, записавъ имена на бумажекѣ и отправился въ волостное правленіе, чтобы переписать списокъ набѣло. Въ этомъ перебѣленномъ спискѣ гг. Бехтѣвъ и Хвостовъ поставлены уже четырнадцатымъ и пятнадцатымъ, т. е. являются уже послѣдними кандидатами. Конечно, установленіе очереди между кандидатами есть право того, кто предсѣдательствуетъ, но оно не было право г. Ивашиинцева. Едва ли оно было случайное. Всякій, участвовавшій въ какихъ бы ни было выборахъ, пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ мѣсто въ очереди, особенно, когда кандидатовъ 15, а гласныхъ нужно выбрать только девять человекъ, слѣдовательно, послѣ выбора первыхъ девяти, выборщики могутъ разойтись не баллотировавъ остальныхъ

кандидатовъ. Крестьяне, однако, остались и баллотировали до конца, не пивши и не ѣвши. Выборы продолжались отъ полудня до захожденія солнца; нѣкоторые показываютъ — до семи часовъ. Если взять часть на предварительные переговоры, на записку именъ, на составленіе списка кандидатовъ и на открытіе баллотировки, то остается только шесть часовъ на баллотировку 15-ти кандидатовъ. Баллотировка производилась на каждого кандидата порознь, на двухъ столахъ, у двухъ ящиковъ, изъ которыхъ къ каждому подходили по три волости. Старшины раздавали шары, помощники ихъ выкликали выборщиковъ. Если, такимъ образомъ, раздѣлить число баллотировавшихся кандидатовъ на число часовъ, въ теченіи которыхъ происходили выборы, то выйдетъ около 20-ти минутъ на каждого кандидата. Я обращаю вниманіе ваше на это обстоятельство для того, чтобы постигнуть всю невозможность, въ которую былъ поставленъ засѣдатель Черенковъ, отлучиться изъ собранія. Выбрали нѣкоторыхъ, другихъ забаллотировали; близилось дѣло къ концу, т. е. къ баллотировкѣ послѣднихъ кандидатовъ — Бехтѣва и Хвостова. Тогда то произошла сцена, относительно которой несовсѣмъ согласны показанія гг. Ивашинцева и Кузьмина. Несомнѣнно, что, взявшись подъ руки, они удалились отъ столовъ и выборъ Хвостова и Бехтѣва происходилъ, за удаленіемъ Ивашинцева, уже подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя собранія, Лаврентія Сѣрикова. Результатъ выборовъ вышелъ, какъ выразился свидѣтель Кузьминъ, вопреки ожиданіямъ исправника, блистательный. Я повѣрялъ списокъ выборщиковъ, находящійся при дѣлѣ. Ихъ было всего 244 человекъ. Изъ нихъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, получили избирательныхъ 199 г. Хвостовъ и 195 г. Бехтѣевъ. Слѣдовательно, четыре пятыхъ они получили избирательныхъ; это были наибольшія числа балловъ, полученныя какими нибудь изъ всѣхъ девяти избранныхъ въ гласные кандидатовъ. Я долженъ здѣсь

упомянуть, что въ баллотировочномъ спискѣ, имѣющемся при дѣлѣ, не означено число голосовъ, полученныхъ избранными девятью гласными и что и въ этомъ спискѣ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ стоятъ опять послѣдними, какъ будто бы они получили наименьшее число балловъ. Выборы кончились, исправникъ отправился къ становому приставу, между тѣмъ, какъ крестьяне подписывали приговоръ въ волости; исправникъ уѣхалъ и представилъ о произведенныхъ выборахъ въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Что происходило послѣ выборовъ въ заведеніи Волкова, то входитъ уже во вторую часть моей рѣчи, гдѣ я буду подробно разбирать показанія свидѣтелей. Замѣчу только, что вскорѣ послѣ выборовъ произведено полицейское дознаніе о подлогѣ и подкупѣ. Зародышъ его и появленіе вы могли прослѣдить по судебному слѣдствію. Доносчикомъ былъ Ефимъ Кабановъ, недовольный выборами: онъ искалъ уѣхавшаго уже исправника; не нашель; тѣмъ не менѣе, вскорѣ заявленіе Кабанова доведено до свѣдѣчія исправника, началось дознаніе; старшинъ требовали въ Елецкъ, оштрафовали, смѣстили. Дѣло передано слѣдователю. Какъ во время дознанія, такъ и во время предварительнаго слѣдствія полиція дѣйствовала въ извѣстномъ направленіи. Дѣйствія ея удостовѣрены выслушанными вчера свидѣтелями. О нихъ показывалъ Николай Савинъ, которому предлагаемо было становымъ приставомъ мѣсто урядника, если онъ покажетъ о подлогѣ и подкупѣ выборщиковъ со стороны приверженцевъ Бехтѣева и Хвостова. Съ другой стороны, имѣется цѣлый рядъ показаній, также весьма важныхъ, относящихся къ поведенію противниковъ подсудимыхъ—Волкова и Кабанова. О Волковѣ свидѣтели Широкихъ и Иванъ Савинъ удостовѣряютъ, что онъ прямо признавался передъ Черенковымъ, что поклепалъ на него напрасно, но что сдѣлалъ это потому, что, по своему ремеслу, онъ зависитъ отъ полиціи. Вы, вѣроятно, помните также показаніе свидѣтеля Матосова. Матосовъ

удостоверилъ, что при немъ Кабановъ признавался, что истратилъ болѣе 100 рублей на подкупъ свидѣтелей по настоящему дѣлу. Я кончилъ первую часть моей рѣчи, составляющей какъ бы рамку, внутри которой рисуются подсудимые Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ. Теперь я перейду ко второй части.

Я старался нарисовать картину борьбы двухъ партій. Борьба эта была ожесточенная и упорная. Каждая сторона старалась опровергнуть другую и найти въ ея дѣйствіяхъ уголовную подкладку. Расколъ произошелъ не только внутри обоихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и между этими присутствіями, но и въ литературѣ. Я представилъ вамъ номеръ «Русскаго Мира», гдѣ исправникъ Ивашинцевъ помѣстилъ официальное опроверженіе корреспонденціи, благопріятно отзывавшейся о гг. Хвостовѣ и Бехтѣевѣ. Въ опроверженіи исправникъ заявляетъ, что полиція въ этомъ дѣлѣ не принимала никакого участія и что лживо сообщеніе корреспондента, будто бы полиція производила давленіе на выборщиковъ. Опроверженіе это я могу назвать преждевременнымъ; г. Ивашинцевъ не потрудился обождать и узнать, что скажетъ судъ, въ который передано было дѣло о выборахъ. Дѣло это лежитъ передъ вами гг. судьи. Обвиняются Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ. По 1,425-й ст. улож. о нак., одинаково подлежатъ наказанію и тѣ, которые подкупали, и тѣ, которые были подкупаемы. Я и думалъ, по заглавію обвинительнаго акта, что такимъ образомъ распредѣлятся роли: Архиповъ явится подкупающимъ, а другіе—подкупаемыми. Оказалось, что подкупаемыхъ совсѣмъ нѣтъ. Я думаю, что еслибъ примѣнить къ этому дѣлу мотивы одного изъ постановленій слѣдователя при предварительномъ слѣдствіи 26-го октября прошлаго года, то дѣло вовсе не дошло бы до суда. Подсудимые просили слѣдователя спросить свидѣтелей, которые удостовѣрятъ, какъ Ефимъ Кабановъ подкупалъ разныхъ непоименованныхъ индивидуальнo лицъ къ дачѣ лживыхъ показаній, но слѣдо-

ватель въ этой просьбѣ отказаль на томъ основаніи, что, такъ какъ не обозначено, какъ подкупаль Кабановъ, то и изслѣдованіе произведено быть не можетъ. Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ являются по обвинительному акту, подкупающими и подпайвающими неизвѣстно кого и, притомъ, дѣйствующими, по состоявшемуся между ними предварительному уговору. Вы могли убѣдиться, гг. судьи, что въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ они были даже знакомы между собою; они упорно отвергають это знакомство, которое ничѣмъ не подтверждается, слѣдовательно, если даже они дѣйствовали, то порознь, совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

Разберемъ, что дѣлалъ каждый изъ нихъ, и прежде всего коллежскій регистраторъ Архиповъ. Онъ, по происхожденію, принадлежитъ къ духовному званію; онъ въ двоякомъ отношеніи заинтересованъ въ томъ, чтобъ выборъ состоялся въ пользу Бехтѣва и Хвостова; *во-первыхъ*, онъ породненъ съ крестьянскою семьей Рошупкиныхъ, стоявшихъ крѣпко за этотъ выборъ, будучи женаты на дочери одного изъ Рошупкиныхъ— Нестера; *во-вторыхъ*, онъ управляющій г. Бехтѣва, пользующійся довѣріемъ его и глубоко ему преданный. Передъ выборами ходили уже слухи о давленіи на выборы со стороны полиціи. Свидѣтель Лаврентій Сѣриковъ доводилъ объ этомъ обстоятельстве до свѣдѣнія г. Кузьмина. Поэтому, совершенно понятна бытность Архипова на этихъ выборахъ; онъ имѣлъ порученіе отъ Бехтѣва слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается, какъ держитъ себя полиція; въ случаѣ надобности, онъ долженъ былъ не только довести о происходившемъ своему довѣрителю, но и стараться злоупотребленіямъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ противодѣйствовать. Занималъ ли Архиповъ въ электоральномъ движеніи одно только наблюдательное положеніе или онъ и склонялъ кого-нибудь самъ непосредственно выбирать гг. Бехтѣва и Хвостова? Я утверждаю, что еслибъ онъ всѣми силами души убѣждалъ и самымъ энергическимъ

образомъ склонялъ выборщиковъ, то за это склоненіе никоимъ образомъ подлежать онъ отвѣтственности не можетъ, такъ какъ это дѣло съ его стороны совершенно законное. На то и существуютъ выборы, на то и узаконена борьба партій, чтобъ всякій, даже не выборщикъ, склонялъ всѣхъ и каждаго, чтобъ прямое, живое и непосредственное участіе въ выборахъ принимало возможно большее число лицъ. Представьте себѣ законъ, который ставилъ бы преграды такому склоненію, убѣжденію, уговору: тогда все общество походило бы на заведеніе вмѣщающее въ себѣ лицъ, подвергнутыхъ точно одиночному заключенію; каждый гражданинъ точно запертъ въ свою кѣлѣточку, знать ничего не зналъ бы, что дѣлается вокругъ, и выбиралъ бы, не уяснивъ себѣ, кого онъ выбираетъ! Правильные выборы при такихъ условіяхъ невозможны, потому что въ обществѣ всегда найдутся люди, которые настолько заинтересованы въ томъ, чтобъ выбрали ихъ кандидатовъ, что, несмотря ни на какія затраты, обходя законъ и дѣйствуя скрытно, устроятъ выборы по своему, они составятъ маленькую тайную организацію, которая достигнетъ большихъ предвзятыхъ результатовъ, по тому громадному преимуществу, которымъ пользуется всякая организація передъ толпами изъ людей, дѣйствующихъ порознь, въ разсыпную. Никакой законъ, ни въ какомъ государствѣ, ни въ какомъ обществѣ не можетъ допустить, чтобъ при выборахъ не было склоненія; напротивъ, всякому склоненію дается полный просторъ. Если будутъ склонять въ свою пользу всѣ и каждый, и лично заинтересованные, и лично незаинтересованные, то, такъ какъ послѣднихъ, дѣйствующихъ безъ личнаго интереса, въ виду только общаго блага, гораздо больше, нежели тѣхъ, которые дѣйствуютъ по личному интересу, то эти послѣдніе, составляя меньшинство, расплавятся и утонутъ въ огромномъ числѣ лицъ, заинтересованныхъ въ выборахъ не лично, а по соображеніямъ пользы общественной. Еслибы всѣ склоняли всѣхъ, еслибы всѣ прини-

мали участіе въ выборахъ, тогда всякіе выборы были бы безусловно хороши въ томъ смыслѣ, что эти выборы были бы сознательнымъ выраженіемъ настоящей воли общественной. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, я долженъ сказать, что не только въ крестьянскомъ мірѣ, но даже въ обществахъ городскихъ и дворянскихъ на выборахъ не обходится безъ того, чтобы кандидаты не предлагали бы сами себя, не ухаживали бы за выборщиками, не приглашали бы ихъ и не угощали бы при этомъ случаѣ. Выборы почти никогда и не бываютъ безъ ѣды и безъ питья на чужой счетъ. Я не слышалъ, чтобы когда-нибудь кого винили за выпитую чашку чая, за съѣденный кусокъ селедки; чтобы рюмка водки и кусокъ селедки или даже выпитая въ компаніи бутылка шампанскаго были чѣмъ-то въ родѣ договора, по которому тотъ, который съѣлъ или выпилъ, продаетъ свой голосъ, обѣщается вотировать за того или другого кандидата. Угощаясь на выборахъ, я никогда въ себѣ не ощущалъ никакихъ сомнѣній или угрызений совѣсти. Перенесемъ мысленно за маленькую сферу выборовъ дворянскихъ, въ которой въ борщиковъ немного, и легче, чѣмъ во всякой другой сферѣ, агитировать. Выборамъ предшествуетъ образованіе гласныхъ или негласныхъ комитетовъ. У самого кандидата или у кого-нибудь изъ его близкихъ съѣзжаются обсуждать, подкрѣпляя, отъ времени до времени, свои силы, о томъ, кого возвести въ подлежащую замѣщенію должность. Приѣзжаютъ на эти бесѣды и угощенія не только сторонники кандидата, но даже и люди изъ другого лагеря, люди нейтральные или противники, для полученія свѣдѣній и согласованія своихъ дѣйствій съ дѣйствіями другой партіи. Отъ этихъ малыхъ выборовъ перейдемъ къ большимъ, къ цѣлымъ десяткамъ тысячъ людей—въ члены парламента, въ какое-нибудь народное собраніе. Избирателей не можетъ помѣстить ни одно обыкновенное помѣщеніе. Нанимаются для предварительныхъ сходовъ и совѣщаній цирки, театры, кон-

цертныя залы, или, просто-на-просто, сходки происходить въ паркѣ, саду, на городской площади. Ораторы съ кафедръ или подмостковъ склоняють публику въ пользу своихъ кандидатовъ и своихъ программъ. Мало того: подряжаются лица, которыя посвящаютъ свою дѣятельность специально на то, чтобы склонять нетолько выборщиковъ, но всю читающую публику въ пользу извѣстныхъ кандидатовъ — это журналисты. Каждая партія, для успѣшности своихъ дѣйствій, основываетъ свой органъ — газету, или поддерживаетъ своими средствами существующіе органы печати, газеты, въ которыхъ ежедневно повторяется: выбирайте такого-то, онъ такихъ-то убѣждений, онъ будетъ служить такимъ-то интересамъ. И этотъ образъ дѣйствія въ порядкѣ вещей. Никто не станетъ уважать публициста, который, за деньги, переходя отъ одной партіи къ другой и мѣняя убѣжденія, сегодня служитъ однимъ кандидатамъ, а завтра ихъ противникамъ, но если онъ не мѣняется, если онъ тѣхъ же убѣждений, принадлежитъ той же партіи, въ пользу которой склоняетъ, и если получаетъ за свои труды вознагражденіе, безъ котораго никакой трудъ экономически невыносимъ, то эти его дѣйствія совершенно законны и таковыми по всему свѣту признаются. Итакъ, склоняль или не склоняль выборщиковъ Архиповъ въ пользу Хвостова и Бехтѣва — это безразлично. Не подлежитъ отвѣтственности и Черенковъ, вовсе незнавшій Архипова, за то, что ходилъ между выборщиками, подговаривая ихъ класть шары за Хвостова и Бехтѣва, а тѣмъ меньше за то, что произнесъ слова: «въ святомъ писаніи говорится: послѣдніе будутъ первыми». Итакъ, склоненіе выборщиковъ ненаказуемо. Чтобы подвести подъ отвѣтственность и сдѣлать предметомъ вмѣненія, необходимо сопоставить его или съ дурнымъ намѣреніемъ склоняющаго, или со средствами, употребляемыми для склоненія. Сопоставленіе дѣйствія склоненія съ намѣреніями склоняющаго даетъ основаніе нравственной оцѣнкѣ склоненія, но от-

нюдь не уголовной. Можно хулить или презирать человека, который дѣйствовалъ безъ внутренняго убѣжденія или за деньги, перекидываясь съ одной стороны на другую, но нельзя еще его за то наказывать, потому что мотивы неуголовнаго дѣйствія оцѣниваются только по совѣсти, а не по закону, и судья ихъ только публика, общественное мнѣніе. Уголовной отвѣтственности могутъ подлежать способы склоненія предсудительныя, средства склоненія, отнесенныя закономъ въ разрядъ происковъ преступныхъ и потому запрещенныя подъ страхомъ наказанія. Они перечислены въ 1425-й ст. улож. Я замѣчу, что въ числѣ этихъ способовъ нѣтъ *угощенія*. Я еще возвращусь къ этому слову и буду протестовать противъ его включенія въ обвиненіе. Въ статьѣ 1425-й упомянуты и запрещены только четыре средства: угрозы, подкупъ, подарки и обѣщанія. Разберемъ, были ли эти средства пущены въ ходъ въ настоящемъ случаѣ? Имѣли ли мѣсто *угрозы*? Говорятъ, будто бы Камышевъ и Богачевъ, споря съ Кабановымъ, стращали его тѣмъ, что пожалуются на него Хвостову; зная цѣну этому стращанію Кабановъ имъ отвѣтилъ: «Я не боюсь Хвостова; скажите ему, что я его выбирать не стану». Такъ и хочется спросить: гдѣ мы? въ дѣтской ли или между взрослыми людьми? Угроза преступная, уголовная можетъ заключаться только въ стращаніи зломъ опредѣленнымъ, положительнымъ и, притомъ, противозаконнымъ, но она ненаказуема, какъ скоро стращающій грозитъ, что онъ воспользуется своимъ несомнѣннымъ и законнымъ правомъ. Кабановъ не зависитъ отъ Хвостова; но еслибъ, положимъ, все населеніе извѣстной мѣстности зполнѣ зависѣло отъ землевладѣльца, на котораго землѣ они поселены, въ лѣсахъ котораго они пасутъ свой скотъ, и еслибъ этотъ землевладѣлецъ вдругъ объявилъ населенію: «кто не будетъ вотировать въ мою пользу, тотъ не получитъ отъ меня аренды или скотина того не будетъ пастись на моей землѣ», то это предвареніе не-

благородное, мерзкое, недостойное, а всетаки, не будетъ считаться угрозою, потому что за пользование своимъ правомъ никто не отвѣчаетъ. Итакъ, угроза отпадаетъ, за нею слѣдуетъ второе средство—*подкупъ*. Кто и какъ подкупалъ Архиповъ? Неизвѣстно кого и даже не могутъ быть приблизительно указаны тѣ лица, на которыя онъ дѣйствовалъ деньгами. Есть два свидѣтеля, Дерюгинъ и Федоръ Савинъ, которые утверждаютъ, будто Архиповъ дѣлалъ передъ ними признаніе въ подкупѣ или, по крайней мѣрѣ, въ раздачѣ денегъ на угощеніе. Разберемъ эти показанія и опредѣлимъ степень ихъ достовѣрности. Свидѣтель Дерюгинъ, который не зналъ вовсе Архипова, который не былъ выборщикомъ, рассказываетъ, будто, проходя въ 12 часовъ или немного позже, по дорогѣ мимо заведенія Волкова, видѣлъ лицо, признаваемое имъ нынѣ за Архипова, которое, будто бы, ему и другимъ крестьянамъ всеуслышаніе передавало: «Я больше не дамъ; я роздалъ 25 р. на выборы и, кромѣ того, 3 р. далъ Сѣрикову». Одновременно, будто бы, проходили по улицѣ вазовецкіе старшина и сборщикъ податей Черенковъ, которыхъ Архиповъ звалъ въ трактиръ и которые получили отъ Архипова 1 рубль. Странная вещь: оказывается изъ словъ Дерюгина, что была устроена Архиповымъ точно контора для раздачи денегъ, что приставали къ Архипову крестьяне невыборщики, которымъ давать чтобы ни было было бесполезно! Свидѣтель Дерюгинъ ссылается на лица, совершенно неизвѣстныя, имена которыхъ онъ скрывалъ при предварительномъ слѣдствіи и обнаружилъ только теперь. Безъ этихъ лицъ нельзя провѣрить фактъ, странный самъ по себѣ и даже мало естественный—самопризнанія Архипова! Или повѣрить на слово Дерюгину? но это рискованно—неизвѣстно, что онъ за человѣкъ; или спросить тѣхъ крестьянъ, которыхъ имена онъ объявилъ теперь? Я просилъ вызвать тѣхъ свидѣтелей на счетъ защиты; но мнѣ было отказано. Я убѣжденъ, что еслибъ ихъ вызвали, то результатъ оказался

бы тотъ же, какъ относительно вязовецкихъ крестьянъ. Если я лишенъ былъ возможности доказать невѣрность показанія относительно тѣхъ крестьянъ, которые шли по дорогѣ, то имѣю основаніе сказать, что фактически обнаружена и доказана недостоверность показанія Дерюгина относительно вязовецкихъ крестьянъ, по его словамъ, получившихъ рубль отъ Архипова. Когда предсталъ предъ вами вязовецкій сборщикъ податей Шмемевъ, то Дерюгинъ, поспѣшилъ заявить: «Я обознался; тотъ сборщикъ былъ человекъ другой; тотъ былъ маленькій, рябой, молодой; онъ былъ сборщикомъ въ 1878 году, а не въ нынѣшнемъ 1879 году». Между тѣмъ, оказалось, что Шмемевъ былъ сборщикомъ и въ 1878 году; а его предмѣстникъ вовсе не соответствуетъ, по чертамъ лица, описанію, составленному, вѣроятно, на скоро и наугадъ Дерюгинымъ. Если Дерюгинъ поцалъ въ просакъ съ Шмемевымъ, можно ли вѣрить и всѣмъ вообще его показаніямъ, напримѣръ, относительно вязовецкаго старшины Попова. Старшина сбѣжалъ отсюда изъ Ельца ночью; онъ человекъ боязливый, боялся сильныхъ міра сего, онъ желалъ показать правду, но когда, явившись въ Елецъ, узналъ, что показаніе его можетъ быть не въ пользу исправника, то скрылся. Тѣмъ не менѣе, онъ сознавался свидѣтелямъ, которыхъ вы слышали на судѣ, что рубля отъ Архипова не получалъ, да и не могли получить этого рубля вязовецкіе выборщики, такъ какъ, запоздавъ пріѣздомъ и пріѣхавъ только въ часъ, они, никуда не заходя, прямо попали на выборы. Если показанія Дерюгина относительно вязовецкихъ крестьянъ столь сомнительны, то сомнительны они также и по предмету израсходованныхъ, будто бы, на подкупъ или угощеніе 25 руб. Если бы деньги раздавались открыто, точно въ конторѣ, каждому, то развѣ не раскрыло бы этого факта дознаніе, которое шло по всѣмъ волостямъ, и предварительное слѣдствіе, воспользовавшееся какъ матеріалами дознанія, такъ и данными еще другихъ разспросовъ и дознаній, которыхъ была пропасть.

Спрашивали, поочередно свидѣтелей, производя формальные допросы, полиція и слѣдователь, уѣздный предводитель дворянства и чиновникъ отъ губернатора—неужели всѣ эти дознанія и слѣдствія не обнаружили бы какую-нибудь раздачу въ многія руки разныхъ суммъ, когда при нихъ обнаружены даже такія подачки, какъ 50 к., дѣлаемые разными лицами, но только не Архиповымъ. Извѣстно, что изъ частей можно заключать о цѣломъ. Если часть показанія Дерюгина вполне опровергнута, то можно съ увѣренностью заключить, что столь же мало заслуживаютъ довѣрія и остальные части показанія, непровѣренные или даже и немогущія быть провѣренными. На этомъ основаніи, я откидываю показаніе Дерюгина и перехожу къ Ѳедору Савину. Ѳедоръ Савинъ—стегаловскій житель; онъ не былъ въ должности. Я былъ лишенъ возможности раскрыть исторію о похищеніи вещей, на которую наводитъ рѣчь Иванъ Савинъ. Но, независимо отъ этого обстоятельства, показаніе Ѳедора Савина въ высшей степени сомнительно по своему содержанію. Это человекъ, неимѣющій постоялаго двора, но имѣющій лавочку галантерейныхъ товаровъ близъ трактира Волкова. Онъ рассказываетъ, что послѣ не только выборовъ, но и угощенія Архиповымъ привалившаго съ выборовъ народа, Архиповъ, будто бы, убѣждалъ къ нему, Савину, и тутъ открылъ ему свою тайну: я, дескать, говоритъ, подкупалъ крестьянъ, роздалъ 70 рублей, ѣздилъ по волостямъ и давалъ гдѣ 5, гдѣ 7, гдѣ 10 рублей на угощеніе. Замѣчу, что показанія Ѳедора Савина и Дерюгина, если бы они были вполне вѣрны, сводятся только на одно угощеніе. Но, я утверждаю, что, даже ссылаясь на угощеніе, это показаніе невѣроятно. Если послѣ выборовъ выборщики стали приставать къ Архипову, чтобы онъ ихъ угостилъ за то, что выбрали его господъ, то Архипову нужно было поскорѣе уѣхать совсѣмъ изъ Стегаловки, что онъ и сдѣлалъ. Извѣстно изъ слѣдствія, что Архиповъ уже былъ предупрежденъ друзьями, что на него идетъ доно-

сильно о подкупѣ Кабановъ. Извѣстно, что когда это извѣстіе донеслось до Архипова, онъ схватилъ ведро вина съ рундука на улицѣ и внесъ его въ домъ. Архиповъ; такимъ образомъ, уже былъ на сторожѣ, зналъ, что къ нему придрутся. Мыслимо ли, чтобы въ этотъ моментъ онъ вздумалъ побѣжать къ весьма мало ему извѣстному Человѣку для того только, чтобы сдѣлать его вмѣстѣлицемъ уголовной тайны, а себя, посредствомъ самообвиненія, выдать, такъ сказать, головою? Г. судьи, вѣдь это былъ бы безумный поступокъ. Сверхъ того, показаніе это еще опровергается слѣдующимъ. Если бы Савинъ дѣйствительно слышалъ отъ Архипова признаніе въ томъ, что за двѣ недѣли до выборовъ онъ давалъ гдѣ 5, гдѣ 7, гдѣ 10 руб., если подпой шелъ еще задолго до выборовъ, то, во-первыхъ, это просто въ экономическомъ отношеніи было бы крайне глупо, потому что память объ угощеніи дѣйствуетъ хорошо, когда она свѣжа, а потомъ угощеніе забывается и отходить, какъ воспоминаніе, въ даль; во-вторыхъ, раннія угощенія были бы самымъ лучшимъ средствомъ разглашать по всему бѣлу свѣту о подпаиваніи избирателей; извѣстіе о подпоѣ не могло бы не дойти до полиціи, и дознаніе, а потомъ и слѣдствіе, вѣроятно, начались бы еще до выборовъ. Ничего подобнаго не происходило. Итакъ, весь разговоръ Федора Савина сильно похожъ на вымыселъ и крайне неправдоподобенъ. Я полагаю, что этотъ подкупъ, о которомъ такъ много говорится, не существовалъ вовсе. Если не было подкупа, не обнаружена ли раздача *подарковъ*? Подарки сводятся къ тому же, что и подкупъ — къ угощенію водкою. Онъ угощалъ несомнѣнно послѣ выборовъ, но говорятъ, что онъ давалъ на угощеніе еще до выборовъ. Между тѣмъ, никто не видѣлъ этого угощенія. У Волкова кабакъ былъ, по крайней мѣрѣ, снаружи, закрытъ, туда входили, однако, заднимъ ходомъ люди, ѣли и пили, никто не видѣлъ, чтобы ѣли и пили съ Архиповымъ, чтобы Архиповъ кого нибудь угощалъ. Я уже говорилъ, что уго-

щенія входятъ, какъ элементъ, во всякое выборное движеніе. начиная съ игръ и постановки трагедій греческихъ, съ римскимъ *circenses*, которыми народъ угощали люди добывающіеся высшихъ должностей въ государствахъ до англійскихъ *hustings* и польскихъ сеймиковъ. Задабриваніе кандидатами избирателей доходило до безобразія, но нигдѣ почти этимъ безобразіямъ законодательства даже и не пытались противодѣйствовать мѣрами уголовными. Средство противъ задабриванія выборщиковъ угощеніями заключается, главнымъ образомъ, въ нравахъ; сверхъ того, демократія обладаетъ еще двумя весьма сильными способами противъ задабриванія, именно, всеобщею подачею голосовъ и закрытою баллотировкою. При всеобщемъ голосованіи избирателей такъ много, что угощеніе ихъ не по средствамъ частныхъ лицъ, какъ бы богаты эти люди не были. Крестьяне наши очень скоро постигли цѣну секретнаго баллотирования шарами и усвоили себѣ превосходно это учрежденіе. Всякому извѣстно, что если придется баллотировать открыто, то кандидатъ почти навѣрняка пройдетъ, хотя бы онъ и не былъ любъ большинству, потому что немногіе рѣшатся обнаружить открыто свое мнѣніе вставаніемъ или сидѣніемъ, но если баллотировка закрытая, шарами, то, въ сущности, глупъ тотъ, кто угощаетъ, на чей счетъ ѣдятъ и пьютъ, потому что слѣдить за тѣмъ, куда кладутъ шары, онъ не можетъ—его и объѣдятъ, и, все таки, забаллотируютъ. Такимъ образомъ, при секретной баллотировкѣ угощеніе совершенно недѣйствительное средство привлеченія сторонниковъ.

Итакъ, если бы даже было доказано, что въ какой-нибудь мѣстности до выборовъ Архиповъ совѣщался съ нѣкоторыми изъ выборщиковъ, если бы онъ и приказывалъ дать закуску или водку, то изъ этого еще нельзя заключить о подкупѣ и подаркахъ, потому что угощеніе въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ вовсе не предполагаетъ договора между угощающимъ и угощаемымъ, котораго смыслъ такой: ты меня угости, а я

дамъ тебѣ свой голосъ. Очень часто принимаются, а слѣдовательно, и угощаются лица завѣдомо принадлежащія къ противной партіи, которыя, однако, безъ зазрѣнія совѣсти пользуются угощеніемъ, а потомъ голосуютъ противъ угощавшаго. При угощеніи не было угора о голосованіи ни явнаго, ни подразумѣваемаго.

Но если подарковъ не было даже въ формѣ угощенія, то не было ли *обѣщаній угостить* въ случаѣ избранія Бехтѣева и Хвостова? Если разобратъ это предположеніе, то оно окажется еще слабѣе всѣхъ предъидущихъ. Чего не сдѣлалъ живой человѣкъ, того не сдѣлаетъ его тѣнь. Чего нельзя достигнуть самымъ угощеніемъ въ натурѣ, того не достигнешь тѣнью угощенія, то есть, обѣщаніемъ угостить тѣмъ, что обѣдающій скажетъ выборщику: дай мнѣ твой голосъ, а если мой кандидатъ будетъ выбранъ, то я тебя накормлю и напою. Какъ удостовѣриться, что подкупленный обѣщаніемъ далъ голосъ? Удостовѣриться можно только тогда, когда голосующіе на перечесть, а не 2¹/₂ сотни, слѣдовательно тотъ, къ кому обращался обѣщающій угощать, составлялъ только ¹/₂₅₀ часть выбирающей силы. Въ данномъ дѣлѣ надо допустить, что обѣщаніе распространялось на всѣхъ вообще крестьянъ и на выборщиковъ, слѣдовательно, что кругъ прельщаемыхъ людей былъ еще больше. Если результатъ выбора зависитъ отъ 250 человѣкъ, то обѣщаніе угощенія едва ли могло имѣть какое нибудь вліяніе на каждую единицу, потому что каждая единица поразсудитъ, развѣдаетъ сначала, куда клонится выборъ по общему желанію и туда пристанетъ, въ полной увѣренности, что угощеніе послѣ выборовъ будетъ имѣть мѣсто въ его обычной, искони установившейся формѣ, соединенное съ поздравленіемъ. Вездѣ и всегда счастливые избранники задавали друзьямъ, знакомымъ и даже мало знакомымъ пиръ на славу. Въ Англіи, лордъ-мэръ задаетъ послѣ избранія обѣдъ, даетъ балы президентъ французской республики; у насъ празднуетъ свое избраніе каждый предводитель дво-

рянства, каждый городской голова, я самъ бывалъ на профессорскихъ объѣдахъ, по случаю избранія или переизбранія въ профессора. Обычай такъ силенъ, что едва ли кто можетъ отъ него уклониться. Вспомните, господа судьи, того Катона Воронежской волости, который вамъ говорилъ, что еслибы къ нему подошелъ мужикъ и попросилъ на водку послѣ выборовъ, то онъ его тотчасъ посадилъ бы въ холодную арестантскую. Этотъ самый Катонъ уличенъ двумя свидѣтелями: Богачевымъ и Камышевымъ въ томъ, что и онъ, попавъ въ число девяти гласныхъ на выборахъ въ Стегаловкѣ далъ 1 руб. на угощеніе. Угощеніе со стороны выбранныхъ столь обычно, что оно могло подразумѣваться и что молва о немъ могла ходить въ народѣ и гулять по міру безъ всякаго участія со стороны Архипова. Если богатолатовскіе мужики взяли на себя пропагандировать кандидатуру Бехтѣва и Хвостова, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что просто по обычаю, по извѣстнымъ примѣрамъ, они же подталкивали выборщиковъ другихъ волостей словами: угощеніе будетъ. Молва росла, кто сулитъ три, кто пять ведеръ, могла она дойти и до десяти и до 15-ти, но что же изъ этого слѣдуетъ? развѣ можно такую ходячую молву относить насчетъ Архипова? Количество требуемаго угощенія не можетъ быть опредѣлено заранѣе; оно зависитъ отъ числа лицъ, которые придутъ поздравлять. Придетъ больше, чѣмъ ожидали—слава Богу, у насъ водка вездѣ есть—можно взять и дать въ одну минуту. Сверхъ того, водка въ натурѣ легко замѣняется деньгами на водку. Торопятся люди уѣхать, солнце садится, распить хотѣлось бы, но поздно, и, вмѣсто водки, кто получаетъ 20 коп., кто 30 копѣекъ: поѣзжай и угощайся въ дорогѣ. Это то же самое угощеніе, это то, что называется магарычъ. Онъ вовсе не расплата за сдѣланное, за сработанное. Онъ неразрывно сросся съ обычнымъ поздравленіемъ. Приходятъ поздравлять съ днемъ рожденія, съ днемъ ангела, съ полученнымъ чиномъ, крестомъ, съ крестинами или

свадьбою, приходятъ толпами, всѣхъ не отблагодаришь хлѣбомъ-солью, просто, вмѣсто угощенія, даешь «на водку». Русское: «на водку» неискоренимо никакими уголовными мѣрами. Итакъ, когда послѣ выборовъ народъ повалилъ толпою по постояннымъ дворамъ и въ томъ числѣ и въ трактиръ Волкова, Архиповъ былъ поставленъ въ необходимость предложить ведро водки. Его уличаютъ, что онъ далъ больше. Въ дѣлѣ есть показаніе свидѣтеля обвиненія, трактирщика Волкова, что за всю бытность у него Архипова, онъ и за себя, и за тестя, и за кормъ лошадей въ теченіи двухъ дней, и за угощеніе крестьянъ заплатилъ всего только 14 руб. Итогъ этого расхода не даетъ основанія предполагать, что въ трактирѣ Волкова, вечеромъ 24-го іюня, было разлитое море. Наконецъ, еслибъ и розлито было это море, еслибъ дано было десять ведеръ водки, то и такое угощеніе послѣ выборовъ не подходило бы подъ дѣйствіе 1425-й ст., потому что эта статья говоритъ о склоняющихся передъ выборами, но послѣ выборовъ склонять уже нельзя. Всякое пьянство, конечно, предосудительно, но было ли въ данномъ случаѣ пьянство? Сообразите, что люди цѣлый день ничего не ѣли и не пили, и, право, вы признаете, что въ такомъ угощеніи не было совершенно ничего необыкновеннаго, неприличнаго.

Я кончилъ объ Архиповѣ. Изъ всей массы уликъ не осталось ничего. Остаются Черенковъ и Сѣриковъ. Что касается Черенкова, то противъ него существовали прежде слѣдующія улики: показаніе Романа Туленинова, но оно снято: Тулениновъ говорилъ при предварительномъ слѣдствіи о воронецкомъ засѣдателѣ, но при судебномъ онъ не призналъ за такового Черенкова—очевидно, что онъ ошибался; показаніе Волкова, что вечеромъ послѣ выборовъ Черенковъ былъ въ кабацѣ; показаніе Дерюгина, который, будто бы, видѣлъ, какъ Черенковъ зазывалъ въ трактиръ вязовецкихъ сборщика податей и старосту; показаніе Филиппа Малютина, который снявъ оговоръ съ

Ивана Сѣрикава, оставилъ его, однако, по мнѣнію г. прокурора, на Черенковѣ. Разберемъ эти показанія.

Показаніе Дерюгина относится ко времени послѣ 12-ти часовъ дня, когда, будто бы, шли по улицѣ вязовецкіе мужики; изъ нихъ Шаменевъ здѣсь удостовѣрилъ, что они опоздали, пріѣхали лишь въ часъ и прямо отправились, никуда не заходя, на выборы. Послѣ 12-ти часовъ Черенковъ не могъ сидѣть у Волкова; онъ, по обязанности засѣдателя, долженъ былъ собирать людей и перекликать ихъ предъ каждымъ баллотированіемъ. Выборщики утверждаютъ, что если Черенковъ отлучался, то только на самое короткое время, за отысканіемъ двухъ изъ своей волости людей, которые вышли за ограду и которые находились не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста выборовъ. Показаніе Волкова о бытности у него Черенкова вечеромъ, послѣ выборовъ, опровергается свидѣтелями, показывающими, что онъ тотчасъ послѣ выборовъ, не заходя въ трактиръ, собрался и уѣхалъ. Еслибъ показаніе Волкова и подтвердилось, оно ничего не значило бы, потому что оно относилось бы ко времени послѣ выборовъ, но оно связывало бы Архипова съ Черенковымъ, устанавливало бы фактъ личнаго между ними знакомства. Но несомнѣнно, по словамъ односельцевъ Черенкова, что прямо съ выборовъ Черенковъ отправился съ Сорокинымъ на постоянный дворъ, тамъ запрягли лошадей и уѣхали. Такимъ образомъ, оказывается, что Черенковъ съ самаго начала и до конца былъ на выборахъ, не заходилъ къ Волкову и никакого участія въ угощеніи не принималъ. Если онъ убѣждалъ выбирать Бехтѣева и Хвостова, то пользовался законнымъ правомъ выборщика и послѣ выборовъ имѣлъ полное основаніе сказать евангельскія слова: «первые да будутъ послѣдними и послѣдніе первыми». Въ этихъ словахъ, я думаю, вся вина Черенкова! Что касается еще одного свидѣтеля, Филиппа Манютина, то его показаніе, сверхъ своей неправдоподобности, хромаетъ еще тѣмъ, что Манютинъ

одинъ изъ тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ имъ же самимъ опровергнуты, а потому весьма сомнительны. Ф. Манютинъ отозвался полнѣйшимъ запаматованіемъ происходившаго, довелъ дѣло до того, что прочтено было его показаніе, данное при предварительномъ слѣдствіи; часть этого послѣдняго показанія онъ совсѣмъ отвергъ, а часть какъ будто бы призналъ, но, все таки, весьма нетвердо, словами: «должно быть, было такъ». Наконецъ, я совсѣмъ не буду говорить о подсудимомъ Сѣриковѣ, потому что всѣ свидѣтели ничего противъ него не сказали: Волковъ говорить, что его не видѣлъ; Дерюгинъ впутывалъ его только въ сдѣланное, будто бы, Архиповымъ признаніе; Романъ Тулениновъ снялъ свое показаніе относительно Сѣрикова; далѣе Кабановъ говорить, что ничего не знаетъ; Иванъ Манютинъ тоже отказался. Словомъ, о Сѣриковѣ никто ничего не знаетъ.

Оканчиваю мою защиту слѣдующими соображеніями. Я полагаю, что было бы прилично дать всему этому дѣлу названіе одной изъ шекспировскихъ пьесъ: «Much do about nothing» — («Много шума изъ за пустяковъ»). Враждующія партіи перекидываются живыми людьми, какъ мячиками. Я полагаю, эти люди имѣютъ право, чтобы ихъ судили не какъ неодушевленные вещи, а какъ живыхъ лицъ, себя сознающихъ, которыхъ дѣйствія должны быть цѣнны и имъ вмѣняемы, независимо отъ того, какія цѣли достигаемы были черезъ нихъ тѣми, которые ихъ обвиняютъ, или тѣми, съ кѣмъ они дѣйствовали заодно. Вотъ почему я и прошу, гг. судьи, чтобы вы вынесли совершенное оправданіе всѣмъ подсудимымъ.

Судъ послѣ краткаго совѣщанія, вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ. Харьковская Судебная Палата оставила безъ послѣдствій принесенный на этотъ приговоръ апелляціонный протестъ Прокурора Елецкаго Округнаго Суда.

Дѣло крестьянина Осипа Малиновскаго.

Въ засѣданіи перваго отдѣленія пятаго департамента правительствующаго сената слушалось, 27-го сентября, 1880 г. дѣло по частной жалобѣ крестьянина Осипа Малиновскаго на постановленіе гродненской соединенной палаты, которымъ рѣшено прекратить производствомъ, по необнаруженію виновныхъ, дѣло, возбужденное Малиновскимъ, о подложномъ составленіи въ 1866 году подписки, на основаніи которой онъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ причисленъ, противъ воли своей, въ православные. между тѣмъ какъ, по его словамъ, онъ никогда подобной подписки не давалъ. Присяжный повѣренный Спасовичъ, поддерживая жалобу Малиновскаго, въ дополненіе къ ней, представилъ слѣдующее объясненіе:

«Я буду просить гг. сенаторовъ удѣлить мнѣ благосклонное вниманіе по дѣлу, которое можетъ быть сочтено и весьма сложнымъ, и весьма простымъ, и неважнымъ, и важнымъ, смотря по тому, съ какого конца на него смотрѣть и какъ опредѣлить его содержаніе. Что касается его содержанія, то съ перваго взгляда кажется, будтобы оно есть дѣло только о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 187 и 207 ст. улож. о нак., т. е. объ отпаденіи отъ православія въ католицизмъ, или дѣло о неисполненіи новообращеннымъ

въ православіе обрядовъ православной церкви. Дѣйствія эти приобрѣтаютъ вполне уголовный характеръ только тогда, когда есть въ виду совратители; когда ихъ нѣтъ, то они—проступки не уголовные, а просто церковные, и разсматриваются, какъ состояніе личнаго убѣжденія человѣка отступившаго, за которое онъ только отсылается къ духовному начальству, причемъ противъ него принимаются лишь нѣкоторыя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія. Правда, въ настоящемъ дѣлѣ есть до 20-ти подобнаго рода подсудимыхъ, отпавшихъ отъ православія. Спрошенныя по дѣлу, всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ стереотипную фразу: я не былъ пять или шесть лѣтъ у исповѣди и св. причастія, дѣти—одни крещены, потому что были больны и при смерти, а другіе—не крещены. Эти показанія давались въ 1871 году, слѣдовательно, девять лѣтъ тому назадъ. Если къ этимъ девяти годамъ прибавить тѣ пять или шесть лѣтъ, въ теченіи которыхъ они не исполняли извѣстныхъ обрядовъ до допроса, то выйдетъ 14 или 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ они пребывали внѣ общенія съ какою бы ни было церковью и были лишены духовной пищи, утѣшеній религіи, находясь въ состояніи, похожемъ на расколъ, произведенный искусственно мѣрами администраціи. Состояніе печальное; но что же дѣлать? Судъ можетъ сказать себѣ: не мое дѣло вмѣшиваться въ духовное вѣдомство; мнѣ только слѣдуетъ производство, за неимѣніемъ уголовного наказанія, прекратить и отослать упорствующихъ къ благочинному и полиціи, предоставивъ дѣлать съ ними что знаютъ. Но, гг. сенаторы, настоящее производство, по содержанію своему, не состоитъ изъ одного только отпаденія отъ православія—въ немъ есть еще и другой конецъ. Эти люди, упорствующіе въ томъ, чтобы не подчиняться обрядамъ и уставу православной церкви, въ то же время, переходятъ въ наступательное положеніе. Изъ обвиняемыхъ они обращаются въ обвинителей и утверждаютъ, что однихъ обращали посредствомъ истязаній и насилія, а

другихъ—при помощи составленія отъ имени ихъ росписокъ, которыхъ они никогда не давали. Такимъ образомъ, возникаетъ уже иной вопросъ, прямо подходящий къ вашей компетенціи: объ употребленіи насилія и совершеніи подлога для причисленія людей къ православію. Если судъ гражданскій обязанъ защищать каждого человѣка въ его чести, въ его собственности, то онъ не можетъ не защищать его въ самомъ драгоцѣннѣйшемъ изъ благъ, именно—въ правѣ исповѣдывать, по своему убѣжденію, ту или другую религію и прибѣгать къ утѣшеніямъ той церкви, отъ которой онъ считаетъ себя незаконно отторгнутымъ. Для простаго человѣка вся его умственная жизнь заключается въ одной только религіи; вѣра для него цѣннѣе всякаго богатства: что, въ сравненіи съ нею, земля, деньги, удобства жизни? Если посмотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, которая и есть, по моему убѣжденію, единственная правильная, то по такому дѣлу, какъ настоящее, нельзя ограничиться однимъ формальнымъ къ нему отношеніемъ и сказать, что мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе существа его, а лучше его прекратимъ. Православная литовская духовная консисторія, къ которой эти люди обращались съ жалобой на подлогъ, въ отвѣтъ имъ, рѣшила: за причисленіемъ ихъ къ православію, по распоряженію синода, сужденія о нихъ не имѣть. Но оцѣнить представленные судебныя доказательства подлога и признать подлогъ можетъ только уголовный судъ. Если онъ откажетъ въ этомъ, будучи убѣжденъ, что доказательства вѣрны и что подлогъ на лицо, то такой судъ совершитъ явный отказъ въ правосудіи. Имѣлъ ли въ дѣйствительности мѣсто подлогъ или нѣтъ? Я постараюсь доказать, что подлогъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ моему кліенту Малиновскому, и приступаю прямо къ передачѣ фактовъ словами подлинныхъ протоколовъ слѣдственнаго производства.

Время дѣйствія — 1866 годъ, мѣсто дѣйствія—Сви-слочь, маленькій городокъ, почти селеніе въ волковыс-

комъ уѣздѣ, гродненской губерніи. Оно происходило почти одновременно съ такъ называемымъ каракозовскимъ дѣломъ, которое, какъ извѣстно, поручено было генералу Муравьеву, уже оставившему виленское генераль губернаторство. Мѣсто его занималъ генераль Кауфманъ, при управленіи котораго и происходили самыя крупныя обращенія въ православіе цѣлыми массами. Дѣйствующими лицами являются: во-первыхъ, священникъ Александръ Гомолицкій; во-вторыхъ, мировой посредникъ Щербовъ, который хотя и не значится въ числѣ подписавшихся на актахъ присоединенія къ православію, но дѣйствовалъ, такъ сказать, за кулисами, какъ видно изъ показаній свидѣтелей; въ третьихъ, участковый чиновникъ, состоящій при посредникѣ, Шевягинъ, подпись котораго имѣется на многихъ подпискахъ; затѣмъ, въ четвертыхъ, жандармскіе нижніе чины и унтеръ-офицеры, въ числѣ которыхъ есть нѣкто Лопатицынъ, и, наконецъ, въ пятыхъ, писаря, которые подписывались за безграмотныхъ. Значительно было число обращенныхъ въ православіе—болѣе 700 человекъ, такъ что священникъ Гомолицкій, какъ онъ объясняетъ въ своемъ показаніи, не успѣвалъ сочинять росписки отдѣльно отъ каждаго обращающагося лица, а писалъ ихъ гуртомъ отъ цѣлыхъ селеній сразу.

Большинство обращенныхъ поступило, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ массы, т. е. подчинилось и, не возражая, слилось съ массою православныхъ. Но въ числѣ этихъ 700 лицъ нашлось человекъ 20 или 25, которые протестовали и которыхъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ одной изъ нихъ принадлежатъ тѣ, которые вовсе не соглашались на составленіе отъ имени ихъ подписокъ, а къ другой—тѣ, которые хотя и согласились, но потомъ, когда ихъ поставили съ глазу на глазъ съ свидѣтелями, сказали, что дали согласіе только вслѣдствіе употребленныхъ противъ нихъ побоевъ, истязаній и насилія. Но съ тѣхъ поръ, какъ обращеніе послѣдовало, до этихъ позднихъ заявленій объ истязаніяхъ, прошло

много лѣтъ, заявляющіе были люди неграмотные, несмышленные, подробности забылись, не было возможности доказать фактъ насилія, такъ что эта часть разсматриваемаго дѣла по вопросу объ истязаніяхъ отпадаетъ, и разсматривать ее не приходится. Потому остаются только отвѣты о подлогахъ, обвиненія лицъ, которыя утверждаютъ, что, вмѣсто ихъ, подписки были сочинены безъ ихъ на то согласія другими лицами, которыхъ они объ этомъ не просили.

Обращаясь къ этой категоріи лицъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и мой кліентъ, Малиновскій, я долженъ сначала остановиться на опредѣленіи въ общихъ чертахъ операціи отбирания подписокъ, которыя явствуютъ изъ дѣла. Всѣ подписки были отбираемы между 9-мъ и 13-мъ числами апрѣля, сначала, именно 9-го и 10-го, отъ отдѣльныхъ лицъ, а потомъ 11-го и 13-го апрѣля—гуртомъ, цѣлыми деревнями. Одна такая гуртовая подписка имѣется на листѣ 57-мъ дѣла, а другая на 123-мъ. Эти подписки весьма замѣчательны въ томъ отношеніи, что, если брать ихъ, какъ акты и судить ихъ по общимъ правиламъ оцѣнки достовѣрности документовъ, то едва ли можно признать за ними какую нибудь доказательную силу. Всѣ онѣ составлены за рукоприкладствомъ и удостовѣрены только однимъ священникомъ Гомолицкимъ, который постоянно является одинъ въ трехъ лицахъ: во-первыхъ, на первой страницѣ онъ занесъ своею рукою имена цѣлыхъ десятковъ лицъ, обрацаемыхъ въ православіе, отмѣченныхъ потомъ троекратными крестиками, которые Богъ знаетъ кто поставилъ, можетъ быть, самъ Гомолицкій, и которые всѣ похожи одинъ на другой; во-вторыхъ, рукою же Гомолицкаго сдѣланы надписи забезграмотныхъ свидѣтелей и наконецъ, въ третьихъ рукою же Гомолицкаго сдѣлана надпись: «подписки принималъ», каковою подписью удостовѣряется, что всѣ поименованныя въ подпискѣ лица присоединились къ православію. Следовательно, совокупность этихъ подписокъ равносильна удо-

стовѣренію только одного священника Гомолицкаго, а если оно обжаловано и оспорено, то нѣтъ возможности провѣрить, имѣлъ ли мѣсто фактъ, удостовѣряемый священникомъ Гомолицкимъ. На 125-й страницѣ дѣла имѣется гуртовая подписка, немного отличная отъ предыдущей. Имена обратившихся написаны Гомолицкимъ, опять поставлены крестики, свидѣтели тоже вписаны рукою Гомолицкаго; потомъ идетъ надпись рукоприкладчика: «по личной просьбѣ всѣхъ крестьянъ росписался жандармъ Лопатицынъ». Въ этой подписи опять всѣ слова подписаны рукою Гомолицкаго, кромѣ послѣдняго: «Лопатицынъ». Таковы общія подписки массами. Имъ, какъ я сказалъ, предшествовали, 9-го и 10-го апрѣля, единичныя подписки. Я объясняю себѣ выдачу этихъ единичныхъ подписокъ тѣмъ, что массы крестьянскія являютъ изъ себя видъ панургова стада; надобно склонить главныхъ хозяевъ, какъ предводителей, потомъ остальные пойдутъ, какъ овцы, за подавшими примѣръ домохозяевами. 9-го и 10-го апрѣля нужно было уломать главныхъ домохозяевъ, лучшихъ людей между крестьянами, а 11-го и 13-го апрѣля уже отмѣчалось прохожденіе за ними всего остального стада. Противъ самыхъ сомнительныхъ подписокъ гуртомъ, 11-го и 13-го апрѣля, сравнительно съ единичными, сдѣлано мало возраженій, а ббольшая часть возраженій относилась до подписокъ 9-го и 10-го апрѣля. Какой же порядокъ былъ при отбираніи этихъ единичныхъ подписокъ? Прежде всего, въ нихъ бойкимъ, писарскимъ почеркомъ написано: я, такой-то, вмѣстѣ со своимъ семействомъ перехожу въ православіе и обязуюсь приобщиться святымъ таинствамъ къ троицыну дню, 15-го мая. Потомъ тѣмъ же почеркомъ идетъ надпись: по безграмотству такого-то и по его личной просьбѣ, подписался писарь такой-то. Налицо имѣлись два писаря: одинъ Хвоцевскій, волостной, а другой чиновникъ Шевагина, Дашкевичъ. Далѣе имѣется надпись какого нибудь свидѣтеля, на примѣръ, старосты Лукашука; потомъ голая подпись дол-

жностнаго лица — чиновника Шевягина, и въ концѣ всего — подпись священника Гомолицкаго, какъ лица, принимавшаго эти подписки. Конечно, всѣ подобнаго рода подписки весьма неформальны. Неизвѣстно, зачѣмъ стоитъ и что удостовѣряетъ подпись Шевягина, а подписи за безграмотныхъ по ихъ просьбѣ нуждаются въ удостовѣреніи полиціи не только относительно того, кѣмъ онѣ дѣйствительно подписаны за безграмотныхъ, но и относительно того, были ли дѣйствительно упрощены подписавшіеся тѣми, за кого они подписывались. Когда, по возбужденіи уголовного слѣдствія, оно коснулось подписавшихся на актахъ за безграмотныхъ, обращенныхъ въ православіе и вообще участвовавшихъ въ составленіи подписокъ, то показанія этихъ лицъ обнаружили рядъ весьма курьезныхъ фактовъ. Такъ, на примѣръ, свидѣтель Лукашукъ показалъ, подъ присягою, что хотя онъ и росписывался на многихъ подпискахъ, какъ свидѣтель, но лица, отъ имени которыхъ давались эти подписки, вовсе не просили, чтобы за нихъ ктонибудь росписался, и даже этихъ лицъ иногда вовсе не было налицо. Въ свое оправданіе, Лукашукъ приводитъ слѣдующее: «скажу только то, что время было такое, и я не смѣлъ ослушаться приказанія своего начальства».

«Дашкевичъ, писарь при Шевягинѣ, отзывается болѣе сдержанно и осторожно. Онъ говоритъ прямо, что подпись его на подпискахъ сдѣлана имъ подложно. Но, вмѣсто того, на страницѣ 101-й дѣла онъ пишетъ слѣдующее: за давностью времени, я все запамятовалъ и не помню, просили ли меня крестьяне росписываться на подпискахъ, или не просили. Слѣдовательно, Дашкевичъ не отвергаетъ того, что онъ могъ подписываться и за отсутствовавшихъ, и за непросившихъ его росписаться за нихъ. Словомъ, это удостовѣреніе сдѣлано только для того, чтобы самому уклониться отъ отвѣтственности, и равносильно тому, что Дашкевичъ не подтвердилъ своей подписи на роспискахъ; значитъ, росписки все равно, что никѣмъ не подписаны. Наконецъ, писарь Хвоцев-

скій уже прямо заявилъ, подѣ присягою, что онъ подписывался безъ всякой просьбы о томъ со стороны крестьянъ и въ отсутствіи лицъ, которыя на подпискахъ значились, и что онъ дѣлалъ это просто по приказанію гостившаго у Шевягина начальника его, посредника Щербова. Такимъ образомъ, уясняется вполнѣ та обстановка, при которой совершались обращенія въ православіе въ 1866 году. По составленіи общаго понятія о событіи, я обращаюсь къ тому его эпизоду, который касается только Малиновскаго, какъ моего клиента.

«Отецъ и дѣдъ его были католики, мать также католичка; ничѣмъ не подтверждено, чтобы она была православная или даже униатка. Малиновскій — человекъ семейный, уважаемый и вліятельный въ своемъ округѣ. Ни въ 1866, ни въ 1867 годахъ, ни въ послѣдующіе года, онъ не приобщался, не ходилъ въ церковь, не былъ муропомазанъ; словомъ, онъ отъ церкви православной всегда сторонился. Онъ даже и не былъ ни 9-го, ни 10-го апрѣля въ Свислочи, доказательства чему имѣются неопровержимыя. Только стороною онъ узналъ впоследствии—и я вѣрю его показанію—что онъ записанъ въ православіе; его не стали допускать и въ латинскій костель. Такимъ образомъ, онъ остался между двумя церквами. Несмотря на то, что онъ человекъ бѣдный, онъ рѣшился поѣхать въ Вильно освѣδο-миться, что случилось. Ему отвѣтили, что имѣется его подписка о причисленіи къ православію. Онъ заявляетъ о подлогѣ этой подписки, въ 1871 году, и начинаетъ дѣло, которое, въ 1874 году, поступаетъ въ гродненскую соединенную палату. Эта палата, постановивъ прекратить дѣло относительно другихъ лицъ, опредѣлила произвести дослѣдованіе о подложной подпискѣ Малиновскаго. Подписка, о которой идетъ рѣчь, замѣчательна въ слѣдующемъ отношеніи. Написана она, будто бы, 10-го августа. Я утверждаю, что въ этомъ числѣ названіе мѣсяца августа есть или умышенно подложное, или занесенное по ошибкѣ, но во всякомъ случаѣ не

соотвѣтствующее дѣйствительности. Я полагаю, что слово «августъ» невѣрно, и вотъ почему: Шевягинъ съ писаремъ Дашкевичемъ находились въ Свислочи только въ апрѣлѣ 1866 года, и только въ апрѣлѣ совершалось обращеніе въ православіе массами и отбирались Гомолицкимъ подписки при той обстановкѣ, на которую я намекалъ.

Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы обращеніе въ православіе повторялось: кого могли записать — записали въ апрѣлѣ, потомъ остальныхъ оставили уже въ покоѣ. Если бы отбиралась подписка отъ обращающагося въ августѣ 1866 года, то его заставили бы общать, что онъ приобщится св. тайнъ къ ближайшему празднику, напримѣръ, къ Рождеству или къ Великому посту, передъ Пасхою, или, наконецъ, къ Пасхѣ 1867 года, но никакъ не къ троицыну дню, который только въ 1866 году приходился на 15-е мая, а въ 1867 году пришелся на 4-е июня. Въ подпискѣ Малиновскаго, отъ 10-го августа за 1866 годъ, дано имъ, будто бы, обѣщаніе причаститься 15-го мая, къ троицыну дню; но, очевидно, что нельзя приобщиться къ дню 15-го мая, троицыну, уже прошедшему, въ моментъ, когда писалась росписка, если только она писалась 10-го августа. Я не полагаю, чтобы былъ умыселъ въ выставленіи числа 10-го августа; въ этомъ я не вижу цѣли. Я скорѣй готовъ думать, что произошла просто описка при опредѣленіи мѣсяца, которой способствовало то обстоятельство, что и августъ, и апрѣлѣ начинаются одною и тою же буквою. Итакъ, въ подпискѣ необходимо сдѣлать исправленіе и, вмѣсто августа, при 10-мъ числѣ поставить апрѣлѣ. Но потомъ и послѣ этого исправленія, ставится вопросъ: выражала ли она волю даващаго ее, или нѣтъ, подлинная ли она или нѣтъ? Она написана Дашкевичемъ отъ начала до конца замѣчательно небрежно. На ней послѣ текста имѣются незачеркнутыя слова: «въ чемъ собственно ручно подписуюсь»; вслѣдъ затѣмъ, другія слова: «въ

чемъ, по неумѣнію грамоты, чрезъ упрошеннаго, подписуюсь»—за Малиновскаго Дашкевичъ; потомъ идетъ подпись Шевягина, и потомъ опять неизвѣстно что обозначающая подпись того же Дашкевича. Въ первоначальномъ своемъ присяжномъ показаніи о подпискахъ 9-го и 10-го апрѣля, Дашкевичъ говоритъ, что, просили ли его лица, дававшія подписки 9-го и 10-го апрѣля, подписываться за нихъ, онъ не помнитъ; слѣдовательно, что очень возможно и естественно, онъ заочно подписывалъ, между тѣмъ какъ Лукашукъ и Хвощевскій прямо показывали о понужденіи ихъ къ составленію подписокъ Шевягинымъ и Щербовымъ. Въ послѣдующемъ показаніи уже объ одной подпискѣ Малиновскаго, Дашкевичъ, противорѣча себѣ, увертывается такимъ образомъ: «должно быть, Малиновскій меня просилъ, когда я росписался, какъ упрошенный, а, впрочемъ, не помню». Такимъ образомъ, вмѣсто показанія о фактѣ, намъ предлагается умозаключеніе. Но, конечно, намъ нѣтъ дѣла до умозаключенія Дашкевича; притомъ же, оно опровергается слѣдующимъ вѣскимъ фактомъ. Имѣется до десятка присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній о томъ, что ни 9-го, ни 10-го апрѣля Малиновскаго не было въ Свислочи, а ѣздилъ онъ въ это время въ Гродно съ докторомъ Заіончковскимъ. Этотъ фактъ врѣзался въ память свидѣтелей по слѣдующему случаю. Такъ какъ Малиновскій весьма уважаемъ въ селеніи, то многіе хозяева отказывались принять православіе до тѣхъ поръ, пока не приметъ его Малиновскій; его же въ то время, въ апрѣлѣ, при розыскахъ не нашли, такъ какъ онъ оказался уѣхавшимъ. Итакъ, подписка отъ имени Малиновскаго подложна отъ начала до конца въ томъ смыслѣ, что удостовѣряетъ фактъ, котораго не было. Она — вещественное доказательство подлога, будемъ ли мы ее судить по 1692-й или по 362-й ст. улож. Это убѣжденіе не можетъ быть поколеблено соображеніемъ палаты—которое я, не обинуясь, назову софизмомъ — что, если Малиновскій не далъ

подписки 10-го апрѣля, то онъ могъ дать ее въ послѣдствіи. Я понимаю, что, если человѣкъ — грамотный и если предъявляется подпись его на актѣ поразительно схожая съ его почеркомъ, то ему трудно опровергать эту подпись только тѣмъ, что онъ въ тотъ же день не былъ въ томъ мѣстѣ, которымъ актъ помѣченъ. Могутъ ему возразить, что онъ подписалъ актъ ненадлежащимъ числомъ или что онъ подписалъ его въ послѣдствіи. Но дѣло-то въ томъ, что Малиновскій — безграмотный, своей подписи поставить не могъ. На участвовавшихъ въ сочиненіи подписки лежитъ обязанность доказать, что они дѣйствительно сочинили ее по его просьбѣ не тѣмъ числомъ какое въ ней показано, а другимъ, которое должно быть ими доказано. Они этого не дѣлаютъ. Священникъ Гомолицкій стоитъ на 10-мъ августѣ, Шевягинъ не спрошенъ. Оба эти лица, купно съ Дашкевичемъ, навлекаютъ на себя подозрѣніе въ подлогѣ. При такихъ условіяхъ, подложность подписки ясна, какъ божій день. Теперь спрашивается: какъ разрѣшить дѣло, въ которомъ имѣется такой очевидный подлогъ? Палата не разрѣшила его, а постановила прекратить производство его вслѣдствіе не обнаруженія виновныхъ. Я могу указать на то, что въ 5-мъ департаментѣ правительствующаго сената по 2-му отдѣленію разсматривалось дѣло Павловскаго, по которому сенатъ вмѣнилъ въ обязанность палатѣ войти въ разсмотрѣніе существа дѣла и постановить опредѣленіе о фактѣ преступленія и о виновныхъ. Я утверждаю, что въ данномъ случаѣ палата не можетъ обойтись безъ опредѣленія, подлинная ли эта росписка Малиновскаго, или нѣтъ, хотя бы лица, совершившія подлогъ, уже умерли или преступленіе ихъ было покрыто давностью, или не обнаружено. Только въ новыхъ судахъ, образованныхъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года, введенъ въ гражданскую процедуру институтъ оспариванія актовъ, по подложности ихъ гражданскимъ порядкомъ (споръ о подлогѣ). Но въ дореформенномъ судѣ, которому подле-

жить дѣло по извѣту Малиновскаго, такая возможность не существуетъ, а есть просто 319-я статья 2-й ч., X-й т., на основаніи которой, какъ только сдѣланъ извѣтъ о подлогѣ, дѣло направляется въ судъ уголовный и производится въ немъ до окончательнаго разрѣшенія уголовнымъ порядкомъ вопроса о самомъ фактѣ преступленія, независимо отъ вопроса о виновныхъ. Каждый изъ васъ, гг. сенаторы, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ дѣла о подложныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ по старому порядку, и, слѣдовательно, вамъ извѣстно, что уголовный судъ не можетъ не сдѣлать заключенія о томъ, подлинно ли завѣщаніе или нѣтъ, безъ чего нерѣшимо самое дѣло о наслѣдствѣ по завѣщанію, которое должно, по необходимости, получить какой-нибудь конецъ и перейти къ тому или другому лицу. Сдѣлайте и для Малиновскаго то, что вы, не обинуясь, сдѣлали бы для всякаго наслѣдника по завѣщанію. Ему необходимо установить, что сочиненная отъ его имени подписка подложна. Протяните руку помощи этому бѣдному человѣку и дайте ему возможность изъ плохого православнаго сдѣлаться опять тѣмъ, чѣмъ онъ не переставалъ быть, т. е. хорошимъ латиняниномъ. Вѣра человѣка есть дѣло его убѣжденія, его личной совѣсти; ея превосходство здѣсь ни при чемъ. Еслибъ Малиновскій былъ даже магометанинъ, буддистъ или язычникъ, то и въ такомъ случаѣ вы обязаны были бы оставить его при его убѣжденіяхъ, въ которыхъ для него заключается все его счастье, все блаженство души.

Еслибъ вы, гг. сенаторы, затруднились рѣшить настоящее дѣло только по отношенію къ подлинности самаго документа, то у васъ имѣется еще другой исходъ. Обратитесь къ виновнымъ въ подлогѣ—виновные на виду. Невѣрно, будто бы не оказывается виновныхъ; они, правда, не названы, но, въ сущности, они указаны. Говорятъ, что Малиновскій ихъ не указалъ. Нѣтъ, онъ ихъ указалъ, когда твердилъ, что подписка сочинена безъ вѣдома его, а сочинена она извѣстно кѣмъ—лицами, на ней подпи-

савшимися: Дашкевичемъ, Шевягинымъ, да священникомъ Гомолицкимъ. Сверхъ того, слѣдствіе указало на Щербова. Щербовъ, можетъ быть, и прикрытъ давностью, Шевягинъ, кажется, умеръ, но Дашкевичъ и Гомолицкій остаются. Я думаю, что Гомолицкій больше всѣхъ другихъ виновать. Въ доказательство, я ссылаюсь не на отзывы множества крестьянъ объ испытанныхъ отъ него притѣсненіяхъ и истязаніяхъ, но только на два неоспоримыя доказательства. Въ дѣлѣ есть, во-первыхъ, отзывъ становаго пристава 3-го стана о томъ, что, когда дочь Ивана Петрошевича, уклоняющагося отъ православія послѣ обращенія, сильно заболѣла, не бывъ крещена, то священникъ писалъ къ приставу, чтобъ онъ, призвавъ въ помощь казаковъ, отнять силу дитя у родителей и доставилъ въ церковь къ нему, Гомолицкому, для совершенія надъ нею таинства крещенія. Приставъ не рѣшился исполнить безчеловѣчное требованіе. Второе доказательство заключается въ собственноручномъ отзывѣ священника Гомолицкаго на листѣ 138-мъ, въ которомъ Гомолицкій старается умалить значеніе вредныхъ послѣдствій отъ пребыванія упорствующихъ въ неприниманіи православія внѣ всякой церкви. Крестьяне, пишетъ онъ, своихъ заболѣвшихъ дѣтей несутъ крестить предсмертно и погребаютъ по православному обряду; они не ведутъ причащаться только здоровыхъ дѣтей, обнадеживаясь увѣреніями папской партіи въ Свислочѣ, что дождутся возможности возвратиться въ латинство. Конечно, всякій человекъ будетъ нести дѣтей крестить предъ смертью, чтобъ ихъ прилично похоронить, потому что иначе придется трупы зарывать, какъ падаль, внѣ уважаемой даже язычниками ограды кладбища. Для характеристики личности священника Гомолицкаго да будетъ мнѣ позволено привести еще одну черту, которую я заимствую изъ собственнаго его показанія: онъ судится за вымогательство у своихъ прихожанъ денегъ за требы. Всѣ эти данныя бросаютъ такой свѣтъ на отца Гомолицкаго, что я

удивляюсь, какъ хватило у него духа заключить свой отзывъ о больныхъ и здоровыхъ дѣтяхъ словами «о любви и о воссоединенныхъ любовью».

Послѣ объясненій г. Спасовича, первоприсутствующій, сенаторъ В. Д. Цев, предоставилъ слово находившемуся въ засѣданіи сената Малиновскому, который объяснилъ, что никогда никакихъ подписокъ о переходѣ въ православіе онъ не давалъ и что, когда онъ возвратился изъ Гродны въ мѣстечко Свислочь и узналъ, что его присоединили, помимо его воли, къ православію, то одно изъ должностныхъ лицъ въ присутствіе котораго онъ явился, закричало: «А! Малиновскій явился— подать мнѣ его!». Потомъ его схватили, причемъ, по приказанію благочиннаго, его посадили подъ арестъ на четверо сутокъ и жорили голодомъ, не давали въ это время ни хлѣба ни воды...

Первоприсутствующій. Вы подписки не давали?
Малиновскій. Нѣтъ, не давалъ... ей-Богу, не давалъ.

Первоприсутствующій. Но, можетъ быть, вы дали ее вслѣдствіе дѣланныхъ вамъ угрозъ?

Малиновскій. Нѣтъ, я никакой подписки не давалъ.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ:

1) опредѣленіе Гродненской палаты уголовного и гражданскаго суда, 5 сентября 1875 г., по настоящему дѣлу состоявшееся, отменить;

2) признать вышеизложенную подписку, писанную 10 августа 1866 года отъ имени крестьянина Свислочскаго общества Осипа Малиновскаго подложною;

3) дальнѣйшее производство сего дѣла, на основаніи 1, 5 и 8, ст. улож. о наказ., за давностью прекратить.

(См. «Голосъ» отъ 13—25 октября 1880 г. № 283).

Дѣло члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надв. сов. Савицкаго.

Правительствующій сенатъ, въ соединенномъ присутствіи 1-го и кассационныхъ департаментовъ, 30 октября 1880 г., постановилъ: члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника Ивана Клементьева Савицкаго, на основаніи ст. 283 и 347 улож. о нак., предать суду Казанской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ заседателей, по обвиненію въ томъ, что Савицкій, жалуясь правительствующему сенату на предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда и описывая дѣйствія ихъ, дозволилъ себѣ съ намѣреніемъ употребить выраженія, прямо оскорбительныя для означенныхъ предсѣдателя и членовъ суда. Палата признала Савицкаго виновнымъ и присудила его къ 14 дневному аресту на военной гауптвахтѣ. На этотъ приговоръ палаты подсудимымъ Савицкимъ была подана въ правительствующій сенатъ апелляціонная жалоба, которую въ засѣданіи уголовнаго кассационнаго департамента, 8 декабря 1887 г., поддерживалъ прис. пов. Спасовичъ.

Гг. сенаторы! Дѣло Савицкаго такого рода, что если его не концентрировать, то можно о немъ говорить и часъ и два и десять—безконечно. Дѣло похоже не на рѣку, которой ручьи сливаются въ одно русло, но на пень старой верьбы, пускающей много тонкихъ и на-

добно сказать хилыхъ вѣтвей. Пень, это первоначальная жалоба въ сенатъ 14 января 1879 г., члена Екатеринбургскаго суда, Савицкаго, движимаго искреннею, сердечною и непритворною печалью о томъ, что *принципы* коллегіальности падаютъ въ Екатеринбургскомъ судѣ, вслѣдствіе установившихся *противныхъ* ему *милыхъ порядковъ*. Особое присутствіе сената не только оставило жалобу безъ послѣдствій, но усмотрѣло въ этой жалобѣ 13 пунктовъ оскорбительныхъ для предсѣдателя суда и судей, товарищей жалобщика. По каждому изъ 13 пунктовъ Савицкій оправдывался горячо, почти литературно, во всякомъ случаѣ пространно со ссылками на законы и кассационную практику. Повторять всю аргументацію указа сената, защиты Савицкаго, приговора палаты и апелляціи, разбавляя ихъ еще водицею подстрочныхъ примѣчаній, я считаю ненужнымъ толченіемъ воды, не приводящимъ ни къ какому результату. Есть случаи когда защитѣ нужно какъ можно болѣе отождествляться съ подсудимымъ и передавать сколько возможно вѣрно и полно чувства его одушевлявшія, есть случаи напротивъ (и настоящій сюда принадлежитъ), когда полезнѣе наоборотъ, отдѣлиться отъ подсудимаго, отнестись къ нему совершенно объективно, искать оправданій въ свойствѣ самаго поступка, отвлекая его отъ личныхъ цѣлей и побужденій, что я и постараюсь сдѣлать; но этотъ способъ можетъ разсчитывать на какой бы то не было успѣхъ, только въ томъ случаѣ, если вы сами, гг. сенаторы, дѣйствуя въ качествѣ уголовного кассационнаго департамента, какъ апелляціоннаго суда, отрѣшитесь отъ солидарности съ соединеннымъ присутствіемъ 1-го и уголовного кассационныхъ департаментовъ, въ его заключеніяхъ, состоявшимся 11 мая 1879 г. въ распорядительномъ засѣданіи по дѣлу о жалобѣ Савицкаго на Екатеринбургскій судъ. Подавляющее впечатлѣніе этаго заключенія столь велико, что подчиняется ему Казанская судебная палата, которая въ мотивахъ рѣшенія умозаключаетъ такимъ образомъ: се-

нать, зорко слѣдящій—за порядкомъ судопроизводства, оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, чѣмъ очевидно доказалъ, что событія, которыя сенать не нашла даже нужнымъ повѣрить путемъ истребованія объясненій, если они и случились въ дѣйствительности никакой преступности въ себѣ не заключаютъ. Умозаключили такъ: еслибы удалось Савицкому вызвать со стороны сената требованіе объясненій отъ обвиняемыхъ имъ лицъ, а еще болѣе добиться преслѣдованія, то онъ былъ бы правъ и имѣлъ бы основаніе такъ дѣйствовать; неудалось, онъ очевидно не правъ, значитъ судить о намѣреніяхъ по успѣху, оправдывать ихъ успѣхомъ и умозаключать совсѣмъ невѣрно, такъ какъ изъ того что сенать оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, слѣдовало умозаключить, что онъ ее не уважилъ и только, но не слѣдуетъ заключать, чтобы подъ жалобою не скрывалось настоящее, глубокое, можетъ быть плохо формулированное и не подлежащимъ приѣмамъ раскрываемое зло. И особое присутствіе не непогрѣшимое установленіе и Екатеринбургскій судъ еще не идеальный и не образцовый судъ вслѣдствіе лишь того, что жалобу Савицкаго оставилъ безъ послѣдствій. До кассационнаго сената доходили другія дѣла этого суда. Здѣсь въ прошломъ году судился членъ суда Іолшинъ, за такую ничтожную мелочь, которую и поднимать не слѣдовало и былъ потомъ оправданъ департаментомъ. Я прошу васъ, гг. сенаторы, повременить съ заключеніемъ и не становиться на точку зрѣнія Казанской судебной палаты, относительно содержанія жалобы 14 января; она не получила ходу, не была уважена, но оцѣнить вы ее можете и должны сами, самостоятельно, и независимо отъ особаго присутствія, притомъ вы должны будете признать, что еслибы вы даже мысленно пришли къ убѣжденію, что ее надо бы оставить безъ послѣдствій, то что писавшій ее человекъ писалъ искренно, съ убѣжденіемъ, безъ личныхъ видовъ ради пользы для общаго блага, можетъ быть дурно по-

нимаемаго, но дѣйствовавшій по мѣрѣ своего разумѣнія. Мнѣ не зачѣмъ просить васъ, чтобы вы сочли вопросъ объ оскорбительности 13 отмѣченныхъ особымъ присутствіемъ фразъ уже предрѣшеннымъ посредствомъ опредѣленія и указа особаго присутствія 1879 г., изъ которыхъ и составленъ прямо перепискою съ бумаги въ бумагу обвинительный актъ, коимъ Савицкій преданъ суду. Особое присутствіе есть то начальство, которое въ данномъ случаѣ передаетъ служащаго суду. Преданіемъ суду вина не установлена и преданный суду можетъ быть оправданъ, какъ то случилось съ Толпинымъ, товарищемъ Савицкаго въ прошломъ году. И такъ въ надеждѣ, что правительствующій сенатъ въ кассационномъ департаментѣ не сочтетъ себя связаннымъ опредѣленіемъ особаго присутствія 1-го и угол. касс. департамента, я съ моей стороны отрѣшаюсь отъ солидарности съ моимъ кліентомъ и начну съ того, что заявлю, что не стану поддерживать ту часть его жалобы, въ которой онъ силится доказать, что его преступленіе, если бы такое и существовало, а существованіе его онъ отрицаетъ, подходило бы только подъ 283, а никакъ не подъ 347 ст. улож., то есть что оно было бы оскорбленіемъ нанесеннымъ въ поданной официальной бумагѣ должностнаго лица частнымъ лицомъ, каковое оскорбленіе вслѣдствіе того, что оно получило неправильное направленіе и отослано въ ненадлежащій судъ—въ палату, а не въ окружной, покрылось уже давностью болѣе чѣмъ 2 лѣтнею. Я не беру назадъ этихъ выраженій—я на то не уполномоченъ; я прошу разобрать ихъ по апелляции Савицкаго, на мой взглядъ они недостаточно убѣдительны, потому что, хотя писаніе жалобъ на товарищей и предсѣдателя суда и не входило въ кругъ его судейскихъ обязанностей и не возлагалось прямо на него никакою статьею закона, но его жалоба есть такого рода дѣловая бумага, которая въ данномъ случаѣ только при условіи подписанія ея не надворнымъ совѣтникомъ, а членомъ суда Савицкимъ подлежала вѣ-

дѣнію и разсмотрѣнію сената. Когда ее писалъ Савицкій, то въ немъ прорывался съ своимъ негодованіемъ не только человекъ, но еще болѣе судья, который въ своей профессиональной дѣятельности стѣсненъ тѣмъ, что потрясенъ дорогой его сердцу принципъ коллегіальности, составляющій одинъ изъ крѣпчайшихъ устоевъ организаціи суда. Глубокое сознаніе полной правоты своихъ дѣйствій онъ сохранилъ и послѣ того когда сенатъ, на который онъ возлагалъ надежды, отвѣтилъ ему преданіемъ суду. За эту устойчивость въ убѣжденіяхъ никто не вправѣ ни претендовать къ нему, ни взыскивать—это святая область чувствъ и убѣжденій человека, въ которой будь онъ администраторъ или судья онъ не повиненъ отчетомъ начальству. Онъ не пошелъ на капитуляцію даже и послѣ приговора и даже нашелъ себѣ союзниковъ, въ журналѣ гражд. и угол. права за 1881 г., и въ Тифлисскихъ Судебн. Отгол. № 29 и 30; онъ вслѣдствіе такого оглашенія своего дѣла подвергся и полемикѣ со стороны Тифлискаго Юридическаго Обозрѣнія, гдѣ его выставили въ видѣ судьи Донъ-Кихота.

Это то пропечатаніе жалобы 1879 г. составляетъ *corpus delicti*, и есть *delictum communi juris*—общегражданское преступленіе частнаго лица посредствомъ печати, диффамация или отзывъ о должностномъ лицѣ, заключающій въ себѣ злословіе или брань; хотя я долженъ сказать, что когда прочтешь это произведеніе печатно, то не вѣрится, чтобы могла прійти мысль о преступленіи посредствомъ печати, до того мы привыкли со стороны печати къ отзывамъ въ сто разъ болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ. Великое дѣло типографскій станокъ; многое подъ нимъ терпитъ бумага, чего она какъ будто бы стыдится и чурается подъ перомъ. Я васъ попрошу, гг. сенаторы, на этотъ разъ мысленно поставить вопросъ такъ, какъ будто-бы жалоба уже была на весь широкій свѣтъ предана гласности, и не предназначалась для келейнаго разсмотрѣнія въ распо-

рядительномъ засѣданіи соединеннаго присутствія. При такомъ взглядѣ великія вины писавшаго будутъ умаляться, и таятъ до такихъ размѣровъ, что наибольшее, что могло быть усмотрѣно, это по 347 ст. не обида а образъ выраженій противный правиламъ пристойности, за что полагается выговоръ, а можетъ быть и до нуля понизится эта вина, то есть не будетъ усмотрѣно ничего не только оскорбительнаго но и непристойнаго.

Сдѣлавъ одну уступку и отдѣлившись на довольно значительное разстояніе отъ моего кліента, я еще другою шагъ сдѣлаю и постараюсь его самаго опредѣлить на сколько это необходимо для уразумѣнія его жалобы.

Савицкій кончилъ курсъ медико-хирургической академіи но съ 1862—1870 состоялъ кандидатомъ при уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената, гдѣ его можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и помнить. Къ этому времени относится начало его литературныхъ связей, его сотрудничество въ разныхъ юридическихъ журналахъ. Его несчастіе можетъ быть то, что изъ правительствующаго сената онъ вынесъ слишкомъ идеальное понятіе объ обязанностяхъ судей, о законѣ, о правдѣ; что можетъ быть развилась именно здѣсь черта въ его характерѣ, о которой онъ говоритъ: «всегда готовый протестовать противъ нарушенія или отсутствія порядка, хотя бы это создало мнѣ репутацію нетерпимаго или безпокойнаго человѣка». Въ результатѣ врожденный темпераментъ и юридическое воспитаніе полученное здѣсь же, такъ сказать, у главнаго алтаря святилища Θемиды дали человѣка съ извѣстною складкою ума и характера, такую именно, какую имѣютъ во всякомъ дѣлѣ протестанты, раскольники и іересіархи. Его бы можно назвать печальникомъ о судебныхъ порядкахъ, какъ Некрасова называли печальникомъ о русской землѣ. Таковъ онъ есть и будетъ, его не передѣлаешь, вопросъ только въ томъ, невозможный ли онъ для суда человѣкъ съ этими качествами, или возможный. Право эти качества не дурныя въ особенности

вслѣдствіе того, что судебные уставы значительно по-
обносились и духъ ихъ улетучился, а рутина то и дѣ-
ло, что засасываетъ ихъ и доля живаго дѣла становит-
ся меньше и меньше. За то, что кто нибудь не по на-
пускному а по искреннѣйшему чувству очутился въ по-
ложеніи Чацкаго или Альцеста въ Мизантропѣ, его еще
не осуждаютъ и не вѣшаютъ; можно, пожавъ плечами,
сказать: чудакъ да и только; можно погрузить и о
томъ, что нѣтъ побольше на свѣтѣ такихъ чудаковъ,
потому что одинъ въ полѣ не воинъ; во всякомъ слу-
чаѣ надо отдать должное искренности чувства, когда
обращаешься къ высшимъ судьямъ, къ правительству-
ющему сенату, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ
нѣкогда Лютеръ: *ich kann nicht anders*; онъ формули-
ровалъ, такимъ образомъ, свое обращеніе въ словахъ,
изъ которыхъ составленъ 10-й пунктъ его обвинитель-
наго акта. «Разсудите меня съ г. Бутаковымъ, прави-
тельствующій сенатъ, нѣтъ кромѣ жалобы другаго сред-
ства, чтобы выяснить: можно ли продолжать службу
въ судахъ, держась на чисто легальной почвѣ безъ по-
тачекъ, послабленій и уменьшенія правъ, или надо просить
объ освобожденіи отъ службы тому, кто не обладаетъ
готовностью на каждомъ шагу дѣлать уступки не уста-
новленные закономъ для того, чтобы былъ видимый
ладъ и во славу идей о судейской непогрѣшимости». Признать, что это патетическое мѣсто, изображающее
наисубъективнѣйшія чувства человѣка, который не мо-
жетъ смотрѣть безъ энергичнаго протеста, что общее
дѣло и благо гибнетъ отъ безпорядка, мѣсто напомина-
ющее послѣдній монологъ Чацкаго: «гдѣ оскорбленному
есть чувству уголокъ», составляетъ совокупность словъ
направленныхъ къ тому, чтобы оскорбить г. Бутакова.
Послѣ того всякая исковая есть оскорбленіе, потому что
она сводится къ слѣдующему разсуди, судъ, меня истца
человѣка праваго съ отвѣтчикомъ, человѣкомъ непра-
вымъ. Или можетъ быть сенатъ призналъ это выраженіе
оскорбительнымъ для себя, отождествивъ себя, послѣ от-

каза по дѣлу Савицкаго, съ Бутаковымъ — но этого то отказа не предвидѣлъ Савицкій, когда писалась жалоба? Или еще одно предположеніе: особое присутствіе признаеть обязательною извѣстную долю оптимизма во взглядахъ на современное состояніе поднадзорно ему подчиненнаго района, и считаетъ, что для сената оскорбительно предположеніе, будто бы подъ нимъ внизу могли быть потачки, послабленія и умаленія правъ. Въ данномъ случаѣ я со смиреніемъ заявляю, что для меня не совсѣмъ понятно, что оскорбительно лично для предсѣдателя и членовъ суда въ этой пессимистической тирадѣ, которая имѣеть значеніе гораздо болѣе общее. Какъ Чацкій крича: «карету мнѣ, карету», не можетъ считаться оскорбляющимъ Фамусова или Скалозуба, или даже все московское общество, а является онъ развѣ оскорбителемъ всего своего вѣка, среди котораго пришлось ему жить, таѣ точно въ этой тирадѣ Савицкій есть все, что хотите, протестъ противъ условій судейской жизни въ Россіи въ концѣ 1879 года, протестъ можетъ быть безумный, можетъ быть не основательный, во всякомъ случаѣ искренній, но не оскорбленіе отдѣльныхъ лицъ. Если бы Фамусова и Скалозуба спросили, оскорблены ли они словами Чацкаго, они напротивъ того, сказали бы: «туда ему и дорога, карету ему, карету»; я полагаю, что таково и отношеніе екатеринбургскихъ судей. Послѣ всего сказаннаго надлежало бы 10-й пунктъ исключить.

Я полагаю, что также слѣдуетъ исключить пункты 11, 12 и 13-й. Савицкій замѣчаетъ весьма резонно: я въ концѣ жалобы писалъ обвинительные пункты; я былъ убѣжденъ, что мои противники виновны по 344 ст. улож. въ преступленіи, какъ должностныя лица, мѣшающія другимъ лицамъ въ отправленіи должности. Съ цѣлью весьма опредѣленною — ихъ подъ судъ упечь я обвинялъ: 1) предсѣдателя Бутакова, что онъ, отступивъ отъ установленныхъ наказомъ правилъ, не только отказался подписать составленный секретаремъ по его, Савицкаго, черновой, проектъ протокола, но сочинилъ

самъ, или чрезъ другое лицо другой протоколъ, въ которомъ намѣренно, для сокрытія слѣдовъ злоупотребленій и неправильности дѣйствій, иначе представилъ происходившее и этотъ новый протоколъ далъ подписать; 2) въ томъ, что, получивъ представленіе Савицкаго объ исправленіи беспорядковъ, намѣренно задержалъ эту бумагу и внесъ ее въ общее собраніе въ отсутствіи Савицкаго и въ то время, когда по случаю начавшихся каникулъ въ іюнѣ отсутствовала половина членовъ; 3) другихъ судей Клименко, Шадурскаго и Краснофѣвцева въ томъ, что они дѣйствуя съ Бутаковымъ заодно, учинили то не по незнанію, а съ намѣреніемъ: а) съ цѣлью одобрить неправильныя дѣйствія Бутакова, и б) съ другою цѣлью, чтобы воспрепятствовать ему, Савицкому, осуществить права, принадлежавшія ему по должности, слѣдовательно участвовали въ преступленіи предусмотрѣнномъ 344 ст. улож. Я дурно описалъ дѣйствія товарищей, можетъ быть описалъ ихъ рѣзко, можетъ быть выводы смѣлы, доказательства не достаточны, сама жалоба моя не серьезна, но все таки я хотѣлъ упечь ихъ подъ судъ а не оскорблять. Изъ сего слѣдуютъ неизбѣжно слѣдующіе выводы:

1) Несомнѣнно Савицкій имѣлъ умыселъ, который онъ долго питалъ и который онъ осуществилъ съ полною обдуманностью, но умыселъ свойственный вовсе не оскорбленію а лжедоносу по 940 ст. улож., обвиненіе кого нибудь не только въ дѣяніи противномъ правиламъ чести, но и противозаконномъ, заявленномъ не околѣнымъ путемъ а прямо той власти, которая можетъ возбудить преслѣдованіе (1875 г., № 572, Сизаго). До полного состава лжедоноса недостаетъ одной маленькой черты—завѣдомой лживости обвиненія, которая если бы была установлена или заподозрѣна особымъ присутствіемъ, то Савицкій за это преступленіе судился бы, и судился судомъ съ присяжными. Но Савицкій дѣйствовалъ, какъ дѣйствуетъ прокурорская власть по крайней мѣрѣ въ третьей части случаевъ, онъ строилъ обвиненіе по 344 ст.

улож. — не достроилъ, не убѣдилъ; его артистическое произведеніе провалилось какъ картонный домикъ, какъ иной обвинительный актъ. Возникаетъ вопросъ, можно ли для образованія состава преступленія брать изъ одного преступленія—умысль и вставлять его въ другое разнородное? Гдѣ былъ *animus denuntiandi*, вставлять этотъ *animus* въ преступленіе, гдѣ требуется *animus injuriandi* и штука готова. Дѣти забавляются такъ, я знаю, упражняясь на складныхъ куклахъ, изображающихъ животныхъ ставятъ голову козла на тѣло лошади или собачки на туловище кота,—но то игра и забава а въ, сущности это опытъ создать нѣчто не естественное и даже противоестественное. Когда X. покушался убить или обокрасть Z., то нельзя же, руководствуясь только тѣмъ, что онъ хотѣлъ повредить Z., приписывать ему умысль обидѣть Z., то есть выразить по отношенію къ нему свое презрѣніе, котораго онъ вовсе можетъ быть не имѣлъ, а ненавидѣлъ и боялся; такое навязываніе неподходящаго намѣренія, была бы просто ложь и только. Оно претитъ какъ нѣчто прямо противное дѣйствительности.

2) Задавшись мыслью упечь товарищей подъ судъ, съ этою только цѣлью, и сознавая все значеніе тяжелой борьбы, Савицкій сѣлъ писать жалобу. Чтобы вызвать преслѣдованіе, ему слѣдовало либо: а) указать статью 344, но затѣмъ описать дѣйствія Бутакова криминалистически, чтобы весь составъ преступленія опредѣлился какъ опредѣляются преступленія въ вопросахъ предлагаемыхъ присяжнымъ, и со стороны внѣшняго дѣйствія и со стороны обстановки преступленія и со стороны настроенія воли, либо: б) ограничиться однимъ описаніемъ на столько пластичнымъ чтобы уже было несомнѣнно, что эти дѣянія преступны, и такъ и лѣзутъ подъ 344 ст. улож. Онъ избралъ послѣднее. Весь вопросъ въ томъ, противозаконно ли служащему жаловаться по начальству на товарищей за беспорядки по службѣ. Не только не противозаконно, но даже обязательно по множеству

законовъ, чего никто не отрицаетъ. Кто осуществляетъ известное право долженъ пользоваться и средствомъ для осуществленія его. Одно изъ этихъ средствъ—опредѣленіе поступка его уголовными признаками: намѣрено, изъ корыстныхъ видовъ, для сокращенія злоупотребленій и неправильныхъ дѣйствій. Всякій обвинительный актъ и всякая исковая, не подтвердившіяся на судѣ и провалившіяся превращались бы въ обиды, обиды простыя со стороны истца, обиды по 347 ст. улож., причиняемыя должностнымъ лицамъ въ случаѣ обвинительнаго акта, причемъ стѣснялся бы ходъ правосудія, которое требуетъ, чтобы вещи назывались правдиво и прямо по имени,—укралъ такъ укралъ, обманулъ такъ обманулъ. Я полагаю, что на судѣ, а особое присутствіе есть тоже судебное мѣсто, равно какъ имъ была бы и судебная палата, еслибы жалобѣ Савицкаго данъ былъ ходъ, прямота первый долгъ, нечего деликатничать. Я полагаю что вы во первыхъ осудите ту теорію казанской судебной палаты, по которой жалобщикъ, представляя высшей инстанціи предосудительные факты, долженъ описать ихъ, воздержаться отъ ихъ квалификаціи и предоставить высшей власти всецѣло оцѣнку этихъ фактовъ. На это невозможное требованіе Савицкій отвѣчаетъ побѣдоносно: когда частное лицо жалуется на преступленіе у мирового судьи по 46 ст. уст. о нак. и 302 ст. улож. въ общихъ установленіяхъ, то онъ долженъ указать и дѣяніе преступное и причины, по которымъ онъ считаетъ его противозаконнымъ. Эта жалоба по 526 и 520 ст. у. у. с. должна заключать даже и опредѣленіе по закону, какому дѣянію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія. И въ подтвержденіе моего вывода я ссылаюсь на дѣло Асланова 1875 г. № 275, по которому вы рѣшили, что умышленно несправедливая жалоба на опредѣленные дѣйствія должностнаго лица можетъ быть преслѣдуема какъ лживый доносъ, а не какъ оскорбленіе должностнаго лица. Если устранены будутъ пункты отъ 10 по 13, то оста-

нутя 9 первыхъ, которые столь слабы, что разложивъ каждый изъ нихъ, много, много если въ одномъ или въ двухъ или въ трехъ найдутся выраженія не то оскорбительныя, а неумѣстныя, неприличныя или такія, которыя можно бы замѣнить менѣе колкими или совсѣмъ обойти. Я ихъ подраздѣлю на два класса якобы оскорбительныхъ фразъ: однѣ содержатъ совершенно общія безымянныя и отвлеченныя разсужденія, которыя не только судей но и предсѣдателя Бутакова задѣть не могутъ; другія, хотя его и задѣваютъ, но со ссылкой на положительные факты, которые надлежало бы провѣрить прежде чѣмъ за нихъ судить Савицкаго.

1) Савицкій предпосылаетъ своимъ обвиненіямъ общія соображенія и аксіомы въ видѣ слѣдующихъ: суды не состоятъ изъ однихъ предсѣдателей. И такъ вслѣдствіе безпечности предсѣдателя невыгодно слагается репутація всего суда къ ущербу отдѣльныхъ судей ни въ чемъ въ этомъ неповинныхъ. Эта фраза безъ связи прямой въ жалобѣ съ Екатеринбургскимъ судомъ, такого рода, что ее можно примѣнить ко всякому суду, какъ афоризмъ, какъ аксіому и даже какъ назиданіе членамъ, чтобы они не бездѣйствовали а помогали предсѣдателю безтактному, удерживая его отъ безтактностей, потому что репутацію суда они должны дорожить, какъ собственнымъ добромъ. Святая истина, я не понимаю, за что судить Савицкаго.

2) Незачто его судить и по 4 пункту: если между судьями происходитъ разногласіе и послѣ долгаго спора дѣло рѣшается, но рѣшается резолюціею безъ всякихъ мотивовъ, то эта резолюція имѣетъ видъ произвола въ самой грубой формѣ. Особое присутствіе обошло самъ вопросъ о правильности или неправильности немотивированнаго отказа. Сама по себѣ идея столь вѣрна, что едва ли можно ее оспаривать. Характеръ произвола имѣютъ всякія дѣйствія не поддерживаемыя основаніями и резонами. Въ дѣятельности коллегіи вообще и суда

въ особенности весьма существенно, чтобы всякая резолюція сколько-нибудь сложная и возбуждавшая пренія была помѣчена съ изображеніемъ ея происхожденія, ея логическихъ корней и утверждений.

3) Я теперь не могу себѣ уяснить, что оскорбительнаго въ томъ, что, жалуюсь на распоряженіе въ распорядительномъ засѣданіи Екатеринбургскаго окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ Бутакова въ комплектѣ 4 членовъ, Савицкій выразился такъ: «дѣйствія этой коллегіи». Вся суть въ томъ, что Савицкій имѣетъ о коллегіи весьма высокое понятіе, ругать словомъ «коллегія» товарищѣй ему не приходилось, напротивъ того если есть колкость то она противоположнаго свойства въ родѣ той: ай да судъ, ай да коллегія, то есть собраніе, судъ дѣйствовавшій не по судейски и не коллегіально, потому что они нарушаютъ законъ, опять вопросъ о лживомъ доносѣ, а не объ оскорбленіи.

Наконецъ 4) я попрошу нѣкотораго снисхожденія, нѣкоторой пощады для законовъ Петра Великаго, для крѣпкихъ, ядреныхъ выраженій этого великаго реформатора, для его рѣзкихъ отзывовъ о судьяхъ, которые «въ мутной водѣ рыбу ловятъ». Курьезна не столько эта фраза, выхваченная изъ жалобы Савицкаго, сколько разсужденія казанской палаты, что сама по себѣ эта фраза ничего, но какъ можно уподоблять дѣйствія судей нынѣшнихъ, работающихъ по уставамъ 20 ноября 1864 г., дѣйствіямъ судей временъ Петра Великаго, которые извѣстны были какъ взяточники и насильщики. Забавно то: а) что по выводу казанской палаты только судамъ по уставу 20 ноября обидно сравненіе съ петровскими, слѣдовательно соединенной палатѣ стараго режима оно ни почемъ, б) что смѣшано время съ чело-вѣкомъ, во многихъ отношеніяхъ мы недалеко ушли отъ нравовъ петровскихъ, но нѣтъ того могучаго чело-вѣка, котораго слово разило столь же сильно, какъ и дубина, такъ что отъ нихъ нашего брата коробить, какъ отъ песовѣтъ цензурныхъ.

Переходя затѣмъ къ 5 пунктамъ личнымъ, я 1) устраняю пунктъ 5, чтобы покончить съ изложеніемъ неправильныхъ дѣйствій суда; всякая жалоба отъ частной до апелляціонной и кассационной имѣетъ предметомъ неправильныя и даже противозаконныя дѣйствія суда. Запретить употребленіе этихъ выраженій значитъ почти что отмѣнить институты апелляціи и кассациіи.

2) п. 9, самъ предсѣдатель Бутаковъ жаловался на насъ членовъ суда, въ казанскую палату двумя весьма тенденціозными секретными доношеніями. Это не мнѣніе и не сужденіе, а просто ссылка на фактъ, который неразъясненъ, потому что жалобѣ Савицкаго не данъ ходъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, донесенія Бутакова поданы и они тенденціозны, если такъ, то въ оглашеніи факта нѣтъ ничего оскорбительнаго.

Притомъ всякій фактъ осуждать можно, не осуждать и не умозаключать только изъ него о лицахъ — это первое правило судопроизводства и уголовного и гражданскаго, въ которыхъ судятся отдѣльно незаконныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ съ весьма остроумнымъ отнесеніемъ ихъ на самое лицо.

3) Это послѣднее замѣчаніе относится къ протоколу не признаваемому Савицкимъ въ словахъ: «этотъ кѣмъ то выдуманый». На счетъ протокола возникали 2 вопроса, въ разрѣшеніи которыхъ Савицкій видимо заблуждается, что и уяснено ему особымъ присутствіемъ сената въ указѣ отъ 11-го мая. Онъ полагалъ, что каждый членъ по желанію можетъ составить протоколъ о происходящемъ и что по этому черняку секретарь обязанъ изготовить протоколъ и предложить его къ подписи. Это невѣрно, изготовленіе лежитъ по требованію большинства на секретарѣ, дѣлается подъ руководствомъ предсѣдателя и ограждается отъ несогласія съ дѣйствительнымъ правомъ всякаго подписывающаго отмѣтить при особомъ мнѣніи несогласія описаннаго съ дѣйствительно происходившимъ. Слова кѣмъ то вымышленныя со стороны Савицкаго суть порицанія не неизвѣстнаго

лица изъ протокола, а можетъ быть и всѣхъ протоколовъ, но порицаніе и отрицаніе куска бумаги, какъ неизвѣстно отъ кого исходящей и какъ несогласнаго съ дѣйствительностью потому, что проектъ протокола не читался въ засѣданіи, а очутился уже подписаннымъ, и то вѣроятно на дому, членами неприсутствующими въ засѣданіи и товарищемъ прокурора Клименко, слѣдовательно существованіе рода сговора части собранія противъ меньшинства относительно редакціи протокола. Какъ бы то не было весь вопросъ въ томъ заключается, заблуждался ли Савицкій? — а не въ томъ, желалъ ли онъ оскорбить непоименованныя имъ лица, порицая протоколъ, изъ порицанія коего окольнымъ путемъ можно бы дойти до умозаключенія о порицаніи и составителей его. Наконецъ весь анализъ 13-ти пунктовъ сводится къ двумъ только фразамъ, въ которыхъ, я не отрицаю, можетъ быть Савицкій и увлекся, но увлекся до выраженій игривыхъ, колкихъ, можетъ быть неумѣстныхъ, но не оскорбительныхъ, такихъ притомъ, которыхъ оскорбительность только тогда бы могла быть установлена, если бы было доказано, что описываемое не происходило вовсе въ дѣйствительности, что голосованіе по вопросу объ отпускѣ Кравцова происходило не въ томъ порядкѣ какъ описано, потому что если оно происходило въ томъ порядкѣ, то понятно, что можно было написать: а) судьи давали отвѣты то да, то нѣтъ, по чистому капризу, а предсѣдатель потакивалъ ихъ нелегальнымъ требованіямъ; б) лицо, отъ котораго зависитъ инициатива въ управленіи судомъ, по мнѣнію части суда, положимъ меньшинства, оказывается забывчивымъ, относительно нѣкоторыхъ своихъ обязанностей, или предпочитающимъ имъ другія. Оба мѣста безупречны относительно формы, даже слова капризь, прихоть, произволь не оскорбительны, можно бы ихъ и оспаривать какъ клевету, но не иначе. Выводъ общій тотъ, что ни одинъ изъ указанныхъ 13-ти пунктовъ не достаточенъ для постройки на немъ обвиняющаго Савицкаго приговора.

Еще одно послѣднее сказаніе. Казанская палата, недовольствуясь разборомъ 13-ти пунктовъ жалобы находить, что не одни эти отдѣльныя фразы составляютъ намѣренное оскорбленіе судей екатеринбургскаго суда, но вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалять достоинство судей на которыхъ она принесена. Съ этимъ выводомъ никакъ не могу согласиться. Когда оскорбленъ человѣкъ - судья, то надобно же рѣшить, куда мѣтилъ оскорбитель въ человѣка А. В. С. и по поводу исполненія имъ судейской обязанности, или въ самую должность судейскую, съ цѣлью унижить самую функцію сборщика податей, сыщика, полицейскаго, или наконецъ и судьи — и то и другое возможно. Итакъ, если бы въ своей жалобѣ Савицкій дозволилъ себѣ инсинуацію противъ того или другого изъ своихъ товарищей о томъ, что онъ ростовщикъ или прелюбодѣй, или что нибудь подобное, то это было бы оскорбленіе должностнымъ лицомъ частнаго лица, а что онъ взяточникъ—это уже оскорбленіе человѣка-судьи. Этого элемента въ данномъ случаѣ нѣтъ, ни Бутаковъ, ни другіе судьи не явились въ Казань потерпѣвшими отъ преступленія лицами и не принимали участія въ дѣлѣ, не откликнулись, — нельзя было быть болѣе чувствительнымъ, чѣмъ они сами, почему этотъ элементъ надо исключить. Остается предположеніе второе: умаленіе достоинства судьи, но оно не мыслимо со стороны Савицкаго, который самъ судья, слѣдовательно былъ бы изобличенъ въ самобичеваніи, въ самооплеваніи. Напротивъ того, все приписываемое ему преступленіе вышло изъ того, что онъ высоко ставилъ идеаль судьи, а своихъ противниковъ считалъ недоросшими до этого идеала. Чѣмъ же онъ ихъ корилъ,—вообще укорялъ не въ безчестности, укорялъ въ дѣйствованіи по капризу, укорялъ предсѣдателя. что онъ предпочитаетъ свои обязанности направленія судебной коллегіи другимъ своимъ обязанностямъ, это укорь, который дѣлаютъ Бисмарку, что онъ слишкомъ абсолютный министръ и слишкомъ

мало членъ парламента, что плевое дѣло для него парламентскія формы, какъ Савицкій укорялъ Бутакова, что онъ слишкомъ мало цѣнитъ коллегіальныя формы и голосованіе въ судебномъ собраніи. Я надѣюсь, что вы оправдаете Савицкаго.

Правительствующій сенатъ, признавая Савицкаго виновнымъ въ томъ, что онъ, состоя въ должности члена екатеринбургскаго окружнаго суда, въ жалобѣ правительствующему сенату, отъ 14-го января 1879 г., по опрометчивости, помѣстилъ неприличныя выраженія, относительно дѣйствій председателя и нѣкоторыхъ членовъ означеннаго суда, на основаніи ст. 347, 283 и 110 улож. о нак. опредѣлилъ: сдѣлать ему внушеніе объ опрометчивости этого поступка его.

Дѣло по жалобѣ редактора «Порядка», г. Стасюлевича, на редактора «Новаго Времени», г. Федорова, и сотрудника, г. Буренина.

Разборъ дѣла происходитъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, по третьему отдѣленію, безъ участія присяжныхъ заседателей, 19-го октября 1882 г.

Въ засѣданіи была прочтана слѣдующаго содержанія жалоба повѣреннаго жалобщика М. М. Стасюлевича, прис. пов. Спасовича:

«Мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, основавшій въ 1866 году въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ «Вѣстникъ Европы», получилъ во второй половинѣ 1880 года разрѣшеніе издавать здѣсь же ежедневную газету подъ названіемъ «Порядокъ». Никакое повременное изданіе не можетъ обойтись безъ полемики съ другими органами печати, обусловливаемой, прежде всего, различіями въ направленіяхъ, но неизбежно доходящей порою и до личностей. Въ газетномъ дѣлѣ, элементъ личный въ полемикѣ еще болѣе выдвигается впередъ, чѣмъ при изданіи ежемѣсячныхъ, толстыхъ журналовъ, такъ какъ и статьи въ газетахъ бываютъ короче по объему, и пререканіе можетъ быть ведено изо дня въ день, въ видѣ непрерываемаго спора, и конкуренція сильнѣе, такъ какъ газетъ много, кругъ подписчиковъ на нихъ ограниченъ и усиливающейся успѣхъ каждой газеты тотчасъ же можетъ

выразиться въ соотвѣтственно сокращающемся числѣ подписчиковъ на другія газеты. Всякая война, коль скоро она ведется не между совѣмъ уже дикими людьми, имѣетъ свои правила, обычаи и приличія, соблюдаемыя воюющими по отношенію другъ къ другу и опредѣляющія, какія средства борьбы честны и какія нечестны. Такія же приличія существуютъ и въ газетной полемикѣ. Просторъ въ этомъ отношеніи у печатнаго слова великій. Всякая колкость, сатира, насмѣшка, карикатура, не падающія даже лица, всякая оцѣнка дѣйствительныхъ фактовъ, всякое толкованіе, даже самое одностороннее и пристрастное, чужихъ мнѣній и словъ, всякое выраженіе чувствъ, вызываемыхъ этою оцѣнкою, даже самыхъ недружелюбныхъ, если оно не облечено въ черзуръ уже неприличную форму площадной брани и грубаго ругательства—считаются подходящими средствами газетной войны въ томъ смыслѣ, что всякій, такимъ образомъ, уязвленный считается достаточно огражденнымъ въ своей чести тѣмъ, что имѣетъ возможность отвѣчать противнику такимъ же путемъ, посредствомъ печати, еще болѣе колко и язвительно. Площадная ругань есть средство уже выходящее за предѣлы дозволеннаго и приличнаго, но хотя бы она и носила на себѣ явные и всегда удобно примѣчаемые слѣды своего уголовного характера, она то всего рѣже и бываетъ преслѣдуема, такъ какъ она, по формѣ своей, отталкиваетъ и такъ какъ она видимо указываетъ, что прибѣгающій къ ней необразованный человѣкъ, а нравиться она можетъ только необразованнымъ людямъ, каковыхъ въ читающей публикѣ всегда бываетъ малое число. Большинство читающихъ относится къ ней, какъ нѣкогда отнесся къ заочной брани манифестъ о поединкахъ Екатерины II, апрѣля 21-го дня 1787 года, (ст. 12-я): «заочная же брань ни во что не вмѣняется и обращается въ поношеніе тому, кто ее произнесъ». Въ газетной полемикѣ есть также средства не только неприличныя, но и безусловно нечестныя, таковы: изобрѣтеніе ложныхъ слуховъ, распространеніе ихъ, а также повтореніе ложныхъ извѣстій, заимствованныхъ у другихъ лицъ, завѣдомо о лживости такихъ извѣстій. Ложь, пускаемая завѣдомо въ обращеніе, хотя и безъ намѣренія кого-нибудь оскорбить, всегда вредна для общества; нравственный вредъ этотъ можно сравнить съ матеріальнымъ вредомъ отъ выпуска въ обращеніе фальшивыхъ знаковъ цѣнности. Не отъ всякаго ложнаго извѣстія законъ ограждаетъ частное лицо. Можетъ быть выдуманно не *«отъліе, противное правиламъ чести»*, а извѣстное непріятное для кого-нибудь обстоятельство, котораго распространеніе не подходитъ подъ понятіе клеветы по 1535-й ст. улож. о наказ., хотя самъ фактъ измышленія такого завѣдомо ложнаго обстоятельства, не смотря на свою уголовную ненаказуемость, есть поступокъ въ высшей степени нечестный. Когда же распространяется завѣдомо лживое обвиненіе кого-либо въ противномъ правиламъ чести поступкѣ, то это распространеніе составляетъ уже

прямо запрещаемую законом клевету, а въ данномъ случаѣ, преслѣдованіе клеветы судомъ можетъ быть и единственнымъ средствомъ для оклеветаннаго оградить свою честь, такъ какъ иныя средства защиты, напримѣръ заявленія и отвѣты въ печати, могутъ оказаться недостаточными не только для челоѣка посторонняго газетному дѣлу, но и для лица, находящагося въ положеніи моего довѣрителя, т. е. располагающаго извѣстнымъ органомъ печати. Извѣстно, что отрицательные факты не доказываются и что всякій былъ бы обвиненъ, еслибъ его судили, требуя отъ него доказательствъ того, что онъ не совершилъ поступка, который ему приписываютъ. Допустимъ, что ему приписываютъ извѣстное дѣйствіе; онъ его не сдѣлалъ и даже заявилъ категорически, что не сдѣлалъ, но недобросовѣстный противникъ продолжаетъ, хотя и безъ всякихъ доказательствъ, чисто голословно, приписывать ему это дѣйствіе. Очевидно, что для оклеветаннаго всѣ литературныя средства оградженія своей чести уже исчерпаны. Если онъ не хочетъ прибѣгать къ кулачной расправѣ, то ему остается только обратиться въ судъ и достигнуть посредствомъ судебного составленія рѣшенія подлежащей власти, которое, бывъ оглашено, поставило бы публику въ извѣстность, что жалующійся былъ оклеветанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отняло бы у клеветы ся жало.

Въ такой необходимости, прибѣгнуть къ суду для оградженія своей чести отъ завѣдомо лживыхъ, намѣренно, постоянно и съ большою настойчивостью распускаемыхъ слуховъ, находится нынѣ мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, по отношенію къ лицамъ, участвующимъ въ редакціи газеты «Новое Время». Такъ какъ клевета, которой онъ подвергается, по содержанію одна, но повторяется, будучи воспроизводима всякій разъ иными чертами и въ иныхъ формахъ, и такъ какъ эта многократность составляетъ то, что въ уголовной техникѣ навывается «продолжаемымъ преступленіемъ», то для подлежащей оцѣнки этой клеветы я долженъ сопоставить всѣ статьи «Новаго Времени», въ которыхъ заключаются, на мой взглядъ, недозволенные посягательства на честь г. Стасюлевича, посредствомъ ложныхъ и вредящихъ его репутаціи слуховъ.

Недружелюбныя отношенія «Новаго Времени» къ «Порядку» и его редактору г. Стасюлевичу обозначились еще прежде появленія въ свѣтъ перваго нумера «Порядка». Въ № 1736 «Новаго Времени», отъ 28-го декабря 1880 года, читаемъ слѣдующее:

«Между слухами о наградахъ къ новому году отмѣтимъ слѣдующее: Редакторъ-издатель «Вѣстника Европы» и «Порядка» г. Стасюлевичъ и извѣстный сотрудникъ «Голоса» г. А. Градовскій получаютъ по звѣздѣ ордена св. Станислава».

Въ № 1740-мъ, на новый годъ, слухъ на столбцахъ «Новаго Времени», превратился въ совершившійся фактъ.

Г. Стасюлевичъ въ № 248-мъ «Порядка» заявилъ, что этотъ слухъ во вредъ ему вымысленъ «Новымъ Временемъ», но въ № 1986-мъ Новаго Времени», отъ 8-го сентября, былъ помѣщенъ такого рода отвѣтъ:

«Когда мы сообщили въ началѣ этого года о пожалованіи звѣзды св. Станислава, то имѣли на то полное и фактическое основаніе. Мы вовсе не думали остроумничать и изобрѣтать и г. Стасюлевичу *это очень хорошо извѣстно*. Такое «преждевременное» сообщеніе дѣйствительно помѣшало звѣздѣ украшать грудь одного изъ двухъ вышепоименованныхъ серьезныхъ людей» (Стасюлевичъ и Градовскій).

Это повтореніе ложнаго слуха, съ указаніемъ на будто бы имѣющіяся и припасенныя доказательства, заставляяетъ моего довѣрителя постараться вывести спорный фактъ на чистую воду и потребовать по этому предмету судебнаго разбирательства.

Служить государству (само собою разумѣется, добросовѣстно и усердно) есть не бездѣлье, а заслуга. Кто долго служилъ, тотъ по естественному ходу вещей, не могъ не получить въ награду чинъ и знаковъ отличія. Въ такомъ положеніи нашелся и мой довѣритель, который много лѣтъ назадъ, когда еще состоялъ на службѣ, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Этимъ чинъ видимо попрекаетъ его «Новое Время» (№ 1820-й «не даромъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасюлевичъ такъ неодобрительно отнесся къ воплямъ бабы!»), какъ упрекаетъ онъ и другихъ лицъ, состоящихъ въ подобномъ же званіи: (№ 1815-й Заявленіе торговцевъ Сѣвной Площади, рѣшительное даетъ покоя либеральнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ)... № 1822-й: «статскій совѣтникъ Полонскій поетъ тоже самое въ «Странѣ»).

Очевидно, что либо чужіе чины не даютъ покоя редакціи, либо въ самомъ полученіи званія есть нѣчто предосудительное, на что и дѣлается коварный намекъ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ полученіе чина моимъ довѣрителемъ есть фактъ, то повтореніе этого факта, съ какимъ намѣреніемъ оно ни происходило бы, не даетъ никакого основанія жаловаться. Иное дѣло пожалованіе (на словахъ, разумѣется) «Новымъ Временемъ» звѣзды лицу, которое хотя, когда-то, лѣтъ 15 назадъ, и состояло на службѣ, и получало чины, но потомъ государственную службу оставило и занималось съ тѣхъ поръ только частною издательскою дѣятельностью. Дѣятельность Стасюлевича, какъ издателя «Вѣстника Европы», въ теченіи 14-ти лѣтъ этого издательства, равно какъ и дѣятельность почти всѣхъ другихъ его товарищей по профессіи, ограничивалась по отношенію къ правительству дачею объясненій, когда таковыя отъ него требовались за напечатанное, и взысканіями со стороны органовъ цензуры.

Сопоставленіе звѣзды, будто бы, даваемой редактору имѣющей появиться газеты не за услуги его въ прошломъ, которыхъ быть не могло, но равнѣ за услуги въ будущемъ, имѣло очевидно цѣль, которая, какъ я полагаю, будетъ признана и судомъ, и которая состояла въ томъ, чтобы представить на основаніи ложнаго факта, что редакторъ «Порядка», если и не находится на правительственной службѣ, то состоитъ, однако, по отношенію къ правительству въ особенныхъ, такъ сказать, обязательныхъ отношеніяхъ. Всякая профессія, а въ томъ числѣ и литературная, и издательская дѣятельность, имѣютъ, по своимъ особеннымъ условіямъ быта, особенныя понятія о доблести и чести. Честь человѣка, идущаго по этой дорогѣ, требуетъ, прежде всего, совершенной самостоятельности въ убѣжденіяхъ, высказываемыхъ печатно. Служить правительству можетъ честный гражданинъ и на этомъ поприщѣ, но требуется, чтобы онъ ничѣмъ не навлекалъ подозрѣнія, что онъ дѣйствуетъ изъ «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» или изъ-за особыхъ какихъ либо наградъ, которыя онъ получить въ какомъ бы ни было видѣ или надѣется еще получить. Съ представленіемъ о такого рода возмездіи связанъ обыкновенно упадокъ литературной репутаціи, къ которому наша публика къ счастью еще весьма чутка, чему доказательствами могутъ служить невыгодныя толки въ печати по поводу субсидій, толки, которымъ подвергаются, напримѣръ, издатели «Московскихъ Вѣдомостей» и «Кіевлянина» или непродолжительность издательской карьеры бывшаго редактора «Берега». Таковы основанія, по которымъ и въ ложномъ слухѣ о звѣздѣ я усматриваю со стороны редакціи «Новаго Времени» попытку на клевету, попытку усугубленную недавнимъ смѣлымъ заявленіемъ, о какихъ то доказательствахъ, которыя очень желательно бы видѣть, такъ сказать, на столѣ; того, что если г. Стасколевичъ и былъ звѣздой обойденъ, то, будто бы, только вслѣдствіи дѣйствія редакціи «Новаго Времени», огласившей награду и тѣмъ, будто бы, помѣшавшей правительству пожаловать ее г. Стасколевичу.

Слухъ о звѣздѣ, хотя и содержитъ, по моему мнѣнію, клевету, но клевету въ малой дозѣ, клевету средствами довольно слабыми, а потому и не очень дѣйствительными. Мой довѣритель и не началъ бы по одному этому предмету дѣла съ редакціею «Новаго Времени», если бы вскорѣ потомъ не была пущена другая, гораздо сильнѣйшая, но принадлежащая къ тому же роду клеветъ — о томъ, что, будто бы, «Порядокъ» существуетъ на еврейскія средства и отъ евреевъ за защиту ихъ интересовъ получаетъ въ томъ или другомъ видѣ содержаніе или поддержку.

«Порядокъ» издается г. Стасколевичемъ, котораго образъ мыслей и направленіе по отношенію къ національнымъ вопросамъ давнымъ давно извѣстны публикѣ, слѣдившей за «Вѣстникомъ Европы». Это направленіе требуетъ гуманнаго отношенія ко всѣмъ племенамъ и

народамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи и проводило постоянно ту мысль, что надобно стараться, чтобы всѣмъ разновидностямъ рода человѣческаго, подчиненнымъ россійской державѣ, можно было жить безъ исключительныхъ мѣръ и притѣсненій, если и не совсѣмъ хорошо, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сносно. Г. Стасюлевичъ неправъ былъ, конечно, обижаться, при современномъ раздраженіи въ умахъ и возбужденіи страстей, что его органъ называли противники и «жидовствующимъ», и «полякующимъ».

Ему на такомъ же основаніи могли бы быть присвоиваемы клички, соответствующія всѣмъ мало-мальски отступающимъ отъ великорусскаго типа племенамъ и народностямъ, которыми пестрѣетъ составъ пародонаселенія Россіи. Равнымъ образомъ я признаю, что онъ не можетъ высккивать, а въ правѣ только полемизировать по поводу, хотя и несправедливыхъ и пристрастныхъ, но не клеветъ а только сужденій о его органѣ и его редакторѣ, основанныхъ на томъ, какъ этотъ органъ относится къ извѣстнаго рода общественнымъ вопросамъ, напимѣръ, въ № 1761 «Новаго Времени», въ одной статьѣ котораго г. Стасюлевичъ названъ «первымъ застрѣльщикомъ», котораго выдвинулъ кабацкій станъ... и т. д.

Но эта брань не имѣетъ ничего общаго съ постановкою въ видѣ тезиса того сибѣло провозглашаемаго и выдаваемаго за истину обстоятельства, будто бы органъ г. Стасюлевича по средствамъ, на которыхъ издается, а слѣдовательно и по личности его владѣльцевъ и вкладчиковъ, есть еврейская газета, а ея редакторъ есть не больше, какъ наемный защитникъ еврейскихъ интересовъ даже и въ такихъ случаяхъ, когда этотъ интересъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами русской націи и русскаго государства. Нѣтъ надобности доказывать, что еслибъ хотя и вопреки истинѣ, подобное убѣжденіе распространилось, то довѣріе къ газетѣ было бы подорвано у самой лучшей части публики, именно той, которая цѣнитъ независимое слово; равнымъ образомъ, что низко упалъ бы въ общественномъ мнѣніи, редакторъ этого органа, потому что къ нему тогда могли бы прямо идти всѣ тѣ краснорѣчивыя выходки противъ «наемныхъ» и «платныхъ» защитниковъ чужихъ интересовъ печати, которыми переполнены страницы «Новаго Времени». И на подобное обвиненіе противъ г. Стасюлевича «Новое Время» рѣшилось. Въ № 1881 «Новаго Времени» (25-го мая 1881 года) сказано: «Порядокъ» недавно понадергалъ изъ труда г. Чубинскаго разныя цифры, гласящія, будто бы, о томъ, что безъ евреевъ мы погибнемъ. На самомъ дѣлѣ тамъ рѣчь идетъ о томъ, какъ устроиться, чтобъ не погубить, не закабалить евреевъ въ экономическое рабство народную массу, только что освободившуюся отъ юридическаго рабства. «Порядокъ», какъ органъ Блюховъ и Гинцбурговъ, благоразумно умолчалъ объ этомъ».

Съ г. Вліохоъ г. Стасюлевичъ видѣлся въ жизни всего одинъ только разъ, когда получилъ отъ г. Вліоха его статью: «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ», помѣщенную потомъ въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Вѣстника Европы» за 1877 годъ. За эту статью въ распоряженіе автора поступилъ, по заведенному порядку, изъ конторы «Вѣстника Европы» причитающійся гонораръ. Баронъ Орасъ Гинцбургъ—хорошій и давнишній знакомый г. Стасюлевича; они знакомы семействами, но ни по литературной или издательской части, ни въ иныхъ предпріятіяхъ финансовыхъ или коммерческихъ г. Стасюлевичъ никогда съ нимъ не участвовалъ и нынѣ въ таковыхъ не состоитъ. Слова: «*быть орланомъ Вліоховъ и Гинцбурговъ*» имѣли въ «Новомъ Времени» весьма опредѣленный и совершенно ясный смыслъ, который и успѣлъ обнаружиться, когда пущенный въ ходъ прозрачный намекъ пошелъ въ обращеніе, причемъ можно было наблюдать, какъ растетъ клевета, переполвая изъ одной газеты въ другую. Газета «Востокъ», очевидно, со словъ «Новаго Времени», заявила прямо, что «Порядокъ» издается на деньги банкировъ Гинцбурга и Вліоха, послѣ чего «Новое Время» въ № 1909-мъ, отъ 23-го іюня 1881 года, воспользовавшись своимъ собственнымъ произведеніемъ, уже отраженнымъ и полученнымъ обратно по рикшету, помѣстило у себя слѣдующее: «Газета «Востокъ» не довѣряетъ безкорыстію либеральныхъ юдофиловъ и въ подтвержденіе своихъ сомнѣній сообщаетъ, что «*Порядокъ*» издается на деньги еврейскихъ банкировъ Гинцбурга и Вліоха, также какъ на жидовскія же деньги издаются «*Заря*», «*Одесскій Листокъ*» и некоторыя другія газеты». Всего любопытнѣе замѣчаніе, добавляемое къ этой выдержкѣ изъ «Востока» редакціею «Новаго Времени» и исполненное *фарисейскою лицемѣріею*: «Оставляемъ это извѣстіе на отвѣтственности «Востока».

Вслѣдствіе появленія подобнаго же рода ложныхъ извѣстій въ «Кіевлянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», г. Стасюлевичъ далъ въ № 246-мъ «Порядка» общій отвѣтъ всѣмъ лицамъ, интересующимся знанъ, откуда у него имѣются средства на изданіе газеты, и отрицалъ полученіе какихъ бы ни было субсидій. Редакція «Новаго Времени» и въ этомъ случаѣ нашла что сказать, именно: № 1986-й «Новаго Времени», 8-го сентября 1881 года, содержитъ слѣдующее: «Что касается капиталовъ, лежащихъ въ основаніи «Порядка», то мы говорили объ нихъ какъ о паяхъ, а не какъ о субсидіи, что не одно и то же. Субсидія — плата на извѣстныя услуги, пая — совдательство, нравственная связь, участіе въ прибыляхъ и убыткахъ».

Но и этотъ новый оборотъ, данный ложному слуху, оказался неудачнымъ. Въ № 248-мъ «Порядка» г. Стасюлевичъ потребовалъ отъ «Новаго Времени» напечатать, что и эта догадка несостоятельна, что его газета издается исключительно на его собственный счетъ и не

имѣть никакихъ пайщиковъ; что «Новое Время», говорившее о паяхъ, на которыхъ, будто бы, издается «Порядокъ», сообщило совершенную ложь». Поставленная, такъ сказать, у самой стѣны, редакція «Новаго Времени» вышла изъ этого затруднительнаго положенія слѣдующимъ образомъ. Она трунитъ, между прочимъ, надъ г. Стасюлевичемъ въ «маленькомъ фельетонѣ» № 1889-го газеты, озаглавленномъ: «Раздвоившійся Стасюлевичъ—фантастическая сцена», но въ сущности и она сама въ этомъ случаѣ раздвоилась. Въ № 1988-мъ, отъ 10-го октября 1881 года, неподписанная статья, исходящая отъ редакціи, гласитъ:

«Мы готовы простеречь свою любезность до того, что будемъ ежедневно печатать такъ: «Порядокъ», издающійся на собственные деньги г. Стасюлевича», но въ слѣдующемъ же № 1989-мъ, отъ 11-го сентября 1881 года, появился вышеназванный нами «маленькій фельетонъ» за подписью графа *Алексиса Жасминова*, въ которомъ, послѣ шутовской сцены г. Стасюлевича съ еврейскою депутаціею, какъ ему, такъ и еврейской депутаціи влагаются въ уста два стиха, воспроизведенные двукратно:

«Все устроилось съ порядкѣмъ:

Валяи пай жида въ «Порядкѣ».

Такимъ образомъ, редакція «Новаго Времени» уклончиво отнеслась къ вполне законному требованію г. Стасюлевича о напечатаніи опроверженія, пущеннаго ею же ложнаго слуха, сказавъ о деньгахъ, промолчала въ № 1988-мъ о паяхъ, потому, несмотря на опроверженіе и не представляя доказательствъ, повторила свое обвиненіе о паяхъ, правда, въ шутовской формѣ, но, тѣмъ не менѣе, явно. Обида на словахъ не становится меньше, вслѣдствіе одного только того обстоятельства, что она произнесена въ группѣ лицъ, дѣйствующихъ сообща, тѣмъ изъ нихъ, который играетъ въ этой группѣ роль клоуна или шута. Маленькій фельетонъ съ приведеннымъ мною двустихіемъ помѣщенъ въ газетѣ по волѣ редакціи и при полномъ ея участіи въ этой продѣлкѣ, не только недостойной, но и противозаконной, какъ я и постараюсь передъ судомъ доказать. Въ послѣдующей статьѣ, безъ подписи подъ заглавіемъ: «Литературное сутяжничество» (№ 1993) редакція «Новаго Времени» возбуждаетъ многочисленныя сомнѣнія и опасенія на счетъ того, вправѣ ли г. Стасюлевичъ преслѣдовать судомъ «Новое Время» по 1039-й ст. улож. за диффамацию. Могу успокоить редакцію тѣмъ, что обвиненіе ставится только по 1535-й ст. улож. исключительно въ клеветѣ, причемъ редакціи предоставляется полнѣйшая возможность доказать, на чемъ она основываетъ свое настойчивое удостовѣреніе, что «Порядокъ» издается при условіяхъ или соиздательства съ евреями, или матеріальной съ ихъ стороны поддержки, или участія евреевъ въ прибыляхъ и убыткахъ.

отъ издательства, или въ иной какой-нибудь, хотя и хитропридуманной формѣ.

Предъявляя обвиненіе въ клеветѣ, я обращаю его къ двумъ лицамъ сообща, именно: къ Михаилу Павловичу Оедорову и къ Виктору Петровичу Буренину, по нижеслѣдующимъ основаніямъ:

1) Г. Оедоровъ, какъ редакторъ «Новаго Времени», несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ статьи, помѣщаемыя въ «Новомъ Времени», какъ безыменныя, такъ и кѣмъ-нибудь подписанныя, на точномъ основаніи ст. 1044-й улож. о наказ.

2) Последняя изъ статей, содержащихъ въ себѣ клевету противъ г. Стасюлевича, подписана фамиліею *графъ Алексисъ Жасминовъ*. Такого лица нѣтъ: оно вымышленное; но подъ этимъ псевдонимомъ скрывается, что я и докажу, постоянный сотрудникъ «Новаго Времени», литературный критикъ его и стихотворецъ, Викторъ Петровичъ Буренинъ.

Такъ какъ настоящее дѣло должно производиться въ порядкѣ частнаго обвиненія, при которомъ настоящая жалоба замѣняетъ обвинительный актъ, по 426-й ст. уст. угол. суд., то, представляя ее г. мировому судѣ 13-го участка, въ которомъ помѣщается редакція «Новаго Времени» и въ которомъ слѣдовательно совершено преступленіе (36-й ст. уст. угол. суд.), для исполненія обряда, предписаннаго стат. 35-й, т. е. склоненія сторонъ къ миру, прошу, въ случаѣ если примиреніе не состоится, переслать мою жалобу, согласно 511-й ст. уст. уг. суд., г. прокурору петербургскаго окружнаго суда для передачи судебному слѣдователю съ цѣлью предварительнаго разъясненія, путемъ предварительнаго слѣдствія, тождества Жасминова съ г. Буренинымъ.

Законъ требуетъ, чтобы до суда стороны, между которыми производится дѣло о клеветѣ въ печати, были склоняемы къ миру подлежащимъ мировымъ судьей. Желая, съ своей стороны, подчиниться закону не только формально, но и въ томъ смыслѣ, который ставитъ себѣ цѣлью законодатель, учреждая обрядъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая избѣгнуть малѣйшей тѣни «литературнаго сутяжничества» мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, уполномочилъ меня и на мировую, на условіяхъ, которыя, и по его, и по моему взгляду, для обѣихъ сторонъ безобидны и не противны ихъ достоинству. Я предлагаю редакціи «Новаго Времени» выдать мнѣ за подписью М. П. Оедорова, какъ отвѣтственнаго редактора «Новаго Времени», подписку нижеслѣдующаго содержанія:

«Удостоверившись со словъ издателя-редактора «Порядка», М. М. Стасюлевича, въ полной неосновательности слуховъ, пропечатанныхъ въ нашей газетѣ о томъ, будто бы, въ издательствѣ газеты «Порядокъ» участвуютъ еврейскіе капиталисты, либо какъ обязательные подписчики, либо какъ пайщики, либо какъ лица инымъ образомъ

оказывающія г. Стасюлевичу при изданіи газеты поддержку своими матеріальными средствами, редакция «Новаго Времени» всякую по этому предмету полемику съ «Порядкомъ» прекращаетъ, о чемъ и объявить въ тѣхъ же выраженіяхъ въ «Новомъ Времени». Съ своей стороны и г. Стасюлевичъ заявить въ «Порядкѣ» о прекращеніи полемики, вслѣдствіе признанія себя удовлетвореннымъ за полученіемъ отъ редакціи «Новаго Времени» настоящей подписки».

Приширенія у мирового судьи не послѣдовало, а потому дѣло поступило въ окружный судъ.

На вопросъ предсѣдателя оба обвиняемые не признали себя виновными.

Гг. судьи! Манифестъ, при которомъ изданы «Судебные уставы» 20-го ноября 1864 года, выразилъ желаніе, чтобъ новый судъ былъ скорый, правый, милостивый и равный. Охотно признавая всѣ три послѣднія качества за новыми судами, я не могу сказать, чтобъ во всѣхъ случаяхъ имъ было присуще качество скорости. Я не намѣренъ дѣлать какіе-нибудь упреки судамъ нашимъ. Механизмъ новыхъ учрежденій, какъ всякій механизмъ, имѣетъ свои несовершенства. Я хочу только отмѣтить, что затяжка не должна быть отнесена къ винѣ частнаго обвинителя, что онъ не относился къ дѣлу апатично послѣ того, какъ жалоба его была оглашена въ печати, что нельзя его подозрѣвать въ томъ, будто-бы, главная его цѣль только и заключалась въ томъ, чтобъ наговорить непріятныхъ вещей для противниковъ, что онъ пересталъ самимъ дѣломъ интересоваться, послѣ того, какъ самъ «Порядокъ» прекратилъ свое существованіе, и послѣ того, какъ по прекращеніи его «Новое Время», освободившись отъ конкурента, произнесло надъ его гробомъ даже нѣчто въ родѣ похвального слова. Приведу слѣдующія цифры: въ сентябрѣ случилось происшествіе, которое подало поводъ къ жалобѣ. Жалоба слушалась у мирового судьи, 30-го сентября 1881 года, и поступила въ судъ въ началѣ октября, но по новому обстоятельству я долженъ былъ

просить о производствѣ слѣдствія. Новое обстоятельство заключалось въ томъ, что г. Буренинъ, котораго я несомнѣнно считалъ авторомъ одной изъ инкриминируемыхъ мною статей, отрекся отъ авторства, вслѣдствіе чего надо было доискиваться, кто же ея авторъ. Дѣло поступило къ судебному слѣдователю. Слѣдствіе окончено 8-го февраля и направлено въ судъ, гдѣ, по моей просьбѣ, было назначено къ слушанію на 27-е апрѣля, потомъ съ очереди по распоряженію суда снято, затѣмъ пришли каникулы, потомъ судъ выѣзжалъ на вѣнпегтербургскія засѣданія и только теперь назначили засѣданіе по дѣлу. Ясно, что задержка произошла по не зависящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

За этимъ объясненіемъ считаю нужнымъ предпослать изложенію дѣла по существу еще другое; я хочу разъяснить, какого рода интересъ связанъ для насъ, т. е. для меня и г. Стасюлевича, въ настоящую минуту при поддерживаніи на судъ нашей жалобы. Это обстоятельство могло бы показаться чисто субъективнымъ, но въ данномъ случаѣ оно существенно потому, что свойствомъ интереса обыкновенно опредѣляются и требованія частнаго обвинителя, а слѣдовательно, имъ въ извѣстной степени обуславливается и рѣшеніе суда, такъ какъ въ порядкѣ частнаго обвиненія судъ не выходитъ обыкновенно за предѣлы этихъ требованій. Притомъ, въ настоящемъ дѣлѣ имѣется матеріалъ, выросшій уже послѣ подачи жалобы. Когда мы подавали жалобу, можно было предвидѣть, что полемика не остановится, что потекутъ ругательства изъ «Новаго Времени» противъ «Порядка», что посыплется брань, что будетъ продолжаема и клевета. Свойствомъ интереса опредѣлится и мое отношеніе къ этому матеріалу и образъ моихъ дѣйствій и требованій, обращаемыхъ къ суду.

Законъ предоставляетъ лицу, страдающему отъ оскорбленій его чести въ печати, три средства защиты: первыхъ, искъ о диффамаци по 1039-й ст., вовторыхъ, жалобу на брань и ругательства и, въ третьихъ, искъ

о клеветѣ. Два послѣднія средства уже имѣлись въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ; первое послѣ иска о диффамациі появилось только во временныхъ правилахъ для печати, 6-го октября 1865 года, которыя до сихъ поръ составляютъ нашу, значительно уже теперь сокращенную, хартію свободы печатнаго слова.

Уголовный законъ о диффамациі—есть средство крайне неудовлетворительное, мы всегда ратовали противъ него, потому что еслибы считающій себя опозореннымъ человѣкъ и добился бы заключенія своего обидчика въ тюрьму за диффамацию, сей послѣдній можетъ всегда сказать «а всетаки я страдаю за правду», Законъ о диффамациі есть средство, пригодное въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, когда разоблаченіе касается такихъ домашнихъ, семейныхъ обстоятельствъ, нисколько не относящихся до жизни общественной, которыхъ раскрывать нельзя, потому что раскрытіе подвергло бы обижаемаго еще большому и жестокому глумленію. Положимъ, на примѣръ, что человѣкъ, который такимъ образомъ оскорбленъ въ самыхъ сердечныхъ привязанностяхъ, въ лицѣ жены, сестры, дочери, позоветъ оскорбителя на судъ за клевету. На судѣ этомъ положеніе сторонъ страшно неравное. Чтобъ защититься отъ обвиненія въ клеветѣ, посредствомъ, такъ называемой, *exceptio veritatis*, достаточно обидчику сослаться, что онъ позорящее обстоятельство не выдумалъ, и доказать, что онъ повѣрилъ свидѣтелямъ или что въ народѣ ходили слухи объ этомъ обстоятельствѣ. Уголовный кассационный департаментъ многократно разъяснялъ, что для полноты состава клеветы требуется, чтобы клеветникъ дѣйствовалъ недобросовѣстно, чтобъ распространяемые имъ слухи были завѣдомо фальшивые. Жалующійся выйдетъ изъ суда еще болѣе опозореннымъ вслѣдствіе того, что его противника почти навѣрно оправдаютъ. Обиженному не придется даже убѣдить судъ, что онъ чистъ потому, что ему пришлось бы доказывать отрицательный фактъ, что онъ не виноватъ—что часто невозможно, хотя бы

онъ раскрылъ всю душу, хотя бы онъ рассказалъ всю свою жизнь, хотя бы онъ такъ сказать—раздѣлся передъ публикою. Потому то законъ о диффамациі мало употребителенъ; обыкновенно обиженный терпитъ скрѣпя сердце и стиснувъ зубы или прибѣгаетъ къ кулачной расправѣ.

Второе средство—жалоба на брань и ругательство употребляется почти исключительно людьми частными за частыя оскорбленія. Оно обыкновенно не употребляется вовсе при оскорбленіяхъ, наносимыхъ общественному дѣятелю за его дѣйствія въ какой бы ни было общественной сферѣ; государственной службѣ, наукѣ, промышленности, искусствѣ и т. д. Чѣмъ ширеобщественная дѣятельность лица, тѣмъ болѣе у него и враговъ и друзей: однимъ онъ нравится, угодивъ имъ, другіе напротивъ имъ недовольны. Судовъ и пересудовъ о его дѣятельности бездна, ихъ необерешься. Отвѣчать на всѣ эти сужденія нѣтъ никакой возможности, надо положиться на время и ждать. Съ сужденіемъ о дѣйствіяхъ бываютъ смѣшаны ругательства, на которыя едва ли приходится отвѣчать. Ну вылили, на примѣръ, на человѣка ушатъ помоевъ, не на самага человѣка, а на его имя, неужели отвѣчать тѣмъ же? Неужели ему вридется заниматься производствомъ точно такихъ-же зловоній? Есть занятія, которыя противны по натурѣ порядочному человѣку; есть мастерства, съ которыми нельзя сравниться, есть искусства такого рода, что въ нихъ охотно уступаешь и пальму первенства всякому противнику, Сверхъ того, силы состязающихся обыкновенно неравны. Противникъ пользуется большимъ преимуществомъ — своимъ собственнымъ органомъ печати, у обиженнаго рѣдко такой бываетъ въ своемъ распоряженіи, мой довѣритель, г. Стасколевичъ, имѣлъ свой органъ, «Порядокъ», но нынѣ его не имѣетъ и не могъ бы отвѣчать на послѣдующія статьи «Новаго Времени». Большинство обижаемыхъ, желая отвѣчать на ругательства, должны идти въ

чужіе органы печати и напрашиваться, чтобъ ихъ туда пустили, что не всегда удобно, не всегда возможно, потому что большею частью органы печати бываютъ очень брезгливы въ этомъ отношеніи. Сверхъ того, что съ обидчикомъ они обыкновенно имѣютъ свои личные счеты которые не хотятъ увеличивать, но они вообще не любятъ всякихъ запаховъ—ни запаховъ зловонія, ни запаховъ карболовой, ни салициловой кислоты.

Единственное практическое средство правильно отнестись къ ругательству—заключается въ томъ, чтобъ на него вовсе не отвѣчать, чтобъ пустить его мимо себя съ презрительнымъ равнодушіемъ, не обращать вниманія ни на какіе этого рода уколы, приучить себя къ тому, чтобъ совсѣмъ не чувствовать этихъ укуловъ, менѣе же всего прибѣгать къ кулачной расправѣ. Конечно, есть утонченная, облагороженная форма этой расправы, это—дуэль, но оставимъ ее французамъ; она у насъ не прививается и никогда не привьется. Бывали у насъ великіе люди, великіе литераторы, которые погибли на дуэли, каковы Пушкинъ и Лермонтовъ, но ни одинъ не вышелъ на дуэль изъ за литературныхъ дразгъ и ругательствъ. Звать человѣка въ судъ за брань и ругательства—это только средство доставить ругающемуся противнику возможность вылить еще два—три новые ушаты помоевъ; мало того: можно было предполагать, что первый то ушатъ въ обиженного не попадѣтъ, но идя въ судъ, онъ самъ заявляетъ, что онъ ими облить, что предназначеное ему дошло по назначенію. Если я не откликнулся и молчу, то еще вопросъ, получилъ ли я ихъ или не получилъ. Если я не получилъ, то могу отослать, откуда они пришли, назадъ по принадлежности! Слова печатныя не громъ, они завтра же забудутся, будущее будетъ судить меня не по чьимъ-либо словамъ, а по моимъ поступкамъ. Слово—вѣтеръ, останутся только поступки, т. е. извѣстныя дѣянія или извѣстныя художественныя произведенія, но пасквили никогда не бываютъ и не будутъ художественными

произведениями. Вотъ настоящее отношеніе общественнаго дѣятеля ко всякому печатному ругательству.

Исходя изъ этой точки, мы поставили себѣ за правило: обойти съ презрѣніемъ всѣ тѣ ругательства, которыми наполнены нумера «Новаго Времени», и такимъ образомъ мы считаемъ этотъ счетъ совершенно поконченнымъ; хроматическая гамма этихъ ругательствъ красива: отъ «искаріотствующаго» до «паразита» и «прохвоста». Мы всѣ эти клички отсылаемъ назадъ по принадлежности; пусть общество разсудитъ, чья это вина, кому она принадлежитъ. Отрицавъ возможность жаловаться суду за брань и ругательства, мы не можемъ, однако, не сказать, что бывають случаи, когда нельзя избѣжать того, чтобъ не прибѣгнуть во огражденіе себя къ третьему средству—къ иску о клеветѣ. Клевета существенное отличается отъ другихъ преступленій противъ чести. Въ другихъ оскорбленіяхъ задѣто, главнымъ образомъ, субъективное чувство, которое человѣкъ можетъ въ себѣ побороть, послѣ чего оно никакого почти другаго слѣда и не оставитъ, но клевета производитъ вредъ объективный, безъ всякой вины и безъ всякаго участія со стороны того, кто ей подвергся. Если даже не отвѣчать на клевету, то по поводу ея пойдуть толки, которые, сгущаясь, ее оплотняютъ. Выдумка, мало по малу, обращается почти въ фактъ. Вѣскимъ примѣромъ такого процесса можетъ служить представленное мною къ дѣлу письмо орловскаго присяжнаго повѣреннаго г. Ильинскаго, полученное нами изъ Орла, письмо лица, котораго мы не знали до того времени и котораго мы и донинѣ никогда не видали. Г. Ильинскій рассказываетъ, что въ орловскомъ дворянскомъ собраніи, въ присутствіи членовъ управы, мировыхъ судей и другихъ почетныхъ лицъ того общества, шли разговоры о газетахъ, о ихъ направленіи и т. д. Одинъ изъ присутствующихъ напалъ на «Порядокъ»? Да, вѣдь, извѣстно, отвѣчаетъ онъ, что это органъ—еврейскихъ банкировъ. «Новое Время» пропечатало этотъ фактъ, а

г. Стасюлевичъ не возражаетъ. Такъ складывается общественное мнѣніе въ провинціи, не иначе устанавливается оно и въ столицѣ. Клевета распространяется въ публикѣ и вредитъ доброму имени оклеветаннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, что гораздо важнѣе съ точки зрѣнія его конкурентовъ, она уменьшаетъ число подписчиковъ на «Порядокъ». Необходимо было отвѣчать и г. Стасюлевичъ отвѣчалъ.

Порядочный органъ печати, получивъ такое заявленіе, долженъ былъ бы удовольствоваться имъ и перестать помѣщать ложные слухи, опровергаемые тѣмъ, къ кому они относятся и никакими доказательствами съ другой стороны неподтверждаемые. Но какимъ образомъ поступить, если органъ, пустившій лживые слухи, не только не удовлетворяется опровергающимъ ихъ заявленіемъ, но продолжаетъ повторять настойчиво эти лживые слухи еще и еще. Тогда представляется всякому уму такая дилемма: либо у него мѣдный лобъ, либо онъ дѣйствительно имѣетъ въ рукахъ вѣскія доказательства, подтверждающія слухъ, который онъ распространяетъ. Какъ рѣшить вопросъ? Единственный выходъ—это искъ о клеветѣ. Надо заставить противника предъявить доказательства. Надобно дать ему навывборъ: если вы имѣете доказательства — то выложите ихъ на столъ, если не имѣете — то будете наказаны. Таковы были соображенія, въ силу которыхъ мы обратились къ суду. Мы рѣшились на судъ только по исчерпаніи всѣхъ средствъ для полученія иного удовлетворенія. Доказательствомъ нашей уступчивости служить наше предложеніе идти на мировую, которое было сдѣлано у мирового судьи. Мы нарочно избрали форму, не могущую ни въ какомъ случаѣ оскорбить честь органа, являющагося нашимъ противникомъ. Всякій органъ можетъ ошибаться, можетъ быть введенъ въ заблужденіе, но онъ не затрудняется и признаться въ томъ, что былъ введенъ въ заблужденіе, но теперь, убѣдившись въ противномъ, беретъ назадъ сказанное, неподтвердившееся.

По смыслу нашего предложенія о мировой, въ немъ только и содержалось слѣдующее: со словъ противника убѣдившись, что пущенный нами слухъ не вѣренъ, мы тѣмъ и оканчиваемъ полемику. «Со словъ противника»... въ порядочномъ обществѣ, между порядочными людьми, когда опровергается однимъ изъ нихъ ничѣмъ не подтверждаемый слухъ, принято такому опроверженію вѣрить. Взятіе назадъ неподтвердившагося слуха не есть отрѣшеніе отъ чего бы то ни было, не есть отказъ отъ своихъ правъ, не есть лишеніе себя возможности когда нибудь поднять опять тотъ же самый вопросъ. Сегодня слухъ былъ взятъ назадъ, но немедленно послѣ того взявшій его назадъ получилъ доказательство справедливости этого слуха. Тогда онъ можетъ, ничѣмъ уже не стѣсняясь, снова пропечатать всю правду, со всѣми доказательствами, онъ можетъ притомъ, опельмовать своего недобросовѣстнаго противника, увѣрившаго его, что слухъ ложный. Я, конечно, не могу въ настоящее время дѣлать какихъ бы ни было предложеній объ удовлетвореніи меня по соглашенію съ нашимъ противникомъ. Мы уже заявили у мирового судьи, что беремъ наше предложеніе обратно. Предлагать что либо вновь значило бы, что мы, какъ будто бы напрашиваемся на мировую. Наши противники очень хорошо знаютъ насъ, особенно г. Федоровъ, съ которымъ мы и предполагали въ то время возможнымъ заключить сдѣлку—съ нимъ однимъ, оставивъ въ сторонѣ г. Буренина. Если бы г. Федоровъ самъ теперь задумалъ сдѣлать серьезное предложеніе о мировой, то онъ знаетъ, что, вѣроятно, мы бы потолковали съ нимъ, какъ бы уладить дѣло помимо суда. Вся бѣда въ томъ, что съ нашими противниками нельзя говорить серьезно о соглашеніи. Если бы сдѣлка останавливалась затѣмъ, что г. Федоровъ не вполне самостоятельное лицо и не можетъ рѣшиться безъ чьего нибудь согласія на тотъ или другой шагъ, то онъ знаетъ, что мы не отказались бы отъ предложенія ему возможности переговорить съ своимъ патрономъ...

Предсѣдатель. Въ виду этого заявленія, я прошу васъ остановиться. Я сдѣлаю предложеніе обвиняемымъ. (*Къ обвиняемымъ*). Не желаете ли кончить дѣло примиреніемъ?

Федоровъ. Я ничего не имѣю противъ примиренія. Я у мирового судьи не былъ и первый разъ слышу это предложеніе...

Буренинъ. А на какихъ условіяхъ?

Прис. пов. Спасовичъ. Я взялъ назадъ свое предложеніе. Въ настоящее время, послѣ отклоненія его противною стороною, кажется, ей, а не мнѣ слѣдуетъ дѣлать предложеніе о мировой. Я заявляю, что хотя у насъ есть полнѣйшее желаніе покончить это дѣло миролюбивымъ образомъ, но я долженъ сказать, что безъ гарантій я на такую сдѣлку не пойду.

Предсѣдатель. Въ чемъ же состоитъ эта гарантія?

Прис. пов. Спасовичъ. Въ томъ, чтобы завтра или послѣзавтра, а также и на будущее время не появлялись фельетоны или другія статьи въ родѣ «Раздвоившійся Стасюлевичъ» и вообще, чтобы прекратились и не возобновлялись глумленія и ругательства по поводу настоящаго процесса.

Предсѣдатель. Вы обращаетесь съ настоящимъ заявленіемъ къ г. Федорову, какъ редактору?

Прис. пов. Спасовичъ. Да.

Предсѣдатель. А относительно г. Буренина...

Федоровъ. «Порядокъ» болѣе не существуетъ, слѣдовательно не можетъ быть и полемическихъ статей...

Предсѣдатель. Если вы согласны дать такое удовлетвореніе...

Буренинъ. Я не могу согласиться...

Прис. пов. Спасовичъ. Мы уже дѣлали предложеніе у мирового судьи, но оно было отвергнуто. Я теперь не дѣлаю никакого предложенія, а жду его отъ противной стороны...

Буренинъ. Какимъ образомъ можно на это согласиться? Г. Спасовичъ желаетъ ~~зады~~ задать намъ, т. е. га-

зетѣ, ротѣ, и мнѣ даже странно, что г. Спасовичъ, самъ публицистъ, хочетъ этого...

Предсѣдатель. Вамъ предлагаются условія...

Буренинъ. Но мы не можемъ на нихъ согласиться, потому что это не возможно.

Предсѣдатель (къ Спасовичу). Въ такомъ случаѣ, угодно вамъ продолжать.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу къ существу дѣла. Оно состоитъ изъ двухъ частей: части о звѣздѣ и части о еврейскихъ деньгахъ въ «Порядкѣ».

Что касается первой части, то она болѣе потѣшна, нежели серьезна, хотя она несомнѣнно направлена къ тому, чтобы причинить извѣстный вредъ «Порядку». Если бы она стояла одна, то можно было бы скорѣе предъявить противъ редакціи «Новаго Времени» искъ объ убыткахъ, нежели искъ о клеветѣ; но она не могла быть оставлена, потому что заключаетъ въ себѣ зародышъ той клеветы, которая явилась потомъ въ видѣ еврейскихъ субсидій. Я ограничусь по первому предмету нѣсколькими словами.

28-го декабря 1880 года, явился слухъ о звѣздѣ. 1-го января 1881 года, эта звѣзда была уже пожалована «Новымъ Временемъ» на бумагѣ г. Стасюлевичу. Въ «Порядкѣ» объявлено, что это извѣстіе есть тенденціозная фабрикація ложныхъ свѣдѣній. «Новое Время» нашло выходъ изъ этого обвиненія и заявило: фактъ вѣренъ, Стасюлевичъ знаетъ объ этомъ «также какъ и мы: предполагалось правительствомъ дать ему звѣзду, но именно наше заявленіе о томъ, что звѣзда будетъ ему пожалована помѣшало осуществленію предположенія». Заявляю, что ничего подобнаго не было извѣстно г. Стасюлевичу, что оно никому неизвѣстно, потому что и само заявленіе имѣетъ всѣ признаки явной небылицы. Вспомнимъ время, когда это происходило. Кончался 1880 годъ, начинался 1881. Тогда было еще въ полной силѣ министерство графа Лорисъ-Меликова, преобладающее направленіе господствовало то, которое теперь носятъ подъ именемъ либеральнаго и къ кото-

рому тогда принадлежало «Новое Время». Еще не дѣлалось никакого различія между газетами. Еще «Правительственный Вѣстникъ» не считалъ нужнымъ заявлять, что «Новое Время» не есть офиціозный органъ правительства. «Новое Время» не опровергало слуховъ о томъ, что оно офиціозъ. Но независимо отъ момента, можно ли, при какомъ угодно министерствѣ, предполагать, что у насъ, въ Россіи, при нашихъ условіяхъ государственнаго устройства, какая нибудь частная газета могла вліять на дачу или не дачу той или иной награды правительствомъ тому или иному лицу? Хотя самое заявленіе — чистая небылица, но главное то не въ этой небылицѣ, а въ намѣреніи, съ которымъ слухъ распространенъ. Намѣреніе, очевидно, было: противники наши — люди, дѣйствующіе всегда цѣлесообразно, ни одного поступка не дѣлаютъ даромъ, безъ цѣли и разсчета. Утверждаю, что намѣреніе было слѣдующее: государственныя награды даются за государственныя заслуги; г. Стасюлевичъ уже 14 лѣтъ какъ не находится на государственной службѣ — онъ просто частный человѣкъ, занимающійся издательствомъ журнала. Мы готовы принять всѣ тѣ названія, которыми величаютъ этотъ журналъ наши противники. Онъ былъ журналъ аккуратный, умѣренный, доктринерскій и т. д.; во всякомъ случаѣ, онъ былъ журналъ критическій, основательно или неосновательно, но считаемый оппозиционнымъ. Отношенія г. Стасюлевича къ цензурѣ, къ главному управленію по дѣламъ печати были только такія, что на г. Стасюлевича налагали взысканія и приглашали его для объясненій въ цензурный комитетъ. Вдругъ, наканунѣ появленія газеты, становится извѣстнымъ, что редактору дана будетъ звѣзда! Конечно, могли быть у него иные наивные знакомые, которые, можетъ быть, его и поздравляли по этому случаю на новый годъ, но были несомнѣнно и такіе, которыхъ должно было озадачить это извѣстіе: значить — это будетъ офиціозная газета, съ правительственнымъ направленіемъ.

емь, чего трудно было ожидать. Разсудивъ такимъ образомъ, многіе изъ желавшихъ подписаться на газету не подписались, остановились. Между тѣмъ, это было самое горячее время для подписки — декабрь и январь. Въ послѣдующіе мѣсяцы никакъ не наверстаешь, что въ эти мѣсяцы ушло. Такимъ образомъ, цѣль выпуска ложнаго слуха достигнута: нѣкоторые подписчики остановились и не подписались; озадаченные извѣстіемъ, они обзавелись иными газетами. Я не могу не охарактеризовать подобный маневръ именемъ нечестнаго, непорядочнаго, именемъ коварнаго приѣма, который не долженъ существовать въ литературѣ. Этимъ приѣмомъ старались дать понять, что г. Стасюлевичъ—офиціозъ правительства. Поэтому то въ сообщеніи извѣстія о звѣздѣ заключается уже зародышъ клеветы, которая воспроизведена гораздо сильнѣе въ слѣдующей формѣ, въ формѣ еврейскихъ денегъ въ «Порядкѣ». Къ этому второму предмету я теперь и перехожу.

Съ первыхъ мѣсяцевъ появленія «Порядка» начинаютъ упорно повторяемые на всѣ лады нескончаемые толки о томъ, что этотъ органъ не только полякующій, юдофильствующій, но прямо еврейскій, издающійся на еврейскія деньги и преслѣдующій исключительно еврейскіе интересы. Эта упорная настойчивость обличала важность, которую редакція «Новаго Времени» приписывала извѣстію. Ясно, что она имъ пользовалась какъ острымъ, рѣжущимъ орудіемъ, которымъ она достигала извѣстной, весьма опредѣленной цѣли. Такимъ сопоставленіемъ издательства съ фінасовою подкладкою этого издательства оно открыто стремилось къ тому, чтобы повредить «Порядку». Спрашивается: всегда ли или только при извѣстныхъ условіяхъ соединеніе этихъ двухъ вещей: истиннаго факта издательства газетъ съ вымышленнымъ фактомъ издательства его на извѣстнаго рода чужія деньги, получаетъ значеніе клеветы и имѣетъ ли это сопоставленіе двухъ предметовъ значеніе въ настоящемъ случаѣ? Я и постараюсь, прежде всего, разрѣшить эти вопросы,

Гг. судьи! Печать есть средство распространять мысли чрезвычайно скоро и быстро. Она есть своего рода механическая сила, которая может оказывать свои услуги всё́мъ лицамъ и группамъ, входящимъ въ составъ общества, всё́мъ классамъ и сословіямъ, всевозможнымъ матеріальнымъ ихъ интересамъ. Каждая такая группа, будетъ ли она сословная, будетъ ли она національная или иная, конечно, может находить много выгодъ въ томъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстный органъ печати. Въ обладаніи своимъ органомъ печати нѣтъ ровно ничего предосудительнаго или незаконнаго. Бóльшую частью всё крупное интересы и обзавелись такими органами. Евреи имѣютъ свои временныя изданія — «Русскій Еврей», «Разсвѣтъ», поляки въ Петербургѣ обзавелись «Краемъ», нѣмцы имѣютъ въ Петербургѣ двѣ газеты. Понятно, что каждая газета, преслѣдующая свой особый интересъ совершенно явно, по всё́мъ извѣстной программѣ, не можетъ быть попрекаема тѣмъ, что она преслѣдуетъ этотъ именно интересъ. Ее и не стану́тъ читать люди, невходящіе въ составъ группы, для которой она предназначена; напримѣръ, русскій читатель, исполненный духа такъ называемаго народничества или самобытности, не станетъ и заниматься чтеніемъ еврейскихъ, нѣмецкихъ или польскихъ органовъ. Равнымъ образом, не предосудительно быть соиздателемъ или редакторомъ такого органа и даже редакторомъ на жалованьѣ. Обыкновенно онъ самъ членъ этой группы, раздѣляетъ всё ея убѣжденія и взгляды, пользуется довѣріемъ и въ ея пользу работает. Быть редакторомъ органа, проводящаго интересы какой нибудь отдѣльной группы общества столь же не предосудительно, какъ быть редакторомъ какого нибудь правительственнаго официальнаго органа. Есть правительственныя изданія, которыя приносили громадную пользу, напримѣръ, «Военный Сборникъ», «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» и друг. Когда направляешься въ такой журналъ, то зна-

ешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, знаешь, что за столомъ сидитъ редакторъ, который исполняетъ государственную должность и который имѣетъ всегда на головѣ шапку съ кокардою. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ со стороны органа и его редакціи никакой фальши, никакого обмана. Кромѣ этихъ случаевъ бываютъ и другіе, когда не безчестно издавать газету не на свои собственные деньги. Очень рѣдки литературный талантъ или издательская сметка, соединенная въ одномъ лицѣ съ большими денежными средствами. У кого своихъ денегъ нѣтъ, тотъ долженъ прибѣгать къ кредиту. Есть многіе журналы, которые основаны въ кредитъ. Никому не интересно знать, изъ какихъ источниковъ возникло, на примѣръ, «Новое Время», какія деньги лежатъ въ его основаніи. Я самъ когда-то, вмѣстѣ съ гг. Суворинымъ и Буренинымъ, работалъ въ одной такой почтенной газетѣ, финансовое положеніе которой было далеко не блестящее. Но никогда и вопросъ не поднимался, откуда берутся средства, потому что въ каждой строкѣ газеты звучали искренность, твердость и независимость убѣжденій и потому, что редакторъ никогда не смѣшивалъ своего литературнаго дѣла съ своими финансовыми средствами; онъ расплачивался какъ могъ съ кредиторами, но не позволялъ имъ входить, какъ козьямавъ, въ редакцію. Слѣдовательно, даже соединеніе издательства съ чужими деньгами не имѣетъ значенія чего-то безусловно дурнаго или предосудительнаго, да оно большею частью и не интересно, незачѣмъ о немъ публиковать.

Совершенно иную окраску получаетъ соединеніе издательства съ его средствами, когда устанавливается между обоими этими обстоятельствами причинная связь: еврейскія деньги — слѣдовательно, и еврейское соиздательство, когда органъ представляется платнымъ слугою, работникомъ по найму, состоящимъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ деньгодателямъ извѣстной націи, извѣстнаго класса или вѣроисповѣданія, от-

стайвающимъ ихъ исключительные интересы, но подъ видомъ служенія общему благу, потому что въ то же время этотъ органъ красуется какъ самостоятельный, какъ выражающій мысли, цѣли и общественное мнѣніе всей Россіи, всѣхъ слоевъ ея. Въ установленіи такой причинной связи между двумя предметами и заключается вся суть клеветы, и это злое намѣреніе преслѣдовалось «Новымъ Временемъ» постоянно и настойчиво. Оно, вѣроятно, будетъ констатировано вами, гг. судьи. Я думаю, что для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ правильно, вамъ нужно, прежде всего, остановиться на содержаніи выдуманнаго извѣстія, соединить его съ цѣлью, съ которою оно придумано, и затѣмъ рѣшить еще вопросъ о формѣ извѣстія. Вы должны разсмотрѣть соединеніе этихъ двухъ фактовъ, то есть, вопросъ о томъ, одинаково ли возможна клевета, въ какомъ бы видѣ она ни явилась, т. е. въ простомъ ли заявленіи, или въ видѣ шутовскаго передразниванія, въ прозѣ ли или въ стихахъ, то есть, на языкѣ, который называли когда-то языкомъ боговъ, пока онъ не сдѣлался хуже языка торговцевъ Сѣнной Площади, въ драматической ли формѣ или какой либо иной.

Итакъ, я останавлиюсь, прежде всего, на вопросѣ, въ какой степени, по общечеловѣческимъ понятіямъ или по понятіямъ, господствующимъ въ извѣстномъ классѣ, въ извѣстной средѣ, обвиненіе человѣка въ томъ, что онъ, выдавая себя за совершенно независимаго литератора, есть въ то же время слуга извѣстныхъ интересовъ, отъ которыхъ получаетъ денежную поддержку, должно считаться обиднымъ для чести того лица? Конечно, гг. судьи, въ такомъ обвиненіи нѣтъ и не можетъ быть чего бы то ни было уголовнаго. У насъ личный наемъ литературный, отдача пера на заработки, суть виды торговли безданной, безошпинной. Торгъ перомъ не возбуждалъ и не возбуждаетъ никакихъ преслѣдованій со стороны прокурорскаго надзора, и каждый изъ попрекаемыхъ за этотъ образъ дѣйствій могъ бы отвѣ-

чать такъ, какъ отвѣчалъ «нравственный человѣкъ» у Некрасова:

«Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла».

Но суть вопроса вовсе не въ уголовщинѣ, а въ чести. Понятіе о чести бываетъ различное, въ разныхъ кругахъ общества. Конечно, если вы будете судить о литературномъ дѣйствіи съ точки зрѣнія простонародья, то не придете къ результату, потому что простонародіе не занимается литературою. Если бы дѣло объ обидѣ происходило между людьми изъ простонародія, то вы должны бы были при обсужденіи его снизить до уровня понятій о чести простонародія. Но если обидчикъ и обиженный принадлежатъ къ иному кругу, то вы должны опредѣлить степень оскорбленія чести извѣстнаго рода клеветою по понятіямъ этого круга. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ литературнымъ кругомъ, имѣющимъ свои особенныя понятія о чести, о томъ, въ чемъ заключается главное достоинство литератора. Вы должны разрѣшить этотъ вопросъ по понятіямъ этого литературнаго круга и должны потомъ повѣрить добытые такимъ образомъ результаты собственнымъ вашимъ опытомъ, то есть, сличеніемъ его съ понятіями той среды, къ которой вы сами принадлежите. Вы принадлежите къ самому интеллигентному обществу, въ составъ котораго входитъ и кругъ литераторовъ. Итакъ, я прошу васъ рѣшить этотъ вопросъ по понятіямъ литературнаго круга, притомъ высшаго литературнаго круга, а не одной той маленькой прессы, которая большею частью только и питается злословіемъ, бранью и сплетнями. Вы должны, я думаю, признать, что какъ у воина главная доблесть—храбрость, у священника — благочестіе, у женщины — цѣломудріе, у судьи — безпристрастіе, такъ у литератора главная и коренная доблесть—гордая свобода, некланяющаяся ни-

кому независимость. Можетъ быть литераторъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ запятанный, но пока онъ хранитъ эту черту въ характерѣ, пока онъ держится такихъ правилъ: «хотя я, положимъ, ограниченъ, стѣсненъ условіями цензуры, но въ предѣлахъ, въ которыхъ мнѣ предоставлено говорить и судить по уставу цензуры, я сужу свободно, прямо, откровенно, никому не кланяюсь, я рѣжу правду и никому не мирволю» — этотъ литераторъ будетъ имѣть, все-таки, почетъ и уваженіе между своими собратьями. Разъ онъ сошелъ съ этого пути, разъ онъ сдѣлался служителемъ чьихъ-либо интересовъ, разъ онъ имѣетъ своего господина, онъ уже входитъ въ тотъ кругъ, который очень мѣтко очерченъ во многихъ нумерахъ «Новаго Времени» словами: лакейство. Онъ принадлежитъ уже къ «лакействующей литературѣ». Къ ея составу одинаково принадлежатъ и тѣ, которые служатъ большому барину — правительству, и тѣ, которые имѣютъ надъ собою менѣ почетныхъ господъ, именно тѣхъ, кого «Новое Время» называетъ *Güntzburgii et omnes iudaei*. Точно такимъ же лакействующимъ литераторомъ я не могу не считать и того, кто будетъ служить успѣху минуты, сегодняшнему настроенію или вкусу публики, кто будетъ ей низкопоклонничать и подлаживаться подъ ея вкусъ. Чтобы доказать это положеніе, чтобы уяснить, какое громадное значеніе имѣетъ литературная независимость въ литературномъ мірѣ; я призову въ свидѣтели само «Новое Время», я приведу сужденія «Новаго Времени» о самомъ себѣ, когда оно было задѣто съ этой больной стороны, когда оно ополчилось противъ слуховъ, что оно есть офиціозный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Оно судило само о себѣ вѣрно; жаль только, что оно не прилагаетъ этой мѣрки къ другимъ лицамъ.

Беру два номера «Новаго Времени»: 2147-й и 2151-й отъ 19-го и 23-го февраля нынѣшняго года, вмѣщающіе отвѣты на вопросъ, есть ли «Новое Время» офиціозный или неофиціозный органъ правительства. Прежде всего «Но-

вое Время» дѣлаетъ слѣдующее заявленіе, въ слогѣ, который можно назвать слогомъ послѣдняго фасона, слогомъ послѣдняго чекана, никакъ не позже 1881 или 1882 года: «каждый самостоятельный органъ, искренно служащій національнымъ интересамъ, разоблачающій лживую противународную политику, какъ мнимыхъ друзей Россіи, такъ и ея враговъ, преслѣдуется самыми безчестными, самыми пошлыми выдумками, сплетнями и инсинуаціями». Отмѣчу употребленіе слова «инсинуація», противъ котораго всегда возражаетъ «Новое Время», въ другихъ органахъ. Тѣмъ дѣло не кончилось. Нашлась одна газета, которая разсудила такъ, что нѣтъ ничего позорнаго и безчестнаго въ томъ, когда дается помощь на ея изданіе. Тогда «Новое Время» разразилось взрывомъ негодованія противъ этой «малограмотной» газеты и приняло ея слова, какъ доказательство того, что элементарность извѣстныхъ понятій не допускается у насъ, по крайней мѣрѣ, чтобы эти понятія стояли внѣ споровъ и сомнѣній. Затѣмъ оно присовокупляетъ: «частныя газеты имѣютъ вѣсь и значеніе лишь по столько, по сколько выражаютъ общественное мнѣніе и, слѣдовательно, по сколько имѣютъ сочувствіе въ обществѣ». Это не значитъ, чтобы независимая газета не могла не совпадать въ своихъ взглядахъ со взглядами правительства, но это значитъ, что она не должна быть офиціознымъ органомъ правительства. «Офиціозная газета, говоритъ «Новое Время», представляетъ собою грубый обманъ, претящій нравственному чувству порядочныхъ людей и потому отталкивающій ихъ отъ газеты. По самому существу дѣла, офиціозность газеты есть нѣчто такое, что лишаетъ ее всякаго вѣса и значенія. Офиціозъ, говорящій по вдохновенію извнѣ—это торгующій своимъ умѣньемъ говорить съ чужого голоса. Офиціозная газета—это наемница самаго худшаго сорта, потому что ничего нѣтъ позорнѣе, какъ торговля своими убѣжденіями. Если это непонятно публицистамъ малограмотной газеты, то помочь мы уже не можемъ».

Такова эта статья, прекрасная во многих отношеніяхъ. Я позволю себѣ сдѣлать относительно ея два замѣчанія. Она вмѣщаетъ въ себѣ два опредѣленія того, что согласно съ достоинствомъ газеты и того, что противно этому достоинству. Что касается перваго предмета, то мы не совсѣмъ сойдемся съ «Новымъ Временемъ» и полагаемъ, что оно поставило такое опредѣленіе достоинства газеты, подъ которое само могло бы подойти. Въ самомъ дѣлѣ, что такое слова: «выражать общественное мнѣніе и имѣть сочувствіе публики»? Это взглядъ буржуазный... Позвольте мнѣ сослаться на собственное признаніе противной стороны, на то значеніе этого признанія, которому я сочувствую. Я вполне сочувствую «Новому Времени» въ томъ, что офиціозъ— это человѣкъ, говорящій по вдохновенію извнѣ, что онъ грубый обманщикъ, что онъ хуже публичной женщины и что онъ отталкиваетъ отъ себя порядочныхъ людей. Я думаю, что вы будете судить по этой мѣркѣ, самимъ «Новымъ Временемъ» поставленной, потому что эта мѣрка настоящая, потому что вы не можете допустить, чтобы нравственность въ обществѣ была ниже того, чѣмъ она стоитъ въ крупныхъ органахъ печати, что въ своихъ опредѣленіяхъ того, что безчестно, не можете понизиться и зайти за тѣ предѣлы, за которыми стоятъ малограмотныя газеты. Вы не можете допустить, чтобы считалось согласнымъ съ честью литератора позировать, принимать видъ самостоятельнаго человѣка, а между тѣмъ быть въ услуженіи у кого-нибудь и двигать впередъ его особенные интересы. Я думаю, что въ этомъ отношеніи вы отнесетесь къ дѣянію можетъ быть и строже, чѣмъ отнесся бы судъ на Западѣ Европы. Во многихъ отношеніяхъ мы еще варвары. У насъ еще нѣтъ многихъ послѣднихъ по времени европейскихъ изобрѣтеній. У насъ еще не существуетъ такъ-называемый Reptilienfond. У насъ пресса еще не вся въ рукахъ евреевъ, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, и, какъ говорить, еще болѣе въ Вѣнѣ. Но если вы допустите, что-

бы эти понятія о чести при вашемъ содѣйствіи упали ниже теперешняго, чтобы было признано, что не безчестно быть платнымъ органомъ, обманывать такимъ образомъ публику и корчить изъ себя самостоятельнаго дѣятеля, то я думаю, что и у насъ очень скоро будетъ то, что въ Вѣнѣ, т. е. несмотря на преслѣдованія извѣстнаго элемента, въ рукахъ его очутятся всѣ органы печати.

До сихъ поръ я говорилъ о содержаніи, перехожу теперь къ формѣ.

Можетъ ли форма произведенія вліять настолько на составъ преступленія, что клевета по содержанію уже не будетъ клеветою, только вслѣдствіе того, что она явится въ шуточной формѣ? Я этого признать не могу. Шуточная форма не имѣетъ никакого вліянія на признаки преступленія, притомъ въ настоящемъ дѣлѣ шуточное является только въ самомъ концѣ, въ эпилогѣ, когда составъ преступленія уже вполне опредѣлился; оно—только послѣдняя капля къ полной чашѣ, заставившая насъ подать жалобу въ судъ. Въ то время, когда ложное извѣстіе явилось, дѣйствіе его уже было произведено. Дѣйствіе это началось 25-го мая 1881 г. Тогда «Новое Время» опубликовало, что «Порядокъ» есть органъ Блюха и Гинцбурга. Потомъ произошелъ эпизодъ съ «Востокомъ», очень характерный, потому что онъ ярко опредѣляетъ самое намѣреніе, съ которымъ были поставлены въ «Новомъ Времени» имена гг. Блюха и Гинцбурга. Въ «Новомъ Времени» «Порядокъ» былъ названъ только органомъ гг. Блюха и Гинцбурга, но ничего не сказано о деньгахъ, хотя всякій понималъ, къ чему клонится извѣстіе и что оно указываетъ на деньги этихъ господъ. «Востокъ» такъ и понималъ: онъ написалъ, что «Порядокъ» издается на деньги Блюха и Гинцбурга. Тогда «Новое Время» усиливаетъ свое сообщеніе: перепечатываетъ слова «Востока» и прямо пишетъ, что «Порядокъ» издается на «жидовскія деньги». Такимъ образомъ, клевета растетъ и уве-

личивается, какъ катящійся съ горы комъ снѣга. Противъ извѣстія возражаетъ г. Стасюлевичъ; онъ заявляетъ, что евреи не участвуютъ въ газетѣ, что онъ не получаетъ никакой субсидіи. Несмотря на это, «Новое Время» стоитъ упорно на своемъ и заявляетъ: мы говорили собственно не о субсидіи; евреи участвуютъ въ «Порядкѣ» не субсидіями, а паями. Это значитъ, по моему мнѣнію, тоже, что бить не тростью, а дубьемъ; я докажу, что пай хуже субсидіи. «Новое Время» само понимаетъ это обстоятельство, но оно осторожно: хвативъ сильно, оно обезпечиваетъ себѣ отступление. Субсидія, говоритъ оно, совсѣмъ не то, что пай; пай почетнѣе субсидіи. Субсидія—это плата деньгами за услугу; пай—нѣчто болѣе благородное, это только «соиздательство», «нравственная поддержка», «участіе въ прибыляхъ и убыткахъ». Я утверждаю, что пай гораздо хуже, нежели субсидія, что полученіе денегъ можетъ быть двоякимъ образомъ истолковываемо: оно можетъ быть субсидія, а можетъ быть только простой заемъ; но пай всегда предполагаетъ деньги, за деньги дано соиздательство, т. е. участіе хозяевъ предпріятія въ редакціи, значитъ, редакціею завѣдываетъ не г. Стасюлевичъ, а сидитъ въ ней цѣлый кагалъ. Клевета вполне опредѣлилась уже въ статьѣ «Новаго Времени» за № 1986-мъ. Въ послѣдующихъ нумерахъ она воспроизводится. Въ октябрѣ 1881 года, помѣщены насмѣшки надъ г. Стасюлевичемъ: «Когда вздумаетъ онъ тайно, полякамъ, жидамъ продаться» и т. д. № 1989-й имѣетъ значеніе только прямого отказа газеты помѣстить заявленіе г. Стасюлевича, опровергающее клевету, потому что хотя редакція и заявляетъ, что мы будемъ ежедневно печатать, что «Порядокъ» издается на собственныхъ деньгахъ г. Стасюлевича, но тутъ же, въ этомъ номерѣ, почти рядомъ, помѣщены два стиха, гласящіе, что

«Все устроилось въ порядкѣ,
Взяли пай жида въ «Порядкѣ».

Такимъ образомъ, къ клеветѣ прибавлено глумленіе, которое есть усиливающее, а не уменьшающее вину противниковъ обстоятельство, слѣдовательно, такое, которое требуетъ, чтобы судъ еще строже отнесся къ поступку обвиняемыхъ. Все это вмѣстѣ взятое заставило г. Стасюлевича обратиться къ суду, что онъ и сдѣлалъ. Самая подача жалобы и оглашеніе ея въ засѣданіи у мирового судьи уже произвели извѣстное дѣйствіе, благопріятное для г. Стасюлевича; стало всѣмъ интересующимся его изданіемъ ясно, что извѣстіе ложно, коль скоро издатель привлекаетъ къ суду его распространителей. Впослѣдствіи «Порядокъ» прекратился, причѣмъ ясно стало, что у него нѣтъ въ своемъ распоряженіи неисчерпаемыхъ капиталовъ, которые поступали бы въ редакцію отъ евреевъ или отъ польскихъ помѣщиковъ, какъ то было разглашаемо «Новымъ Временемъ». Несмотря на закрытіе «Порядка», мы рѣшились довести это дѣло до конца по слѣдующимъ соображеніямъ. Г. Стасюлевичъ—извѣстный дѣятель; клевета ему причинила меньше вреда, чѣмъ могла бы она причинить другому лицу. Но могутъ найтись въ подобномъ же положеніи, при худшихъ условіяхъ, издатели, которымъ гораздо труднѣе будетъ защищаться. Они могутъ быть и менѣе извѣстны публикѣ, и временно сдѣлаться предметомъ еще болѣе смутныхъ обвиненій; могутъ быть и обвиненія покрупнѣе, на примѣръ, обвиненіе въ народной измѣнѣ или тому подобномъ. Доброе дѣло — положить какой-нибудь предѣлъ безобразію: пусть судъ опредѣлитъ, что честно и что нечестно въ издательствѣ; пусть онъ покажетъ, что нельзя безнаказанно посягать на самое дорогое качество литератора—на его литературную самостоятельность. Мы ждемъ приговора суда и думаемъ, что вы, гг. судьи, не уроните этой чести.

Мнѣ остается только выяснить, почему я вмѣстѣ съ г. Оедоровымъ привлекъ къ суду и г. Буренина; почему я продолжаю обвинять его даже послѣ показанія свидѣтеля, г. Суворина, наконецъ, почему я по-

ступилъ не безчестно, разыскивая въ редакціи «Новаго Времени» кто настоящій авторъ «словъ» противъ г. Стасюлевича.

Печать, какъ извѣстно, есть механическое распространіе письма, а письмо есть изображеніе слова, слѣдовательно, всѣтѣ преступленія, которыя совершаются посредствомъ слова, могутъ быть совершаемы и посредствомъ печати, съ тою разницею, что дѣйствіе печати въ тысячу разъ сильнѣе и что виновному въ оскорбленіи гораздо легче скрыться. По звуку голоса, по почерку письма можно узнать, кто виновникъ преступленія, совершаемаго словомъ, но когда оскорбленіе является въ газетѣ безъ подписи, то автора нельзя узнать. Поэтому, въ правилахъ для печати 6-го апрѣля 1865 года законодатель, неизъясняя виновныхъ въ преступленіяхъ словомъ изъ общихъ законовъ уголовныхъ объ отвѣтственности, въ случаѣ соучастія въ преступленіи, постановилъ еще одну специальную мѣру, усиливающую наказуемость этихъ преступленій. Онъ положилъ, что редакторъ повременнаго изданія во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ за содержаніе статьи, какъ главный виновникъ. Есть два способа толковать это постановленіе: первый тотъ, что подобная строгость, подобное усиленіе наказуемости установлены въ виду того, чтобъ во всякомъ случаѣ и неизбѣжно кто-нибудь за содержаніе напечатаннаго отвѣчалъ, чтобъ оскорбленіе не могло остаться безъ взысканія, чтобъ былъ на лицо человекъ, который принималъ бы на себя отвѣтственность и съ котораго можно было бы взыскивать, что не пресѣкаетъ пострадавшему возможности привлекать къ суду сверхъ редактора и настоящихъ виновниковъ оскорбленія. Но есть еще и другой взглядъ на ту же мѣру. Отвѣтственность редактора можно разсматривать какъ привилегію и особую льготу для газетъ, что кромѣ редактора, отвѣчающаго по договору, всѣ остальные сотрудники не наказуемы, какія бы безчинства они не совершали, хотя бы швыряли камнями изъ-за угла въ cadaго встрѣчнаго. Съ подобнымъ взгля-

домъ едва ли можно согласиться. Былъ и у древнихъ римлянъ праздникъ сатурналій, единственный въ году, когда и невольникамъ разрѣшалось наливаться вмѣстѣ съ господами. Безнаказанность злословія и безчинства въ литературѣ могутъ точно также совпадать съ крайне приниженнымъ общимъ состояніемъ литературы, когда невозможность говорить возмѣщается полною свободою злословить. Не я одинъ противникъ безнаказанности безчинствъ подѣ маскою анонимности. Я позволю себѣ привести цитату на этотъ счетъ знаменитаго историка литературы Брандеса изъ IV-го тома его сочиненія: «О литературныхъ теченіяхъ XIX-го вѣка», по поводу Байрона; «Явились нападки на его частную жизнь, благодаря анонимности, которая въ англійской литературѣ преобладаетъ, несмотря на вносимые ею порчу и развратъ. Въ дѣйствительности, значеніе анонимности только то, что ничтожнѣйшій писака, еле—еле держащій перо, можетъ приложиться ртомъ къ трубѣ общественнаго мнѣнія и изобразить собою оскорбленную невинность. Не только этотъ анонимъ дѣлается общеизвѣстнымъ по числу экземпляровъ, въ которыхъ разошлось его изданіе, но онъ можетъ еще, оставаясь анонимомъ, появляясь въ сотнѣ видахъ, подѣ разными кличками, начальными буквами и цифрами, писать въ цѣллой дюжинѣ повременныхъ изданій. Одинъ бумагомаратель можетъ, такимъ образомъ, испакостить всю прессу».

Я вполне раздѣляю взглядъ Брандеса. Когда появилась въ «Новомъ Времени» статья „Раздвоившійся Стасколевичъ“, за подписью Жасминова, то я и не предполагалъ, чтобъ по поводу этой подписи могъ возникнуть вопросъ. Г. Буренинъ писалъ подѣ этою фамиліей въ «Новомъ Времени», послѣ чего онъ издалъ книжку «Стрѣлы», подѣ своимъ собственнымъ именемъ, въ которую вошли тѣ именно стихотворенія, которыя печатались прежде за подписью графа А. Жасминова. Я и не подозрѣвалъ, чтобъ стояла передомною маска и чтобъ г. Буренинъ отрекся отъ своего произведенія. Я ошиб-

ся: мы узнали изъ открытаго письма г. Буренина къ г. Суворину, что тутъ участвовала цѣлая веселая компанія Г. Буренинъ давалъ статьѣ такой видъ, что Жасминовъ есть собирательная кличка, обозначающая многихъ, подобно тому, какъ подъ именемъ Косьмы Пруткова писали Жемчужниковъ, Некрасовъ, а затѣмъ и графъ Толстой. Г. Буренинъ заявилъ при томъ, что г. Суворинъ знаетъ тѣхъ лицъ, которыя писали подъ фамиліей графа Жасминова. Намъ пришлось отнестись извѣстнымъ образомъ къ этому заявленію, посмотрѣть на него либо какъ на отводъ глазъ въ другую сторону, либо какъ на фактъ, хотя мало вѣроятный, но фактически возможный. Сложить оружіе предъ г. Буренинымъ мы не могли, это значилобы принять и усвоить себѣ тотъ принципъ, что подъ маскою все дозволено, что ее нельзя срывать. Нельзя было также послѣ этого письма заявить прямо, что противники, оскорбивъ, скрываются, потому что тогда эти противники могли намъ сказать: вамъ давались и книги въ руки, вамъ указанъ былъ г. Суворинъ, пошли бы вы въ редакцію и тогда узнали бы имя автора. Итакъ, намъ предстояло допросить г. Суворина, который сказалъ на судѣ почти то же, что при предварительномъ слѣдствіи, однако, съ маленькимъ измѣненіемъ: тогда онъ прямо заявилъ, что г. Буренинъ не участвовалъ въ этой статьѣ, теперь онъ не помнитъ, участвовалъ ли г. Буренинъ или не участвовалъ. Еще было одно лице, подлежащее спросу, это—г. Масловъ (на котораго указалъ г. Ѳедоровъ, какъ на лице, писавшее подъ фамиліей А. Жасминова), но г. Масловъ этой ссылки не подтвердилъ. Такимъ образомъ, ни изъ показанія г. Суворина, ни изъ показанія редактора Ѳедорова, ни изъ показаній кого-нибудь другого не видно, чтобъ существовало какое-нибудь другое лице, которое пользовалось бы кличкою графа А. Жасминова. Если редакція не желала открыть имя автора, то могли существовать иные пути, вещественныя доказательства, рукописи,

которыя должны быть въ типографіи и по которымъ набиралась статья... Изъ типографіи рукописи отсылались въ редакцію. Слѣдовало спросить редакцію, не имѣется ли у нея рукописи. Редакція была заранѣе предупреждена о времени, когда прибудетъ судебный слѣдователь; онъ потребовалъ, чтобъ ему показали книгу гонорарную, въ которой ничего не оказалось касающагося статьи въ № 1989-мъ. Тогда онъ спросилъ, имѣются ли какія-нибудь рукописи 1881 года. Ему былъ предъявленъ цѣлый ворохъ такихъ рукописей. Въ нихъ ничего не оказалось. Я утверждаю, что никакого обыска не было, а что заявлено было требованіе о выдачѣ извѣстнаго документа, который, по заведенному порядку, при изданіи газеты долженъ быть въ редакціи, если его не истребили, но котораго на-лицо не оказалось.

Теперь могу сказать прямо, что противная сторона скрыла концы въ воду, такъ что, несмотря ни на какія старанія, нельзя добиться лицу, ищущему удовлетворенія, имени автора статьи «Раздвоившійся Стасюлевичъ». Нареканія на преслѣдованіе, будто бы, свободы слова и печати совершенно напрасны въ данномъ случаѣ. Я не имѣю основанія допустить, чтобы временное изданіе пользовалось правомъ какого-то убѣжища, которымъ не пользуется домъ частнаго лица, которымъ не пользуется жилище каждаго гражданина. Притомъ, моимъ правомъ разыскивать я пользовался подъ контролемъ магистратуры, на основаніи закона.

Хотя, такимъ образомъ, нѣтъ вещественныхъ доказательствъ, которыя могли бы разрѣшить вопросъ объ авторѣ статьи въ № 1989-мъ, я не могу сказать, что беру назадъ обвиненіе, когда я больше чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ, что статья принадлежитъ г. Буренину. Я буду просить судъ выслушать меня, и если судъ, по внутреннему убѣжденію, не смогъ на отсутствіе вещественныхъ слѣдовъ преступленія, согласится со мною, то онъ можетъ, по внутреннему убѣжденію, присудить къ наказанію и г. Буренина. Мои доказа-

тельства состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, г. Буренинъ писалъ подь фамилію графа Алексиса Жасминова; онъ помѣстилъ въ «Стрѣлахъ», правда, не всѣ тѣ вещи, которыя печатались подь этимъ именемъ въ «Новомъ Времени», но это обстоятельство—легко объяснимое съ каждымъ авторомъ, который пишетъ весьма много, который живетъ преимущественно литературою—случается, что онъ пишетъ и слабыя вещи, которыхъ потомъ не желаетъ помѣщать въ собраніи своихъ сочиненій, а выбираетъ только лучшія произведенія. Второе доказательство состоитъ въ томъ, что, кромѣ г. Буренина, нѣтъ ни одного лица, которое бы писало подь именемъ графа Алексиса Жасминова; было указано одно лицо—Масловъ, но онъ этой ссылки не подтвердилъ. Что же касается сравненія Кузьмы Прутковъ съ графомъ А. Жасминовымъ, то это сравненіе весьма неудачное, потому что Кузьма Прутковъ не есть кличка, которую бралъ на себя авторъ—это есть созданіе художественное, это есть живой, хотя литературно созданный типъ, весьма характерный, съ вполне опредѣленными привычками мышленія, чувствованія и дѣйствованія.

Такіе типы, какъ Фаустъ и Мефистофель или Донъ-Жуанъ и Лепорелло, однажды созданные, многими послѣдующими художниками заимствуются для писанія сценъ, въ которыхъ они ставятъ эти типы въ новыя положенія. Отъ высшаго перейдемъ къ низшему, къ карикатурѣ. Генри Моннье создалъ карикатурнѣйшій типъ m—г Prudhomme, откуда французскія газеты помѣщаютъ изреченія и поговорки à la Prudhomme. Это такой же типъ, какъ генераль Дитятинъ въ рассказахъ Горбунова. Отличительное свойство подобнаго типа то, что разъ онъ созданъ, каждый, кто его понялъ, можетъ его изображать, и публика можетъ судить, вѣрно ли типъ изображенъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ графѣ А. Жасминовѣ, который лишенъ характерныхъ чертъ; это только кличка, которую принималъ г. Буренинъ и въ кото-

рой его можно узнать по его слогу, я не скажу по когтямъ, а по извѣстному острому и ядовитому ноготку.

Я прошу подвергнуть г. Буренина наказанію, какъ автора статьи, направленной противъ г. Стасюлевича въ «Новомъ Времени».

С.-Петербургскій окружной судъ, выслушавъ, въ порядкѣ частнаго обвиненія, дѣло о редакторѣ газеты «Новое Время», коллежскомъ асессорѣ Федоровѣ, и сотрудникѣ той же газеты, сынѣ свободного художника Буренинѣ, обвиняемыхъ по 1535-й ст. улож. о нака в. и признавая изъ нихъ виновнымъ Федорова по означенной статьѣ, а Буренина невиновнымъ, постановилъ: Федорова заключить въ тюрьму на три мѣсяца, а Буренина признать по суду оправданнымъ.

Содержаніе VI тома.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

СТРАНИЦЫ.

16. Дѣло о коммерціи совѣтникъ Овсянниковъ, купецъ Левтѣевъ и мѣщанинъ Рудометовъ, обвиняемыхъ въ поджогъ	1— 48
17. Дѣло о банкирѣ К., обвинявшемся въ истязаніи своей семилѣтней дочери	49— 71
18. Дѣло поручика Всеволода Крестовскаго	72— 85
19. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ	86—123
20. Дѣло о 50-ти разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій	124—163
21. Дѣло объ убійствѣ Нины Андреевской	164—276
22. Дѣло по обвиненію Архипова, Черенкова и Сѣрикова въ подкупаваніи и подкупъ выборщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ	277—310
23. Дѣло крестьянина Осипа Малиновскаго	311—324
24. Дѣло члена екатеринбургскаго окружнаго суда, надворн. совѣт. Савицкаго	325—341
25. Дѣло по жалобѣ редактора «Порядка» г. Стасюлевича, на редактора «Новаго Времени», г. Федорова и сотрудника, г. Буренина	342—378

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ VII.

СУДЕВНЫЯ РѢЧИ.

(1883—1892)

Островливой. — Дѣло Мельницкихъ. — Чинше-
вые дѣла. — Административно-ссылные Тесел-
кинъ и др. — Принцъ Кейкубатъ. — Бачаринъ. —
Симесь. Дѣло Нотовича съ Тульскимъ Бан-
комъ. — Дѣло Дорна съ Шанявскимъ. — Адми-
нистративно ссыльные-Кранихфельдъ и др. —
Гросманъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книжный магазинъ К. Грендышинскаго.

Казанская 26.

1894.

Slav 4357.3

Harvard College Library
Gift of
Archibald [unclear], Ph. D.
October 31, 1896.

Типографія С. Корнатовскаго, Малая Морская ул., д. № 9.

Дѣло о дочери титулярнаго совѣтника Островлевоѣ и крестьянинѣ Худинѣ, обви- нявшихся въ разбоѣ.

Дочь титулярнаго совѣтника Юлія Островлева, 25 лѣтъ, и крестьянинъ Антонъ Худинъ, 29 лѣтъ, были преданы суду по обвиненію въ томъ, что въ ночь на 30 августа 1881 года на проѣзжей дорогѣ между Старой Деревней и Лахтой, по взаимному между собою предварительному уговору напали на легковаго извозчика Даніила Савина съ цѣлю открытаго похищенія его имущества, для чего нанесли ему раны по головѣ какимъ либо заранѣе приготовленнымъ ими для того острымъ и тяжелымъ орудіемъ, повалили на землю и, нанося побой выражали намѣреніе избить Савина до смерти, а затѣмъ сняли съ него платье и похитили вмѣстѣ съ его лошадыю и пролеткой, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1627, 1630 и 1632 ст. улож. о нак.

Разборъ дѣла происходилъ въ 1 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда 25 января 1883 г., съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На судѣ обвиняемые не признали себя виновными и Островлева отрицала даже свою побѣдку на Лахту, а Худинъ объяснилъ, что, хотя на Лахту и ѣздилъ, но не съ Островлевоѣ, а съ незнакомкой, взятоѣ съ Невскаго проспекта, что по дорогѣ онъ много пилъ съ извозчикомъ и, что произошло въ концѣ побѣдки, онъ «ничего не помнитъ.» Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что подсудимая находилась въ тѣсной дружбѣ съ Худинымъ, ѣздила съ нимъ въ театръ, очень часто каталась и при обыскѣ у ней было найдено нѣсколько фотографическихъ его карточекъ.

Братъ подсудимой показаль, что мать Островлевои женщина нервная, истеричная, а отецъ злоупотребяль спиртными напитками и умерь отъ чахотки. Сестра его страдаетъ также нервнымъ разстройствомъ и подвержена истеричнымъ припадкамъ. Въ позапрошломъ году кто-то отрѣзалъ языкъ у ея любимой лошади и это обстоятельство подѣйствовало на нее такъ дурно, что она въ отчаяніи билась головой объ стѣну и плакала до истерики. Свидѣтельница *Огарева* показала, что она замѣтила очень давно, еще во время пребыванія вмѣстѣ съ подсудимой въ гимназіи, что та очень любила одѣваться въ мужское платье, любила игры мальчиговъ, и что страсть къ этому не прошла по выходѣ изъ гимназіи.

Свидѣтельница *Ляпунова* (бывшая няня подсудимой) показала, что въ дѣтствѣ съ Островлевои бывали случаи припадковъ, ночныхъ видѣній, она боялась темноты, салньныхъ свѣчей...

Докторъ больницы св. Николая Чудотворца Кандинскій, наблюдавшій подсудимую въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, показаль, что въ характерѣ ея замѣтилъ очень много ненормальныхъ явленій, какъ напр. склонность къ кулачной расправѣ, быстрое измѣненіе настроенія духа, отдаленныя идеи, съ намекомъ на преслѣдованіе; вообще проявлялось часто аффектированное состояніе, въ глазахъ ея замѣчался ненормальный блескъ. Свидѣтель слышалъ отъ одной изъ надзирательницъ, что Островлева покушалась нѣсколько разъ даже на самоубійство. Въ заключеніе свидѣтель добавилъ, что способность логическаго мышленія у Островлевои, вообще, была ослаблена.

Эксперты: Смольскій, баронъ Майдель, Фрей, Четоттъ, Мержеевскій и Чижъ не пришли къ единогласному заключенію и мнѣнія ихъ раздѣлились, причемъ Майдель, Фрей и Четоттъ находили, что хотя подсудимая и подвержена, до извѣстной степени, психопатическому состоянию, но такому, которое ни въ какомъ случаѣ не вызывало болѣзненныхъ явленій, могущихъ уничтожить, согласно закону, всякую вмѣняемость. Остальные эксперты сомнѣвались въ нормальности умственныхъ способностей Островлевои, въ моментъ совершенія преступленія; при этомъ Смольскій и Мержеевскій сдѣлали намеки на близкое отношеніе организма подсудимой къ состоянию гермафродитизма а

Проста и почти ясна наружная сторона этого загадочнаго дѣла, его поверхность; мало дѣль, въ которыхъ внутренняя сторона, психологическая, была темнѣе. Такъ какъ для правильнаго изученія предмета необходимо отъ совершенно извѣстнаго и осязаемаго идти къ неизвѣстному и внѣ чувственнаго наблюденія находяще-

муся, то я и начну съ безспорнаго и вполнѣ установленнаго, чтобы затѣмъ, обойдя этотъ берегъ, заглянуть въ смежную съ нимъ глубь неизвѣстнаго, предполагаемаго.

Извѣстно, что содержатель извоза, по Обводному каналу № 21, крестьянинъ Елисеѣвъ, отправившій 29 августа 1881 г. въ часъ дня молодого 19' лѣтнаго парня Данилу Савина съ лошадыю и пролеткой на работу и дожидавшійся ихъ ночью, дождался Савина только въ Александровъ день, 30 августа, въ два часа пополудни, причемъ Савинъ явился избитымъ, окровавленнымъ и ограбленнымъ, такъ какъ у него похитили, вслѣдствіе нападенія на него, лошадь, пролетку, шляпу и армякъ.—Савинъ подвергся нападенію ночью между Старою Деревнею и Лахтою, въ темномъ, безлунномъ мѣстѣ, со стороны двухъ сѣдочковъ — мужчины и женщины. Елисеѣвъ думалъ объявить полиціи о случившемся, направился на мѣсто сбыта всякихъ лошадей—Конную площадь, когда вдругъ съ нимъ приключился одинъ изъ рѣдкихъ счастливыхъ случаевъ: по улицѣ ведетъ его же лошадь, сѣраго мерина съ темными яблоками, цыганъ Осипъ Назаровъ, купившій ее за 50 руб. отъ Александрова, барышника; отъ Александрова Елисеѣвъ, по его словамъ, добрался до продавшей Александрову эту же лошадь за 35 руб. содержательницы извоза Островлевой, живущей неподалеку въ Разъѣзжей, въ той мѣстности, гдѣ процвѣтаетъ навозничій промыселъ, и имѣющей *нанятое* для извоза помѣщеніе въ Свѣчномъ, близъ Лиговки, почти насупротивъ завода Санъ-Галли. Островлеву вызвали подъ вымышленнымъ предлогомъ въ полицейскій участокъ. Островлева была разговорчива и весела, но, когда на дворѣ участка увидѣла лошадь и возлѣ нея раненаго Савина, то растерялась, заплакала, и сказала: «я пропаду»; обѣщала Савину и деньги на леченіе и поддевку, просила прощенія за то, что его избили, предварила, что все похищенное цѣло, повела потерпѣвшихъ и полицію въ свое по-

мѣщеніе въ Свѣчномѣ, гдѣ въ конюшнѣ, по одну сторону отъ входа, найдена пролетка Елисеѣва, а по другую, армякъ, дуга и извощичья шляпа. При обыскѣ, произведенномъ поздно ночью въ собственной квартирѣ Островлевоу въ Разѣвзжей, въ корридорѣ и въ кухнѣ отысканы уздечка, шлея и возжи, похищенныя у Савина. Все похищенное оцѣнено въ 375 р.—При Островлевоу найдены изъ вырученныхъ ею продажею лошади 35 р. только 23 р.—Островлева была тотчасъ же арестована, ея работникъ Антонъ Худинъ отысканъ только 3 сентября за городомъ. Таковъ былъ приступъ къ слѣдствію: обнаруженіе поличнаго и поимка виновныхъ, когда они пытались замести слѣды преступленія. Само преступленіе восстанавливается слѣдующимъ образомъ, по показаніямъ Савина и обвиняемыхъ.

Былъ теплый августовскій вечеръ, въ началѣ 11-го часа. Улицы были освѣщены газомъ. На углу Большой Конюшенной и Невскаго стоялъ извощикъ Савинъ, поджидавшій сѣдоковъ, дюжій человекъ, но тупой и не развитый, что весьма наглядно уяснилось при слѣдствіи. Подошли къ нему два сѣдока, мужчина былъ въ пиджакѣ и фуражкѣ, точно купеческій прикащикъ, женщина въ темномъ платьѣ, повязанная платкомъ. Савина подрядили они свезти ихъ къ Троицкому мосту за 20 коп. Еще продолжалось сообщеніе по конкѣ отъ этого моста до Старой Деревни. Былъ ли переполненъ вагонъ конки или по иной причинѣ, ѣздоки, перемѣнивъ намѣреніе, подрядили Савина въ Старую Деревню за рубль, а, доѣхавъ до Старой Деревни, хотѣли нанять въ Лахту чухонца. Во время ѣзды мужчина спрашивалъ Савина, сколько ему лѣтъ, имѣеть-ли онъ жену и дѣтей. Заѣзжали ли по дорогѣ въ трактиры и напивались ли—неизвѣстно; Худинъ говоритъ да, Савинъ—нѣтъ; трактирщики не узнаютъ ни одного изъ нихъ; но гдѣ же трактирщикамъ помнить заходившій къ нимъ въ заведенія разныхъ людъ назадъ тому двѣ или три недѣли. Въ Старой Деревнѣ не оказалось чухонца. Савина ста-

ли рядить на Лахту, торгуясь съ нимъ и давая 2 р.; наконецъ, условились за 2 р. 75 коп. съ обратнымъ путемъ на Невскій. Требовалъ ли извозчикъ уплатить тутъ же часть денегъ? Вѣроятно. На пути въ Лахту близъ моста, на поворотѣ объѣздномъ на право, Савинъ получилъ отъ мужчины сильный ударъ по затылку, отъ котораго шляпа слетѣла, а онъ самъ съ дрожжкѣхъ соскочилъ. Предшествовала ли удару ссора изъ за того, что Савинъ отказывался ѣхать, а его понуждали—неизвѣстно. По словамъ Худина, ударъ нанесенъ кошелемъ съ мѣдными деньгами, бывшимъ у него въ рукѣ. Слѣдствіе не только не разъяснило, былъ ли такой кошель у Худина, но даже не позаботилось спросить о немъ Худина; впрочемъ, удостовѣрено медицинскимъ освидѣтельствомъ, что обѣ раны, и на затылкѣ и у глаза, нанесены заостреннымъ тяжелымъ орудіемъ; обѣ раны зіяли, имѣли ровные края, одинаковую длину $\frac{1}{2}$ вершка, обѣ гноились и проникали, одна до мускуловъ, другая до надкостной плевы. Вѣроятно обѣ нанесены почти съ одинаковою силою и однимъ и тѣмъ же орудіемъ. Обѣ раны легкія, но такъ, какъ ими поражена голова, то раны могли сдѣлаться опасными. По словамъ Савина, ударъ былъ неожиданный, его ослѣпило; онъ передавалъ другимъ, что у него точно искры появились въ глазахъ. Искренность его показанія несомнѣнна, онъ и не заинтересованъ въ дѣлѣ, такъ какъ все похищенное возвращено, а раны зажили безслѣдно, но наблюдатель онъ плохой, по крайней своей неразвитости, и могъ наблюдать спокойно только то, что происходило до нанесенія ему удара. Получивъ ударъ, онъ былъ ослѣпленъ, сильно струсилъ и, по словамъ его хозяина, всѣ члены у него опустились, послѣ чего онъ счелъ за благо прибѣгнуть къ умершимъ и вѣроятно притаилъ духъ, зажмурилъ глаза. Прибавимъ, что было совершенно темно; при такихъ условіяхъ наблюденія, очевидно, что показаніе Савина можетъ быть принимаемо крайне осторожно и критически. И по словамъ Савина, участіе обо-

ихъ сѣдоковъ въ нападеніи на него было неодинаковое. На него кинулся мужчина и схватился съ нимъ, между тѣмъ какъ женщина сидѣла въ экипажѣ, пока ея спутникъ не крикнулъ на нее: «чтожь ты смотришь»? На этотъ зовъ она, однако, подбѣжала къ Савину, схватила его за волосы и помогла повалить его на землю; Савинъ приписываетъ ей еще ужасныя слова: «бей его на смерть», причеиъ они били его, по чеиъ попало. Не опроверживая показанія Савина, я полагаю, что съ глазами залитыми кровью и зажмуренными, испуганный, за свою жизнь опасующійся, онъ едва ли могъ различить, кѣмъ произнесены слова, «бей его на смерть». Притомъ, показанія его о совмѣстно наносимыхъ обоими сѣдоками побояхъ не подтверждаются. На немъ всего двѣ раны, а сверхъ ихъ никакихъ поврежденій и даже царапинъ. Очень можетъ быть, что онъ думалъ о томъ, что насталь ему часъ смертный и что въ такомъ положеніи ему пришли въ голову слова, которыя и вовсе не были произнесены. Если бы эти люди были намѣрены его убить, то они бы раздробили ему черепъ орудіемъ, которое было у нихъ въ рукахъ. Съ момента, когда Савинъ притворился убитымъ, мужчина возится около него одинъ, распоясываетъ его, снимаетъ армякъ, отскакиваетъ его за ногу въ сторону отъ дороги, къ канавкѣ. Произнеся слово «издохъ», этотъ мужчина самъ нарядился извощикомъ и ускакаль, усадивъ въ пролетку женщину. Когда они исчезли, Савинъ, кое какъ добрель до Лахты, гдѣ переночеваль, потомъ въ полицейскій участокъ въ Лѣсномъ, наконецъ, послѣ осмотра его ранъ въ полиціи, его усадили на конку и отправили къ его хозяину Елисѣеву. Я полагаю, что ускакавшіе считали его умершимъ; Худинъ объяснилъ, что онъ раздѣль Савина, чтобы нельзя было узнать, какого онъ званія челоуѣкъ; слѣдовательно, Худинъ предполагаль, что Савинъ не встанеть и никому о томъ, что онъ извощикъ, не расскажетъ. Было ли у ускакавшихъ намѣреніе бросить похищенное съ лошадыю и пролеткою въ Александръ.

ровскомъ паркѣ? Это вопросъ столь-же темный, какъ и тотъ, зачѣмъ они ѣхали на Лахту, гдѣ не доказано, чтобы Худинъ имѣлъ какихъ либо знакомыхъ, а Островлева ихъ вовсе не имѣла. Куда вернулась Островлева въ Разъѣзжую или въ Свѣчной? Вѣроятно въ Разъѣзжую, гдѣ и переночевала, но несомнѣнно, что въ седьмомъ часу утра она была уже въ Свѣчномъ, гдѣ, въ отсутствіи Худина, она встрѣтила возвращавшагося съ ночнаго извоза другого работника—Михаила Андреева, сказала ему, что отъ конюшни, гдѣ стояли въ то время пролетка и похищенная лошадь, ключъ затерянь, и помогала ему распредить лошадь и вымыть дрожки. Потомъ пошла продажа лошади на конной, потомъ Островлева присутствовала при возвращеніи крестнаго хода съ Лавры, потомъ ѣдила покупать шампанское, груши и сласти для Маріи Читау, но едва возвратилась съ этой довольно странной при тогдашнихъ ея условіяхъ поѣздки, какъ была позвана въ полицейскій участокъ, гдѣ она созналась тотчасъ же не только въ продажѣ лошади, въ чемъ была уличаема покупателями, но и въ поѣздѣ съ Худинымъ на Лахту.

Я постарался выжать весь сокъ изъ самаго дѣла, исчерпать все по дѣлу точно извѣстное. Этого матеріала хватить ли на разрѣшеніе перваго уголовного вопроса, на которые разлагается по 754 ст. уст. уг. с. всякое уголовное дѣло: совершилось ли событіе преступленія? Да, совершилось нападеніе въ извѣстный день и часъ, на извозчика Савина двумя лицами, открытою силою и съ нанесеніемъ ему ранъ, сопровождаемое похищеніемъ у него вещей: дѣйствіе, очевидно, преступное и притомъ тяжко преступное, но при всей несложности и простотѣ вмѣняемыхъ обвиняемымъ дѣйствій, вы, господа присяжные, должны подумать, какъ вы ихъ будете опредѣлять, съ тѣмъ, чтобы потомъ ихъ подвести, какъ того требуетъ обвиненіе, подъ понятіе *разбой*. Для понятія разбоя, по нашему закону, необходимо, чтобы нападеніе на личность было переходною ступеню и

средствомъ для нападенія на имущество.—Если эта корыстная цѣль не направляла ударовъ на лицо, если нападеніе не было ради грабежа, тогда дѣянія раздваиваются и образуютъ отдѣльные два преступленія: нанесеніе ранъ, оказавшихся легкими, а, можетъ быть, и покушеніе на убійство, если признано, что было намѣреніе убить поражаемаго, и затѣмъ кража или грабежъ. Савинъ ничего не знаетъ о намѣреніяхъ сѣдоковъ, онъ только умоваключаетъ, что, такъ какъ на него напали безъ всякой причины, то, должно быть, намѣревались его убить съ тѣмъ, чтобы затѣмъ ограбить, что, конечно, сводится къ разбою. Сами обвиняемые либо сочиняли при слѣдствіи, либо сочиняютъ теперь. Островлева утверждала при слѣдствіи, что она была невольной зрительницей драки, кончившейся паденіемъ за смертью Савина, послѣ чего была увезена въ пролеткѣ, но участія въ происшествіи не принимала. Теперь она говоритъ, что она съ Худинымъ даже и не ѣздила. Худинъ рассказываетъ про какую то дѣвку, съ которою ѣхалъ, про трактиры, про драку, про бѣгство, съ намѣреніемъ бросить похищенное, но кончившееся тѣмъ, что онъ сказалъ себѣ: «все равно» и воспользовался похищеннымъ. На юридическомъ языкѣ его объясненіе сводится на нанесеніе легкихъ ранъ въ аффектѣ и на пришедшій послѣ извѣстнаго промежутка времени умыселъ присвоить чужое, безъ намѣренія грабить или обокрасть. Измѣните малую толику въ обстановкѣ дѣла, напримѣръ, допустите, что доказана цѣль, зачѣмъ Худину нужно было ѣхать на Лахту, тогда объясненіе приобрѣло бы высокую степень правдоподобія и тогда вы бы не затруднились признать нанесеніе ранъ въ аффектѣ и затѣмъ грабежъ или, можетъ быть, присвоеніе чужой собственности. Если, хотя въ одномъ изъ сѣдоковъ вы признаете намѣреніе ранить или убить, чтобы похитить, вы дадите утвердительный отвѣтъ по первому вопросу, но этотъ отвѣтъ, если и рѣшить участь главнаго дѣйствующаго лица, Худина, то нисколько не рѣшить участи Островлевой.

Вслѣдъ за первымъ вопросомъ, о событіи преступленія, безотносительно къ виновникамъ, долженъ быть поставленъ второй: было ли преступленіе дѣяніемъ каждаго изъ нихъ, а, слѣдовательно, было ли оно дѣяніемъ Островлевой? Вы необходимо должны будете вникнуть въ то: оба ли участвовали и въ одинаковой ли степени? Какова была доподлинно та связь, которая соединяла ихъ въ одномъ и томъ же преступномъ дѣлѣ?

Прослѣдимъ этотъ трудный вопросъ въ границахъ извѣстнаго. Островлева была несомнѣнно съ Худинымъ заодно, когда водила лошадь на конную площадъ, даже когда не допускала Андреева въ конюшню, гдѣ хранилось поличное: лошадь и пролетка. Раньше укрывательства и отчужденія враденаго имѣло мѣсто похищеніе, но въ немъ, по удостовѣренію самого потерпѣвшаго Савина, участвовалъ одинъ только Худинъ. До похищенія вещей имѣло мѣсто нападеніе на Савина. Если даже допустить, что женщина хватила Савина за волосы, то это не доказываетъ, чтобы она была главное лицо, чтобы она съ нимъ дѣйствовала по предварительному уговору и соглашенію. Когда нѣсколько лицъ дѣйствуютъ по соглашенію, то различаются голова, которая дѣло задумала и подняла на него другихъ или такъ называемый подстрекатель и рука, которая исполняла дѣло. Наказаніе для тѣхъ и другихъ одно, но подѣ условіемъ, что они сговорились; если же они не сговорились, то каждый отвѣчаетъ только за ту часть общей работы, которую онъ самъ совершилъ. Въ настоящемъ дѣлѣ есть обстоятельство маленькое, но вѣское, обнаруживающее, что женщина не была подстрекательницей Худина и даже, что сомнительно, было ли между ними соглашеніе; это слова, влагаемая Худину въ уста Савинымъ: «чтожь ты смотришь?» Этого зова женщина послушалась, значить, одолѣть Савина помогла. Значить, этотъ зовъ можетъ быть и толкнулъ ее внезапно на задуманное имъ преступленіе. Если вы само дѣяніе, какъ разбой, отнесете на Худина, то относительно Островлевой

будете поставлены въ недоумѣніе: участвовала ли она въ разбоѣ или только въ нападеніи на личность Савина. Правда, этотъ человѣкъ только работникъ, только слуга, а она барышня и хозяйка, которая не давала спуску рабочимъ, а иногда лупила ихъ кнутомъ, но это такая барыня, которая и полы мыла, и кушать рабочимъ готовила, и по трактирамъ ходила, и которую работникъ, если вѣрять Савину, тыкалъ («чтожь ты смотришь?»). Притомъ, этотъ работникъ человѣкъ смысленный, здоровый и такой, который, при извѣстной сметкѣ, могъ управлять сумасшедшею, зная какъ на нее вліять. И такъ, даже второй вопросъ не разрѣшается ясно, но второй вопросъ: было-ли событіе дѣяніемъ Островлеовой? несравненно легче рѣшается, нежели третій: можетъ-ли быть вмѣнено ея дѣяніе въ вину, то-есть, можетъ-ли быть возложена на нее полновѣсная за это дѣяніе ответственность? Законъ уголовный не представляетъ вамъ права судить такъ называемыхъ, когда-то, «людей Божіихъ», иными словами, тронутыхъ, помѣшанныхъ. Ст. 95 ул. гласить: не вмѣняется въ вину преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ или сумасшедшимъ, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій по состоянію своему въ то время не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія. Эта статья немного устарѣла; вотъ какими чертами изображаются причины невмѣняемости въ теоріи и въ новыхъ законодательныхъ проектахъ: невмѣняемо дѣяніе, учиненное лицомъ, которое по недостатку умственныхъ способностей или по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности или по бессознательному состоянію не могло во время учиненія дѣянія понимать свойство и значеніе совершаемаго или руководить своими поступками. По отношенію къ Островлеовой выдвигается на первый планъ психологическій вопросъ о ея душевномъ здоровіи вообще и въ особенности о ея состояніи въ ночь съ 29 на 30 августа. На этотъ конецъ вызывались свидѣтели, выслушана рѣдкая по своей вѣскости

и по своему авторитету экспертиза. Моя задача скромная: собрать и сопоставить данные слѣдствія и заключенія экспертовъ; изъ этихъ данныхъ и этой экспертизы слѣдуетъ, что Островлева, хотя можетъ быть не безопасный, но находящійся въ состоянїи невмѣяемости человекъ, что ей предстоитъ не наказаніе, а леченіе, не тюрьма, а больница для умственно-разстроенныхъ, какъ покушавшемуся на самоубійство субъекту.

Вступая въ эту область, въ которой только изрѣдка приходится странствовать юристу, я считаю необходимымъ предпослать разбору душевной организаціи Островлевой нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Давно оставлено понятіе о томъ, что человекъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей—души и тѣла. Болѣзни души обусловлены недостатками и болѣзнями той части тѣла, которая служитъ органомъ сознанія и мышленія, то-есть мозга, а такъ какъ мозгъ есть средоточіе нервной системы, то, хотя не всякое нервное или мозговое страданіе есть душевная болѣзнь, но всѣ душевныя болѣзни суть вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзни нервныя и мозговыя, такъ что въ область психіатріи входятъ и падучая болѣзнь, и истерія, и отравленіе себя человекомъ, вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками или, такъ называемый, алкоголизмъ. Судъ не можетъ не воспользоваться при возбужденныхъ вопросахъ о вмѣяемости содѣйствіемъ психіатровъ, которые одни способны опредѣлить болѣзнь мозговую и ея отраженіе на всѣхъ отправленияхъ человека психическихъ. Вопросъ съ перваго разу кажется какъ будто-бы простъ: здоровъ ли субъектъ душевно или онъ душевно боленъ? На дѣлѣ рѣшеніе его можетъ быть весьма затруднительно, потому что дѣленіе установила логика, аналитическій разумъ, а всѣ логическія построенія расходятся съ дѣйствительною жизнью; гдѣ умъ проводитъ черты и грани, тамъ существуютъ только едва замѣтные переходы отъ свѣта къ тѣни, едва уловимыя перебивы красокъ безъ всякихъ точныхъ очертаній. Вы не можете отмѣтить часть и

день, когда человекъ, приходя въ возрастъ, долженъ быть признанъ дѣеспособнымъ. Вы не отмѣтите, когда именно больной выздоровѣлъ, гдѣ кончается чудачество и гдѣ начинается психозъ, гдѣ психопатическое состояніе превращается въ опредѣленную форму сумасшествія. Мы унаслѣдовали отъ родителей, мы всосали въ себя съ молокомъ кормилицы и воспитаніемъ всю цивилизацію нашего племени и вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ зародыши, всѣ предрасположенія къ болѣзнямъ физическимъ и психическимъ. Эти зародыши могутъ въ насъ развиваться и заражать весь нашъ душевный организмъ, но это дѣлается не вдругъ. Надлежало бы отмѣтить нѣсколько состояній, нѣсколько ступеней: полное здорье, полное сумасшествіе и промежуточное: психопатическое состояніе еще не опредѣлившееся въ типическихъ формахъ извѣстной болѣзни. Нѣкоторые законодательства, вслѣдствіе того, и устанавливали состояніе полной вмѣняемости, полной невмѣняемости и ослабленной или уменьшенной вмѣняемости съ пониженіемъ наказанія на одну, двѣ или три степени. Новѣйшіе кодексы идутъ однако по противоположному направленію, равно какъ и наше уложеніе. Они разрѣшаютъ вопросъ по моему мнѣнію рѣзко и грубо: либо лицо способно самоопредѣляться, либо неспособно?—Юристы, напр. *Таганцевъ*, утверждаютъ, что логически можно признать одно изъ двухъ: или наличность или отсутствіе этой способности.—Этимъ сторонникамъ строгой логики можно бы возразить: ваши построенія логичны, но въ то же время неестественны; ваша теорія можетъ стѣснить и экспертовъ и судей, поставить ихъ въ положеніе неудобное. Предъ вами можетъ стоять человекъ, на которомъ крупными чертами написано что онъ тронутый. Еще нѣсколько шаговъ и тускло мерцающій, еле дымящійся огонекъ сознанія потухнетъ. Что онъ больной, это твердятъ на своемъ греко-латинскомъ языкѣ люди опытные, причемъ признавая за нимъ психопатическое состояніе, они обличаютъ предъ вами всѣ уродливости устройства, всѣ не-

правильности душевныхъ отправленій. Не ихъ дѣло признать невмѣняемость—это вопросъ юридическій, рѣшимый только вами, гг. присяжными засѣдателями и судьями. Эксперты выражаются осторожно, потому что больной не совсѣмъ еще лишенъ сознанія, вяжетъ одну идею съ другою, что-то чувствуетъ и дѣйствуетъ съ нѣкоторою цѣлесообразностью. Эксперты говорятъ, что этотъ человѣкъ больной, а безответственъ ли онъ, то вы рѣшите сами; мы бы его не колеблясь отнесли къ людямъ, обладающимъ уменьшенной вмѣняемостью. Такъ отвѣтилъ, по крайней мѣрѣ, экспертъ Чечотъ, когда я ему поставилъ прямо этотъ вопросъ. Тогда трудный вопросъ ложится на васъ, господа, камнемъ; у васъ вышибаютъ изъ-подъ ногъ правильное третье и васъ принуждаютъ рѣшать по одному изъ двухъ предположеній: либо этотъ человѣкъ совершенно здоровъ и отвѣчаетъ за свои дѣла, какъ и всякій другой здоровый; либо онъ помѣшанный, для котораго не существуетъ ни судъ ни законъ. Вы станете въ тупикъ, а въ уголовномъ дѣлѣ, какъ вамъ, вѣроятно, разъяснитъ предсѣдатель, сомнѣніе истолковывается въ смыслѣ наиболѣе человѣколюбивомъ, въ пользу подсудимаго. Къ такому рѣшенію предрасположили васъ и эксперты, которые, раскрывъ всѣ уродства этой ненормальной организаціи объяснили, что она безповоротно обречена на постепенное вырожденіе и гибель. Я и не сомнѣваюсь, что вы неизбежно придете къ этому именно заключенію.

Юлія Островлева родилась въ Тулѣ, на Рождествѣ, 1855 г., въ моментъ событія ей было 25 лѣтъ. Извѣстно, какое громадное значеніе имѣетъ въ психіатріи наслѣдственность. Отецъ ея страдалъ невралгіею и напивался часто. Мать и бабка по матери были нервныя, вспыльчивыя, истерическія женщины. Въ двѣ недѣли послѣ рожденія, отъ приливовъ крови къ головѣ у Юліи образовался рядъ абсцессовъ. Въ 7 лѣтъ она страдала галлюцинаціями зрѣнія, ей представлялись ходящими по комнатамъ и роющими въ комодахъ несуществующія

женщины. На 6-мъ году она сама, и почти шутя и играя, выучилась читать. Въ 1867 году отецъ умеръ, мать переселилась въ С.-Петербургъ и отдала дочь въ Маринскую гимназію. Здѣсь развитіе дѣвочки было быстрое, много общающее. Она обладала живымъ воображеніемъ, способностью воспроизводить образы, подражать и передразнивать, усваивать читаемое памятью, но сообразительность ея была слабая и къ математикѣ она была совсѣмъ неспособна. Съ 14 лѣтъ развитіе ея начинается останавливаться, а въ 16-тъ лѣтъ оно совсѣмъ остановилось, когда Юлія покинула гимназію, выйдя изъ 2-го класса (1871 года), вслѣдствіе неудавшагося экзамена. Впослѣдствіи времени она перестала читать даже любимыя до того ею книги, въ родѣ романовъ Дюма или Габорию, память ея ослабѣла, въ умственной функціи замѣтенъ регрессъ. Причина того обнаружена въ судѣ и заключается въ ея гидроцефализмѣ, въ дурномъ окостенѣніи ея рахитическаго черепа, въ неправильномъ строеніи этого черепа, со впадиною въ темени, съ горловидною выпуклостью затылка въ два вершка и съ соотвѣтствующею глубокою впадиною между костями верхнезатылочною и заднетеменною.

Невральгическое сложеніе и дурное строеніе черепа еще не сумасшествіе, къ нимъ присоединяется новая ненормальность: извращенное половое чувство, влеченіе къ однимъ только женщинамъ, такъ называемая лесбійская любовь. Оно, въ данномъ случаѣ, не было слѣдствіемъ злоупотребленія и разврата, но какъ нѣчто врожденное и обнаруживающееся съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Съ восьми лѣтъ она влюблялась въ знакомыхъ матери и ея жиличекъ. Въ 15-мъ году одно ея влеченіе не превратилось въ любовь потому только, что объектъ былъ не эстетиченъ и грубоватъ. Въ 16-мъ году жизни, томъ самомъ, въ которомъ она покинула гимназію и стала менструировать неправильно съ маточною коликою, выдѣляя меньшее противъ обыкновеннаго количество крови, наступило сближеніе Островлевоу съ

первымъ лицомъ, по отношенію къ которому она, по ея словамъ, испытала настоящую любовь. Это лицо была какая то полька, которая уже перестала имѣть любовниковъ. Связь эта продолжалась много лѣтъ, несмотря на частые отъѣзды польки за границу. При свидѣтельствѣ Островлевой обнаружено было, правда, одно обстоятельство, о которомъ не знали ея родные, которое было совершенною тайною для ея матери, что Островлева рожала. Ребенокъ ея, какъ говорили при слѣдствіи, живъ еще и находится на воспитаніи гдѣ-то въ Варшавѣ. По слышаннымъ отъ нея рассказамъ, она отдалась одному мужчинѣ, которому была чѣмъ-то обязана, отдалась безъ увлеченія, безъ физическаго удовольствія. Едва ли по отношенію къ этому ребенку она питаетъ какое нибудь чувство, похожее на материнское. Любовь къ мужчинѣ была въ ея жизни скоропреходящимъ эпизодомъ, между тѣмъ за женщинами она ухаживала постоянно, заводя эти знакомства и храня ихъ въ величайшемъ секретѣ. Ея родные и знакомые утверждаютъ, что Островлева имѣла отвращеніе къ мужчинамъ. Экспертъ, докторъ Смольскій, смягчая это выраженіе, склоняется къ допущенію полнаго равнодушія къ мужчинамъ. Это равнодушіе устраняетъ возможность предположенія ея любовныхъ отношеній къ ея работникамъ, въ томъ числѣ къ Худину, къ мужикамъ, на которыхъ Островлева, крутая барыня, проявляла свою власть, которыхъ иногда лупила кнутомъ и называла обыкновенно: «хамами». Догадки, въ которыя пускалось обвиненіе, основанныя на томъ, что у Островлевой оказалась фотографическая карточка Худина, и которыя доходили до того, что Худинъ предполагается отцемъ ребенка, воспитывающагося въ Варшавѣ, просто фантазіи, ни на чемъ не основанныя. Отецъ ребенка былъ «кавалеръ», по словамъ Маріи Читау, купеческій сынъ — по словамъ г-жи Щегловой, вообще человекъ хорошо образованный, по словамъ обѣихъ; рожденіе относится, по свидѣтельскимъ показаніямъ,

къ 1878 году, т. е. къ тому же году, когда Худинъ нанялся служить у Островлевоу. Фотографическая карточка найдена не въ альбомѣ, а гдѣ то въ кламѣ, въ ящикѣ съ платьями; были карточки и другихъ лицъ изъ прислуги. Замѣчу, что предположеніе о связи съ Худинымъ, способное сильнѣе загрязнить Островлеву, нисколько не подрѣзываетъ обвиненія, а ослабляетъ его, напротивъ того, по отношенію къ Островлевоу, потому что влюбленная сумасшедшая не перестаетъ быть сумасшедшею, но ставится на видъ причина, вслѣдствіе которой она могла быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своего любовника. Вслѣдствіе равнодушія къ мужчинамъ и влеченія къ женщинамъ, которое Островлева однако скрывала, жизнь ея выходила двойственная: одна—для родныхъ и знакомыхъ семьи, другая—для того свѣта, въ который она проникала для своихъ любовныхъ похожденій. Разсмотримъ эту двуличную жизнь этого страннаго существа, которое не симулировало ничего и не обманывало, но стыдилось однако рассказывать предъ родными о томъ, куда ее увлекалъ извращенный половой инстинктъ.

Наружно и предъ родными Островлева была казакъ въ юбкѣ, лицо, по ошибкѣ, родившееся женщиною, но надѣленное съ избыткомъ всѣми мужскими свойствами, доведенными до крайности, до удалства, задора и ухарства. И голова у нея большая стриженная и черты лица мужскія и голосъ въ минуты возбужденія звучитъ металлически, какъ труба. Она своенравна, упряма, смѣла до дерзости, самонадѣянна, дива. Она любитъ до страсти наряжаться мужчиною, то въ пиджакъ и брюки купчикомъ-прикащикомъ, то въ извожничій армякъ, любитъ мистификаціи, любитъ отвозить домой знакомыхъ, и свезти ихъ куда нибудь, особенно, когда они ее не узнаютъ. Возрастающее преобладаніе мужскаго въ характерѣ заслоняло совершающееся огрубѣніе и отупѣніе умственное, отвычку читать, пренебреженіе къ тонкому ловкому труду и обращеніе къ самому грубому физичес-

кому, требующему только силы мускуловъ и выносливости, къ стиркѣ, мытью половъ, скребанію лошадей и т. п. Трудъ всегда почтененъ, трудъ притомъ свободенъ, надо предоставить по возможности всякому заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ любитъ заниматься. Родные разсуждали такъ: оставила гимназію—нехорошо; заниматься чѣмъ-нибудь—хотя бы подрядами на сметаніе снѣга—ладно. Подрядъ не пошелъ. Островлева взялась за извозъ, за 500 руб., занятые у Карпова; по словамъ родныхъ, она вложила въ извозъ всю свою душу — и то похвально. Такова одна всѣмъ видимая сторона жизни и дѣятельности Островлевой.

Была и другая—таинственная. Подъ предлогомъ того, что она любитъ «дурачиться» и «куралѣситься», Островлева бываетъ въ публичныхъ домахъ, избѣгая порядочныхъ удовольствій, баловъ, театровъ, она заводитъ знакомства съ женщинами полусвѣта, съ содержанками. Помимо нея раскрылись слѣды событій, хранимыя въ секретѣ, напримѣръ, рожденіе ребенка, случившееся внѣ дома и скрытое отъ матери-акушерки. Ея отношенія къ множеству женщинъ, мелькающія тѣнями, были совсѣмъ загадочны, не будь клиническихъ наблюденій надъ Островлевою въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Она обожала избираемые ею предметы страсти, неразборчивая въ словахъ, она становилась съ ними конфузлива и стыдлива и нерѣдко доходила по отношенію къ нимъ до степенъ болѣзненной патологической ревности, требующихъ вмѣшательства начальства. Но природное неправильное направленіе похоти не есть еще сумасшествіе. Противоестественное удовлетвореніе половой похоти весьма распространено. Посему, не останавливаясь долѣе на этой ненормальности, иду дальше и указываю еще на одну неправильность довольно рѣдкую въ женщинахъ того же состоянія какъ и она, а именно, на ея склонность къ алкоголизму. Во многихъ случаяхъ пьянство является порокомъ наслѣдственнымъ. У Островлевой этотъ порокъ могъ быть унаслѣдованъ отъ отца. Она

стала употреблять крѣпкіе напитки по выходѣ изъ гимназіи, предпочитала вино и водкѣ ликеры и коньякъ. Пьяною ее не видали, но она признавалась, что напивалась, когда ее тоска брала, чтобы забыться, напримѣръ, послѣ отрѣзанія языка у лошади.

Такимъ образомъ, въ этомъ ненормальномъ существѣ есть два органическіе недостатка, невольные, прирожденные и нѣкоторая можетъ быть наслѣдственная наклонность къ пьянству, располагающему къ душевному заболѣванію. Машина, какъ видите, была плохая и испорченная; когда машина плоха, то она не можетъ хорошо дѣйствовать. Прирожденное уродство и проистекающее отъ него уродливое состояніе проявлялись въ Островлевой на каждомъ шагу и притомъ усиливаясь. Всѣ акты ея жизни психической запечатлѣны были страданіемъ.

Начнемъ съ *мысленія*. Въ ея развитіи поражаетъ односторонность и соответствующая ей ограниченность. Умственный застой и какъ будто лѣнь наступила послѣ юркаго и много обѣщавшаго дѣтства. Живость воображенія оставила свой слѣдъ только въ наклонности къ грубой шуткѣ, сопровождаемой наклонностью къ смѣшливости, къ безпричинному и неумолкающему хохоту. Правда, Марія Читау 2 находила, «что Островлеву слушать все равно, что Щедрина читать» и удивлялась ея «чисто русскому уму», но въ этомъ отношеніи я скорѣе повѣрю ея матери, г-жѣ Читау 1, которая считала Островлеву веселою, но глуповатою дѣвушкою. Въ умѣ ея полное отсутствіе сообразительности, слабость разсудка подмѣчены при наблюденіяхъ клиническихъ и нелѣпыя идеи насильственно навязывающіяся представленія (*Zwangsvorstellungen*) напримѣръ, когда въ пріютѣ у доктора Чижана она воображала, что можетъ сдѣлаться беременною вслѣдствіе того, что выкупалась въ ваннѣ, въ которой купались и мужчины. И въ пріютѣ и въ больницѣ св. Николая на нее находила манія преслѣдованія. Она считала себя униженною и напрасно оскорбленною, когда родные принесли ей разъ коробочку съ

конфектами, повязанную не ленточкою, а веревкою. Одной из таких двух идей достаточно бы для признанія субъекта маніякомъ, если бы эта идея устойчиво засѣла въ голову, но у Островлевоу вслѣдствіе необычайной подвижности мышленія эти навязчивыя или ложныя идеи проходили не образуя устойчивыхъ составовъ.

Въ ея способности *чувствованія* были большія различія по состоянію нервовъ. Наблюденіями подмѣчены два такія состоянія: *одно, обыкновенное*, весьма далекое, однако, отъ нормальнаго и другое, *необыкновенное*, подраздѣляющееся на угнетенное и возбужденное. Необыкновенное состояніе находилось въ близкой, хотя и не безусловной связи съ неправильною и запаздывающею менструаціею. Даже въ обыкновенномъ быту она отличалась слабостью. Большая слабость сосудодвигательнаго снаряда производила то, что не смотря на свое анемическое малокровное сложеніе, она въ одинъ мигъ мѣнялась въ цвѣтѣ лица, переходя отъ мертвенной блѣдности до темно-розовой окраски. Она была причудлива во вкусахъ, въ дѣтствѣ пожирала уголь и сальныя свѣчи, боялась темноты, имѣла многія идіосинкразіи, безъ повода смѣялась и плакала, то привязывалась къ людямъ и предметамъ, то отталкивала ихъ безъ причины. Съ неимовѣрною быстротою смѣнялись въ ней душевные акты и переходы отъ мрачнаго настроенія къ веселому и наоборотъ. Въ возбужденномъ, необыкновенномъ состояніи она страдала частыми истерическими припадками (иногда по два раза въ недѣлю), сопровождаемыми спазмами въ горлѣ. Бывали сильныя порывы аффекта: глаза горѣли, она топала ногами, била кулакомъ по столу, вырывала у себя волосы, кричала, узнавъ о случившемся съ лошадыо: «лучше бы меня убили». Въ больницѣ она раздражалась противъ больныхъ, била ихъ, когда они дотрогивались до ея вещей, рвала книжки, лазила по мебели, кричала громко, требуя вина. Аффектъ превращался иногда въ неистовство и доходилъ до богохуль

ства, до попытокъ срывать иконы, чтобы бросать ихъ за окно. Два раза въ пріютѣ неистовство кончилось моментомъ полного бреда, причемъ зрачки расширились, кожа была горяча, сознание отсутствовало. По всей вѣроятности, въ одномъ изъ такихъ припадковъ неистовства съ бредомъ она покушалась въ домѣ предварительнаго заключенія на самоубійство; по свидѣтельству завѣдующаго тюрьмою, г. Сенчевскаго, она въ одинъ день, въ теченіи не болѣе 40 минутъ времени, повѣсилась на рукомойникѣ, такъ что ее привели потомъ въ чувство растираніемъ, затѣмъ пыталась удавиться тесемкою, на которой носила крестикъ на шеѣ, наконецъ, пробовала кинуться чрезъ перила съ высоты 3-го этажа тюремной лѣстницы внизъ на площадку. Самоубійство не есть неизбѣжный признакъ сумасшествія, но изъ показанія эксперта проф. Мержеевского, вы узнали, гг. присяжные, что, по статистическимъ свѣдѣніямъ, третья часть самоубійствъ совершается въ приступахъ душевныхъ болѣзней, а двѣ трети приходятся на всѣ остальные причины: пьянство, матеріальныя потери, горе и обиды, страхъ наказанія, несчастная любовь. Если принять въ соображеніе странную и неестественную напряженность стремленія къ самоубійству (три покушенія въ одинъ часъ), то сама эта напряженность наводитъ на предположеніе о бредѣ, о страсти все разрушать, начиная съ самой себя. Конечно, въ этотъ часъ Островлева была въ состояніи полной невмѣняемости, но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что причины, вызывавшія приступы неистовства, обнаруживали свое неизбѣжное вліяніе и на образъ дѣйствій Островлевой, даже въ обыкновенномъ спокойномъ ея состояніи.

Что касается до проявленій силы воли, то Островлева никому не подчинялась, была своенравна и упряма, обращалась съ людьми и съ животными то нѣжно, то жестоко, но безъ всякой послѣдовательности, толку и причины. Добро и зло, ласка и гнѣвъ, изливались внезапно и неожиданно, не какъ разсудкомъ руководимыя

дѣйствія, а какъ необъяснимые и даже бессознательные импульсы, вырастающіе на почвѣ совсѣмъ уродливаго психопатическаго сложенія. Безпричинность поступковъ, отсутствіе мотивовъ, такова самая характерная особенность ея поведенія. Здѣсь мы наталкиваемся на коренной, раздѣляющій юристовъ и фізіологовъ вопросъ о свободѣ человѣческой воли, вопросъ котораго я не могу не коснуться, и коснусь чтобы устранить всѣ недоразумѣнія.

Разладъ между юристами и естественниками по этому вопросу существуетъ болѣе на словахъ нежели на дѣлѣ. По старой памяти, по привычкамъ мышленія, дѣяніе представляется обыкновенно юристу не какъ результатъ мотивовъ, но какъ произведеніе свободной воли, которая будто бы опредѣляетъ человѣка къ дѣйствию, сама будучи не опредѣлима и выбирая мотивы подставляетъ тотъ или другой изъ нихъ. Если бы эта теорія была вѣрна, то въ дѣйствіяхъ человѣка не надо бы и доискиваться мотива, такъ какъ главное было бы не мотивъ, а та свобода воли, которая подставляетъ любой мотивъ безъ всякаго къ тому основанія и причины. Если бы эта теорія была вѣрна, то всѣ дѣйствія свободныя нормальнаго человѣка должны бы разсматриваться какъ безпричинныя. Такой выводъ ежеминутно опровергается опытомъ. Во всякомъ уголовномъ дѣлѣ и присяжные и судьи доискиваются прежде всего цѣли преступника, т. е. мотива дѣйствія и успокоиваются вполне только тогда, когда они эту цѣль оцупали. Имъ всегда тяжело присуждать кого нибудь по одной догадкѣ, что у обвиняемаго своя цѣль была, но отъ суда скрыта. Когда мы знаемъ человѣка добрымъ или злымъ, то мы съ математическою точностью можемъ предсказать, что въ данномъ случаѣ онъ поступитъ неизбежно, неизмѣнно и роковымъ образомъ, невольно, хотя и сознательно такъ, а не иначе. Если разобрать всѣ пружины, которыя заставляютъ человѣка дѣйствовать, то ихъ окажется не много, а именно только три и не болѣе: либо страсть

либо умъ, или иначе расчесть, либо, наконецъ, удовольствіе, ощущаемое человѣкомъ безъ отношенія къ нему самому при созерцаніи нравственной красоты или добра, удовольствіе, которое называютъ еще иначе, а именно. иногда, нравственнымъ чувствомъ, иногда, совѣстью, Если человѣка одолѣетъ буря страсти, если она, насилуя его умъ, заставитъ его составить плохой расчесть, тѣмъ хуже для человѣка; въ немъ звучало въ моментъ дѣйствія нравственное чувство, подсказывавшее ему, что ему надо было дѣлать. Во всякомъ случаѣ, выборъ мотива совершился неизбежно въ пользу сильнѣйшаго изъ мотивовъ, сильнѣйшаго, разумѣется, индивидуально, оказывающагося самымъ могущественнымъ по особенностямъ характера дѣйствующаго лица. Если въ борьбѣ одолѣлъ преступный мотивъ, то, хотя рѣшеніе вышло произвольное, человѣкъ вполнѣ отвѣтствуетъ за дѣло потому, что онъ поступилъ сознательно. Онъ долженъ пострадать за недостатокъ нравственнаго чувства, котораго онъ не выработалъ, впрочемъ, въ теченіи всей своей жизни предыдущей. Вы его осудите потому что вы бы не могли поступить такъ какъ онъ, а по необходимости поступили бы лучше и честнѣе. Вы по этой мѣркѣ судите и себя и всѣхъ другихъ нормальныхъ людей, похожихъ на васъ, но если вы сталкиваетесь съ непохожими, ненормальными, сумасшедшими, дѣйствующими безъ достаточной причины, безъ разсудка, безъ сознаваемыхъ мотивовъ, то ваша мѣрка оказывается уже непригодною для оцѣнки поступка. Я васъ попрошу прослѣдить съ этой точки зрѣнія за Островлевою. Уродливость ея организаціи и та степень вырожденія до котораго она дошла, заставляють сомнѣваться, обрѣтается ли она когда либо, даже когда она спокойна, въ состояніи вмѣняемости. Сверхъ того, если вникнуть въ образъ ея дѣйствій, въ ночь, съ 29 на 30 августа 1881 года, то нельзя не признать, что оно носитъ на себѣ признаки полной непослѣдовательности, полного непониманія ни опасности дѣйствія, ни его послѣдствій.

Никакого интереса Островлева не могла имѣть въ разбоѣ. Ея денежныя дѣла не были запутаны, никакихъ взысканій на нее не поступало, если бы взысканіе поступило, то она могла, во всякомъ случаѣ, получить средства тотчасъ же безъ затрудненія отъ знакомыхъ. Самая сумма, которую бы можно выручить продажею наскоро похищенныхъ вещей, была бы столь незначительна, что не могла бы поправить положенія Островлевой, если бы оно и было дурное. Итакъ, цѣль дѣйствія представляется въ видѣ чернаго пятна.

Островлева утверждаетъ, что болѣзнь подружки консерваторки навела на нее, 29-го августа, неодолимую тоску, отъ каковой тоски спасаясь, она выпила цѣлый графинъ ликеру и впала въ полусознательное состояніе (замѣтимъ, что 29-е августа, было днемъ только что окончившейся менструаціи).

Встрѣтивъ Худина, отпросившагося на Лахту, Островлева предложила себя въ спутницы, чтобы ѣхать, куда глаза глядятъ, чтобы разсѣяться. Островлева была весьма откровенна съ судебнымъ слѣдователемъ и врачами и относительно поѣздки, и относительно продажи лошади, и относительно самыхъ интимныхъ подробностей ея жизни домашней, но о происходившемъ между Старою Деревнею и Лахтою, она не объясняется никакъ, она упорно обходить этотъ предметъ. Очень вѣроятно, что и эта сцена сохраняется въ ея представленіяхъ и памяти въ видѣ чернаго пятна, что она почти ничего не помнитъ, потому что была подъ двойнымъ давленіемъ испытанной тоски и опьяненія отъ выпитаго ликера. Не знаю, имѣлъ ли Худинъ намѣреніе грабить, когда отправлялся на Лахту, но онъ зналъ, что ѣдетъ съ нимъ женщина не въ здоровомъ умѣ, онъ могъ при этомъ имѣть свой расчетъ. Нормальная женщина не поѣхала бы съ рабочимъ, не поѣхала бы ночью на Лахту, не стала бы простою зрительницею совершающагося предъ нею разбоа, а тѣмъ болѣе участницею; бѣжала бы отъ Худина, дала бы знать въ полицію. Съ сумасшедшею и пьяною легче

было справиться. Худинъ ее посадилъ въ пролетку обѣщаясь лошадей и пролетку бросить, свезъ ее на Разъѣзжую. На другой день, отправившись въ Свѣчной, она съ ужасомъ увидѣла, что пролетка и лошадь тамъ, а вдобавокъ, Худинъ отнесъ сбрую и возжи въ ея квартиру. Тогда она рѣшилась сбыть поличное, она сбывала его торопливо и сознавала, что я признаю, грозившую опасность отъ преслѣдованія. Но при этихъ заботахъ ни малѣйшей осторожности; кажется, дѣлается все что только можно, чтобы ее тотчасъ накрыли и уличили. Притомъ, все настроеніе ея въ этотъ день, 30 августа, какое-то удивительно странное и вмѣсто тревожнаго, какимъ ему слѣдовало бы быть, радостно торжественное. Она весела до безумія и смѣшлива, устраиваетъ пирушки необыкновенныхъ размѣровъ, покупаетъ шампанскаго, дюшесъ, сластей, пишетъ смѣхотворную записку и пріѣзжаетъ со всѣми покупками домой, устраиваетъ угощеніе, въ тотъ почти моментъ, когда является полиція и требуетъ ее въ участоѣ. Послѣ смущенія при видѣ Савина въ участкѣ, она впадаетъ опять въ равнодушіе и во время обыска въ ея квартирѣ, когда къ ней пристають родные съ вопросами, либо отмалчивается, либо грызетъ сѣмечки. Спрашивается, какъ вы должны поступить съ этою странною и не въ своемъ умѣ находящеюся женщиною?

Здороваго человѣка вы бы осудили, потому что прежде чѣмъ онъ совершилъ злое дѣло, онъ его обдумывалъ; страсть, умъ, совѣсть боролись, страсть одолѣла разумъ и наложила молчаніе на протестующую совѣсть. Хотя рѣшеніе послѣдовало въ другую сторону, роковымъ образомъ, фатально, но человѣкъ сознавалъ свой долгъ, а слѣдовательно и свою отвѣтственность. Но въ Островлевоу мы имѣемъ дѣло съ разумомъ столь слабымъ, что его посѣщаютъ ложныя идеи. Всѣ волненія чувства порывисты и необузданны. Ежеминутно внезапное побужденіе, рождающъ въ области безсознательнаго и минуя всякій контроль разсудка и нравственнаго чувства во-

площается въ дѣло, не оставляя въ душѣ никакого воспоминанія о процесѣ, закончившемся рѣшимостью, о борьбѣ мотивовъ, объ отвѣтственности. Добираясь до корня зла въ дѣяніи, до причинъ недѣятельности разсудка, до слабости нравственнаго чувства, вы неминуемо наталкиваетесь не на личную вину и даже не на воспитаніе, а на уродливый отъ природы физическій организмъ, разстроенные нервы, превратные отъ самой природы половые инстинкты. Отъ природы это существо обречено на бредъ, на безумныя выходки, на бѣшенство, котораго жертвою дѣлается прежде всего оно само, посягая на свою жизнь. Иного исхода и не будетъ. Какая польза государству, что эта осужденная зарѣжется или повѣсится. Не она первая, не она послѣдняя, много осуждаемо было и осуждается сумасшедшихъ. Это явленія печальныя, точно упреки нашей цивилизаціи. Вы не рѣшитесь это печальное явленіе допустить. Надъ этою женщиною тяготѣетъ проклятіе природы, ея не должна касаться казнь государственная.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были предложены судомъ слѣдующіе вопросы:

1) Доказано ли, что въ ночь на 30-е августа 1881 года, на проѣзжей дорогѣ между Старой Деревней и Лахтой, произведено было нападеніе на легковаго извозчика Даніила Савина съ цѣлью открытаго похищенія его имущества, для чего ему были нанесены раны по головѣ и по лицу какимъ либо острымъ и тяжелымъ орудіемъ, причѣмъ онъ былъ поваленъ на землю съ угрозами забить его до смерти, а затѣмъ съ него снято было платье, которое и было похищено вмѣстѣ съ его лошадыю и пролеткою.

2) Если описанное въ первомъ вопросѣ событіе доказано, то было ли оно дѣяніемъ подсудимой Юліи Всеволодовой Островлевоѣ?

3) Если подсудимая Юлія Островлева совершила описанное въ первомъ вопросѣ дѣяніе, то доказано-ли, что она дѣйствовала притомъ въ точно доказанномъ припадкѣ умопомраченія или совершеннаго безпамятства?

4) Если описанное въ третьемъ вопросѣ не доказано, то виновными также Юлія Островлева въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ?

5) Виновенъ-ли подсудимый крестьянинъ Антонъ Павловъ Худинъ въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ?

Присяжные засѣдатели первоначально отвѣтили: на 1-й вопросъ— «Похищеніе доказано, но безъ нападенія»; на 2-й—«Да, было»; на 3-й— «Да, доказано»; на 5-й—«Да, виновенъ, но заслуживаетъ полнаго снисхожденія»; 4-й же вопросъ оставили безъ отвѣта. Судъ, послѣ предварительнаго просмотра этихъ, отвѣтовъ *постановилъ*: имѣя въ виду, что гг. присяжными засѣдателями даны отвѣты только по нѣкоторымъ признакамъ преступленія, описаннаго въ 1-мъ вопросѣ, прочіе же признаки преступленія остались неразрѣшенными, что, въ виду этого приговора ихъ представляется неяснымъ, предложить гг. присяжнымъ засѣдателямъ возвратиться вновь для совѣщанія и постановленія приговора, причемъ разъяснить имъ ввовъ право представленное гг. присяжнымъ засѣдателямъ 812 ст. уст. уг. суд.

Въ 7 часовъ утра, 26 января 1883 года, присяжные засѣдатели вторично вынесли вердиктъ, коимъ фактъ приписываемаго подсудимымъ преступленія признали не доказаннымъ:

Окружный судъ, на основаніи 819 и 771 ст. уг. суд. *постановилъ*: подсудимыхъ Островлеву и Худина признать по суду оправданными.

На этотъ приговоръ прокуроромъ С.-Петербургскаго окружнаго суда былъ принесенъ въ уголовный кассационный департаментъ правительствующаго сената кассационный протестъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалось на неправильное возвращеніе судомъ присяжныхъ засѣдателей для постановленія ими новаго по этому дѣлу приговора и на нарушеніе 816 ст. уст. уг. суд.

Дѣло слушалось въ 3-мъ отдѣленіи уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената 26 марта 1883 г.

Интересы подсудимой Островлевоу передъ правительствующимъ сенатомъ поддерживалъ прис. пов. Спасовичъ.

25-го января въ 1-мъ отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда судилось много шуму и въ печати и въ обществѣ надѣлавшее дѣло Худина и Островлевоу. Глубокой ночью, къ утру присяжные отправились въ свою совѣщательную комнату; затѣмъ они вернулись съ отвѣтами, но были возвращены обратно предсѣдателемъ Н. И. Цухановымъ, по неудовлетворительности и неполнотѣ отвѣтовъ и по неадачѣ отвѣтовъ на всѣ предложенные имъ вопросы. Вотъ все, что мы могли узнать изъ втораго заключительнаго слова предсѣдателя, составленнаго, какъ это завела наша практика, въ темныхъ

и скрывающихъ по возможности содержаніе отвѣтовъ выраженіяхъ, вслѣдствіе чего всѣ эти переговоры предсѣдателя съ присяжными засѣдателями, хотя и согласно arbitris имѣли видъ съ одной стороны загадки, съ другой—оракула, да насколько извѣстно, и самъ оракулъ имѣлъ всегда видъ загадки. Когда присяжные вернулись вторично, то уже никакихъ колебаній и остановокъ не было, просто прочитано было ихъ рѣшеніе, отрицательнаго свойства. Только впоследствии открылось, что присяжные колебались, что фактъ преступленія въ извѣстной, хотя и малой его долѣ они сначала признали, но когда отъ нихъ потребовано категорически, чтобы они признали все, то они предпочли отвергнуть и эту долю, нежели взять на свою душу и отвѣтили на все—нѣтъ. Отъ нихъ требовали слишкомъ многого, чего они по совѣсти дать не могли, они бы дали то меньшее, если бы требовали его, но его не требовали. Открытіе это основано на однихъ умозаключеніяхъ. Еслибы, прочитавъ отвѣты и видя, что листъ испорченъ, судъ вернулъ присяжныхъ на второе совѣщаніе съ другими подписями или листомъ, а прежній листъ уничтожилъ, что онъ вправѣ дѣлать, чего никакой законъ не запрещаетъ дѣлать, то ходъ мыслей присяжныхъ и путь мыслей, по которому они пришли къ окончательному, единственно объявленному выводу, такъ и остался бы непроницаемою тайною; подумали бы что можетъ быть они вынесли бѣлый листъ безъ отвѣтовъ и потому ихъ вернули. Только потому, что окончательный отвѣтъ данъ на томъ же листѣ, съ которымъ присяжные пошли на первое совѣщаніе и что на немъ есть похѣренные строки вычерченные и плохо вычерченные, такъ что ихъ можно теперь прочесть, и что, вѣроятно, эти похѣренные строки всѣ не были написаны при второмъ совѣщаніи (что тоже могло бы быть) а при первомъ, кассационный протестъ прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда требуетъ кассациі всего производства, въ засѣданіи 25 января, всего цѣликомъ, и при посредствѣ слѣдующаго приема: все зачеркнутое

было уже написано при первомъ совѣщаніи и составляло тѣ первые отвѣты присяжныхъ, которые непонравились предсѣдателю и ради исправленія и дополненія которыхъ онъ присяжныхъ вернулъ въ ихъ совѣщательную комнату. Предсѣдатель виноватъ, совершилъ неправильность, заключающуюся въ томъ, что онъ ихъ вернулъ; не сдѣлай онъ того, рѣшеніе было бы объявлено, по объявленному рѣшенію состоялся бы обвинительный приговоръ суда, не относительно Островлевой, но относительно Худина, по которому обвиняемый Худинъ былъ бы приговоренъ къ наказанію, вслѣдствіе чего прокуроръ просить васъ кассировать приговоръ суда относительно Худина и относительно Островлевой и послѣднее рѣшеніе присяжныхъ и первое ихъ рѣшеніе и заставить вторично судить и Худина и Островлеву, въ сумасшествіи которой онъ не сомнѣвался, коль скоро онъ отстаиваетъ первое по его мнѣнію рѣшеніе присяжныхъ, а въ немъ Островлева признана дѣйствовавшею въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія.

Такова сущность протеста. Необычайность его и, я долженъ сказать, странность заключается въ томъ, что онъ выводится изъ основанія, которое не подлежитъ повѣркѣ какого бы то ни было суда, а слѣдовательно и сената, и по закону и по цѣлому ряду кассационныхъ рѣшеній, а слѣдовательно не подлежитъ и разсмотрѣнію. Совѣщаніе присяжныхъ есть тайна, объявляется только его результатъ; пока результатъ не объявленъ, слѣдовательно, и попространной неудовлетворительной рѣчи предсѣдателя, и послѣ его мистическаго объясненія, которое понимали только онъ и они, и послѣ удаленія ихъ на второе совѣщаніе, и послѣ новыхъ отвѣтовъ и провозглашенія ихъ, весь психологическій процессъ возникновенія этого рѣшенія долженъ по закону оставаться тайною, причемъ никто не долженъ знать, какіе голоса были поданы противъ подсудимыхъ, а равно, были ли подаваемы вообще голоса противъ подсудимыхъ, и въ какомъ порядкѣ, и при какомъ голосованіи. Эта ст. 677 уст. уг. суд. забыта.

Приподнимая завѣсу и нарушая законъ протестъ прокурора утверждаетъ, что сначала голосованіе было противъ **Дюно** изъ двухъ подсудимыхъ, а именно, Худина, что за Островлевою присяжные признали внѣшній фактъ, но устранили вмѣняемость, что именно съ такимъ, а не инымъ, отвѣтомъ явились присяжные предъ председателемъ. Спрашивается, доказалъ ли г. прокуроръ тотъ фактъ, изъ котораго онъ это заключаетъ. Не только не доказалъ, но и доказать не могъ, самъ фактъ принадлежитъ къ числу недоказуемыхъ по закону и эта его недоказуемость заключается въ вашихъ же рѣшеніяхъ, напримеръ, 1873 г. № 120, по дѣлу Полозова и Эдельберга, по которому присяжные дали одно рѣшеніе обвиняющее по опредѣленію вмѣняемости, а потомъ дали другое со-всѣмъ отвергающее фактъ преступности. Сенатъ нашель, что въ данномъ случаѣ дурно не то, что присяжные измѣнили діаметрально свое рѣшеніе, сначала да, потомъ нѣтъ, но что первое рѣшеніе было провозглашено, подвергалось критикѣ, и суда и сторонъ, возвращено присяжнымъ и ими измѣнено, послѣ еще двухъ совѣщаній, чѣмъ уроненъ и дискредитированъ ихъ авторитетъ потому что какъ вообще не можетъ быть двухъ по 'дѣлу противныхъ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, такъ не можетъ быть и двухъ вердиктовъ противныхъ одинъ другому присяжныхъ засѣдателей.

Я заявляю, что всю эту теорію сената, котораяшла свое выраженіе и точку апогея въ рѣшеніи по дѣлу Полозова и Эдельберга, считаю ошибочною и неправильною, ведущею къ непослѣдовательностямъ, что я готовъ и буду ее оспаривать; но пока она тверда и для васъ, какъ результатъ всей предшествовавшей дѣятельности учрежденія, должна имѣть твердость гранита. По крайней мѣрѣ, стоитъ надъ нею призадуматься, что ломать ее и отвергать въ засѣданіи отдѣленія кассационнаго департамента, то есть такого установленія, которое не трогаеть принципальныхъ вопросовъ, вельзя, надо, по

крайней мѣрѣ вопросъ этотъ обсудить въ засѣданіи цѣлаго департамента, а то окажется, что невзначай было разрушено то, надъ чѣмъ трудились лучшіе люди въ самую блестящую эпоху дѣятельности учрежденія. Если тайна совѣщанія присяжныхъ есть въ самомъ дѣлѣ тайна, то спрашивается, чѣмъ же доказалъ г. прокуроръ, что содержаніе первыхъ отвѣтовъ было то, а не другое, что поправки и исправленія явились не во время вторичнаго, а во время перваго совѣщанія. Неужели для разрѣшенія сомнѣній придется шарить въ газетахъ и выгаскивать изъ 2500 № «Новаго Времени» скандальное заявленіе одного изъ присяжныхъ засѣдателей, рассказывавшаго подробно, какъ что происходило, и какимъ числомъ голосовъ состоялось первое постановленіе.

Я говорю скандальное потому, что оно явное нарушеніе закона, запрещающаго эти разоблаченія, но не подвергающаго разоблачателя наказанію. Ясно, что на этомъ безымянномъ заявленіи основываться нельзя, придется произвести дознаніе, опросить и присяжныхъ засѣдателей и самого г. Цуханова, прежде чѣмъ удостовѣриться, что все было такъ, какъ утверждаетъ протестъ. Надѣюсь, что до столь печальнаго исхода мы не доживемъ и что не дойдетъ до незаконнаго изслѣдованія предметовъ, незаконнаго разоблаченія по дѣламъ, составляющимъ тайну, коль скоро сенатъ рѣшилъ, что и подписанные первые отвѣты присяжныхъ должны также составлять тайну. На этомъ основаніи, я смѣю думать, что всѣ толки о томъ, въ чемъ заключалось первое необъявленное и потомъ измѣненное, или замѣненное, или дополненное рѣшеніе присяжныхъ суть толки неприличные, невозможные, незаконные и потому прошу прокурорскій протестъ оставить безъ послѣдствій. Таково первое, но не самое главное основаніе моей защиты. Средствъ у меня бездна, я перехожу къ другимъ.

Протестъ прокурора содержитъ въ себѣ осужденіе:

- 1) того, что предсѣдатель отослалъ присяжныхъ ко второму совѣщанію, потому что
- 2) предсѣдатель долженъ

былъ не отсылая составить по первому рѣшенію присяжныхъ приговоръ. Допустимъ, что первое рѣшеніе извѣстно (чего нѣтъ). Тогда ясно, что протестъ возбуждаетъ два отдѣльныхъ вопроса: а) имѣетъ ли право вообще предсѣдатель отсылать присяжныхъ къ новому совѣщанію, при полномъ молчаніи на этотъ счетъ закона? и б) имѣлъ ли онъ возможность постановить приговоръ въ данномъ случаѣ по этому якобы извѣстному рѣшенію? то есть, содержало ли въ себѣ это рѣшеніе всѣ элементы, потребные для обрисовки фактической стороны дѣла, столь полно и обстоятельно, чтобы по этой обрисовкѣ можно было постановить рѣшеніе, покрывающее обвинительный актъ, и очерчивающее въ томъ или другомъ смыслѣ все обвиненіе, кончающее всѣ счеты по дѣлу подсудимаго съ обществомъ, ливвидирующее дѣло.

Имѣлъ ли право предсѣдатель, въ какомъ бы то ни было случаѣ вообще, отсылать своею властью присяжныхъ къ новому совѣщанію?

Законъ въ статьѣ 898 у. у. с. допускаетъ возвращеніе присяжныхъ, въ случаѣ недоумѣнія, для объясненій съ предсѣдателемъ, что должно дѣлаться при подсудимомъ, но не предвидитъ даже возможности дачи ими неполныхъ, неудовлетворительныхъ или противорѣчивыхъ отвѣтовъ, по которымъ нельзя составить приговора. Я самъ помню, какъ на первыхъ порахъ старшина, не предъявляя вовсе вопроснаго листа предсѣдателю, читалъ его громогласно и торжественно. Крайне ошибочно было бы заключить, что предсѣдатель долженъ всякимъ вердиктомъ довольствоваться. Ни въ одномъ законодательствѣ современномъ нѣтъ такого пробѣла, какой у насъ допущенъ. Судъ обязанъ по обвинительному акту во всѣхъ его статьяхъ постановить приговоръ, судъ матеріалъ для фактической части приговора заимствуетъ отъ присяжныхъ, которые обязаны очистить прямыми отвѣтами всѣ поставленные имъ вопросы притомъ такими отвѣтами, которые обнаруживаютъ, и что они само дѣло понимаютъ, что имъ понятенъ смыслъ

и того, въ чемъ обвиняется подсудимый и чего отъ нихъ требуютъ. Отъ нихъ никто не требуетъ отчета и не можетъ подвергать критикѣ ихъ *да* и *нѣтъ* по вопросу, но критикѣ не можетъ не подлежать а) формальная сторона ихъ дѣятельности, напр., чтобы отвѣты были даны и подписаны, и б) логическая сторона и вопросовъ и отвѣтовъ, зависимость этихъ вопросовъ и отвѣтовъ однихъ отъ другихъ. Если отвѣтовъ нѣтъ, или отвѣты бессмысленны, то пришлось бы терпѣть и допустить хроманіе правосудія, вслѣдствіе неудовлетворительнаго отправленія присяжными засѣдателями ихъ повинности, происходящаго, можетъ быть, отъ одного непониманія или недоразумѣнія, либо заставить судъ не отпускать присяжныхъ до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ своей повинности, въ полномъ ея объемѣ и до конца, безъ противорѣчій и послѣдовательно. На первыхъ же порахъ эта необходимость сказалась 1867 г., по д. Русакова и Марѣева № 605, очень схожему съ д. Островлевой. На одинъ изъ вопросовъ присяжные сказали ни да ни нѣтъ, то есть просто не отвѣтили, да отмѣтили, что затрудняются отвѣчать. На другіе вопросы они отвѣтили такъ: о Марѣевѣ поставленъ главный вопросъ по признакамъ разбоя, второй условный, если не виновенъ по 1 вопросу, то не виновенъ ли въ дѣяніи по признакамъ грабежа, третій вопросъ такой же условный и вспомогательный по признакамъ кражи. Присяжные дали утвердительный отвѣтъ на всѣ 3 вопроса, т. е. по признакамъ и разбоя, и грабежа, и кражи. Сенатъ постарался, чтобы при молчаніи закона установить за судомъ право обращать присяжныхъ къ новому обсужденію вопросовъ по неудовлетворительности и неясности отвѣтовъ. Сенатъ мотивировалъ это право такъ: по 808 ст. у. у. с. присяжные имѣютъ право, когда не понимаютъ вопросовъ или наталкиваются на затрудненіе, требовать объясненія; они этимъ правомъ не воспользовались и вслѣдствіе того дали уродливые и не подходящіе отвѣты, а потому судъ обязанъ пополнить это ихъ упущеніе и

самъ дать объясненіе, которое бы помогло присяжнымъ исполнить ихъ обязанность, которой они по юридической своей неподготовкѣ исполнить не могли, а совѣстились обратиться къ предсѣдателю. Возвращеніе присяжныхъ въ совѣщательную комнату для новыхъ совѣщаній есть приемъ безусловно необходимый и вполне цѣлесообразный обрядъ судопроизводства съ присяжными, котораго ни пошатнуть, ни тронуть нельзя, его принятіе и усвоеніе есть заслуга правительствующаго сената; но обстановка, которая сообщена этому обряду кассационною практикою, крайне своеобразна и идетъ въ разрѣзъ со всѣми западно-европейскими кодексами судопроизводства, которымъ не чужды институтъ присяжныхъ. Тамъ не боятся оглашать всякій вердиктъ, хотя бы и не полный, тамъ не боятся производства надъ нимъ всенародно-критической операціи при участіи сторонъ, тамъ не думаютъ, чтобы авторитетъ суда присяжныхъ пошатнулся отъ того, что будутъ одно, два, три и болѣе вердикта присяжныхъ, изъ коихъ все кромѣ послѣдняго не утверждено судомъ къ исполненію по ихъ неполнотѣ и противорѣчіи, а послѣднее только совершенное и прошедшее сквозь горпило юридической критики со стороны своего не содержанія, а соответствія требованіямъ закона и правосудія, имѣетъ быть воспріятымъ судомъ и положеннымъ въ основаніе его приговора. Въ Англіи не забыто, что присяжные выросли изъ повального обыска, что судья ихъ поучаетъ, не очень стѣсняясь даже обнаруженіемъ своего личнаго мнѣнія по дѣлу. Онъ ихъ отправляетъ на новое совѣщаніе даже и тогда, когда по существу онъ находитъ, что они осудили кого нибудь вопреки очевидности (evidence), т. е. тѣмъ правиламъ о судебныхъ доказательствахъ, которыя выработаны судебной практикой и которыя присяжнымъ предложены въ заключительномъ словѣ предсѣдателя-судьи. Судья можетъ это дѣлать пока вердиктъ не внесенъ секретаремъ въ протоколъ. Молчаніе французскаго закона о случаѣ недостаточности от-

вѣта присяжныхъ такое же какъ и наше (б. 414 ст. кодекса 3 брюмера IV г. респ. говоритъ объ обязанностяхъ суда отвергать вердиктъ по его неправильности и отсылать вновь для составленія новаго, но онъ не повторенъ въ С. d' instr. crim. 1808 г.) Какъ быть?—Вопросъ былъ поставленъ ребромъ въ засѣданіи кассационнаго суда 1811 г. 17 ноября и разрѣшенъ такимъ образомъ, что судъ, не входя въ разборъ вердикта по существу, повѣряетъ формальную сторону и внѣшность провозглашаемаго вердикта и что *jugu* предлагается, затѣмъ только дополнить, усовершенствовать, а не измѣнить свое рѣшеніе. Отсылка осланныхъ когда *declaration* была *incomplète, obscure, contradictoire, irrégulière* (совершенно такъ, какъ судъ обыкновенно повѣряетъ внѣшнюю правильность и согласіе съ записью на третейскій судъ и не больше). Цѣлая доктрина возникла по четыремъ категоріямъ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ. За новыми отвѣтами присяжные должны быть отосланы въ свою совѣщательную комнату. Отсылаемы они могутъ быть только по мотивированному опредѣленію, не предсѣдателя, а всего состава суда, постановленному либо по своему почину, либо по заявленіямъ сторонъ, если таковыя дожелаютъ ихъ сдѣлать. Замѣтимъ, что подсудимый увопится изъ залы засѣданія и возвращается только, когда вся процедура исправленія вердикта кончена и рѣшеніе прочитывается ему секретаремъ, но практика допускала требованіе защиты для вызова подсудимаго съ цѣлью посовѣщаться относительно усмотрѣнныхъ защитой неправильностей, до сдѣланія его заявленія о *déclaration du jugu*. До какихъ поръ существуетъ возможность исправленія? Сначала она допускалась только до подписанія вердикта предсѣдателемъ и секретаремъ, потомъ она продолжена на все время, пока самъ судъ не вынесъ еще своего приговора, такъ что для заявленія судьи могутъ быть вызваны изъ своей совѣщательной комнаты. Такимъ образомъ просто и ясно разрѣшаются недоумѣнія, духъ критическій господствуетъ, нѣтъ мистеріи и все

устроено такимъ образомъ, что, еслибы кассирована была неправильная отсылка для составленія второй декларациі, то уже по первой прочитанной и запротоколированной можно постановить приговоръ, она остается въ полной силѣ.

Будь нашъ уставъ изданъ десяткомъ или 15 годами позже, онъ вѣроятно бы разрѣшилъ вопросъ объ исправленіи и дополненіи отвѣтовъ присяжныхъ въ смыслѣ сходномъ съ тѣмъ, который установленъ французскою практикою, потому что въ этомъ пространствѣ времени изданы австрійскій процессуальный кодексъ 23 мая 1873 г. и нѣмецкій въ началѣ 1877 г., которые составляютъ, можно сказать, послѣднее слово науки и которые разрѣшаютъ этотъ вопросъ вполне одинаково и даже дословно—сходно съ французскимъ порядкомъ, причемъ §§ 309—312 нѣмецкаго кодекса есть почти дословное повтореніе австрійскаго кодекса (§§ 331 и послѣд.). Не предѣдатель, а судъ, если убѣдится, что вердиктъ *un- deutlich, unvollständig oder sich widersprechend sei*, по выслушаніи обвиняемаго и его защитника а слѣдовательно сторонъ, отсылаетъ присяжныхъ въ совѣщательную комнату на новое совѣщаніе. Онъ можетъ распорядиться, даже ушедши въ свою совѣщательную комнату, пока не объявилъ своего приговора. Во всѣхъ процедурахъ возможно и дополненіе вердикта и даже въ случаѣ надобности возобновленіе судебного слѣдствія.

Нашъ уголовный кассационный департаментъ не сразу сталъ на противоположномъ пути. По дѣлу о кражѣ на рогожскомъ кладбищѣ 1867 г. № 135 онъ рѣшилъ, что для исправленія отвѣтовъ присяжные должны удалаться въ совѣщательную комнату, а не могутъ дѣлать исправленій *stante pede* передъ публикою. По дѣлу Протопова 1868 г. № 392 онъ находить, что провозглашеніе не просмотрѣнныхъ и не исправленныхъ отвѣтовъ неприлично, но не можетъ служить основаніемъ къ отмініи приговора. Только въ 1873 г. № 120, по дѣлу Полозова и Эдельберга установлено, вслѣдствіе полного ура-

вненія присяжныхъ судьямъ и ихъ приговора приговору судей, что разъ публично провозглашенный приговоръ присяжныхъ, не можетъ подлежать ни измѣненію, ни исправленію, нарушеніе же сего правила вообще а въ особенности тѣмъ, что судъ подвергаетъ его публичной критикѣ, требуя о правильности и полнотѣ ихъ заключенія сторонъ, есть существенное нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства. Забѣжавъ сильно впередъ сенатъ сдѣлалъ шагъ назадъ въ 1869 г. № 2020 по дѣлу Толстолуцкаго, постановивъ, что только тогда объявленіе двухъ рѣшеній присяжныхъ есть поводъ къ отмѣнѣ, когда между двумя рѣшеніями есть существенная разница, но не тогда, когда оба рѣшенія, хотя и разнящіяся по формѣ, были тождественны по содержанію. Пора выйти изъ этого лабиринта, пора признать, что практика сената теперешняя не была рациональна, что она отзывается взглядомъ на присяжныхъ засѣдателей слишкомъ идеальнымъ. Никакая операція изслѣдующаго ума не можетъ пострадать и испортиться отъ избытка критики; апелляція, кассація, развѣ это не критика, закономъ установленная на судебные приговоры, да и неправильные окончательные приговоры подлежатъ свободному обсужденію со стороны общественнаго мнѣнія и печати; никогда еще сенатъ, котораго рѣшенія для руководства въ подобныхъ случаяхъ обязательны, не пытался накладывать на свободную критику узду или мундштукъ. Критика эта происходитъ и теперь, хотя прикрытая и въ видѣ мистеріи, когда присяжныхъ одинъ предсѣдатель своею единоличною властью отсылаетъ разъ 4 или 5 въ комнату совѣщательную безотчетно, безконтрольно, такъ какъ причины этой отсылки онъ не обязанъ повѣдать и занести въ протоколъ — она входитъ уже въ область тайны совѣщаній. Само уподобленіе вердикта судебному рѣшенію неправильно, *declaration du jury*, *Verdictum*, *Spruch der Geschwornen* не рѣшеніе, а только изреченіе, а только доставленіе суду матеріала для дѣйствія, которое съ

формальной стороны есть приговоръ, а съ матеріальной рѣшеніе участи подсудимаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ листъ, выносимый присяжными, не есть рѣшеніе дѣла, а рѣшеніе только отвѣтовъ, и будучи данъ понятными изъ народа, взятыми ради незнанія ими юриспруденціи, и не техниками, можетъ несоотвѣтствовать требованіямъ юриспруденціи техническимъ.

Во всякомъ случаѣ, если не вы, то департаментъ угол. кас. признаетъ и установитъ, что всякій отвѣтъ присяжныхъ подлежитъ оглашенію, а затѣмъ обсужденію со стороны той, удовлетворяетъ ли онъ формѣ и удовлетворяетъ ли требуемому содержанію, нѣтъ ли въ немъ неясныхъ, неполныхъ и противорѣчивыхъ отвѣтовъ; практически рѣшеніе такое будетъ имѣть громадныя и благотворительныя послѣдствія для будущей судебной практики, но никакого на дѣло Островлевой, такъ какъ на необъявленіе перваго рѣшенія присяжныхъ по дѣлу Худина и Островлевой прокуроръ не жалуется, а дѣла здѣсь разсматриваются только въ предѣлахъ кассационныхъ отзывовъ и протестовъ.

Прокуроръ, беря за исходную точку вашу практику воспрещенія объявленія неудовлетворительныхъ отвѣтовъ присяжныхъ, жалуется не на то, что предсѣдательствующій ихъ рѣшенія не огласилъ и не оспаривалъ, что онъ имѣлъ тоже право отослать присяжныхъ на новое совѣщаніе, еслибы отвѣты были удовлетворительны, онъ находитъ только, что первые отвѣты, если допустить, что они заключаются въ томъ, что на листѣ зачеркнуто, но не на столько, чтобы зачеркнутаго нельзя было вычитать, вполнѣ удовлетворительны, что по этимъ отвѣтамъ можно и теперь построить приговоръ, обвиняющій Худина и оправдывающій Островлеву, такъ какъ ея дѣяніе совершенно этому отвѣчаетъ, при условіяхъ, устраняющихъ уголовную отвѣтственность, но и Островлеву присуждающій, на основаніи закопа, къ заключенію въ домъ умалишенныхъ. Въ подтвержденіе своихъ положеній прокуроръ ставилъ правило, будто бы установленное

практикою сената, что тѣ признаки, означенные въ вопросахъ, которые прямо не отрицаются отвѣтами присяжныхъ, должны быть почитаемы утвержденными и подкрѣпляетъ это положеніе ссылкой на кассационныя рѣшенія 1879 г. (473), 1870 г. (1913), 1871 г. (1754) etc. etc.... Никакія кассационныя рѣшенія не могутъ затмить смысла и исправить значеніе коренныхъ статей 811 и 812, по которымъ, по каждому вопросу должно быть отвѣчено не просто *да* и не просто *нѣтъ*, а съ прибавкою слова, въ коемъ заключается весь смыслъ отвѣта *да, совершилось* или *доказано, да, съ предумышленіемъ, да, виновенъ*, и съ властью, одинъ изъ признаковъ изъ общей массы изъять и выкинуть: *да, совершилось, но безъ предумышленія, да, виновенъ, но безъ взлома, да, доказано, но безъ насилія*. Всѣ кассационныя рѣшенія могутъ установить только то начало, что утвердительный отвѣтъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: нарѣчія *да* или *нѣтъ* и характеристики общей дѣйствія, и что тѣмъ и считается разрѣшеннымъ весь фактъ, въ вопросѣ изложенный со всѣми его признаками, за исключеніемъ тѣхъ признаковъ, которые онъ явно отрицаетъ. Иными словами: *утвержденіе того, чего присяжные не разрѣшили не предполагается*—иначе надлежало бы допустить, что и бѣлый отвѣтный бланкъ, подписанный старшиною, считается утвержденнымъ отвѣтомъ и незачѣмъ было бы отсылать совѣщаться присяжныхъ за неполнотою отвѣтовъ. И утвержденіе и отрицаніе должны быть выражены *ясно* и *точно*, обстоятельства утверждаемая, хотя и лаконически, считаются принятыми со всѣми послѣдствіями, точно также и обстоятельство отрицаемое. На этомъ основаніи разберемъ въ существѣ предположеній 1-го отвѣта присяжныхъ, вычитаннаго изъ-подъ перекрещивающихъ его линий и установимъ, весь ли отвѣтъ данъ, полонъ ли онъ, о всѣхъ ли признакахъ можно сказать, что они либо приняты, либо отвергнуты.

Сначала остановимся на вопросѣ 1-мъ; онъ состоитъ изъ 2-хъ частей: общая характеристика преслѣдуемаго

дѣянiя по признакамъ разбоя, затѣмъ подробное описанiе внѣшней стороны дѣйствiя, характеризуемаго по 1 ч. разбоемъ, т. е. нападенiемъ съ цѣлю открытаго похищенiя, начинающееся нанесенiемъ ранъ и кончающееся похищенiемъ имущества. Обѣ части соединены фразою *для чего*. Можно возражать противъ конструкцiи вопросовъ, можно оспаривать и пригодность слова *для чего*, вслѣдствiе того, что описательная часть выходитъ за предѣлы разбоя. Разбой по 1627 ст. улож. когда нападенiе произведено; похищенiе лишнее, оно ничего не прибавляетъ къ разбою и совершенно безразлично для него, но такъ какъ оно лишнее, то утвердительный на него отвѣтъ съ отрицанiемъ нападенiя разбойничества равносильнъ отрицанiю самаго разбоя, то-есть оправданiю обвиняемаго, который только въ разбоѣ и обвинялся, а не въ чемъ другомъ. Можно теперь, обсуждая вопросъ ретроспективно, сожалѣть, что не были уступами поставлены условные вспомогательные и дополнительные вопросы, если не было нападенiя, то могло быть похищенiе открытое, т.-е. грабежъ, если не было и открытаго похищенiя, то не было ли тайнаго, т.-е. кражи (какъ по дѣлу Марѣева); но всѣ эти сожалѣнiя и сѣтованiя совершенно праздно, потому что образъ дѣйствiя суда по постановкѣ вопросовъ защищенъ двойною бронею и, такъ сказать, неприступенъ: а) стороны и въ томъ числѣ прокуроръ, не только не просили поставить дополнительные вопросы, но и не протестовали вовсе противъ вопросовъ, какъ они были поставлены. Со стороны обвиненiя тутъ былъ своего рода расчетъ: въ виду несомнѣнной виновности, взять съ присяжныхъ, такъ сказать, нажимомъ обвиненiе въ разбоѣ, поставивъ вопросъ ребромъ все или ничего; б) вопросы дословно поставлены по обвинительному акту, утвержденному палатою, дословна даже фраза вмѣсто предлога «для чего», дословна даже съ похищенiемъ въ детальной второй части вопроса. Вся разница та, что изъ первой части вопроса, общей, судъ выкинулъ одну черту: по взаимному между

собою предварительному уговору, фразе, лишнюю, такъ какъ она не влѣяетъ на наказаніе, даже еслибы и было обнаружено, что преступники дѣйствовали безъ предварительнаго соглашенія. Постановка вопросовъ по обвинительному акту была обязательна по 751 ст., нескладны вопросы, нескладенъ обвинительный актъ, въ этомъ не виноватъ окружный судъ, это такая нескладность, надъ которою онъ не властенъ.

Отъ вопроса перейдемъ къ отвѣту. Отвѣтъ, дѣйствительно, неправиленъ: 1) потому что, вопреки 811 ст., онъ не содержитъ *да*, онъ не содержитъ *нѣтъ*, а вырываетъ изъ вопроса само начало и самъ конецъ, съ одного крайняго конца похищеніе, которое признаетъ, но которое только и можетъ относиться къ этому концу, то-есть, къ послѣднимъ строкамъ вопроса въ словахъ «платье, которое было похищено вмѣстѣ съ лошадыю и пролеткою», съ другого конца нападеніе, въ словахъ «но безъ нападенія», такъ что вслѣдствіе отсутствія этихъ частицъ *да* и *нѣтъ*, нельзя и разрѣшить области между двумя крайними жаловами и нельзя отмежевать, что утверждается и что отрицается. Затрудненіе усложняется тѣмъ, что утверженіе начато съ конца, а отрицаніе съ начала, но ясно что это утверженіе идти вспять не можетъ, подвигаясь съ конца къ началу и покрывая, какъ того хочетъ прокуроръ, и всю область детальную и описательную и даже область общую опредѣлительную, потому что тогда, вопреки очевидности, пришлось бы захватить подъ утверженіе и само нападеніе, которое присяжные отрицаютъ.

Начнемъ, однако, разборъ, чтобы опредѣлить, что отрицается и что признается. Отрицается вся 1-ая часть опредѣлительная, до частицы «для чего», потому что вся она посвящена нападенію, а такъ какъ сказано, «но безъ нападенія», слѣдовательно, отвергнуто и то, что въ ночь на 30 августа 1881 г. по дорогѣ между Старою деревнею и Лахтой произведено нападеніе на легковаго извозчика Савина и то, что составляетъ чергу, характеризующую это нападеніе, привлеченную къ нему, какъ

прилагательное къ своему существительному, и уже потомъ не повторяющуюся, а именно «съ цѣлью открытаго похищенія его имущества».

Для меня до сихъ поръ непонятно, на какихъ основаніяхъ прокуроръ продолжалъ утверждать, что Худинъ и Островлева совершили похищеніе открытое, когда не только открытое похищеніе не признано, но даже не признано, что бы имѣло мѣсто нападеніе, съ цѣлью открытаго похищенія; открытое похищеніе проваливается вмѣстѣ съ нападеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ возможность примѣненія понятій не только разбоя, но и грабежа.

Перехожу ко второй части вопроса, детальной, но уже съ одними объективными признаками, и спрашиваю, и въ изумленіе прихожу предъ неслыханнымъ, смѣлымъ, границы человѣческаго, пониманія превосходящимъ заявленіемъ протеста, въ п. 3, что подсудимые на Савина не нападали, но они ему раны нанесли тяжелымъ и острымъ орудіемъ и грозились его лишить жизни. Объ угрозахъ нѣтъ у присяжныхъ ни словечка, вашъ здравый смыслъ заставить васъ рѣшить, что они конечно относились къ полюсу настоящаго дѣла — *нападенія*, а не къ полюсу *похищенія*, потому что они не входятъ, какъ составная часть, въ понятіе похищенія, но они входятъ въ понятіе нападенія, какъ средство насилія, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ при всякомъ нападеніи; что же касается до ранъ, то я не постигаю, какъ можно бы кому-нибудь не нечаянно, а умышленно прошибить голову или раскроить лицо, не нападаая на него. Очевидно, присяжные эти признаки отвергли, они обошли и, слѣдовательно, не признали факта, уже для разбоя безразличнаго, снятіе съ Савина платья, и признали прямо и положительно, что это снятое платье вмѣстѣ съ лошадыю и пролеткою было у Савина похищено. Такъ какъ открытое похищеніе провалилось вмѣстѣ съ словомъ похищеніе, къ которому оно было приставлено, то оставалась возможность только обвинять подсудимыхъ въ тайномъ похищеніи, т.-е. въ кражѣ. Что такова была идея присяжныхъ, не-

сомнѣнно, они скорѣе рѣшили при второмъ голосованіи отвергнуть все событіе преступленія, нежели признать, что оно сопровождалось нанесеніемъ ранъ или угрозами, что бы превращало событіе въ разбой. Въ данномъ случаѣ вопросъ ставился такъ: была ѣзда, безъ злаго намѣренія, при ѣздѣ драка между подвыпившими сѣдокомъ и извоицомъ, не хотѣвшимъ ѣхать на Лахту; среди драки ударъ, отъ котораго Савинъ, струсивъ, свалился и прикинулся умершимъ, сѣдоки его раздѣли, чтобы скрыть его состояніе, затѣмъ увезли платье на пролеткѣ, съ тѣмъ, чтобы скрыть случившееся, а потомъ, похитивъ вещи, распорядились ими, собственно воровскимъ образомъ. Насколько я могъ теперь, по ознакомленіи съ первоначальнымъ и послѣдующимъ отвѣтами уяснить смыслъ 2-го наставленія предсѣдателя присяжнымъ, могу сказать, что оно клонилось къ тому, чтобы присяжные, если отвергаютъ раны, угрозы, нападеніе, не задавались вовсе вопросомъ о кражѣ, какъ похищеніи тайномъ, такъ какъ этотъ вопросъ имъ и не предлагается и не поставленъ даже субсидіарно. И предсѣдатель былъ вполне правъ въ этомъ отношеніи, обвиненіе могло огуломъ поставить вопросъ, но егоне поставило. Поставленные въ необходимость вотировать между разбоемъ и не разбоемъ, а между разбоемъ и кражею, присяжные, по совѣсти, не колеблясь, отвѣтили оцѣломъ событіи огуломъ, *нѣтъ, недоказано*.

Второй отвѣтъ состоитъ въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ первымъ; на первомъ уже, собственно, и можно было построить оправдательный приговоръ для обоихъ подсудимыхъ. Если кто либо изъ сторонъ имѣлъ право претендовать на обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію, такъ это, конечно, подсудимые, а не прокуроръ. Исходъ дѣла неудовлетворителенъ, поднялись крики, выступили на арену даже «Московскія Вѣдомости»; вините кого угодно, обвинительный актъ за дурную формулировку обвиненія, прокурора — за непостановку дополнительнаго вопроса, но не вините присяжныхъ, они отвѣчали разумно и по совѣсти, не ви-

ните председателя, онъ резонно отправилъ присяжныхъ совѣщаться вторично. На основаніи первыхъ отвѣтовъ нельзя было постановить обвиняющій приговоръ, нельзя было обвинить подсудимыхъ въ разбоѣ, нельзя было признать отвѣтовъ первыхъ имѣющими какое-то, по мнѣнію г. председателя, *конечное* значеніе. Возвращенные присяжные не измѣнили своихъ убѣжденій, а подтвердили только то, что сказано ими было въ первыхъ отвѣтахъ, они отвергли безразличный для разбоя фактъ похищенія, когда имъ было уяснено, что этотъ фактъ безразличный; они отвергли виновность въ похищеніи, коль скоро уразумѣли, что за похищеніе Островлева и Худинъ не судятся. Председатель не нарушилъ ст. 812, найдя, что первые отвѣты этой статьѣ не соотвѣтствуютъ. Председатель дѣйствовалъ, можетъ быть, въ противность ст. 816, въ томъ смыслѣ, что отвѣты присяжныхъ не были присяжными оглашены, но они не были оглашены потому, что самъ кассационный сенатъ запретилъ это дѣлать, и прокуроръ жалуется не на то, что отвѣты не были оглашены, а на то, что они не легли въ основаніе приговора;—они не могли лечь въ основаніе приговора, что, вѣроятно, вы признаете, слѣдовательно, даже если вы возбудите вопросъ объ измѣненіи порядка оглашенія отвѣтовъ присяжныхъ, этотъ вопросъ перейдетъ въ департаментъ, но не вопросъ о силѣ вторыхъ отвѣтовъ присяжныхъ, составившихъ ихъ рѣшеніе. Въ этомъ отношеніи прошу рѣшеніе второе присяжныхъ оставить въ силѣ, а колеблющій его протестъ — безъ послѣдствій.

На всякій случай, еслибы, не смотря на всѣ мои доводы кассационный сенатъ рѣшилъ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу Худина и Островлевой, я имѣю еще одно ходатайство о томъ, чтобы это рѣшеніе, еслибы оно было отмѣнено, то только по отношенію къ Худину, а не къ Островлевой. Дѣлимость участи подсудимыхъ, участвующихъ въ процессѣ, есть одно изъ коренныхъ свойствъ уголовного процесса и судить можно отдѣльно одного,

когда имѣется другой и реформировать приговоръ можно когда одинъ подсудимый его обжаловалъ, а другіе ему подчинились и допустили его вступить въ законную силу, я полагаю, что и опротестованнымъ онъ можетъ быть относительно нѣкоторыхъ, а не всѣхъ, и утверждаю, что онъ, если долженъ бы быть опротестованъ, то только по отношенію къ Худину. Всякое учрежденіе должно быть цѣлесообразно, то есть служить только для цѣлей, ради коихъ оно установлено. Кассационное производство есть институтъ не для исправленія стилистическихъ, логическихъ или иныхъ ошибокъ рѣшенія присяжныхъ и приговора, но для отправленія правосудія, для ломки постановленій неправильныхъ, т. е. такихъ, коимъ либо дана потачка преступленію, либо осужденъ невинный человѣкъ. Въ этихъ практическихъ цѣляхъ правосудія для кассационнаго суда, безразличны всякія поправки не противъ правосудія, а противъ логики и грамматики. Прокуроръ признаетъ, какъ фактъ, удостовѣренный присяжными, согласно съ дѣйствительностью и неопровергнутый, что преступленіе совершено Островлевою при условіяхъ, устраняющихъ уголовную отвѣтственность. Спрашивается, если это вѣрно, если несомнѣнно, что она наказана быть не можетъ, то ради чего эта женщина, о которой всѣ отзывы совпадаютъ, какъ о психопатическомъ субъектѣ, которая въ своемъ заключеніи 3 раза въ теченіи $\frac{3}{4}$ часа покушалась различными способами на самоубійство, будетъ вторично подвергнута трудно выносимымъ истязаніямъ, лишенію свободы, испытаніямъ въ пріютахъ для умалишенныхъ, экспертизѣ, разоблаченію на судѣ во второй разъ всѣхъ интимнѣйшихъ подробностей жизни, тому, что ее будутъ раздѣвать, такъ сказать, передъ публикою до нага; это мужчйнѣ непріятно, а женщинѣ и подавно. Предлога ее судить никакого нѣтъ, кромѣ только одного, который приведенъ въ протестѣ; еслибы первые отвѣты были приняты за основаніе приговора, то къ Островлеовой было бы примѣнено постановленіе закона относительно лицъ,

совершившихъ преступленіе въ припадкѣ болѣзни, вслѣдствіе которой не вмѣняется ей въ вину содѣянное. Спрашивается, точно ли Островлева должна бы быть заключена, въ силу отвѣта присяжныхъ, въ больницу сумасшедшихъ, какъ то установлено 95 ст. улож. или отдана на попеченіе роднымъ, по 96 ст., подѣ неустанное и отвѣтственное за нею смотрѣніе. Нѣтъ же, нѣтъ и нѣтъ. Эта мѣра установлена 95 и 96 ст. только для психически больныхъ или сумасшедшихъ, совершившихъ смертоубійство или посягнувшихъ на жизнь свою или другихъ, но не совершившихъ другихъ какихъ нибудь преступленій, напр. посягательство на чужую собственность. Относительно Островлевой могутъ существовать два повода для того, чтобы отдать ее на попеченіе родныхъ, или, для дознанія о ея здоровіи, чтобы засадить ее въ домъ умалишенныхъ, по 96 ст. улож., а) преступленіе по обвинительному акту—убійство или покушеніе на убійство—она въ томъ не обвинялась, она обвинялась только въ нанесеніи ранъ, увѣчій, побоевъ etc..., слѣдовательно, даже съ признаніемъ ее виновною по обвинительному акту, она бы дѣйствию 96 ст. не подлежала. Тѣмъ менѣе можетъ она подлежать по первому отвѣту присяжныхъ, по которому раны, угрозы обойдены молчаніемъ, само нападеніе устранено и осталось простое похищеніе, т. е. не преступленіе не противъ жизни, а преступленіе противъ имущества; б) самоубійство.—Оно не подходитъ къ вопросамъ, которые бы могли быть предложены присяжнымъ. Еслибы судъ хотѣлъ имъ воспользоваться, то долженъ бы занести въ протоколъ показаніе г. Семчевскаго. Еслибы прокуроръ имѣлъ въ виду эту мѣру, то долженъ бы занести это требованіе въ протоколъ. Ни того, ни другого не сдѣлано, судъ и прокуроръ упустили эту статью 96 изъ виду. Ея исполненію, по ихъ винѣ не обжаловано прокуроромъ и не можетъ быть теперь поправлено.

По симъ соображеніямъ прошу оставить протестъ безъ послѣдствій и рѣшенія присяжныхъ, а равно и

приговора суда относительно Островлевой не кассировать.

Правительствующій сенатъ, усматривая изъ протокола судебного засѣданія, что рѣшеніе, первоначально постановленное присяжными засѣдателями по содержанію предложенныхъ на разрѣшеніе ихъ вопросовъ, окружный судъ, по предварительномъ просмотрѣ, призналъ неяснымъ, вслѣдствіе чего обратилъ присяжныхъ къ новому обсужденію ихъ вопросовъ, на томъ основаніи, что ими даны отвѣты только по нѣкоторымъ признакамъ преступленія, описаннаго въ 1-мъ вопросѣ, прочіе же признаки преступленія остались неразрѣшенными и, имѣя въ виду, что правительствующимъ сенатомъ неоднократно уже было разъяснено, что тѣ изъ означенныхъ въ вопросахъ признаковъ преступленія, противъ которыхъ въ отвѣтахъ присяжныхъ засѣдателей нѣтъ явнаго отрицанія, должны быть почитаемы утвержденными (рѣш. 1870 г. № 413; 1871 г. № 1754; 1877 г. № 31 и 1878 г. № 21), находить, что первоначальный отвѣтъ присяжныхъ на первый вопросъ о событіи преступленія разбоя, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, «похищеніе доказано, но безъ нападенія», данный согласно требованія ст. 811 и 812 уст. уг. суд., не могъ возбуждать никакого сомнѣнія, относительно примѣненія закона о наказаніи къ рѣшенію присяжныхъ, ибо, отвергнувъ только «нападеніе» изъ числа перечисленныхъ въ сказанномъ вопросѣ признаковъ событія преступленія, присяжные, тѣмъ самымъ, установили наличие остальныхъ признаковъ. Признавая, поэтому, что обращеніемъ присяжныхъ засѣдателей къ новому совѣщанію, несмотря на полноту и совершенную ясность ихъ рѣшенія, окружный судъ допустилъ явное и существенное нарушеніе ст. 816 уст. уг. суд. и, принимая во вниманіе, что такое нарушеніе въ данномъ случаѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что присяжные засѣдатели, послѣ вторичнаго совѣщанія, на вопросъ о событіи преступленія дали отрицательный отвѣтъ и, такимъ образомъ, постановили рѣшеніе, противорѣчащее тому убѣжденію ихъ по дѣлу, которое они выразили въ первоначальныхъ отвѣтахъ, правительствующій сенатъ *опредѣлилъ*: за нарушеніемъ ст. 816 уст. уг. суд. рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда объ оправданіи подсудимыхъ Худина и Островлевой отмѣнить и дѣло сихъ подсудимыхъ для новаго разсмотрѣнія, передать же другое отдѣленіе того же суда; а С.-Петербургскому окружному суду въ составѣ присутствія онаго по настоящему дѣлу, за вышеозначенныя неправильныя дѣйствія, сдѣлать замѣчаніе.

Вторичный разборъ дѣла происходилъ во 2-мъ отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда 22—24 ноября 1883 г.

Въ составъ присутствія комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей вошелъ, между прочимъ, Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ, который былъ избранъ старшиною.

Защита Островлевой была раздѣлена между присяжными повѣренными Е. И. Утинымъ и В. Д. Спасовичемъ.

Речь прис. пов. В. Д. Спасовича.

Чтобы съ пользою и надлежащимъ образомъ защищать, нужно понимать, а я откровенно вамъ скажу, что защищая дѣло во второй разъ, я меньше его понимаю, чѣмъ въ первый разъ — вотъ почему я и просилъ содѣйствія и помощи свѣжаго человѣка Е. И. Утина.

Не подлежало и не подлежитъ сомнѣнью, что подсудимая Островлева, лошадь, добытую преступленіемъ, продала на площади; это самостоятельное преступленіе продажи завѣдомо краденаго, но, за это она не судится. При первомъ судоговореніи я былъ увѣренъ, что на дрожжахъ сидѣла она; теперь я не увѣренъ; я имѣю основаніе сомнѣваться, но подкрѣпить доказательствами эти сомнѣнія я не въ силахъ. Бесиліе доказать со стороны моей и моего товарища, вы конечно вправѣ взять за отсутствіе сомнѣнія, т. е. не знать его и отбросить. Остаются сбивчивые факты загадочнаго происшествія съ устраненіемъ alibi и при установленной положительно достовѣрности, что въ самомъ грабежѣ, разбоѣ или дракѣ Островлева участвовала. Пускай будетъ такъ. Пройдемтесь критически по открытымъ фактамъ и постараемся отдѣлить несомнѣнное и положительное, отъ угадываемаго, недостовѣрнаго и предполагаемаго.

Достовѣрно то, что Островлева, если она лично участвовала въ дѣлѣ на пути въ Охту, извозчика Савина не знала, лично понятія о немъ не имѣла, что это былъ какой то извозчикъ, первый встрѣчный попавшійся и нанятый, такъ точно, какъ для него это были какіе то сѣдоки. Достовѣрно, что ни въ какихъ особенныхъ отношеніяхъ къ Худину она не состояла, что какъ бы ни

старался обвинитель или защита сочинить изъ этого отношенія романъ, либо взаимной любви, основанной на фотографической карточкѣ, или на любви одного Худина, не раздѣляемой и ничѣмъ не обнаруживаемой, про которую самъ Худинъ никогда не проговаривался, ничего изъ сего не выйдетъ, кромѣ простого, голословнаго, беспочвеннаго предположенія, которому противорѣчить и грубость обращенія Островлевоу съ хамами, и ея нравъ деспотическій и ея отвращеніе къ мужчинамъ, вслѣдствіе ненатуральнаго уклоненія ея половой похоти. Онъ могъ подмѣтить въ Островлевоу черты сумасшествія и ими пользоваться, онъ не могъ на нее молиться и въ нее вѣровать: онъ, хотя неразвитый, но смысленный мужикъ, съ выдержкою и характеромъ. Достоверно также, что въ Александровъ день Островлева лошадь на площади конной продавала. Достоверно, что она въ этотъ день пиръ для дѣвицы Читау устраивала и была въ расположеніи духа розовомъ, торжественномъ. Наконецъ, что никакой нужды, никакой надобности грабить она не имѣла, средства для производства извоза у нея были, взысканій никакихъ на нее не поступало, средства она могла во всякое время, безъ труда, достать—слѣдовательно, что едва ли мыслимо предположеніе о корыстныхъ цѣляхъ, осуществленныхъ посредствомъ дикаго, безразсуднаго преступленія.

Само событіе, кромѣ темной августовской безпутной ночи, не имѣло иныхъ свидѣтелей, кромѣ самыхъ дѣятелей активныхъ или пассивныхъ. Такихъ дѣятелей было трое: Савинъ, Худинъ и Островлева.

Изъ нихъ самый достоверный, еслибы онъ не былъ такъ не развитъ и еслибы не было обстоятельствъ, мѣшавшихъ ему наблюдать, былъ бы несомнѣнно Савинъ. Садилъ онъ сѣдочковъ ночью, везъ ихъ ими не интересуясь. При первомъ ударѣ, полученномъ отъ мужчины, струхнулъ и, хотя парень онъ дюжій, а Худинъ малый, но прикинулся мертвымъ и далъ себя безпрепятственно раздѣвать и разпоясывать, а самъ лежалъ зажмуривъ

глаза. Безъ него опознали лошадь у барышниковъ, провели Островлеву въ участокъ; онъ ее правда призналъ за ту самую, что и повторилъ на предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ, на первомъ засѣданіи, и теперь. Сама многочисленность этихъ признаній портитъ дѣло; возьмите первый снѣжекъ и тысячу слѣдовъ саней по немъ въ одномъ направленіи и представьте, что требуется распознать только первый слѣдъ, а не остальные; очевидно, что вы его не распознаете, потому что онъ и повторенъ и затертъ, что въ умѣ Савина прежде всего при видѣ Островлевой возстановилось, что онъ ее видѣлъ на судѣ (ближайшій и послѣдній слѣдъ), затѣмъ, что онъ ее видѣлъ и при слѣдствіи и когда ее приводили, и какъ ему кажется и на дрожкахъ, но это послѣднее самое важное воспоминаніе отодвинуто на задній планъ. Еслибы въ первый разъ, онъ быть можетъ, и поколебался, то теперь онъ присягнуть, что это та самая женщина. Но не будемъ обращать вниманія на эту возможность ошибки и постараемся уловить въ словахъ Савина черты той личности, которая была сподвижницею Худина въ дѣлѣ нападенія на Савина.

Савинъ показываетъ, что женщина, участвовавшая въ ударѣ, первоначально не принимала участія и стояла только вдали, соскочивши съ дрожекъ, пока Худинъ не крикнулъ на нее: «что же ты смотришь», значитъ: помогай, послѣ чего она стала помогать и, съ безучастной сдѣлавшись свирѣпою кричала: «бей его на смерть» и «живъ ли»? Тыканіе, такъ не похожее на образъ отношеній Худина къ Островлевой, что это и заставляетъ усомниться въ томъ, была ли та женщина Островлева. Савинъ сѣдковъ не имѣлъ надобности наблюдать до удара, а послѣ удара былъ въ испугѣ смертномъ, въ состояніи, мало способствующемъ наблюденію. Во всякомъ случаѣ если это она, то очевидно, что орудовала и заправляла дѣйствіемъ не она; она только примкнула къ драгѣ, по импульсивности своей природы раз-

свирѣпѣла, пробудились разрушительные инстинкты, но ими заправлялъ и руководилъ кто другой.

Перейдемъ къ Худину. Онъ, очевидно, знаетъ все, но все, что знаетъ, держитъ глубоко подъ ключемъ, и къ кому ѣхалъ, и зачѣмъ ѣхалъ, и кто та, будто бы любовница, которую будто бы онъ посадилъ на дрожки. Отрицая бытность Островлевой, онъ дѣлаетъ самоотрицаніе неправдоподобнымъ, слѣдовательно, онъ укрѣпляетъ ея участіе въ дѣлѣ, а такъ какъ она умалишенная или, по крайней мѣрѣ, ненормальная женщина, то онъ становится за нею, какъ за ширмами. Все происшествіе облекается покровомъ таинственности, подъ которымъ можно сочинять, что угодно: его служительское, или, пожалуй, и любовническое подчиненіе субъекту находящемуся въ состояніи или невмѣняемости, или близкомъ къ невмѣняемости. Своимъ скрываніемъ Худинъ Островлеву тянетъ за собою въ бездну: одинъ я погибну, а вдвоемъ, по состраданію присяжныхъ къ сумасшедшей, можетъ быть, и спасусь.

Наконецъ, что касается до самой Островлевой, то это такой ненормальный человѣкъ, такой уродливый субъектъ, что судить его по тѣмъ основаніямъ, по которымъ мы судимъ здоровыхъ субъектовъ, нельзя, потому что она, несомнѣнно, психически больная, юродивая, помѣшанная женщина, которая только потому судится, что не всякая психическая болѣзнь освобождаетъ отъ психической отвѣтственности, слагаетъ психическую отвѣтственность. Вся трудность дѣла заключается въ томъ, чтобы опредѣлить степень этой болѣзни, ея переступаніе за ту границу, за которой кончается вмѣняемость и начинается невмѣняемость. Граница опредѣлена законами о сумасшедшихъ, которые общіе, растяжимые, и для пониманія ихъ и примѣненія необходимы эксперты; и была эта экспертиза произведена съ такою полнотою, какъ рѣдко, такими авторитетами, какъ рѣдко, и съ такимъ блескомъ, какъ рѣдко. Законъ требуетъ, чтобы вы эти резонированные, осмысленные и на фактахъ осно-

ванные заключенія, брали только какъ матеріалъ, чтобы вы имъ не подчинялись и съ ними совладали. Въ двухъ случаяхъ по смыслу закона, вы обязаны признать невмѣняемость: 1) если общее состояніе больной таково, что, чтобы она ни дѣлала, она не можетъ быть признана отвѣтственною за свои поступки; 2) если, хотя бы она и считалась отвѣтственною за свои поступки, въ день кануна Александрова дня она находилась въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства. Вопросовъ этихъ два. Постараюсь, съ точки зрѣнія защиты, доказать, почему вы должны высказаться по обоимъ вопросамъ за невмѣняемость.

Есть извѣстныя явленія въ жизни человѣка и вообще животныхъ, которымъ присвоено названіе психическихъ или душевныхъ; всѣ эти явленія могутъ быть подведены подъ 3 капитальные виды дѣятельности или отправленія: чувствованіе, мышленіе и воля. Абсолютное ихъ обособленіе невозможно, въ каждомъ видѣ дѣятельности, присущи элементы двухъ другихъ функциональных дѣятельностей. Всякая психическая жизнь начинается съ нервныхъ раздраженій извнѣ, пріятныхъ или непріятныхъ, которыя на языкѣ психическихъ наблюденій, называются чувствованіемъ; изъ этого матеріала вырабатываются, очищаясь и все болѣе и болѣе охлаждааясь, представленія, понятія и найотвлеченнѣйшія идеи. Всякое раздраженіе имѣетъ наклонность переходить въ движеніе, это движеніе бываетъ безсознательное, автоматическое, простой рефлексъ, или болѣе или менѣе обдуманное, съ страстнымъ порывомъ совершенное или вполне хладнокровное. Съ другой стороны, идея будетъ безжизненна въ своемъ холодномъ состояніи: ей нужно согрѣться чувствомъ, чтобы перейти въ живое дѣло. Есть и великолѣпные примѣры господства воли надъ мышленіемъ: я могу заставить мысль мою остановиться на любомъ предметѣ съ вниманіемъ и продолжать цѣлый рядъ умствованій методически, математически. Наконецъ, въ нашихъ отвѣтахъ на натискъ из-

нѣ, на вліянія окружающей среды, есть цѣлая градация въ достоинствѣ этихъ отвѣтовъ, смотря по участию въ нихъ другихъ функций: есть простой рефлексъ, бессмысленный, съ помощью одного спиннаго мозга, къ которымъ способны и съ вынутымъ головнымъ мозгомъ животныя; есть страшные порывы, осложненные импульсомъ внезапнаго, не разсуждающаго чувства; есть внезапные осмысленные отвѣты, по вдохновенію, и есть зрѣло обдуманная дѣйствія, послѣ долгаго размышленія, въ которыхъ первоначальное звѣно раздраженія такъ далеко, что его и не видать, а въ которыхъ движеніе совершается по одному, такъ называемому, идеомоторному процессу. Была идея, начало, убѣжденіе, по этому убѣжденію я рѣшилъ, хочу и дѣлаю. Вся культура, вся цивилизация выражается, съ одной стороны, въ выработкѣ и преобладаніи мозга, нервной системы въ человѣческомъ тѣлесномъ организмѣ, съ другой, въ возможно большемъ количествѣ идеомоторныхъ процессовъ, въ возможно большемъ разстояніи между получаемымъ раздраженіемъ и его неизмѣримо далекими и черезъ горнило сознанія проходящими результатами, причемъ каждый такой результатъ, является продуктомъ не этого первоначальнаго раздраженія, а отвѣтомъ, который ему данъ всѣмъ характеромъ, всѣми пережитыми, въ скрытомъ состояніи находящимися опытами и всѣми привычками мысли, чувствъ и дѣла.

Всѣ эти функциональные процессы: мыслительный, чувствительный и волевой неодинаково изслѣдованы. Мышленіе, легче наблюдавшееся и давшее начало цѣлой наукѣ — логикѣ, стоитъ на первомъ планѣ, психическая чувствительность и психическая воля находятся, если не въ зачаточномъ, то въ близкомъ къ нему состояніи; вотъ почему и въ ученіи юридическомъ о невмѣняемости, а слѣдовательно, и въ законахъ, обрисовались почти одиѣ болѣзни мышленія напр. сумасшествіе, прирожденное безуміе, умозвѣстствленіе, отсутствіе сознанія или безпамятство, а пропущены болѣзни чувствъ и болѣзни воли. Я полагаю, что

вы, гг. присяжные засѣдатели, довольствуетесь не вызывающим сомнѣній утвержденіемъ экспертовъ; теперешняя психіатрія безусловно допускаетъ и болѣзни чувствъ и болѣзни воли, какъ причины, совершенно отрицающія вѣроятность. Это замѣчаніе имѣетъ коренное значеніе для Островлевоу, потому что главное ея уродство не по части мышленія и познанаія, но отчасти въ сферѣ чувствъ, а наиболѣе въ сферѣ воли. Вы примете въ соображеніе, что нашъ проектированный уголовный кодексъ, относить къ состоянію невѣроятности и людей, которые не разумѣютъ совершеннаго или, которые не могутъ руководить своими поступками.

И такъ надо считаться и съ болѣзнями воли. Я позволю себѣ остановиться на нихъ, прежде чѣмъ перейду къ Островлевоу. Совершенство воли, выработка характера, въ душевной организаціи человѣка есть вѣнецъ зданія, послѣдняя и даже всего развивающаяся способность, самая сложная изъ душевныхъ дѣятельностей, имѣющая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ напр. Ribot, *Maladies de la volonté*, такъ сказать, три этажа, три, если хотите, ступени: 1) вѣнами унаслѣдованная совокупность автоматическихъ движеній, имѣющихъ видъ рефлексовъ, бессознательныхъ движеній, отвѣчающихъ стройно и машинообразно на извѣстные вызовы, но привычному приспособленію единицъ къ средѣ, 2) не лишенная сознанія импульсивная дѣятельность, по возжеланіямъ, по необузданнымъ порывамъ чувствъ или страстей. Человѣкъ раздражается, чувствуетъ мысль, мыслить чувствуя и въ пылу неостывшаго раздраженія, раздражается дѣйствіемъ, имѣющимъ весьма личный и страстный характеръ. Наконецъ 3) идеомоторная дѣятельность безличная, безстрастная, обдуманная, которая и сама можетъ быть источникомъ дѣла и въ примѣненіи къ дѣятельности по страстному порыву является холодильникомъ и тормазомъ, контрольнымъ аппаратомъ. Всѣ люди, даже и необразованные, но не дикіе, живущіе въ обществѣ, предполагаются обладаю-

щими этимъ аппаратомъ; на этомъ предположеніи основывается возможность суда и отвѣтственности. Она обнаруживается въ повѣркѣ, она дѣйствуетъ и какъ двигатель, и какъ узда, она противопоставляетъ импульсу слѣпому, стремительному цѣлую массу накопившихся въ душѣ противоположныхъ чувствъ и представленій. Самая высокая и сложная изъ способностей души она и теряется раньше другихъ. Разложеніе идетъ прогрессивно съ высшей ступени къ низшей, сначала теряется идеомоторность, человѣкъ является животнымъ необузданнымъ, рабомъ страстей, затѣмъ и это пропадаетъ и внѣшняя дѣятельность человѣка нисходитъ до простого автоматизма. Еще одно и послѣднее замѣчаніе, которое я вывожу изъ экспертизы. Есть большая разница въ ходѣ заболѣванія, а слѣдовательно и въ оцѣнкѣ вмѣняемости между субъектами, со здоровою вообще психическою организаціею и съ людьми съ психопатическою организаціею, расположенною, отъ природы къ заболѣванію. Когда на почвѣ здороваго мозга, является психическая болѣзнь, то она развивается не быстро, проходитъ чрезъ извѣстный циклъ явленій и, если излѣчима, то излѣчивается радикально. Напротивъ того, на психопатической почвѣ болѣзнь развивается быстро, точно выстрѣлъ изъ пистолета, не проходитъ цикла явленій, соответствующихъ опредѣленной формѣ болѣзней, внѣдрившихся въ здоровый организмъ и, если и оканчивается выздоровленіемъ, то это выздоровленіе не прочно, а есть полная вѣроятность неизбѣжныхъ почти рецидивовъ.

Обращаюсь къ Островлевой. Она, субъектъ отъ природы уродливый, природою обдѣленный и обреченный, можно сказать, на гибель. До того аномальный, психопатическій въ такой высокой степени, что врачи только колеблются, не совсѣмъ ли она въ невмѣняемости обретающееся существо и колеблются потому только, что наименѣе пораженная часть ея психическаго снаряда есть еще разумніе, что въ этомъ разумніи еще толь-

ко мелькали порою ложныя идеи, и что, вмѣщая въ себѣ признаки разныхъ формъ душевнаго заболѣванія, ея состояніе какъ то бываетъ у психопатическихъ субъектовъ, не можетъ быть отнесено къ какой либо определенной формѣ болѣзни, занумерованной въ наукѣ по опытамъ надъ заболѣвающими здоровыми субъектами.

У нея черепъ неправильный отъ бывшей въ малолѣтствѣ водянки, сложеніе скорѣе мужское, чѣмъ женское, манеры и хватки мужскія. У нея регулы съ дѣтства неправильныя. Она истеричка, происходитъ отъ отца, страдавшаго алкоголизмомъ и сама не прочь была употреблять крѣпкіе напитки. Съ раннихъ поръ въ ней отмѣтились отклоненія отъ нормальнаго хода психической дѣятельности не въ одной, а во всѣхъ 3-хъ областяхъ дѣятельности психической; они стали замѣтны особенно съ того времени, когда въ ея умственномъ развитіи, довольно раннемъ и спѣшномъ, въ 16-омъ году, случилась остановка, а потомъ быстрый регрессъ.

Эти отклоненія въ сферѣ чувствованій весьма разительны и обнаруживаются, прежде всего, въ извращеніи половой похоти, въ любви и ухаживаніи только за женщинами, до сихъ поръ, до настоящаго времени, за товарками, за подозрительными лицами; за всѣми, но только не за мужчинами, и не вслѣдствіе разврата, а просто отъ природы — *folie de l'instinct sexuel*. И въ ея умственной области мы видимъ тоже странныя аномаліи. Живость воображенія только въ наклонности къ идиотической смѣшливости и грубой шуткѣ; отсутствіе сообразительности; неумѣніе считать; отсутствіе ассоціаціи идей по причинности и ассоціація только по контрастамъ; галлюцинаціи; появленіе ложныхъ идей и ложныя идеи, напр., манія преслѣдованія и навязчивость идей, боязнь забеременить отъ ванны. Если бы эти идеи были устойчивы, то это и достаточно было бы для признанія Островлевоу маніакомъ, но они не кристаллизировались, вслѣдствіе того, что, по примѣру всѣхъ исте-

рическихъ женщинъ, Островлева перескакивала поминутно съ предмета на предметъ.

Но самыя важнѣйшія ненормальности, очевидно, въ области дѣйствій Островлевой, ея поступковъ. Болѣзни воли бываютъ многообразны. Есть — *abulia*, отсутствіе воли, безсиліе ея. Человѣкъ обладаетъ полнымъ разумомъ и сознаниемъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, онъ даже рѣшаетъ внутренно: хочу, но это хочу не превращается въ дѣйствіе. Онъ голодать будетъ при поднесенныхъ ему кушаньяхъ, потому что надо протянуть руку, чтобы къ нимъ дотронуться, онъ будетъ ходить до упаду, когда ему сказано ходить. Есть другой отгѣнокъ абуліи—бездѣйствіе отъ толпящихся чувствъ и мыслей, отъ противодѣйствующихъ и возникающихъ сомнѣній (*Grübel-sucht-Folie du doute* — сумасшествіе сомнѣнія). Съ такого рода болѣзью мы не имѣемъ дѣла у Островлевой.

Но есть другаго рода болѣзни воли. Бываютъ случаи, когда человѣкъ вполне сознательно можетъ просить: «свяжите меня, чувствую неодолимое влеченіе убить отца, мать, ребенка»: манія безъ бреда. Есть и другой видъ этой болѣзни — *folie impulsive*, особенно свойственной людямъ истеричнымъ, не постояннымъ, перескакивающимъ съ предмета на предметъ, капризнымъ, неустойчивымъ. Двѣ черты замѣтны: а) полная неспособность къ наивысшему усилю воли, вниманію, обращенному, напр., на одинъ предметъ, и б) ослабленіе всякаго контроля со стороны ума; по малѣйшему, незначительному, незамѣтному и вполне недостаточному раздраженію, является внезапное побужденіе, рождающееся въ нѣдрахъ состоянія безсознательнаго, которое, минуя всякій контроль, всякую повѣрку раздражается громовымъ ударомъ и роковымъ образомъ, завладѣвая до такой степени лицомъ, что, совершивъ дѣйствіе, оно не чувствуетъ никакихъ упрековъ совѣсти, оно не сознавало и не помнитъ никакой борьбы мотивовъ, борьбы побужденій. Оно совершило злодѣяніе, но и не раскаивается, что совершило.

Такой видъ болѣзни ваши эксперты и изучали; вотъ почему они и убѣждены въ невмѣняемости Островлевоѣ. Отмѣтимъ прежде всего ея полную зависимость отъ состоянія ея нервовъ, перемежающагося и двоякаго: менѣе возбужденнаго и болѣе возбужденнаго съ бредомъ, неистовствомъ, ложными идеями, послѣ чего наступаетъ угнетеніе. Даже въ обыкновенномъ состояніи она женщина вспыльчивая и вслѣдствіе слабости вазомоторнаго снаряда изъ мертвооблѣдной переходитъ въ темнокрасную и наоборотъ. Въ возбужденномъ состояніи она неистовствуетъ, бросается изъ окна, кидаетъ на людей палкою, согохульничаетъ, топаётъ ногами, порывалась бить мать. Въ одинъ день и часъ въ тюрьмѣ она дѣлаетъ три попытки самоубійства (см. книгу Лихачева, 1882 г. «По С.-Петербургу 1866—1880 г. на 100 самоубійствъ 45% по неизвѣстнымъ мотивамъ, а изъ остальныхъ 55%—19^(1/3)) по душевнымъ болѣзнямъ. По исчисленіи психіатровъ вообще предполагается, что 30—40% самоубійць приходится на психическихъ больныхъ). Она самое капризное, самое непостоянное существо, вырожденіе поступательное и безпредѣльное, съ полною невозможностью дойти до полного здоровья.

Если бы было доказано, что она была въ возбужденномъ состояніи 29 августа, то нельзя было бы колебаться на счетъ оправданія. Была ли она возбуждена? Съ достовѣрностью сказать этого нельзя, но многія обстоятельства дѣлаютъ это предположеніе крайне вѣроятнымъ. Болѣзнь подруги въ этотъ вечеръ, печаль, графинь съ ливеромъ, ѣзда ночью невѣдомо куда на Лахту, потомъ торжественное состояніе послѣ продажи лошади, угощеніе, веселіе, хохоть.

Еще одно и послѣднее заключительное замѣчаніе относящееся къ Худину и Островлевоѣ. Все произшествіе такого рода, что не даетъ вамъ никакого права отвѣчать утвердительно на вопросъ о разбоѣ, о томъ, что произведено нападеніе съ насиліемъ и нанесеніемъ ударовъ извощику съ цѣлью его ограбить. Можно себѣ

представить, что извозчикъ не хотѣлъ ѣхать, что Худинъ съ нимъ подрался, что нанесъ ударъ, что отъ этого удара Худина извозчикъ струсиль и притворился мертвымъ, что очутившись въ такомъ положеніи, Худинъ и Островлева ускакали, снявъ армякъ съ считавшагося мертвымъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, такъ, что было не убійство, не разбой, а драка плюсъ насиліе и нанесеніе ударовъ въ аффектъ, а потомъ похищеніе вещей, считаемаго мертвымъ, чтобы скрыть слѣды преступленія. Я васъ прошу обратить вниманіе на эти особенности и отвѣтить наиболѣе близкимъ къ правдѣ способомъ. Отъ нихъ зависить въ высокой степени судьба и участь подсудимыхъ.

Присяжные засѣдатели признали фактъ преступленія доказаннымъ, но безъ задуманнаго намѣренія открыто похитить, безъ нападенія и угрозы, и не считая извозчика Савина въ безсознательномъ состояніи на сумму менѣе 300 рублей; причемъ, относительно виновности подсудимыхъ признали Островлеву не виновною, а Худина виновнымъ, но безъ уговора съ другимъ лицомъ и заслуживающимъ снисхожденія.

На основаніи этого рѣшенія присяжныхъ засѣдателей СПб. окружный судъ *опредѣлилъ*: 1) дочь титул. совѣтника Юлію Островлеву признать по суду оправданною и 2) крестьянина Антона Худина лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на два года, съ послѣдствіями по 48 ст. уложеніяхъ о наказаніяхъ.

Дѣло Мельницкихъ.

Съ 17-го по 23-е декабря 1883 года въ московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о Борисѣ, Варварѣ и Львѣ Мельницкихъ, Альбертѣ Дорвойдтѣ, Валентинѣ Гетманчукъ и Еленѣ Блесе, преданныхъ суду по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 4 отд. 13, 2 отд. 14 и 3 ч. 354 ст. улож. о наказ. Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей всѣ эти лица оправданы, причемъ однако фактъ совершенія преступленія признанъ доказаннымъ по отношенію къ Борису Мельницкому, Альберту Дорвойдту, Валентинѣ Гетманчукъ и Вѣрѣ Мельницкой. На приговоръ суда и присяжныхъ были принесены со стороны прокурора московскаго окружнаго суда кассационный протестъ и со стороны гражданскаго истца, повѣреннаго правленія Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома прис. пов. Шмакова и повѣреннаго Льва Мельницкаго прис. пов. Герарда, кассационныя жалобы.

Разборъ дѣла происходилъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената 13 марта 1884 г.

Речь прис. пов. В. Д. Спасовича въ защиту одного изъ подсудимыхъ.

Настоящее засѣданіе отмѣтится въ лѣтописяхъ нашей кассационной практики, какъ одно изъ самыхъ важныхъ по тѣмъ неисчислимымъ послѣдствіямъ, какія оно будетъ имѣть и которыми опредѣлится на будущее время

образъ дѣйствія и функціонированіе суда присяжныхъ. Съ 1878 г. не было еще столь важнаго, столь рѣшающаго момента. До 1878 года институтъ присяжныхъ дѣйствовалъ во всеобщему, нивѣмъ не оспариваемому удовольствію. Въ 1878 г. онъ пошатнулся. Законъ 8-го мая 1879 г., изъявшій часть дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, правда, только временно, а, именно, всѣ дѣла о посягательствѣ на власть, о сопротивленіи ея органамъ, объ оскорбленіи этихъ органовъ, выразилъ, что судомъ присяжныхъ недостаточно ограждено въ этихъ дѣлахъ государство, что присяжные недостаточно отстаиваютъ государственный въ этихъ дѣлахъ интересъ. Теперь набѣжала другая волна. Теперь ставится вопросъ, что присяжными недостаточно охраняется казенная собственность, мірскія деньги, вообще, общественная собственность, отъ всякаго рода хищеній, что они склонны, вообще, извинять казнокрадство. Можетъ быть, набѣжитъ современемъ и третья волна, можетъ быть, стануть находить, что и для разбирательства простой кражи, простаго убійства, или нанесенія ранъ—присяжные судьи слишкомъ слабые, мягкосердныя, что въ судьи и въ этихъ дѣлахъ они не годятся. Отголоски этихъ ходячихъ толковъ раздаются вездѣ. Они возмущаютъ теперь непривычные къ нимъ свода залы засѣданій кассационнаго департамента. Ими только я объясняю ту страстность, которою дышутъ кассационныя протесты и жалобы на рѣшеніе московскаго окружнаго суда по дѣлу Мельницкихъ. Въ протестѣ прокурора Войтенкова прямо выражено, что приговоръ этотъ не удовлетворяетъ требованіямъ правосудія, не удовлетворяетъ по содержанію, явно не удовлетворяетъ по существу, что судьи, значитъ, судили не праведно. Я не смѣю даже и воспроизвести то многое и, несомнѣнно, лишнее, что содержится въ жалобѣ повѣреннаго воспитательнаго дома, г. Шмакова. Страстность эту можно не одобрять, но понять ее легко. Я самъ не въ состояніи говорить совершенно кладнокровно. По настоящему дѣлу судятся не лица, не Мельницкіе, Дорвойдтъ, Гетманчукъ, кото-

рыхъ я вовсе и не знаю, которые представляются для меня, какъ условныя имена, какъ условныя знаки, а обвиняется и судится самъ институтъ присяжныхъ, обличаемый въ дурномъ и неправильномъ дѣйствованіи. Этотъ институтъ выросъ на нашихъ глазахъ, взлелѣянъ нашими руками, на него мы молились, его мы нѣжили и чествовали, а теперь, можетъ быть, будемъ собственными руками разрушать. Не правда-ли, впечатлѣніе похоже на то, какое бываетъ у пациента передъ ампутаціею, когда собираются ему отрѣзать кусокъ его же тѣла. Я не вправѣ вносить въ дѣло личную страсть, но да будетъ мнѣ разрѣшено, въ виду того, что разбирается живой и наболѣвшій вопросъ, говорить не стѣсняясь и называя вещи ихъ надлежащими именами вполне и совершенно откровенно, выразить безъ иносказаній, какими онѣ мнѣ представляются. Здѣсь предлагаемы были крупныя мѣры для обузданія рѣчей защиты. Эти мѣры еще не приняты, слово защиты еще свободно; да будетъ и мнѣ позволено, можетъ быть, въ послѣдній разъ воспользоваться имъ во всемъ объемѣ этой свободы.

Вопросъ на мой взглядъ ставится такой: дѣйствительно-ли есть основаніе думать, что дѣло, подобное настоящему, не единичный фактъ, не единичный того рода приговоръ, что имъ обнаруживается общій порокъ, общій недостатокъ въ образѣ дѣйствованія суда присяжныхъ, уклоняющемся отъ своего назначенія, и неправильнымъ? Если это вѣрно, то какими средствами надлежало бы злу противодѣйствовать, какими его врачевать? Какія изъ этихъ мѣръ и способовъ зависятъ специально отъ кассационной практики правительствующаго сената, вообще, и какія вызываются, въ особенности, явленіями, обнаруженными и раскрытыми по дѣлу Мельницкихъ, явленіями, на которыя указываютъ, какъ на явные признаки довольно далеко подвинувшейся болѣзни, которою одержимъ институтъ? Прежде всего, ставится ребромъ вопросъ, дѣйствительно-ли существуетъ та болѣзнь, слѣдствіемъ которой бывають, по словамъ протеста, неудовлетворяющіе

требованіямъ правосудія приговоры? Собственно говоря, ни одинъ такой случай не можетъ быть точно и юридически доказанъ. Причина тому простая. Присяжные рѣшаютъ дѣло окончательно и по существу, на основаніи такихъ фактическихъ данныхъ, которыхъ никто потомъ, не исключая и кассационной инстанціи, не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи. Слѣдовательно, какъ только не усмотрѣно въ ихъ дѣятельности отступленія не отъ живой дѣйствительности, а только отъ предписаній закона, отъ законныхъ формъ и обрядовъ, или не оказывается поводовъ къ пересмотру ихъ рѣшенія, то ихъ рѣшеніе дѣлается закономъ и, *pro veritate habetur*, вопросъ о томъ, правъ-ли ихъ судъ, или не правъ, остается открытымъ только между ихъ совѣстью и Богомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ вопросъ о правотѣ по содержанію каждаго приговора суда присяжныхъ — для общества самый существенный, которымъ оно постоянно озабочено и, ради котораго само судоговореніе устроено публичное и обставлено условіями устности и гласности. Общество, какъ извѣстно, держится закономъ, иначе оно тотчасъ же бы распалось на свои составные атомы. Законъ — его цементъ, его живая связь, онъ походитъ на сводъ въ зданіи, онъ ограждаетъ свободу каждаго лица въ его правовой области. Всякій разъ, когда онъ не исполняется, его надо возстановлять. Работа постоянного ремонтрованія возложена на судъ. Разъ судъ не будетъ исполнять своей задачи, стѣны зданія будутъ трескаться, общество начнетъ разлагаться. Для общества важно, конечно, въ высокой степени, чтобъ судъ правильно дѣйствовалъ, но еще можетъ быть важнѣе и существеннѣе, чтобы всѣ были убѣждены, что онъ только удовлетворительно и только правильно дѣйствуетъ. Когда всѣ убѣждены въ томъ, что судъ работаетъ, какъ слѣдуетъ, то тотъ или другой его промахъ, тотъ или другой случай уклоненія суда отъ своего назначенія проскользаютъ незамѣтно, не возбуждая нареканій и общество чувствуетъ себя здоровымъ.

Вспомните, гг. сенаторы, дѣло Протопопова съ гр. Коскулемъ; оно не произвело глубокаго и дѣлающаго впечатлѣнія, а въ сущности, вѣдь, оно было однородное съ дѣломъ Вѣры Засуличъ, которое произвело даже измѣненіе въ законодательствѣ. И прежде бывали оправдываемые судомъ случаи казнокрадства или растраты общественныхъ суммъ, я бы могъ десятки ихъ привести изъ практики, напр., с.-петербургскаго окружнаго суда. Но эти случаи не обращали на себя вниманія. Теперь, каждое лыко идетъ въ строку, каждый фактъ отмѣчается и зачисляется. Дѣйствительно, отмѣчаемые факты некрасивы. Если признается, что содѣянное доказано, а содѣяно оно лицами взрослыми, дѣйствовавшими въ состояніи вмѣняемости, сознательно и свободно, которыя, однако, послѣ того провозглашены невиновными, то какой-же изъ этого возможенъ выводъ? Только тотъ что законъ не исполняется, что онъ не господствуетъ, что на мѣсто его становится милосердіе гг. присяжныхъ засѣдателей, что если въ статьѣ закона написано: кто совершитъ такое-то дѣйствіе, подвергается такому-то наказанію, то надлежитъ читать: кто совершилъ такое-то дѣйствіе и гг. присяжнымъ засѣдателямъ угодно было признать его виновнымъ, тотъ за сіе подвергается такому-то наказанію. Такимъ образомъ дѣла долго идти не могутъ. Присяжные не располагаютъ правомъ помилованія, они призваны не на то, чтобы проявлять высокія чувства состраданія и милосердія, а чтобы возстановлять нарушаемый законъ. Если они не будутъ исполнять своего назначенія, то самъ институтъ будетъ по необходимости замѣненъ чѣмъ нибудь другимъ. Безъ него существовало государство многіе вѣка, оно найдетъ, чѣмъ его замѣстить. Съ этой точки зрѣнія смотря на дѣло, я готовъ допустить, что институтъ боленъ, серьезно боленъ, что худшую услугу оказываютъ ему его льстецы и хвалители, распинающіеся за его непогрѣшимость, что лечить его надо энергически и немедленно, такъ какъ болѣзнь уже давно существуетъ

и запущена, а дальнѣйшее ея запущеніе можетъ довести до необходимости ампутаціи.

Итакъ, леченіе необходимо и подлежитъ леченію не институтъ присяжныхъ, вообще, по своей идеѣ, а только институтъ присяжныхъ въ Россіи, какъ общій продуктъ всѣхъ условій, содѣйствовавшихъ въ теченіи 18 лѣтъ его существованію, его развитію, какъ институтъ воспитанный всѣми тѣми дѣятелями, которые съ нимъ соприкасались, за нимъ ухаживали, ему прислуживали, его баловали, его систематически искажали и портили. Всѣ факторы, содѣйствовавшіе его развитію и порчѣ должны теперь соединиться и, дѣйствуя дружно, помочь уврачеванію больнаго учрежденія. Прежде всего, существованіе института зависитъ отъ самаго закона, отъ власти законодательной. Отъ законодателя зависитъ, прежде всего, дать суду въ руки порядочный уголовный кодексъ, болѣе удовлетворительный, нежели тотъ, которымъ мы орудуемъ съ 1845 года и, при которомъ можно еще удивляться, что не бываетъ еще больше оправдательныхъ приговоровъ. Затѣмъ отъ законодателя зависитъ установить, извѣстныя личныя условія, требуемыя отъ присяжныхъ, возвысить образовательный цензъ. Не высоки были бы наши требованія знанія, но, я полагаю, что подсудимые могли бы претендовать на то, чтобы ихъ судили люди, обладающіе знаніемъ азбуки. Законодатель могъ бы исключить изъ закона и тотъ отводъ присяжныхъ безъ показанія причинъ, который много возбуждаетъ нареканій, а пользы не приноситъ никакой. Не всѣ условія существованія института, дарованныя ему законодателемъ, осуществлены въ жизни, нѣкоторыя задержаны администраціею, властями, которымъ поручено веденіе списковъ присяжныхъ. Исполняется ли, напримѣръ, пунктъ 5 ст. 84 учрежденія, по которому повинность присяжныхъ засѣдателей должны нести въ столицахъ получающіе дохода 500 руб., а въ провинціи 200 руб. отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла? Я утверждаю, что не испол-

няется, что въ засѣдатели попадаютъ, главнымъ образомъ, помѣщикъ, который тяготеетъ этимъ занятіемъ, чиновникъ, крестьянинъ. Кромѣ законодательной власти и администраціи, на развитіе института вліяли всѣ составныя части персонала судебного вѣдомства, подчиненнаго уголовному кассационному департаменту: магистратура, прокуратура, адвокатура. Кто безъ грѣха? На вопросъ: исполнили ли эти органы всѣ свои обязанности по отношенію къ институту, какъ слѣдуетъ? едва ли не придется дать отвѣтъ отрицательный. Наши судьи коронныя такъ были сердечно рады, въ такое приплыли умиленіе, когда имъ пришлось водворять учрежденіе, обновляющее весь порядокъ производства, что съ ними произошло нѣчто подобное тому, что описано въ евангеліи, какъ поклоненіе волхвовъ младенцу Іисусу. Всѣ торопились ударить челомъ, поклониться Мессіи, передать дары и власть, втолковать ему, какой великій и почти таинственный смыслъ заключается въ великомъ словѣ, которое имъ придется произносить: «виновенъ», объяснять присяжнымъ, что ихъ спрашиваютъ не о голыхъ дробныхъ фактахъ внѣшнихъ, а по внутреннему убѣжденію совѣсти о цѣльной винѣ. Что касается до прокуратуры и адвокатуры, то отъ нихъ и требуется меньше и нельзя съ нихъ много взыскивать за результаты дѣятельности присяжныхъ. Вѣдь, это только составляющіяся стороны, скорѣе стихійныя силы, чѣмъ руководители. Ихъ слово никогда не принимается на вѣру безъ критической оцѣнки. Кромѣ того, ихъ работа — искусство, художество. Какъ обвиненіе, такъ и защита имѣютъ реальную подкладку, но всякій знаетъ, что, по своему назначенію, они реальные факты обязаны укладывать, подстраиывать, прихорашивать, чтобы произвести извѣстное одностороннее впечатлѣніе. Наконецъ, институтъ присяжныхъ зависитъ еще отъ одной власти—отъ кассационной инстанціи. Если можно сказать, что законодатель есть какъ бы отецъ учрежденія, если адвокатура, прокуратура и даже магистратура представляются,

какъ-бы, служителями и охранителями института присяжныхъ, то несомнѣнно, что правительствующему сенату, съ его кассационною практикою, подобаеъ званіе и наименованіе пѣстуна, воспитателя суда присяжныхъ, роль опытнаго педагога.

Спрашивается, какимъ образомъ сенатъ справился съ этою, возложеною на него многотрудною задачею. Я думаю, что могу опредѣлить эту дѣятельность двумя главными чертами. Во-первыхъ, вопроса о правѣ присяжныхъ не только судить, но и миловать сенатъ никогда еще не разбиралъ. О томъ, что оно передавалось присяжнымъ съ самаго появленія ихъ, онъ какъ будто бы не зналъ до дѣла Мельницкихъ. Съ другой стороны, сенатъ на институтъ смотрѣлъ, какъ на вещь ломкую, нѣжную, хрупкую, точно хрустальную, которую слѣдуетъ постоянно держать, такъ сказать, подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобы она не разбилась; вещь, которую надобно ограждать отъ всякихъ дурныхъ вліаній до такой степени, по взглядамъ сената, что прочтеніе малѣйшей, непоименованной въ уставѣ судопроизводства бумаги, выслушаніе всякаго лишняго, не относящагося къ дѣлу, свидѣтеля, уже можетъ испортить весь результатъ ихъ дѣятельности. Коснувшись этого неправильнаго, по моему мнѣнію, взгляда на присяжныхъ, я такъ сказать, вѣхалъ въ самую середину кассационныхъ протеста и жалобы, потому что обѣ эти бумаги сводятся къ 2 пунктамъ: во 1-хъ, къ указанію на неправильную постановку вопросовъ, и во 2-хъ, къ указаніямъ на то, что по дѣлу Мельницкихъ присяжные засѣдатели не были достаточно изолированы, что предсѣдательствующій не держалъ ихъ все время подъ стеклянными колпаками, что были какія-то вѣянія извнѣ, которыя до нихъ доносились или могли доноситься и содѣйствовать образованію ихъ убѣжденія по дѣлу, независимо отъ слышаннаго на судѣ. Къ числу такихъ упущеній относится и нарушеніе, яко бы, судомъ 616 ст. разрѣшеніемъ присяжнымъ расходиться ночевать по

домамъ. Гг. сенаторы, попавшій въ составъ присяжныхъ, по извѣстному дѣлу, дѣлается, въ нѣкоторомъ отношеніи узникомъ, арестантомъ. Если бы не знающій нашихъ порядковъ иностранецъ зашелъ въ засѣданіе и, видя съ двухъ сторонъ наполненные сидѣльцами скамьи, задался вопросомъ: гдѣ подсудимые? то онъ легко могъ бы ошибиться и принять за подсудимыхъ тѣхъ 12 человекъ, которые, превратившись въ рѣшителей судебъ, являются окруженными жандармами, съ саблями наголо, и шагу не дѣлающими безъ сторожей и судебныхъ приставовъ. Засѣданія длятся иногда много дней. Какъ быть съ ночлегами? Самъ законъ допустилъ возможность доставленія присяжнымъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣкотораго въ этомъ отношеніи удобства, разрѣшилъ отпускать ихъ по домамъ. Ст. 616 гласитъ, что только по дѣламъ особенной важности предсѣдатель можетъ преградить всякія сношенія присяжныхъ съ внѣшнимъ міромъ, можетъ заставить ихъ ночевать въ судѣ. Признакъ особенной важности дѣла есть обстоятельство, до того съ существомъ дѣла связанное, что оно и выдѣлено быть не можетъ изъ этого существа, которое кассационной инстанціи не подлежитъ и ей безусловно недоступно. Смыслъ закона, значитъ, таковъ, что предсѣдателю предоставляется дискреціонная, неограниченная и безконтрольная власть обсудить, можно ли отпустить присяжныхъ домой, или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, правительствующій сенатъ озаботился этотъ предметъ нормировать, вопреки закону, своими рѣшеніями, и циркуляромъ онъ это право предсѣдателя значительно ограничилъ: онъ установилъ этимъ циркуляромъ, что нельзя отпускать присяжныхъ домой, когда судятся дѣла о преступленіяхъ, влекущихъ за собою наказанія уголовныя: каторгу или поселеніе. Сенатъ требуетъ, чтобы въ протоколѣ объ отпускѣ по домамъ были объяснены причины, почему присяжные отпущены, и указаны мѣры, предупреждающія вліанія на нихъ извнѣ. Я полагаю, что такимъ образомъ 616 ст. сѣужена и стѣснена по-

средствомъ разныхъ кассационныхъ надстроекъ. Оставалась маленькая продушина, но и ее хотять теперь законопатить. Лучше, конечно, закрыть совсѣмъ это отверстие вопреки прямому закону, чѣмъ возиться съ вопросомъ, умаляя отверстие такъ, что чрезъ него никогда не пройдешь. Лучше прямо запретить всякій роспускъ присяжныхъ по домамъ. Какъ можетъ убѣдиться сенатъ, что дѣло это особенно важное? По своему назначенію никакимъ критеріемъ сенатъ не обладаетъ для разрѣшенія этого вопроса. Я могу въ данномъ случаѣ предъ окружнымъ судомъ доказывать, что дѣло важное, но какъ констатировать въ протоколѣ, что оно не важное? Какъ устанавливать фактъ отрицательный? Какія особы мѣры могутъ быть приняты для огражденія отъ сношеній ночующихъ на дому присяжныхъ съ внѣшнимъ міромъ? Нельзя же давать каждому присяжному, въ качествѣ ангела-хранителя, обязаннаго ночевать въ той же комнатѣ судебного пристава, жандарма или даже сторожа. Не было ли бы правильнѣе, еслибы правительствующій сенатъ отступился отъ своего циркуляра и разобралъ собственную надстройку надъ закономъ, которая этотъ законъ совсѣмъ видоизмѣнила. Не лучше ли попробовать постепенно снимать тѣ стеклянные колпаки, подъ которые поставлено учрежденіе.

Перехожу къ вопросу объ указываемыхъ въ протестѣ и жалобѣ нѣкоторыхъ излишествахъ, заключающихся въ прочтеніи ненужныхъ документовъ, лишнихъ бумагъ. Толкованія статей 625, 629 и 687 выросли въ кассационной практикѣ на подобіе вѣтвистаго, густою листвою покрытаго дерева, подъ которымъ тѣнь такова, что не пропускаетъ ни одного луча свѣта. Вся эта, на буквоѣдствѣ основанная, казуистика лишена всякой идеи, всякаго принципа и столь запутана, что кассационный сенатъ поминутно себѣ противорѣчилъ: то признавалъ, что можно все читать, лишь бы съ согласія сторонъ, то не разрѣшалъ читать, хотя бы стороны на это согласились; то запрещалъ читать показанія подсудимаго, даже если под-

судимый самъ того просилъ, то разрѣшалъ, то считалъ извѣстный документъ вещественнымъ доказательствомъ, то не считалъ. При такихъ противорѣчiяхъ слѣдовало бы прямо заключить, что надлежало бы отъ всей этой казуистики отказаться, выбросить ее за бортъ и согласовать судебное изслѣдованiе истины съ коренными правилами и началами всякаго изслѣдованiя истины, будь оно судебное или научное. Главный коренной принципъ всякаго научнаго изслѣдованiя тотъ, что изслѣдователь долженъ воспользоваться всѣми, доступными ему, источниками познанiя, разобрать ихъ, отъ перваго до послѣдняго. Правда, въ судебномъ изслѣдованiи дѣло поставлено нѣсколько иначе: изслѣдованiю долженъ быть положенъ предѣлъ во времени и, во избѣжанiе всякихъ вятяжекъ, надлежить, собравъ возможно больше данныхъ, сказать: довольно, больше не собирать, больше свидѣтелей не вызывать, не допускать. Правда еще и то, что при научномъ изслѣдованiи можно и не придти ни къ какому рѣшающему споръ результату, ограничиться осторожнымъ: не знаю, не рѣшилъ; а въ судебномъ изслѣдованiи обязательенъ прямой отвѣтъ: да, или нѣтъ. Но за симъ, во всемъ остальномъ приемы обоихъ изслѣдованiй совпадаютъ, и нельзя даже и придумать, почему нельзя бы было прочесть какую-либо изъ бумагъ, вошедшихъ въ слѣдственное производство. Этого запрещенiя не содержитъ ни ст. 625, устанавливающая, что производство должно быть устное при судебномъ слѣдствiи, но съ изыятiями, ни ст. 629, разрѣшающая зачитать читать всякiя бумаги, имѣющiяся у нея въ рукахъ, ни ст. 687, разрѣшающая читать извѣстные протоколы и не намекающая даже на то, чего читать не дозволено. Запреты создалъ не законъ, а казуистика; не законъ, а она пришла къ тому выводу, что слѣдуетъ давать сосать присяжнымъ только отдѣльные, судомъ выбираемые, и, можетъ быть, не самые сочные кусочки дѣловаго артишока, а не предлагать имъ весь этотъ артишокъ, какъ есть. Я полагаю, что на все

дѣло, какъ оно лежитъ на судейскомъ столѣ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на источникъ, доступный изслѣдованію, изъ котораго каждая сторона можетъ заимствовать свои доводы и доказательства, что все дѣло есть ничто иное, какъ совокупность вещественныхъ доказательствъ.

Опредѣливъ мой взглядъ на кассационный поводъ, заключающійся въ прочтеніи ненужныхъ бумагъ, перехожу къ значенію его въ дѣлѣ Мельницкихъ. По этому дѣлу прочитано было, съ согласія сторонъ, письменное заявленіе при слѣдствіи подсудимой Гетманчукъ, имѣющее значеніе показанія по дѣлу. Практикой установлено, что чтеніе документовъ возможно, если стороны на то согласны. Въ одномъ засѣданіи прокуроръ не соглашался на прочтеніе заявленія, а въ другомъ согласился. Онъ утверждаетъ, что согласился по ошибкѣ на прочтеніе не того, а другаго заявленія, что не то, о которомъ онъ думалъ, было прочитано. И въ этомъ случаѣ онъ могъ, замѣтивъ ошибку, прервать чтеніе, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Мало того: если-бы даже было доказано, что прокуроръ не соглашался на прочтеніе заявленія Гетманчукъ, то оно могло быть прочитано, какъ показаніе самой подсудимой. Вы сами признали своимъ рѣшеніемъ по дѣлу кн. Андроникова (1869 г. № 298), что можно читать показаніе подсудимаго при предварительномъ слѣдствіи, если онъ самъ объ этомъ просить, если онъ на него ссылается, потому что по 634 ст. уст. уг. суд. подсудимому должны быть предоставлены всѣ средства къ оправданію. Говорятъ, что подсудимый можетъ устно повторить въ судебномъ засѣданіи все то, что занесено въ протоколъ слѣдствія. Это не совсѣмъ такъ. Подсудимый можетъ имѣть интересъ въ томъ, чтобы знали, что онъ заявилъ по дѣлу полгода или годъ тому назадъ, что онъ не теперь, а прежде пришелъ къ извѣстному выводу или убѣжденію. Представьте, что въ обвинительномъ актѣ прописано, что при слѣдствіи подсудимый признавался въ преступленіи, между тѣмъ, какъ онъ не признавался. Неужели

ему можетъбыть воспрещено прочтеніе всѣхъего показаній, чтобы изгладить впечатлѣніе, произведенное обвинительнымъ актомъ? Кромѣ показанія Гетманчукъ, кассационнымъ поводомъ является прочтеніе удостовѣренія бѣжецкаго уѣзднаго земскаго собранія отъ 21 сентября 1883 г. о томъ, что подсудимый хорошій человѣкъ, что они надѣются, что Мельницкій возвратится въ ихъ среду очищеннымъ и оправданнымъ. Да, это удостовѣреніе было въ рукахъ присяжнаго повѣреннаго Герарда, который его представилъ суду во время засѣданія. По содержанию своему, оно есть ничто иное, какъ коллективное свидѣтельское показаніе товарищей о его порядочности, о хорошей его нравственности. Относится ли оно къ дѣлу? Я полагаю, что сенатъ не можетъ объ этомъ и судить, такъ какъ онъ не входитъ въ существо дѣла, но съ точки зрѣнія окружнаго суда, не относящимся къ дѣлу его нельзя признать, такъ какъ оно служить, до известной степени, для опредѣленія нравственныхъ качествъ обвиняемаго лица и служило такимъ испоконъ вѣка. Еще въ римскомъ процессѣ подеудимый приводилъ съ собою цѣлый сонмъ, такъ называемыхъ, *laudatores* — свидѣтелей, имѣющихъ удостовѣрить, что онъ человѣкъ достойный и честный. Въ средніе вѣка, такъ называемые, *Eidshelfer* или соприсяжники являлись самъ-третей, самъ-семь или еще въ большемъ числѣ, клятвенно удостовѣряя, что обвиняемый не могъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, совершить взводимого на него преступленія.

Въ современной практикѣ едва-ли есть такой окружный судъ, который-бы не разрѣшалъ подсудимымъ по 612 ст. уст. уг. суд. вызывать (покрайней мѣрѣ, на свой счетъ) свидѣтелей, имѣющихъ свидѣтельствовать ни о чемъ другомъ, какъ объ образѣ ихъ жизни и поведеніи. Если можно привести свидѣтелей о поведеніи, то, конечно, можно представить и документъ, по содержанию, одинаковый съ показаніями такихъ свидѣтелей, а этотъ документъ, по 629 ст., не сомнѣнно подлежитъ прочтенію защитой, такъ какъ

эта статья разрѣшаетъ прочтеніе писемъ и бумагъ, полученныхъ участвующими въ дѣлѣ лицами и находящимися у нихъ. Итакъ, разница заключается развѣ только въ томъ, что предсѣдатель заставилъ читать этотъ документъ секретаря, а не возвратилъ его защитнику съ тѣмъ, чтобы прочелъ его самъ защитникъ Герардъ. Когда анализъ доходитъ до такихъ дрягъ и мелочей, когда ставится вопросъ, не имѣетъ-ли вліянія на видоизмѣненіе впечатлѣнія не содержаніе документа, а органъ читающаго его или, лучше сказать, званіе чтеца, то продолженіе его становится излишнимъ, потому что такой анализъ не соотвѣтствуетъ достоинству и серьезности суда.

Затѣмъ, подлежитъ разбору опорочиваемый кассаторами допросъ судебного слѣдователя Сахарова. Свидѣтель Сахаровъ былъ спрошенъ съ согласія сторонъ. Можно-ли, вообще, допрашивать слѣдователя о совершенныхъ имъ и записанныхъ въ протоколѣ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ? Съ 1866 года не проходитъ года безъ подобныхъ случаевъ въ практикѣ с.-петербургскаго окружнаго суда, никто не считалъ такого вопроса не только противозаконнымъ, но даже и неудобнымъ. Ссылались на слѣдователей и обвиненіе и защита. Они удостовѣряли о томъ, что ускользало или можетъ ускользнуть отъ записки въ протоколъ, свои наблюденія, свои приемы при допросѣ, свои впечатлѣнія о свидѣтеляхъ. Если этимъ путемъ можно добыть интересныя свѣдѣнія подѣлу, то почему-же не пользоваться такимъ драгоценнымъ источникомъ? Въ всякомъ случаѣ, обвиненіе, когда соглашалось на спросъ Сахарова, отлично знало, что его будутъ спрашивать о томъ, что ему сдѣлалось извѣстнымъ послѣ возникновенія слѣдствія и при самомъ совершеніи слѣдственныхъ дѣйствій. Я не только утверждаю, что этотъ кассационный мотивъ лишенъ малѣйшей тѣни какого-бы то ни было основанія, но что и идетъ онъ отъ недоброкачественнаго еоря, отъ ложнаго представленія о падкости присяжныхъ и податливости ихъ всѣмъ дурнымъ впечатлѣніямъ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать, что

распространенію этихъ понятій сильно содѣйствовали нѣкоторые кассационные приговоры. Такъ, на примѣръ, въ рѣшеніи по дѣлу Вѣры Засуличъ 20-го мая 1878 г. признано, что показаніе не относящагося къ дѣлу свидѣтеля, стремящагося запутать дѣло, или выслушанная даже частица такого показанія, способна произвести на присяжныхъ ложное впечатлѣніе. Съ другой стороны, само недопущеніе предсѣдателемъ такого свидѣтеля къ представленію не относящихся къ дѣлу объясненій можетъ также предрасположить противъ обвиненія присяжныхъ, особенно чуткихъ къ стѣсненію всякихъ правъ защиты. Если институтъ присяжныхъ такая недотрога, такая *timosa pudica*, что всякое впечатлѣніе имъ воспринимается пассивно, значить, онъ не пригоденъ ни для нашихъ грубыхъ рукъ, ни для нашего суроваго климата. Всякій уголовный процессъ состоитъ изъ данныхъ, изъ которыхъ одни производятъ впечатлѣнія хорошія, близкія къ истинѣ, а другія — дурныя, т.-е. удаляющія воспріявшаго ихъ отъ дѣйствительности. При воспріятіи, никому, не только присяжнымъ, но и суду, неизвѣстно, какое впечатлѣніе произведутъ тѣ или другія разбираемыя данныя, предлагаемыя для повѣрки. Когда они повѣрены — получается убѣжденіе. Убѣжденіе можетъ быть ложное, но впечатлѣніе бываетъ сильное или слабое, даже обманчивымъ оно можетъ погасаться только послѣ повѣрки; ложнымъ бываетъ не оно, а убѣжденіе. Если въ присяжныхъ предполагается малѣйшая доля практическаго смысла, то надобно и относиться къ нимъ довѣрчивѣе. Для чего же они призываются въ судъ? Зачѣмъ заставляютъ ихъ судить? Затѣмъ, что они считаются способнѣе коронныхъ судей — техниковъ оцѣнивать здраво и толково житейскія бытовыя стороны отношеній между людьми. Если предположить, что они обладаютъ этою житейскою опытностью, то все ненужное, выслушанное ими однимъ ухомъ, выйдетъ другимъ, а останется только то, что намѣчено, усвоено и заслуживаетъ того, чтобы оставаться. Такъ

какъ я надѣюсь, что вы склонитесь къ этому большому для присяжныхъ довѣрью, то я признаю возможнымъ пройти вскользь по цѣлому ряду кассационныхъ доводовъ, основанныхъ на неохраненіи предсѣдателемъ слуха присяжныхъ отъ всякихъ излишествъ со стороны рѣчей защиты, отъ неприличныхъ, будто-бы, и неподобныхъ рѣчей гг. Пржевальскаго, Одарченко, Герарда и другихъ. Я не знаю, что таковы-ли были эти рѣчи, какими онѣ занесены въ стенографическіе отчеты. Я допускаю, что, въ пылу состязанія, всякій защитникъ можетъ увлечься, можетъ произнести сорвавшіяся съ языка слова, да будетъ мнѣ позволено употребить вульгарное, но мѣткое выраженіе: можетъ сбрехнуть. Всякій предсѣдатель обязанъ останавливать злоупотребленія словомъ стороны. Если предсѣдатель не исполнилъ своего долга—взыщите съ предсѣдателя, но зачѣмъ кассировать приговоръ? Кончая мой разборъ перваго разряда кассационныхъ мотивовъ, я утверждаю, что всѣ эти мотивы основаны не на законѣ, а на кассационной практикѣ, которая въ совокупности своихъ рѣшеній, дѣйствительно, выражаетъ объ институтѣ присяжныхъ такое представленіе, что присяжные являются сборищемъ людей весьма простыхъ и ограниченныхъ, крайне близорукихъ и слѣпыхъ, которые ежеминутно спотыкаются и падаютъ, которыми надо руководить, которыхъ, какъ дѣтей, нужно водить на помочахъ. Между тѣмъ, правительствующій сенатъ какъ будто-бы не знаетъ, что этимъ близорукимъ присяжнымъ дана полнота власти рѣшать и миловать, что они этою властью пользуются уже 18 лѣтъ и что они сильно вошли во вкусъ ея. Нынѣ только возбуждается объ этомъ вопросъ, какъ будто-бы впервые только московскій судъ предоставилъ миловать подсудимыхъ присяжнымъ по дѣлу Мельницкихъ. Мнѣ кажется, что было-бы правильнѣе стать сразу на другую точку зрѣнія, дать имъ побольше довѣрія и поменьше власти, функцію ихъ надлежащими предѣлами ограничить и внушить имъ, что они обязаны держаться въ этихъ пре-

дѣлахъ. Очевидно, что при избраніи такого образа дѣйствія надлежало-бы во многомъ, въ очень многомъ отступиться отъ наслоившейся многолѣтней кассационной практики.

Перехожу къ другому разряду кассационныхъ мотивовъ, къ самому коренному вопросу о примѣненіи 754 ст. уст. угол. суд. Говорятъ, во 1-хъ, что неправильно было допущено, въ данномъ случаѣ, разрѣшеніе цѣльнаго вопроса о винѣ на элементарныя составныя части, во 2-хъ, что неправильно поставленъ послѣдній вопросъ о вмѣненіи, когда первымъ вопросомъ опредѣляющимъ, что сдѣлано подсудимымъ, уже все разбирательство исчерпывалось. Здѣсь я опять обрѣтаюсь въ настоящемъ лабиринтѣ, въ безысходной путаницѣ самыхъ противоположныхъ, перекрещивающихся кассационныхъ рѣшеній. Нити руководящей нѣтъ, да и едва-ли она можетъ быть найдена; однимъ букввальнымъ истолкованіемъ текста закона едва-ли можно чего нибудь достигнуть. Но да разрѣшено мнѣ будетъ замѣтить, что насколько я позволялъ себѣ нападать на кассационную практику сената по первому разряду кассационныхъ мотивовъ, настолько я буду стоять за нее по второму разряду кассационныхъ мотивовъ, и постараюсь доказать, что корень недоумѣній не въ практикѣ сената, а въ самомъ законѣ, въ неудачномъ построеніи 754 статьи.

У насъ привыкли твердить, что законъ святъ, а исполнять его не умѣютъ. Иногда оказывается, что такой взглядъ невѣренъ. Если сравнить нашъ институтъ присяжныхъ съ другими современными законодательствами западной Европы, гдѣ также дѣйствуетъ этотъ судъ, то окажется, что постановленіе, соответствующее этой статьѣ не существуетъ и не можетъ существовать ни въ одномъ изъ современныхъ законодательствъ; что даже и въ то время, когда сочиняемы были судебные уставы, т. е. въ 1864 г., она выражала понятіе, даже потому времени, отжившее и принадлежащее, цѣликомъ, области прошлаго. Я позволю себѣ

простое сравненіе: есть цѣльная булка и есть булка, разрѣзанная на три куска. Все-ли равно, цѣльную булку получить или три ломти, происходящіе отъ разрѣзанія булки на части? Я утверждаю, что этотъ вопросъ разрѣшается отрицательно законодательствами Европы, которыя требуютъ отъ присяжныхъ непремѣнно цѣльнаго отвѣта о винѣ, а не отвѣтовъ по элементарнымъ вопросамъ, изъ которыхъ не слагается, а выводится, понятіе вины. Начну со страны, бывшей отечествомъ суда присяжныхъ, т. е. съ Англіи. Тамъ не можетъ быть рѣчи о дробленіи судомъ вопросовъ о винѣ, такъ какъ не существуетъ даже и сама постановка вопросовъ, но судья отпускаетъ присяжныхъ совѣщаться по одному обвинительному акту или indictmentу и сказать: виновать или не виновать (guilty or not guilty), по изображенному въ этомъ актѣ преступленію. Англійскій судья, не стѣняясь, указываетъ присяжнымъ во время судебного слѣдствія, что такое-то обстоятельство, по теоріи доказательствъ, по Rules of evidence, можно и должно считать доказаннымъ или недоказаннымъ. Онъ объясняетъ присяжнымъ законные признаки разбираемаго преступленія, составляющіе необходимые условія виновности. При совѣщаніи присяжные либо признаютъ обвиненіе по обвинительному акту, либо его отвергаютъ, могутъ устранить главное обвиненіе и признать виновность подсудимаго въ иномъ, меньшемъ, которое обыкновенно поставлено какъ дополнительное въ обвинительномъ актѣ. Они могутъ нѣкоторые факты въ indictmentѣ признать, нѣкоторые отвергнуть, т.-е. дать, такъ называемый, спеціальнй вердиктъ, съ тѣмъ, чтобы судья, если можетъ, построилъ изъ нихъ составъ извѣстнаго, закономъ предусмотрѣннаго преступленія. Но, признавая подсудимаго виновнымъ по закону, присяжные могутъ поручить его особой милости монарха въ виду или того, что онъ заслуживаетъ пощады, или что законъ уже не своевремененъ или по другимъ соображеніямъ.

Ясно, что съ этими англійскими присяжными наши присяжные ничего почти не имѣютъ общаго. Наши присяжные заимствованы изъ Франціи, а во Франціи они введены конституціею 3-го сентября 1791 г., которая въ одной изъ своихъ статей опредѣлила слѣдующее коренное начало: «Le fait sera reconnu et déclaré par des jurés, l'application de la loi sera faite par des juges», иными словами: что присяжные опредѣляютъ только одну фактическую сторону дѣла, а судьи — всю юридическую. Однако, извѣстно, что операція судейская вмѣщаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, три отдѣльные момента. Прежде всего, нужно препарировать отдѣльныя косточки, голые факты, конкретныя обстоятельства преступленія, каждую косточку отдѣльно, признать поштучно, напр., что днемъ или ночью было похищено нѣчто лицомъ, дѣйствовавшимъ сознательно. Затѣмъ, надобно, подводя эти отдѣльные признаки подъ предустановленное закономъ, отвлеченное понятіе преступленія, образовать одно цѣлое: виновность лица въ данномъ преступленіи. Наконецъ, есть еще третій моментъ: выводъ соотвѣтствующаго винѣ наказанія. Вотъ, еслибы идея, которая выразилась въ тѣхъ словахъ конституціи 1791 г., которыя я прочелъ, осуществилась вполне и присяжные были заключены въ тѣсную рамку только опредѣленія голыхъ фактовъ за устраненіемъ всего изъ нихъ правоваго, еслибы ихъ держали, такъ сказать, въ одной препаровочной, то, съ одной стороны, дробимость предлагаемыхъ имъ вопросовъ могла-бы быть безконечная, а съ другой — дѣятельность была-бы пониженная, вполне второстепенная, равняющаяся поставкѣ сыраго матеріала, изъ котораго и виновность, и наказуемость выводимы были-бы судьями коронными. Такое пониманіе функціи присяжныхъ не могло осуществиться даже и во Франціи, на первыхъ порахъ дѣятельности института. Законодательство пришло скоро къ тому понятію, что дѣятельность присяжныхъ гораздо обширнѣе, что она идетъ не только до опредѣленія конкретныхъ

признаковъ дѣянія, но и до оцѣнки воѣхъ сторонъ вмѣняющейсѣ въ этихъ признакахъ уголовной отвѣтственности. Когда составлялся уставъ 1808 г. Code de l'instruction criminelle, тогда была установлена обязательная по всякому дѣлу форма вопросовъ. Эта форма не допускаетъ никакого дробленія понятія вины на составные ея элементы. По 337 ст. этого устава отъ присяжныхъ требуется, чтобы они дали отвѣтъ на слѣдующее: *l'accusé est-il coupable d'avoir commis tel meurtre, vol ou autre crime avec toutes les circonstances comprises dans l'acte d'accusation?*

Въ то время, когда составлялись наши судебные уставы, не было другихъ современныхъ кодексовъ, кромѣ французскаго, усвоеннаго уже тогда Бельгіею, Италіею и нѣкоторыми нѣмецкими государствами. Нынѣ имѣются цѣльные, глубоко обдуманые два процессуальные кодекса новѣйшей отдѣлки: австрійскій 23-го мая 1873 г. и германскій имперскій 1-го февраля 1877 г. Оба кодекса форму главнаго вопроса опредѣляютъ совершенно одинаково (§ 308 австр. к. и § 293 имперскаго): *Die Hauptfrage beginnt mit den Worten: Ist der Angeklagte schuldig? Sie muss dem Angeklagten die zur Last gelegene That nach ihren gesetzlichen Merkmalen und unter Hervorbringung der zu ihrer Unterscheidung erforderlichen Umstände bezeichnen.* Такая недѣлимость имѣетъ свои причины, заключающіяся въ томъ, что на присяжныхъ, по нынѣ господствующимъ понятіямъ возложено опредѣленіе цѣлаго состава вины: *die ganze Schuldfrage*, а не одно только опредѣленіе фактической стороны судимаго дѣянія. Но если съ начала XIX вѣка уже не признавалось возможнымъ дѣлить вопросъ о винѣ, то, спрашивается, откуда могла къ намъ придти мысль рѣзать вопросъ о винѣ на его составные элементы? Надобно отыскать подлинный источникъ. Я его отыскалъ и утверждаю, что источникъ старый и что онъ принадлежитъ еще къ прошлому столѣтію. Когда учредительное собраніе издало

законы 16—29 сентября 1791 г., опредѣляющіе устройство и судопроизводство въ судахъ съ присяжными, то, вслѣдъ затѣмъ, въ дополненіе къ этимъ законамъ, издана инструкція, въ которой опредѣляемъ былъ порядокъ совѣщаній присяжныхъ въ ихъ совѣщательной комнатѣ. Въ инструкціи сказано: «les jurés délibèreront sur l'existence materielle du fait qui avait constitué le corps de delit. Après avoir reconnu l'existence du fait, ils délibèreront sur l'application de ce fait à l'individu accusé pour reconnaître s'il en est l'auteur. Enfin ils examineront la moralité du fait, c'est à dire les circonstances de volonté, de provocation d'intention, de préméditation qu'il est nécessaire de connaître pour savoir à quel point le fait est coupable et pour le définir par le vrai caractère, qui lui appartient». Поразительное сходство отрывка съ 754-ю статью указываетъ, что мы нашли настоящій источникъ 754 ст.

Этотъ выводъ превращается въ полнѣйшее убѣжденіе, когда на страницѣ 42 брошюры, изданной въ 1866 г. бывшимъ предсѣдателемъ редакціоннаго комитета уст. уг. суд. Николаемъ Андреевичемъ Буцковскимъ, мы читаемъ: «понятіе о виновности слагается изъ трехъ элементовъ: 1) событіе преступленія, 2) происхожденіе его отъ дѣйствія или бездѣйствія, и 3) злоупотребленный или неосторожный характеръ дѣйствій подсудимаго. Безъ преступленія не можетъ быть и преступника и т. д.» Достопамятный и почтенный человѣкъ, которому принадлежатъ эти три строки, не былъ знакомъ съ нѣмецкою литературою, но пользовался весьма прилежно французскою. Его прельстила логическая красота дѣленія вопроса о винѣ, хотя надобно признать, оно умѣстно, какъ инструкція присяжнымъ, какъ имъ поступать при открытіи виновности и очень мало пригодно для построенія дедуктивно уже окончательно признанныхъ результатовъ изслѣдованія. Очевидно, что при изслѣдованіи вопроса о винѣ, вниманіе останавливается сначала на признакахъ внѣшнихъ, заставляющихъ предположить, что имѣло мѣсто преступленіе, затѣмъ розы-

скивается лицо виновника, а вънцомъ изслѣдованія является опредѣленіе состоянія его сознанія, участие его ума и воли въ дѣяніи. Если, съ этой точки зрѣнія, безъ преступленія, какъ говорить Н. А. Буцковскій, нѣтъ преступника, то при построеніи рѣшенія изъ признанныхъ фактовъ, можно сдѣлать противоположный выводъ: гдѣ нѣтъ преступника, тамъ нѣтъ и преступленія. Слѣдовательно, для расположенія отвѣтовъ по вопросамъ о винѣ, надлежало бы идти другимъ порядкомъ, т. е. сказать, что съ умысломъ, или безъ умысла, такой-то человѣкъ совершилъ такое-то дѣйствіе, которое имѣло такія-то преступныя послѣдствія? Моего метода я не предлагаю, но несомнѣваюсь что, вслѣдствіе существованія 754 ст., составленной по старинному источнику, еще XVIII столѣтія, когда наступило примѣненіе этой статьи, вопросъ о виновности подсудимаго, могъ быть обойденъ, потому что ставились три элементарные вопросы, изъ которыхъ, будто бы, и слагалась виновность: о событіи преступленія, о содѣянніи его подсудимымъ и о томъ, можетъ ли оно быть ему вмѣнено въ вину. Такой обходъ вопроса о виновности, противорѣчитъ и 7 статьѣ учрежд. суд. уст. (присяжные засѣдатели установлены для опредѣленія вины, или невиновности подсудимыхъ) и 760 ст. уст. уг. суд., по которой вопросы и отвѣты присяжныхъ даются по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго. По случайному стеченію обстоятельствъ, кассационная практика, вовсе не сознавая этого недостатка 754 ст., совершенно случайно, исправила этотъ недостатокъ и ввела опять въ вопросы присяжныхъ слово «виновень», которое подлежало исключенію при дѣленіи вопроса о винѣ на 3, по 754 ст. Въ рѣшеніи по дѣлу Жулина (1872 г., № 1414) сенатъ призналъ, что слово «вмѣненіе» въ вину, есть юридическій терминъ неудобопонятный присяжнымъ, который надо обходить. Изгоняя слово «вмѣненіе», сенатъ самъ заставилъ судъ прибѣгнуть къ единственному выраженію, могущему замѣнить слово «вмѣне-

ніе», а именно къ «виновенъ-ли», чѣмъ и поставлена была у насъ форма вопросовъ на ту точку, на которой стоятъ нынѣ всѣ европейскіе кодексы, т. е. на точку безусловной необходимости разрѣшенія присяжными цѣльнаго вопроса о винѣ, а не о конкретныхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ только зависитъ выводъ преступленія. Такимъ образомъ, не скрывая моего глубокаго убѣжденія, что въ сущности, всегда слѣдовало бы ставить вопросъ цѣльный и не дѣлимый о томъ: виновенъ ли, не скрывая того, что еслибы было возможно, то надлежало-бы стараться измѣнить 754 ст., я утверждаю, что вопросы по дѣлу Мельницкихъ были поставлены правильно и съ закономъ согласно. Три вопросы по 754 ст. всегда находятся въ такой между собою зависимости, что отъ отрицательнаго разрѣшенія перваго вопроса, зависитъ безусловно отрицательное разрѣшеніе втораго и третьяго, т. е. что отрицательное рѣшеніе ихъ подразумѣвается само собою. При признаніи преступленія совершившимся, т. е. при положительномъ рѣшеніи 2-го вопроса, все таки, можетъ послѣдовать еще отрицательный отвѣтъ на 3-й вопросъ о вмѣненіи. Слѣдовательно, 3-й вопросъ о вмѣненіи долженъ быть обязательно поставленъ послѣ втораго, если онъ съ нимъ не соединенъ въ одно. Такъ какъ сенатъ запретилъ спрашивать присяжныхъ о вмѣненіи, то имъ надо ставить по третьему вопросу слово: «виновенъ-ли», безъ разрѣшенія котораго въ утвердительномъ смыслѣ, не можетъ считаться выясненною субъективная сторона вины. Примѣнимъ эти выводы къ дѣлу Мельницкихъ.

Прежде всего, кассаторы утверждаютъ, что неправильно было само раздѣленіе вопросовъ по 754 ст., такъ какъ никто не возбуждалъ сомнѣнія ни относительно событія преступленія, ни относительно его содѣянія обвиняемыми, а только оспаривалась ихъ виновность. Я полагаю, что вся аргументація кассационныхъ протестовъ и жалобы, можетъ быть опровергнута очень легко соображеніями, заимствованными отъ простаго здраваго смы-

сла. Если, дѣйствительно, всякій вопросъ не есть цѣльный, а составной, и содержитъ въ себѣ три элементарные, то надлежало бы по всякому, вообще, дѣлу разлагать вопросъ о винѣ на три элементарные; если же сего не дѣлается, то только для береженія времени и упрощенія производства. Еслибы нашлся судья, который желалъ бы, жертвуя своимъ временемъ, поступать такимъ образомъ по всѣмъ дѣламъ, то надлежало бы дать ему въ томъ полную волю, потому что не можетъ быть противозаконія въ разбирательствѣ дѣла съ наибольшею обстоятельностью. Во всякомъ случаѣ, требованіе дѣленія вопроса связано съ существомъ дѣла. Необходимости его нельзя провѣрить. Сенатъ призналъ въ рѣшеніи по дѣлу Мѣшкова и Мироновой (1873 г., № 208), что самая постановка судомъ раздѣльныхъ вопросовъ по 754 ст. свидѣтельствуетъ, что было какое то сомнѣніе въ совпаденіи событія и содѣянія со вмѣненіемъ. Мало того, оказывается, что въ московскомъ окружномъ судѣ по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ заявлялись гражданскіе иски, всегда отдѣляется вопросъ о содѣянніи, отъ вопроса о вмѣненіи. Итакъ, я полагаю, что необходимость дѣленія вопросовъ по дѣлу Мельницкихъ, не требуетъ никакихъ доказательствъ.

Другое возраженіе противъ постановки вопросовъ то, что, будто бы, не надо было вовсе ставить 3-го вопроса о вмѣненіи, а надо было ограничиться однимъ вопросомъ, вмѣщающимъ въ себѣ содержаніе и событія преступленія и содѣянія. Если преступное дѣяніе содѣяно извѣстнымъ лицомъ, то вмѣненіе само собою предполагается, коль скоро нѣтъ въ виду причинъ невмѣненія, которыя перечислены въ 92 ст., и о которыхъ по 763 ст. уст. уг. суд. надлежитъ ставить особые вопросы, если таковыя причины имѣются въ виду. Противъ сего возраженія долгомъ считаю отвѣтить слѣдующее: существуетъ практика сенатская (рѣш. 1870 г., № 488, по дѣлу Вашенцовой), практика, которой я теперь не буду обстоятельно опровергать, что если по дѣлу возникаетъ

вопросъ о причинѣ невмѣненія, наприимѣръ, о сумасшествіи или о необходимой оборонѣ и тому подобному, то вопросъ о вѣнненіи ставится въ отрицательной формѣ, т. е. при признаніи, что совершилъ дѣяніе, второй вопросъ будетъ: если совершилъ, то доказано ли, что онъ былъ въ то время въ припадкѣ умоизступленія или въ состояніи необходимой обороны и т. п. За этими уже двумя вопросами, ставится условно третій, только на случай отрицательнаго отвѣта на второй: если не доказано, что X. былъ въ сумасшествіи или въ состояніи необходимой обороны, то виновенъ ли онъ въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ преступленіи? Я знаю, что по другимъ дѣламъ, вы признавали эту формулировку вопросовъ совершенно удовлетворительною. Я полагаю, что она, все таки, неправильна, потому что законъ требуетъ или долженъ требовать прямого отвѣта на вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго, а эта вина или невинность является выводомъ самого суда, а не удостовѣреніемъ со стороны присяжныхъ. Но, оставляя въ сторонѣ всю эту полемику съ кассационною практикою, я полагаю, что всѣ эти выводы къ настоящему случаю непримѣнимы. Такъ какъ не было указываемо никѣмъ, ни на одну изъ причинъ невмѣненія, то не могло быть поставлено вопроса о невмѣненіи. Если же нельзя было поставить вопроса о невмѣненіи, то, по необходимости, надо было поставить вопросъ о вѣнненіи. Если же, по сенатской практикѣ, вопросъ о вѣнненіи замѣщается вопросомъ о виновности, то надлежало поставить вопросъ о виновности. Если же вы придете къ иному заключенію, а именно, къ тому, что и ставить вопроса о виновности не слѣдуетъ, что можно ограничиться только вопросомъ о содѣяніи, отпустивъ присяжныхъ, какъ будто бы они всю свою работу сдѣлали, то тѣмъ вы сами отнесете все наше производство съ присяжными изъ XIX въ XVIII столѣтіе, вы поступите противно указаніямъ науки, вовлигающимъ на присяжныхъ die ganze Schuldfrage, весь дѣльный вопросъ

о винѣ, вы разорвете связь между нашимъ институтомъ присяжныхъ и таковымъ же въ Западной Европѣ.

Гг. сенаторы, я почти кончилъ. Я утверждаю, что причина погрѣшности, неправильности, когда хотите, неправоты приговора по дѣлу Мельницкихъ, если она есть, не заключается вовсе въ формѣ вопросовъ, а искать ее можно только въ содержаніи отвѣтовъ присяжныхъ. Начнете болѣзнь лечить средствами исправленія формы вопросовъ, а отвѣты, все таки, будутъ получаемы ненадлежащіе и нежелательные, потому что развѣ можно предположить, что тѣ судьи, которые судили дѣло Мельницкихъ, еслибы имъ былъ предложенъ одинъ цѣльный, совокупный вопросъ о винѣ, рѣшили-бы его иначе, утвердительно, а не отрицательно? Не видно, чтобы они отвѣчали: «не виновенъ», по недоразумѣнію. Такъ ужь настроенъ институтъ на снисхожденіе и помилованіе, а почему онъ такъ настроенъ—тому причинъ искать пришлось бы далеко. Я полагаю, что и законъ поставилъ ихъ въ неопредѣленное положеніе, не вполне ясно высказавъ, что отъ нихъ требуется. Форма присяги обязываетъ ихъ только судить «по сущей правдѣ и убѣжденію совѣсти», но она ихъ вовсе и не склоняетъ судить по существующему закону. Я полагаю, что весьма полезно было бы заимствовать изъ австрійскаго кодекса 1873 г., хотя бы установленную въ § 313 формулу присяги: «das Gesetz dem sie (die Geschworenen) Geltung verschaffen sollen zu beobachten». Я не скрываю, что предварительно такому заимствованію, надлежало бы ввести новый кодексъ уголовный. Кромѣ того, надлежало бы сразу и самымъ рѣшительнымъ образомъ перестать держать присяжныхъ въ отдаленіи отъ закона, въ такомъ искусственномъ невѣдѣніи техники и терминологіи уголовного закона, что употребленіе слова «вмѣненіе» въ вопросахъ уже считается нарушеніемъ закона, что слово «украсть» недопустимо, а надо сказать: «тайно похитилъ», что нельзя сказать: «изнасиловалъ», а нужно описать самую вѣщность

акта тѣлеснаго соитія. Присяжныхъ не только не слѣдуетъ держать въ невѣдѣніи о законѣ, но придется переубѣдить, что они то и есть этого закона органы и исполнители. Надобно удалить сначала причины, а затѣмъ исчезнуть и послѣдствія этихъ причинъ, но кассированіе того или другаго приговора, не помѣшаетъ произнесенію сотенъ и тысячъ подобныхъ же приговоровъ, потому что они-въ духѣ вѣка, въ особенностяхъ общаго настроенія, съ которыми надобно считаться и на которое надобно подѣйствовать. Всякія палліативныя средства ни къ чему не поведутъ.

Правительствующій сенатъ опредѣлялъ: 1) рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ московскаго окружнаго суда, относительно Берса, Льва и Вѣры Мельницкихъ, Альберта Дорвойдта и Валентины Гетманчукъ, за нарушеніемъ 760 и 754 ст. уст. уг. суд. отмѣнить, передавъ дѣло для новаго рассмотрѣнія въ другое отдѣленіе того же суда; 2) протестъ прокурора и жалобу повѣреннаго гражданскаго истца прис. повѣр. Шмакова, въ отношеніи Барвары Мельницкой и Елены Блезе, а также жалобу прис. повѣр. Герарда оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. уст. угол. суд. и 3) московскому окружному суду, въ составѣ присутствія, рассмотрѣвшаго настоящее дѣло за неправильное и явное нарушеніе закона, при постановкѣ вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, сдѣлать замѣчаніе.

Заключеніе по этому дѣлу давалъ оберъ-прокуроръ угол. касс. деп. прав. сената Н. А. Неклюдовъ, который, разбирая и оцѣнивая указанія въ кассационныхъ жалобахъ и протестѣ прокурорскаго надзора кассационные пункты, по поводу допущеннаго московскимъ окружнымъ судомъ, при пронаводствѣ настоящаго дѣла, нарушенія, состоящаго въ дозволении защитѣ дискредитировать обвиненіе не относящимися къ предмету дѣла заявленіями, высказавъ общія соображенія, по вопросу о правѣ защиты въ уголовномъ процессѣ. Соображенія эти вызвали публичное заявленіе пяти присяжныхъ повѣренныхъ (бывшихъ председателями совѣта присяжныхъ повѣренныхъ) помѣщенное въ «Новомъ Времени» отъ 24-го марта 1884 г., № 2899, слѣдующаго содержанія:

«Позвольте просить о помѣщеніи въ издаваемой вами газетѣ нашего заявленія по вопросу о правахъ защиты въ уголовномъ процессѣ. Этотъ предметъ намъ близокъ по нашимъ занятіямъ, такъ какъ четверо изъ насъ, были председателями, а одинъ теперь председатель-

ствуешь въ совѣтѣ присяжныхъ новѣреныхъ с.-петербургскаго судебного округа.

Случай, вызвавшій наше заявленіе, слѣдующій. Въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената, въ засѣданіи по дѣлу о Мельницкихъ, происходившемъ 13 го сего марта, г. оберъ-прокуроръ сего департамента Николай Андреевичъ Неклюдовъ въ своихъ заключеніяхъ по этому дѣлу просилъ сенатъ «о неотложности и положительномъ разъясненіи правъ защиты», въ виду излишествъ и злоупотребленій словомъ, которыя себѣ будто бы позволяетъ защита по уголовнымъ дѣламъ, причеиъ предлагалъ мѣры къ тому, чтобы свободу дѣйствій ограничить и поставить въ явѣстныя, весьма тѣсными рамки. Г. Неклюдовъ не считъ возможнымъ по дѣлу Мельницкихъ, за отсутствіемъ въ протоколѣ судебного слѣдствія заявленій сторонъ о злоупотребленіи противниковъ словомъ, исследовать, правильны ли уваженія кассационныхъ протеста и жалобы на эти злоупотребленія, но допуская, что они были, обобщая вопросъ и, ссылаясь на свое, данное еще въ декабрѣ 1883 г., заключеніе по дѣлу Кронштадтскаго банка, онъ освѣтилъ этотъ предметъ такимъ образомъ, что злоупотребленія защиты составляютъ, если не исключительную, то главную причину частыхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, при установленіи ими же, что оправдываемые совершили тѣ дѣйствія, въ которыхъ обвиняются, а равно и наступленія будто бы того «судебнаго потопа», который считаетъ учрежденія, подобно тому, какъ по приводимымъ ораторомъ словамъ книги Вѣтія, всемірный потопъ истреблялъ съ лица земли все живое, отъ человѣка до скотовъ, гадовъ и птицъ небесныхъ.

Вина защиты, по словамъ г. Неклюдова, заключается въ томъ, что она не желаетъ отличать праваго отъ виноватаго, что «она одними же средствами защищаетъ и отъявленнаго злодѣя, и человѣка, случайно впавшаго въ преступленіе, и настаиваетъ во что бы то ни стало, чтобы ей были отпущены ея Варавва, а распинаетъ ради сего и свидѣтелей, и потерпѣвшихъ, и обвинительную власть, и даже самый законъ». По мнѣнію г. Неклюдова, сторонѣ на судѣ не можетъ быть дано «выставлять черное бѣлымъ, безнравственное—нравственнымъ, преступное—довольнительнымъ, искажая для сего и законы религіи, и законы общественной нравственности, и законы государственнаго строя». Свобода защиты, по предположеніямъ г. Неклюдова, сводится къ слѣдующимъ дѣйствіямъ, вѣ которыхъ все остальное ей запрещено: оцѣнка силы и значенія удіаъ противъ подсудимаго, разъясненіе тѣхъ законовъ, которые примѣнимы къ винѣ подсудимаго; оцѣнка обстоятельствъ уменьшающихъ, смягчающихъ или уничтожающихъ по закону отвѣтственность. Защитѣ должно быть запрещено «ослабить степень преступности дѣянія, воспрещеннаго подѣ страхомъ наказанія» и опорочивать дѣйствія лицъ, къ суду не привлеченныхъ, или правительственныхъ властей, каковыя дѣйствія, «будь они удостовѣрены

даже въ квадратъ утверждаемаго, не могутъ ни уничтожить, ни уменьшить по закону отвѣтственности самаго подсудимаго». Г. Неклюдовъ полагаетъ, что если будетъ заведенъ въ предлагаемомъ имъ духѣ и направленіи известный порядокъ, то и обстоятельства поправятся, то минуетъ судебный потопъ, перевернется мрачная страница книги Бытія и услышится, напоминающій гласъ Господа, иной благовѣсть: «я не буду проклинать судъ за человѣка».

Насколько обличеніе злоупотребленій словомъ относилось въ рѣчи г. Неклюдова къ образу дѣйствій защиты по дѣлу о Мельницкихъ, на столько возраженія противъ этой рѣчи умѣстны были бы только на судѣ и только въ засѣданіи не сему дѣлу. Но, оставляя въ сторонѣ всякіе конкретные факты и скодя съ фактической почвы, г. Неклюдовъ обобщаетъ обвиненіа, опредѣляетъ вообще дѣятельность защиты ко всегда возможнымъ, но не составляющимъ общаго правила уклоненіямъ отъ законнаго порядка, возлагаетъ на защиту отвѣтственность за «судебный потопъ» и утверждаетъ, что только по назначеніи на нее уеи раздается благовѣсть новой и лучшей жизни. Брошенная имъ слова перешли въ печать, въ которой они и ставятъ важный общественный вопросъ, не подлежащій оставленію безъ отвѣта, дабы нѣтъ самаго молчанія людей, не разделяющихъ взглядовъ г. Неклюдова, нельзя было бы вывести противъ нихъ того заключенія, что *quis tacet consentire videtur*. Наозъ не можеть оставить соображеніа, что найдутся, можеть быть, люди, которые назовутъ насъ *otatores pro domo sua*. Мы пережесимъ вопросъ съ почвы личной на общественную и считаеиъ долгоиъ заявить, что неавѣрно, будто бы защита по уголовнымъ дѣламъ только то и дѣлаетъ, что распинаетъ на крестъ и вопіетъ объ отпущеніи ей ея Вараввы, что дѣло суда и правды не мною выиграетъ отъ того, еслибы свобода защиты была поставлена въ рамки, начертанныя г. Неклюдовымъ, при установленіи которыхъ пропала бы въ сущности всякая свобода защиты; наконецъ, что наружныя оредства, тѣ надрѣзы и прижиганія, которыя предлагаетъ г. Неклюдовъ, не способны ни въ малѣйшей степени содѣйствовать оодороженію судейнаго организма, еслибы были и установлены какія-либо ненормальности въ отправленияхъ правосудія. *Eat pedes in terra*, сказалъ въ своей рѣчи г. Неклюдовъ; мы рѣшаеиъ обратитъ теперь противъ него это положеніа, какъ обоюдоострое оружіе.

Прежде всего мы возражаиъ противъ намѣренно употребленнаго г. Неклюдовымъ и, такъ сказать, подчеркиваемаго выраженія: «договоръ защиты». Въ огромномъ большинствѣ случаевъ защита бываетъ по назначенію; она такая же общественная должность, какъ и та другая, которая по французской системѣ процесса именуется *ministère public*. Если въ общей массѣ защита бываетъ къоторый процентъ защита по назначенію, то этимъ не измѣняется характеръ функціи, по которой присяжные повѣренные и сопричисляются къ

судебному вѣдомству. Намъ неизвѣстно, есть ли нареканія на это сословіе, что оно больше радѣеть и горячѣе отстаиваетъ интересы кліентовъ по соглашенію, нежели по назначенію. Напротивъ того, защита ставится въ особую вину только излишняя ея горячность, стремленіе ея оправдывать, во чтобы то ни стало. Конечно, эта горячность можетъ превзойти мѣру, но если отычется сердечное расположеніе къ дѣлу, то ни у требующихъ защиту не будетъ довѣрія къ защитникамъ, ни защитникъ не будетъ имѣть возможности по совѣсти сказать, что онъ употребилъ всѣ средства для достиженія той единственной цѣли, ради которой защита установлена, то есть, для облегченія участи подсудимаго. Защитникъ не судья, онъ не выдаетъ того, что провозноситъ за безусловную истину, онъ часто не воленъ въ избраніи надлежащей почвы для защиты. Поставленный межъ двухъ огней, съ одной стороны подъ опасеніемъ отвѣтственности за средства, которыми онъ расположитъ присяжныхъ въ пользу подсудимаго, съ другой стороны предъ своей совѣстью, которая будетъ его упрекать, что онъ не употребилъ всѣхъ силъ своего убѣжденія на исполненіе своего прямаго долга, защитникъ при такомъ неестественномъ столкновеніи обязанностей всегда выберетъ одно: онъ всегда предпочтетъ превышеніе бездѣйствію, потому что превышеніе поправимо и всегда найдеть противовѣсъ и отпоръ и въ обвиненіи прокурорскою властью, и въ наставленіи предсѣдателя присяжнымъ, и въ здравомъ смыслѣ, и въ житейской опытности присяжныхъ, между тѣмъ какъ упущеніе и бездѣйствіе защиты непоправимы, такъ какъ никому не дано въ дѣлѣ пополнять, что для защиты упущено защитою. Допустимъ, что защита поставлена въ предлагаемыя г. Неклюдовымъ рамки. Ея не будетъ дано «ослабить степень преступности воспрещеннаго дѣянія». Забвѣть, что она неизбежно только то и дѣлаетъ, что «ослабляетъ» въ представленіяхъ судей степень зловредности вводимаго на подсудимаго дѣянія, а преступно ли оно или не преступно—это еще вопросъ, который рѣшается только тогда, когда будетъ провозглашено на основаніи приговора присяжныхъ рѣшеніе суда. До этого момента на судѣ нѣтъ ни «отъявленнаго злодѣя», ни «по несчастію впаваго въ преступленіе человѣка», а есть только лицо, могущее быть оправданнымъ; нѣтъ ни чернаго, ни благаго, дѣяніе не считается ни дозволеннымъ, ни преступнымъ, а происходитъ разборъ, какого оно качества. Отказъ защитѣ въ возможности указывать на отвѣтственность не преданныхъ суду лицъ и органовъ власти во многихъ случаяхъ равняется отказу въ правосудіи. Мы ссылаемся на несмѣтное число дѣлъ о преступленіяхъ по должности, въ которыхъ подсудимый—подчиненное лицо, оправдывается только тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ заставили его дѣйствовать не привлекаемые къ суду его начальники, дѣлъ, въ которыхъ защита сослужила службу государству и обществу, вставивъ проникнуть лучъ свѣта въ темень самыхъ дикихъ право въ и порядковъ образующихъ почву, на которой не можетъ невыростать преступленіе.

Наконецъ мы просто затрудняемъ уразумѣть выраженіе: *распнать законъ*. Когда въ общезнѣтнн говорятъ о распинаніи Христа, то подъ этими словами обыкновенно разумѣютъ неисполненіе или нарушеніе заповѣдей Христовыхъ, или дурное ихъ истолкованіе и примѣненіе. Въ этомъ смыслѣ наибольшее число распинаній пришлось бы на долю судовъ, которые, дѣйствуя согласно своему назначенію и толкуя законъ, то его суживаютъ, то его растягиваютъ и часто должны отступаться отъ сдѣланныхъ ими же разъясненій. Если же подъ распинаніемъ закона понимать его изслѣдованіе по источникамъ, оцѣнку вывавшихъ его причинъ и послѣдствій, свободное критическое къ нему отношеніе, то подобное распинаніе не только не преступно и не должно быть запрещено, но оно, напротивъ того, весьма желательное. Намъ памятенъ одинъ писатель, который, можно сказать, живой нитки не оставилъ въ цѣлыхъ раздѣлахъ нашего уголовного кодекса и вгонялъ гвоздь за гвоздемъ, распиная одну статью этого кодекса за другою. Этотъ писатель—Н. А. Неклюдовъ, авторъ четырехъ томовъ «Руководства къ особенной части русскаго уголовного права». Спрашивается, неужели защитѣ будетъ запрещено приводить просто на просто выдержки изъ учебника г. Неклюдова?

Постараемся подвести связанному нами итоги. Первая и прямая обязанность защиты состоитъ въ томъ, чтобы отнестись къ своей задачѣ прилежно и сердечно, употребляя всѣ средства ума и убѣжденія къ облегченію участи защищаемаго. По своему назначенію, защита въ правѣ предлагать только то, что располагаетъ въ пользу подсудимаго. Нравственно она обязана, конечно, держаться какъ можно ближе правды, быть по возможности искреннею, но никакихъ положительныхъ правилъ на этотъ счетъ предписать ей нельзя, все зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ защитника и отъ его чутья и такта. Все произносимое защитникомъ находится подъ контролемъ, отвѣтственнаго за злоупотребленіе защитника словомъ, предсѣдателя, который обязанъ наблюдать, чтобы въ рѣчахъ сторонъ не было хуленія религіи, колебанія нравственности, нападений на основы государственнаго строя. Сомнѣваемся, бывали ли подобные случаи; если бывали, то крайне рѣдко. Кромѣ того, предсѣдатель не долженъ допускать ни грубыхъ и рѣзкихъ нападокъ на лица и учрежденія, ни прямого отрицанія обязательности дѣйствующаго закона. Въ этихъ предѣлахъ защита свободна. Предписывать ей планъ дѣйствій, внушать ей, какое должно быть ея содержаніе, равносильно уничтоженію ея свободы, наложенію на нее кандаловъ. Останется отъ нея только декорация, въ дѣйствительности органъ будетъ атрофированъ, а отъ его бессилія самъ судебный органамъ сдѣлается хромающимъ и увѣчнымъ. Большая часть предсѣдательствующихъ останутся, можетъ быть, вѣрными прежнимъ лучшимъ преданіямъ и не станутъ брать защиту въ тиски, но будутъ, конечно, и такіе, которые запретятъ извѣщать законы прямо не относящіяся къ винѣ подсудимаго, ослаб-

леть соображеніями степень преступности судимаго дѣянія и изображать зависимость преступленія отъ условій его обстановки, словомъ, превратить защиту въ бессодержательный обрядъ. Атрофія защиты поведетъ къ такой же атрофіи обвиненія, которое станетъ чѣмъ-то дѣловымъ и крайне сухимъ. Уже нмѣи замѣтно убываніе въ прокуратурѣ тѣхъ блистательныхъ талантовъ, которые въ прежнее время украшали. Думаемъ, что эти весьма вѣроятные результаты предлагаемаго не послужили бы къ возвышенію значенія и къ прославленію судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, которые г. Неклюдовъ называетъ «славюю прошеднаго царствованія» и, на которыхъ усматриваетъ онъ начертанную ту же самую мысль, которая, будто бы, видѣлась и на знамени святыхъ Кирилла и Меодія: обладаніе Руса. Замѣтимъ, что воображеніе автора увлекло его въ сторону. Хотя святые Кирилль (ум. 869) и Меодій (ум. 885) были современниками пришествія варяговъ, но они не бывали на Руси и не знали ея никакой понятии. Ихъ апостольство относилось, вообще, къ всему племеню славянскому.

Г. Неклюдовъ не остается избрать самому себѣ въ своей рѣчи по дѣлу Мельнищкихъ. Онъ утверждаетъ, что судебное слѣдствіе должно быть направлено къ раскрытію *материальной истины*, составляющей святая святыхъ уголовного процесса, а между тѣмъ, что же составляетъ она кореннымъ нарушеніемъ закона и во имя чего домогается она пасаація? прочтеніе въ засѣданіи той или другой бумажки, написанной въ дѣлѣ, спресь проведованнаго слѣдствія слѣдователя, прочтеніе жинія, даннаго вѣдъ суда, безприказно, товарищами одного изъ подсудимыхъ о его хорошихъ нравственныхъ качествахъ. Это такой формализмъ, который старается ограничить источники исследования истины, а, слѣдовательно, невмечъ въ даннаго дѣла одинъ условные результаты.

Со времени изданія въ 1865 г. Неклюдовымъ книжки, которая онъ началъ свою ученую карьеру—«Уголовно-статистическіе этюды»—онъ значительно, повидимому, измѣнился въ своихъ социологическихъ убѣжденіяхъ. Къ этюдамъ были приложены тезисы, въ концѣ въ послѣднемъ, 12-мъ, приводилась слѣдующая мысль: *силы организма* находятся въ *скрытомъ* состояніи и могутъ стать живыми силами, то есть, быть вызваны къ дѣятельности *внѣшними условіями*, изъ чего и выводилось заключеніе, что, внія на внѣшнія условія, политика государства можетъ придать силамъ организма какой угодно характеръ, то есть изъ находящихся въ скрытомъ состояніи сдѣлать ихъ живыми. Нынѣшняя политика г. Неклюдова по судебному вопросу направлена, повидимому, къ тому, чтобы, напротивъ того, *внѣшнюю* долю живыхъ силъ перевести въ скрытое состояніе. (подписи): Дмитрій Стасовъ, Константинъ Арсеньевъ, Владмиръ Спасовичъ, Алексѣй Унковскій, Вильгельмъ Люстичъ. 29 марта 1884 года.

Дѣло по иску общества крестьянъ, бывшихъ однодворцевъ с. Пlossкаго, Таращанскаго уѣзда, объ извѣтїи изъ владѣнїя графа Владислава Браницкаго пахатной и сѣнокосной земли, въ количествѣ 1750 морговъ.

Отставной канониръ Павелъ Ронскій, предъявляя 28 іюля 1880 г. въ Уманскомъ окружномъ судѣ отъ имени своего и общества бывшихъ однодворцевъ с. Пlossкаго, Таращанскаго уѣзда, Киевской губерніи, къ графу Владиславу Александровичу Браницкому искъ о восстановленїи владѣнїя истцевъ пахатными и сѣнокосными землями на чиншевомъ правѣ и, оцѣнивая этотъ искъ въ 5,250 руб., въ исковомъ прошенїи объяснилъ, что съ незапамятныхъ временъ предки истцевъ, а затѣмъ и сами истцы, проживая постоянно въ селѣ Пlossкомъ, пользовались 1750 моргами пахатной и сѣнокосной земли, уплачивая за это пользованїе чиншь, въ размѣрѣ по 50-ти копѣекъ за моргъ, а всего 875 руб. въ годъ, каковая плата, хотя и была установлена графомъ Браницкимъ произвольно, но уплачивалась ими постоянно исправно. Но, въ 1874 году помѣщикъ имѣнїя Пlossкаго, отвѣтчикъ, захватилъ пахатную и сѣнокосную землю и больше не допускаетъ ихъ, истцевъ, къ пользованїю ею. Посему, объяснивъ, что по рѣшенїю правительствующаго сената 1877 года, № 1741, 1324 и 1544, чиншевое право вытекало съ законовъ бывшаго Королевства Польскаго § 8, Арт: 29, разд. 1 Литовскаго статута и всегда признавалось правомъ

вѣчнымъ и наследственнымъ для чиншевикомъ и, что, слѣдовательно, графъ Браницкій, не имѣлъ права лишить ихъ той земли, которую ихъ предки и они пользовались на основаніи законнаго права чинша, истецъ просилъ, спорныхъ 1750 морговъ пахатной и сѣнокосной чиншевой земли при с. Плосскомъ, коими графъ Браницкій безъ права на то, пользуется уже 6 лѣтъ, изъ владѣнія его, отвѣтчика, исключить и опредѣлить въ пользованіе истцевъ по прежнему. Отвѣтчикъ, графъ Браницкій, въ лицѣ прис. пов. Грозы, въ письменномъ объясненіи по существу дѣла возразилъ, что искъ не поддержанъ никакими доказательствами и не извѣстно, не только чего именно истцы домогаются— признанія за ними права собственности-ли, или права пользованія, такъ какъ они и плату по 50 коп. въ годъ, считаютъ установленною по одностороннему, произвольному распоряженію графа Браницкаго, но не извѣстно и то, на чемъ истцы основываютъ свои требованія— на договорѣ-ли, или на давности, или на чемъ либо другомъ. Земли отвѣтчика, дѣйствительно, отдавались въ наемъ участками разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и однодворцамъ, чаще всего по словеснымъ условіямъ, видоизмѣнявшимся повременно; но никогда эти земли не сдавались въ содержаніе, на условіяхъ вѣчнаго владѣнія, съ неизмѣннымъ, разъ на всегда опредѣленнымъ чиншемъ, или вовсе безъ платы такового; а потому онъ, отвѣтчикъ, просилъ признать искъ Ронскаго неправильно и не законно предъявленнымъ и оставить его безъ разсмотрѣнія.

Уманскій окружный судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и находя доказаннымъ: 1) что бывшія во владѣніи отдѣльныхъ однодворцевъ пахатныя и сѣнокосныя земли отвѣтчика, не только далеко до 1874, а и 1870 г. отводились имъ вовсе не постоянно въ одномъ и томъ же, а то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, какъ это подтверждается показаніемъ свидѣтелей, указавшихъ при этомъ также на коренное измѣненіе, происшедшее въ мѣстоположеніи отводимыхъ однодворцамъ участковъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости въ 1861 году; 2) что количество морговъ, отводимыхъ однодворцамъ, стало постепенно уменьшаться уже съ давнихъ временъ, и 3) что размѣръ платимаго ими чинша не былъ постояненъ и до 1840 г., а уже въ началѣ 1830 года былъ не по 50, а по 64 копа моргъ и, съ того же времени, все постепенно возвышался, и имѣя въ виду, что, по вышеизложенному, владѣніе чужими поземельными участками, имѣвшее уже до 1840 года такой непостоянный характеръ, не соответствуетъ понятіямъ о владѣніи на чиншевомъ правѣ, какъ они разъяснены сенатомъ, опредѣлилъ: обществу бывшихъ однодворцевъ Плосскаго, Юшковорогской волости, Таращанскаго уѣзда, искъ отказать.

Вслѣдствіе апелляціонной жалобы уполномоченнаго общества однодворцевъ Павла Ронскаго, дѣло поступило въ Кіевскую судебную палату, гдѣ въ засѣданіи 8-го ноября 1883 года интересы графа Браницкаго поддерживалъ прис. пов. В. Д. Спасовичъ.

Отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной въ Кіевской судебной палатѣ 8-го ноября 1883 года.

..... Вѣчно наследственное или, если не вѣчно-наследственное, то долгосрочное пользованіе землею на 50, 100 лѣтъ, или на нѣсколько поколѣній, есть институтъ много разъ, въ разныя эпохи появлявшійся въ исторіи, всегда почти съ одинаковыми чертами, почти отъ одинаковыхъ причинъ. Новѣйшій изслѣдователь Карышевъ (1885 г.), изучавшій его въ Западной Европѣ нашелъ его нынѣ еще въ 6-ти мѣстахъ: въ Пикардіи—droit de marché, въ Бретаниі — domaine congéable (вымираетъ), въ Португаліи и Голландіи близъ Гренингена (afogamento и Reclamrecht), гдѣ оно въ полномъ цвѣту, въ Италиі—contratto di livello, гдѣ имъ тяготеяся, въ Мекленбургѣ-Шверинѣ—(Erbpacht), гдѣ оно введено съ великимъ успѣхомъ въ казенныхъ имѣніяхъ съ 1867 г. Оно вовсе не средневѣковый остатокъ, отъ котораго надобно отдѣлаться, какъ у насъ думаютъ, надѣливъ чиншевикомъ, да и впредь повтореніе явленія навсегда воспретить, а напротивъ, институтъ желательный, рекомендуемый ко введенію, при условіяхъ не хищническаго имъ пользованія, а какъ добросовѣстное владѣніе по договору, твердо соблюдаемому, въ чужой землѣ, которую владѣлецъ нанимающій не будетъ стараться превратить въ свою собственность, засидѣть, объявивъ, что онъ введенъ во владѣніе безъ всякаго акта и сдѣлался собственникомъ. Вѣчно наследственная или долгосрочная аренда появляется всегда, когда производительность земледѣльческая (основаніе всякой другой) истощается вслѣдствіе лятифундiарнаго хозяйства, вслѣдствіе скопленія собственности въ немногихъ рукахъ, выжимающаго изъ земли въ видѣ ренты, идущей въ нетрудящіяся руки, больше, чѣмъ въ эту землю влагается, упадокъ культуры, запустѣніе и превращеніе въ залежи, въ пастбища, въ лѣса. Надо было поощрить трудъ, его свободу, дать гарантію трудящемуся, что онъ не будетъ уда-

лень и согнанъ (аграрный вопросъ въ Ирландіи, Англіи, Шотландіи)—созданіе, обезпечивающее фермерство безъ экспроприаціи. Такіе моменты бывають въ исторіи. Одинъ былъ въ исходѣ древняго Рима, когда при императорѣ Зенонѣ 486, г. долгосрочная или наследственная аренда *emphyteusis*, съ платежемъ повинностей государству и легкаго оброка владѣльцу, *quasi proprietas*, но все таки *jus in re aliena*, съ *canon'омъ* и *laudemi'омъ* при переходѣ участка изъ рукъ въ руки. Другой моментъ въ исторіи—среда феодальной неурядицы. Помѣщикъ, онъ же и государь въ своемъ помѣстіи; его люди—его крѣпостные, истощенные работами и данями, разбѣгаются, земля пустѣетъ. Для увеличенія доходовъ надо землю заселять; вводится прежняя римская эмпитеузисъ въ измѣненномъ видѣ, съ новыми понятіями, съ теоріею *dominium utile* и *dominium directum*, *bail à cens*, *ascensement*, всего чаще въ видѣ договора, заключеннаго помѣщикомъ съ цѣлою общиною селящихся на его землѣ людей, сначала на извѣстное число лѣтъ на полной волѣ, а потомъ съ платежемъ определенныхъ чиншей. Такое устройство отношеній, сильно распространилось въ Германіи, начиная, въ особенности, съ XII столѣтія, послѣ крестовыхъ походовъ; когда немного просвѣтлѣло, то эти отношенія стали юристами-судьями разсматриваться по нормамъ римской эмпитеузы. Это же устройство, этотъ же институтъ перенесенъ былъ въ XIII столѣтія на феодальную почву въ славянской міръ, въ Польшу, а изъ Польши въ Литву, до Днѣпра и за Днѣпръ—онъ явился здѣсь какъ одинъ изъ элементовъ такъ называемаго нѣмецкаго, тевтонскаго, саксонскаго, кульмскаго, а всего чаще магдебургскаго права.

Было то время страшнаго запустѣнія послѣ нашествія монголовъ. Изъ Силезіи, изъ Пруссіи шла, какъ и теперь идетъ, нѣмецкая колонизація. Король, духовенство, паны жаловали свободныхъ пришельцевъ *месс-тономъ*. Брался поселить селеніе *осадчій*, онъ покупалъ

звание солтыса, выдавалась поселенію грамота, селились общиною, община, изъятая изъ общаго закона и переведенная in jus teutonіcum, приобретае самоуправленіе, свой судъ, солтыса со скабинами (Schöffen), свою церковь, свой выгошь, свои ланы, по крайней мѣрѣ, пожизненно, а иногда и наследственно. Отношенія между помѣщикомъ и поселенцами были строго опредѣлены обычнымъ правомъ, но такимъ, которое уже и появилось въ Польшѣ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, какъ писанное. То было *Sachsenspiegel*, *Speculum Saxonicum* около 1230 г., сборникъ, составленный рыцаремъ *Eufke von Bergow*, а съ 1505 г. приобщаемый въ Польшѣ къ общимъ сборникамъ законовъ (*Statut Łaskiego*). Сначала оно было въ непрерывной связи со своею родиною, а потому даже апелляція отъ городскихъ судовъ и, вообще, отъ такихъ муниципалитетовъ, которые были помѣщены на нѣмецкомъ правѣ, шли въ магистраты нѣмецкихъ городовъ Halle, Magdeburg; но уже со времени Казимира Великаго такія апелляціи за границу запрещены, и установлено высшее судилище для городовъ въ Краковѣ. Въ XVI столѣтіи магдебургское право заводится и въ Литвѣ; въ то же время оно ополячивается и примѣняется къ польскому быту трудами польскихъ комментаторовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ нѣкто Бартошъ Гроицкій, составившій обширный трактатъ, уже съ переводомъ зеркала на польскій языкъ 1562 г.: *Porządek sądów y spraw mieyskich prawa Magdeburgskiego, w Koronie Polskiej*, который въ посвященіи этой книги гетману Тарновскому, выражался такъ, что многіе поляки не знаютъ, что есть *Speculum Saxonicum*, или магдебургское право, но что, собственно, его, Гроицкаго, магдебургское право въ Польшѣ и для Польши составленное должно бы называться *jus municipale polonicum*. Трудъ Гроицкаго сдѣлался капитальнымъ, получилъ повсемѣстное распространеніе и *auctoritatem fori*, о чемъ свидѣтельствуютъ, какъ многочисленныя его изданія уже безъ имени автора, и въ видѣ сборника

законовъ 1565—1573, 1619—1629 и 1760 гт., такъ и любопытный фактъ, что предпринятая по указу Императрицы Екатерины I, 28 августа 1728 г. кодификація мѣстныхъ малороссійскихъ законовъ, доведенная до составленія проекта особою комиссіею въ градѣ Глуховѣ 1743 г., проекта, который 1879 года изданъ проф. Кистяковскимъ, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», въ числѣ источниковъ упомянула книгу «Порядокъ», какъ книгу законовъ. Изъ «Порядка» купно съ саксонскимъ зеркаломъ и литовскимъ статутомъ и составленъ былъ вышеупомянутый проектъ. Извѣстно, что проектъ такъ и остался проектомъ, но фактъ авторитета, которымъ пользовалась книга «Порядокъ» несомнѣненъ. Позднѣе Гроицкаго появился еще иной польскій комментарий, изданіе 1581 г. львовскаго синдика и королевскаго секретаря Павла Щербича (2-е изд. 1646 г. во Львовѣ). Если причислимъ къ этимъ двумъ самымъ знаменитымъ комментаторамъ старѣйшаго ихъ предшественника на латинскомъ языкѣ Яскера (1535 г.), съ его словаремъ, то будемъ имѣть въ совокупности съ саксонскимъ зеркаломъ всю и теоретическую и практическую обработку магдебургскаго права *ad usum fori*, до самаго послѣдняго времени. Но прежде, чѣмъ я приступлю къ изложенію содержанія этихъ источниковъ, я долженъ объяснить, какая можетъ быть связь между этимъ магдебургскимъ правомъ для мѣщанъ, для вольныхъ людей изъ простонародія и рыцарскимъ сословіемъ—шляхтою, которая управлялась общимъ земскимъ правомъ и чуждалась подсудности городскимъ судамъ и всего, что ставило бы ее наравнѣ съ простонародіемъ.

Цвѣтущее состояніе поселеній нѣмецкихъ на правѣ тевтонскомъ и коренныхъ польскихъ, пожалованныхъ по примѣру нѣмецкихъ тевтоновъ, продолжалось не долго, не долѣе XVI в. Съ XVI столѣтія прекращается прогрессъ къ лучшему, дряхлѣе или лучше сказать помѣщики, люди *beni nati et possessionati* достигаютъ не-

только преобладанія, но исключительнаго господства; они одни въ полномъ значеніи слова свободны, власти королевской связаны руки, города устранены отъ сеймованія, ихъ самоуправленіе подавлено; помѣщики заводятъ фольварковыя большія хозяйства, начинается поворотъ въ сторону закрѣпощенія всякихъ свободныхъ съемщиковъ земель, чиншевииковъ. Вполнѣ обнаруживаются всѣ пороки аристократизма и страшное давленіе его на народныя массы. Оправдывается то, что пишетъ Lengnich въ XVIII в. *libertas polona adeo celebrata non aliis civibus, quam nobilibus servit, qui illa ita fruuntur, ut ad communionem alios, praeter nobiles, haud admittunt.* Чиншевики на нѣмецкомъ правѣ отличались именно тѣмъ, что они были люди средніе, не туземные крѣпкіе землѣ крестьяне, но и не шляхта. *Censualis* уже по *Speculum Saxonum* характеризуется вездѣ словомъ *non innatus*. Ему противопоставляется крѣпостной, который у Гроицкаго называется *Censualis innatus, originarius, adscriptitius, qui natus est ad illa bona et illis originem sumpsit*, чиншевикъ вѣчный, наслѣдственный, но не вольный, который безъ воли господина и сойти съ земли не можетъ. Вольный чиншевикъ и связываться слишкомъ тѣсно на вѣчныя времена съ землею не могъ, чтобы не попасть въ крѣпостные, въ тѣ *отчичи* и *отдичи*, въ *челядь* (арт. 14 разд. XII въ Л. С.), чтобы доказать, что онъ вольный съемщикъ по договору, онъ этотъ договоръ имѣлъ на письмѣ и хранилъ, какъ зѣницу ока. Съ другой стороны, уже въ Саксонскомъ зеркалѣ чиншевое владѣніе отличается отъ рыцарскаго, феодальнаго: непригоже рыцарю быть чиншевикомъ, платить за владѣніе деньгами, а не личною службою. *Szczerbicz* говоритъ (р. 57): *Człowiek stanu rycerskiego na dobrach czynszowych siedzieć nie ma.* (61) *Czynszownik prawo rycerskie traci.* Уже у Яскера рѣшается отрицательно вопросъ: *censiti an milites esse possint?* Такое феодальное владѣніе отмѣчено особою статьею у Гроицкаго; *bona feudalia* и у Щербича. *Na dobrach czynszowych siedzący rycerskiego stanu być nie może...*

Такимъ образомъ была извѣстная, прочно установившаяся іерархія землевладѣнія, по которой, какъ и вездѣ въ средніе вѣка, опредѣлилась и іерархія сословныхъ отличій, правосостояній, клѣточекъ и нерегородокъ. Была земля владѣніе рыцарское, на западѣ феодальное, помѣстное въ Польшѣ, вслѣдствіе преобладанія шляхты шляхетское, полное, обѣльное, вотчинное, собственность столь же неограниченная, какъ по римскому праву и со временъ Кошицкихъ пактовъ 1374 г. платящее въ казну не больше двухъ грошей съ лана—(феодальнаго была самая малость). И было владѣніе не шляхетское, *sensitorum* людей свободныхъ, за деньги держащихъ земли на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣляющихся всего чаще письменнымъ договоромъ, но иногда и обычаемъ. И было владѣніе зависимое, невольническое тѣхъ крѣпостныхъ, которые работали на помѣщика, но не были ими кормимы, а на прокормъ давались имъ извѣстные жеребья-участки, надѣлы и они были панскіе и вся земля была панская. Когда завершилось политическое устройство Польши, образовалась сверху твердая и плотная кора шляхетской касты подавившей всѣ средніе и низшіе классы, то это имѣло послѣдствіемъ что: 1) громадное количество свободныхъ *sensiti*, съемщиковъ земель, были лишены самоуправленія, подчинены помѣщичьему суду, закрѣпощены, такъ что чиншевикомъ сильно поубавилось. Но съ другой стороны эта убыль значительно пополнилась тѣмъ, что ступеню ниже опустилась и на чиншевое владѣніе перешла часть захудалая самаго шляхетства, *nobiles pauperi*, бѣдные дворяне безземельные, селящіеся на панскихъ имѣніяхъ—именно въ этой странѣ, въ югозападныхъ губерніяхъ, составляющіе главный контингентъ колонизаціи, селящіеся на дикихъ поляхъ, на обширныхъ плодородныхъ пространствахъ, пустѣющихъ вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ и охотно селящихся на панскихъ имѣніяхъ на 10-лѣтней или 20-лѣтней волѣ съ условленнымъ потомъ легкимъ чиншемъ, по грамотамъ или по

обычаю, тому самому обычаю, который принесенъ изъ Германіи и получилъ свою обработку, бывъ приноровленъ къ особенностямъ польскаго быта, въ трудахъ Гропцака, Щербича и другихъ.

Такое помѣщеніе, хотя и бѣдныхъ, но шляхтичей, слѣдовательно идеально равныхъ по породѣ съ помѣщикомъ, у него, на его земляхъ, на чиншѣ, имѣло нѣкоторыя особенности; они не подчинялись его суду, но онъ былъ хлѣбодатель, онъ у нихъ заискивалъ, потому что они нужны были ему на сеймахъ, на сеймикахъ, въ судахъ, или даже на войнахъ и рокошахъ, когда онъ ихъ подымалъ для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей на междуособную или внѣшнюю войну. Они не нуждались ни въ самоуправленіи, ни въ судѣ солтыса со скабинами, у нихъ были свои суды земскіе и гродскіе, въ которыхъ они могли де жге тягаться съ помѣщикомъ, но обыкновенно не тягались—сила у него была большая. Сочиненіе Рембовскаго доказываетъ, что убываетъ сильно съ XVII ст. классъ чиншевиковъ, пополняющійся не только бѣдною шляхтою, но и колонистами изъ Германіи, прибывающими селиться, но уже далеко не часто на льготныхъ условіяхъ и не съ такими гарантіями. Наконецъ у Рембовскаго есть любопытное извѣстіе, что въ XVII и XVIII ст. при недостаткѣ вольныхъ людей, классъ чиншевиковъ пополнялся кое-гдѣ и крестьянами. Есть цѣлый рядъ Радзивилловскихъ универсаловъ о томъ, чтобы вокругъ Радзивилловскихъ крѣпостей, при недостаткѣ исправляющихъ на ленномъ правѣ службу, относительно починки крѣпостей шляхтичей—чиншевики изъ кметей на ленномъ правѣ служили извѣстными работами по отношенію къ крѣпости, замѣнившими барщину. Такимъ образомъ, въ древней Польшѣ подъ конецъ ея существованія польское право представляетъ самыя разнообразныя формы въ почти хаотическомъ смѣшеніи: эмфитеузы, вѣчности, лены, внѣшніе земскіе и простые чинши въ хаотическомъ смѣшеніи безъ общаго типа, безъ преобладающаго какого нибудь отношенія надъ другимъ, вслѣдствіе сего,

по справедливому выводу Рембовскаго, необходимо прежде всего обращать самое строгое вниманіе на содержаніе привилегій, при разрѣшеніи напр. самаго капитальнаго вопроса: вѣчный-ли чиншъ или временный?

Это требованіе опредѣленія прежде всего по тексту договора тѣмъ существеннѣе для чиншевикомъ—шляхтичей, что по коренному правилу земскаго права всякое отчужденіе недвижимыхъ имуществъ или обремененіе ихъ вещными правами въ пользу 3-го лица должно быть не только письменное, но и въ книги земскія соответственнаго уѣзда, а по крайней мѣрѣ въ городскія, съ совершеніемъ потомъ ихъ переноса записано (на этотъ счетъ есть прямой законъ). Лит. Статутъ Разд. 7 арт. 1, 2, 3, а потомъ и конституція 1620 г. (Vol. Leg. III, 378) запрещаютъ обращеніе въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Волынскомъ мамбранъ или частныхъ записокъ (*gęszne zapisy*). Всякій подписавшій такую запись самъ съ двумя свидѣтелями за своею и ихъ печатью обязанъ такія записи вписать въ земскія или городскія книги въ теченіи 1 года и 6 недѣль, по истеченіи каковаго срока, если онѣ до актъ не вписаны, то становятся не дѣйствительными.

При отсутствіи всякаго письменнаго документа нѣтъ выхода иного, какъ только обращеніе къ обычному чиншевому праву, то есть къ Саксонскому Зерцалу, Щербичу и Гроицкому. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой способъ былъ бы единственно пригодный, если бы дѣло рѣшалось въ послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой; могло ли его рѣшеніе измѣниться потому, что эти области уже почти столѣтъ находятся подъ владычествомъ Россіи? Нѣтъ, не могло, потому что старая Польша до конца своего существованія не измѣнилась, страдавшее аристократизмомъ государство умерло отъ олигархіи. Въ послѣднія минуты существованія, на канунѣ смерти, послѣдовало провозглашеніе послѣдняго крупнаго законодательнаго акта кратковременно существовавшей конституціи 3 мая 1792 г., которая никогда не была признана русскимъ

правительствомъ, и о которой я бы не упоминалъ еслибы она не приводилась, еслибы Кіевская судебная палата 21 мая 1881 г., по дѣлу Терещенки съ чиншевыми с. Заборъ, не привела этой самой конституціи въ ея ст. 4, какъ закона, укрѣпляющаго легальность всякихъ даже словесныхъ чиншевыхъ договоровъ. Это или непониманіе или такое переименованіе смысла статьи, которое влагаетъ въ нее содержаніе, прямо противное настоящему.

Конституція 3 мая не посягнула даже на крѣпостное состояніе, она ограничилась поставленіемъ крѣпостныхъ (*włóścianie*) подъ прямое покровительство закона и правительства, совѣтуя только въ ст. 4 помѣщикамъ освобождать ихъ, заключая съ ними договоры, при томъ договоры письменные; всякій такой договоръ долженъ быть додерживаемъ по его тексту, по точному и буквальному его смыслу и *обязателенъ и для наследниковъ*. Я подчеркиваю послѣднее выраженіе, на которое я еще укажу потомъ. Такимъ образомъ 4 статья конституціи нѣтъ дѣла ни до чиншевыхъ, ни до словесныхъ договоровъ, на такомъ же основаніи можно бы утверждать, что чиншевой вопросъ разрѣшается положеніемъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. (въ смыслѣ дѣйствительности словесныхъ договоровъ) тѣмъ, что по положенію для крестьянъ введены уставныя грамоты, опредѣляющія ихъ временныя обязательства относительно къ помѣщикамъ.

Подъ русскимъ владычествомъ положеніе шляхты чиншевиковъ ухудшилось по двумъ причинамъ: 1) потому что эта шляхта не нужна стала помѣщикамъ для достиженія ими личныхъ цѣлей и стремленій на судахъ и на сеймѣ; политически этотъ классъ атрофировался, его и могли эксплуатировать только экономически; 2) потому что это былъ все таки одинъ изъ самыхъ живучихъ обломковъ стараго порядка, ассимилируемый съ трудомъ, живущій преданіемъ прошлаго. Всѣ усилія правительства были направлены къ тому, чтобы этихъ людей низвести по

возможности изъ дворянства въ престонародіе, въ одводорцы, чтобы ихъ устроить какъ крестьянъ и совершенно слить съ государственными крестьянами. Мнѣ незащѣмъ и распространяться о томъ, что таково было направленіе политики во все продолжительное время генераль губернаторства генерала Бибикова.

Сопоставьте докладъ князя Зубова 1796 г. (П. Соб. Зак. № 17469) со Сводомъ Законовъ. Князь Зубовъ доноситъ, что въ областяхъ Южной и Юго-западной Россіи, присоединенныхъ отъ Рѣчипосполитой, есть чиншевая шляхта, не имѣющая никакой собственной недвижимости, она порабощена вельможами, которые съ нихъ берутъ 25—30 р. съ плуга и понуждаютъ къ разнымъ повинностямъ. Князь хлопоталъ объ отводѣ этой шляхтѣ 1 милліона десятинъ земли и полагалъ, что по крайней мѣрѣ половина чиншевиковъ воспользуется этимъ предложеніемъ и составитъ классъ землепашцевъ и военныхъ людей. А въ Св. Зак. изд. 1857 г., (по закону 1841 г. 15 декабря) одводорцамъ проживающимъ на помѣщичьихъ земляхъ (слѣдовательно, чиншевикамъ—другихъ не было) (т. IX ст. 767) предоставлено, какъ людямъ необезпеченнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ, оброчныхъ статьяхъ и участкахъ остающихся праздными. Это постановленіе осталось и по закону 19 февраля 1868 г. о введеніи одводорцевъ въ общій составъ сельскихъ и городскихъ обывателей (ст. 781 нынѣшняго IX тома Св. Зак. изд. 1876 г.). Всѣ крестьяне изъ бывшихъ одводорцевъ, не имѣющіе постояннаго земельного надѣла могутъ просить о переселеніи ихъ на свободныя казенныя земли, преимущественно въ восточныя губерніи Имперіи. Отводъ имъ земли, производило Управление Государственныхъ Имуществъ. Мало того, ни о какихъ процессахъ чиншевиковъ, о возстановленіи въ чиншевое владѣніе или о признаніи чиншеваго владѣнія не слышно, кромѣ чиншеваго владѣнія въ мѣстечкахъ, ни до указа 25 іюня 1840 г., ни послѣ него до шестидесятихъ годовъ. Иски

въ родѣ настоящаго появляются только по освобожденіи крестьянъ 1861 г. и въ особенности по воспослѣдованіи сенатскихъ кассационныхъ рѣшеній 1877 г., на которые съ тѣхъ поръ всѣ истцы ссылаются, какъ на законодательство, въ почти такихъ стереотипныхъ словахъ: «Сенатъ установилъ, что чиншевое право есть вѣчное наследственное съ назначеннымъ чиншемъ. Мы чиншевики, слѣдовательно, и мы имѣемъ это право». — Почему притязанія явились послѣ освобожденія крестьянъ? Да потому, что первые крестьяне въ Россіи крѣпостные и помѣщичьи получили прочное обезпеченіе въ видѣ земельного надѣла; и они и земля были барскіе, посредствомъ коренной и смѣлой реформы самой крупной, аграрной, разсѣкшей гордіевъ узелъ и круто измѣнившей правоотношенія въ области имущественныхъ правъ, въ отдѣлѣ вещныхъ правъ на землю. Эта реформа, съ одной стороны, уничтожила вообще власть помѣщика и судъ его надъ крестьянами, пошатнула его власть, на законѣ основанную, и надъ свободными чиншевиками напр. надъ однодворцами. Напримѣръ, она, я скажу слава Богу, обратила ни во что § 473 ст. 2 ч. 2 т. изд. 1857 г. Сельское начальство однодворцевъ должно въ случаѣ жалобъ *однодворцевъ* на помѣщиковъ побуждать однодворцевъ къ исполненію принятыхъ ими по заключеннымъ условіямъ обязанностей и во всякомъ случаѣ содѣйствовать сельской расправѣ помѣщика, равно какъ и земская полиція. Съ другой стороны она пробудила желаніе получить земельные надѣлы и въ другихъ свободныхъ классахъ сельскаго населенія, которые до того и не претендовали на крѣпкое отношеніе свое къ землѣ, чтобы не сдѣлаться крѣпкими землѣ, чтобы не попасть въ крѣпостное состояніе. Казна надѣлила почти всѣ разряды сельскихъ обывателей на казенныхъ земляхъ; были реформы мелкія, аграрныя въ дополненіе къ закону 19 февраля 1861 г., были надѣлены вольные люди въ западныхъ губерніяхъ, будутъ вѣроятно надѣлены и чиншевики; есть уже законопроектъ, внесенный въ Го-

сударственный Совѣтъ, который вѣроятно опредѣлитъ права чиншевикова, который дастъ имъ тѣ вещныя права на землю, которыхъ они до сихъ поръ вообще въ видѣ общаго права не имѣютъ, по которому нѣкоторые изъ нихъ по своимъ грамотамъ, договорамъ и привилегіямъ можетъ быть и имѣютъ,—то будетъ законъ, отдѣляющій одинъ періодъ времени отъ другого, рождающій новыя права, новыя обязанности. Но пока этотъ моментъ не наступилъ, не можетъ черное сдѣлаться бѣлымъ, бывшее законнымъ сдѣлаться незаконнымъ по взгляду администраціи или взгляду суда, потому что ни администрація, ни судъ (не исключая гражданскаго кассационнаго департамента) не снабжены властью законодательствовать, они могутъ либо разбирать дѣла, либо распоряжаться по существующему и можетъ быть подлежащему измѣненію, но еще не отмѣненному закону,—въ настоящемъ случаѣ спорному, потому что это законъ не русскаго государства, а еще бывшей Польской Рѣчипосполитой, какъ утверждаютъ истцы, какъ утверждаю и я, отвѣтчикъ.

Чиншевое правоотношеніе, законное въ югозападномъ краѣ, должно по своему началу относиться ко времени предшествовавшему закону 25-го іюня 1840 г.; послѣ изданія его оно не могло образоваться. Положимъ говорить, что оно восходитъ ко времени старше 1840 г., съ незапамятныхъ временъ. Я это допускаю, но во всякомъ случаѣ по Литовскому Статуту, какъ владѣніе шляхетское, шляхтича у шляхтича по 1, 2, 3 арт. VII разд. оно должно основываться на письменномъ документѣ. Если оно владѣніе, хотя и не шляхетское, но шляхты въ то время, когда шляхта не считала уже для себя унижительнымъ идти въ чиншевики, то оно должно быть обсуждаемо по магдебургскому праву и обычаю и на этотъ счетъ есть превосходныя указанія въ источникахъ. нпр. въ *Speculum Saxonum: Censu præstitus tanto tempore quod non sit memoria illius.*

Возьмемъ Гроицкаго. Стр. 49: Истекъ срокъ найму, если стороны обѣ безмолствуютъ, то изъ сего молчанія слѣдуетъ, что они возобновили договоръ. За таковымъ терпѣніемъ и молчаніемъ tacito consensu прежній наемъ возобновляется на годъ. У юристовъ это и называется tacita locatio изъ года въ годъ. Понятно, что такимъ образомъ могло установиться отношеніе, похожее на то, которое было въ селѣ Плосскомъ. Если чиншъ, говоритъ Гроицкій, (46) уплачивался съ незапамятнаго времени, напр. въ продолженіи 40 лѣтъ, то онъ и впредь имѣеть быть уплачиваемъ. Тоже Щербичъ (85): Czynsz jeŝliby od niepamiętnego czasu był płacon, żeby pamiętnika jemu przeciwnego nie było, ma być do końca płacon, także jeŝliby od lat 40 był płacon. Очевидно, что были такіе случаи продолжаемой tacita locatio. Могутъ быть и споры о чиншѣ: дороже становятся предметы, помѣщикъ возвышаетъ чиншъ, чиншевикъ не хочетъ подчиняться. И этотъ случай разрѣшается источниками. *Гроицкій* (33): Кто нанимаетъ имѣніе безъ означенія имъ опредѣленнаго чинша, тому чиншъ бываетъ уплачиваемъ по обычаю и общепринятому обиходу того города или уѣзда. Какъ живучъ этотъ обычай, доказывается не только буквальнымъ повтореніемъ того-же правила въ книгѣ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ» стр. 419, гл. 15, 1 п. 2,—» еслибы кто купилъ имѣніе безъ означенія цѣны платежа, то платежъ долженъ быть по обыкновенію того города или уѣзда, по чему что въ наемъ дается и плачено бываетъ». Онъ подтверждается и тѣмъ что еще 23 января и 26 декабря 1873 г. Высоч. утв. два мѣншія Госуд. Совѣта по дѣлу мѣстечекъ Устилуга и Давидгородка, предоставляютъ при отсутствіи актовъ опредѣлять размѣръ чинша мѣстнымъ генераль губернаторамъ, не ниже платимаго въ той мѣстности чиншевиками.

Весьма существенно по обычаю право владѣльца самому взыскивать просроченные чинши помимо суда. Sax. Spec: Dominus sine sententia judicis licite pignorbit. 1 art 54: Pro censu a fundo dominus licite

pignorabit sine sententia iudicis. Гроицкій: Господинъ можетъ взыскаііе производить съ коморника помимо соизволенія судьи (29). Szczerbicz: (54). Pan może w czynszu bez woleу sędziego fantować czynszownika swego. Какъ живучъ этотъ обычай тому доказательствомъ служить приведенная мною уже ст. 5473, 2 ч., 2 т. о сельской расправѣ помѣщика для понужденія однодворцевъ къ исполненію принятыхъ ими обязанностей, то есть, по взыскаіію чиншей. Замѣчательно, что въ чиншевомъ правѣ польскомъ нѣтъ ни слѣда того laudemium, которое еще эмфитеуты платили въ Римѣ и которые были и въ другихъ странахъ зап. Европы—2⁰/₀ съ цѣны земли вкупнаго при перемѣнѣ въ лицѣ чиншевика.

Самый крупный и капитальный вопросъ, на которомъ все нынѣ вертится, это вѣчность и наслѣдственность чиншеваго владѣнія, была-ли она общимъ правиломъ, которое предполагается, пока противное не будетъ доказано или наоборотъ? По источникамъ она положительно только исключеніе. Въ *Spec. Sax.* 1. 2 art. 59: установленъ всюду день, когда господинъ чиншевика, а чиншевики господина оповѣщаютъ по одностороннему своему заявленію, что тотъ или другой прекращаетъ чиншевыя отношенія и владѣніе. Это былъ dies purificationis S. Panny Maryi Gromnicznej—2 февраля по Щербичу. По Гроицкому вѣчный дѣдичный чиншевикъ это originarius, крѣпостной, который отличается тѣмъ, что земли не можетъ продать, ни отойти съ имѣнія (25). Всякаго чиншевика можно рушить, но не иначе, какъ заранее оповѣстивъ. Unus alterum non alienet nisi determinato tempore sibi addixerint (31). Хозяинъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ рушить коморника или чиншевика и до срока: если ему кто чинша не платитъ, если хозяинъ самъ нуждается въ этомъ кускѣ для своего жилья, если коморникъ имѣніе портитъ или непотребно живетъ. Гроицкій въ двухъ мѣстахъ выражается такимъ образомъ, что изъ этихъ словъ какъ будто-бы вытекаетъ полная невозможность не только вѣчныхъ наслѣд-

ственныхъ, но и долгосрочныхъ чиншевыхъ договоровъ. На стр. 33 установлено весьма оригинальное начало: какіе бы не были заключены господиномъ чиншевые договоры (значить долгосрочные или вѣчные), по его смерти договоры эти падаютъ и не обязательны для наслѣдниковъ, потому что въ противномъ случаѣ имѣло бы нѣкоторымъ образомъ мѣсто отчужденіе имѣнія отъ наслѣдниковъ, чего законы не допускаютъ, а въ другомъ мѣстѣ (43), что хозяинъ пашни не можетъ отдать въ наемъ пашню пахарю на время превосходящее то, пока самъ будетъ живъ. Въ этихъ опредѣленіяхъ сквозитъ понятіе старое, имѣнія—достоянія всей семьи, владѣльца на правахъ пожизненнаго владѣльца, и вотъ его ограничиваютъ срокомъ его земнаго существованія.

Какъ согласовать эту ограниченность чиншеваго владѣнія съ несомнѣнными данными о существованіи вѣчно чиншевыхъ договоровъ. Очень просто, могутъ быть всякія крѣпкія отчужденія формальныя по письменнымъ актамъ со внесеніемъ въ земскія книги, они непоколебимы, нерушимы; но если отдача была по простому условію неформально, можетъ быть *tacita locatio*, по обычаю, то при каждой переменѣ владѣльца имѣнія наступаетъ моментъ, когда могутъ быть рушены всѣ чиншевики. Весьма интересенъ по этому же вопросу Щербичъ. Онъ отличаетъ чиншевиковъ вообще и наслѣдственныхъ или дѣдичныхъ. Обыкновенный чиншевикъ могъ быть выселенъ за всякою просрочкою чинша (56—*Kiedy czynszu nie płaci*), но *czynszownik, który dziedzicznie czynszowe dobra ma, nie rychlej może dobra stracić nie zaplaceniem czynszu jedno za trzy lata* (56 і 61). Потомъ въ 2 мѣстахъ (58 і 60) Щербичъ отмѣчаетъ, что выселеніе недѣдичнаго чиншевика должно быть ему оповѣщено въ день *Ś. Maryi Gromniczej*.

О томъ, чтобы договоры чиншевые не были обязательны для наслѣдниковъ помѣщика нѣтъ ни слова у Щербича. Можно бы подумать, что наслѣдственность чиншевиковъ окрѣпла и что, если они не дѣдичны по

привилею, то и должны оставаться. Эта догадка подтверждается сочиненіемъ «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», которое, хотя и не было утверждено въ законодательномъ порядкѣ, но изображаетъ состояніе малороссійскаго обычнаго права въ половинѣ XVIII ст., къ 1743 г., стр. 426. гл. XV арт. 8. «Наслѣдники умершихъ хозяина или наемщика должны ли договоръ содержать? Тотъ договоръ о наймѣ и между наслѣдниками содержанъ быти маеть, если онымъ обязаны тѣхъ своихъ наслѣдниковъ къ содержанію обяжутъ; когда такого обязательства не будетъ, тогда наслѣдники и договора не только содержать не обязаны, но и прежде договореннаго срока наемщика, либо наслѣдниковъ наемщика изъ наслѣдняго своего имѣнія выгнать могутъ.»

Этихъ выдержекъ достаточно. Ими обрисовано, въ его типическихъ чертахъ, чиншевое право, какое оно было въ XVII в., какимъ оно осталось и въ XVIII и въ XIX ст. вплоть до восполѣдованія сенатскихъ указовъ 1877 г., провозглашавшихъ не практиковавшіеся до того времени начала и бывшихъ причиною того, что и чинши перестали платиться и возникло множество исковъ о восстановленіи давно потерявшаго, а можетъ быть и никогда не существовавшаго чиншеваго владѣнія, со стороны людей, которые неизвѣстно владѣли ли на чиншевомъ правѣ, даже до 1840 г. потому только, что ихъ владѣніе существуетъ съ незапамятныхъ временъ, то есть, что даже старожилы не помнятъ, какъ давно оно началось.

Теперь намъ остается еще одинъ и послѣдній вопросъ: какъ надо отнестись къ сенатскому рѣшенію 1877 г., разъяснившему, будто бы, и установившему, въ чемъ заключается сущность чиншеваго владѣнія, а именно въ томъ, что оно есть право вѣчнаго и потомственнаго пользованія опредѣленнымъ пространствомъ земли въ имѣніи другаго лица съ обязанностью, только платить на вѣчныя времена чиншъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Таково разъясненіе сената древнихъ законовъ, они сена-

томъ либо вовсе не приведены, либо сенатомъ сдѣланы призрачныя на законы ссылки, которыхъ вовсе нѣтъ напр., на конституціи 1792 г., которыя никогда не были опубликованы и всегда отвергались Россіей, какъ незаконныя, или на акты законодательныя, которые ни единымъ словомъ чиншевыхъ отношеній не опредѣляютъ и даже ни слова о чиншѣ не говорятъ, на Статутъ Вислицкій 1347 г., даже на Литовскій, на Быдгоскій съѣздъ 1520 г., на Торнскій Статутъ, на конституціи сеймовъ 1717, 1767 и 1768 г. г. Не только текста этихъ, якобы разъясняемыхъ, законовъ нѣтъ, но даже и числа въ которыя составлены эти акты не надежны, откуда то взяты и безъ критики переписаны. Однимъ словомъ, оказывается что наши суды, не исключая правительствующаго сената въ гражд. кассац. д-тѣ (по выраженію Рембовскаго стр. 25), не упускали ссылаться въ своихъ приговорахъ, на источники польскихъ и литовскихъ законовъ, почти всегда приводя эти источники только для одной формы и поверхностно. На цѣлыхъ 5 стр. 25—29 разбираетъ Рембовскій указанные сенатомъ источники и изъ анализа его оказывается въ результатѣ нуль, ничто, ни одного подходящаго закона не приведено, ни одного; выводъ безъ основанія виситъ на воздухѣ. Источники, если ихъ изучить, приводятъ къ совершенно иному пониманію сущности чиншеваго правоотношенія. Надо выбирать между сенатскимъ рѣшеніемъ 1877 г. и настоящими и подлинными законами. Какой же возможенъ выборъ? Я полагаю, что онъ несомнѣнно долженъ быть въ пользу подлинныхъ законовъ, что и постараюсь доказать.....

Кіевская судебная палата *опредѣлила*: извѣвъ изъ владѣнія графа Браицкаго находящіяся при селѣ Плосскомъ, Таращанскаго уѣзда, пахатныя и сѣнокосныя земли, въ размѣрѣ 775 дес. 1850 саж. за исключеніемъ изъ сего количества земли, находящейся подъ фольваркомъ графа Браицкаго, занесенномъ на планѣ въ участкѣ подъ № 1—передать оныя земли во владѣніе истцевъ, на правѣ чиншеваго пользованія съ установленіемъ пятидесяти копѣчной платы ежегодно за каждый

моргъ. Судебныя издержки всего производства возложить на отвѣтника. Рѣшеніе суда отмѣнить.

На это рѣшеніе прис. повѣр. В. Д. Спасовичемъ была подана въ гражданскій департаментъ правительствующаго сената кассационная жалоба, въ которой, между прочимъ, было указано на слѣдующія два капитальныя нарушенія, допущенныя Кіевской судебной палатой.

1) Самый главный и, можетъ быть, самый существенный поводъ къ отмѣнѣ состоявшагося по настоящему дѣлу рѣшенія Кіевской судебной палаты заключается въ томъ, что вопреки 47 статьѣ основныхъ законовъ въ 1 томѣ Св. Зак., которая гласитъ: Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, вопреки также 51 ст. тѣхъ основныхъ законовъ и 9 ст. уст. гражд. суд., по которой суды обяваны рѣшать дѣла только по разуму *существующихъ* законовъ, Кіевская палата основала свое рѣшеніе вовсе не на законахъ, а на соображеніяхъ и взаимоотноеніяхъ изъ такихъ источниковъ, которымъ не присвоена сила закона и которые съ законами смѣшиваемы и отождествляемы быть не могутъ, и самостоятельнаго значенія внѣ связи съ законами, коими извѣстное право гражданское опредѣляется и охраняется, не имѣютъ.

Предметъ настоящаго дѣла есть отыскиваемое бывшими однодворцами села Пlossкаго возстановленіе владѣнія въ имѣніи графа Браницкаго участками земли, которыми они будто-бы владѣли на *чиншевомъ* правѣ, что графъ Браницкій отрицаетъ. Очевидно, что этотъ споръ, по смыслу 9 ст. уст. гражд. суд., только и можетъ быть разрѣшенъ на основаніи существующихъ законовъ, спеціально опредѣляющихъ и охраняющихъ институтъ чиншеваго права. Какіе-же это законы? Очевидно, что существующими законами по чиншевому вопросу могутъ быть только: либо обще-русскіе, гражданскіе законы, кодифицированныя при изданіи Свода Законовъ и заключающіеся въ 1 части X т. Св. Зак. изд. 1857 г. съ продолженіями, такъ какъ по указу 25 іюня 1840 г. (П. С. З. № 13591) сила и дѣйствіе сихъ законовъ распространены на всѣ западныя, возвращенныя отъ Польши области, въ томъ числѣ и на Кіевскую губернію, въ предѣлахъ которой находится имѣніе графа Браницкаго Пlossкое, либо дѣйствовавшіе въ сихъ областяхъ до вослѣдствіа указа 25-го іюня 1840 г. польскіе законы (Литовскій Статутъ, Сеймовыя конституція и другія постановленія). Такъ какъ *чиншевое право* есть институтъ безусловно чуждый русскому гражданскому праву, и такъ какъ по 4 пункту указа 25 іюня 1840 г. приказано всѣ дѣла, могущія возникнуть по какому-либо составленному до сего времени *актамъ и документамъ*, производить по общему, для судопроизводства установленному порядку, но законность и силу акта или документа опредѣлять по законамъ, имѣвшимъ дѣйствіе во время составленія сего акта или документа, то очевидно, что для дѣла «чиншевыхъ», въ которыхъ чиншевое владѣніе на документахъ основано, до настоящаго времени существующими и

дѣйствующими по отношеніи къ нимъ положительными законами, должны считаться древніе польскіе законы, изъ области матеріальнаго гражданскаго права, замѣненные 1 ч. X т. Св. Зак. Гражд. по указу 25 іюня 1840 года. Какіе-же изъ этихъ древнихъ польскихъ законовъ приводитъ Кіевская судебная палата въ оправданіе или подтвержденіе своего вывода? Отвѣчаемъ: ровно никакихъ. Мѣсто текста законовъ или хотя-бы чиселъ, когда утверждены или изданы эти законы, занимаютъ въ рѣшеніи Кіевской судебной палаты соображенія и выводы гражданскаго кассационнаго департамента правит. сената, извлеченные: 1) изъ ряда почти тождественныхъ по отношеніи къ мотивамъ рѣшеній, уже опубликованныхъ 1877 г. №№ 109—116, опредѣляющихъ сущность чиншеваго права (собственно этихъ рѣшеній больше, а именно 11 отъ № 109 до № 119) и 2) изъ указа гражд. касс. д-та по рѣшенію еще не опубликованному, но извѣстному палатѣ изъ послѣдовавшаго по оному указа сената отъ 12 апрѣля 1883 г. № 2376, по дѣлу Левандовскаго съ Ходаковскимъ, изъ каковаго рѣшенія будто-бы явствуетъ, что чиншевое право, разъ установившееся, не ограничивается извѣстными предѣлами на поверхности земли, но какъ подвижное цѣтное пятно способно передвигаться съ мѣста на мѣсто, обременяя всю поверхность имѣнія, въ предѣлахъ котораго оно установлено.

Никто не уважаетъ больше насъ высокаго авторитета кассационныхъ рѣшеній, но мы полагаемъ, что мы не погрѣшимъ противъ истины и будемъ держаться въ предѣлахъ самой строгой законности, когда рѣшимся заявить: 1) что кассационныя рѣшенія не суть акты законодательной власти (ст. 51 основ. законовъ: никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Самодержавной Власти); 2) что они публикуются только для руководства къ истолкованію и примѣненію законовъ; 3) что только законъ содержитъ въ себѣ общее правило, а кассационное рѣшеніе можетъ содержать только примѣненіе этого общаго правила къ отдѣльнымъ случаямъ; 4) что отдѣльно отъ закона, изъ котораго оно выведено и который оно разъясняетъ, оно не приложимо; наконецъ, 5) что по прекрасному выраженію рѣшенія касс. гражд. д-та 1879 г. № 3, по дѣлу Простякова и Симагина, «вопросъ о спорномъ правѣ подлежитъ разрѣшенію *силою положительнаго закона*», а не по соображеніямъ, неизмѣющимся законнаго основанія, къ числу которыхъ должны быть очевидно отнесены и мотивы кассационныхъ рѣшеній, коль скоро кассационный д-тъ туда-же отнесъ и законодательные мотивы, приложенные къ судебнымъ уставамъ въ изданіи государственной канцеляріи, то есть положительно высказанныя намѣренія законодателя, одобренныя симъ послѣднимъ и, слѣдовательно, руководившія имъ при изданіи закона.

Хотя рѣшеніе Кіевской судебной палаты явно неправильно въ томъ отношеніи, что оно разрѣшаетъ споръ не силою положитель-

наго закона, а по соображеніямъ кассационныхъ рѣшеній безъ приведенія текстовъ законовъ, разъясняемыхъ кассационными рѣшеніями, но эта неправильность могла-бы быть до нѣкоторой степени исправлена, если-бы въ кассационномъ производствѣ обнаружилось сопоставленіемъ выводовъ судебной палаты съ текстами закона, поясняемыми посредствомъ кассационныхъ рѣшеній, что изъ этихъ текстовъ вытекаетъ совпадающій съ кассационными рѣшеніями выводъ палаты, что эти тексты могутъ быть положены въ основаніе палатскаго рѣшенія и относятся къ нему, какъ главныя посылки силлогизма къ вытекающему изъ нихъ въ видѣ умозаключенія рѣшенію, но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не случилось, что и постараюсь доказать разборомъ кассационныхъ рѣшеній, состоявшихся въ 1877 году, отъ № 109 до 119, и рѣшенія, послѣдовавшаго по дѣлу Левандовскаго 1883 года № указа 2376.

А) *Кассационныя рѣшенія 9 февраля 1877 года* не содержатъ въ себѣ никакихъ текстовъ польскихъ законовъ, а только голый перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ, да сверхъ того какъ-бы вытекающія изъ этихъ законовъ заключенія. Киевская судебная палата, ссылаясь на цѣлую массу рѣшеній по чиншевымъ дѣламъ, какъ будто-бы однозначущихъ и вполнѣ тождественныхъ, упустила изъ виду тѣ между ними существенныя различія по отношенію къ самому существу опредѣляемого ими чиншеваго права и его признакамъ, которыя дѣлали необходимымъ обращеніе къ источнику, то-есть къ польскимъ законамъ. Если внимательно разобратъ всѣ 11 послѣдовавшихъ по чиншевому праву въ 1877 г. рѣшеній, то они могутъ быть подведены подъ 3 типа.

1 *типъ* представляютъ рѣшенія за №№ 112 и 113, состоявшіяся по докладу сенатора Мотовилова, въ которыхъ говорится категорически, что чиншевое владѣніе соединялось *всегда* съ правомъ вѣчнаго, потомственнаго владѣнія и распоряженія и т. д.

2 *типъ* представляютъ рѣшенія за №№ 114 и 119, состоявшіяся по докладамъ сенатора Коловратъ-Червинскаго, въ которыхъ сказано, что «чиншевое пользованіе землею соединялось обыкновенно (значитъ *не всегда*) съ правомъ вѣчнаго, потомственнаго владѣнія и распоряженія и съ платежомъ чинша»... и т. д.

Подъ 3 *типъ* подходятъ всѣ остальные 7 рѣшеній, которыя составлены въ выраженіяхъ болѣе общихъ и не опредѣляющихъ *всегда*-ли или только *обыкновенно*, или *часто*, или *иногда* чиншевое владѣніе имѣло тотъ характеръ, который угодно было правительствующему сенату принять за нимъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, въ № 109 (сенаторъ Мотовиловъ) сенатъ находитъ, что слѣдуетъ заключить о томъ, что это право имѣло вѣчный и безсрочный характеръ, только изъ судебныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ въ сенатѣ или государственномъ совѣтѣ, то-есть изъ судебной практики и «изъ *самаго объема правъ, установившихся при заселеніи городовъ и жстечекъ*», слѣдовательно, изъ данныхъ исторіи, не поясняя, какихъ именно данныхъ, кѣмъ и

когда собранныхъ. Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ этого типа (докл. сенаторъ Коловратъ-Червинскій), №№ 115, 116, 117, 118, сжатое опредѣленіе происхожденія и существа чиншеваго права предлагается просто на вѣру, безъ ссылки на какіе-бы то ни было источники законодательства.

Ни разницы въ теоретическихъ выводахъ между рѣшеніями отъ 1877 г. №№ 109—119, ни отсутствія въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ ссылокъ на законы, смыслъ которыхъ будто-бы выражаютъ эти выводы, Киевская судебная палата не замѣтила. Если-бы хотя въ одномъ изъ рѣшеній дѣйствительно указаны были такіе законы, которые-бы служили логическими посылками для вывода тѣхъ заключеній, какія преподаются въ рѣшеніяхъ, то такое упущеніе было-бы несущественно. Но эти законы—польскіе, которые въ большинствѣ рѣшеній приведены не въ текстахъ, а только въ видѣ указаній на числа, которыми они будто-бы состоялись, не содержатъ ничего къ выводу относящагося, ни прямо, ни косвенно, либо имѣющаго съ нимъ какую либо связь.

Въ рѣшеніяхъ сдѣлана ссылка на слѣдующіе памятники законодательства:

1) Конституція короля Іоанна Альбрехта 1496 г., по которой будто-бы свободные городскіе и сельскіе обыватели не имѣли права пріобрѣтать землю въ собственность, а между тѣмъ они селились по приглашеніямъ землевладѣльцевъ, выговаривая себѣ право вѣчнаго и потомственного пользованія землею.

2) Статутъ Вислицкій 1347 г.

3) Статутъ Сигизмунда 1-го 1520 г.

4) Статутъ Торунскій 1521 г.

5) Конституція 1717 г.

6) Ординація роферендарскихъ судовъ 1768 г.

7) Конституція 1792 г.

8) Статутъ Литовскій, разд. 1, арт. 29, § 8.

Вникнемъ въ содержаніе этихъ источниковъ.

Въ Нешавскихъ и Опозскихъ статутахъ короля Іоанна Альбрехта въ 1496 г. въ статьѣ *de civibus et plebeis oppida et bona alia in jure terrestri non possessuris* (Volumina legum 1, стр. 271), въ виду того, что мѣщане и простолюдины не несутъ военной службы, имъ запрещено *bona jure terrestri* (по земскому праву) *emere, tenere, possidereque perpetuo vel obligatorio modo*, — изъ чего-бы слѣдовало, что имъ запрещено было совсѣмъ *владѣть* землями по вѣчному праву, какъ-выглядываетъ чиншевое по выводамъ сената, слѣдовательно, содержаніе закона прямо противно выводу, къ которому пришелъ сенатъ.

Статутъ Вислицкій 1347 г. (Vol. leg. 1, 1—24) есть цѣлый кодексъ, въ родѣ московскихъ судебныхъ или соборнаго уложенія 1649 г.; ссылаться на него безъ показанія статьи столь-же напрасно, какъ ссылаться на

Сводъ Законовъ или на который либо изъ томовъ этого свода безъ указанія статьи. Независимо отъ сего Статутъ Вислицкій есть законъ, къ чиншевому праву въ западныхъ губерніяхъ совѣтъ неотносимый, потому что 1) въ немъ нѣтъ помину о чиншевникахъ, а только о *villani* и *stethones*, то есть о крестьянахъ, которые уже тогда постепенно закрѣпощались; 2) что онъ есть кодексъ *права земскаго*, а для объясненія чиншеваго права необходимо, какъ то мы докажемъ, выводить его изъ права магдебургскаго и вообще нѣмецкаго (*ius theutonicum*), которое дѣйствовало одновременно и наряду съ земскимъ; 3) что Статутъ Вислицкій составленъ былъ только для Польши (Велико и Мало-Польши), то-есть коренныхъ земель, Велико же Княжество Литовское пользовалось не Статутомъ Вислицкимъ, а своимъ особымъ кодексомъ, гораздо болѣе развитымъ и обширнымъ, а именно Литовскимъ Статутомъ.

Въ 1520 г. состоялись не Статутъ Сигизмунда 1-го, а постановленія *Быдускаго* съѣзда (*Volumina legum I, 392*), но въ этихъ постановленіяхъ нѣтъ ни одного слова, относящагося къ чиншевому праву.

Торунскій или вѣрнѣе *Торискій* Статутъ 1521 г. (*V. l. I, 396*) посвященъ крестьянамъ крѣпостнымъ *coloni seu stethones*, которыхъ онъ подчиняетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ барщины не было или она была въ маломъ размѣрѣ, обязательной барщиной по одному дню въ въ недѣлю съ лана (*unum diem de quolibet laneo septimanatim laborent*).

Конституціи сейма 1717 г. (при Августѣ II, занимають въ *Volumina legum*—т. VI—слишкомъ сто страницъ *in folio* (229—331). Въ этихъ конституціяхъ не только вообще, но и въ той ихъ части, которая озаглавлена *Konstytucje Wielkiego Xięstwa Litewskiego* (306—331) нѣтъ ни слова, относящагося къ чиншевому праву и вопросу.

Въ конституціяхъ сейма 1767 и 1768 годовъ помѣщена особая статья (*Vol. I, VII, 715—716*) *Ordynacya sądów naszych jurzydykcy Referendaryi Koronney przywroconey*. Въ этой статьѣ возстановляется подсудность референдарскимъ судамъ всѣхъ дѣлъ, вытекающихъ изъ *ius colonarum*, причежъ пояснено: a te (sprawy) poddanychъ przeciwiżko possessoromъ dóbr naszychъ wzajemnie ichъ przeciwiżko poddanymъ (дѣла эти суть дѣла крестьянъ противъ владѣльцевъ имѣній нашихъ и наоборотъ, дѣла этихъ владѣльцевъ противъ крестьянъ). Въ концѣ прибавлено, что подъ этими дѣлами разумѣются всѣ, вытекающія изъ какой либо *personalis aut realis quaestione juris colonarii*. Изъ этого положенія статьи видно, что она не относится къ чиншевникамъ, а касается крестьянъ, поселенныхъ въ такъ называемыхъ *krulowщинмахъ* или королевскихъ столовыхъ имѣніяхъ, раздаваемыхъ королями въ видѣ награды, подъ названіемъ староствъ (*panis bene merentium*) заслуженнымъ людямъ или сдаваемыхъ въ аренду съемщикамъ по договорамъ. Если-бы статья и относилась къ чиншевникамъ, то, опре-

дѣля только порядокъ подсудности, она къ опредѣленію существа чиншеваго права служить не могла-бы.

Конституціи 1792 года упомянуты въ рѣшеніяхъ сенатскихъ вѣроятно по недоразумѣнію; онѣ никогда не были опубликованы. При томъ декларациею Императрицы Екатерины II отъ 18 мая 1792 г. (Костомаровъ: Последніе годы Рѣчи Посполитой. С.-Петербургъ, 1870, стр. 437) постановлено было возвратить Рѣчи Посполитой ея свободу и законность, похищенные мнимо конституціею 3 мая 1791 г. Россія не признала никогда ни этой конституціи и ниже какихъ-бы то не было постановленій польскаго правительства, за нею послѣдовавшихъ, ни конституцій того сейма, который и прекратилъ свое существованіе 29 мая 1792 года. Затѣмъ послѣдовала и война съ Россіею, приступъ короля къ Тарговицкой конфедераціи и открытіе новаго и послѣдняго сейма, собравшагося въ Гроднѣ, но уже 17 іюня 1793 года. Хотя постановленія сеймовыя 1792 года и не признаны Россіею и не были опубликованы, но сверхъ того осмѣливаемся заявить, что въ совѣщаніяхъ и преніяхъ всего того четырехлѣтняго сейма, который кончилъ существованіе 29 мая 1792 года, не былъ ни разу ни поднимаемъ, ни разбираемъ чиншевой вопросъ.

Наконецъ, что касается до § 8 арт. 29 разд. I Статута Литовскаго 1588 г., то въ этой статьѣ нѣтъ ни слова о чиншахъ и чиншевицахъ, а сказано только слѣдующее: «а кто изъ обывателей сего государства нашего какаго либо состоянія и народа шляхетскаго для увеличенія себѣ прибыли желалъ-бы на своей землѣ *мѣстечко* основать, тому можно сіе учинить, а равно и установить въ немъ торговое по древнему общему обычаю, какъ то дѣлается въ другихъ *мѣстечкахъ* княжескихъ и панскихъ».

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія содержанія всѣхъ законовъ польскихъ и литовскихъ, приведенныхъ въ рѣшеніяхъ кассационныхъ 1877 г., оказывается, что нѣкоторые изъ этихъ законовъ не существовали, что ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается о чиншевомъ владѣніи и что, слѣдовательно, изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого вывода ни о существѣ этого владѣнія, ни о его признакахъ. Равнымъ образомъ, разъясненію этого вопроса не содѣйствуютъ ни приведенная въ тѣхъ рѣшеніяхъ ст. 237 ч. I т. VIII прил. къ 9 ст. устава о управленіи казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ говорится о *мѣстечкахъ* только въ *казенныхъ* имѣніяхъ и предписывается только, чтобы не нарушались вообще привилегіи обывателей, сомнѣнію не подлежащія, ниже судебныя рѣшенія общихъ собраній правительствующаго сената и государственнаго совѣта числомъ 10, во-первыхъ потому, что они кромѣ признанія, что чиншевое право могло продолжаться и послѣ 1840 г., то есть послѣ отмѣны Литовскаго Статута, никакого опредѣленія чиншеваго владѣнія по его существеннымъ и необходимымъ будто бы признакамъ въ себѣ не заключаютъ, относятся почти всѣ къ чиншамъ только въ *мѣстечкахъ*, а не въ поле-

выхъ угодьяхъ, и наконецъ потому, что ко всѣмъ этимъ рѣшеніямъ примѣнима вполнѣ 69 ст. Основныхъ Законовъ: судебныя рѣшенія дѣль частныхъ, хотя могутъ быть приводимы въ поясненіе въ докладахъ, но не могутъ быть признаваемы закономъ общимъ, для всѣхъ обязательнымъ, ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ, — изъ чего слѣдуетъ, что при отсутствіи всякаго указанія на положительный законъ, эти рѣшенія подспорьемъ, замѣняющимъ законъ, и законнымъ основаніемъ служить не должны для рѣшеній по другимъ дѣламъ другихъ судебныхъ мѣстъ.

Разобравъ кассационныя рѣшенія, послѣдовавшія въ 1877 г., переходимъ къ кассационному рѣшенію Левандовскаго съ Ходаковскимъ, по которому 12-го апрѣля 1883 г. за № 2376 послѣдовалъ сенатскій указъ. Въ этомъ рѣшеніи кассационный гражданскій департаментъ проводитъ новое оригинальное начало, по которому чиншевое право, разъ установившееся при господствѣ Литовскаго Статута, дѣлается *передѣльнымъ* и, такъ сказать, *летучимъ*, переходящимъ съ участка на участокъ, когда доказано, что бывший до 1840 г. чиншевикомъ, снимать потомъ по 1840 г. у помѣщиковъ уже не тотъ участокъ, а послѣдовательно неограниченное число другихъ участковъ, такъ какъ онъ долженъ считаться чиншевымъ владѣльцемъ, владѣющимъ по чиншевому праву и договору послѣднимъ участкомъ, а этотъ чиншевій договоръ является только какъ бы продолженіемъ того чиншеваго договора, какой состоялся до 1840 г. еще при дѣйствіи Литовскаго Статута. Не касаясь еще содержанія этого вывода, который обязательенъ для судовъ, какъ разъясненіе дѣйствующихъ законовъ, но самъ по себѣ отдѣльно силы закона не имѣетъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что этотъ выводъ не подкрѣпленъ указаніемъ на свои законныя основанія и источники. Въ кассационномъ рѣшеніи (указъ № 2376) не сказано, чтобы онъ былъ заимствованъ изъ русскихъ законовъ, которые уже потому непримѣнимы, что имъ чуждъ чиншевой институтъ. Признано также въ указѣ самымъ положительнымъ образомъ, что сенатское рѣшеніе не основано на мѣстныхъ законахъ Западнаго края, дѣйствовавшихъ до 1840 г.; отношеніе этого правила къ законамъ Западнаго края установлено въ рѣшеніи чисто-отрицательное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «въ мѣстныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ до 1840 г., нѣтъ воспрещенія на такое *измѣненіе* существующаго чиншеваго права въ его *частностяхъ*, точно также и въ законѣ 25 іюня 1840 г., и въ актахъ, состоявшихся послѣ этого, нѣтъ указанія на то, что чиншевое право прекращается при уклоненіи стороны отъ первоначальныхъ условій, при коихъ чиншевое право возникло (даже при совершенной замѣнѣ предмета).

Ни въ области бытовой житейской, ни въ области юридичекихъ отношеній, нельзя изъ отрицательныхъ фактовъ выводить положительные выводы. Положимъ, что ничѣмъ не доказано по какому-либо дѣлу, чтобы извѣстное лицо А не было обязано по от-

ношенію къ другому лицу В уплатою извѣстной суммы; но изъ этого еще не слѣдуетъ заключить, что это лицо А обязано платить деньги В. Точно также изъ того, что законодательство извѣстнаго дѣйствія не запрещаетъ, невозможно вывести, что оно его устанавливаетъ или даже, что оно его разрѣшаетъ: оно могло его не предвидѣть, и этимъ можетъ быть объяснено его молчаніе. Мы, позволимъ себѣ привести слѣдующій поясняющій нашу мысль примѣръ. Такъ какъ кодексу гражданскому французскому чуждо понятіе о дѣленіи имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, то конечно, ему чуждъ и институтъ *выкупа* родовыхъ имуществъ. Изъ сего слѣдуетъ, что гражданское французское право не воспрещаетъ выкупа родовыхъ имуществъ, о которомъ оно не имѣетъ никакого понятія. Изъ сего, однако, не слѣдуетъ, чтобы оно его разрѣшало, слѣдовательно, нельзя додуматься до того, чтобы выкупъ могъ или долженъ былъ въ данномъ случаѣ послѣдовать по французскому гражданскому праву. Снѣмъ думать, что, хотя въ западно-европейскихъ законодательствахъ имѣлись и имѣются весьма обстоятельныя законоположенія о чиншевомъ правѣ, которое собственно и проникло въ Польшу и Литву изъ западной Европы, но ни одно изъ нихъ, а въ томъ числѣ и германское, которое приведено и въ рѣшеніи Уманскаго окружнаго суда, насколько оно дѣйствуетъ и нынѣ въ остзейскихъ губерніяхъ, не содержитъ прямого отрицанія передвиженія чиншеваго права съ участка на участокъ, да и содержать они его не могутъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ:

1) всякое право *вещное* есть право на опредѣленную вещь или въ опредѣленной чужой вещи; коль скоро оно такого рода, что для него безразлична индивидуально опредѣленная вещь, а осуществляется оно безразлично во множествѣ однородныхъ предметовъ, то это не будетъ уже *вещное* право, а какое угодно иное, *личное* или *обязательственное*; чиншевое же именно представляется, по рѣшеніямъ сената, *вещнымъ* гораздо болѣе прочнымъ, чѣмъ право собственности, такъ какъ чиншевикъ никакихъ тягостей по владѣмому имъ участку не несетъ и подачекъ не платитъ, а окушается, какъ по настоящему дѣлу по селу Плюскому, ничтожною чиншевою платою владѣльцу земли по 50 к. за моргъ;

2) потому что чиншевое право есть право договорное, какъ то и признается сенатомъ. Всякій договоръ есть соглашеніе сторонъ объ извѣстномъ предметѣ; договоръ о предметѣ можетъ быть видовымѣняемъ въ частностяхъ, но когда предметъ мѣняется совѣмъ, *de toto in totum*, то имѣетъ мѣсто не измѣненіе въ договорѣ въ частностяхъ, а отмѣна прежняго договора и составленіе новаго, имѣющаго иной совершенно предметъ, а слѣдовательно и иное содержаніе.

И такъ, изъ того, что подвижность чиншеваго права не запрещалась мѣстными законами Западнаго края, нельзя заключить, чтобы она основывалась на этихъ мѣстныхъ законахъ, а такъ какъ она, не будучи выведена изъ законнаго основанія, не можетъ быть примѣ-

пріема судомъ, по смыслу 9 ст. устава гражд. суд., то отношеніе судебныхъ установленій къ цѣлому сенатскому выводу о видоизмѣняемости чиншеваго владѣнія, прописанному въ указѣ сената по дѣлу Левандовскаго съ Ходаковскимъ, должно быть слѣдующее: 1) по дѣлу Левандовскаго съ Ходаковскимъ выводъ сената совмѣстно съ резолютивною его частью безусловно для судебныхъ установленій обязательны, за силою 813 ст. уст. гражд. суд.; 2) по другимъ дѣламъ, хотя-бы и однороднымъ, выводъ не долженъ, а можетъ только служить по 815 ст. уст. гражд. суд. руководствомъ къ единообразному *истолкованію и примѣненію законовъ*, а такъ какъ въ данномъ случаѣ по дѣлу съ однопорцями села Плосскаго разборомъ рѣшенія по дѣлу Левандовскаго мы доказали, что кассационное рѣшеніе никакихъ законовъ не толкуетъ и не примѣняетъ, то мы рѣшаемся утверждать, что Киевская судебная палата не вправѣ была вывода его себѣ усвоить, не удостовѣрившись: совпадаетъ-ли этотъ выводъ съ положительнымъ содержаніемъ дѣйствующихъ еще и до нынѣ по чиншевому праву законовъ, иными словами, не убѣдившись, что выводъ кассационнаго рѣшенія основанъ на томъ, что дѣйствительно въ этихъ законахъ *есть*, а не на томъ, чего въ нихъ *нѣтъ*. При неизвѣстности, существуютъ-ли какіе-либо подходящіе къ чиншевому вопросу положительные законы, Киевская судебная палата могла, руководствуясь кассационнымъ рѣшеніемъ 1869 г. № 1292, по дѣлу Путятина, принять въ основаніе рѣшенія *начала гражданскаго права*, т. е. аксіомы науки гражданскаго права, съ которыми только и можно, по ихъ отвлеченности, сопоставлять столь-же отвлеченныя умозаключенія, изъ коихъ состоитъ весь выводъ въ рѣшеніи по дѣлу Левандовскаго и кои, не будучи построены на почвѣ закона, только тогда имѣли бы какоелибо значеніе, еслибы совпадали съ началами, принятыми въ наше время за истины научныя. Такое сопоставленіе вывода съ началами науки дало-бы, какъ мы осмѣливаемся утверждать, результатъ отрицательный, что мы и стараемся доказать. Приступая къ этому сравненію, долгомъ считаемъ оговориться, что мы рѣшаемся подвергнуть критикѣ выводъ, заимствованный Киевскою палатою въ ея рѣшеніи по настоящему дѣлу изъ кассационнаго рѣшенія (указъ 2376. 1883 г.), *не какъ составную часть кассационнаго рѣшенія*, которое и не подлежало бы само по себѣ нашему сужденію, но только *какъ составную часть палатскаго рѣшенія*, усвоенную себѣ Киевскою судебною палатою и повторяемую палатою, *какъ ея собственный выводъ*. Мы глубоко убѣждены, что кассационный департаментъ правительствующаго сената не сочтетъ нашъ разборъ посягательствомъ на авторитетъ кассационныхъ рѣшеній, но оцѣнитъ, что мы только пользовались законною свободою слова, тѣмъ болѣе, что наши сужденія направлены далеко не противъ всѣхъ, а только противъ нѣкоторыхъ положеній вывода и клонятся не къ отрицанію оспариваемыхъ положеній, а только къ ограниченію тѣхъ

изъ нихъ, которыя считаются нами слишкомъ общими и слишкомъ безусловными. Текстъ вывода мы обозначимъ курсивомъ, вслѣдъ за курсивомъ мы осмѣлимся помѣстить наши замѣчанія.

Каждое право гражданское можетъ быть предметомъ сдѣлокъ и доворныхъ отношеній. Далеко не каждое. Это правило, пригнѣнное къ правамъ по обязательствамъ, не распространяется безусловно на права семейныя, наследственныя и даже на права вотчинныя, къ которымъ рѣшенія 1877 г. относить и чиншевое право. Поземельная собственность имѣетъ столь важное значеніе въ государствѣ, что вездѣ ея переходъ отъ лица къ лицу обставленъ извѣстными условіями и совершается при посредствѣ общественной власти. Этихъ условій соглашенія сторонъ измѣнять не могутъ. *На семъ основаніи и чиншевое право можетъ подвергаться измѣненію по соглашенію чиншевика съ владѣльцемъ имѣнія съ своихъ частностей.* Не всегда и не во всѣхъ частностяхъ. Допустимъ, что правильно опредѣленіе кассационныхъ рѣшеній 1877 г., что чиншевое право есть *вещное* право вѣчнаго потомственнаго владѣнія и распоряженія извѣстнымъ участкомъ земли съ платежемъ неизмѣннаго чинша, то измѣненіе въ данномъ чиншевомъ правѣ не разрушитъ чиншеваго права въ самомъ его существѣ, когда оно коснется *несущественныхъ* признаковъ, не входящихъ въ опредѣленіе самаго понятія. Разъ оно коснулось вѣчности и превратило владѣніе по соглашенію въ срочное или въ пожизненное не потомственное, или чиншъ былъ повышаемъ, или участокъ земли изъ подъ него ушелъ, то оно можетъ считаться какимы угодно правомъ, но уже не будетъ чиншевымъ правомъ, которое опредѣляютъ рѣшенія 1877 г., а превратится оно въ вѣчто совсѣмъ иное, подъ нормы, признанныя сенатомъ, неподходящее. Итакъ право чиншевое можетъ видоизмѣняться по соглашеніямъ, не переставая быть чиншевымъ, только во второстепенныхъ своихъ частностяхъ. Вообще въ этомъ положеніи кассационнаго рѣшенія смѣшаны два равнородные вопроса: о предметахъ извѣстнаго вещнаго права, неизмѣннаго въ своихъ существенныхъ нормахъ и о договорѣ, который можетъ имѣть цѣлью возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе всякаго права, въ томъ числѣ и вещнаго, въ предѣлахъ, установленныхъ для каждаго вещнаго права закономъ. Ни въ одномъ трактатѣ или учебникѣ гражданскаго права въ главахъ о вотчинныхъ или вещныхъ правахъ не разбирается спеціально вопросъ объ ихъ измѣняемости по договору, на вато во всякомъ отдѣлѣ, посвященномъ теоріи или системѣ обязательствъ, подробно разбираются измѣненіе, обновленіе и прекращеніе по взаимному соглашенію всякихъ договоровъ. Если подъ эти ученія теоріи подвести положеніе вывода кассационнаго рѣшенія, что *чиншевое владѣніе остается тѣмъ же чиншевымъ владѣніемъ, хотя отведенный въ чиншевое пользованіе участокъ земли будетъ замѣненъ другимъ участкомъ,* то окажется, что этотъ выводъ прямо противорѣчитъ выводамъ науки гражданскаго права. Когда съемщикъ земли на какомъ бы то

ни было правѣ сначала владѣль однимъ участкомъ, а потомъ получилъ другой, то прежде всего можно предположить, что имѣли мѣсто между тѣми же лицами два неизмѣющіе связи договоры, сначала одинъ, потомъ другой, на два различные предмета. Но если и предположимъ, что отгѣна прежняго договора была условіемъ и причиною возникновенія новаго, то имѣло мѣсто не измѣненіе въ частностяхъ продолжающагося прежняго договора, а такъ называемое *обновленіе*, novatio, по отношенію къ которому нѣтъ никакого спора въ наукѣ гражданскаго права, что я могу доказать нѣсколькими на удачу выписками изъ самыхъ авторитетныхъ новѣйшихъ сочиненій.

Prof. *Baron*, Pandekten. Leipzig. 1876. S. 413. Novation ist die Uebertragung des Inhalts einer Obligation in eine neue. Kraft des Willens der Parteien geht eine bestehende Obligation dadurch unter, dass eine neue formale mit wesentlich gleichem Inhalt an die Stelle tritt. Die Novation bewirkt die völlige Aufhebung der bestehenden Obligation.

Zachariae, Droit civil français t. 111 p. 444—445. (Paris 1857). La novation est la transformation d'une obligation dans une autre. La novation a pour but d'eteindre une obligation antérieure. Elle implique donc en même temps une rénonciation et par conséquent, comme toute rénonciation, elle ne se présume jamais.

Побѣдоносцевъ. (Курсъ гражданскаго права ч. 3, договоры и обязательства. 1880) на страницѣ 135 касается измѣненія неунничтожаемыхъ обязательствъ, когда сіи послѣдніа молучать только новый смыслъ и новое направленіе. Засимъ, на стр. 190, онъ разсматриваетъ прекращеніе договора новымъ договоромъ съ цѣлью уничтожить прежній и вмѣсто него заключить новый, причемъ стороны остаются тѣ же (novation, Umschaffung). По словамъ Побѣдоносцева, сущность новаціи состоятъ въ томъ, что отгѣна прежняго обязательства не отдѣляется отъ установленія новаго, но и то и другое совершается въ одномъ актѣ обоюдной воли. Въ такомъ случаѣ прежнее обязательство *уничтожается со всеми послѣдствіями* и принадлежностями. Новація въ этой силѣ своей сама по себѣ *непредполагается*, но должна быть несомнѣнно выражена такъ, чтобы явственно было намѣреніе уничтожить прежнее условіе съ установленіемъ новаго. Новаціи нѣтъ, когда измѣненію подвергаются лишь частныя условія или принадлежности договора, напримѣръ сроки платежа, условіе объ обезпеченіи, условіе о процентахъ и. т. п.

Такихъ цитатъ одного и того же содержанія мы бы могли привести цѣлыя сотни.

На основаніи этихъ выводовъ о новаціи изъ теоріи договоровъ вопросъ о перемѣнѣ чиншевыхъ участковъ разрѣшился бы по даннымъ науки совсѣмъ инымъ способомъ, нежели по выводу, усвоенному рѣшеніемъ Кіевской судебной палаты. Допустимъ, что было чиншевое владѣніе участкомъ земли *М*, начавшееся прежде 1840

года, но что послѣ 1840 года чиншевикъ перешелъ на другой участокъ N того же владѣльца. Такъ какъ новация *не предполагается*, а переходъ съ участка на участокъ совершился не только безъ письменнаго акта, но даже безъ опредѣленнаго словеснаго соглашенія, то нельзя уговариловать, какъ то дѣлаетъ кассационное рѣшеніе, что одинъ участокъ былъ замѣненъ владѣльцемъ по его воли, а следовательно, за отсутствіемъ спора чиншевика, иными словами, съ согласія сего послѣдняго, а надобно принять за достовѣрное, что владѣніе чиншевое было въ данномъ случаѣ не вѣчное, либо что отъ него чиншевикъ отказался, а другой участокъ снятъ былъ бывшимъ чиншевикомъ уже при господствѣ русскихъ законовъ 1 ч. X т. св., слѣдовательно, что онъ снятъ не на правѣ чиншевомъ, котораго возникновенію вновь положенъ конецъ указомъ 25 іюня 1840 г., а на правѣ арендномъ, хотя и безъ заключенія формальнаго, аренднаго договора. Еслибы русскій законъ и не допускалъ словесныхъ арендныхъ договоровъ, что не вѣрно и чему противное стараемся доказать, то и въ такомъ случаѣ владѣніе было бы не формальное, а все таки *арендное*, а не *чиншевое*. Но допустимъ даже, что въ данномъ случаѣ была бы признана новация. То по идеѣ новации, по началамъ науки, прежній чиншевой договоръ по взаимному соглашенію сторонъ уничтоженъ, а вмѣсто того заключенъ новый, уже не чиншевой, а только такой, какой возможенъ по 1 ч. X т. св. зак. гр. Замѣтимъ, что по нашей кассационной практикѣ даже не формальные или не дозволенные закономъ договоры, не считаются по этой одной причинѣ необязательными для сторонъ, которыя изъ нихъ извлекали выгоды. Съ точки зрѣнія интересовъ бывшаго чиншевика, ему даже невыгодно утверждать, что имѣла мѣсто новация, такъ какъ выходило бы, что онъ самъ согласился на уничтоженіе прежняго договора. Возможность отстоять свое чиншевое владѣніе, существовала для него только при отрицаніи новации посредствомъ иска о восстановленіи чиншеваго владѣнія прежнимъ участкомъ и при сохраненіи владѣнія и новымъ участкомъ по новому, уже не чиншевому договору, не имѣющему связь съ прежнимъ чиншевымъ владѣніемъ. Если пропустивъ давностный срокъ, бывший чиншевикъ прежняго участка не отыскивалъ, то онъ потерялъ уже и свое на него чиншевое право, такъ какъ это право простиралось только на вышеупомянутый участокъ, а не на какой либо другой. Замѣтимъ, наконецъ, что подвижность чиншеваго права съ предмета на предметъ, по подразумеваемому будто бы соглашенію продолжать первоначальный договоръ, повела бы къ такому распространенію понятія о чиншевомъ владѣніи, при которомъ оно потеряло бы всякую опредѣлительность и форму. Допустимъ, что у помѣщика А сѣмщикъ В нанималъ по чиншевому праву участокъ полевой, потомъ поселился за извѣстную плату, въ одномъ изъ домовъ мѣстечка, принадлежавшаго А, наконецъ, оставивъ мѣстечко, снялъ въ насѣ судно, принадлежащее то-

му же А, и сталъ совершать на этомъ судѣ рейсы, вверхъ и внизъ по рѣкѣ, протекающей чрезъ имѣніе А. Спрашивается, неужели вслѣдствіе послѣдовавшаго измѣненія договора, будто бы только въ частностяхъ, съемщикъ В сдѣлался бы постепенно изъ полеваго чиншевика чиншевикомъ павѣстной домовой квартиры, а потомъ чиншевикомъ барки или парохода.....

2) Являются нарушенными обязательные для суда законы, опредѣляющіе чиншевое владѣніе.

Въ древней Литвѣ, до соединенія ея съ Польшею, государственнѣй строй не допускалъ ни частной поземельной собственности, ни вещнаго права на землю, отдѣльнаго отъ собственности. Великій князь былъ *господарь* всей земли, земельное владѣніе связывалось со служебнымъ положеніемъ владѣльца и было владѣніемъ *на милости* (Незабитовскій, стр. 5—8). Земельное владѣніе, связанное съ платежемъ чинша, представляя видоизмѣненіе владѣнія на милости, не могло быть и не было вещнымъ правомъ на землю. Съ своего участка плательщикъ могъ быть всегда *рушенъ* и чиншъ былъ измѣняемъ по волѣ господара (Незаб., 21), или лица, пожалованнаго землею отъ господара.

При соединеніи съ Польшею монархическое устройство государства превратилось въ шляхетское, аристократическое, явилась частная поземельная собственность, но только шляхетская, и частное вещное право на землю, но только шляхетское. Это землевладѣніе получило двоякій видъ: имѣнія Рѣчи Посполитой, находившіяся въ распоряженіи сейма и считавшіяся состояніемъ шляхетскаго сословія, какъ дѣлаго и, имѣнія земскія членовъ шляхетскаго сословія, въ отдѣльности (Незаб., 29). *Земляничъ* или шляхтичъ-помѣщикъ держалъ землю не за службу, а какъ полноправный гражданинъ *vigore juris sui*, его право было вещнымъ и такой характеръ сохраняло не только въ цѣлостномъ видѣ, какъ *dominium plenum*, но и въ раздробленіи на *dominium directum* и права въ чужой вещи (*jura in re aliena*). Всякое отчужденіе правъ собственности или вотчинныхъ правъ шляхетскихъ по земскому праву (посредствомъ *застава* или залога и аренды) обязательно должно было, по Статуту Литовскому (Разд. III, арт. 41 и разд. VII, арт. 1—3), совершаться не иначе, какъ формальными записями за печатью помѣщика и за печатями 3 или 4 свидѣтелей шляхтичей и со внесеніемъ въ земскія книги того уѣзда, гдѣ находилось имѣніе (*recognitio* или по крайней мѣрѣ *roboratio* той сдѣлки, по которой право приобреталось). Независимо отъ земли, обязательно было *уязаніе* или *вводъ во владѣніе* (J. W. Bandtkie. Prawo pruwatne polskie. Warszawa, 1851, str. 368 и 369). Владѣвшій чужой землей такимъ образомъ, то есть на земскомъ правѣ, не считалъ землевладѣльца своимъ паномъ, не состоялъ подъ его властью или юрисдикціею. Но не только свободный похожий (простой человекъ), а и шляхтичъ состоялъ подъ вотчинникомъ и на его милости, когда взялъ въ

свое пользованіе землю, не обезпечивъ за собою формально *земскаго* права (Незаб., 61).

Въ такомъ именно положеніи состояли всѣ *чиншевики* (Незаб., 79). Получившій землю на милости, могъ ее дарить, мѣнять, закладывать, продавать, передавать по наслѣдству. Передача допускалась съ особаго каждый разъ разрѣшенія вотчинной власти (Незаб., 43). Вотчинникъ въправѣ былъ чиншевика выселить, измѣнить условія листа или привилея, возвысить чиншъ (Незаб., 53). Споры о владѣніи людей, не имѣющихъ на землю *земскаго* права, отсылаемы были по закону *ad directum dominium*, то есть къ усмотрѣнію вотчинника, а въ Рѣчи Посполитой къ суду *королевскому заворному* или *референдарскому*. Излагаемые нами факты некрасивы, они представляютъ владѣніе не на *земскомъ* правѣ крайне произвольнымъ и необезпеченнымъ, но исторіи не передѣлаешь, она была такова, а не иная, и эти ми ея особенностями и ходомъ ея объясняется паденіе и исчезновеніе Польскаго государства: «Полное упроченіе вѣчнаго права пановъ на наслѣдственно-зависимыхъ отъ нихъ людей было исходною точкою развитія крѣпостнаго состоянія въ Литовской Руси XVII и XVIII вѣка», говоритъ проф. О. *Леонтовичъ* въ соч. «Крестьяне по Литовскому праву». Кіевъ 1863, стр. 88.

Нѣсколько прочтѣе и обезпеченнѣе являлись отношенія земле-владѣнія на чужихъ земляхъ въ мѣстностяхъ, пожалованныхъ правомъ *тѣстнымъ*, *тѣстонскимъ*, *магдебургскимъ*, носившимъ еще и другія наименованія. Происхожденіе этого права вкратцѣ, но довольно полно изложено въ *изслѣдованіи* проф. унив. св. Влад. А. О. Кистяковскаго (стр. 58 и посл.), составляющемъ предисловіе къ его изданію: *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*. Кіевъ 1879.

Послѣ татарскаго нашествія въ опустошенной Польшѣ селились нѣмецкіе колонисты, которые жалуеты были при поселеніи господарами и помѣщиками правомъ городскимъ, которое имѣло для поселенцевъ особое значеніе, потому что: а) давало возможность селящимся жить по своему нѣмецкому обычаю; б) давало поселенію самоуправленіе. Нѣмецкое право жалуето было только городамъ и мѣстечкамъ, а не селамъ или деревнямъ. Населеніе по нѣмецкому праву получало самоуправленіе, освобождалось отъ власти и суда господарскихъ или помѣщичьихъ урядниковъ и соединялось въ общину съ особымъ для суда и управленія выборнымъ мѣстскимъ урядомъ: войтомъ, бурмистромъ и райцами. До половины XIV в. даже апелляція на эти мѣстные нѣмецкіе суды приносилась въ Магдебургъ и только въ 1356 году король Казиміръ Великій учредилъ верховный городской судъ въ замкѣ Краковскомъ. Такъ какъ самоуправленіе городское было благо, весьма желательное для простонародья и для него цѣнное, то для привлеченія людей и господамы, и частные владѣльцы создавали города и мѣстечки на пустыхъ мѣстахъ, жалуя нѣмецкое право желающимъ селиться людямъ всякаго происхожденія, нѣмецкаго

и не нѣмецкаго. Кромѣ того они переводили поселенія съ польскаго права на нѣмецкое (*ex jure polonico in theutonicum*); такимъ образомъ до XVI вѣка не только Польша, но и Литва покрылись поселеніями на нѣмецкомъ правѣ. Это нѣмецкое право уже въ Германіи было списано и уложено въ сборники, которые дополнялись и видоизмѣнялись новыми постановленіями обычнаго происхожденія на польско-литовской почвѣ. Первый сводъ обычаевъ составилъ въ Германіи между 1215 и 1235г.г. Ерко von Bergow. Это такъ называемый *Саксонъ* или *Sachsenspiegel*. Онъ былъ передѣланъ для Польши Николаемъ Яскеромъ, изданъ въ Краковѣ 1535 г. подъ заглавіемъ: *Juris provincialis, quod Speculum Saxonum vulgo nuncupatur, libri tres*. Въ польскомъ переводѣ и изданіи королевскаго секретаря Павла Щербича онъ явился 1581: *Speculum Saxonum albo Prawo Saskie Maudeburskie*. Другой сводъ, печатавшійся обыкновенно вмѣстѣ съ Саксономъ, составляло *Jus municipale Magdeburgense* изъ 140 артикуловъ. Онъ также переведенъ Щербичемъ и изданъ совмѣстно съ Саксономъ въ 1581 г. во Львовѣ подъ заглавіемъ: *Jus municipale to jest Prawo mieyskie Maudeburskie*. Третья руководящая книга по Магдебургскому праву носитъ названіе: *Porządek sądów y spraw mieyskich prawa Maudeburskiego*. Въ книгѣ этой авторъ ея не названъ, но имя его извѣстно, это былъ Бартошъ Гроицкій (Prof. P. Burzyński, *Prawo polskie pruwatne* I, 278 и *Кистяковский, Исслѣдованіе*, стр. 73. Во 2 П. С. З. VI № 4319 въ запискѣ 2 Отд. Собст. Е. И. В. Канцеляріи онъ ошибочно названъ Троицкимъ). Его книга имѣла 3 изданія: а) въ Краковѣ 1565, 1567, 1573; б) въ Краковѣ 1616 и 1629; в) 1760 во Львовѣ у іезуитовъ за привилегією короля Августа III. Хотя эта книга имѣетъ видъ ученаго трактата, но она была и ручною закононою книгою, на которую ссылаются суды и которую примѣняютъ какъ дѣйствующее право. Мало того: она замѣнила собою и Саксонъ, и Магдебургскіе артикулы, и на нее особенно и преимущественно ссылались, до самаго конца существованія Польши, польскіе и литовскіе суды, а равно и малороссійскіе той заднѣпровской Украины, которая уже съ 1654 г. состояла подъ властью Россіи. Книга была переведена на русскій языкъ, какъ *краткое изложеніе Магдебурскаю права по книгѣ Порядка или просто на просто подъ пменемъ книга Порядокъ*.

Книга Гроицкаго, которой, по выраженію Кистяковскаго посчастливилось быть одной изъ общеупотребительныхъ книгъ въ судахъ, едва не сдѣлалась въ значительной ея части дѣйствующимъ писаннымъ мѣстнымъ закономъ для Малороссіи подъ владычествомъ Россіи. Указомъ 29 августа 1728 г. (п. с. в. VII, 5324) предписано перевести права, коими судится малороссійскій народъ, на великороссійскій языкъ и свести ихъ въ одно. Составлена комиссія, которая окончила свою работу въ Глуховѣ въ 1713 г.; въ сводъ вошли извлеченія изъ Литовскаго Статута, Магдебургскихъ законовъ и книги Порядка. Дальнѣйшаго хода работа эта не получила. Въ 1827 г. во-

бужденъ былъ управлявшимъ министерствомъ юстиціи кн. Долгору-
кимъ вопросъ о составленіи новаго перевода Магдебурскаго права
для Малороссіи, но сему воспротивился графъ Сперанскій, по пред-
ложенію котораго изданъ 3 февраля, 1831 г. (№ 4319 по п. с. в.) указъ
о замѣнѣ Магдебурскаго права въ Малороссіи Литовскимъ Статутомъ
и общими Россійскими законами. Для насъ важенъ только фактъ,
что книга Порядокъ Бартоша Гроицкаго была дѣйствующимъ въ
XVIII в. узаконеніемъ въ судахъ польскихъ и малороссійскихъ и упо-
минается, какъ токовая, въ источникахъ русскаго законодательства въ
полномъ собраніи законовъ. Книга Гроицкаго важна для насъ пото-
му, что въ одной изъ ея частей, а именно той, которая озаглавлена:
*Tytuły prawa magdeburskiego do Porządku y do Artykułów pierwey po
polski wydanych w sprawach tego czasu nauwojęsuy kłopotnych z tegoż pra-
wa magdeburskiego przydane* (титулы Магдебурскаго права къ порядку и
артикуламъ, по польски прежде того изданнымъ, въ дѣлахъ наиболѣе
затруднительныхъ изъ того же Магдебурскаго права присовокуплен-
ные), ямѣется на стр. 213 до 226 дѣльный трактатъ, озаглавленный:
Prawa między gospodarzem y komornikiem krótko opisane.

Najemnik.

Gospodarz, Pan	{	Коморник
		Сзынсзownik
		Нajemник

Въ переводѣ: права между хозяиномъ и коморникомъ кратко
изложенныя.

Наемщикъ:

Хозяинъ, Господинъ	{	Коморникъ.
		Чиншевикъ.
		Наемщикъ.

Ссылаемся на эти 14 страницъ книги Порядокъ Гроицкаго, какъ
на имѣющія рѣшающее по настоящей тяжбѣ значеніе, будемъ ли на
эту книгу смотрѣть какъ на обычное право, или какъ на официаль-
но признанный сборникъ законоположеній, равносильныхъ закону
писаному. Земское право ни мало не обезпечивало чиншевикувъ.
Для прижненія магдебурскаго или нѣмецкаго права необходимо,
чтобы съемщики земель доказали свою принадлежность къ і городу,
или мѣстечку, пожалованному магдебургскимъ правомъ когда либо,
хотя бы и въ былыя времена, чего нѣтъ въ настоящемъ случаѣ, по
крайней мѣрѣ на это истцы — однодворцы села Плосскаго по настоя-
щему дѣлу не указывали.

Но допустимъ, что они могли бы указать, то и въ такомъ слу-
чаѣ споръ разрѣшился бы не въ ихъ пользу по книгѣ Порядокъ.
Не задаваясь мыслью передать все содержаніе статьи Титула *На-
емщикъ*, извлечемъ изъ него только тѣ положенія, которыя прямо от-
носятся къ спорнымъ по настоящему дѣлу вопросамъ:

Стр. 214. Законъ признаетъ наемщикомъ или чиншевикомъ и того, кто родился на той землѣ, на какой живетъ и съ коею оплачиваетъ ежегодно чиншъ господину, и кто по отношенію къ господину состоитъ чиншевикомъ вѣчнымъ, наслѣдственнымъ, который безъ воли господина ни оставить имѣнія, ни продать не можетъ. Такого человѣка законъ именуетъ *cenualis, innatus censualis, originarius*. Таковыми бываютъ у насъ кметы или подданные, у своихъ господъ поселенные. Но намъ нѣтъ дѣла до такихъ коморниковъ или чиншевикомъ, кои народились на почвѣ, а только до такихъ, которые по извѣстному договору на извѣстныхъ условіяхъ вступаютъ въ чужое имѣніе, чтобы въ немъ жить и имъ пользоваться.

Стр. 215. Имѣнія бываютъ трехъ родовъ. *Одни* тѣ, которыя кто самъ себѣ первый приобрѣлъ.. Такія имѣнія латыняне называютъ *dominium, proprium*, собственность. Съ такихъ имѣній ничего никому не платятъ и не отбываютъ никакой службы. *Другія* имѣнія, которыя жалуются верховнымъ господиномъ и даваемы они обыкновенно бываютъ только людямъ рыцарскаго званія за ихъ заслуги, съ каковыхъ имѣній они обязаны службою или какою либо данью въ пользу господина или Рѣчи Посполитой, или имъ таковыя бываютъ господиномъ отпускаемы. Такія имѣнія называются маньства, а латыняне звали ихъ *feudum*... *Третьи* имѣнія именуются наемныя, когда кто кому имѣнія свои, либо собственность, либо маньство отдаетъ въ наемъ за извѣстнымъ чиншемъ по извѣстному договору. Латыняне называютъ *conductitia vel locata*, каковой договоръ между хозяиномъ и коморникомъ соблюдается какъ бы законъ, а урядъ по этому договору ихъ и судить.

Стр. 216. Въ Спец. Sax. lib. 1 art. 54 in Глоза описано, что господинъ и коморникъ соблюдаютъ между собою три правила: 1) чтобы договоръ или контрактъ, который между собою учинятъ былъ для нихъ закономъ. 2) Все, что коморникъ или наемщикъ имѣетъ въ нанятомъ имѣніи служить обезпеченіемъ или залогомъ господину относительно чинша. Изъ сего втораго правила польза для господина двоякая. Первая та, что господинъ можетъ производить взысканіе съ коморника помимо суда. Вторая та, что если кто у твоего наемника что либо отыметъ, или что либо присвоитъ, то онъ долженъ это же возвратить тебѣ, потому что оно до взысканія было твоимъ залогомъ, поименованнымъ или и непоименованнымъ. 3) Третье правило межъ господиномъ или хозяиномъ, что наемщикъ не въ правѣ нанимаемое имѣніе отдавать или пускать такимъ образомъ, чтобы имъ владѣлъ кто другой; а еслибы онъ пустилъ, то таковая передача недействительна.

Стр. 217. Каждый господинъ своего имѣнія можетъ установить чиншъ или службу, какую захочетъ при передачѣ имѣнія.

Если хозяинъ захочетъ рушить коморника, или коморникъ захо-

четь отойти и не можетъ держать далѣе найма, то они должны себѣ о томъ оповѣстить въ условленное время.

Стр. 218. Кто нанимаетъ имѣніе безъ назначенія или опредѣленія чинша, тому чиншъ бываетъ уплачиваемъ по обычаю и общепринятому способу (*zachowanie*) того города или уѣзда.

Договоръ о наймѣ, заключенный родителями, не обязаны по ихъ смерти соблюдать наслѣдники, потому что эти *роста* или условія о наймѣ вмѣщаютъ въ себѣ и нѣкоторымъ образомъ обнаруживаютъ отдаленіе имѣнія отъ наслѣдниковъ и лишеніе наслѣдства, чего законъ не дозволяетъ, поелику и наймомъ и продажею могли бы быть отдалены имѣнія отъ наслѣдниковъ. Могъ бы кто признать такую сумму найма, что наемщикъ въ сказанномъ имѣніи продолжалъ бы вѣчно сидѣть, а наслѣдникъ (*dziejdzic*) никогда бы не вступилъ въ вотчину. По сему наслѣдникъ воленъ наемщику не додерживать наемъ своихъ предковъ. *Spec. Sax. libro 3, art. 77.*

Стр. 219. Хозяинъ можетъ по слѣдующимъ причинамъ удалить наемщика до срока: *первое*, если наемщикъ не уплачиваетъ чинша, *второе*, если хозяинъ самъ нуждается въ томъ имѣніи для жилья и нужду доказалъ, *третье*, если онъ желаетъ исправить имѣніе, *четвертое*, если комерникъ дурно ведетъ себя, имѣніе портить или непотребно живеть (*wieroszciwie żyje*).

На стр. 220, въ статѣи подъ заглавіемъ *Наемная пашня* (*pajemna gola*) съемщикъ пашни приравнивается *эмфитевтическому* владѣльцу по римскому праву.

На стр. 222 сказано: если кто даетъ кому въ наймы, на извѣстные года, за извѣстнымъ оброкомъ, засѣянную пашню, тому и возвращается пашня тоже засѣянная. А еслибы въ теченіе этихъ годовъ до срока хозяинъ пашни умеръ, то пашня должна быть возвращена наслѣдникамъ засѣянная, ибо хозяинъ пашни не въ правѣ дать въ наемъ пашню пахарю на болѣе продолжительное время, нежели пока самъ будетъ живъ. Слѣдовательно, при всякомъ наймѣ имѣній, если наемщикъ желаетъ быть обезпеченнымъ на случай смерти хозяина имѣнія, надо имѣть согласіе наслѣдниковъ, особенно если имѣнія сняты условно, потому что когда наслѣдники не согласятся, то они необязаны блюсти договоръ своихъ предковъ.

Стр. 225. Когда истечетъ срокъ найму, а обѣ стороны безмолвствуютъ, изъ сего молчанія явствуетъ, что они якобы возобновили условіе на дальѣйшее время, столь же продолжительное, какъ и первое... Уже къ тому не нужно ни письма, ни словеснаго соглашенія. Уже за таковымъ терпѣніемъ и молчаніемъ *tacito consensu*, прежній наемъ возобновляется на годъ. Юристы называютъ это *tacita locatio*, понимая подъ этимъ словомъ наемную пашню или фольваркъ, получаемый въ годовое пользованіе, но въ имѣніи городскомъ посредствомъ такого молчанія или терпѣнія наемщика по истеченіи срока, наемъ

возобновляется только на время такое же, на которое до того наемщик нанималъ.

Эти порядки, относительно найма земель, установившіеся по нормамъ Магдебургскаго права, соблюдаемы были несомнѣнно до паденія польскаго государства, но можно доказать, что они не перемѣнились и подъ владычествомъ Россіи. Въ первомъ общ. собр. зак. XXIII. № 17469, есть докладъ князя Зубова о томъ, чтобы, въ виду зависимаго положенія чиншевой шляхты на земляхъ помѣщиковъ, отвести имъ изъ казенныхъ земель на югѣ Россіи 100,000 десятинъ для переселенія ихъ.

По указу Императора Николая I отъ 31 октября 1831 г. (Поли. Собр. Зак., 2 VI, 4869) шляхтичей, недоказавшихъ своего дворянскаго происхожденія, предписано раздѣлить на сельскихъ и городскихъ обывателей: однодворцевъ и гражданъ. Однодворцы подраздѣлены на осѣдлыхъ и неосѣдлыхъ: осѣдлыми считаются живущіе на своихъ земляхъ или на чужихъ на чиншѣ или оброкѣ. Министру финансовъ предписано распорядиться доставленіемъ наиболѣе нуждающимся однодворцамъ средствъ переселиться во внутреннія губерніи.

Указами 22 января 1834 г. (№ 6734) и 15 декабря 1841 г. (15122) пояснено, что взаимныя отношенія однодворцевъ, проживающихъ на владѣльческихъ земляхъ, и помѣщиковъ опредѣляются на точномъ основаніи заключенныхъ между ними условій. Однодворцамъ предоставлено, согласно правилъ о люстраціи, водворяться на казенныхъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что и подъ скипетромъ Россіи до крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. ни разу въ русскомъ законодательствѣ не былъ поднимаемъ вопросъ о какомъ либо вещномъ правѣ чиншевиковъ на владѣемую землю. Этотъ вопросъ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, но едва ли способна его предрѣшать, предупреждая законодательную власть, судебная практика. Въ кассационномъ рѣшеніи 9 апрѣля 1880 года № 107 (дѣло Несвицкаго) сказано: суду предстоить примѣнять законъ и онъ не въ правѣ, относясь къ закону критически и находя, что извѣстное постановленіе несправедливо или не достигаетъ цѣли, ставить на мѣсто закона другой, болѣе соответствующій такой цѣли законъ. Задача суда состоитъ въ уясненіи и примѣненіи, а не въ исправленіи закона.....

Гражданскій кассационный департаментъ сената въ судебномъ засѣданіи 22 ноября 1885 года *опредѣлилъ* рѣшеніе Киевской судебной палаты, по нарушенію 339 ст. уст. гражд. суд., отменить и дѣло, для новаго разсмотрѣнія, передать въ другой департаментъ той же палаты.

Вышеозначенные соображенія и выводы кассатора были приняты во вниманіе правительствующимъ сенатомъ не только при разрѣшеніи на-

щаго дѣла, но и вообще легли въ основаніе всей послѣдующей затѣмъ кассационной практики, измѣнивъ ее въ корнѣ.

Итакъ по чиншевому дѣлу крестьянъ села Почапинецъ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи (рѣшеніе 1884 года, декабря 19 дня, № 141), доложенному сенаторомъ С. В. Пахманомъ, правительствующій сенатъ, относительно чиншеваго права высказалъ, что сущность его заключается въ *правѣ на вѣчное и потомственное пользованіе опредѣленнымъ участкомъ земли въ чужомъ имѣніи, съ правомъ отчужденія такого пользованія и съ обязанностью платить опредѣленный чиншъ въ пользу землевладѣльца, и что означенное право пользованія, какъ право вещное, возникло не только по письменнымъ актамъ, но и по словеснымъ соглашеніямъ вотчинниковъ съ поселенцами, и притомъ какъ въ *городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ селеніяхъ* (рѣш. сената 1877 г. № 109 — 116; 1880 г. №№ 14, 147, 295; 1882 г. № 107 и др.). Выраженное судебною палатою, по поводу настоящаго дѣла, сомнѣніе относительно самаго существованія чиншеваго права въ *селеніяхъ* юго-западнаго края вызвано, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствовавшихъ тамъ законахъ польскихъ и литовскихъ *не содержится* какихъ-либо *опредѣленныхъ правилъ* ни о существѣ вѣчно-чиншеваго права владѣнія, ни о порядкѣ его приобрѣтенія. Но, какъ уже указывалось и правительствующимъ сенатомъ, чиншевыя отношенія, независимо отъ привилегій, установлялись въ силу *договорнаго соглашенія* между землевладѣльцами и поселянами, *на основаніи обычая*, издавна дѣйствовавшихъ въ польскихъ и литовскихъ владѣніяхъ (рѣш. сената 1877 г. №№ 109, 111 и др.). Обычай эти сложились преимущественно подъ влияніемъ началъ тевтонскаго (нѣмецкаго) права, занесенныхъ въ предѣлы польскаго королевства иностранными поселенцами. Источники этого права, — носившаго названія *права магдебургскаго, саксонскаго, желминскаго* и т. п., не имѣли, сами по себѣ, силы закона, но, въ виду ихъ примѣненія въ самой жизни, изъ нихъ дѣлались переводы и извлеченія, на польскомъ языкѣ, въ разнообразныхъ редакціяхъ. Въ ряду ихъ, особенно явѣнностію пользовалась книга, составленная въ 17-мъ вѣкѣ на основаніи началъ магдебургскаго права, подъ названіемъ *«Порядокъ»* (Полн. Св. Зак., т. VI № 4319), и служившая самымъ распространеннымъ практическимъ руководствомъ, такъ что, до послѣднихъ дней существованія Польши, на нее ссылались, при рѣшеніи дѣлъ, суды польскіе, литовскіе и даже малороссійскіе. Изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ правилъ о наймѣ земель и чиншѣ, вошедшихъ также въ составъ особаго сборника, составленнаго въ 1743 году, по распоряженію правительства (ук. 28 августа 1728 г., Полн. Св. Зак., т. VIII, № 5324), подъ названіемъ *«Права, по которымъ судится малороссійскій народъ»* (гл. XV), нельзя не усмотрѣть, что, кромя обыкновенныхъ формъ временнаго и зависимаго найма земли, признавалось и наследственно-чиншевое право пользованія, которое могло быть осуществляемо наемщикомъ совершенно самостоятельно, какъ*

право вещное. Такое право называлось также *амфитевтическимъ*, а указаніе на лежащія въ его основѣ начала иноземныя встрѣчается, между прочимъ, и въ приводимомъ судебною палатою *кардинальнымъ закономъ 1768 г.*—именно въ словахъ: «амфитевзись, какъ онъ описанъ въ *практъ*» (тевтонскомъ). Отчасти подъ влияніемъ тѣхъ же иноземныхъ началъ, отчасти же независимо отъ нихъ, въ силу мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, въ юго-западномъ краѣ издавна распространено было обыкновение, что, для привлеченія рабочихъ рукъ на земли или въ видѣ вознагражденія за прежніе труды, землевладѣльцы отдавали поселянамъ не только во временное и зависящее (прекарное), но и въ потомственное и безповоротное владѣніе поля, сѣнокосы или иныя угодья, подъ условіемъ платежа чинша, размѣръ коего устанавливался опредѣленной суммою, или же указаніемъ на обычай, какъ видно, напр., изъ множества частныхъ актовъ XVIII вѣка, напечатанныхъ Высочайше учрежденною при Кіевскомъ, Волынскомъ и Подольскомъ генераль-губернаторѣ комиссіею въ *архивѣ юго-западной Россіи* (часть 6, т. II, №№ 19, 104, 107, 128, 197 и др.). Прямыя указанія на существованіе въ юго-западномъ краѣ чиншевого права содержатся и во многихъ узаконеніяхъ, изданныхъ по присоединеніи означеннаго края къ Россіи: такъ, въ указѣ 1796 г. упоминается о *чиншевой шляхтѣ* (II. С. З. т. XXIII, № 17,469); въ указѣ 31-го октября 1831 г., къ разряду осѣдлыхъ однодворцевъ причислены живущіе *«на чиншѣ или оброкѣ»* на земляхъ помѣщичьихъ (II. С. З. т. VI, № 4869), и др.; а въ послѣдніе годы изданы и *особыя правила судопроизводства по дѣламъ о вѣчно-чиншевомъ владѣніи* (Собр. узакон. 1878 г. № 158, 1882 г. № 444, и прилож. къ прилѣч. ст. 1400 уст. гражд. суд. изд. 1883 г.). Изложенныя соображенія служатъ достаточнымъ основаніемъ къ устраненію указаннаго выше сомнѣнія, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводятъ также къ заключенію, что, въ виду разнообразія самыхъ формъ земельныхъ отношеній въ западномъ краѣ Имперіи, право *вѣчно-чиншевого владѣнія не должно быть слѣдственно не только съ аренднымъ правомъ, возникающимъ изъ договора срочнаго найма, — какъ это указывалось и прежде правительствующимъ сенатомъ (рѣш. 1877 г. № 114 и др.), — но и съ иными формами временнаго и поворотнаго пользованія землей, (possession precaria), несомнѣнно существовавшими въ западномъ краѣ, тѣмъ болѣе, что самое названіе «чинша» свойственно не однимъ лишь тѣмъ правамъ, которыя въ упомянутыхъ правахъ «о порядкѣ судопроизводства» именуется «вѣчно-чиншевыми».*

**Дѣло д. с. с. Николая Терещенки съ
28 чиншевиками села «Заборы» о восста-
новленіи нарушенныхъ чиншевыхъ правъ.**

*Отрывокъ изъ рѣчи прис. пов. В. Д. Спасовича,
произнесенной въ отдѣленіи гражданскаго кассацион-
наго департамента правительствующаго сената 8-го
мая 1886 г.*

Господа сенаторы! Являясь поддерживать кассацион-
ную жалобу по чиншевому дѣлу, по одному изъ тѣхъ
дѣлъ, изъ которыхъ многія были въ разсмотрѣніи се-
ната, въ которыхъ, я долженъ сказать прямо, практика
сената колебалась и путалась, постановляя, что я до-
кажу, въ то же самое время несходныя или даже и
прямо противоположныя по кореннымъ началамъ рѣ-
шенія, я очень хорошо понимаю невыгоду моего поло-
женія. Я долженъ бороться съ установленными преюди-
катами, эти преюдицаты, хотя бы и можно было ихъ
опровергнуть критически, суть все таки предвзятая
мысли, господствующія презумпціи, которыя представ-
ляютъ извѣстное и порою весьма значительное сопро-
тивленіе.

Затѣмъ, указавъ на тѣ пункты кассационной жалобы, которые намѣренъ поддерживать въ своей рѣчи, прис. пов. В. Д. Спасовичъ представилъ сенату въ краткомъ очеркѣ исторію возникновенія и развитія чиншеваго владѣнія въ древней Польшѣ, приведенную нами по предыдущему дѣлу однопорцевъ села Шлосскаго съ гр. Браицкимъ.

Житомирскаго уѣзда въ селѣ Заборы, которое отецъ моего довѣрителя Артемій Терещенко купилъ 14 августа 1868 г. у гр. Іосифа Бержинскаго, проживали вольные съемщики не изъ крестьянъ, а изъ шляхты и др. званія людей, поселившіеся очень давно, ранѣе закона 25 іюня 1840 г., платившіе за нее чинши т. е. оброки (чиншъ, цензусъ—тоже что оброкъ) и потому и называвшіеся чиншевиками. Объ нихъ упоминается и въ купчей крѣпости «съ землями и строеніями, которые нанимаютъ чиншевики изъ шляхты и другаго званія людей». Истцы не помнятъ и не утверждаютъ, чтобы ихъ предкамъ даны были эти земли въ оброчное пользованіе за какіе нибудь заслуги, о чемъ память переходила бы конечно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Они не рѣшаются даже назвать свое право пользованія вѣчнымъ. Отвѣтъ повѣреннаго истцовъ Березовскаго таковъ буквально: «довѣрители мои никогда не требовали признанія за ними права на вѣчное пользованіе землею». Они никогда не имѣли грамотъ и утверждаютъ прямо, что съ незапамятныхъ временъ болѣе 100 л. сидѣли по договорамъ на этой землѣ. Они не оспаривали также права помѣщика повышать чинши; въ теченіи процесса выяснилось, что графъ Бержинскій повысилъ чинши съ 18 на 25 р. за участокъ, слѣдовательно, до продажи 1868 г., а болѣе чѣмъ за 10 л. до начатія иска 16 апрѣля 1879 г. Послѣ покупки Терещенко еще болѣе возвысилъ чиншъ, именно до 45 р., а потомъ отнялъ поля, оставивъ только усадьбы. Чиншевики начали искъ о восстановленіи чиншеваго пользованія, но безъ требованія о указаніи размѣра чинша, напротивъ того ихъ новый повѣренный Жураковскій въ Житомирскомъ ок. судѣ 29 ноября 1882 г. объявилъ прямо, что его

довѣрители отказываются отъ признанія за ними права на уплату неизмѣннаго чинша, т. е. какъ я полагаю обязанности платить и права на неизмѣнность этой платы.

Спорный вопросъ не филологическій, не тотъ, назывались-ли сѣмщики земель чиншевиками, они такими назывались на польскомъ языкѣ, но на русскомъ ихъ можно назвать оброчными или арендаторами, если то же правоотношеніе носить въ Россіи названіе оброчнаго. Споръ чисто юридическій: въ 1877 г. угодно было сенату опредѣлить чиншевое отношеніе извѣстными чертами якобы заимствованными изъ древняго польскаго права и быта и сообщающими небывалые и несомнѣстимые съ оброчнымъ отношеніемъ всегда срочнымъ признаки —наслѣдственность и безповоротность. Всѣ теперешніе иски направлены къ тому, чтобы подвести поземельное владѣніе и пользованіе не подъ чиншевое правоотношеніе въ общежитейскомъ смыслѣ, но въ томъ въ которомъ оно равнозначуще сѣмкѣ земли, взятію и отдачѣ ея въ наемъ по тому спеціальному, строго выдѣляющемуся виду сѣмки чужой земли, которая въ тысячу разъ крѣпче, лучше и желательнѣе самой собственности, потому что сѣмщикъ никакихъ службъ не несетъ, повинностей государственныхъ и земскихъ не отправляетъ, а хотя бы нашъ рубль понизился до 27¹/₂ к., онъ только будетъ платить оброкъ по этому курсу онъ похожъ на обѣльнаго вотчинника, а помѣщикъ за отчужденную почти землю плати и отвѣчай, помѣщикъ крѣпокъ долгамъ, обязательствамъ и повинностямъ которыя лежатъ на этой землѣ. Могли ли законы древне-польскіе, законы государства разрушающагося отъ избытка аристократизма терпѣть и установить такое отношеніе, страшно льготное для поселенцевъ, страшно невыгодное для помѣщиковъ и для ихъ кредиторовъ. Оказывается, что помѣщики чиншевыми чрезполосными владѣніями словно подточены и могутъ быть сведены на треть или половину принадлежащихъ имъ пространствъ.

Въ 1877 г. разсматривались чиншевыя дѣла не по существу, а по вопросу о подсудности. Правит. сенатъ вопросъ этотъ разрѣшилъ. Рѣшеній этихъ я перечислять не буду они очень хорошо памятливы и извѣстны. Сенатъ выразилъ, что право чиншеваго владѣнія есть право вещное и безсрочное, что оно вмѣщаетъ въ себѣ право вѣчнаго потомственнаго владѣнія и распоряженія землею, доходящее до переуступокъ и передачъ земли по наслѣдству и съ ограниченіемъ власти собственника земли только взиманіемъ съ чиншевика определенной разѣ на всегда платы наемной.....

Но даже и послѣ кассационныхъ рѣшеній 1877 г. суды не были избавлены отъ необходимости не довольствоваться этими рѣшеніями, а обращаться къ источникамъ, какъ не избѣгаютъ богословы необходимости читать и изучать св. писаніе, хотя оно тысячу разѣ комментировано учеными и отцами церкви. Когда стали суды это дѣлать, то оказалось, что всѣ приведенные источники къ цѣли рѣшенія чиншевыхъ споровъ непригодны, потому что чиншевыя правоотношенія опредѣлялись не писаннымъ закономъ, не статутомъ литовскимъ, не сеймовыми конституціями, которыя упоминаютъ объ нихъ вскользь а только обычаемъ правовымъ и не своимъ, а заимствованнымъ, что въ нѣкоторыхъ изъ цитатъ есть ссылки на указы прямо не существующіе нпр. статутъ Сигизмунда 1—1520 г., на никогда не опубликованныя конституціи, не признанныя и не содержащія никакихъ постановленій о чиншевикахъ нпр. конституціи сейма 1792 г. Когда при разбирательствѣ чиншевыхъ дѣлъ по существу стороны стали изучать фундаменты кассационныхъ рѣшеній сената 1877 г., то оказалось, что этихъ фундаментовъ нѣтъ, что выводъ виситъ такъ сказать на воздухѣ. Это обстоятельство обнаружилось и въ судахъ и въ печати. Сочиненія Шимановскаго, Рембовскаго говорятъ то, что я говорю. Въ моей кассационной жалобѣ по дѣлу поселянъ с. Плосскаго съ гр. Браницкимъ приведены были на-

стоящіе источники чиншевыхъ правъ. Кіевская судебная палата по настоящему дѣлу, не смотря на то, что она преклоняется передъ авторитетомъ сената и признала за его рѣшеніями полную законную силу въ той мѣрѣ въ какой они ее не имѣютъ, должна была однако разбирать эти настоящіе источники чиншеваго права, вовсе не касаясь уже тѣхъ непригодныхъ источниковъ указанныхъ въ рѣшеніяхъ 1877 г. (Саксонское и Хелмское право, Статутъ Литовскій и даже конституція 3 мая 1791 г., изъ за непризнанія которой дворами Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ Польша была раздѣлена, конституція которая никогда не была признана и рассматривалась какъ актъ революціонный).

Само то обстоятельство, что въ 1877 г. имѣлись въ виду источники чиншеваго права, указанные ошибочно, а потомъ только найдены настоящіе, заставило самъ кассационный департаментъ прав. сената не въ отдѣленіи, а въ составѣ цѣлаго присутствія департамента по закону 10 іюля 1877 г. по новой организаціи сената, постановить новое рѣшеніе распубликованное подъ № 141 отъ 19 декабря 1884 г. по докладу сенатора Пахмана, въ каковомъ новомъ рѣшеніи сенатъ не только указалъ на совершенно новые и бывшіе ему въ 1877 г. неизвѣстными источники, но и сдѣлалъ выводы весьма отличные, а въ нѣкоторомъ отношеніи и діаметрально противоположные тѣмъ, какіе были имъ же сдѣланы въ 1877 г. Такъ какъ это новое послѣднее изъ опубликованныхъ рѣшеніе выражаетъ послѣдній взглядъ присутствія департамента сената и есть тотъ щитъ, подъ который я прибѣгаю при защитѣ правъ моего довѣрителя, то позвольте мнѣ на немъ остановиться и указать, чѣмъ оно отличается отъ прежняго и относительно исторіи своей и относительно выводовъ.

Затѣмъ приводятся, указанные нами выше (стр. 129 и 130) мотивы сената по рѣшенію 1884 г. № 141.

Этотъ поворотъ въ кассационной практикѣ такъ великъ, что *mutatur facies rerum* въ чиншевомъ правѣ,

измѣняется постановка спорнаго вопроса. Истецъ не можетъ ограничиться заявленіемъ, что онъ платилъ чиншъ, не можетъ на основаніи квита и показаній свидѣтелей доказывать, что онъ сидѣлъ на грунтѣ до 1840 г., не можетъ по этимъ однимъ даннымъ быть признаваемъ вѣчнымъ и безповоротнымъ чиншевымъ пользователемъ, не можетъ даже подходить подъ презумпцію *donec probetur contrarium*. Онъ долженъ прямо заявить и сдѣлать правдоподобнымъ, что по опредѣленному въ прошедшемъ въ извѣстный моментъ состоявшемуся соглашенію онъ вступилъ въ пользованіе землею на условіяхъ не просто чиншеваго, а наслѣдственнаго и безповоротнаго владѣнія. Съ другой стороны и отвѣтчику нѣтъ надобности утверждать, что истецъ не чиншевикъ: онъ чиншевикъ, но не вѣчно потомственный и не безповоротный, онъ не тотъ, котораго права и обязанности опредѣлены сенатскимъ рѣшеніемъ: онъ тотъ, о которомъ говоритъ рѣшеніе Кіевской судебной палаты, что права его и обязанности мало отличаются отъ правъ и обязанностей должника по отношенію къ кредитору. Такимъ образомъ между 1877 и 1884 гг., вслѣдствіе хода жизни, развитія практики, открытія давно извѣстныхъ, но затѣмъ забытыхъ законовъ и источниковъ, гдѣ въ 1877 г. предполагается была одна сплошная область однообразнаго чиншеваго владѣнія, всегда или обыкновенно наслѣдственнаго, тамъ мы при измѣнившемся умственномъ кругозорѣ различаемъ двѣ окрашенныя въ совершенно разныя краски области и весь вопросъ сводится къ установленію предѣльной между ними черты, послѣ чего, зная эту черту, можно будетъ сказать по которую ея сторону, по правую или по лѣвую, ляжетъ чиншевое владѣніе въ селѣ Заборы. Къ опредѣленію этой черты должны послужить отчасти указъ 25 іюня 1840 г., отчасти признанные уже сенатомъ древнепольскіе источники и самъ путь, который ведетъ къ установленію предѣла, уже намѣченъ во 2 и 4 пп. кассационной жалобы прис. пов. Ястребцова, ко-

торая утверждает и утверждает вѣрно по моему мнѣнію, что древнее польское право не давало никакой судебной защиты такому чиншевому отношенію, которое основано было только на словесномъ соглашеніи контрагентовъ, а слѣдовательно и не допускало по такого рода дѣламъ свидѣтельскихъ показаній; что вѣчно чиншевое владѣніе существовало не иначе какъ на основаніи легальныхъ, формальныхъ актовъ, которыхъ въ данномъ дѣлѣ нѣтъ и даже не было, такъ какъ истцы и не утверждаютъ, чтобы они когда либо существовали. Вопросъ такимъ образомъ ясенъ: чиншевое владѣніе можетъ быть и безъ актовъ, но оно было только прѣкарное, зависѣвшее отъ воли землевладѣльца. Чиншевое владѣніе вѣчное и безповоротное можетъ существовать только на основаніи законнымъ образомъ совершенныхъ актовъ, удостовѣряющихъ отдаленіе земли отъ собственника, превращеніе его власти надъ нею въ одну якобы собственность, въ *dominium directum*, величину даже отрицательную—какъ теперь, когда подати и повинности лежатъ на владѣльцѣ и далеко превосходятъ количество чинша.

Положеніе это подтверждается ссылками на древніе польскіе источники, извѣстные уже читателю по предыдущему дѣлу.

Эти цитаты рѣшаютъ участь чиншевикомъ въ селѣ Заборы, которые сидятъ издавна можетъ быть 100 лѣтъ но только по словесному договору, которые даже и не утверждаютъ, чтобы когда либо имѣли такой письменный договоръ и которые отрекаются отъ права вѣчнаго пользованія по чиншевому договору, а говорятъ прямо только о чиншевомъ пользованіи. Но я полагаю, что мое изложеніе было бы неточно, еслибы я не указалъ, при наличности какихъ условій чиншевое владѣніе села Заборы было бы наследственно вѣчное и безповоротное, т. е. подходило бы подъ опредѣленія, установленныя въ сенатскихъ рѣшеніяхъ 1877 г. А вотъ при какихъ. Собственность шляхетская была собственностью алло-

діальною, вотчинною, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ это понятіе водворено и въ русскомъ правѣ при Еккатеринѣ II. Шляхтичъ имѣлъ неограниченное право свою вотчину отчуждать или всячески вещнымъ правомъ въ пользу третьихъ лицъ обременять, но обременять гласно, явно, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ уже тогда существовавшей ипотечной системы, которая главнымъ образомъ основана была на томъ, что въ каждомъ повѣтѣ были книги земскія, доступныя всякому, гдѣ записывались всѣ обременяющія землю обязательства и переходы права собственности. Каждый могъ справиться о томъ, кому принадлежитъ имѣніе, подъ которое онъ давалъ деньги, которымъ долгъ свой обезпечилъ, какія на немъ долги, причемъ было вполне установлено: *propter tempore potior jure*. Я прошу обратить вниманіе на Литовскій Статутъ, Раздѣлъ VII, арт. 1 и 3 изд. русское 1888 г. Въ немъ 1) предоставляется шляхтѣ всякія имѣнія вѣдле воли и мысли своей отдати, продати, записати, заставити, отъ дѣтей и близкихъ отдалити и тымъ шафовати. Но первой онъ долженъ таковой записъ за подписью своею и печатью и за подписами и печатями 3 или 4 вѣрыгодныхъ шляхтичей сознати въ томъ земскомъ судѣ, гдѣ въ которомъ повѣтѣ то имѣніе лежитъ. Можно и въ другомъ земствѣ, но тогда получившій записъ долженъ его явить (облятовать) въ земскомъ судѣ округа леженія имѣнія. Если въ моментъ, когда совершается сдѣлка, не засѣдаютъ земскіе суды, то можно записать и въ гродскомъ уголовномъ судѣ; 2) устанавливается срокъ явки въ земскихъ книгахъ такого записа, въ иномъ судѣ совершаемаго (1 годъ и 6 недѣль).

Существенное значеніе таковой явки видно изъ конституціи 1620 г. (Vol. III. 378), запрещающей обращенія въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Волынскомъ (Заборы въ Волынскомъ) мембранъ или *gesznych zapisów* (домашнихъ записокъ) на что бы то не было, если они не явлены въ судѣ (*із są szkodliwe*). Конституція эта

постановляетъ, что всѣ прежніе записы должны быть отъ всего числа *reg oblatam* явлены въ судахъ — сдѣлана льгота, какихъ угодно, лишь бы того повѣта *гродскихъ* или *земскихъ*. А что касается записей съ 1620 г., то они будутъ дѣйствительны, если будутъ совершаемы въ *гродѣ* или *земствѣ*, но при личной явкѣ совершающихъ (*oszuwiście przuzpano*). При наличности такого доказательства очевидно всякое сомнѣніе о некрѣпости и рушимости чиншевого владѣнія падаетъ, но если такого урядоваго документа нѣтъ, внесеннаго въ публичныя книги, то вѣрно, что неукрѣпленное такимъ документомъ владѣніе не пользуется по закону судебною запитою. Такой порядокъ просуществовалъ до послѣднихъ годовъ Рѣчипосполитой, онъ не былъ измѣненъ даже и непризанною Россіею, но составившею послѣднее усиліе преобразования древней Польши, конституціею 3 мая 1791 года, которой статью 4 приводитъ невпопадъ и не встаети рѣшеніе Кіевской судебной палаты, статью, содержащую обязательность для наслѣдниковъ всякихъ договоровъ, заключающихся между помѣщиками и поселянами. Эта статья предполагаетъ договоръ письменный, а въ селѣ Заборы такого не было, но она и не относится къ поселянамъ вообще, а тѣмъ менѣе къ шляхтичамъ, она касается *włościan* т. е. *хлоповъ*, на крѣпостномъ правѣ поселенныхъ. Умирающая Рѣчипосполитая не нашла въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы посягнуть на отгнну крѣпостнаго права, она не дала крѣпостнымъ даже личной свободы, она въ 4 ст. 1791 г. объявила, что она ихъ беретъ подъ опеку закона, что не освобождаетъ ихъ отъ произвола помѣщика, но поощряетъ помѣщика къ заключенію освобождающихъ отъ подданства условій т. е. дѣлаетъ то, что дѣлали у насъ указы Александра I-го 1802 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и Николая I-го 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ—*pia desideria*, не больше. Къ чиншевикамъ эта статья не относится нисколько. Западные и юго-западные губерніи поступили

подъ власть Россіи. Само установленіе господства Россіи было въ связи съ усиленіемъ, а не съ ослабленіемъ власти и преимуществъ высшаго дворянства; магнаты составили Тарговицкую конфедерацію; во имя неприкосновенности привилегій дворянства отмѣнена б. конституція 3-го мая и совершены раздѣлы Польши. Существуетъ докладъ Графа Зубова 1796 г., главнаго начальника тѣхъ юго-западныхъ областей, изъ котораго явствуетъ какъ дважды два четыре необезпеченность положенія мелкой шляхты; для улучшенія ихъ быта Зубовъ совѣтуетъ отводить желающимъ переселиться казенныя земли и образовать родъ военныхъ поселеній. Крѣпость вѣчно чиншеваго владѣнія обусловливается запискою въ судовыя книги; судоустройство прежнее и юридическія термины измѣнились, вмѣсто земскихъ были уѣздные суды; возможность записки въ книги этихъ судовъ привилеевъ не прекратилась до изданія указа 25 іюля 1840 г. Указъ этотъ гласитъ, что приказано (4 п.) всѣ дѣла, могущія возникнуть по составленнымъ до сего времени актамъ и документамъ (слѣдовательно по даннымъ только письменнымъ), вершить по новому процессуальному порядку, но только законность или силу акта или документа опредѣлять по законамъ прежняго времени т. е. польскимъ. Я не утверждаю, чтобы въ силу этого закона 1842 г. надлежало не признавать и отрицать всякія правоотношенія, возникающія безъ всякаго акта письменнаго, въ силу самаго закона или вслѣдствіе словеснаго соглашенія, но я вправѣ утверждать, что законъ 1840 г. не имѣлъ цѣли и намѣренія усилить крѣпость и дать гарантіи судебной защиты послѣ введенія 1 ч. X т., когда правоотношеніе такими гарантіями и крѣпостью при дѣйствіи польскихъ законовъ не пользовалось, а такъ какъ рѣшеніе Кіевской палаты содержитъ именно сему противное, то я утверждаю, согласно съ кассационной жалобой, что оно нарушило не только прежніе законы польскіе, недававшіе судебной защиты недокументованному чиншевому

владѣнію, но и законъ 25 іюня 1840 г., предписавшій, чтобы возникшія до введенія 1 ч. X т. правоотношенія въ случаѣ споровъ были опредѣляемы только по документамъ прежняго времени, а не по инымъ даннымъ нпр. не по свидѣтельскимъ показаніямъ, которыя могутъ объяснить фактъ владѣнія но не могутъ указать основаній юридическаго владѣнія, пространства и объема вещныхъ правъ чиншевика *in re aliena*, ни по 1 ч. X т., ни по древнимъ польскимъ законамъ.

Я хочу тутъ же покончить съ древними польскими законами и, заключая мою рѣчь о нихъ, коснусь одного только, прямо несогласнаго съ ними опредѣленія размѣра чинша. Кіевская судебная палата нашла, что хотя еще Бержинскій возвысилъ чиншъ сначала до 18 и 19, а потомъ до 25 р., и до 45 р., а при Терещенкѣ чиншъ дошелъ до 60 р. за 32 морга — и хотя истцы вовсе и не просятъ объ опредѣленіи размѣра чинша, но принимая за основаніе рѣш. кассационнаго д-та 1877 г., по которому неизмѣнность чинша есть неизбѣжная принадлежность безусловнаго чиншеваго владѣнія, судебная палата назначаетъ размѣръ чинша безъ основанія и совершенно произвольно, не тотъ, который сначала былъ установленъ и не тотъ, который въ концѣ былъ уплачиваемъ Бержинскому, а какой то средній съ мелкою надбавкою по 18 р. за 32 морга, сирѣчь по 56 коп. за моргъ, безъ всякихъ заботъ о польскихъ законахъ, единственно на основаніи сенатскихъ рѣшеній, какъ законодательныхъ актовъ. Нынѣ этотъ фундаментъ упалъ. По кассационному рѣшенію 1884 г. № 141 (Почапинцы) и на основаніи актовъ напечатанныхъ въ архивѣ юго-западной Россіи, оказывается, что даже при потомственномъ и безповоротномъ т. е. вѣчно чиншевомъ владѣніи размѣръ чинша опредѣлялся либо означенною разъ на всегда суммою, либо просто ссылкой на обычай — а въ Почапинцахъ только и есть ссылка на обычай, если истцы права возвышать чиншъ не оспариваютъ. Суду не подобаетъ

быть plus royaliste que le roi. Но меня и это новое рѣшеніе не успокоиваетъ. Не могу я мириться съ мыслью, чтобы само сенатское рѣшеніе, отрѣшенное отъ своихъ источниковъ, могло функционировать какъ законъ, чтобы оно дѣлало излишнюю ссылку на законъ и превратилось изъ комментарія въ законодательный памятникъ. Съ этою мыслью и цѣлью я обратился къ источникамъ и нахожу, что неопредѣленность чинша разъ навсегда составляетъ общее правило, какъ и слѣдуетъ быть при такъ называемой *tacita locatio* то есть не срочное а возобновляемое изъ года въ годъ условіе (Гроицкій—33). Кто навимаетъ имѣніе безъ означенія или опредѣленія чинша тому чиншъ бываетъ улачиваемъ по обычаю и общепринятому обиходу (*wedle obyczaju i zachowania respolitego*) того города и уѣзда. Это правило такъ таки цѣлкомъ перешло въ XVIII в. и значится на стр. 419 гл. XV арт. 1 и 2 сборника 1743 г.: еслибы кто пустилъ имѣнія безъ означенія цѣны платежа, то платежъ долженъ быть по обыкновенію того города или уѣзда, почему что дается и плачено бываетъ. Мало того обычай былъ такъ явучъ, что онъ продержался до дней нашихъ.

Въ кассационномъ рѣшеніи 1877 г. № 119 приводится Высоч. утв. 26 декабря 1872 г. мѣншіе Госуд. Совѣта по дѣлу мѣстечка Устидулъ съ помѣщикомъ Мясковскимъ, предоставляющее при отсутствіи актовъ опредѣлять размѣръ чинша мѣстнымъ генераль-губернаторамъ, но не ниже платимаго въ той мѣстности чиншевыми. Я не нуждаюсь въ указаніяхъ на громадную важность этого безспорнаго въ настоящемъ случаѣ обычая — теперь предполагается выкупъ чиншевого участка, по капитализаціи изъ 6 или 5⁰/₁₀₀ чинша. Нынѣ плата чиншевыхъ съемщиковъ 23 рубля. Капитализируя эту плату въ данномъ случаѣ получимъ 5 р. 80 коп. за десятину.

Въ судебномъ засѣданіи 5 отдѣленія гражданскаго касс. д-та 8-го мая 1886 г. опредѣлено: означенное дѣло доложить присутствію гражданскаго департамента правительствующаго сената, который 10 декабря 1886 г. опредѣлилъ: на основаніи VI п. Высочайше утвержденнаго 9 іюня 1886 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губ. Западныхъ и Вѣлорусскихъ, дѣло, по просьбѣ повѣреннаго д. с. с. Терещенки, дальнѣйшимъ производствомъ прекратить.

Дѣло о политическихъ административно- ссылныхъ Теселкинѣ, Смирновѣ и Чу- маевскомѣ, обв. въ сопротивленіи власти.

Рѣшеніемъ Тобольскаго губернскаго суда ^{22/23} ноября 1888 г., пропущеннымъ губернскимъ прокуроромъ безъ протеста, политическіе административно ссыльные, въ количествѣ 22-хъ человекъ и въ томъ числѣ сынъ коллежскаго секретаря Михаилъ Теселкинъ, 24 л., сынъ учителя изъ духовнаго званія, Сергій Смирновъ, 25 л., и сынъ священника, Алексій Чумаевскій, 29 л., признаны были виновными въ томъ, что 9-го іюня 1885 г., съ цѣлью не допустить приведенія въ исполненіе законнаго распоряженія начальства объ отправкѣ въ этотъ день изъ Тюменскаго тюремнаго замка этапнымъ порядкомъ въ мѣста, назначенныя имъ для жительства подъ надзоромъ полиціи, по предварительному между собою соглашенію и совмѣстно оказали полицейскимъ чинамъ и тюремной стражѣ сопротивленіе, сопровождавшееся явными насильственными и презрительными дѣйствіями противъ нихъ, беспорядкомъ, бранью и призывомъ къ содержащимся въ этомъ тюремномъ замкѣ уголовнымъ арестантамъ оказать имъ содѣйствіе къ сопротивленію, причемъ изъ нихъ Михаилъ Теселкинъ былъ признанъ инициаторомъ этого сопротивленія, Сергій Смирновъ и Алексій Чумаевскій виновнѣйшими сообщниками, а остальные сообщниками. А посему и на основаніи ст. 264, 3 степ. 19, 4 п 134, 135, 148 и 5 степ. 19 улож. о наказ. относительно Теселкина, 1 п. 1 ч. 266, 3 степ. 31, 1 п. 30, 32, § II прилож. II примѣч. къ 70, 148 улож. о наказ. относительно Смирнова и Чумаевскаго, 2 ч. 266, 2 степ. 38 и 148 улож. о

наказ. относительно остальных подсудимых, Тобольскій губернскій судъ опредѣлить:—Михайла Теселкина лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на восемь лѣтъ, Сергѣя Смирнова и Алексѣя Чумаевскаго, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по достоинству присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Енисейскую губ., съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, которое будетъ назначено имъ для жительства, въ продолженіи одного года и вѣзда въ другіе губерніи и области Сибири въ продолженіи пяти лѣтъ, остальныхъ заключить въ тюрьму на сроки отъ 3—6 мѣсяцевъ.

На этотъ приговоръ Теселкинъ, Смирновъ и Чумаевскій принесли правительствующему сенату свои отзывы, а остальные обвиняемые свои заявленія, которые въ засѣданіи V-го д-та прав. сената 12 іюня 1889 г. подерживалъ прис. пов. В. Д. Спасовичъ.

Гг. Сенаторы! Хотѣлъ бы я начать съ самаго дѣла, пойти *in medias res* безъ предисловія, но не могу обойтись безъ нѣсколькихъ словъ съ тѣмъ, чтобы указать почему это дѣло весьма для справедливаго его рѣшенія трудно и почему оно рекомендуется особенному Вашему вниманію. Я долженъ установить для себя ту точку зрѣнія, съ которой надобно начать критическую его оцѣнку. Тяжело и трудно оно, весьма трудно и по положенію подсудимыхъ, къ которымъ и нельзя предрасполагаться ни въ хорошую ни въ дурную сторону, а надо оцѣнивать ихъ, какъ слѣдуетъ, какъ они на то въ данномъ случаѣ заслуживаютъ, и по чрезвычайной скудости матеріала для суда надъ ними, по чрезвычайному убожеству и непоправимой уже недостаточности матеріала слѣдственнаго, по пробѣламъ слѣдствія, которые должны будутъ бросаться вамъ въ глаза, какъ техникамъ.

Что касается до перваго изъ указываемыхъ мною обстоятельствъ, то если разобрать на составные элементы ту случайную совокупность 22-хъ людей, попавшихся въ эту исторію, изъ нихъ 1—Теселкинъ СПб. университета, 2 Московскаго университета (Емельянецъ и Кузнецовъ), 6 студентовъ Демидовскаго юридическаго лица (Чумаевскій, Смирновъ, Булгаковъ, Кон-

шинъ, Гедеевскій и Петровскій), 1 морякъ (Худковскій), 1 бухгалтеръ (Россовъ), 1 канцелярскій писецъ (Григорьевъ), остальные мелюзга, полуграмотные люди, казаки, мѣщане, солдатскіе дѣти—числомъ 10; всѣ до единого коренные русскіе, люди безъ всякихъ этническихъ примѣсей; всѣ трое признанные главарями, имѣвшіе возможность обжаловать приговоръ—недоудѣланные юристы, получившіе солидную подготовку, не скажу научную, но образовательную, о чемъ я сузу по ихъ своеобразнымъ, самостоятельно сконпонованнымъ апелляціямъ. Велики эти апелляціи и не мало задали вѣроятно труда докладчику: можетъ быть въ нихъ есть многословіе, есть и лишнее, но я ссылаюсь на всѣхъ, кто эти доклады читалъ, есть ли въ нихъ, хотя малѣйшее подобіе кляузы, кручкотворства? Они судимы были заочно, тысячи верстъ отдѣляли ихъ отъ Тобольскаго суда, они не имѣли защитника и не знали найдутъ ли его здѣсь. Апелляціи были многословны, но приемы писавшихъ вовсе не приемы такъ называемыхъ нигилистовъ, бунтарей, не признающихъ ни правительства, ни закона.

Допустимъ, что они неправы кругомъ, но по ихъ писанію нельзя не признать, что они знаютъ законъ, имѣютъ объ немъ какъ юристы понятіе, умѣютъ имъ защищаться, ставить вопросы ясно, анализируютъ ихъ толково и рѣчь ихъ во многомъ убѣдительна, если только задать себѣ не легкій, правда, трудъ прочесть ихъ писанія. Я не оспариваю, что всѣхъ подсудимыхъ воснулось то повѣтріе, которое свирѣпствовало во всей молодежи и теперь улеглось, и которому всѣ мы платимъ дань въ лицѣ нашихъ дѣтей, родныхъ, знакомыхъ; но кому же изъ пожилыхъ людей неизвестно, что не всѣ зараженные такъ и останутся зараженными на всю жизнь, они. можетъ быть изцѣлятся, изъ нихъ могутъ выйти дѣльные люди. Я утверждаю, что въ Теселкинѣ, Чумаевскомъ и Смирновѣ, по ихъ образу мыслей, на сколько онъ документально выразился въ ихъ защитѣ есть матеріалъ на хорошихъ юристовъ. Это одно должно располагать васъ въ ихъ

пользу и обратить ваше вниманіе на второе обстоятельство, на поразительную скудость данныхъ слѣдствія, недостаточность матеріала удостовѣряющаго ихъ вину.

Главнымъ и краеугольнымъ камнемъ всего производства и приговора есть протоколъ 9 іюня 1888 г. окружнаго исправника Попова о происшествіи, не получившемъ никакой квалификации и представленномъ имъ на усмотрѣніе начальства. Происшествіе не имѣло никакихъ важныхъ послѣдствій, если кончилось связками и ссадинами на однихъ только ссыльныхъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ подозрѣнія по вопросу, кто виноватъ въ томъ, что бунтуетъ, что случились бунтъ, неповиновеніе и ослушаніе, дожится на начальствѣ, которое допустило безпорядки, начиная отъ старшины арестантовъ и ключника и до смотрителя тюрьмы и исправника. Дѣло можно было и замять, если бы не то, что видѣли его многіе тюремные ключники, общая полиція, воинское начальство, товарищъ прокурора, жандармы — человекъ нѣсколько десятковъ. Пойдутъ рассказы, доносы, надобно быть въ порядкѣ, событіе оформить, для очищенія себя констатировать. Самъ способъ констатированія былъ неизбѣжно тенденціозный, умалчивающій о томъ, что могло бы извинить арестантовъ, устанавливающій предусмотрительность и цѣлесообразность всѣхъ дѣйствій начальства. Что этотъ протоколъ писанъ былъ для собственной очистки, что событію благополучно кончившемуся не придавалось никакого значенія, видно изъ того, что арестантовъ не только отправили, но и не остановили ни въ промежуточныхъ станціяхъ до Тобольска, ни въ Тобольскѣ т. е. на разстояніи 350 верстъ, гдѣ есть отличное помѣщеніе, и выслали, однихъ въ Петропавловскъ Акмолинской обл., за 500 верстъ отъ Тобольска по Ишиму, а другихъ въ Павлодаръ, за 1200 в. отъ Тобольска на самый верхній Иртышъ. Между тѣмъ въ сорокъ дней послѣ высылки 19 іюля наряжено слѣдствіе, его повелъ со всею строгостью слѣдователь 1 уч. по прямо предуказанной ему 264 ст. улож. Чѣмъ больше была тя-

жестъ обвиненія, тѣмъ больше требовалось, чтобы слѣдствіе было настоящее слѣдствіе, то есть повѣрка акта, противъ арестантовъ составленнаго, по всѣмъ возможнымъ и, прежде всего, по безпристрастнымъ даннымъ, по спросу не игравшихъ ни активной, ни пассивной роли въ событіи лицъ. Чтоже дѣлаетъ слѣдователь? Онъ спрашиваетъ только лицъ, подписавшихся на актѣ, т. е. укротителей, дѣйствовавшихъ, положимъ, по службѣ, но слишкомъ горячее участіе принимавшихъ, онъ относится въ Павлодаръ и Петропавловскъ о допросѣ подсудимыхъ. Наконецъ, онъ собираетъ фотографическія карточки и предъявляетъ ихъ Тюменскимъ укротителямъ, каковой показъ получаетъ свое обыкновенное дѣйствіе: никто не узнаетъ и припомнить не можетъ лицъ, изображенныхъ на этихъ карточкахъ.

Мало того, что не были даны очныя ставки, столь существенныя для слѣдствія, но не были спрошены лица постороннія, безучастныя къ слѣдствію, самыя достойныя въ качествѣ свидѣтелей, а именно 1) семейные политически ссыльные, отправляемые въ той же партіи, 2) уголовные преступники, въ особенности два изъ нихъ, которые въ той же общей камерѣ были за мѣсто прислужниковъ, 3) конвойные солдаты, 4) извозчики, стоявшіе съ телѣгами на площадѣ предъ тюремнымъ замкомъ, 5) не спрошенъ помощникъ исправника Васильевъ, сопровождавшій ссыльныхъ до Ялutorовска и 6) что всего важнѣе и существеннѣе, не спрошенъ товарищъ прокурора Корфъ, упоминаемый въ актѣ 9-го іюня—лицо судебного вѣдомства, по роду своихъ занятій привыкшее къ точному опредѣленію винъ съ подведеніемъ ихъ подъ опредѣленія уголовного закона. Страшная неполнота слѣдствія имѣла результатомъ лаконизмъ приговора, явившагося какъ бы исполненіемъ формальности. Всѣ показанія свидѣтелей, не обращая вниманія на ихъ различія, сведены въ одну кучу; изъ нихъ выведена средне пропорціональная величина ихъ вины. Я постараюсь доказать, что если умѣло и критически разобрать даже и тотъ матеріалъ, кото-

рый собранъ слѣдствіемъ, то онъ дастъ иной результатъ. Я и приступаю къ изложенію событій по подлиннымъ актамъ слѣдствія, не прибавляя ничего посторонняго, и начну съ характеристики предмета, бывшаго поводомъ къ неудовольствію и къ послушанію со стороны ссыльныхъ. Этотъ предметъ: способъ препровожденія ссыльныхъ къ мѣсту ихъ назначенія изъ Тюмени въ Тобольскъ въ купѣ съ уголовными арестантами или отдѣльно отъ нихъ.

Въ протоколѣ 9 іюня 1888 г. записано: арестанты спросили, какъ ихъ отправятъ? Имъ сказано: 9 іюня общемою партіею (т. е. съ уголовными), по числу лицъ, на подводахъ въ узаконенномъ числѣ. Они объявили, что поѣдутъ ускореннымъ способомъ на пароходѣ или на тройкахъ, но не въ общей арестантской партіи, а отдѣльно. Исправникъ отвѣчалъ, что это не въ его власти. Еще точнѣе выражается относительно спора присяжное показаніе помощника смотрителя Тюменской тюрьмы губернскаго секретаря Дружинина. Общій порядокъ слѣдованія значитъ: идти на нѣкоторомъ разстояніи отъ уголовныхъ, проходить, какъ и уголовные по одному этапу (версть 20), дѣлать ночлежныя дневки по маршруту (200 версть въ десять дней—нѣсколько мѣсяцевъ на то, что могло бы быть совершено въ недѣлю). Политическіе хотѣли ѣхать либо на пароходахъ, либо, если необходимо сухимъ путемъ, т. е. скорѣе, дѣлать 2 или 3 станціи въ день (отъ 40 до 60 верс.) и не дѣлать дневокъ. Арестанты боялись: 1) что ихъ заставятъ идти пѣшкомъ. Тихоновъ нпр. показалъ, что подъ этапнымъ движеніемъ мы разумѣли путь пѣшкомъ. Еслибы намъ сказали, что мы поѣдемъ, то вѣроятно сопротивленія бы не было. 2) Они боялись еще пуще всего тѣсноты этапныхъ помѣщеній, грязи, вони, насѣкомыхъ, грубости конвоировъ, отсутствія медицинской помощи. И эта послѣдняя боязнь понятна; народъ они вообще слабосильный, больной. Есть показаніе врача Тюменской тюрьмы Преображенскаго, свидѣтельствующаго о томъ, что всѣ почти политическіе

страдаютъ сплошь желудочнымъ катарромъ. Изъ дѣла видно, что въ одной части желаемого арестанты не успѣли, то есть, что ихъ нуть былъ совершаешь одновременно съ уголовными; они не были пощажены ни одною дневною, отправлялись они только позднѣе и обгоняли уголовныхъ на дорогѣ, такъ что могли раньше ихъ расположиться на этапѣ. Но влѣдствіе ли сопротивленія, которое когда дѣлается массою, то внушаетъ всякому начальству нежеланіе, что-бы оно продолжалось, или по инымъ причинамъ, потому что споръ основанъ былъ на недоразумѣніи, котораго Тюменское начальство не потрудилося разсѣять, они достигли того, что ихъ повезли на довольно выгодныхъ условіяхъ. Есть показанія арестанта Харитоновъ: до 1 станціи — 1-го станка — мы ѣхали на 18 одноконныхъ подводкахъ (багажъ отдѣльно на тройкахъ), а затѣмъ намъ дано достаточно пароконныхъ подводъ, чтобы ѣхать сообща съ конвойными. А съ Ялуторовска намъ дали 3 тройки (и того значитъ 48 лошадей на 22 человекъ, по бланку за подписью Тобольскаго Губернатора). Имѣли ли право арестанты ходатайствовать, чтобы имъ предоставлены были льготы въ слѣдованіи, которыхъ они домогались? Я утверждаю что имѣли. Отъ Тюмени на притокѣ Иртыша Турѣ до Тобольска и Омска на Иртышѣ, до Томска на Томи на притокѣ Оби и до Ачинска на притокѣ Оби Чулымѣ стелется скатертью Богомъ устроенный широкій превосходный водяной путь, по этому водяному пути устроено пароходство, а по закону (прим. въ 41 ст. XIV т. уст. о ссыльныхъ, прод. 1886 г.—законъ отъ 18 октября 1883 г.) повелѣно: съ 10 сентября до 1 мая движеніе арестантскихъ партій не производится, но съ 1 мая по 1 октября пересылать арестантовъ пароходами по Тюмене-Ачинскому тракту. По 82 ст. примѣч. даже этапныя зданія отъ Тюмени до Томска упразднены. На основаніи этихъ статей незнакомый съ бытомъ Россіи могъ бы вывести заключеніе, что маятныи способъ препровожденія арестантовъ этапомъ прекращень, а оказы-

вается, что онъ въ полной силѣ существуетъ. Но и въ этомъ порядкѣ есть законъ въ пользу лицъ, которые не будучи приговорами опорочены, ссылаются не по суду а только ради государственной безопасности.

По примѣч. къ 12 ст. уст. о ссыльныхъ они пользуются всякими изъятіями отъ общаго положенія о ссыльныхъ. По прим. 4 къ ст. 16, по прод. 1886 г., они обязательно перевозятся на подводяхъ до самыхъ мѣсть ихъ ссылки, по одноконной подводѣ на 2 человека, по п. 4 на счетъ казны, если у нихъ нѣтъ средствъ для найма почтовыхъ. Къ апелляціи Чумаевскаго приложенъ черныякъ прошенія арестантовъ Тобольскому губернатору, прошенія, основаннаго на законахъ и весьма почтительнаго, убѣдительнаго и рациональнаго. Почему это ходатайство не возымѣло успѣха неизвѣстно, несомнѣнно только, что арестанты подозрѣвали, что ихъ ходатайства не доходятъ, куда слѣдуетъ, и что отказы идутъ, вопреки увѣренія исправника, отъ него, а не отъ Тобольскаго губернатора. Конечно я мысли не имѣю разбирать образъ дѣйствія начальства, но всетаки приходится сожалѣть, что самъ этотъ образъ не выясненъ и что мы рѣшительно въ туманѣ относительно того причѣмъ тутъ губернаторъ и причѣмъ исправникъ, который тщательно закрывается губернаторомъ и въ протоколѣ и въ показаніяхъ утверждаетъ, что онъ только исполнялъ приказанія начальства, что не онъ, а губернаторъ отказалъ арестантамъ въ ихъ ходатайствѣ. Чтобы доказать, какая выходитъ путаница, прошу обратить вниманіе на показаніе Попова отъ 14 октября 1888 г. Оказывается изъ сего показанія, что телеграммы отъ Тобольскаго губернатора были три, всѣ отрицательныя, но передаются онѣ на словахъ, между тѣмъ какъ подлежали бы отправленію въ подлинникахъ, такъ какъ передаваемые словесно онѣ весьма подозрительны.

Первая. Объявить старостѣ Теселкину отправить ускореннымъ способомъ не имѣю средствъ, должны слѣдовать къше-этапнымъ порядкомъ.

Тутъ есть два темныя пятна или недоразумѣнія. Отказъ по недостатку средствъ, но средствъ особыхъ не требуется, а есть сбереженіе и экономія отъ быстѣйшаго слѣдованія, экономія въ кормовыхъ арестантовъ, въ содержаніи подводъ, въ суточныхъ конвойныхъ, это и заставило подать прошеніе исправнику для сдѣланія представленія губернатору, прошеніе которое, вѣроятно не было отправлено по назначенію и даже содержаніе его не было сообщено губернатору. Оно не могло не смутить арестантовъ и не возбудить ихъ желанія получить настоящій, подлинный, достовѣрный отвѣтъ на это ихъ вторичное ходатайство. Мы рассчитывали, что мы вызовемъ сношеніе власти съ высшимъ начальствомъ, которое и удовлетворитъ нашу просьбу и потому рѣшили упорствовать, сказано въ показаніи Гусева. Тутъ является второе темное пятно—прямо противное закону распоряженіе вести арестантовъ пѣше-этапнымъ порядкомъ опровергается фактически тѣмъ, что всетаки ихъ рѣшено везти на лошадахъ и были припасены 18 одноконокъ и 3 тройки, слѣдовательно, тутъ что то такъ, да не такъ.

Вторая телеграмма получена, но ее не сообщили въ подлинникѣ. По словамъ Попова она строгая: предложено пригласить товарища прокурора, военнаго начальника и жандармскаго офицера для присутствованія при отправкѣ, а въ случаѣ надобности употребить военную силу. Опять неизвѣстно, такова ли телеграмма, ея нѣтъ въ дѣлѣ, но если она такова, то прочтеніе ея подѣйствовало бы, можетъ быть, какъ ушатъ холодной воды. Арестанты тягались съ недоброжелательнымъ исправникомъ, закрывающимся губернаторомъ, имъ бы прочли телеграмму губернатора, тогда бы они поразмыслили о невозможности сопротивленія. Арестанты такъ и отправились въ Ялуторовскъ, не добившись ничего.

Вслѣдъ за ними послана, по словамъ Попова, *третья* телеграмма, полученная якобы послѣ ихъ отправки, но которую арестанты приняли за вторую, за ту, которая имѣлась, но ее не хотѣли показать. Объ этой телеграммѣ По-

повъ отзывается, что онъ содержанія ея не помнитъ, значить, не важная, коль скоро онъ ее забылъ, но если такъ, то зачѣмъ-же было ее отправлять и объявлять арестантамъ, которые тоже имѣютъ о ней смутное понятіе, потому что она содержитъ отказъ. Значить, и тутъ какое то туманное пятно. Оставимъ эти недоразумѣнія.

Я вывожу изъ всѣхъ фактовъ только одно: 1) что арестанты были сильно смущены образомъ дѣйствія начальства по важному для нихъ вопросу, вопросу жизни, времени, изнуренія здоровья, продолжительнаго дурнаго питанія, 2) что они думали, что съ ними не откровенно поступаютъ и хитрятъ, что подъ именемъ губернатора, не удовлетворяютъ ихъ законныхъ требованій, 3) что по всей вѣроятности исправникъ не хотѣлъ досаждать губернатору и, дѣлая видъ, что онъ пассивный исполнитель, не довелъ до начальства о ходатайствѣ, какъ слѣдуетъ, 4) что извѣстная часть административныхъ арестантовъ, 23 человека, содержащіеся въ общей камерѣ рѣшили оказать этому, по ихъ понятіямъ, незаконному образу дѣйствія не высшаго начальства, а исправника, противодѣйствіе и сговорилась на это противодѣйствіе, 5) что противодѣйствіе принесло извѣстные плоды, потому что съ ближайшей за Тюменью станціи ихъ уже повезли довольно скоро и на весьма достаточномъ числѣ подводъ, хотя и медленно, со всевозможными дневками, 6) обращаю вниманіе на одну еще поразительную странность. Если они ѣхали съ дневками и по 20 верстъ въ день, то они были только въ Тобольскѣ, когда Тобольское начальство распорядилось дать слѣдствію ходъ по обвиненію въ одномъ изъ тягчайшихъ преступленій по 264 ст. улож.—бунтѣ; коль скоро 19-го уже начато слѣдствіе въ Тюмени, значить, оно рѣшено въ началѣ іюля. Начальство не распорядилось задержать ихъ до конца слѣдствія въ Тобольскѣ или вернуть ихъ въ Тюмень—вслѣдствіе сего и вышло, что протоколъ 9 іюня остался безъ провѣрки и, что ссыльные лишились во время производства слѣдствія всѣхъ процессуальныхъ гарантій,

которыя имъ давалъ весьма мало снисходительный для подсудимыхъ старый законъ уголовный во 2 ч. XV т.

Описавъ условія зарожденія сговора, я теперь приступаю къ самоважнѣйшему предмету, къ опредѣленію того, что условились сдѣлать тюменскіе протестанты.

Я подхожу къ самому капитальному пункту въ защитѣ, на чемъ порѣшили, о чемъ условились арестанты до дня 9-го іюня, то есть до самаго происшествія. Я нарочно отдѣляю происшествіе отъ уговора, потому что идея одно, а жизненное осуществленіе ея другое. Замыселъ найки напр. была кража, но одинъ безъ вѣдома товарищей былъ вооруженъ, а другой убилъ человѣка, котораго встрѣтилъ въ обитаемомъ жилищѣ — театрѣ кражи—или подложилъ огонь безъ вѣдома товарищей; очевидно, всѣ должны быть судимы за кражу, а нѣкоторые по одиночкѣ за разбой или поджогъ или вооруженную кражу. Такъ точно и здѣсь сговорились противодѣйствовать, положимъ пассивно, а одинъ или двое противодѣйствовали активно, побили ключниковъ. Кто побилъ, тотъ за побой отвѣчаетъ, но не всѣ остальные. И такъ забудемъ о пинкахъ, тумакахъ и т. д., не важныхъ потому, что они обошлись безъ вырванія клока волосъ у какого бы то небыло блюстителя порядка и безъ ссадинъ. Спрашивается, на что они пошли и чего должны были держаться? Является, слѣдовательно, дилемма: либо сопротивленіе т. е. бунтъ, либо послушаніе, хотябы упорнѣйшее. Для простаго человѣка оба понятія могутъ сливаться, они сливаются, когда въ простонародіи лакей говоритъ: баринъ изволитъ почивать или сторожъ у садовой калитки: здѣсь не приказано ходить. Но для юриста эти два понятія столь діаметрально противоположны, какъ *да* и *нѣтъ*, или какъ $+$ и $-$. И въ правѣ гражданскомъ есть колоссальная разница между отрицательнымъ дѣяніемъ—неисполненіемъ обязательства, напр. неплатежъ долговъ, и положительнымъ посягательствомъ на чужое имущество — кража или растрата. И въ уголовномъ цѣлая пропасть между

неисполненіемъ долга гражданина или подданнаго, къ чему могъ быть силою принуждаемъ ослушникъ, и насильственнымъ отраженіемъ властей, то есть присвоеніемъ себѣ власти, открытымъ нападениемъ силою личною на силу общественную или правительственную, то есть открытая война. Первый способъ противодѣйствія я бы назвалъ противодѣйствіемъ нравственнымъ—это противодѣйствіе косное вызываетъ власть на употребленіе силы, которой противоналагается полное бездѣйствіе. Другой способъ—противодѣйствіе физическое, насильственное. Что касается до второго способа, то я считаю совершенно излишнимъ, какъ то дѣлаютъ апелляторы, опровергать примѣненіе кассационнаго рѣшенія 1877 г. № 40, по дѣлу Боголюбова, основаннаго на различіи между сопротивленіемъ правительственнымъ властямъ и судебнымъ рѣшеніямъ. Нужно доказать, что сопротивление было условлено, послѣ чего, такъ какъ оно невозможно безъ насилія, то хотябы насиліе учинено однимъ или нѣсколькими, оно падаетъ на всѣхъ, какъ общее дѣло, сопротивление заранѣе подготовленное и уговоренное, но если былъ уговоръ на пассивное бездѣйствіе, ослушаніе, косное неисполненіе приказаній, то всякое насиліе со стороны кого нибудь изъ сговорившихся есть уже превышеніе условленное, отступленіе отъ уговора и можетъ быть только возложено на того, кто его учинилъ. Если эту мѣркую будемъ судить арестантовъ, то окажется, что и по положенію своему и по даннымъ дѣла соглашеніе состоялось только относительно противодѣйствія коснаго и отрицательнаго, а не сопротивления, которое было бы въ положеніи подсудимыхъ совершеннымъ сумасшествіемъ.

Поразсудите кто они—арестанты, то есть люди, лишенные свободы на время, пока достигнуть мѣста ссылки? Что такое лишенный свободы человекъ? Это тотъ, который живетъ съ утра до вечера не по своей волѣ, встаетъ по сигналу или барабану, ѣсть и спать въ урочные часы, держится въ 4-хъ стѣнахъ и, если вы-

водится на тюремный дворъ, то опять таки по приказанію. И теперь вопросъ шель объ исполненіи приказанія, чтобы 9 іюня арестанты добровольно вышли, добровольно вещи сложили и отправились пѣшкомъ или на подводахъ подъ конвоемъ, не вынуждая тюремщиковъ на лишній трудъ и хлопоты. Еслибы дѣло шло о сопротивленіи, то они бы устроили изъ своей камеры родъ фортеці и вооружившись не впускали бы никого въ камеру, а кто войдетъ, того по лбу скамьёю, или чѣмъ попало, а можетъ быть и ножами. Но вы знаете, какъ все случилось, ни ножей, ни палокъ въ рукахъ, игривое молчаніе, свободный доступъ. «Выходите господа» — не выходятъ, молчатъ. Тогда съ одной стороны приказъ выводить и выносить, а съ другой — характерное слово: «господа, ложитесь на койки», опять характерное: «пускай насъ какъ мертвцовъ выносятъ, будемъ лежать». О сопротивленіи не было и помину, сопротивление не имѣло бы смысла, вѣдь еслибы они вздумали сопротивляться въ стѣнахъ камеры, то ихъ бы можно взять голодомъ и жаждою. Будь у нихъ активныя намѣренія, они бы готовились бѣжать, но и приготовленій на бѣгство нѣтъ. Они только хотѣли добраться поскорѣе въ то степное губернаторство, куда и назначались. Всѣ предположенія о томъ, что затѣя обвиняемыхъ не слушаніе, а сопротивленіе, основаны на впечатлѣніяхъ переговоровъ начальства со старшиною Теселкинымъ, переговоровъ, которыя я разберу потомъ, когда буду разбирать дѣйствія одного Теселкина. Теперь же я могу считать доказаннымъ, что надобно приговоръ въ его существенной части переиначить и вмѣсто помпозной фразы, внутри пустой: оказали сопротивленіе съ цѣлью недопустить исполненія распоряженія начальства объ отправкѣ ихъ (распоряженія, заключавшагося только въ приказанія: идите и садитесь на возы, или — идите парно подъ конвоемъ), поставить — ослушались приказанія начальства отправиться добровольно своими собственными ногами въ путь на Тобольскъ. Разница гро-

мадная, вмѣсто 263 ст.—273: соглашеніе нѣсколькихъ лицъ безъ возстанія или сопротивленія не исполнять предписаніе властей. И зачинщики и простые виновники подвергаются одному наказанію въ разныхъ только степеняхъ, т. е. заключенію въ тюрьмѣ. То было постановлено 8 іюня; таковъ былъ заговоръ. Могу съ удовольствіемъ отмѣтить, что такъ опредѣлили проступокъ арестантовъ жандармскій ротмистръ Исполатовъ въ своемъ присяжномъ показаніи: ссыльные оказали полнѣйшее ослушаніе порядку отправленія. Перехожу теперь къ событіямъ 9 іюня, дабы опредѣлить, насколько замыселъ пассивнаго противодѣйствія, т. е. только одного инертнаго непослушанія, оказался на дѣлѣ невыполнимымъ.

Въ протоколѣ 9 іюня сказано: «Я (Поповъ), зная, что арестанты не выйдутъ добровольно изъ тюрьмы, а потому (по сношеніи, какъ оказалось изъ позднѣйшихъ показаній, съ тобольскимъ губернаторомъ) пригласилъ жандармскаго офицера, товарища прокурора, воинскаго начальника, тюремную администрацію, помощниковъ исправника и тюремную стражу, т. е. надзирателей или ключниковъ, усиленную полицейскими служителями. На площадкѣ передъ тюрьмою, внѣ ограды тюремной, выстроилъ конвойную команду подпоручикъ Кондратовичъ, на самомъ дворѣ въ оградѣ помѣстились съ частью караула тутъ же, не входя во дворъ, жандармскій офицеръ Исполатовъ и подполковникъ Семеновъ, начальникъ Тюменской пароходной конвойной команды. Отправивъ подлежащихъ высылкѣ въ тотъ день обыкновенныхъ уголовныхъ арестантовъ, Поповъ съ остальными должностными лицами, ключниками и полицейскими отправился къ политическимъ и не ко всѣмъ, а къ одиночкамъ, которыхъ было 23 человекъ. Кромѣ этихъ 23-хъ были еще десять человекъ семейныхъ, т. е. съ женами и дѣтьми. По словамъ тюремнаго надзирателя или ключника Кононенкова еще наканунѣ онъ провожалъ старосту Теселкина изъ камеры № 1, гдѣ были 23 молодца, туда,

гдѣ были семейные, который и просилъ, чтобы они не соединялись съ одиночками, за что, вообще, нельзя не похвалить Теселкина. Онъ не хотѣлъ, чтобы на женщинъ и на дѣтей падали послѣдствія даже той пассивной оппозиціи, которую замѣнили одиночки и которая какъ увидимъ, повлекла за собою все таки то, что многихъ изъ нихъ помани. Наконецъ, начальство съ Поповымъ во главѣ вошло въ камеру № 1 и, по словамъ помощника исправника Вакарина, помѣстилось въ глубинѣ камеры, подальше отъ входа, послѣ чего послѣдовало приказаніе Попова, встрѣченное мертвымъ молчаніемъ а не дѣятельнымъ исполненіемъ: «выходите, господа». Тутъ имѣлъ мѣсто случай, который я отмѣчу какъ весьма характерный. Изъ группы 23 отдѣлился Браунъ, подошелъ къ Попову, сказалъ, что онъ слушается, но, прибавляеть протоколъ, улыбнулся и не вышелъ сразу, но и не присоединился къ общей группѣ, кинувшейся въ одинъ уголокъ въ кучу. Эта улыбка, это спомойствіе доказываютъ, что арестанты никого не неволили: не захотѣлъ съ ними держаться Браунъ, они не имѣли къ нему претензій. Еще характернѣе показаніе надзирателя Новоселова: исправникъ заходилъ, до отправки уголовныхъ, въ камеру № 1, потомъ, послѣ отправки черезъ часъ, спросилъ: «что же, совсѣмъ не пойдете?» — «не поидемъ, а можетъ быть кто хочетъ, тотъ пусть идетъ». Тогда и отдѣлился высокій нѣмецъ и указалъ свои вещи. По показанію надзирателя Кононенкова слова: «кто желаетъ, пусть выходитъ», произнесены старостою Теселкинымъ. Они какъ разъ въ предѣлахъ уговора на пассивное противодействіе. Повидимому, уговоръ и обрывается на пассивномъ сопротивленіи; не предвидѣлось ничего дальше, потому что, когда Поповъ вмѣсто того, чтобы сказать: «выводите арестантовъ», сказалъ «выносите вещи», то между арестантами обнаружилось смятеніе. По мнѣнію Вакарина о вещахъ, должно быть, не было у политическихъ соглашенія, а слѣдовательно, и единства въ дѣйствіяхъ; одни

бросились не давать вещей, а другіе убѣждали товарищей: «оставьте вещи, не сопротивляйтесь». Къ этому моменту времени относится эпизодъ, который, если бы былъ вѣренъ, то поматнулъ бы, но все таки не уничтожилъ предположенія о уговорѣ на одно пассивное сопротивленіе; это былъ вышедшій изъ толпы крикъ, не извѣстно, кѣмъ поднятый, по словамъ протокола и г. Попова: «мы употребимъ въ дѣло ножи», а по словамъ ключника Саножникова и Петра Толкова «брать ножи», или «нужно браться за ножи». По словамъ свидѣтеля, смотрителя тюрьмы Сизыхъ, выходитъ еще сильнѣе, но и не вѣроятнѣе — «не смѣй брать вещей — будемъ защищаться ножами». Прибавляю, что два свидѣтеля Саножниковъ и Толковъ присовокупляютъ, что, когда одни кричали «брать за ножи», другіе еще сильнѣе кричали: «не надо ножей», значить, ножи не были въ уговорѣ, они могли быть на отвѣтственности тѣхъ, которые къ нимъ взывали, а таковыя не обнаружены. Но еще важнѣе то, что въ рукахъ арестантовъ не оказалось не только никакихъ ножей, но даже палокъ, полѣнъ, дубинокъ, вообще какихъ бы то ни было орудій кромѣ голыхъ рукъ, что и занесено въ протоколъ (не употребляли, не показали, да врядъ ли у нихъ таковое было). Думать объ употребленіи немедленномъ вещей, которыхъ у думающаго совсѣмъ нѣтъ, дѣло сумасшедшаго, или надо предполагать, что нѣкоторые арестанты и не думали употребить, а только хотѣли пострадать начальство неприличною, въ высшей степени неумѣстною и вредною для насъ угрозою, вслѣдствіе чего и встрѣтили сейчасъ противодѣйствіе со стороны болѣе благоразумныхъ товарищей. Поповъ утверждаетъ въ протоколѣ, что на угрозу и удары, которые носыпались на выносившихъ арестантовъ полицейскихъ, отвѣтилъ угрозою же: «я приглашу на помощь военный караулъ». Эти слова находятся въ сильномъ противорѣчьи съ показаніемъ помощника его Вакарина, весьма замѣчательнымъ, которое есть, можетъ быть, лучший документъ

слѣдствія, что, какъ только арестанты сидѣвшіе порознь по приказу выводять ихъ бросились въ одинъ уголь камеры, то исправникъ, товарищъ прокурора и смотритель тюрьмы, вѣроятно убоясь стрѣльбы (не только револьверовъ, но ножей не было и не могло быть) бросились за дверь на дворъ, такъ что вся сцена вывода арестантовъ по одиночкѣ происходила не на глазахъ у сочинителя протокола Попова.

Какъ произошло то, что сидѣвшіе и стоявшіе по одиночкѣ въ разсыпную сбились въ одну общую кучу? Есть одно весьма характерное показаніе старшаго надзирателя Пирогова, того самаго весьма простаго чловѣка, для характеристики котораго я приведу его выраженіе, что, когда онъ вынесъ одного арестанта на дворъ, то сей послѣдній, бывъ опущенъ на землю, ударилъ его въ морду. Пироговъ полагалъ, что ударилъ онъ съ намѣреніемъ. Вотъ этотъ то Пироговъ слышалъ крикъ—приказаніе арестантамъ одного изъ ихъ товарищей: «ложитесь на койки», т. е. на нары. Этотъ окликъ вполне соответствуетъ идеѣ полнаго пассивнаго сопротивленія. Но вы знаете, что такое темпераментъ, онъ беретъ верхъ надъ самыми лучшими намѣреніями. Кто то крикнулъ: «собирайтесь въ кучу». Они инстинктивно скучились въ углу между стѣною и нарами, и по словамъ Дружинина, обхватили другъ друга. Это еще не сопротивленіе, не дѣйствіе силою, не отбиваніе—но во всякомъ случаѣ упорное ослушаніе съ поставленіемъ себя въ положеніе, при которомъ исполненіе распоряженія власти о выводѣ или выносѣ ихъ было затруднено. Скученіе было внезапное, вѣроятно, инстинктивное, во всякомъ случаѣ безъ предварительнаго согласенія, что доказываетъ, что оно состоялось въ измѣненіи первоначальнаго движенія — ложиться на койки. Починъ его относится къ Теселкину и имѣетъ слѣдующую форму: якобы Теселкинъ крикнулъ: «ребята, собирайтесь въ кучу». Я сильно сомнѣваюсь и въ отнесеніи этого приказа къ Теселкину, и въ особенности въ

самой его формѣ, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Что касается до формы, то она безусловно невозможна. Теселкинъ—студентъ, въ цѣлой партіи всѣ—интеллигенты, студенты университета, демидовскаго лицея, вообще грамотные и образованные люди. Никто изъ нихъ, не только Теселкинъ, не могъ бы употребить чисто солдатскаго специально техническаго выраженія «ребята». Оно понятно на устахъ офицера и только къ солдатамъ, оно понятно у солдатъ между собою; но Теселкинъ, если бы окликалъ товарищей, то не могъ бы иначе выразиться какъ: «господа, сомкнемся въ кучу» или «станемъ другъ возлѣ друга». Съ другой стороны, замѣтимъ, что эти слова передаютъ, какъ слышанныя, немногіе: ключникъ Сапожниковъ, вошедшій въ камеру, когда *кто-то* кричалъ: «ребята, собирайтесь въ кучу, не давайтесь», да ключникъ Копаненковъ, который относить къ старостѣ Теселкину слова: «ребята, собирайтесь въ кучу и не дадимся въ руки».

Вѣроятно, никто бы не придалъ этому одному отзыву рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что между арестантами Теселкинъ, какъ староста, былъ всегда на виду, если бы не то, что его прямо обвиняетъ главный уличитель всѣхъ въ этой исторіи—исправникъ Поповъ, но какъ и при какихъ обстоятельствахъ обвиняетъ, вотъ вопросъ.

Поповъ составилъ протоколъ 9 іюня, который подтвердилъ почти въ тѣхъ же словахъ въ присяжномъ показаніи 24 іюля 1888 года. Въ нихъ нѣтъ ни слова про Теселкина, ни даже и про окликъ: «ребята собирайтесь въ кучу», но записанъ фактъ, который прошу запомнить: «уже на дворѣ или на плацу, значить, по оцѣплени конвоемъ, арестанты кричали мнѣ на ходу такъ, чтобы нельзя было замѣтить кто кричитъ: исправникъ, это вы приказали увѣчить людей—вы хуже башибузука». Затѣмъ уже 14 октября 1888 года, при осмотрѣ фотографическихъ карточекъ, съ Попова снято новое, уже безъ присяги, дополнительное показаніе, въ

которомъ онъ, обвиняя Теселкина прямо, какъ зачинающа, чего прежде не дѣлалъ, ставить ему въ укоръ *во-первыхъ*, что это «онъ былъ столь дерзокъ, что подбѣжалъ ко мнѣ съ кулакомъ и обозвалъ меня башибузукомъ» (слѣдовательно, прямо противно прежнему показанію о незнаніи, кто назвалъ его башибузукомъ). О такомъ противорѣчіи Поповъ не спрошенъ, почему онъ либо въ протоколѣ такой важный фактъ промолчалъ, либо въ показаніи позднѣйшемъ впалъ въ противорѣчіе съ прежнимъ. Несомнѣнно, что съ іюля по октябрь Поповъ въ своемъ отношеніи къ Теселкину измѣнился, вслѣдствіе чего, я не знаю, можетъ быть, вслѣдствіе непріятностей, которыя это начавшееся дѣло принесло ему по службѣ. Я готовъ вѣрить, что Теселкинъ учинилъ проступокъ новый, независимый отъ непослушанія, т. е. проступокъ оскорбленія должностнаго лица по поводу исполненія служебныхъ обязанностей, назвавъ его башибузукомъ, и что это обстоятельство усилило недобрую о немъ память у Попова, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы должны были вѣрить отнесеннымъ къ нему словамъ—собираться въ кучу. Именно потому, что Теселкинъ у всѣхъ былъ на виду и, что и въ глазахъ Попова онъ былъ отвѣтственное за всѣхъ лицо, то, если бы предложеніе было, его бы не преминулъ занести Поповъ въ протоколъ. Гораздо правдоподобнѣе объясненіе слѣдующее. Инстинктивно арестанты бросились въ кучу, обыкновенно какъ стадо собирается вокругъ старшаго быка или коня, или птенцы вокругъ курицы, такъ и они сплотились около своего старосты, и только тогда, рассказываетъ Дружининъ, когда нижніе чины хотѣли вырвать изъ этой среды первымъ старосту, вся партія помимо его закричала: «не смѣй трогать», послѣ чего были нанесены первые побои.

Тактика надзирателей или ключниковъ заключалась въ слѣдующемъ. «Мы замѣтили, говоритъ Вакаринъ, что свади за политическими въ углу есть пустое мѣсто, мы и отправили служителей чрезъ нары въ обходъ

группы; служители стали напирать и подпихивать къ дверямъ, гдѣ другіе служители брали подпихиваемыхъ по одиночѣ и выводили или выносили ихъ такимъ образомъ на дворъ, неся вдвоемъ или втроемъ одного». Такъ точно описываетъ операцію и Сизыхъ. Что касается до результатовъ, то надо рѣшить, было ли оно побоище, по смыслу обвиненія, или избіеніе, по смыслу защиты. Я думаю, что не всѣ падали и представляли собою барановъ, которыхъ берутъ на плечи и несутъ — многіе соблюли форму насильственного ихъ удаленія и, подчиняясь превосходящей силѣ, пошли собственными своими ногами. Но были изъятія, была и частичная встрепца; выносимые махали руками и ногами и брыкались, да и тѣ, которые ихъ выносили, не смотря на всѣ увѣренія и наставленія Попова и др., чтобы съ арестантами поступать вѣжливо и деликатно, не были способны деликатничать, а давали волю рукамъ, привыкшимъ не стѣсняться и усердствовать передъ начальствомъ. При этой встрепкѣ случалось, что и выносимый на рукахъ ударилъ когонибудь изъ выносившихъ въ грудь, спину или бокъ рукою или каблукомъ, что и было причиною, что его крутили, но бывало и наоборотъ, что онъ получалъ подзатыльники за то, что онъ давилъ или скручивалъ руки у своего пациента. Не могу не привести крошечнаго отрывка изъ показанія ключника Шахматова. «Когда я вынесъ послѣдняго арестанта и положилъ на плацу на землю, то онъ погнался за мною и пхнулъ ногою въ задницу: экій ты сукинъ сынъ, какъ берешь не осторожно». Вопросъ о томъ, которая сторона была въ авантажъ отъ этой встрепки рѣшается очень просто перечнемъ 22 арестантовъ и около 40 бравшихъ ихъ.

Изъ показанія врача Преображенскаго видно, что еще наканунѣ арестанты предвидѣли, что ихъ побьютъ, они говорили: вамъ будетъ, докторъ, много работы, насъ будутъ вытаскивать, потребуются перевязки. И готовилъ докторъ перевязки, впрочемъ, налагать ихъ не пришлось, однако и безъ перевязокъ нѣкоторые арестанты постра-

дали, а именно, въ особенности трое—Өаддѣевъ, Смирновъ и Презовъ.

Өаддѣеву свернули шею, говоритъ Яковлевъ, сдавили горло, говоритъ Смирновъ; по словамъ Романченко, его вынесли въ безчувственномъ почти состояніи. Самъ Өаддѣевъ 23 лѣтъ, солдатскій сынъ, ученикъ Кубанской гимназіи, говоритъ, — что ему сдавили шею такъ, что онъ лежалъ у воротъ на землѣ и не могъ прійти въ себя. Съ Смирновымъ было хуже. По показаніямъ его и 4-хъ его товарищей, три надзирателя давили его за шею, скрутили ноги и руки, такъ что на крыльцѣ, ведущемъ на дворъ, исправникъ крикнулъ на несшихъ «что вы дѣлаете скоты, мерзавцы, бросьте». Его и положили тутъ на крыльцѣ.

Степанъ Презовъ, мѣщанинъ, говоритъ: «у меня струилась съ шеи кровь». По словамъ Романченко, Презова вытолкали съ разорванной рубашкой и съ ссадинами на шеѣ.

Пострадавшихъ арестантовъ въ сущности немного и, такъ какъ каждый имѣлъ противъ себя нѣсколькихъ противниковъ заразъ, то понятно, что обвиненія ихъ общія, безличныя, но что всего удивительнѣе, что изъ совокупности бравшихъ и выносившихъ ключниковъ всѣ говорили, что били ихъ по рукамъ, что арестанты махали руками, отбивались; получившихъ удары сколько нибудь чувствительные всего только 7 человекъ, да и тѣ 7 не могли сказать ни отъ кого они ихъ получили, хотя арестантовъ они выносили по одиночкѣ, ни того, были ли удары намѣренные или ненамѣренные.

Въ числѣ пострадавшихъ заявляютъ о своихъ ударахъ два начальника: помощникъ исправника Вакаринъ въ моментъ, когда арестанты вскакивали на нары столпившись, получилъ отъ кого то ударъ по плечу, что ему нисколько не помѣшало не только участвовать въ выводѣ, но и сопровождать арестантовъ вплоть до Ялutorовска. Помощникъ смотрителя тюрьмы Дружининъ стоялъ возлѣ дверей въ то время, когда ключники друж-

ною цѣпью нажимали арестантовъ къ двери съ тѣмъ, чтобы всю партію вышкаты за дверь. Кто то пхнулъ его въ ногу; Дружининъ самъ не вполне увѣренъ, кто именно, онъ полагаетъ, что это не изъ напирającychъ, а изъ сопротивляющихся выводу. Всѣ ключники указали на полицейскаго унтеръ-офицера Никифорова, какъ на наиболѣе пострадавшаго. Самъ Никифоровъ описываетъ это дѣло такъ: «я залѣзъ за нару забирать вещи, на нары же вскочилъ одинъ арестантъ и столкнулъ меня, тогда я упалъ въ толпу арестантовъ, но никто впрочемъ не причинилъ мнѣ поврежденія». Городовой Ожогинъ получилъ ударъ въ плечо; ключникъ Шахматовъ говоритъ: одинъ арестантъ, вырывая ногу, ударилъ меня сильно въ грудь, такъ что я почувствовалъ боль. Самъ рассказъ свидѣтельствуеетъ о ненамѣренности удара. Кто то ударилъ разъ ключника Копаненкова. Есть еще одно и уже послѣднее свидѣтельское показаніе того, кто употребилъ слово «мою морду»; я его не приводилъ бы, если бы оно не было занесено во всей его грубости въ приговоръ. Пироговъ, старшій надзиратель, имѣетъ двоякую претензію: 1) когда онъ залѣзъ по приказанію Попова на нары забирать вещи, то на него накинута челоуѣкъ 5 спихивать, «одинъ схватилъ меня за яйца, съ намѣреніемъ ли—не знаю, но съ тѣмъ, чтобы сбросить меня съ наръ»; 2) «когда я, вынося одного арестанта на дворъ опустилъ его на землю, то онъ ударилъ меня въ морду». И такъ, въ концѣ концовъ, ни одного синяка, ни одной ссадины, ни одной не только перевязки, но и освидѣтельствованія. Я понимаю, почему не освидѣтельствовывали даже Презова, у котораго сочилась кровь, но малѣйшее поврежденіе чиновъ было бы освидѣтельствовано, какъ вещественное доказательство насилія и рана, хотя бы легкая, при исполненіи раненными обязанностей службы.

Все, что за тѣмъ слѣдовало, можно бы рассказать въ нѣсколькихъ словахъ. Я не касаюсь эпизодовъ съ обращеніемъ къ уголовнымъ арестантамъ и съ доскою,

которою будто бы замахивался одинъ арестантъ: они были разобраны защитниками Смирнова и Чумаевскаго. Всѣ выносимые или выводимые, по словамъ подпоручика Семенова, тутъ же на дворѣ ложились наземь, какъ онъ полагалъ, отъ усталости вслѣдствіе сопротивленія. Ихъ пришлось по одиночкѣ выводить и выносить со двора на плацъ передъ тюрьмою. Я признаю, что они ругались, но ругань это особая статья, поношеніе властей—оскорбленіе, а не сопротивленіе; языкъ не есть орудіе сопротивленія или насилія, а только обиды: «сеledки, сволочь, башибузуки, жестокіе, безчеловѣчныя»— все это произносилось съ одной стороны; я не думаю, чтобы бездѣйствовали языки и съ другой. Подпоручикъ Кондратовичъ удостовѣряетъ, что возбужденіе было общее съ обѣихъ сторонъ, и что конвойные, которые конечно были только зрителями, потому что за каждый ударъ могли отвѣтить прикладами и штыками, волновались и нѣкоторыхъ изъ нихъ обуяла дрожь.

Затѣмъ вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда ставится ребромъ вопросъ, что дальше дѣлать, арестанты вынесены, подталкивать ли ихъ штыками и прикладами, чтобы они шли или сажать, какъ вещи, на повозки, наступила неожиданно, внезапно развязка, доказавшая, что съ людьми даже и раздраженными легко справиться и уломать ихъ, употребляя только соотвѣтствующіе приемы.

Изъ протокола 9 іюня и изъ показанія Сизыхъ видно, что когда по желанію арестантовъ выведенный на плацъ староста спросилъ исправника, пойдутъ ли съ ними семейные, исправникъ отвѣчалъ: «всѣ пойдутъ и семейные, и холостые, если холостые не будутъ противиться своему отправленію». Тогда арестанты заявили, что они пойдутъ не ради себя, а чтобы избавить своихъ барынь отъ неприятностей. Семейные были опрошены, они согласились, ихъ вывели всего 10 человекъ, и тогда всѣ 33 двинулись въ путь. Единственные слѣды непослушанія приказаніямъ или ослушанія, съ которымъ по-

мирилось и начальство, были тѣ, что 1) арестанты не отвѣчали на переключку, такъ что сданы были конвоем по счету и 2) что сказали, пойдѣмъ пѣшкомъ, хотябы мы уморились отъ ходьбы. Онъ сказалъ — «какъ угодно». До первой станціи продолжалось это упорство, ходьба и усталость расколедили упрямое постановленіе, тѣмъ болѣе, что и подводы даны были, какъ и слѣдовало, удобные, троечные, въ надлежащемъ количествѣ.

Вотъ и вся, рѣшительно вся исторія. Ея основаніе составляетъ коллективное, по уговору, неисполненіе приказанія власти, завѣдывавшей передвиженіемъ ссыльныхъ, т. е. послушаніе; для уломанія послушниковъ употреблена была властями матеріальная сила, при ея употребленіи не всею толпою, а отдѣльными лицами, не обнаруженными точною по недостаточности слѣдствія, проявлены выходившіе за предѣлы уговора и такимъ образомъ могущіе быть поставленными въ вину приемы, либо предохраненія себя силою же отъ насилія, либо поношенія и оскорбленія исполнителей предписаній властей словами и даже дѣйствіемъ, напр. ударами, причѣмъ не установлено, были ли это удары умышленные или ненамѣренные, какъ въ дракѣ или свалкѣ, когда движенія рукъ и ногъ производятъ удары, куда попало и какъ попало. Въ совокупности, всѣ вообще 22 арестанта должны быть подведены по характеру уговора подъ 273 ст. улож.; тѣ, которые виновны въ ругательствахъ, за эти ругательства не судились, и такъ какъ съ этой стороны приговоръ не опротестованъ, то они и судимы быть не могутъ. За свои самостоятельные акты насилія противъ исполненія приказаній начальства виновные должны быть судимы по одиночкѣ. Ихъ теперь въ сенатѣ только трое, изъ коихъ я защищаю только одного Теселкина. Я и беру теперь его, только одного его и прослѣжу, на сколько онъ можетъ быть судимъ либо какъ зачинщикъ въ уговорѣ сообща съ другими сговорившимися, либо, какъ лицо сверхъ уговора совершившее еще какія либо противозаконныя дѣйствія.

Главная и, можно сказать, единственная причина того, что Теселкинъ отвѣчаетъ свѣше всѣхъ товарищей и попалъ въ каторжныя работы заключается только въ томъ, что независимо отъ своей воли онъ состоялъ старостою въ той партіи, которая оказала послушаніе начальству. Напрасно бы мы искали въ законахъ, что такое арестантскій староста, какое его званіе, какія его права, обязанности, отвѣтственность. Званіе по обычаю, оно основывается на приѣмѣ, испоконъ вѣка употребляемомъ у насъ властью, когда она должна справляться съ толпою, самой ставить и заставлять хотя-бы и поневолѣ избирать отвѣтственное лицо, которое считается якобы властью имѣющимъ и повиннымъ за все то, что въ толпѣ происходитъ. Это правило китайское, но оно не уголовное, не наше. Оно основано на предубѣжденіи или предразсудѣ, что, чтобы въ толпѣ ни произошло исходить отъ поставленнаго въ начальники, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ только есть выборный слуга толпы, уполномоченный тѣхъ, которые его выбрали радѣть о интересахъ толпы, ихъ обязательный защитникъ, который бы потерялъ всякое ихъ уваженіе и даже можетъ быть испытанъ бы непріятности, еслибы ихъ не защищалъ. Вы не можете отвергать этой двойственности, онъ старшина и якобы начальникъ, онъ выборный представитель и якобы слуга (*servus servorum Dei*, какъ называетъ себя Папа). Чѣмъ же его считать въ каждомъ отдѣльномъ его дѣйствіи? Слѣдуетъ по одиночкѣ разобрать, какому типу оно соответствуетъ и, если окажется, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, безъ предвзятой мысли разсмотрѣнныхъ, сквозить не невозможная въ положеніи арестанта—невольнаго человѣка угодливость начальству, которой онъ имѣть не можетъ, какъ не служащій, а простая заботливость о судьбѣ товарищей съ признаніемъ своей отвѣтственности предъ ними, отвѣтственности, не только матеріальной, но и, главное, нравственной, то вы должны будете низвести его съ высокаго ранга зачинщика. Вы бы сами отнес-

лись къ нему съ презрѣніемъ, еслибы онъ не являлъ себя усерднымъ уполномоченнымъ, пекущимся о добрѣ своихъ довѣрителей. Желаніе ѣхать на пароходъ было общее, основано оно было на томъ, что такъ всегда ѣздили арестанты и, по словамъ Дружинина, только въ предыдущемъ году послѣдовало иное распоряженіе. Начинаются по поводу отправки переговоры между исправникомъ Поповымъ и представителемъ партіи Теселкинымъ и корреспонденція съ Тобольскомъ бумагами и телеграммами. Въ своемъ послѣднемъ показаніи, столь неблагоприятномъ для Теселкина, Поповъ отзывается о немъ, какъ о зачинщикѣ потому, что 8 іюня онъ сказалъ: добровольно не пойдёмъ—значить не я не пойду, а они не пойдутъ, ихъ не убѣдишь, а съ ними не пойду и я. Что касается до другой фразы хлесткой, якобы сказанной Теселкинымъ, «намъ хочется попробовать вашихъ штыевъ»,—то позвольте мнѣ весьма и весьма усомниться, была ли она произнесена и такъ ли была произнесена. Штыки имѣеть только конвой; разъ арестанты будутъ подъ конвоемъ, то дѣлу и конецъ,—весь вопросъ будетъ въ томъ, что они добровольно не пойдутъ изъ тюрьмы подъ конвой. Очень можетъ быть, что изображая рѣшимость товарищей, которой хотя бы онъ ее не раздѣлялъ, но долженъ былъ бы съ нею считаться, Теселкинъ сказалъ: «товарищи добровольно не пойдутъ», а надо будетъ ихъ заставить силою, заставить штыками, въ смыслѣ общеупотребительнаго выраженія для обозначенія вооруженной силы. Во всякомъ случаѣ, Теселкинъ былъ только вѣрнымъ передатчикомъ намѣреній товарищей, и его слова тѣмъ были хороши, что разъяснили Попову положеніе вещей, заставили его пригласить и военную, на всякій случай, команду. Тотъ разговоръ, который подслушалъ 8 іюня надзиратель Сапожниковъ: «надо заколотить дверь и не пускать начальства»—могъ быть между болѣе горячими арестантами, но очевидно уступилъ болѣе благоразумнымъ внушеніямъ старшихъ, вѣроятно Теселкина. Врачу Преображенскому

арестанты, а не Теселкинъ, говорили, что надо готовить перевязки, насъ будутъ вытаскивать—даказательство, что волненіе было всеобщее, противъ котораго Теселкину нечего было подѣлать, хожденіе Теселкина набабуну т. е. 8 іюня къ семейнымъ, чтобы выдѣлить ихъ изъ участія, свидѣтельствуеть только въ его пользу: выдѣленіе 10 человекъ изъ общаго числа 33 уменьшило движеніе; вотъ почему, если остановиться на сути дѣла, надо признать, что показаніе объ этомъ разговорѣ выворочено на изнанку: имъ надо бы соединиться, ловчѣе будетъ, — а между тѣмъ онъ совѣтуетъ не соединяться а отдѣлиться, и активное сопротивленіе не затѣяно,—значить только стражникамъ и полицейскимъ ловчѣе стало справляться и выводить или выносить 23 человекъ вмѣсто 33. Я уже имѣлъ случай объяснять, что 9 іюня всѣ арестанты отвѣтили хоромъ—не пойдемъ и всѣ затѣмъ молчали,—какія были потомъ колебанія отъ неожиданности, когда кто-то закричалъ, собирайтесь въ кучу! Я уже старался доказать, что этотъ человекъ не могъ быть Теселкинъ и что приписываемыя ему слова «ребята» совсѣмъ неправдоподобны и невозможны. Но еслибы и были тѣ слова произнесены, то были бы они сигналомъ, выходящимъ изъ программы, произнесеннымъ по внезапному побужденію, и онъ могъ бы быть признанъ по 12 ст. улож. распоряжавшимся и управлявшимъ дѣйствіемъ другихъ безъ предварительнаго соглашенія, а не зачинщикомъ; при томъ это распоряженіе не выводило на путь насильственного сопротивленія, оно только затрудняло усилія преодолевающихъ пассивное инертное, упорное послушаніе. Затѣмъ по показаніямъ свидѣтелей Теселкинъ былъ изъ первыхъ удаленъ на дворъ. Онъ показалъ при слѣдствіи, что былъ только выведенъ а не вынесенъ — онъ былъ выведенъ на дворъ, а затѣмъ на плацъ.

Тутъ въ приговорѣ выдвинуто противъ него какъ особенно уличающее, показаніе подпоручика Кондратовича, который якобы удостовѣряеть, что Теселкинъ былъ

всему дѣлу глава и заправитель. Я возражаю противъ условій, въ которыхъ находился Кондратовичъ для правильнаго наблюденія. Этотъ господинъ напрашивался самъ, еще не зная, что происходитъ въ тюрьмѣ, вести туда на выручку, когда не требовался вовсе военный караулъ; онъ слишкомъ усердный человѣкъ. Потому онъ видѣлъ только конецъ исторіи, когда собственно все было кончено, а того, что было въ тюрьмѣ и во дворѣ, онъ не видалъ; онъ видѣлъ не дѣйствія а дальнейшія послѣдствія дѣйствій, да и что собственно онъ ставитъ Теселкину на его счетъ? Во первыхъ отвѣтъ его рѣзкій ему, Кондратовичу на требованіе откликаться при перекличкѣ: «Вамъ сказано, что мы вамъ говорить не хотимъ.» Это слово раздраженнаго видамъ, что дѣлалось вокругъ, а не спокойнаго заправицы; оно даже не оскорбительно, оно входитъ въ программу пассивнаго послушанія. Во вторыхъ слова къ Попову: «Вы дѣйствовали, какъ порядочному человѣку не слѣдуетъ дѣйствовать—какъ башибузукъ» —согласенъ, судите-же его, какъ оскорбителя, но какая же связь между изліяніемъ чувства и намѣренностью всего плана кампаніи, въ которой сговорившіеся шли сознательно на избіеніе или трешку. И не смотря на эти слова къ Теселкину продолжаютъ относиться, какъ къ старостѣ, держать его на особомъ положеніи, употребляютъ его, съ нимъ ведетъ переговоры товарищъ прокурора. Самъ этотъ разговоръ новымъ пудовымъ камнемъ ложится на Теселкина, какъ на зачинщика. По словамъ врача Преображенскаго, когда уже арестанты либо стояли либо лежали, оцѣпленные на плацу предъ тюрьмою, Теселкинъ заявилъ, что арестанты все равно не пойдутъ съ мѣста оцѣпленія и будутъ упорствовать. Эти слова доказываютъ только, что Теселкинъ не былъ ни заправилою, ни пророкомъ, что онъ не слѣдилъ за тѣмъ и не предугадалъ, что дѣлалось въ душѣ у товарищей, что они уже рѣшили прекратить сопротивленіе. Онъ еще продолжалъ говорить—они не пойдутъ, а они идутъ на капитуляцію и говорятъ, что если къ намъ выведутъ

семейныхъ, то ради нашихъ барынь и мы пойдемъ. Если бы Теселкинъ былъ зачинщикомъ сопротивленія, то онъ бы воспротивился этой мировой, но изъ протокола 9 іюня видно, что этотъ староста, обозвавшій исправника башибузукомъ и предсказывавшій, что товарищи будутъ сопротивляться, какъ только узналъ, что товарищи идутъ на мировую, тотчасъ заявилъ, что для убѣжденія семейныхъ пойдетъ къ нимъ усовѣщивать ихъ, послѣ чего отправился съ товарищемъ прокурора и исправникомъ и успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Дѣло пошло, какъ по маслу—оно сладилось въ въ одинъ мигъ. Теселкинъ не только не заслуживаетъ порицанія за свой образъ дѣствій, но заслуживаетъ еще похвалы за то, что онъ зло по возможности сдѣлалъ меньшимъ, чѣмъ бы оно быть могло. Такъ или иначе, зачинщикъ или не зачинщикъ, онъ по свойству своей вины могъ бы быть подведенъ не подъ 266 ст. а подъ 273 ст. улож.

Правительствующій сенатъ *опредѣлилъ*: I, рѣшеніе Тобольскаго губернскаго суда, 22—23 ноября 1888 г. по сему дѣлу состоявшаеся, въ отношеніи Теселкина, Смирнова и Чумаевскаго отмѣнить и, признавъ ихъ виновными въ сопротивленіи, съ насиліемъ, административному и тюремному начальству г. Тюмени, оказанномъ ими 9-го іюня 1888 г. по поводу распоряженія объ отправкѣ ихъ въ тотъ день изъ Тюменскаго тюремнаго замка этапнымъ порядкомъ въ мѣста, назначенныя имъ для жительства подъ надворомъ полиціи, на основаніи 271 149, 1 ст. 36 ст. улож., лишить нѣкоторыхъ, на основаніи 50 ст. улож. правъ и преимуществъ и заключить въ тюрьмѣ: Теселкина на 2 года, а Смирнова и Чумаевскаго на одинъ годъ и 4 мѣсяца и II, прочія части приговора суда, какъ ревизіи правительствующаго сената не подлежащія, оставить безъ разсмотрѣнія, указавъ суду на неправильное прижѣненіе имъ по этому дѣлу 264 ст. уложенія; о чемъ для исполненія и объявленія Теселкину, Смирнову и Чумаевскому Тобольскому губернскому суду съ возвращеніемъ дѣла дать знать указомъ.

Дѣло персидскаго принца Кейкубата Мирзы-Дехманъ-Мирзы.

10-го марта 1887 г. слѣдователь г. Шуши, Шафрановскій, совместно съ полицейскимъ приставомъ Меликовымъ, низшими полицейскими агентами и понятыми, явился въ 9 ч. в. въ домъ Гасанъ-Али-Мамедъ-оглы и по обыску нашель у него фальшивыя монеты: одну двадцатикопѣечную, 26 пятнадцатикопѣечнаго достоинства, три мелкія персидскія монеты и машинку для выдѣлки этихъ монетъ; монеты эти кавались грубо сдѣланными изъ олова. Кромѣ хозяина дома, тамъ застали еще Мовеумъ-Машиди-Микаилъ-оглы и молодого персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзу, который на вопросъ слѣдователя заявилъ, что пришелъ къ Гасанъ-Али за заказанной ему папачой. Гасанъ-Али и Мовеумъ были заключены подъ стражу, а относительно Кейкубатъ-Мирзы никакого матеріала для обвиненія не было обнаружено. Затѣмъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ одинъ изъ свидѣтелей заявилъ, что жена Гасана-Али говорила ему, что монета чеканится въ ихъ домѣ, что это дѣлается, обыкновенно, въ холодную и темную ночь, когда слѣдователь и полицейскій обходъ бездѣйствуютъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ принимаютъ Мовеумъ и принцъ Кейкубатъ-Мирза, который доставляетъ настоящія персидскія монеты для образца при отливкѣ персидскихъ монетъ и чистое серебро для дачи звонкости монетамъ. Но такъ какъ никакихъ настоящихъ монетъ ни русскихъ, ни персидскихъ у Гасана-Али не было найдено и монеты отлиты были изъ чистаго олова безъ примѣси серебра, то слѣдователь не нашель основанія для привлеченія принца Кейкубата-Мирзы не только въ качествѣ обвиняемаго, но и свидѣтеля. Въ такомъ положеніи было дѣло до 19-го октября, когда состоялось постановленіе слѣдователя о привлеченіи Кейкубата-Мирзы въ качествѣ обвиняемаго

и онъ въ тотъ-же день былъ взятъ изъ реального училища и заключенъ въ тюрьму.

Настоящее дѣло было рассмотрѣно 16-го июня 1888 г. въ Елизаветпольскомъ окружномъ судѣ и судъ переходя къ обсужденію вопроса о виновности принца Кейкубатъ-Мирзы нашелъ, что 1) въ обвинительномъ актѣ къ обвиненію его приведены слѣдующія основанія: объясненія свидѣтелей Салдаты — на предварительномъ слѣдствіи, — Алифа и др., а также объясненіе подс. Гасанъ-Али, которые говорили, будто принцъ ходилъ къ Гасанъ-Али не за папачою, а для фабрикаціи денегъ; 2) прокурорская власть, по логическимъ соображеніямъ, находить, что, хотя Гасанъ-Али шапочникъ по ремеслу, но далеко не изъ лучшихъ и далеко не единственный въ городѣ и къ тому давно бросившій это занятіе; принцу-же, какъ члену семьи, весьма достаточной въ матеріальномъ отношеніи, и ученику реального училища, незачѣмъ было носить папачу и таковую заказывать какому-то бродячему шапочнику Гасанъ-Али, когда въ городѣ масса другихъ болѣе искусныхъ въ этомъ дѣлѣ мастеровъ. Затѣмъ прокурорская власть находить, что если даже допустить, что принцемъ была заказана папача, то всеже въ такую скверную погоду, поздно вечеромъ, незачѣмъ было ему лично приходить за папачою, когда у него, принца, въ домѣ нѣсколько кучеровъ и незачѣмъ было ему, принцу, приходить за папачою послѣ праздника Новрузъ байрама (9-го марта). Въ заключеніе-же къ обвиненію принца приводится то обстоятельство, что при обыскѣ въ домѣ Гасанъ-Али были обнаружены свѣже-отлитыя монеты, что ясно доказываетъ, по мнѣнію обвинительной власти, что Кейкубатъ-Мирза присутствовалъ при самой фабрикаціи монетъ. Разбирая приведенныя въ обвинительномъ актѣ данныя къ обвиненію Кейкубатъ-Мирзы и выслушавъ судебное слѣдствіе, судъ нашелъ, что виновность его въ этомъ дѣлѣ является ничѣмъ недоказанною.

На приговоръ окружного суда товар. прокурора Редезко подалъ апелляціонный протестъ, а подсуд. Гасанъ-Али-Мамедъ-оглы и Мовеумъ-Маишаді — апелляціонные отзывы, и дѣло слушалось въ Тифлисской судебной палатѣ 27-го апрѣля 1889 года. Судебная палата опредѣлила: приговоръ Елизаветпольскаго окружного суда по отношенію къ Гасанъ-Али-Мамедъ-оглы и Мовеума-Маишаді-Микаилъ-оглы утвердить, апелляціонные отзывы ихъ оставить безъ послѣдствій, персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзу признать виновнымъ въ выдѣлкѣ совместно съ другими лицами фальшивыхъ монетъ русскаго и персидскаго чекановъ и подвергнуть Кейкубата-Мирзу, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца.

На приговоръ палаты принесены были кассационныя жалобы подсудимымъ Гасанъ-Али-Мамедъ-оглы и защитникомъ принца Кейкубата-Мирзы пр. пов. Карабеговымъ, доводы которыхъ поддерживалъ и развивалъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената 14 октября 1889 г. пр. пов. В. Д. Спасовичъ.

Когда 14-го октября сего года я защищалъ это-же дѣло въ 4-мъ отдѣленіи департамента, прокурорскій надзоръ въ лицѣ тов. оберъ-прокурора Поскочина требовалъ прямой кассациіи рѣшенія палаты, а такъ какъ имѣлся въ виду неотразимый для 4-го отдѣленія прецедентъ въ видѣ рѣшенія того-же отдѣленія по исполнѣ аналогичному дѣлу, состоявшемуся два года тому назадъ, 27-го октября 1887 года,—по дѣлу Аги-Али Аскеръ-Машади-Измаиль-оглы, приложенному къ поддерживаемой мною кассационной жалобѣ, то я могъ-бы достигнуть отмѣны приговора Тифлисской палаты тогда-же, т. е. 14-го октября. Рѣшеніе по дѣлу Аги-Али гласитъ, что когда окружной судъ оправдалъ подсудимаго, а осудила его только палата, то палата въ своемъ приговорѣ должна, по крайней мѣрѣ, обсудить и опровергнуть доводы и факты, на которыхъ основанъ былъ оправдательный приговоръ, но не властна отвернуться отъ нихъ и игнорировать ихъ, какъ будто-бы приговоръ окружнаго суда вовсе не существовалъ. Не знаю, хорошо-ли я сдѣлалъ, но я рѣшился ходатайствовать о перенесеніи дѣла въ департаментъ и достигъ этого результата. Рѣшенія отдѣленія, думалъ я, не публикуются, они пропадаютъ безслѣдно, корпоративный духъ въ тифлисской магистратурѣ,—я говорю по опыту,—столь силенъ, что если дѣло будетъ передано въ другой департаментъ палаты, она воспроизведетъ прежнее рѣшеніе, можетъ быть, тѣми-же словами, оформивъ только для виду его недостатки неубѣдительнымъ и голымъ отрицаніемъ мотивовъ рѣшенія окружнаго суда. Не очень давно я являлся въ отдѣленіе по тифлисскому дѣлу Ахтозарова. Въ первый разъ палатское рѣшеніе было отмѣнено по нарушенію существенныхъ формъ судопроизводства и передано въ другой департаментъ, который дословно переписалъ отмѣненное рѣшеніе и это рѣшеніе сошло, и сенатъ не нашелъ ничего даже страннаго въ такомъ плагиатѣ, въ томъ, что палата, призванная судить, т. е. мыслить самостоятельно, удовольствовалась тѣмъ, что было сработано чужими го-

ловами. Есть еще и другая причина, по которой я хлопоталъ о переносѣ дѣла въ департаментъ. Дѣло Кейкубата особенное, специальное, по которому можно доказать, что онъ пострадалъ не только отъ оставленія безъ обсужденія оправдательнаго приговора окружнаго суда, но и отъ того, что приговоръ о немъ постановленъ съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ о силѣ доказательствъ, выработанныхъ опытомъ вѣковъ, т. е. общихъ юридическихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ столь необходимыхъ, что предсѣдатель обязанъ ихъ объяснить присяжнымъ по 801 ст. у. у. с., основаній, которыя обязательны для суда и въ томъ случаѣ, если онъ разрѣшаетъ дѣло и безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

И такъ я утверждаю, что я добиваюсь отмѣны приговора по дурной мотивировкѣ, которая въ приговорахъ выражается двояко, а именно: и въ томъ, что мотивы противны юридическимъ основаніямъ сужденія о силѣ доказательствъ, и въ томъ, что эти-же мотивы совсѣмъ не соображены съ мотивами низшей инстанціи.

Гг. сенаторы! первый признакъ цивилизаціи въ дѣлѣ суда тотъ, чтобы подсудимый не былъ не только наказанъ, но и признанъ виновнымъ въ преступленіи по прихоти, по произволу, а только правомѣрно и на законномъ основаніи. Это требованіе законности суда и устраненія произвола послужило, какъ извѣстно, основаніемъ къ установленію теоріи законныхъ, т. е. формальныхъ доказательствъ, которая просуществовала полтора столѣтія, — отъ воинскаго артикула Петра I до судебныхъ уставовъ Александра II.

Въ свое время сильна была эта система; она направлена была къ добытію и исторженію отъ подсудимаго всевозможными путями лучшаго на свѣтѣ доказательства преступности — собственнаго признанія обвиняемаго, хотя-бы посредствомъ застѣнка или пытки. Со смягченіемъ нравовъ, съ торжествомъ просвѣтительныхъ началъ, пытка была упразднена, какъ безчеловѣчное средство; образовался пробѣлъ, котораго не могло замѣ-

ститъ поставленное на его мѣсто доказательство по совокупности уликъ. Юстиція стала слаба, сдѣлалась, такъ сказать, беззубая, не соответствовала своей задачѣ. Судебная реформа 1864 г. сказала свое слово: она отмѣнила, какъ сказано, въ основныхъ положеніяхъ 29-го сентября 1862 г., теорію доказательствъ, основанную единственно на ихъ формальности. Старая укоренившаяся привычка весьма живуча: она какъ гидра — головы у нея отрастають, сколько ни отсѣкай. Мы-бы и до сихъ поръ, можетъ быть, не отдѣлались отъ привычки судить, дѣйствуя чисто механически, если-бы законодатель не употребилъ наирадикальнѣйшаго средства, если-бы онъ не положилъ въ основаніе всего уголовного судопроизводства судъ, рѣшающій только по совѣсти и внутреннему убѣжденію—судъ присяжныхъ заседателей. Мало-ли что говорятъ противъ суда присяжныхъ, но въ одномъ его заслуги неоспоримы: онъ сразу уничтожилъ систему законныхъ доказательствъ и заставилъ судить по совѣсти даже и всѣ другіе суды съ выборными судьями или съ коронными чиновниками. Судъ присяжныхъ не даетъ отчета въ томъ, какъ онъ пришелъ къ извѣстному убѣжденію, но въ своихъ отправленияхъ онъ такъ великолѣпно обставленъ и такими гарантіями окруженъ, которыя изобрѣтены наукою и освящены долговременнымъ опытомъ всѣхъ образованныхъ народовъ, что правомѣрность его рѣшеній образцовая и стоитъ внѣ сомнѣнія. Рѣшителей по совѣсти вопросовъ о виновности подсудимаго много—12 человекъ, и они заимствуются изъ лучшихъ, интеллигентнѣйшихъ и надежнѣйшихъ слоевъ общества,—они совокупаются въ одинъ комплектъ случайно и не на долгое время, такъ что не могутъ принаровиться одни къ другимъ, спѣтаться между собою, выработать извѣстную рутину; они дѣйствуютъ подъ впечатлѣніемъ торжественной присяги—судить правдиво, они пользуются руководящими постановленіями предсѣдателя, наконецъ, имъ приподносятъ не все дѣло въ сыромъ видѣ, но дѣло очищенное посредствомъ отсѣ-

ченія отъ него данныхъ сомнительнаго свойства, могутъ направить на ложные пути; до нихъ не доносится все дознаніе, всѣ оговоры, извѣты и всѣ свѣдѣнія по слуху, безъ указанія источника или изъ мутныхъ источниковъ. Чѣмъ-же, спрашивается, замѣняются эти гарантіи въ судахъ двухъ великихъ судебныхъ округовъ Варшавскаго и Тифлисскаго, гдѣ, по политическимъ условіямъ, не было возможности ввести судъ присяжныхъ? Эти гарантіи, однако, существуютъ; они мало-численнѣе и слабѣе, но тѣмъ строже онѣ должны быть соблюдаемы. Онѣ заключаются, во 1-хъ, въ большемъ числѣ инстанцій, и притомъ въ такомъ распредѣленіи функций между этими инстанціями, чтобы одна изъ нихъ была коренная и главная, а другая только исправляющая и повѣрочная, и чтобы каждая при этомъ дѣйствовала, не выходя изъ предѣловъ своей роли. Допустимъ, что одно и то-же дѣло рѣшено однообразно, согласно обвинившими, или согласно оправдавшими подсудимаго двумя разными комплектами судей, хотя-бы и несостоящими одинъ къ другому въ іерархическомъ отношеніи подчиненіи. Уже одно согласіе окончательныхъ выводовъ даетъ основаніе предполагать, что рѣшеніе правильно. Но какъ быть и въ чью сторону склониться, когда одна инстанція обвиняетъ, а другая оправдываетъ, или одна оправдала, а другая обвинила? Изъ того, что во второй инстанціи засѣдаютъ люди постарше и въ болѣе высокихъ чинахъ состоящіе еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы ихъ рѣшеніе было правильнѣе; напротивъ того, скорѣе можно-бы предположить, что ихъ рѣшеніе менѣе возбуждаетъ довѣрія потому, что ихъ условія наблюденія были хуже: первые судьи стояли ближе къ дѣлу, производили слѣдствіе, изучали подсудимаго, вторые—знаютъ его большей частью только по бумажному производству, закрывающему имъ глаза передъ живою дѣйствительностью. Единственное средство разобраться порядкомъ, которая изъ двухъ инстанцій болѣе права, заключается въ томъ, чтобы изучить по одиночкѣ мотивы обоихъ рѣшеній,

какъ окружного суда, такъ и палаты, наблюдая при томъ различіе ихъ функцій—то, что первая есть всему дѣлу основаніе—она есть судящая, а вторая—повѣрочная инстанція. Далѣе, что во-первыхъ, дѣла разсматриваются во второй инстанціи только въ предѣлахъ апелляціи, и во-вторыхъ, палата можетъ, конечно, не согласиться съ выводами и мнѣніями первой инстанціи, но должна точно и положительно, какъ того требуетъ 892 ст. у. у. с., опровергнуть доказательство и выводы первой инстанціи и вмѣсто него поставить свои собственные. Если она какого-нибудь рѣшительнаго основанія или вывода не опровергла, то, значить, она оставила его въ силѣ. Если, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, палата, отложивъ въ сторону цѣликомъ весь мотивированный приговоръ суда, написала совсѣмъ противоположное рѣшеніе, то она поступила не какъ вторая, а какъ первая инстанція, и это рѣшеніе, написанное внѣ условій личнаго наблюденія и заглазное, терпимо быть не можетъ и должно быть, сообразно опредѣленію 4 отдѣл. угол. кассационнаго департамента сената по дѣлу Ага-Алія (1887 г.), отмѣнено.

Вторая гарантія на видъ не казистая, но, въ сущности, самая спасительная, если ею пользоваться какъ слѣдуетъ, заключается въ безусловной обязательности для обѣихъ инстанцій суда мотивировать свой приговоръ. На основаніи пункта 2 ст. 797 ус. уг. суд. въ приговорѣ означаются: соображенія обвиненія, какъ съ представленными по дѣламъ доказательствами и уликами, такъ и съ законами. Ничто подобное для приговора суда съ присяжными не требуется; присяжные никому не должны давать отчета, почему они по совѣсти скажутъ: да или нѣтъ. Иное—судьи по ремеслу и притомъ юристы; они изслѣдователи истины не по правовому чутью, а по пріемамъ, которые свойственны всякому научному изслѣдованію; если сложилось у нихъ убѣжденіе, то они могутъ и обязаны указать, какимъ путемъ они до этого убѣжденія дошли. Тутъ-то и кроется самый крупный, самый узло-

вой вопросъ, ради котораго я и хлопоталъ о перенесеніи дѣла въ департаментъ. Есть два различные способа отнестись къ этому вопросу. Мотивировка приговора можетъ быть разсматриваема какъ одна формальность, которая исполняется послѣ того, какъ дѣло рѣшено и исполняется только для виду, такъ какъ она представляетъ основныя убѣжденія, а убѣжденіе не повѣряется въ кассационномъ порядкѣ и есть существо дѣла, на которое не распространяется компетенція сената. Но есть и другой способъ отношенія къ мотивамъ: они сами по себѣ, независимо отъ существа убѣжденія, могутъ и должны быть взвѣшиваемы, оцѣниваемы, должны быть бракуемы и откидываемы, какъ фальшивыя монеты, не имѣющія установленнаго вѣса или надлежащей доброты. При такомъ взглядѣ есть контроль надъ мотивировкой, тогда этотъ контроль можетъ быть спасительною уздой для произвола судей, рѣшающихъ дѣла по существу. Я стою, понятно, за второй способъ рѣшенія вопроса и постараюсь, по мѣрѣ силъ, основательность его доказать. Вы знаете, гг. сенаторы, и лучше всѣхъ, что множество данныхъ предварительнаго слѣдствія устраняются изъ судебного засѣданія на основаніи ст. 678—764 гл. VII, какъ при производствѣ дѣла съ присяжными, такъ и безъ присяжныхъ, съ тою разницею, что присяжные такъ и не знаютъ, что существуютъ непрочитанные документы, а коронные судьи все знаютъ, все прочли и конечно могутъ находиться подъ вліяніемъ прочтеннаго, но негодящагося для судебного слѣдствія. Есть еще существенная разница: присяжные не обязаны мотивировать своего убѣжденія, а судьи обязаны, но разумѣется, будучи связаны условіями производства судебного слѣдствія и постановкой вопросовъ, они могутъ основывать свои убѣжденія только на источникахъ, допускаемыхъ для прочтенія въ судебномъ слѣдствіи и не опровергаемыхъ законодателемъ. Допустимъ, что судьи ввели въ мотивы такой ложный или фальшивый источникъ и основали рѣшеніе или на признаніи, занесенномъ въ об-

винительный актъ, но не провѣренномъ на судѣ, или на свѣдѣніяхъ сыскной полиціи, или на однихъ слухахъ, или на анонимномъ письмѣ. Понятно, что найдя такой сомнительный источникъ въ основаніяхъ убѣжденія, вы бы должны были отвергнуть убѣжденіе вмѣстѣ съ самымъ приговоромъ.

Но я иду дальше и утверждаю, что ложный источникъ убѣжденія, введенный въ мотивы, можетъ быть и не изъ такихъ, которые не допускаются по закону для прочтенія на судебномъ слѣдствіи, а все-таки онъ можетъ и долженъ быть отвергнуть вами въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда, потому что онъ противенъ, хотя и не занесеннымъ въ законъ, несомнѣнно существующимъ и закономъ признаваемымъ правиламъ о силѣ доказательствъ.

Выслушайте меня, гг. сенаторы! Я счастливъ, что касаюсь капитальнѣйшей части судебныхъ уставовъ, одного изъ условій ихъ существованія—въ тотъ самый торжественный день, когда исполнилось 25-лѣтіе ихъ существованія. Въ основныхъ положеніяхъ уголовного судопроизводства 29-го сентября 1862 г. въ ст. 8 изображено: «теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда». И такъ, есть судъ по внутреннему убѣжденію и есть правила, руководящія при этомъ судѣ. Куда ихъ отнести, гдѣ имъ быть? Въ изданіи судебныхъ уставовъ государственной канцеляріи сказано, что изъ отмѣны формальныхъ доказательствъ еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было рѣшительно никакихъ правилъ о доказательствахъ. Составители уставовъ собирали эти правила, эти освященные вѣковымъ опытомъ аксіомы и записали ими многія страницы въ изданіи уставовъ въ государственной канцеляріи. Эти пра-

вила приведены въ такой видъ, что ихъ слѣдовало только утвердить и публиковать, либо включивъ въ ст. уг. суд., либо выдѣливъ въ особую законодательнымъ порядкомъ утвержденную инструкцію для судей и присяжныхъ засѣдателей. Но это-то и убоился сдѣлать государственный совѣтъ, предъ которымъ постоянно носился грозный призракъ еще весьма живой системы формальныхъ доказательствъ. Ему казалось опаснымъ, какъ бы и эти аксіомы, какъ и теорія, не сдѣлались тисками для совѣсти или средствомъ для опасливыхъ присяжныхъ не имѣть собственнаго сужденія о винѣ, а справляться со своею задачею механически, при помощи этихъ правилъ. Государственный совѣтъ (ст. 276 изд. госуд. канц.) рѣшилъ: правила о силѣ доказательствъ (о которыхъ рѣчь въ основныхъ положеніяхъ) должны служить руководствомъ при опредѣленіи вины по внутреннему убѣжденію, но нигдѣ не сказано, чтобы эти правила должны были быть включены въ составъ уст. уг. суд. или быть изданы въ законодательномъ порядкѣ въ видѣ инструкціи судьямъ и присяжнымъ. Правила эти могутъ принести практическую пользу, когда будутъ объясняемы присяжнымъ засѣдателямъ, какъ отъ личнаго опыта и науки исходящія, а если опытъ укажетъ необходимость еще новаго руководства, то оно можетъ быть дано не въ законодательномъ порядкѣ, а въ видѣ инструкцій предсѣдателямъ судовъ отъ министра юстиціи. Но воздержаваясь отъ нормированія правилъ о силѣ доказательствъ законодательнымъ порядкомъ, законодатель включилъ ихъ въ самый текстъ закона, и обязалъ въ ст. 801 устава угол. судопр. предсѣдателя преподавать присяжнымъ, при врученіи вопроснаго листа, общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ въ пользу и противъ подсудимаго.

И такъ, по суд. уст. 20-го ноября 1864 г. существуютъ и дѣйствительно примѣняются съ 1861 г.—назовите ихъ какъ хотите—правила, или нормы, или юридическія основанія для опредѣленія силы доказательствъ.

Изъ 3-хъ факторовъ, предположенныхъ при изданіи судебныхныхъ уставовъ, какъ двигатели ихъ дальнѣйшаго развитія, одинъ—наука, несомнѣнно существуетъ, наука въ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненіяхъ. Къ чести нашей магистратуры я долженъ заявить, что предсѣдатели пользуются этимъ источникомъ, хотя и не настолько, насколько бы слѣдовало. Главный источникъ наставленій это—собственный, личный долговременный опытъ. Министерство юстиціи вопросомъ о правилахъ силы доказательствъ совсѣмъ не занималось. Эти нормы обязательно преподаются присяжнымъ, но ихъ вѣщателями и носителями являются судьи. Если судьи преподають этотъ методъ наставляя присяжныхъ, то они и сами обязательно должны имъ руководствоваться, слѣдовательно, они и должны осуществлять его, когда дѣйствуютъ безъ присяжныхъ, при мотивировкѣ приговоровъ.—Эти нормы, эти аксіомы, эта квинтъ-эссенція судейской мудрости не могутъ существовать и развиваться безъ ухода за ними и присмотра, въ противномъ случаѣ это будутъ дикія растенія, совершенно различныя по различнымъ судебнымъ округамъ. Онѣ должны быть въ вѣдѣніи правительствующаго сената, какъ верховнаго кассационнаго суда, а доходить до него онѣ могутъ двоякимъ порядкомъ: резюме предсѣдателя заносилось иногда цѣликомъ, по волѣ предсѣдателя, а иногда, по требованію сторонъ, отдѣльными частями въ протоколъ. Ложное юридическое правило, противное наукѣ въ заключительномъ словѣ предсѣдателя можетъ быть обжаловано сенату, и сенатъ обязанъ его отвергнуть, если оно неправильное, если оно противное началамъ науки, здравому смыслу и даже закону. Но сенатъ можетъ искоренять зарождающіяся на этихъ грядахъ плевелы и инымъ образомъ. Если въ мотивировкѣ приговора безъ присяжныхъ судъ строить свое убѣжденіе на основаніи данныхъ, не имѣющихъ юридическихъ основаній достовѣрности и никакой доказательной силы, напри- мѣръ, на признаніи купленномъ или вымученномъ, на

показаніи по слухамъ, на какихъ-нибудь позаимствованіяхъ, несходныхъ съ подлинными документами, имѣющимся на лицо, то, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, сенатъ, не входя въ существо дѣла и держась только въ предѣлахъ техники, въ предѣлахъ метода, обязанъ произнести свой приговоръ надъ дурной мотивировкой убѣжденія—не касаясь этого убѣжденія, и отмѣнить такое порочное рѣшеніе. Заручившись этими выводами общими и отвлеченными, я перехожу къ дѣлу Кейкубатъ-Мирзы и буду его разбирать, не касаясь его существа. Для меня поддѣльватель-ли онъ или не поддѣльватель—все равно, какъ и для васъ. Я утверждаю, что будь онъ сто разъ поддѣльватель, такъ судить его нельзя.

Дѣло происходило въ Шушѣ. Жена ремесленника Гассанъ-Али Садата, неладившая съ мужемъ, донесла на него, что онъ поддѣлываетъ монеты, и рассказывала, между прочимъ, и о посѣщавшемъ его принцѣ Кейкубатъ Мирзѣ, какъ о его сообщникѣ, чего потомъ, она ни на судѣ, ни на слѣдствіи не подтвердила. Въ 9 часовъ вечера 10-го марта 1887 г. полиція явилась на квартиру Гассанъ-Али и, дѣйствительно, застала тамъ принца Кейкубата. При обыскѣ квартиры изъ разныхъ мѣстъ вытащены нѣсколько 20-копѣечниковъ оловяныхъ, поддѣланныхъ подъ серебро. Вотъ основная канва дѣла, на которой построены два приговора.

Елисаветпольскій окружный судъ подробно остановился на той части, которая относится къ опредѣленію вины Кейкубата,—ей посвящены 5 страницъ. Второй приговоръ Тифлисской палаты, по имѣющейся у меня копіи, осудилъ Кейкубата въ 32 строкахъ и заключаетъ въ себѣ всего только три мотива осужденія.

Первый мотивъ. По показанію полицейскаго пристава Меликова и другихъ полиціантовъ, Кейкубатъ находился въ 9 ч. вечера, въ дурную погоду, въ домѣ Гассанъ-Али, когда туда явилась полиція, которая при обыскѣ въ этомъ домѣ нашла отлитыя фальшивыя монеты и приспособленія къ этой поддѣлкѣ. Прежде всего

удивляетъ въ приговорѣ ссылка на источникъ, какъ необходимая роскошь; самъ фактъ ясенъ, какъ день, и не оспаривается никѣмъ. Самъ по себѣ фактъ есть фактъ, а не улика; дабы изъ него сдѣлать улику, надо его связать съ преступленіемъ. Мало-ли лицъ побывало въ квартирѣ Гассана 10-го марта! Если Елизаветпольскій окружный судъ оправдалъ Кейкубата, то, значить, онъ не призналъ бытность его у Гассана уликой, а не призналъ потому, что усмотрѣлъ иную причину посѣщенія дома Кейкубатовъ.

Гассанъ-Али человекъ, не подходящій ни по возрасту, ни по званію въ товарищи молодому и богатому князьку. Если-бы князекъ и дѣйствительно нуждался въ папахѣ, то незачѣмъ было ему отыскивать Гассана, покинувшего уже ремесло скорняка, незачѣмъ было ходить въ ненастную погоду, когда онъ могъ послать кого-нибудь изъ нукеровъ или кучеровъ своихъ.

Все это странно, но еще изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ князекъ приходилъ заниматься дѣломъ поддѣлки серебряной монеты. Спрашивается, зачѣмъ-же онъ приходилъ? Эта причина найдена Елизаветпольскимъ судомъ и опредѣлена въ приговорѣ. Она обнаружена не на предварительномъ слѣдствіи, а въ самомъ засѣданіи суда при судебномъ слѣдствіи. Молодой князекъ, недоучившійся и къ ученію не очень расположенный, но за которымъ ничего дурнаго не было замѣчено. Приходилъ онъ не съ монетами и не за папачою а на любовное свиданіе съ проживавшею въ томъ-же домѣ, но только въ другомъ помѣщеніи, племянницей Гассана-Али. Этотъ выводъ построенъ судомъ на фактахъ, не выдуманныхъ, но дѣйствительныхъ. Можетъ быть, онъ ошибоченъ, но прежде чѣмъ сказать, что онъ неправда, его надо опровергнуть какимъ-нибудь другимъ фактомъ или соображеніемъ. Судъ повѣрилъ искренности принца, который свой сердечный секретъ открылъ только на судѣ, заявивъ, что онъ его скрывалъ, по стыду и боязни. Племянница эта не названа по имени (судъ не спрашивалъ о ея

имени); Кейкубатъ заявляетъ, что явился къ Гассану по общанію Садаты устроить свиданіе. Судъ повѣрилъ не только словамъ принца, но и другому уже несомнительному свидѣтелю полиціанту, участвовавшему въ обыскѣ Алифу-Шири-Оглы (главный свидѣтель по рѣшенію палатскому), что у Гассана есть молодая племянница, что она живетъ въ одномъ домѣ съ Гассаномъ и что Кейкубатъ былъ съ нею, по слухамъ, въ любовной связи... Допустимъ, что эти доводы не убѣдили палату: она была далека отъ Шуши и отъ Елизаветполя, но она имѣла по 878 ст. у. у. с. по изслѣдованію причинъ тѣ-же права, какъ и окружный судъ. Она могла на осн. 864 ст. у. у. с. вызвать въ свое засѣданіе принца, передпросить его о имени его любовницы, о томъ, кто знаетъ о его съ ней связи, допросить Садату, которая можетъ быть и согласилась-бы дать показаніе, къ мужу неотносящееся, передпросить Алифа-Оглы по 726 ст., приостановить по 733 ст. ходъ дѣла до провѣрки собранныхъ судомъ и неудовлетворившихъ палату обстоятельствъ, отложить по 734 ст. само засѣданіе, если-бы оно было уже открыто. Я не могу отрицать, что палата имѣетъ безусловную дискреціонную власть дополнить или не дополнить слѣдствіе, разслѣдовать или не разслѣдовать, но каждое изъ этихъ двухъ рѣшеній влечетъ за собою послѣдствія, надъ которыми палата не властна. Хочешь обвинить оправданнаго по рѣшенію первой инстанціи, такъ разслѣдуй, и если разслѣдованіе подтвердитъ сомнѣнія—отвергай факты, признанные окружнымъ судомъ; не хочешь—такъ подчинись выводамъ, основаннымъ на фактахъ окружнаго суда, либо отыщи въ самомъ дѣлѣ такія данныя (если таковыя имѣются), которыя-бы опровергали выводы суда, и дѣлали-бы излишнимъ дополненіе дѣла. Иначе выходитъ, что приговоръ суда не опровергнуть въ противность 892 ст. у. у. с.: есть два рѣшенія, противныя и параллельныя, какъ будто-бы, два рѣшенія первой инстанціи. Изъ нихъ палатское не заслуживаетъ вѣры, по-

тому что писано заглазно, по бумагамъ и небрежно. Невозможность такого отношенія къ дѣлу явствуетъ еще изъ слѣдующаго. Выходитъ, что тяжкая участь, которая постигла Кейкубата, если онъ въ самомъ дѣлѣ шель на любовное свиданіе, что возможно, произошла отъ того, что онъ имѣлъ несчастье убѣдить въ свою пользу 1 инстанцію и былъ оправданъ. Не будь онъ оправданъ, то онъ бы сослался на свидѣтелей въ аппелляціи, свидѣтели были-бы вызваны, въ томъ числѣ, можетъ быть, и Садата, и онъ былъ-бы затѣмъ оправданъ.

Позвольте мнѣ теперь сдѣлать маленькій скачекъ и перейти, минуя второй, къ третьему мотиву осужденія палаты, основанному на папахѣ. Попрошу обратить вниманіе на замысловатую и явно нелогическую постройку этого важнаго мотива, который написанъ такимъ образомъ: «Вопреки своему послѣднему заявленію о явкѣ на любовное свиданіе, Кейкубатъ заявилъ, что онъ пришелъ къ Гассану за папахою, между тѣмъ, какъ по обыску не оказалось у Гассана ни папахъ, ни матеріала, изъ котораго-бы могла быть сдѣлана папаха».

Вы знаете, гг. сенаторы, что сдѣланы одновременно два заявленія, сначала одно о папахѣ на предварительномъ слѣдствіи, затѣмъ другое о любовномъ свиданіи на судебномъ слѣдствіи. Не могутъ быть по самому времени оба заявленія противны одно другому, потому что, когда дѣлалось первое, второго еще не существовало. Логически немислимо, чтобы предыдущее сдѣлано было вопреки несуществующему послѣдующему, значить, только послѣдующее сдѣлано вопреки первому, и этимъ послѣдующимъ Кейкубатъ уже отказался отъ перваго, признавъ, что онъ притворялся, заявляя, что приходилъ, будто-бы, за папахою, а остается во всю высоту поставленное второе заявленіе о любовномъ свиданіи, которое тѣмъ важнѣе, что оно признано уже окружнымъ судомъ и намѣчено самою палатою, которая такъ и оставила его, не подвергнувъ и даже не обсудивъ, то есть

не исполнивъ своей прямой обязанности. И такъ, все это обстоятельство о папахѣ является безцѣльнымъ, въ дѣлу не относящимся, обнаруживающимъ только, что, по собственному признанію Кейкубата, онъ притворялся, что приходилъ за папахою, но это невыгодное для него обстоятельство—притворство—только тогда превратилось бы въ улику поддѣлки монеты, если-бы оно не было имъ своевременно объяснено; оно же объяснено, принято окружнымъ судомъ и обставлено такимъ образомъ, что отнимаетъ у этой неправды всякое значеніе улики въ поддѣлкѣ монеты.

По приговору окружнаго суда князь, можетъ быть, и не нуждался въ папахѣ, хотя ему уже запрещено было ходить въ ученическомъ платьѣ и обязательно долженъ былъ переодѣться въ свое національное, за исключеніемъ его изъ училища. Онъ могъ, конечно, прискаты болѣе извѣстнаго скорняка, какъ Гассанъ, но онъ, все-таки, заказалъ папаху и даже далъ за нее въ задатокъ 7 рублей, а сдѣлалъ это за тѣмъ, чтобы имѣть явный поводъ ходить къ Гассану и ухаживать за его племянницей. Окружный судъ не выдумалъ этого обстоятельства, онъ его основалъ на свидѣтельскомъ показаніи Насиръ-Амиръ-Оглы. Затѣмъ, вполне возможно, что Гассанъ, получивъ эти деньги, израсходовалъ ихъ на свои надобности, что онъ даже матеріала не купилъ, догадываясь, что если князь повадился ходить ради племянницы, то папахи, можетъ быть, и не потребуются. Палата могла не повѣрить, что онъ сочинилъ предлогъ заказа папахи, чтобы скрыть свои любовныя похождения, она могла усомниться въ томъ, что онъ ее заказалъ и даже далъ задатку 7 р., она могла не повѣрить и свидѣтелю Насиру, но она должна была эти поставленные факты опровергнуть и сказать, почему она ихъ отвергла; если же она только закрыла глаза и промолчала, то установленное на основаніи доказательствъ окружнымъ судомъ остается, отрицаніе же палаты отпадаетъ и весь 3-й мотивъ палаты проваливается; па-

паха могла быть только предлогомъ, князь могъ при- творяться, что она ему нужна, а все-таки, она не ули- ка, какъ не улика 1-й мотивъ; объ, яко-бы, улики объяснены по отношенію къ Кейкубату, какъ не сто- яція въ какой бы то ни было связи съ взводимымъ на него преступленіемъ.

Прежде, чѣмъ я приступлю къ 5-му и послѣдному мотиву палаты, я долженъ остановиться еще на од- номъ выводѣ окружнаго суда, который палатою обойденъ полнымъ молчаніемъ. Нѣтъ въ мірѣ дѣйствій безцѣль- ныхъ, безцѣльно дѣйствуетъ только развѣ сумасшедшій. Во всякомъ преступленіи должно сквозить преступное намѣреніе, иногда какъ нѣчто ясно указанное, иногда какъ вѣроятное; но если намѣреніе, по-человѣчески судя, совсѣмъ немислимо или въ высшей степени неправдо- подобно, то хотя-бы дѣяніе съ вѣшной стороны было констатировано, оно, все-таки, съ внутренней стороны загадочно. Эту необходимость уяснить себѣ цѣль пре- ступленія окружный судъ призналъ, и разрѣшилъ во- просъ отрицательно: князь, по выводу суда. Жилъ при матери, они люди богатые, у него были деньги, 7 р. могъ онъ, просто выбросить на ненужную ему папаху, не могъ ихъ онъ посему соблазниться грубою поддѣлкою оловянныхъ 15 и 20 копѣчныхъ монетъ. Выводъ— какъ выводъ; палата могла его отвергнуть, но она пред- почла его обойти и, не задаваясь даже и вопросомъ объ изслѣдованіи мотивовъ преступленія, рѣшила, что Кейкубать виновать, основавъ эту виновность кромѣ двухъ мотивовъ, которыхъ полную несостоятельность въ смыслѣ улики я уже доказалъ, на единственномъ послѣднемъ, а по порядку—2-мъ, къ которому я перехожу.

Въ засѣданія 4-го отдѣленія угол. кассацион. деп. г. товарищъ оберъ-прок. Поскочинъ, вникая въ этотъ мотивъ, отозвался, что это воскресающій старинный послухъ, самъ ничего не выдавшій и не наблюдавшій, а переда- ющій ему рассказанное, можетъ быть выдуманное, во всякомъ случаѣ еще и переиначенное, какъ послухъ,

котораго чуждалась даже и теорія формальныхъ законныхъ доказательствъ. 2-й мотивъ рѣшенія палаты гласитъ: «По словамъ полиціанта Алифа-Пири-Оглы, жена Гассана Садата, донеся полиціи о поддѣлкѣ монетъ, прямо указала на Кейкубата, какъ на лицо, участвующее въ этой поддѣлкѣ»—и все тутъ. Я не буду стоять на этой точкѣ зрѣнія г. товарища оберъ-прокурора, я готовъ допустить, что надо, при случаѣ, пользоваться даже и указаніями послуха, но дѣло въ томъ, что всякое доказательство должно быть употреблено технически умѣло, а не при такихъ условіяхъ, при которыхъ оно по началамъ логики, науки и здраваго смысла, лишено всякой доказательной силы и, кромѣ того, невозможно, въ виду болѣе обстоятельной постановки вопроса въ первой инстанціи. Посудите, гг. сенаторы, сами. Нити, идущія отъ преступленія къ Кейкубату, многія, а не одна. Эти многія нити приведены и разобраны Елизаветпольскимъ окружнымъ судомъ: а) до начатія дѣла—доносъ Садаты Амиру, уличающій Кейкубата, б) объясненіе самой Садаты при предварительномъ слѣдствіи и, наконецъ, в) оговоръ Кейкубата Гассаномъ. Судъ поступилъ правильно, отдѣливъ совсѣмъ Амира, какъ свидѣтеля по слуху, отъ Садаты, онъ разобралъ показанія Садаты и Гассана и, найдя изъ этихъ показаній, что оговоръ Садаты и Гассана голословный, отвергъ ихъ, оправдавъ Кейкубата. Всѣ три источника, Амиръ, Садата и Гассанъ, приведены и въ протестѣ прокурора. Что дѣлаетъ палата: 1) въ ея приговорѣ нѣтъ ни слова о Гассанѣ; изъ того, что этотъ оговоръ улетучился, можно заключить, что палата ему вѣры не дала, 2) нѣтъ также ни слова о самой Садатѣ, значитъ, и эта свидѣтельница отошла и 3) выдѣлено только показаніе Амира со словъ Садаты и на немъ построенъ приговоръ. Но этотъ единственный корешокъ обвиненія—гнилой самъ по себѣ. Амиръ можетъ быть началомъ, но не можетъ быть концомъ доказательства. Разъ постановлено свидѣтельство по слуху, надо этимъ источ-

никомъ идти до конца, до тѣхъ поръ, пока только этотъ слухъ можетъ быть провѣренъ, онъ шелъ къ Садатѣ, онъ и обрывается на Садатѣ, тутъ ему и конецъ, дѣло его исполнено. Онъ уже самъ по себѣ негодный, и предстояло взявъ всѣ свѣдѣнія Садаты, и сопоставивъ всѣ ея показанія, опредѣлить: которое-же изъ нихъ правдивое. Она говорила до слѣдствія не одному Амиру о Кейкубатѣ. Всѣ ея показанія надлежало-бы сопоставить; она нѣсколько разъ мѣняла показанія на предварительномъ слѣдствіи. Она не хотѣла, пользуясь своими правами, какъ жена, давать показанія на судебномъ слѣдствіи, но можетъ быть явилась-бы въ палату. Уже совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ Амира, который свое дѣло сдѣлалъ, палата должна была весь свой выводъ построить на оцѣнкѣ показаній Садаты и одной Садаты. Но когда имѣется неопѣненное показаніе Садаты, ни съ чѣмъ не сообразно выжимать истину изъ послуша Амира, который, повидимому, дать ее не можетъ— вотъ въ чемъ я вижу явную и коренную погрѣшность противъ юридическихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ и уликъ, независимо отъ того, что я усматриваю нарушеніе 892 ст. у. у. с. Но палата не отвергла и не пробовала даже отвергать выводъ суда прежній, основанный на формальной оцѣнкѣ главнаго и кореннаго показанія Садаты. Эта поспѣшность равносильна оплошности историка, который-бы возстановлялъ историческое событіе не по подлиннымъ словамъ и бумагамъ историческаго лица, а по легендамъ и слухамъ, носящимся въ народѣ.

Я прихожу къ окончанію. Ни одной чертой, ни однимъ словомъ не входилъ я въ существо дѣла и вы не обязаны входить—весь вопросъ въ технику судейскаго труда, въ методологию при оцѣнкѣ мотивовъ судебныхъ рѣшеній. Я старался доказать и доказалъ, что ни одно изъ положеній окружнаго суда не разобрано, не опровергнуто, а слѣдовательно и не отвергнуто; палата дѣйствовала какъ судъ первой инстанціи, положа, такъ ска-

зять, приговоръ окружнаго суда подъ сукно—не справляясь съ нимъ, но во 2-хъ, и что важнѣе, палата нарушила самыя существенныя основанія для сужденія о силѣ доказательствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я попрошу васъ взглянуть на ст. 266 суд. уст. изд. Гос. Кан., гдѣ въ формальномъ перечнѣ этихъ предлагавшихся тогда юридическихъ основаній стоитъ: п. 9) показанія свидѣтелей не принимаются въ уваженіе, когда они основаны лишь на слухѣ отъ другихъ; п. 15) тѣ только улики могутъ быть приняты во вниманіе, которыя имѣютъ непосредственную связь съ предметомъ сужденія. Далѣе ст. 270: свидѣтельство по наслышкѣ и, вообще, менѣе достовѣрные источники убѣжденія не допускаются при существованіи болѣе достовѣрныхъ.

Гг. сенаторы! Судебные уставы установили мотивировку приговоровъ—возьмите крѣпкими руками контроль надъ этой мотивировкой въ предѣлахъ вашей функціи, внѣ существа рѣшенія. Если его не дѣлаетъ судъ въ областяхъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ, то тѣмъ самымъ водворяется въ этомъ округѣ судъ неограниченнаго произвола и окажется, что этотъ судъ есть несомнѣнный регрессъ не только по отношенію къ судебной реформѣ 1864 г., двадцатипятилѣтіе которой мы сегодня празднуемъ, но регрессъ даже противъ дореформенныхъ порядковъ, противъ законовъ Петра Великаго.

Правительствующій сенатъ постановилъ: приговоръ Тифлисской судебней палаты относительно принца Кейкубатъ-Мирзы за нарушеніемъ 766, 797 и 992 ст. ус. уг. суд. отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ палаты; жалобы остальныхъ подсудимыхъ оставить, на основаніи 92 ст. у. у. с., безъ послѣдствій; копію съ жалобы прис. пов. Карабегова, какъ заключающей выраженія прямо оскорбительныя для судебной палаты и прокурорскаго надзора, передать г. оберъ-прокурору для зависящаго распоряженія; сообщить о немедленномъ освобожденіи Кейкубатъ-Мирзы изъ-подъ стражи.

Дѣло крестьянина Петра Бачурина, обв. по 2 ч. 1085 ст. улож.

Одесскій окружный судъ въ судебномъ засѣданіи 29 ноября 1888 года разсматривалъ дѣло о крестьянинѣ Петрѣ Михайловѣ Бачуринѣ, 22 лѣтъ, обвиняемомъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1085 ст. улож. о нак., а именно, въ томъ, что будучи барьернымъ сторожемъ при линіи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и дежурнымъ у переѣзда черезъ эту линію, между станціями «Одесса—Застава» и Одесса — товарная, въ ночь на 18 іюня 1888 года предъ проходомъ поѣзда № 67, по небрежности, не исполнилъ возложенной на него обязанности, а именно, не закрылъ пути черезъ линію дороги установленнымъ въ томъ мѣстѣ барьеромъ, вслѣдствіе чего на въѣхавшаго на переѣздъ поселяннина Франца Фердинандова Коха налетѣлъ поѣздъ № 67, который причинилъ Коху тяжкія поврежденія въ здоровьѣ, а ѣхавшей съ нимъ дочери Филоменѣ легкія поврежденія въ здоровьѣ. Въ указанномъ дѣланіи окружный судъ 1) призналъ Бачурина виновнымъ и приговорилъ его къ 6-ти мѣсячному тюремному заключенію; 2) искъ, предъявленный потерпѣвшимъ Кохомъ къ обществу юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ о выдачѣ ему единовременнаго вознагражденія призналъ подлежащимъ удовлетворенію, въ размѣрѣ 10,000 р., каковая сумма, дѣйствительно, необходима ему для обезпеченія хозяйства отъ полного разстройства, и опредѣлилъ взыскать съ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ пользу потерпѣвшаго Коха 10292 р., считая цѣнность уничтоженнаго при несчастіи имущества Коха равной 292 р.; 3) ходатайство повѣреннаго общества о присужденіи въ его пользу издержекъ за веденіе дѣла сообразно той суммѣ, на которую уменьшено будетъ судомъ. исковое требованіе гражданскаго

истца, признавъ лишеннымъ законнаго основанія; 4) судебныя издержки возложилъ на Бачурина.

На этотъ приговоръ принесены были апелляціонныя отзывы всѣми участвовавшими въ процессѣ лицами, при чемъ подсудимый ходатайствовалъ объ оправданіи или смягченіи наказанія; повѣренный гражданскаго истца Коха—объ увеличеніи присужденнаго въ пользу его довѣрителя вознагражденія до 30,000 р.; повѣренный гражданскаго по дѣлу отвѣтчика (Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ), — объ отказѣ Коху въ его искѣ, или, въ случаѣ его удовлетворенія въ чемъ либо, о постановленіи приговора о взысканіи присужденной въ пользу Коха съ его вѣрителей суммы, обратно въ ихъ пользу съ крестьянина Петра Бачурина. Въ судебномъ засѣданіи Одесской судебной палаты 11 марта 1889 года защитникъ подсудимаго возразилъ на это требованіе, что оно должно быть предметомъ отдѣльнаго иска и въ настоящемъ процессѣ разсматриваться не можетъ. Разсмотрѣвъ дѣло, судебная палата опредѣлила: приговоръ окружнаго суда оставить въ силѣ съ тѣмъ измѣненіемъ, чтобы подсудимаго Петра Бачурина заключить въ тюрьму на 3 мѣсяца вмѣсто 6-ти. Въ ходатайствѣ повѣреннаго общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ о присужденіи въ его пользу издержекъ за веденіе дѣла сообразно той суммѣ, на которую уменьшено будетъ судомъ исковое требованіе гражданскаго истца, палата отказала ему на томъ основаніи, что гражданскій истецъ самъ не требуетъ съ общества желѣзныхъ дорогъ вознагражденія за веденіе дѣла; что 860 и 906 ст. уст. угол. суд., опредѣляющія права третьяго лица, отвѣчающаго за ущербъ, причиненный преступленіемъ другаго лица, не даютъ основанія къ удовлетворенію этого ходатайства; что, наконецъ, рядъ рѣшеній правительствующаго сената установилъ, что въ порядкѣ суда уголовнаго вознагражденія за веденіе дѣла сторонамъ не полагается. Палата оставила также безъ уваженія и второе ходатайство повѣреннаго общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ объ обратномъ присужденіи въ пользу его довѣрителя всей той суммы, въ коей искъ Коха будетъ удовлетворенъ, по тѣмъ соображеніямъ: 1) что общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ является по дѣлу лицомъ не потерпѣвшимъ, а отвѣтственнымъ за убытки, причиненные его агентомъ, и 2) что указанное повѣреннымъ общества основаніе къ обратному присужденію въ его пользу убытковъ, а именно, признаніе Бачурина по суду виновнымъ, а общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ обязаннымъ вознаградить потерпѣвшаго, можетъ обнаружиться не прежде, какъ когда настоящій приговоръ получитъ законную силу судебного рѣшенія.

На этотъ приговоръ Одесской судебной палаты повѣреннымъ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ принесена была правительствующему сенату кассационная жалоба, въ которой онъ проситъ объ отмініи той части приговора, которая касается при

сужденія съ вѣрителей его 10292 р. въ пользу Коха. Въ жалобѣ выставлены слѣдующіе поводы кассации: 1) Судебная палата уклонилась отъ обсуждения представленнаго апелляторомъ довода, что къ гражданскому иску Коха не были примѣнены окружнымъ судомъ правила гражданского судопроизводства: такъ, исковое прошеніе Коха принято было судомъ, несмотря на то, что не было означено въ немъ чего истецъ просить, и не опредѣлена была цѣна иска; самъ искъ не подлежалъ рассмотрѣнію въ порядкѣ уголовного производства, а тѣмъ болѣе удовлетворенію. Въ этомъ обстоятельстве кассаторъ усматриваетъ нарушеніе 265, 706, 711 ст. уст. гражд. суд. и 6, 7, 12, 766, 797 ст. уст. угол. суд. 2) Соображеніе, на которомъ судебная палата основала свой отказъ въ обратномъ присужденіи съ Бачурина 10292 р., нельзя признать правильнымъ, такъ какъ искъ Коха долженъ былъ слѣдовать правиламъ гражданского судопроизводства, по которымъ общество могло привлечь Бачурина къ дѣлу въ качествѣ третьяго лица (653 ст. уст. гр. суд.); гражданская же отвѣтственность его предъ обществомъ вытекаетъ изъ 8 п. 683 ст. Х т., ч. 1; вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется никакихъ основаній, въ пользу того мнѣнія, что владѣльцу желѣзнодорожнаго предпріятія нельзя присудить, въ предѣлахъ того-же процесса, съ виновнаго агента обратнаго требованія понесенныхъ по его винѣ убытковъ. 3) Неправильнымъ представляется, наконецъ, и отказъ палаты въ возложеніи на Коха издержекъ за веденіе дѣла въ отказанной ему части иска, такъ какъ общество является гражданскимъ отвѣтчикомъ и, какъ таковое, имѣетъ право на полученіе вознагражденія за веденіе дѣла, въ виду выигрыша части иска. Кассаторъ видитъ здѣсь нарушеніе 6, 779, 868, 906 ст. уст. суд. и 868, 870 и 871 ст. уст. гражд. суд.

Въ засѣданіи присутствія уголовного кассационнаго департамента сената 12-го декабря 1889 г. жалобу повѣреннаго общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ поддерживалъ Присяжный Повѣренный В. Д. Спасовичъ.

Гг. сенаторы! Я явился сюда поддерживать кассационную жалобу моего товарища въ одномъ только самомъ важномъ и существенномъ пунктѣ, а именно: можетъ-ли желѣзная дорога, являющаяся въ уголовномъ судѣ въ качествѣ не закономъ, а лишь практикой сената созданнаго, гражданского *ответчика*, можетъ-ли она быть вслѣдствіе того лишена права, несомнѣнно уже по закону ей принадлежащаго, дѣйствовать по тому же дѣлу въ качествѣ гражданского истца съ цѣлью достигнуть признанія путемъ регресса возмѣщенія ему виновнымъ

агентомъ вознагражденія, которое съ нея будетъ присуждено потерпѣвшему отъ несчастнаго случая по винѣ судимаго уголовнымъ судомъ агента. Известно, что въ уголовномъ правѣ признается только личная отвѣтственность за свои дѣла; въ гражданскомъ же—имущественная: «всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные его дѣяніемъ или упущеніемъ», гласитъ 684 ст. законовъ гражданскихъ. Въ pendant къ этому послѣднему правилу стоитъ 366 ст. уст. гр. суд., по которой истецъ долженъ свой искъ доказать. Въ такомъ положеніи находился этотъ вопросъ, пока въ русскихъ законодательствахъ не появилось теченіе, названное государственнымъ социализмомъ. Оно отразилось и въ Россіи. По закону 25 января 1878 года, составившему нынѣшнюю 683 ст. X т., ч. 1, сдѣлано крупное изыятіе изъ начала гражданской отвѣтственности одного только виновника вреда: этотъ законъ установилъ право, что за желѣзнодорожныя несчастія несутъ личную отвѣтственность виновные въ нихъ агенты дороги, а денежная отвѣтственность падаетъ въ этихъ случаяхъ на желѣзнодорожныя общества. Съ другой стороны, игнорируется здѣсь общій законъ, выраженный въ 366 ст. уст. гр. суд., такъ какъ *onus probandi* (обязанность приводить доказательства) перенесенъ съ истца на отвѣтчика. Желѣзная дорога (ея владѣлецъ, конечно) признается виновной и, слѣдовательно, отвѣтственной за причиненный ею дѣйствіями вредъ, не тогда, когда истецъ докажетъ суду, что она не наблюдала за порядкомъ, но въ томъ случаѣ, если повѣренному ей не удастся доказать, что несчастіе произошло а) не по винѣ ея агентовъ, или б) по воздѣйствію непреодолимой силы, иными словами, отъ злоумышленія посторонняго желѣзнодорожной эксплоатаціи лица или отъ силъ природы. Надо имѣть, однако, въ виду, что 8-мъ пунктомъ 683 ст. X т., ч. 1 установлено право желѣзной дороги на возмѣщеніе присужденнаго съ нея въ пользу пострадавшаго вознагражденія съ того агента, по винѣ котораго произошло желѣзнодорожное

несчастіе. Законъ 1878 г. произвелъ большую перемѣну при распредѣленіи ролей въ уголовномъ процессѣ, въ порядкѣ котораго разбираются обыкновенно несчастные желѣзнодорожные случаи. Пострадавшіе при сходѣ съ рельсовъ поѣзда, порчѣ машинъ, раздавленные колесами вагона и т. д. превратились въ потерпѣвшихъ отъ несчастнаго случая; они являются въ судѣ лишь для того, чтобы показать свои раны и увѣчья и нисколько не заинтересованы въ томъ, чтобы было доказано на судѣ, что событіе преступленія, дѣйствительно, произошло по неосторожности или злой волѣ агента дороги, что оно было дѣяніемъ подсудимаго и должно быть вмѣнено ему въ вину. Да, ему все равно, онъ, все равно, свое возьметъ съ общества, если оно не сѣумѣетъ доказать (что въ большинствѣ случаевъ почти невозможно), что несчастіе произошло отъ злоумышленнаго посторонняго лица или отъ силъ природы. Однако, если бы потерпѣвшему несчастіе не пришла на помощь кассационная практика, еслибы не существовало рѣшенія общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ отъ 7-го ноября 1883 г., ему нечего было бы искать съ виновныхъ агентовъ, которые либо оправдываются судомъ, либо бѣдняки, съ которыхъ взятки гладки. Теперь же, настоящимъ потерпѣвшимъ лицомъ и, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно гражданскимъ истцомъ противъ обвиняемаго является само желѣзнодорожное общество. Безчисленными рѣшеніями уголовного кассационнаго департамента сената установлено, что потерпѣвшими считаются лица физическія и юридическія, которыя понесли матеріальныя потери или нравственный вредъ, при чемъ какъ тѣ, которые уже понесли ущербъ отъ незаконныхъ дѣйствій другаго лица, такъ и тѣ, которымъ только грозитъ этотъ вредъ опасностью въ будущемъ (рѣш. 1872 г. № 188 по дѣлу Тулицкаго). На этомъ основаніи всѣ *страховыя общества* допускаются въ уголовныхъ дѣлахъ о поджогахъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, хотя бы иски по полисамъ не были предъявлены, а быть можетъ, и никогда не будутъ предъявлены.

Я полагаю, что желѣзная дорога и есть единственное лицо въ процессѣ, которое можно считать потерпѣвшимъ въ смыслѣ гражданского права, которое, дѣйствительно, заинтересовано въ томъ, чтобы фактъ преступленія, если оно совершилось, былъ установленъ, чтобы вина подсудимаго была опредѣлена. Чѣмъ выше поставленъ онъ въ служебной іерархіи или въ обществѣ, тѣмъ больше шансовъ для общества дороги возмѣститъ свой убытокъ по вознагражденію, которое будетъ почти неминуемо присуждено съ него въ пользу пострадавшаго отъ несчастія.

Если общество желѣзныхъ дорогъ есть плательщикъ за вину своего агента, и отвѣтственное за него лицо, то, въ случаѣ доказаннаго отсутствія непреодолимой силы, оно заинтересовано въ осужденіи агента, а потому повѣренному обществу должно быть предоставлено участіе и въ предварительномъ слѣдствіи, и въ судебномъ слѣдствіи, и въ преніяхъ сторонъ—въ качествѣ гражданского истца по отношенію къ обвиняемому.

Между тѣмъ оказывается, что желѣзнодорожныя общества лишаются тѣхъ правъ, которыя несомнѣнно принадлежать имъ по закону, на томъ основаніи, что неловко, неудобно совмѣщать въ себѣ двѣ роли: гражданского отвѣтчика предъ пострадавшимъ въ здоровьѣ и гражданского истца. Въ виду этого необходимо поставить и разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) кѣмъ, собственно, установлена гражданская отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ въ уголовномъ процессѣ: закономъ или практикой? 2) дѣйствительно-ли роль гражданского истца не совмѣстима съ ролью гражданского отвѣтчика въ уголовномъ процессѣ? 3) если несовмѣстима, то который изъ двухъ сталкивающихся авторитетовъ долженъ быть принесенъ въ жертву другому: законъ-ли практикѣ или наоборотъ?

1) Гражданскими отвѣтчиками желѣзныя дороги сдѣланы самимъ закономъ 25 января 1878 г. (нынѣ 683 ст. 1 ч. X т.), потому что онъ признаетъ ихъ отвѣтствен-

ными за всѣ почти несчастія, случающіяся на желѣзной дорогѣ. Отвѣтственными то онѣ сдѣланы, но въ какомъ порядкѣ отвѣтственными, въ законѣ не сказано. Очевидно, однако, что въ общемъ гражданскомъ: вѣдь, 1-я ст. уст. гр. суд. гласитъ, что всякій споръ о правѣ гражданскомъ разрѣшается гражданскими судами. Уголовный же судъ по иску гражданскому есть изыятіе изъ общаго порядка, которое можетъ основываться лишь на опредѣленныхъ статьяхъ устава уголов. судопр. Пересматривая этотъ уставъ, мы не находимъ тамъ такого правила, которое оправдывало бы привлеченіе желѣзнодорожнаго общества въ качествѣ гражданскихъ отвѣтчиковъ къ суду уголовному. По уставу угол. суд. имѣется одинъ только гражданскій отвѣтчикъ въ судѣ уголовномъ— это подсудимый, отвѣчающій только въ томъ случаѣ, если признанъ виновнымъ, и только за гражданскія послѣдствія своего преступленія. Статьи 15, 17 и 860 уст. уг. суд., на которыхъ основываются наши противники, имѣютъ лишь то значеніе, что, если кто судился уголовнымъ судомъ, но, за смертью, напр., обвиняемаго уголовное преслѣдованіе было прекращено, то взысканіе за причиненный преступленіемъ вредъ можетъ быть обращенъ въ порядкѣ уголовного же суда и на его наслѣдниковъ. Возможность привлекать третье лицо, *не представляющее* собою личности умершаго подсудимаго, къ отвѣтственности за учиненное подсудимымъ преступленіе, вопреки ясно выраженному, категорическому правилу 15-ой ст. уст. уг. суд., что въ «дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтствѣнность только самъ за себя», эта возможность допущена единственно только сенатской практикой, именно, рѣшеніемъ общаго собранія 1-го и касс. д-товъ сената отъ 7 ноября 1883 г. за № 32, смыслъ котораго былъ затѣмъ въ значительной степени расширенъ и распространенъ практикой угол. касс. д-та (рѣш. за 1884 г. № 18 по дѣлу Акимовой). Первое рѣшеніе требуетъ только, (согласно 15-ой ст. у. у. с.), чтобы въ тѣхъ случаяхъ когда преданъ уголовному суду агентъ жел.

дороги за причиненное его дѣйствіемъ или упущеніемъ поврежденіе въ здоровьѣ и пр., привлекать также и правленіе желѣзной дороги къ процессу, въ качествѣ гражданскаго отвѣтчика; оно не предрѣшаетъ, однако, вопроса о томъ, какъ быть, когда подсудимый оправданъ или преступленія вовсе нѣтъ. Второе же рѣшеніе постановило, что искъ потерпѣвшаго къ обществу желѣзныхъ дороги подлежитъ удовлетворенію, хотя бы всѣ подсудимые были оправданы. Этимъ прямо уже отвергается начало, выраженное въ 6-ой ст. уст. угол. судопр., что гражданскимъ истцомъ по уголовному дѣлу можетъ быть только потерпѣвшее *отъ преступленія* лицо, значить, разъ преступленія нѣтъ, оно не гражданскій истецъ, и ни съ бывшаго подсудимаго, ни съ 3-ихъ лицъ ничего взыскать не можетъ.

Я вполне понимаю, что допущенное въ этихъ случаяхъ отступленіе отъ закона, или, по крайней мѣрѣ, распространеніе его на случаи, имъ совершенно не предусмотрѣнные, вызвано было исключительно гуманностью вашей, гг. сенаторы, желаніемъ доставить людямъ, потерявшимъ возможность скоро, упрощеннымъ порядкомъ и съ наименьшими расходами получать то, что имъ слѣдуетъ по 683-ей ст., 1 части X-го тома; но нельзя забывать, что этимъ создано теперь такое положеніе, что въ судебной практикѣ имѣются на лицо несогласованныя и какъ я понимаю, несогласимыя противорѣчія: что признается безусловно правильнымъ въ дѣлахъ не желѣзнодорожныхъ, то не признается уже таковымъ въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ. И вотъ тому образчики:

1) По рѣшенію сената 1874 г. за № 331, виновный въ преступленіи обязанъ вознаградить потерпѣвшаго только за вредъ и убытки, непосредственно его преступленіемъ причиненные, слѣдовательно, только при непосредственной зависимости вреда и убытковъ отъ преступленія можетъ быть предъявленъ искъ о вознагражденіи. Между тѣмъ по настоящему дѣлу предъявленъ искъ не объ убыткахъ отъ преступленія, а отъ несчастнаго случая.

2) Рѣшеніемъ Сената 1878 г. за № 20 (уже послѣ изданія закона 25 Янв. 1878 г.) признано, что уголовный судъ можетъ разрѣшить только такой искъ гражданскій, который составляетъ послѣдствіе разсматриваемаго преступленія или проступка. Между тѣмъ, по дѣлу Акимовой, взысканіе производится при оправданіи подсудимыхъ, слѣдовательно, тогда, когда установлено, что нѣтъ въ дѣлахъ ни преступленія, ни проступка, и нѣтъ, значитъ, никакихъ послѣдствій отъ несуществующихъ дѣяній.

Я не требую, однако, и не домогаюсь возобновленія сужденій по вопросу, рѣшенному уже общимъ собраніемъ 7 ноября 1883 г. Я утверждаю лишь, что начала, положенныя въ основу рѣшенія 7 ноября 1883 г., находясь въ очевидномъ противорѣчій съ принципами уст. угол. суд., могутъ быть осуществляемы только ограниченно, а не распространительно, то есть, они должны уступить, когда сталкиваются съ широкимъ правомъ потерпѣвшаго или, какъ объяснилъ Сенатъ, даже только долженствующаго потерпѣть отъ преступленія лица на осуществленіе своихъ законныхъ требованій. Не надо допускать, чтобы та ломка закона, которая уже произведена законными рѣшеніями, получила еще дальнѣйшее распространеніе.

Кромѣ того, я полагаю, что ломка эта и не нужна. Вѣдь, роль истца, состоящаго въ то же время отвѣтчикомъ по встрѣчному иску, или привлекающаго къ отвѣту вмѣсто себя и вмѣстѣ съ собою еще новое 3-ье лицо, извѣстна гражданскому процессу. Жел. дорогѣ незачѣмъ привлекать кого бы то ни было къ отвѣтственности, какъ 3-ье лицо, потому что она предъявляетъ искъ къ самому подсудимому, отвѣчающему уже по закону въ уголовномъ порядкѣ за преступленіе, но вовсе не привлекаемому потерпѣвшимъ отъ несчастнаго случая, потому что сей послѣдній уже предпочелъ искать свои убытки, не съ него, а съ общества желѣзной дороги. Если отнять у желѣзной дороги, какъ это сдѣлали Одесскій Окр. Судъ и Палата, право предъявить гражданскій искъ къ 62-

новному агенту, то онъ будетъ поставленъ въ совершенно привилегированное положеніе: онъ безотвѣтственъ за вредъ, отъ его преступленія происшедшій, въ порядкѣ уголовного суда, между тѣмъ какъ всѣ другіе подсудимые въ этомъ порядкѣ отвѣчаютъ. Такимъ образомъ, аномалія, существующая теперь между желѣзнодорожными уголовными дѣлами и не желѣзнодорожными, еще болѣе усиливается. Являются, такимъ образомъ, двѣ категоріи уголовныхъ дѣлъ: 1) желѣзнодорожныя дѣла, по которымъ виновные ни въ коемъ случаѣ не привлекаются въ уголовномъ порядкѣ къ отвѣтственности, и 2) не желѣзнодорожныя дѣла, по которымъ они всегда отвѣчаютъ въ уголовномъ порядкѣ. Изъ гуманности, во избѣжаніе судебной волокиты и лишнихъ издержекъ, вы дозволили пострадавшему отъ несчастнаго случая лицу привлечь желѣзную дорогу къ уголовному суду, какъ гражданскаго отвѣтчика, будьте же милостивы и гуманны и къ желѣзнымъ дорогамъ, дайте и имъ возможность избѣжать той же волокиты и тѣхъ же издержекъ и устранили безотвѣтственность въ уголовномъ порядкѣ агентовъ желѣзной дороги за вредъ, ими лично причиненный, отъ котораго страдаетъ за нихъ ихъ начальство.

Всѣ тѣ мотивы, по которымъ палата устранила искъ Общества ю. з. ж. д. къ Бачурину, такъ слабы, что не представляютъ никакого труда для ихъ опроверженія.

1) Палата указываетъ, что общество желѣзной дороги есть лицо не потерпѣвшее, а отвѣтственное *за дѣйствія* своего агента; но, вѣдь, оно потому, именно, и должно стать потерпѣвшимъ, что несетъ отвѣтственность за дѣйствія другаго. 2) По мнѣнію палаты, общество желѣзной дороги становится отвѣтственнымъ съ того момента, когда пострадавшему отъ несчастія присуждено вознагражденіе. Но, въ такомъ случаѣ, за провозглашеніемъ опредѣленія о присужденномъ съ общества вознагражденіи въ пользу потерпѣвшаго, можетъ непосредственно слѣдовать въ томъ же рѣшеніи заключеніе о необходимомъ по праву регресса возмѣщеніи об-

ществу понесенныхъ имъ убытковъ съ другаго, отвѣтственнаго по тому-же самому закону, именно, по 683-ей ст. лица, то есть, съ виновнаго въ преступленіи агента. Я не понимаю, почему признаніе обязанности возмѣстить обществу причиненный ему убытокъ можетъ послѣдовать только по вступленіи приговора, о виновности агента и обязанности общества вознаградить потерпѣвшаго, въ законную силу. Всѣ три обстоятельства эти суть звенья одной и тоже цѣпи, условно захватывающія одно другое: а) виновенъ Бачуринъ; б) если онъ виновенъ, то Общество обязано заплатить Коху; с) если оно обязано платить Коху, то Бачуринъ обязанъ возмѣстить уплоченную обществомъ сумму. Я не понимаю, почему приговоръ судебной палаты соединилъ два первыхъ звенья и отдѣлилъ третье. Вѣдь, собственно говоря, съ такимъ же правомъ можно было бы доказывать, что фактъ ответственности желѣзно-дорожнаго общества предъ Кохомъ можетъ быть обсуждаемъ судомъ только послѣ признанія Бачурина виновнымъ, то есть, можно было бы отдѣлить, вмѣсто одного, цѣлыхъ два звена. Я полагаю, что всѣ эти возраженія палаты должны быть отвергнуты еще особенно потому, что право желѣзнодорожнаго общества быть гражданскимъ истцомъ по отношенію къ виновнымъ агентамъ своимъ вытекаетъ изъ одного сенатскаго рѣшенія, которое, къ несчастью, позабыто, а между тѣмъ оно есть корень и рѣшенія 7 ноября 1883 г., и рѣшенія 1884 г. по дѣлу Акимовой, именно, рѣшенія сената по дѣлу Сабуровскаго винокуреннаго завода 1883 г. за № 789.

За корчемство на Сабуровскомъ заводѣ судились двое служащихъ на томъ заводѣ винокуровъ; они присуждены были къ штрафу, а затѣмъ штрафъ этотъ по несостоятельности ихъ возложенъ, по 679 ст. улож., на заводовладѣлицу Якушкину, непривлекавшуюся даже къ суду. Сенатъ нашелъ, что штрафъ, возложенный на невиновнаго и необвинявшагося заводовладѣльца, не есть наказаніе, а только фискальная мѣра, ограждающая ис-

правное поступленіе въ казну денежныхъ взысканій за корчемство. Но, что важнѣе всего, сенатъ въ рѣшеніи своемъ по этому дѣлу высказался слѣдующимъ образомъ: «На основаніи 860-ой ст. уст. уг. суд. лицо, къ которому обращено взысканіе за причиненные преступленіемъ убытки, пользуется на судѣ одинаковыми правами съ гражданскимъ истцомъ, а потому и положеніе владѣльца завода по дѣлу о корчемствѣ винокуровъ не можетъ быть иное, какъ то, которое принадлежитъ гражданскому истцу». Въ этомъ рѣшеніи правительствующій сенатъ опредѣлилъ порядокъ, въ какомъ должны быть рѣшаемы всякія дѣла объ отвѣтственности 3-ихъ лицъ за преступленіе.

Прошу поэтому Правительствующій Сенатъ повторить и воспроизвести по отношенію къ желѣзнодорожнымъ уголовнымъ дѣламъ прежнее принципиальное свое рѣшеніе.

Послѣ рѣчи присяжнаго повѣреннаго Спасовича давалъ заключеніе по дѣлу оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента А. Ф. Кони.

Судебные уставы, сказалъ онъ, возражая противъ перваго повода кассациі, вводя гражданскій искъ въ уголовный процессъ, поставили его въ особыя условія, сохранивъ только два общія требованія: именно, основаніе иска и размѣръ его, при чемъ способъ опредѣленія послѣдняго иной, чѣмъ въ гражданскомъ процессѣ. Гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ имѣетъ свой особый ходъ, не сопровождается платежомъ пошлины, не нуждается въ формальныхъ доказательствахъ, при обсужденіи основанія иска не допускаетъ вознагражденія за веденіе иска; гражданскій истецъ въ уголовномъ дѣлѣ имѣетъ гораздо больше процессуальныхъ правъ, чѣмъ въ гражданскомъ дѣлѣ: такъ, онъ можетъ допрашивать свидѣтелей, дѣлать замѣчанія на всѣ акты судебного производства и пр.; затѣмъ этотъ своеобразный искъ отличается отъ обыкновеннаго гражданского иска отсутствіемъ исполнительнаго по немъ производства; обезпеченіе этого иска совершается по собственнымъ соображеніямъ суда и безъ выслушанія сторонъ. Такимъ образомъ, гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ является суженымъ въ смыслѣ инстанцій (выпадаетъ апелляціонная инстанція), но расширеннымъ въ смыслѣ свободнаго представленія различныхъ доказательствъ, а также самостоятельности сторонъ и суда (напр., судъ самъ, по собственной инициативѣ, возбуждаетъ вопросъ о давности, что въ гражданскомъ процессѣ не допускается). Поэтому,

нельзя примѣнять къ гражданскому иску, предъявленному въ уголовномъ судѣ, всѣхъ правилъ гражданскаго судопроизводства. Можно только требовать наличности основанія иска. Что же касается цѣны иска, то опредѣлять ее можно лишь приблизительно. Мало того, сенатъ, по дѣлу Кетхудова и др., призналъ, что неопредѣленіе размѣровъ иска не устраняетъ судъ отъ обсужденія его, потому что опредѣленіе цѣны иска зависитъ часто отъ признанія или непризнанія тѣхъ или иныхъ квалифицирующихъ преступленіе обстоятельствъ. Размѣръ иска обыкновенно объявляется и поддерживается устными объясненіями гражд. истца только по выслушаніи приговора присяжныхъ о виновности подсудимаго. Сенатъ давно уже призналъ, что возможенъ и правомѣренъ даже такой гражданскій искъ въ угол. дѣлѣ, размѣръ котораго даже немислимо опредѣлить точно, напр., искъ отца при изнасилованіи дочери, супруга — при оскорбленіи супружеской чести. Рѣшеніемъ Сената 1888 г. установлена возможность даже такого гражданскаго иска, который имѣетъ цѣлью устранить только могущій произойти въ будущемъ ущербъ.

2. Главное требованіе кассатора—именно, о регрессѣ,—тѣсно связано съ вопросомъ о положеніи гражданскаго отвѣтчика въ уголовномъ процессѣ. Противъ рѣшенія общаго собранія сената 1883 года возможны многія возраженія съ точки зрѣнія права. Не подлежитъ, однако, спору, что въ уголовномъ процессѣ допускается существованіе гражданскаго отвѣтчика, стоящаго въ сторонѣ отъ виновника преступленія (ст. 860 уст. уг. суд.). Въ качествѣ гражданскихъ отвѣтчиковъ могутъ являться, напр., наслѣдники умершаго обвиняемаго, опекуны за малолѣтнихъ и безумныхъ, господа и хозяева относительно рабочихъ и прислуги. Законъ 1878 г., дѣйствительно, вышелъ изъ начала государственнаго социализма, яснѣе говоря, изъ соображеній, политическихъ и экономическихъ: политическихъ—въ смыслѣ покровительства пострадавшимъ гражданамъ въ ихъ спорѣ съ громадными и могущественными капиталистическими предпріятіями; экономическихъ — въ виду фактической невозможности для агентовъ желѣзной дороги вознаградить потерпѣвшаго. По этимъ-то соображеніямъ законъ соединилъ въ одной общей отвѣтственности, уголовной и гражданской, агентовъ и общество дороги, возложивъ на первыхъ отвѣтственность личную, на вторыхъ—имущественную. Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ еще ничего парадоксальнаго въ смыслѣ права. Но вотъ что, дѣйствительно, стоитъ въ явномъ противорѣчій съ общими гражданскими законами—это перенесеніе *onus probandi* съ потерпѣвшаго на отвѣтчика. Возьмемъ, для ясности, два примѣра: одинъ, подлежащій сужденію общаго права, и другой, на который распространяется дѣйствіе закона 1878 г. Сравнимъ, именно, положеніе отвѣтчика въ случаѣ несчастія, происшедшаго при тѣхъ и другихъ обстоятельствахъ. Положимъ, кто-нибудь, протянувшій руку за билетомъ въ окошечко театральной кассы, не успѣлъ отдернуть ее, какъ, по какой-либо при-

чинѣ, затворяющая окно дощечка упала и отбила у покупателя два пальца. При предъявленіи иска къ антрепренеру театра, потерпѣвшій долженъ доказать, что несчастіе случилось по винѣ театральной администраціи, не позаботившейся о правильномъ устройствѣ необходимыхъ приспособленій. Возьмемъ такой-же случай, но имѣвшій лишь мѣсто при желѣзно-дорожной кассѣ, какъ картина тотчасъ мѣняется: доказываетъ уже не потерпѣвшій, а желѣзная дорога, что несчастіе произошло отъ вездѣйствія непреодолимой силы, что всѣ предосторожности были соблюдены, и что агенты ея—(напр., кассиръ) совершенно неповинны въ случившемся. Говорять, что потерпѣвшій отъ желѣзно-дорожнаго несчастія можетъ обратиться съ своимъ искомъ къ гражданскому суду, но вѣдь тамъ надо пройти 2 инстанціи, заплатить пошлины, собственными силами, на свой рискъ и страхъ, искать доказательствъ виновности отвѣтчика. Естественно, что онъ предпочитаетъ болѣе удобный уголовный судъ. Если затѣмъ допустить регрессъ въ судъ уголовномъ, то будетъ создано необычайное положеніе: произойдетъ смѣшеніе въ одномъ процессѣ двухъ совершенно различныхъ основаній отвѣтственности, именно, по 683 и 684-ой ст., въ одномъ случаѣ на лицо—ущербъ отъ преступленія, въ другомъ—отъ дѣянія не преступнаго, при чемъ второе основаніе не можетъ даже составлять предмета сужденія уголовного суда. Желѣзно-дорожное общество, желая доказать виновность своего агента, будетъ ссылаться на свои инструкціи, подсудимый же въ свое оправданіе приведетъ другія распоряженія желѣзно-дорожной администраціи, министерскіе циркуляры и пр. Неужели уголовный судъ компетентенъ въ подобныхъ вопросахъ и можетъ заниматься разборомъ этихъ объясненій и возраженій? Право регресса является, собственно, правомъ привлеченія третьяго лица къ дѣлу. Но допустивши въ уголовномъ процессѣ 3-е лицо, судъ окажется во многихъ случаяхъ, по силѣ 663-ей ст. уст. гр. суд., вынужденнымъ допустить и 4-ое лицо, напр., наследниковъ умершаго обвиняемаго, разведенную жену его, получающую отъ него определенное, по закону, содержаніе и отстаивающую въ этой части имущество мужа, на которое заявляетъ претензіи желѣзно-дорожное общество. Конечно, такъ, какъ дѣло стоитъ теперь, желѣзно-дорожныя общества находятся въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ потерпѣвшія частныя лица, такъ какъ возмѣщеніе своихъ убытковъ по ихъ вознагражденію должны искать съ своихъ агентовъ болѣе дорогимъ, медленнымъ и неудобнымъ гражданскимъ судомъ, но вѣдь надо помнить, что это юридическія лица, обладающія централизованной силой матеріальной и духовной многихъ тысячъ физическихъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо признать совершенно правильнымъ воззрѣніе Одесской судебной палаты, что желѣзная дорога не можетъ представить основанія своего иска, пока нѣтъ еще судебного приговора о виновности подсудимаго, а его нѣтъ, пока онъ не вступитъ въ законную силу.

Переходя къ послѣднему поводу кассации, оберъ-прокуроръ заявилъ, что считаетъ его неосновательнымъ, такъ какъ въ дѣлахъ уголовныхъ требованіе издержекъ за веденіе дѣла не допускается. На основаніи всѣхъ наложенныхъ соображеній, оберъ-прокуроръ полагалъ жалобу повѣреннаго общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ оставить безъ послѣдствій.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія, правительствующій сенатъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: жалобу повѣреннаго общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, прис. повѣреннаго Кривцова, за нарушеніемъ 912-ой ст. уст. угол. судопроизводства оставить безъ послѣдствій.

Дѣло о бродягѣ Хаимѣ Янкелѣ Симесѣ.

Хаимъ Янкель Ицковъ Симесъ (онъ же Синасъ) былъ преданъ суду Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда по обвиненію: въ обманѣ съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности, въ проживаніи по фальшивому виду и бродяжествѣ т. е. въ преступленіяхъ предусмотренныхъ 511, 977, 950 и 951 ст. уложенія о наказаніи и, признанный означеннымъ судомъ виновнымъ въ бродяжествѣ, былъ приговоренъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года и потомъ къ водворенію въ сибирскія отдаленныя губерніи.

Вслѣдствіе апелляціоннаго отвыва подсудимаго дѣло было перенесено въ Одесскую судебную палату, которая упомянутый приговоръ Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда утвердила.

На приговоръ палаты подсудимымъ была принесена въ уголовный кассационный департаментъ правительствующаго сената кассационная жалоба, которую въ IV отдѣленіи названнаго департамента 5 мая 1890 г. поддерживалъ присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ.

Въ практикѣ уголовной, преступленія идутъ порою полосами, не было извѣстныхъ преступленій, а потомъ вдругъ они повалили цѣлыми группами, иногда десятками и сотнями; къ числу такихъ участившихся дѣлъ принадлежатъ дѣла о евреяхъ, судимыхъ какъ *бродяги*. Недавно одно такое дѣло о Шапирѣ судилось въ депар-

таментъ и рѣшено 12 декабря 1889 года, въ прошломъ засѣданіи 28 апрѣля объявлено еще рѣшеніе о бродягѣ еврей. Ихъ многочисленность не доказываетъ, чтобы самыя преступленія изъ не бывалыхъ сдѣлались бывалыми и частыми, а можетъ быть только то, что измѣнилась политика, она пошла въ антисемитическомъ направленіи, приняты энергическія мѣры противъ состоянія вещей, на которыя въ теченіи десятилѣтій, а можетъ быть, и цѣлаго вѣка смотрѣли сквозь пальцы и, какъ рыбы невodomъ, были выловлены въ великомъ множествѣ лица не отбывающія государственныхъ службъ и повинностей и не приписавшіяся ни къ одному изъ установленныхъ въ государствѣ состояній. Ваша колеблющаяся и не установившаяся практика доказываетъ мнѣ, что не всѣхъ вы отнесете въ бродяги безъ разбора, вотъ почему я и рѣшился взять на себя защиту одного изъ такихъ несчастныхъ, по просьбѣ его семьи.

По фактамъ, признаннымъ въ обоихъ приговорахъ Каменецъ Подольскаго окружнаго суда и Одесской судебной палаты, и по документамъ, представленнымъ со стороны защиты, я постараюсь возстановить прошлое и настоящее этого человѣка, а затѣмъ поставитъ на ваше усмотрѣніе вопросъ, можетъ ли этотъ человѣкъ считаться упорно скрывающимъ свое состояніе, или званіе, или со-всѣмъ того и другаго не доказавшимъ, т. е., подходитъ ли онъ подъ опредѣленіе *бродяги*, введенное впервые въ уложеніе 1845 г. По объясненію къ проекту уложенія, оно смягчило прежнюю суровость закона.

Именующій себя Хаимомъ Янкелемъ Ицковичемъ Синасомъ или Симесомъ преданъ суду одновременно и по одному обвинительному акту за 3 преступленія: 1) обманъ съ цѣлью уклониться отъ воинской повинности (511 ст. улож.,—одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ на время отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ); 2) проживание по фальшивому виду (997 ст. улож. — тюрьма до 4 мѣсяцевъ); 3) бродяжество по 950 и 951 ст. улож. (арестантскія роты до 4 мѣсяцевъ и водвореніе въ Си-

бири или въ иныхъ отдаленныхъ мѣстахъ съ возможною прибавкою розогъ до 40 ударовъ улож. по 952 ст., за лживыя при допросѣ показанія).

Симесь несомнѣнно виновенъ по первымъ двумъ преступленіямъ; почему его не судили за нихъ и не осудили, я не понимаю. Главнымъ основаніемъ вопросовъ по 751 ст. уст. угол. судопр. должны быть выводы обвинительнаго акта. По всѣмъ содержимымъ въ обвинительномъ актѣ дѣяніямъ судъ обязанъ постановить по 771 ст. уст. угол. судопр.: а) либо объ оправданіи, б) либо объ освобожденіи отъ суда, либо с) о наказаніи. Нельзя быть оправданнымъ умолчаніемъ. По этимъ преступленіямъ Хаймъ Симесь преданъ суду, но, еще очевидно, не судился; я полагаю, что онъ могъ и долженъ быть судимъ. Но казнь показалась суду малою, погнались за большимъ наказаніемъ и признали Симеса бродягою. Приговоръ не былъ опротестованъ, палата разсматривала дѣло только въ предѣлахъ апелляціи. Въ какомъ же видѣ представляются удостовѣренныя данныя о Симесѣ, о его личномъ состояніи и званіи, открыто ли оно, или покрыто таинственнымъ мракомъ неизвѣстности?

Въ весьма близкомъ разстояніи лежатъ мѣстечко Деражня — желѣзнодорожная станція между Проскуровымъ и Жмеринкою, въ какихъ нибудь 20 верстахъ оттуда — уѣздный городъ Подольской губерніи надъ Богомъ Летичевъ и, почти по продолженію той же линіи, въ какихъ нибудь 80 верстахъ отъ Летичева, Бердичевъ — многолюдная еврейская столица, имѣющая до 80 тысячъ жителей, почти исключительно евреевъ.

Лицо, которое я предъ вами представляю, родомъ несомнѣнно изъ Бердичева. Слѣдователь рылся въ алфавитныхъ спискахъ обывателей г. Бердичева и нашель тамъ Файвеля Перцовича Синаса, умершаго 1862 г. въ возрастѣ 56 лѣтъ, слѣдовательно, родившагося 1806 г., и младшаго на 5 лѣтъ брата его Ицки Перцовича Синаса, родившагося, значить, въ 1811 г. (онъ умеръ въ 1874 г., имѣя 63 г.). Въ слѣдственномъ производствѣ

есть извѣстіе о томъ, что 16 іюня 1887 г. за № 7730, раньше, значить, возбужденія настоящаго дѣла, которое, началось 31 іюля 1887 г., Бердичевская городская дума представила въ Кіевскую казенную палату документы о пропущенномъ по ревизіи Хаимъ Янкелъ Симесъ. Прежде чѣмъ казенная палата утвердила этотъ приговоръ уже Хаимъ былъ арестованъ, какъ бродяга. Казенная палата представила документы о Хаимъ губернатору, они вытребованы къ дѣлу не были, между тѣмъ въ нихъ то и содержится самая суть вопроса о доказанности или недоказанности званія и состоянія Симеса.

Въ законахъ о состояніяхъ т. IX, въ ст. 518 сказано, что въ состояніе городскихъ обывателей могутъ записываться всѣ вообще лица, обязанныя избрать родъ жизни, въ ст. 520—что перечисленіе и записка въ городское состояніе производятся казенною палатою; въ случаѣ какого-либо затрудненія, дѣло представляется начальнику губерніи и можетъ восходить до министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, по 521—на причисленіе требуется согласіе въ мѣстахъ, гдѣ введено городское положеніе (оно не введено въ Бердичевѣ), согласіе мѣщанскаго или ремесленнаго общества. На основаніи этихъ законовъ по вашему департаментскому рѣшенію, по дѣлу Сруля Шапиро 12 декабря 1889 г. Шапиро признанъ доказавшимъ свое пріобрѣтенное имъ состояніе; Симесъ еще его не пріобрѣлъ, но былъ на пути къ пріобрѣтенію; онъ былъ извѣстенъ обществу, которое его принимало, какъ пропущеннаго по ревизіи, причисляющагося къ бердичевскому обществу на законномъ основаніи. Таковы данныя, указывающія на связь рода Синасовъ съ мѣстомъ первоначальнаго пребыванія этой семьи Бердичевомъ.

Но отецъ подсудимаго Хаима Симеса оставилъ Бердичевъ весьма, весьма давно, вѣроятно, до рожденія еще Хаима. Онъ поселился въ смежномъ уѣздѣ въ городѣ Летичевѣ, гдѣ и пріобрѣлъ недвижимую собственность. Произведено обширное дознаніе чрезъ мѣстныхъ жителей

старожиловъ города Летичева, число свидѣтелей допрошенныхъ въ окружномъ судѣ доходить до 38 человѣкъ. Если имѣется громадное число показаній, записанныхъ не по трафарету, то они не будутъ буква въ букву совпадать, найдутся и противорѣчія, потому что память человѣческая слаба. Необходимо выдѣлить общіе результаты и разногласія. Общій результатъ показаній у всѣхъ 38 свидѣтелей тотъ, что 4 человѣка не знали отца, а 34 показали, что въ Летичевѣ жилъ и умеръ знаемый всѣми показателями старикъ, школьникъ, т. е. отецъ священныхъ книгъ и въ родѣ учителя, который умеръ въ Летичевѣ. Не всѣ помнятъ какъ его звали, всего лишь 24 человѣка знали отца, но имени его не помнятъ. Двое свидѣтелей: Кондратъ Ляцукъ и Малицкій зовутъ отца Юсемъ, но семеро зовутъ его Ицкою и въ томъ числѣ Маргулисъ, который называетъ себя двоюроднымъ братомъ Хаима, слѣдовательно, племянникъ умершаго; трое свидѣтелей присутствовали даже при обрѣзаніи Хаима. Я не видалъ ничего, подобнаго отношенію Каменецъ Подольскаго окружнаго суда къ этому сырому матеріалу, весьма важному, потому что онъ рѣшаетъ судьбу человѣка на основаніи перворазрядныхъ источниковъ. Спрошенный на судебномъ слѣдствіи Михалевскій сказалъ то же, что на предварительномъ слѣдствіи, чего въ приговорѣ не сказано. Какъ звали отца, Юсь или Ицко?—да никакъ; разногласіе принято за основаніе къ тому, чтобы отвергнуть и Юся и Ицка, а всѣхъ спорщиковъ зачислить въ недостоверныхъ свидѣтелей, всякія же ихъ показанія обратить въ ничто. Отецъ былъ просто безымянный человѣкъ. Когда такая шаткость въ воспоминаніяхъ, что напримѣръ изъ свидѣтелей христіанъ одинъ Тимофей Ляценко говоритъ Ицко, а другой Кондратъ—Юсь, а третій—Игнатъ не помнитъ имени, то единственное спасеніе — официальные документы, метрическія выписи.

Я знаю, что эти еврейскія метрики *male famatae*, подозрительны, но что же дѣлать, другіе не бываютъ и

это единственныя, которыя установлены для евреевъ правительствомъ, акты ихъ гражданскаго состоянія. Надлежащій документъ подсудимымъ и представленъ Каменецъ Подольскому окружному суду и возвращенъ судомъ; при апелляціи онъ представленъ палатѣ, но отвергнутъ и палатою. Это метрическое свидѣтельство, выданное Летичевскимъ раввиномъ по книгѣ умершихъ по Летичеву, которое гласитъ, что 11 марта 1862 г. умеръ отъ воспаленія, 55 лѣтъ, бердичевскій мѣщанинъ Ицко Перцовичъ Симесь въ Летичевѣ 8 октября 1889 г. № 449.

Я понимаю, что этому документу можно и не дать вѣры непосредственно, что его надо повѣрить по 733 и 734 ст. уст. угол. судопр., отложивъ даже засѣданіе для производства изслѣдованія, но я не понимаю, какъ могутъ двѣ инстанціи одна откинуть, а другая отвергнуть по существу этотъ документъ, подъ тѣмъ болѣе курьезнымъ, нежели основательнымъ предлогомъ, что удостовѣряемое метрикою званіе одного лица не свидѣтельствуется еще о рожденіи отъ него другаго лица. Какъ такъ? До сихъ поръ я полагалъ, что мое званіе по государственнымъ россійскимъ законамъ состоитъ изъ крестнаго имени, отчества и фамиліи. Есть затрудненіе въ отчествѣ потому, что отецъ одними называется такъ, другими иначе, и есть документъ, по которому можно несомнѣнно установить имя отца, т. е. мое отчество, имя лица, которое по свидѣтельству всего околотка старожиловъ, цѣлой мѣстности, мой родной отецъ. И меня лишаютъ возможности установить часть составную моего названія подъ предлогомъ, что оно до меня не относится. Нѣтъ, позвольте, оно не только относится, но и измѣняетъ приговоръ. Въ немъ уже нѣтъ противорѣчій; то что судебная палата колебалась признать, что Ицко, а не Іосъ, падаетъ и Хаимъ вступаетъ въ несомнѣнное обладаніе патронимическаго своего прозвища Ицковичъ. Такимъ образомъ, нарушена 1032 ст. IX т., по которой акты, которые удостовѣряютъ состояніе лица, суть метрическія книги и вѣдомости, и 797 ст. 2 п. уст. угол. судопр., гдѣ обязательно обсу-

деніе въ приговорѣ безъ присяжныхъ засѣдателей обвиненія съ представленіемъ къ дѣлу доказательствъ. Я считаю, что по этому одному уже приговоръ суда и палаты о Симесѣ не годятся.

Совершенно такое же однородное, явное нарушение закона и неправосудіе показано, если не Хаиму, то во всякомъ случаѣ, что можетъ быть доказано, *Ицковичу* Симесу лишеніемъ его другаго существеннаго способа доказать свое состояніе, какъ обывателя, хотя иногороднаго, но домовладѣльца въ г. Летичевѣ подъ неосновательнымъ и противнымъ закону предлогомъ, что принадлежность Хаиму Симесу половины дома въ Летичевѣ не даетъ указаній для опредѣленія состоянія и званія обвиняемаго. Хаимъ Симесъ представилъ самые достовѣрные и самые несомнѣнные окладные листы. Я бы хотѣлъ, чтобы вы на нихъ взглянули. Съ 1882 по 1887 г., фатальный и роковой годъ, владѣлецъ половины дома № 202 въ Летичевѣ мѣщанинъ Хаимъ-Янкель Симесъ вноситъ поземельную подать за свой домъ и получаетъ на свое такое именно имя квитанціи, выдаваемыя ему то нѣкимъ секретаремъ, то нѣкимъ членомъ управы Звѣревымъ, то полицейскими надзирателями. Окружный судъ умалчиваетъ совсѣмъ объ окладныхъ листахъ, чѣмъ явно нарушаетъ 797 ст., требующую соображенія всѣхъ доказательствъ. Палата поступила не лучше, она умолчала въ приговорѣ объ имѣющемся въ дѣлѣ официальном удостовѣреніи Летичевской городской управы 11 сентября 1889 г. № 1923, что съ 1881 по 1889 г. по книгѣ о налогѣ съ домовъ половина дома № 54 числится за Хаимомъ Янкелевымъ Симесомъ. Откуда взято эти удостовѣренія? По 1132 ст. IX т. св. зак. о состояніяхъ они заимствовались изъ городской обывательской книги, которая служитъ актомъ состояній для городскихъ обывателей. По 1133 ст. въ эту книгу вносятся всякіе люди, даже иногородные, имѣющіе въ этомъ городѣ недвижимую собственность. Она сопровождается по 1135 ст. алфавитомъ съ показаніемъ, какимъ поряд-

комъ имѣніе дошло къ владѣльцу. По 1137 ст. Симесь Хаимъ долженъ значиться въ 6-й части этой книги, куда записываются посадскіе или мѣщане въ особенности. Она ведется депутатскимъ собраніемъ обще съ городскимъ головою, предъявляется обществу, сдается въ архивъ, одна ея копія отсылается въ губернское присутствіе, другая въ казенную палату. Если бы судъ усомнился въ удостовѣреніи городского управленія, онъ бы могъ справиться и въ губернскомъ присутствіи и въ архивѣ и въ казенной палатѣ. До тѣхъ поръ, пока онъ не справился я утверждаю, что эти записи есть, и такимъ образомъ, что состояніе обывателя въ Летичевѣ Хаима Симеса, купно съ его происхожденіемъ, были официально извѣстны властямъ, губернскому правленію и казенной палатѣ — а Симесь осужденъ, какъ бродяга!

Итакъ я полагаю, что только по нежеланію исполнить требованіе закона, заключающееся въ соображеніи обвиненія съ представленными по дѣлу доказательствами, суды 2-хъ инстанцій отказываютъ въ признаніи несомнѣнно удостовѣренныхъ обстоятельствъ, что защищаемый мною человекъ обыватель и домовладѣлецъ въ Летичевѣ, что по массѣ свидѣтельскихъ показаній, онъ родной сынъ Ицки Симеса, слѣдовательно, что онъ Ицковичъ Симесь; остается только для полного опредѣленія его индивидуальныхъ качествъ установить, что онъ доподлинно Хаимъ, а если возможно, то гдѣ и когда онъ родился.

Я говорю—если возможно; начиная съ Гомера, о котораго происхожденіи изъ того или другаго города спорили девять городовъ, до всѣхъ почти великихъ людей настоящихъ и будущихъ идутъ и будутъ идти вѣчные и часто не рѣшимые споры, не смотря на близость времени, о томъ, гдѣ именно и въ какой день и мѣсяцъ, какого года они родились. Еще не родился такой человекъ на свѣтъ, который бы могъ сознательно, по личному опыту сказать: родился я тамъ-то и тогда-то. Онъ

знаеть только по слухамъ, по семейнымъ преданіямъ, а эти преданія бываютъ страшно обманчивы и недостовѣрны. Когда въ 1887 году Симесу пришло бороться съ нависшею надъ нимъ грозой, онъ уже не имѣлъ ни отца, ни матери; по наличнымъ, смутнымъ соображеніямъ, онъ назвалъ мѣстомъ рожденія своего Деражню. Слѣдователь вытребовалъ еврейскія метрическія книги мѣстечка Деражни отъ слѣдователя другаго участка того же уѣзда, по начатому послѣднимъ производству о подлогахъ въ метричѣ какого то Рабиновича. Подъ 28 іюня 1848 года оказалось: родился Хаимъ-Янкель (слово Янкель какъ бы потомъ приписано), родители его Ицко Симесь, жена Эйда, записаны въ Бердичевѣ. *Канторъ*. Эти слова написаны по вытравленному въ актѣ; отъ прежней записи остались очертанія нѣкоторыхъ буквъ. Затѣмъ идутъ подлинныя надписи: совершали обрядъ обрѣзанія Нухимъ Гольдштейнъ, Мейеръ Герсонъ и Іосъ Вайнштейнъ.

По составленіи протокола, слѣдователь отослалъ книгу по принадлежности къ товарищу, не совершивъ дальнѣйшаго изслѣдованія микроскопически - химическаго, которое могло бы возстановить прежнее писаніе. Слово Янкель, повидимому, добавлено; оно слишкомъ легковѣсное, можетъ быть *да*, можетъ быть *нѣтъ*. Предположимъ, что 28 іюня родился дѣйствительно Хаимъ Янкель. По своду законовъ о состояніяхъ т. IX ст. 1080—1087, метрическія книги бываютъ общія и частныя. Ежегодно въ октябрѣ губернскія правленія къ 1-му октября рассылаютъ раввинамъ метрическія книги, стоимостью не больше рубля за книгу. Сверхъ того, раввины ведутъ частныя книги или тетради, въ которыя непосредственно записываютъ всякій религіозный обрядъ и изъ которыхъ всѣ статьи вносятся потомъ по истеченіи мѣсяца въ общія метрическія книги. И метрическія книги и частныя тетради свидѣлствуются еврейскимъ духовнымъ правленіемъ, а въ концѣ года представляются книги и общія и частныя въ городскія

думы и управы для повѣрки общихъ съ частными и частныхъ съ общими и для сдѣланія на нихъ надлежащихъ о совершенномъ сходствѣ надписей, послѣ чего общія сдаются въ архивъ городской думы, а частныя возвращаются раввинамъ для храненія при синагогахъ. Итакъ есть метрическія книги мѣстечка Деражни, которое не имѣетъ особаго городского управления. Общія книги хранятся въ городскомъ Летичевскомъ архивѣ и частныя — при молитвенномъ домѣ. Я не знаю, какія книги разсматривалъ слѣдователь, общія или частныя; я полагаю, что частныя; изъ его протокола отъ 5 іюня видно, что книга безъ перешлетена, пронумерована и прошнурована. Если это была частная, то ее надобно было повѣрить съ общею, если она была общая, то ее надобно повѣрить съ частною. Этого не сдѣлано и потому недостоверность записи, вслѣдствіе подчистокъ не установлена и истолкована тенденціозно, не въ пользу, а въ наибольшей вредъ подсудимому. Опять нарушеніе, о которомъ я еще распространюсь въ свое время.

Сбитый съ толку результатами осмотра, Симесь въ тюрьмѣ не могъ ничего сдѣлать, но за него хлопотали родные, его жена. Она и выхлопотала не отъ раввина, а изъ метрическихъ книгъ м. Деражни, внесенныхъ на храненіе въ Летичевскій городской архивъ, метрическое свидѣтельство о рожденіи Симеса въ Летичевѣ 16 сентября 1855 года, вслѣдствіе чего ему было теперь 35 лѣтъ, т. е. то самое число лѣтъ 33 — 36, которое ему дано по медицинскому освидѣтельствуванію 5 декабря 1888 г. Опять ставилась необходимость удостовѣриться критически, подлинный ли этотъ документъ, или подложный. Если онъ подлинный, то онъ и есть актъ состоянія подсудимаго, актъ главный и общій по 1032 ст. IX т. Палата опять рѣшительно нарушила 797 ст. и освободилась отъ повѣрки документа, исключивъ его изъ ряда доказательствъ по столь легковѣснымъ и нелогическимъ причинамъ, что они бы заслуживали названія шуточныхъ. «Нельзя дать вѣру новому метриче-

скому свидѣтельству о рожденіи Симеса въ Летичевѣ потому, что онъ самъ показалъ, что родился въ Деражнѣ и что въ метрическихъ книгахъ города Деражни уже записанъ Хаимъ Янкель, какъ сынъ Ицки Симеса, правда, что запись сдѣлана по подчищенному».

Туть есть невообразимая путаница. Либо запись въ Деражнѣ писана по подчищенному, а потому, недостаточная и должна быть исключена изъ ряда доказательствъ, и тогда она не можетъ препятствовать къ розысканію на основаніи доказательствъ, когда же и гдѣ родился Хаимъ Янкель Симесь; либо она достовѣрна, значить, что Хаимъ сынъ Ицки Симесь, онъ же и послѣ отца домовладѣлецъ, а слѣдовательно, никакъ не бродяга; что же касается до того, что Симесь сначала защищался тѣмъ, что онъ родился въ Деражнѣ, а теперь, что въ Летичевѣ, слѣдовательно, противорѣчить себѣ и лжетъ, то это: 1) не избавляетъ судъ отъ необходимости исканія истины, независимо отъ всевозможной лжи подсудимыхъ, а во 2) оно составляетъ неслыханную и вопіющую несправедливость спеціально по дѣламъ о бродяжествѣ, гдѣ этимъ средствомъ суду пользоваться воспрещено.

Что такое бродяжество? Несчастное ли положеніе человѣка, который доказательствъ своего состоянія не имѣетъ, или хотя изъ кожи лѣзетъ, чтобы его доказать, но сдѣлать этого не можетъ по стеченію обстоятельствъ, или преступленіе, преслѣдованіе котораго обусловливается проявляющеюся въ немъ злою волею неизвѣстнаго, котораго настоящее званіе стараются раскрыть. Я полагаю, что возможно только послѣднее предположеніе, потому, что уложеніе имѣетъ дѣло только съ преступленіями и проступками, а не съ несчастными случаями и что, въ рѣшеніи по дѣлу Левандовскаго 1879 г. № 32 вы сами выразились: преступленіе бродяжества, представляя собою полицейское нарушеніе, преслѣдуется закономъ, вслѣдствіе опасности, которую оно представляетъ для общественнаго порядка. Въ ст. 951

и 952 изображены двѣ главныя этого полицейскаго нарушенія формы. А) Бродяга называетъ себя непомнящимъ родства или отказывается сказать, кто онъ и откуда. Б) Бродяга дѣлаетъ показанія о своемъ состояніи или званіи, но по собраннымъ справкамъ эти показанія оказываются ложными, значить онъ, не молчитъ, а еще того хуже, лжетъ и задаетъ органамъ правительственнымъ напрасную работу. Но эти показанія не повѣрены, справки не собраны, мы не знаемъ, правду ли онъ говорилъ или лгалъ, называя себя Хаимомъ Симесомъ; я нахожу, что по отношенію къ нему нарушена статья 952 въ связи съ 950. По рѣшенію Вашему 1874 года № 605, по д. бродяги Ивана признано, что въ силу устава о паспортахъ, не только до вступленія рѣшенія въ законную силу, но и до исполненія его надъ бродягою, отправкою его въ Сибирь, еслибы онъ лгалъ и запырался, по всякому новому подтвердившемуся его заявленію о своемъ званіи возобновляется дѣло о немъ, потому что когда уже онъ сосланъ, то все для него пропало и никакія его признанія, хотя самыя правдивыя не будутъ имѣть послѣдствій. Подсудимый Симесъ еще не дождался вступленія въ законную силу приговора, онъ только жалуется, что вопреки закону его судятъ по указанію имъ его званія, безъ собранія о немъ справокъ. Я полагаю, что жестокой былъ бы отказъ въ правосудіи, еслибы вы этому послѣшному, безъ собранія справокъ и повѣрки его указаній, приговору дали войти въ законную силу. Прошу этотъ приговоръ отмѣнить.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: принимая во вниманіе, что въ засѣданіи судебной палаты подсудимый, въ лицѣ своего защитника, въ подтвержденіе происхожденія своего отъ Бердичевскаго мѣщанина Ицки Перцовича Симеса, предъявилъ метрическое свидѣтельство Летичевского уѣзднаго раввина; что въ виду сего, на обязанности судебной палаты лежало войти въ обсужденіе значенія его удостовѣренія, какъ документальнаго доказательства по дѣлу, помимо прежнихъ объясненій подсудимаго о мѣстѣ его рожденія, и что между

тѣмъ судебная палата признала, что упомянутое удостовѣреніе раввина не можетъ служить доказательствомъ происхожденія подсудимаго лишь потому, что оно находится въ противорѣчьи съ показаніемъ сего послѣдняго о рожденіи его въ мѣстѣчкѣ Деражнѣ и съ метрическими книгами лицъ, рожденныхъ въ семь мѣстечкѣ, *определила*: за нарушеніемъ 878, 766 и 997 ст. у. у. с. приговоръ Одесской судебной палаты отмѣнить и дѣло возвратитъ въ ту же палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

Дѣло правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка съ О. К. Нотовичемъ.

18-го января 1889 года прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда подана была жалоба, озаглавленная отъ Правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, въ которой изложено, что кандидатъ правъ Нотовичъ въ № 354, редактируемой и издаваемой имъ газеты «Новости» отъ 23-го декабря 1888 года напечаталъ статью подъ рубрикой «О чемъ говорить», заключающую въ себѣ оскорбительные отзывы и оклеветаніе настоящаго состава правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. Въ означенной статьѣ говорится: «это та же исторія, что случилась съ пресловутымъ Саратовскимъ банкомъ, С.-Петербургско-Тульскій банкъ и его операціи тоже самое, что Саратовскій банкъ и его операціи. Вся разница заключается въ томъ, что Саратовскому банку не удалось развить свои дѣйствія и прикрыть неизбежныя прорѣхи — мнимыя прибыли и недочетъ первыхъ годовъ своего существованія, а С.-Петербургско-Тульскій банкъ болѣе или менѣе успѣшно перепрыгивалъ до сихъ поръ черезъ эти трещины и ухабы. Разница, если угодно, заключается еще и въ томъ, что заправилы Саратовскаго банка побывали на скамьѣ подсудимыхъ, а С.-Петербургско-Тульскіе правители, при посредствѣ подобныхъ же отчетовъ и при однородномъ образѣ дѣйствій, получаютъ благодарность отъ «большинства» общихъ собраній акціонеровъ и отчисляютъ въ свою пользу болѣе или менѣе кругленькія прибыли». 3-го іюля въ той же газетѣ за 1889 годъ № 6 помѣщено категорическое подтвержденіе вышеприведенной клеветы, а въ № 13 въ статьѣ «о С.-Петербургско-Тульскомъ

банкъ» заявляется: а) если бы къ правленію С.-Петербургско-Тульскаго банка была приложена та же самая мѣрка, подъ которую было подведено правленіе Саратовскаго банка, то наши уголовныя лѣтописи обогатились бы еще однимъ «громкимъ процессомъ». Для уголовныхъ обвиненій въ дѣлахъ С.-Петербургско-Тульскаго банка имѣется точно такой же матеріалъ, какой подарило намъ тянувшееся пять лѣтъ предварительное слѣдствіе о Саратовскомъ банкѣ. Фальшивые отчеты, дутыя цифры, выдача небывалыхъ дивидендовъ, искусственно составленныя общія собранія — все тутъ на лицо. Ясно, слѣдовательно, что мы были правы, говоря, что Саратовскій банкъ судили за неудачу, за крахъ, за то, что онъ не успѣлъ развить свои операціи и при помощи ихъ прикрыть прошлые грѣхи и «уголовные матеріалы», когда уголовные громы разразились надъ головами людей, виновныхъ въ томъ самомъ, что творится въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ». Находя, что приведенныя мѣста анонимныхъ статей газеты «Новости» представляются несомнѣнно такими, которыя заключаютъ въ себѣ какъ оскорбительные отзывы, такъ и оклеветаніе въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, Правленіе банка, состоящаго изъ предсѣдателя Масловскаго и членовъ: Квиста, Масляникова, Костомарова и Черкасова, просило возбудить уголовное преслѣдованіе противъ редактора-издателя газеты «Новости», кандидата правъ Іосифа Нотовича въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1535 и 1040 ст. улож. о нак.

Такъ какъ примиренія между сторонами не послѣдовало, то дѣло поступило въ С.-Петербургскій окружный судъ, который 23 и 24-го марта 1890 года призналъ подсудимаго Нотовича виновнымъ въ преступленіи, предусмотренномъ ст. 1535 улож. о нак. и приговорилъ его къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

На этотъ приговоръ были принесены въ С.-Петербургскую судебную палату апелляціонные отзывы, какъ защитникомъ подсудимаго Нотовича, прис. пов. В. Д. Спасовичемъ, такъ и ст. сов. Масловскимъ, за себя, въ качествѣ предсѣдателя правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка. и какъ повѣреннымъ сего правленія, въ лицѣ членовъ онаго—Масленникова, Черкасова и Костомарова.

Разборъ дѣла происходилъ въ уголовномъ департаментѣ С.-Петербургской судебной палаты 7-го ноября 1890 года. Изъ протокола сего засѣданія видно, что палата, въ виду заявленія сторонъ, признала необходимымъ, предварительно доклада дѣла, разрѣшить преюдиціальныи вопросъ о томъ, кто въ данномъ случаѣ является частнымъ обвинителемъ—правленіе С.-Петербургско-Тульскаго банка, или же члены этого правленія—Масловскій, Масленниковъ, Черкасовъ и Костомаровъ, и принявъ во вниманіе, что настоящее дѣло возникло по жалобѣ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, поданной прокурору суда 18 октября 1889 г., причѣмъ въ этой жалобѣ подсудимый Нотовичъ обвиняется въ оклеветаніи всего состава правленія, а не отдѣль-

ныхъ членовъ онаго въ частности, судебная палата опредѣлила: 1) признать частнымъ обвинителемъ по настоящему дѣлу правленіе С.-Петербургско-Тульского поземельнаго банка въ лицѣ его уполномоченныхъ Масловскаго и прис. пов. Михайлова и 2) устранить отъ участія въ семь дѣлѣ Масловскаго, какъ отдѣльнаго частнаго обвинителя, а также Масленникова, Костомарова и Черкасова, въ качествѣ такихъ же отдѣльныхъ частныхъ обвинителей.

Затѣмъ приступлено было къ разбору дѣла по существу.

Прежде всего я долженъ считаться съ приговоромъ окружнаго суда, который остается въ силѣ, пока палата его не отмѣнитъ. Во-вторыхъ, я полагаю, я долженъ опровергнуть апелляцію противной стороны, направленную къ увеличенію наказанія и подлежащую разсмотрѣнію, хотя-бы никто и не явился ее поддерживать. Наконецъ, имѣется еще объясненіе, весьма пространное, обвинителей на мою апелляціонную жалобу, которое палата, какъ она объявила, будетъ имѣть въ виду.

Начну съ апелляціи моихъ противниковъ, которая странна и неудобопонятна. Г. Нотовичъ судится за оскорбленіе чести, а ему даже неизвѣстно было чьей именно чести: правленія или отдѣльныхъ его членовъ. Честь эту онъ, яко-бы, оскорбилъ не заявленіемъ, а только сравненіемъ и сужденіемъ. Допустимъ, что онъ сдѣлалъ даже клеветническое заявленіе. Во всякомъ случаѣ, онъ не касался того, что всего больнѣе и что особенно тяжело для сердца человѣческаго, его домашней жизни, его семейныхъ отношеній, которыхъ обнаруженіе наноситъ иногда столь-же тяжкую рану, какъ и та, которая происходитъ отъ клеветы. Какъ-бы то ни было, онъ строго осужденъ. Я затрудняюсь даже приискать сравненіе этому приговору въ другихъ, мнѣ извѣстныхъ. Четыре мѣсяца тюрьмы и добавочное денежное наказаніе, по крайней мѣрѣ, въ 2,000 р. на напечатаніе приговора обвиняющаго его въ 21 газетѣ. Съ языческой точки зрѣнія мѣсть — нектаръ боговъ.

Казалось-бы, и этому наслажденію есть мѣра и предѣлъ; оказывается, что нѣтъ. Подана апелляція, въ которой апелляторы дошли до геркулесовыхъ, въ своемъ родѣ, столбовъ, въ которой они говорятъ: законъ ошибся въ опредѣленіи максимума наказанія, обѣщанное закономъ содѣйствіе оклеветанному будетъ неосуществимою фикціею, если г. Нотовичъ не будетъ посаженъ, по крайней мѣрѣ, на 8 мѣсяцевъ въ тюрьму! Великъ перечень прегрѣшеній г. Нотовича; тутъ всякое лыко идетъ въ строку: и то, что онъ кандидатъ правъ, и то, что онъ журналистъ, что онъ не покаялся, въ особенности-же, то, что, не довольствуясь принесеніемъ апелляціи въ судебную палату, онъ обратился къ другому, не указанному суду—къ суду общества, жаловался на пристрастіе суда первой инстанціи и обличалъ въ прессѣ нарушенія судомъ и формъ и обрядовъ судопроизводства, и уголовныхъ законовъ. Обыкновенно полагають, что то, что происходило послѣ произнесенія приговора первой инстанціи, не подлежитъ разсмотрѣнію второй. Въ апелляціи можно жаловаться только на то, что содержится въ приговорѣ, а разсмотрѣніе дѣла во второй инстанціи опредѣляется предѣлами апелляціи. Все, что внѣ приговора и апелляціи, конечно, есть обстоятельство побочное. Я не причастенъ къ тому, что печаталось г. Нотовичемъ послѣ приговора, и не могу его ни хвалить, ни порицать. Чтобы судить о томъ, надобно быть въ положеніи человѣка, на котораго неожиданно свалилась бѣда за то, что онъ совершалъ по своему убѣжденію, въ предѣлахъ закона и при отправленіи своей профессиональной функціи, то есть при обсужденіи общественной дѣятельности извѣстнаго учрежденія, подлежащей суду общественнаго мнѣнія. Я спрашиваю: какимъ законнымъ основаніемъ руководствуются противники, требуя усиленнаго взысканія по 1535 статьѣ за поруганіе суда? Гдѣ ихъ полномочія на то, чтобы вступаться и охранять судебную власть? Суду, а не кому иному подobaетъ за честь суда вступаться—время на это есть.

Съ г. Нотовича за его дерзновеніе, можетъ быть, и будетъ взыскано, а, можетъ быть, и не будетъ, потому что наша магистратура удивительно невзыскательна и великодушна, что составляетъ ея честь и славу. Возьмите всю дѣятельность суда, правительствующаго сената, какъ кассационной инстанціи: бывали нападенія весьма сильныя, весьма рѣзкія, напримѣръ, книжка Карабегова, но было-ли возбуждено сенатомъ хотя-бы одно преслѣдованіе за оскорбленіе его чести. Другіе суды слѣдуютъ примѣру сената, что и понятно. Господа судьи! вы стоите выше всѣхъ страстей и сужденій человѣческихъ, вы не гоняетесь за популярностью; никакіе отзывы не должны и не могутъ оказать на васъ вліянія,—точно также и тѣ инсинуаціи, которыя приводятся въ объясненіи на апелляцію г. Нотовича, а ровно даваемые вамъ совѣты, чтобы вы наказали г. Нотовича построже и дали тѣмъ спасительный урокъ всей печати, покушающей на независимость вашей судебной власти.

Возвращаюсь еще разъ къ наказанію, назначенному, по требованію апеллятора, а именно къ опубликованію приговора въ 21 газетѣ. Во-первыхъ, въ этомъ наказаніи смѣшана дѣятельность лицъ, честь которыхъ оскорблена, по мнѣнію окружнаго суда, съ дѣятельностью правленія, какъ коллегіи. Во-вторыхъ, въ уложеніи о наказаніяхъ проведено вездѣ начало суда и наказанія, по мѣсту совершенія преступленія, слѣдовательно, мѣстныхъ газеты, подразумѣваемые ст. 1536 ул.,—это газеты той мѣстности, гдѣ напечатаны статьи, признанныя клеветою, т. е. газеты петербургскія. Въ-третьихъ, я указывалъ въ апелляціи на то, что, по точному смыслу теперешней 1536 ст. ул., воспроизводящей ст. 2017 изд. 1845 года, полагалось публиковать приговоръ о клеветѣ въ газетахъ официальныхъ столичныхъ и мѣстныхъ. Мнѣ возражаетъ г. Масловскій въ объясненіи на мою апелляцію, что въ моментъ изданія уложенія въ 1845 г. въ Россіи не было частныхъ газетъ, а были только

официальныя «Вѣдомости», столичныя и губернскія. Это не совсѣмъ правда, потому что, независимо отъ академическихъ «С.-Петербургскихъ» вѣдомостей и университетскихъ «Московскихъ», сдаваемыхъ въ аренду частнымъ лицамъ, и, слѣдовательно, частныхъ, были еще при Пушкинѣ болгаринская «Сѣверная Пчела» и другія.

Мои жалобы на приговоръ я долженъ подраздѣлить: на жалобы на процессуальныя нарушенія закона и на жалобы на опредѣленіе преступленія по его существу.

Что касается формальныхъ нарушеній закона со стороны обрядовъ судопроизводства, то я постараюсь сократить мои требованія до послѣдней возможности. Я жаловался, что не было на судѣ прочитано показаніе умершаго тайнаго совѣтника О. И. Квиста, потому что онъ могъ-бы быть по этому дѣлу частнымъ обвинителемъ г. Нотовича. 709 ст. у. у. с. не допускаетъ въ свидѣтели лицо, которое въ то-же время, по тому-же дѣлу, исправляетъ обязанность прокурора, либо защитника, либо повѣреннаго гражданскаго истца, либо повѣреннаго частнаго обвинителя. Но законъ не говоритъ вовсе о несовмѣстительствѣ роли свидѣтеля съ обязанностью частнаго обвинителя или гражданскаго истца. Здѣсь-же, въ этомъ зданіи, по дѣлу Овсянникова, гражданскій истецъ Кокоревъ и допрашивался какъ свидѣтель, и обвинялъ какъ гражданскій истецъ. Всѣхъ господъ частныхъ обвинителей я-бы могъ потребовать какъ свидѣтелей и допросить ихъ; слѣдовательно, я могъ потребовать и прочтенія показаній Квиста, о чемъ я и ходатайствовалъ въ апелляціи. Нынѣ я считаю чтеніе это излишнимъ и отъ моего требованія отказываюсь.

Второй формальный мотивъ моей апелляціи, заключающійся въ томъ, что жалоба Костомарова не побывала у мирового судьи, отпадаетъ самъ собою, такъ какъ палата признала, что жалобщикомъ являются не обиженные обвинители порознь взятые, а только правленіе, какъ одно лицо.

Третье нарушение—процессуальное, заключающееся въ томъ, что господа мои противники не имѣли права являться на судъ отъ себя лично, а только отъ имени принесшаго жалобу правленія, уже палатою разсмотрѣно, и въ благопріятномъ для меня смыслѣ разрѣшено особымъ опредѣленіемъ.

Такимъ образомъ, теперь поле очищено для разбора дѣла по самому существу. Я ощущаю то волненіе, которое бываетъ присуще человѣку, бросающемуся въ весьма большія воды, чтобы переплыть ихъ, не истощая ни силъ своихъ, ни вашего терпѣнія, чтобы не заслужить отъ васъ упрека въ многоглаголаніи, часто дѣлаемаго моимъ товарищамъ по профессіи. Увѣряю васъ, господа судьи, по продолжительному опыту, что многословіе нашей братіи проистекаетъ, главнымъ образомъ, отъ скрупулезности ихъ, отъ боязни отвѣтственности, чтобы чего нибудь не пропустить, чтобы не оставить ни одного сучка, ни одной зацѣпочки противника безъ отвѣта. Я этой боязни и этого малодушія имѣть не буду потому, что на мой взглядъ дѣло съ г. Нотовичемъ находится въ той стадіи, когда оно почти переварено и превращено въ тотъ элементъ, который имѣетъ превратиться въ кровь, или, лучше сказать, оно представляетъ изъ себя жизненосную протоплазму, изъ которой имѣетъ родиться вашъ, господа судьи, приговоръ. Факты не только проанализированы, но и группированы, о нихъ нѣтъ уже почти спора, споръ не о нихъ, а о квалификаціи ихъ, о подведеніи ихъ подъ ту или другую логическую категорію. Теперь эту жидкость, полупрозрачную, нѣсколько мутную, слѣдуетъ пропустить чрезъ послѣдній фильтръ, чрезъ 1535 ст., опредѣляющую составъ преступленія клеветы. Пройдетъ вся жидкость чрезъ этотъ фильтръ, безъ остатка, тогда дѣло кончено, клеветы нѣтъ, — г. Нотовичъ не виновенъ. Если-же останутся на днѣ фильтра твердые осадки, не растворенные камешки или деревяшки, то это будетъ клевета. Работу мою при этомъ окончательномъ профильтриваніи

ни жидкаго, но еще мутнаго состава я поведу по пунктамъ, по составнымъ частямъ разбираемаго преступленія, и прежде всего, я задаюсь количественнымъ вопросомъ о веществѣ, содержащемъ въ себѣ признаки преступленія, о томъ, что называется технически *corpus delicti*: въ какихъ печатныхъ данныхъ надобно искать клеветы для изобличенія въ ней г. Нотовича? Когда, 18-го января 1889 г., подавалась жалоба на г. Нотовича, существовали только три инкриминируемыя статьи «Новостей» — 23-го декабря 1888 г., 3-го января и 16-го января 1889 г., которыя составляли — въ этотъ моментъ весь *corpus delicti*. Когда дѣло началось, г. Нотовичъ не переставалъ спорить съ моимъ противникомъ печатно. Такихъ статей явилось еще одиннадцать, итого всѣхъ, вообще, 14; всѣ онѣ перечислены и въ приговорѣ окружнаго суда, что и дало поводъ моимъ противникамъ утверждать, что настоящая, яко-бы, клевета есть преступленіе дѣящееся, вслѣдствіе непрестанныхъ его повтореній до приговора и послѣ приговора, до послѣдней минуты. Я возражаю противъ такого вывода. Клевета заключается въ распространеніи въ обществѣ выдуманныхъ, позорящихъ человѣка, небывалыхъ дѣяній. Въ статьяхъ, послѣдовавшихъ за тремя главными, никакихъ новыхъ фактовъ г. Нотовичъ не приводитъ, а только подтверждаетъ, что въ первыхъ трехъ онъ высказалъ сущую правду. Послѣдующія статьи обнаруживаютъ только намѣреніе г. Нотовича воспользоваться правомъ, несомнѣнно ему принадлежащимъ, доказывать истину прежде того сообщеннаго, то есть употреблять то, что называется технически *exceptio veritatis*. Это право входитъ въ составъ общаго права подсудимаго защищаться чѣмъ угодно и какъ угодно, не будучи ничѣмъ стѣсняемымъ въ этой защитѣ. Въ старинныхъ инквизиціонныхъ процедурахъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ дореформенномъ процессѣ подсудимый, сверхъ наказаній за преступленіе или даже при оправданіи по обвиненію за это преступленіе, могъ быть наказанъ самостоятельно за разнорѣчивыя или лож-

ныя на судѣ показанія. Теперь иначе: свидѣтель привлекается за свои ложныя показанія на судѣ, но подсудимый никогда, кайся-ли онъ, или запирайся. Только при этомъ условіи защита вполне свободна. Итакъ, относительно г. Нотовича слѣдуетъ разобрать, прибавили ли онъ что нибудь къ дѣяніямъ, уже приписаннымъ имъ обвинителямъ, въ 11-ти послѣдующихъ полемическихъ о нихъ статьяхъ, или не прибавилъ? Если онъ прибавилъ, то эта прибавка можетъ быть преслѣдуема самостоятельно. Если не прибавилъ, то эти статьи не суть продолжаемая клевета. Впрочемъ, весь этотъ вопросъ о матеріальномъ объемѣ вещества, вмѣщающаго въ себѣ преступленіе, имѣетъ весьма малое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, потому что всѣ послѣдующія полемическія статьи повторяютъ только положенія, высказанныя въ трехъ первыхъ статьяхъ.

Перехожу ко *второму* пункту разбора, къ *формѣ* приписываемой г. Нотовичу клеветы, къ вопросу о томъ, возможна-ли клевета въ такой, именно, формѣ. Эта форма—сравненіе, сопоставленіе двухъ близкихъ по своему прошлому банковъ. Г. Нотовичъ приговоренъ судомъ, главнымъ образомъ, только за то, что утверждалъ, якобы въ дѣлахъ Тульского банка заключается такой-же уголовный матеріалъ, какой имѣлся въ дѣлахъ Саратовско-Симбирскаго банка, уже преданнаго за свои преступленія уголовному суду. Окружный судъ отлично понималъ, что подсудимый вправѣ доказывать истину всего того, что онъ вмѣнялъ въ вину обвинителю, но судъ поставилъ это право защиты въ такія невозможныя условія, при которыхъ обвиняемый не могъ-бы, вѣроятно, никогда имъ воспользоваться. Судъ разсудилъ такимъ образомъ: разъ вы утверждаете, что матеріалъ въ этихъ двухъ банкахъ тождественный, значитъ—всѣ преступленія, которыя были совершены въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ по обвинительному акту, должны быть вами доказаны и по Тульскому; если же хоть одно изъ имѣющихся въ Саратовско-Симбирскомъ не будетъ

доказано по отношенію къ С.-Петербургско-Тульскому, то Нотовичъ будетъ виновенъ въ клеветѣ. Что такимъ образомъ ставился вопросъ насчетъ полнаго тождества обоихъ банковъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ приговорѣ окружнаго суда упомянуты мошенничества, между тѣмъ какъ Нотовичъ ни слова не помѣстилъ, ни малѣйшаго намека на мошенничество не сдѣлалъ. Оно поставлено на его счетъ только потому, что оно содержится въ обвинительномъ актѣ по Саратовско-Симбирскому банку. Въ приговорѣ окружнаго суда сказано, что Нотовичъ зналъ, что въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ были хищенія денегъ, а между тѣмъ онъ на хищенія въ Тульскомъ и не указывалъ; что всѣмъ было извѣстно, что въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ помѣщались отчеты о несуществующихъ уже капиталахъ, а ничего подобнаго не могло быть въ Тульскомъ банкѣ. По поводу словъ «всѣмъ извѣстно» я бы желалъ знать: откуда, что и кому извѣстно о хищеніяхъ, совершенныхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ? Не могу я просить окружный судъ, чтобы онъ меня научилъ, не могу просить васъ, гг. судьи, ни господъ частныхъ обвинителей. Но вотъ что мнѣ достовѣрно извѣстно: Саратовско-Симбирскій банкъ былъ преданъ суду 15-го января 1887 г., затѣмъ онъ судился въ Саратовѣ и всѣ члены его правленія были оправданы. На этотъ приговоръ былъ принесенъ кассационный протестъ и дѣло разбиралось въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ 1-го декабря 1887 года, правительствующій сенатъ отмѣнилъ и рѣшеніе суда, и приговоръ присяжныхъ, послѣ чего дѣло вторично не судилось. Оно назначено къ слушанію въ Московскомъ окружномъ судѣ на 3-го будущаго декабря. Будетъ ли повторенъ оправдательный приговоръ, или подсудимые будутъ обвинены,—это вопросъ недалекаго будущаго, о которомъ нельзя еще ничего сказать положительно. Но если-бы Саратовско-Симбирскій банкъ и былъ уже въ настоящее время окончательно осужденъ и было признано, что онъ достигъ полнаго разложенія, то и въ такомъ

случаѣ я полагаю—требованіе доказать, что все дурное, что было въ одномъ банкѣ, было совершенно и въ другомъ, совсѣмъ не основательно и не умѣстно. Вся наша познавательная способность, весь нашъ аналитическій умъ проявляется только въ сравненіяхъ; мы ежеминутно сопоставляемъ самые разнородные и по виду даже не похожіе предметы и открываемъ въ нихъ черты сходства или несходства. Мы ихъ сопоставляемъ или противопоставляемъ по этимъ, открытымъ нами, признакамъ. Прямого сходства или такъ называемаго тождества нѣтъ въ дѣйствительности по натурѣ вещей: двѣ капли одной и той-же воды, двѣ песчинки въ одной и той-же кучѣ песку не тождественны. Запретить человѣку сравнивать предметы, сравнивать дѣйствія людей или банковъ, или иныхъ учрежденій значитъ ограничивать или, такъ сказать, оскотплять разумъ человѣческій, налагать запретъ на всякое изслѣдованіе. Если вопросъ объ уголовномъ тождествѣ обоихъ банковъ будетъ отвергнутъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ разрѣшенъ и третій пунктъ моего разбора, то есть вопросъ, все еще количественный, о полной доказанности или неполной тѣхъ признаковъ, которые были выставлены въ «Новостяхъ», какъ черты сходства между обоими банками.

Окружный судъ держался того начала, что если указано, положимъ, десять признаковъ сходства и изъ нихъ подтвердилось семь — восемь, а безъ подтвержденія остались два или три, то подсудимый признанъ будетъ, все-таки, клеветникомъ и, какъ таковой, будетъ наказанъ. Чтобы установить полную несостоятельность такого взгляда, я позволяю себѣ преподнести палатѣ не рѣшеніе, а приговоръ уголовного кассационнаго департамента, постановленный имъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи по дѣлу Куликова 20-го февраля 1890 года. Конечно, этотъ приговоръ—не рѣшеніе; только рѣшенія публикуются для руководства судамъ при однообразномъ примѣненіи законовъ. Но я полагаю, что никто не станетъ оспаривать высокой авторитетности приго-

воровъ сената. Крестьянинъ Куликовъ былъ бухгалтеромъ въ Новоузенской земской управѣ; онъ донесъ губернатору и сообщилъ прокурору о совершившихся въ управѣ злоупотребленіяхъ, да и напечаталъ статейку въ «Саратовскомъ Листкѣ» 1887 года, № 182, въ которой содержались слѣдующія слова: «Все сдѣланное мною заявленіе (губернатору) подтвердилось и съ поразительной ясностью обнаружено *систематическое хищеніе земскихъ денегъ*». При слѣдствіи по обвиненію Куликова по 1,039 ст. ул. о нак. далеко не всѣ обвиненія подтвердились выдержками изъ печатныхъ журналовъ земскихъ собраній и удостовѣреніями волостныхъ правленій. Саратовская палата осудила Куликова, онъ апеллировалъ въ сенатъ и сенатъ его оправдалъ по слѣдующимъ соображеніямъ: «одно наименованіе дѣйствій членовъ земской управы систематическимъ хищеніемъ земскихъ денегъ, хотя и есть выраженіе *несумьстное*, но еще не служитъ для примѣненія къ Куликову 1,039 ст. ул., такъ какъ такая характеристика не содержитъ въ себѣ прямого указанія на совершеніе членами управы какихъ либо преступныхъ дѣйствій, а можетъ быть относима и къ безпорядочному и невыгодному для земцевъ веденію земскихъ дѣлъ». Что же касается того обстоятельства, что не всѣ злоупотребленія, которыя заявлены Куликовымъ, подтвердились, то на этотъ счетъ правительствующій сенатъ говоритъ: «Документальныя данныя въ пользу Куликова, содержащіяся въ подробномъ его показаніи при предварительномъ слѣдствіи, а равно приложенныя къ дѣлу выдержки изъ журналовъ земскихъ собраній и удостовѣренія земскихъ старшинъ содержатъ въ себѣ *нѣкоторое* подтвержденіе указаній обвиняемаго на непроизводительность тратъ земскихъ денегъ и на извѣстныя неправильности въ ихъ расходованіи». На этомъ основаніи сенатъ оправдалъ Куликова. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ установилъ и распредѣленіе *onus probandi*. Если А обвиняетъ Б въ нехорошихъ дѣяніяхъ и Б ищетъ за клевету, то А обязанъ доказать справедли-

вость хотя бы *нѣкоторыхъ* нехорошихъ фактовъ, которые онъ взводилъ на Б. Но если Б желаетъ, чтобы А былъ наказанъ, то онъ долженъ быть самъ чистъ, потому что если онъ даже немножко замаранъ, то уже не вправѣ претендовать за клевету.

Я кончаю вопросъ о количественности фактовъ, требуемыхъ для установленія преступленія клеветы. Затѣмъ я перехожу къ самому важному вопросу обвиненія — къ четвертому — къ опредѣленію *качественности* дѣянія, оглашеннаго, якобы, клеветникомъ Нотовичемъ: обвиненіе утверждаетъ, что онъ взводилъ на Тульскій банкъ уголовныя преступленія, не имѣя въ своихъ рукахъ ни уголовного приговора о дѣйствіяхъ Тульского банка, ни обвинительнаго акта о нихъ, ни данныхъ, на основаніи коихъ онъ могъ бы возбудить противъ нихъ уголовное преслѣдованіе. Но такимъ образомъ поставленный вопросъ никакъ не разрѣшается въ пользу обвинителей, — такимъ образомъ не рѣшаются его ставить даже и г. Масловскій, и товарищи. Нотовичъ не обвинялъ Тульскій банкъ въ реальныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Усматривая нѣкоторое сходство въ одинаковомъ образѣ дѣйствій обоихъ банковъ, онъ прямо отмѣчалъ, что есть между ними разница весьма большая, а именно: что банкъ Саратовско-Симбирскій лопнулъ, а С.-Петербургско-Тульскій перескакивалъ удачно чрезъ всѣ трещины и ухабы. Нотовичъ увѣрялъ въ томъ, что Тульскій банкъ не будетъ вовсе преданъ суду, онъ думалъ только, что въ немъ совершаются такія же противозаконности, какія бывали въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ и за какія этотъ банкъ судится. Итакъ, Нотовичъ усматривалъ въ дѣйствіяхъ Тульского банка уголовщину не *реальную*, а только *потенціальную*, иными словами: онъ ему приписываетъ только *судимоспособность* за извѣстныя дѣянія, которыя, если они удачно окончатся, можетъ быть и не повлекутъ обвиненія, но достаточны для привлеченія къ суду. Нотовичъ судить объ этой судимоспособности на основаніи солид-

наго документа, а именно: обвинительнаго акта по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка. Вы сами, гг. судьи, конечно, знаете по вашей дѣятельности въ обвинительной камерѣ, что для преданія суду требуется гораздо меньше, чѣмъ для обвиненія въ уголовномъ преступленіи. Для преданія суду почти всегда достаточны внѣшнія дѣйствія, субъективная сторона мотивовъ дѣянія остается почти всегда въ тѣни, она предполагается. Окончательное выясненіе ихъ отлагается до рѣшительнаго момента, до того момента, когда они будутъ освѣщены яркимъ свѣтомъ судебного засѣданія.

Обратите вниманіе, гг. судьи, что судимоспособность находится въ ближайшей связи съ развитіемъ и состояніемъ въ данный моментъ судебной практики. Наше законодательство о банковыхъ преступленіяхъ находится въ зачаточномъ періодѣ; оно весьма не полно. Банковскіе дѣятели судятся почти всегда только по 1154 ст. улож., которая предписываетъ судить за отступленіе отъ истины въ отчетахъ и дѣлопроизводствѣ, какъ за подлоги по службѣ, по 362 ст. ул. Сама эта статья весьма неудовлетворительна. Если взять банковыя рѣшенія въ правительствующемъ сенатѣ, то они начинаются съ рѣшенія 1877 года 1-го декабря № 39, когда по дѣлу Московскаго коммерческаго банка установлено, что нельзя судить, какъ за мошенничество, человѣка, который, будучи членомъ правленія или совѣта, вынулъ изъ банка свой собственный, настоящій вкладъ, предвидя только, что будетъ крахъ, и тѣмъ лишилъ кредиторовъ банка возможности получить частицу удовлетворенія. Послѣ этого рѣшенія послѣдовало нѣсколько другихъ, изъ которыхъ послѣднее нынѣ есть рѣшеніе 1-го декабря 1887 года № 32, по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка. Вообще, во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ смыслъ уголовного закона уясняется, причемъ многія дѣйствія совершенно отходятъ и отпадаютъ. Оба банка — Саратовско-Симбирскій и С.-Петербургско-Тулскій — были родственные, находились подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ

Борисова; конечно, они имѣли многія общія черты; сходство не легко сглаживается. Замѣтите еще, гг. судьи, что статьи газетныя, хотя онѣ и коротки и на-скоро пишутся, но имѣютъ и тѣ же предметы изслѣдованія, и тѣ же приемы, какъ и пространныя ученныя сочиненія. Допустимъ, что я хочу писать диссертацию на степень магистра или доктора о банковскихъ преступленіяхъ въ Россіи. Для сего, я прежде всего долженъ собрать и сопоставить законы, затѣмъ кассационныя рѣшенія, затѣмъ обвинительные акты и даже отчеты отдѣльныхъ банковъ, причемъ я очень легко могу придти къ заключенію, что хотя практика суда и преслѣдуетъ за извѣстныя дѣйствія, но они практикуются постоянно и безпрепятственно, что и усматривается по отчетамъ, изъ фиктивныхъ записей извѣстнаго рода, похожихъ на возвратные расходы. Если вы не могли-бы засудить меня за эти выводы, плоды серьезнаго научнаго изслѣдованія, то вы не можете казнить за то-же самое, хотя и совершенное съ меньшею полностью и большею поспѣшностью въ газетныхъ статьяхъ.

Когда г. Масловскій замѣтилъ, что обвиненіе ускользаетъ изъ его рукъ, что уголовщины не имѣется, но судимость удостовѣряется весьма солидными данными, то, сознавая всю шаткость своего положенія, онъ для укрѣпленія его придумалъ въ объясненіи на апелляціонную жалобу цѣлую теорію *рамокъ обвиненія*, въ которой онъ пытается заключить и г. Потовича, и судъ, какъ въ желѣзномъ кольцѣ, какъ въ заколдованномъ кругѣ. Эта теорія занимаетъ девять страницъ въ объясненіи его на мою апелляціонную жалобу. Она имѣетъ слѣдующее содержаніе: частный обвинитель есть полный хозяинъ въ предѣлахъ своего обвиненія, въ чемъ онъ хочетъ обвинять, въ томъ и можетъ обвинять, а чего онъ не заявляетъ, того не властны разбирать ни судъ, ни обвиняемый.

Г. Масловскій обвинялъ г. Потовича въ томъ, что послѣдній взводилъ на банкъ уголовныя преступленія, а

вовсе не въ томъ, замѣчаются-ли въ дѣйствіяхъ банка нарушенія устава. Нарушеній устава можетъ быть сколько угодно, они въ счетъ не идутъ, они отпадаютъ. Правленіе принуждено было зачастую совершать ихъ, почти въ видахъ челоуѣколюбія, для облегченія участи массы акціонеровъ, для избавленія ихъ отъ непосильныхъ жертвъ, отъ разоренія. Всѣ эти противоположности только тогда могли-бы быть вмѣняемы правленію какъ преступленія, если-бы онѣ были совершаемы изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Въ противномъ случаѣ, онѣ для настоящаго дѣла безразличны.

Вся эта теорія отъ начала до конца не основательна, никакихъ особыхъ непроходимыхъ рамокъ у обвиненія нѣтъ. Законъ предполагаетъ равенство сторонъ въ состязаніи. Если допустить рамки обвиненія, то надобно такія-же предоставить и защитѣ. Въ сущности, теорія рамокъ сводится на то начало, которое присуще и гражданскому процессу, и уголовному въ порядкѣ частнаго обвиненія: что каждая изъ сторонъ опредѣляетъ свои требованія и можетъ ихъ только уменьшать, а не увеличивать. Не можетъ обвиненіе подносить суду свой монокль и требовать, чтобы судъ только въ это стеклышко смотрѣлъ на дѣло. Скорѣе можно сравнить и обвиненіе, и защиту съ двумя разными стеклышками стереоскопа, чрезъ которыя, наблюдая предметъ одновременно, зритель—судъ получаетъ изображеніе предмета совсѣмъ выпуклое, какъ въ стереоскопѣ.

Чтобы еще нагляднѣе представить всю неосновательность теоріи г. Масловскаго, прошу обратить вниманіе на моментъ, когда она изобрѣтена. Вспомнимъ то заявленіе банка, которое, по требованію цензуры, было напечатано въ «Новостяхъ» въ январѣ 1889 г., въ видѣ отвѣта на статью «Новостей» отъ 23 декабря 1888 г. Въ немъ г. Масловскій и его товарищи прямо отрекаются, отмалчиваются отъ всякой солидарности съ прежнимъ, Тульскимъ банкомъ, за грѣхи котораго они не отвѣчаютъ, и во всеоружіи фактовъ заявляютъ, что те-

перь, послѣ вступленія ихъ въ банкъ въ 1882 г., все обстоитъ благополучно и въ порядкѣ. Значить, они признавали, что до 1882 г. бывали частыя нарушенія закона. Но, затѣмъ, ни въ этомъ обвиненіи, ни въ своей жалобѣ отъ 18-го января, замѣняющей обвинительный актъ, не признавались сами ни въ какомъ отступленіи отъ закона. Когда-же слѣдствіе раскрыло, что и они сами совершали множество преступностей, когда они были, такъ сказать, прижаты къ стѣнѣ, тогда только они стали проводить ту теорію, что мы, дескать, не обижаемся за обличеніе преступностей, а стоимъ только за несовершенство уголовщины и желаемъ, чтобы о преступностяхъ никто и не поминалъ. Они просили выбросить преступность, да мы-то этого не желаемъ. Всѣ нарушенія устава необходимы для полноты картины, которую и описали «Новости» въ своихъ статьяхъ. Я совсѣмъ не постигаю, какъ можно оправдывать нарушенія устава въ видахъ человеколюбія или блага массы акціонеровъ, въ видахъ спасенія ихъ отъ непосильныхъ жертвъ и отъ раззоренія. Акціонеры только тогда и несли-бы жертвы, если-бы имъ было предложено, какъ то случилось въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ, чтобы они, во избѣжаніе ликвидаціи, сдѣлали новые дополнительные взносы для пополненія растроченнаго основнаго капитала. Акціонеры Тульского банка не были въ необходимости дѣлать новые взносы. Акціонеръ жертвъ не несетъ, онъ рискуетъ только потерять свой взносъ. Какова-бы ни была цѣна, по которой онъ свою акцію купилъ на биржѣ, онъ никакого права не имѣетъ требовать непомерно высокій дивидендъ на свою акцію, равняющуюся извѣстной долѣ основнаго капитала, изображаемой нарицательной ея стоимостью. Я протестую и противъ идолопоклонническаго отношенія къ биржевому курсу акцій, къ продажной ихъ цѣнѣ. Высота курса опредѣляется обыкновенно только значительностью ближайшаго ожидаемаго дивиденда. Курсъ, можетъ быть, искусственно повышаемъ. Это гешефтмакерство и ажи-

отажь. Если предпріятіе солидное, — для дѣла полезно держать доходность акцій на умѣренномъ дивидендѣ. Предпріятіе растетъ и крѣпнетъ, именно, вслѣдствіе этой умѣренности. Взгляды моихъ противниковъ на акціонерное дѣло неправильны, главнымъ образомъ, потому, что они благо предпріятія отождествляютъ съ полнотою кармановъ акціонеровъ. Я полагаю, что имъ не подобаетъ драпироваться въ тогу безкорыстія...

Предс. Въ объясненіяхъ обвинителей сказано, что, признавая, съ своей стороны, нарушенія, правленіе находитъ, что они были дѣлаемы не съ корыстными цѣлями.

Прис. нов. Спасовичъ. Позвольте мнѣ объяснить, почему я не могу допустить, чтобы нарушенія дѣлались хотя-бы и не съ корыстною цѣлью.

Пред. Такъ какъ здѣсь у насъ противной стороны нѣтъ, то, поэтому, вы въ своей защитѣ должны держаться такого положенія, чтобы представлять объясненія, которыя не требовали-бы опроверженія.

Прис. нов. Спасовичъ. Я не могу не возразить противъ идеи, что могутъ быть какія-бы то ни было похвальныя, изъ любви къ другимъ, къ человечеству, нарушенія устава. Когда образуется акціонерное предпріятіе, когда его утверждаетъ правительство, то множество частныхъ лицъ спѣшитъ довѣрить ему свои капиталы не изъ довѣрія къ правленію, которое мѣняется, а только изъ довѣрія къ правительству, утвердившему уставъ, и къ самому уставу. Уставъ есть ничто иное, какъ осмысленная система всевозможныхъ гарантій, предупреждающихъ злоупотребленія, и всевозможныхъ тормазовъ, сдерживающихъ правителей, если бы они хотѣли съѣхать съ рельсовъ. Нѣтъ ни одной статьи устава, которая не была-бы важна, нѣтъ противоположности, которую надлежало-бы обходить. Я утверждаю, что всякая противоположность можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ условіяхъ повести къ судимоспособности, къ преданію нарушителей суду.

Теорія рамокъ г. Масловскаго неправильна не только потому, что она проповѣдуетъ безразличіе нарушеній устава, но еще потому, что она ставитъ, какъ непремѣнное требованіе, доказанность корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Въ нашемъ юридическомъ дѣлѣ бывають курьезы точно такъ-же, какъ и въ каждой наукѣ или искусствѣ. Случается, что иногда ѣдутъ открывать Америку, между тѣмъ какъ Америка давно уже открыта. Всего чаще подобныя неожиданности встрѣчаются въ кассационныхъ рѣшеніяхъ,—эти рѣшенія долго остаются мало извѣстными, они пишутся не скоро, не скоро также печатаются въ отдѣльныхъ листкахъ, чрезъ годъ, а иногда и на второй они появляются въ полномъ сборникѣ рѣшеній за годъ. Точно такой-же курьезъ произошелъ и по настоящему дѣлу. Онъ заключается въ содержаніи кассационнаго рѣшенія по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка отъ 1-го декабря 1887 г., которое, какъ можно положительно доказать, было совсѣмъ неизвѣстно и г. Масловскому, и Спб. окружному суду. Это рѣшеніе интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно разрушаетъ нѣкоторые спорные по нашему дѣлу вопросы. Оно устанавливаетъ, что уголовно не преступны ни общія собранія изъ подставныхъ акціонеровъ, ни выдача акціонерамъ лишнихъ дивидендовъ.

Вотъ, что сказано въ рѣшеніи по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка: «Законъ не даетъ никакихъ оснований для уголовного преслѣдованія должностныхъ лицъ акціонерныхъ обществъ за составленіе общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ и за неправильную выдачу дивиденда, вслѣдствіе чего дѣйствія эти *со стороны существующаго уголовного права* должны быть признаны не наказуемыми». Прошу замѣтить слова: «со стороны существующаго уголовного права». Сенатъ не одобрилъ этихъ дѣйствій, но относитъ весь вопросъ къ будущему. Во-вторыхъ, то-же рѣшеніе заключаетъ въ себѣ авторитетный и совершенно неожиданный комментарий на очень извѣстную 362 ст. ул. о подлогахъ

по службѣ, примѣняемую и къ банковскимъ дѣятелямъ. Ст. 362 по свойству намѣренія считалась доннынѣ состоящей изъ двухъ частей: первая часть заключала въ себѣ настоящіе подлоги, а вторая—дживую документировку небывалыхъ фактовъ, для уголовной преступности которой, какъ мы полагали обыкновенно, необходима доказанность корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Сенатъ взглянулъ на вопросъ иначе и установилъ дѣленіе 362 ст. на три совершенно отдѣльныя части. Первая часть вмѣщаетъ, какъ я сказалъ, настоящіе подлоги, учиненіе фальшивыхъ подписей, составленіе акта отъ отсутствующаго лица, показанія подставныхъ свидѣтелей. Въ дѣлѣ Саратовско-Симбирскаго банка произошло по этому разряду фактовъ слѣдующее: правленіе было судимо за прикрытіе настоящихъ подлоговъ, отсутствія основнаго капитала. Присяжнымъ былъ поставленъ вопросъ о голомъ, внѣшнемъ фактѣ подлога, на который они должны были сказать: да или нѣтъ; они-же сказали относительно Алфимова и Борисова: «да, виновны, *но безъ цѣли*». Предсѣдатель вернулъ ихъ обратно въ комнату совѣщаній для исправленія отвѣта, но они возвратились послѣ совѣщанія со словами «нѣтъ, не виновны». Сенатъ отмѣнилъ приговоръ присяжныхъ, найдя, что ихъ не слѣдовало отсылать на новое совѣщаніе, такъ какъ для полноты состава преступления по 1 ч. 362 ст. ул. вовсе не требуется ни цѣли, ни намѣреній, а всегда достаточенъ голый, внѣшній фактъ. Вторая часть 362 ст., по объясненію сената, не та, которая требуетъ для полноты состава преступления корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Но она весьма не сложная и содержитъ только нарушенія правилъ для содержанія или засвидѣтельствванія актовъ извѣстнаго рода. Подъ эту группу подходит по настоящему дѣлу эпизодъ съ домою, проданнымъ Котомину. Внѣшній видъ не хорошъ: сочиняется журналь, запечатывается, передается на храненіе бухгалтеру, поручается ему правленіемъ давать извѣстнаго

рода завѣдомо ложныя заявленія старшему нотаріусу о долгосрочной ссудѣ, между тѣмъ какъ она краткосрочная. Тѣмъ не менѣе, корыстныхъ видовъ нѣтъ на лицо. Оказалось, что съ Котомина не взяли по оплошности подписки, онъ ея не далъ и не согласился на разсрочку долга, между тѣмъ, запрещеніе съ дома было снято, его опять нельзя было, какъ слѣдуетъ, наложить, пришлось извертываться. Вотъ, почему мы при нашей защитѣ признавали, что, по внѣшнему дѣйствию эта операція банка походить на подлогъ. Наконецъ, *третья* часть 362 ст., по толкованію сената, вмѣщаетъ въ себѣ множество дѣйствій, о которыхъ законъ говоритъ, что они должны быть совершены «также съ намѣреніемъ», но не упоминается объ особыхъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ. Сюда относится: сокрытіе истины вполнѣ или частью въ докладахъ, рапортахъ, протоколахъ, журналахъ, свидѣтельствахъ, обязательствахъ и прочихъ какихъ-либо официальныхъ актахъ. Слова: «также съ намѣреніемъ», по толкованію сената, обозначаютъ намѣреніе просто противузаконное, при которомъ вовсе не требуется, чтобы виды дѣйствовавшихъ лицъ были корыстные или иные личные. По новому толкованію сената въ рѣшеніи по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка, для 3 ч. 362 ст. достаточно, *во-первыхъ* внѣшняго факта: сокрытія или не полной истины въ отчетахъ и, *во-вторыхъ*, цѣли противузаконной или—что то-же—противоуставной, напримѣръ, выдачи лишняго противу положеннаго уставомъ дивиденда. Понятна громадная важность этого толкованія. Если-бы его зналъ г. Масловскій, то не строилъ-бы онъ своей теоріи рамокъ обвиненія. Если-бы его зналъ С.-Петербургскій окружный судъ, то не помѣстилъ-бы онъ слѣдующихъ словъ въ своемъ приговорѣ: «Сокрытіе убытковъ въ рубрикѣ возвратныхъ расходовъ и выдача возвышенныхъ дивидендовъ не имѣютъ никакого отношенія къ вводимому г. Нотовичемъ обвиненію на членовъ банка въ составленіи фальшивыхъ отчетовъ». Вы-

ходить, что оба признака, вмѣстѣ взятые, имѣютъ близкое отношеніе къ обвиненію, что оба въ совокупности устанавливаютъ судимоспособность по 3 ч. 362 ст. ул. За получение возвышенныхъ дивидендовъ нельзя привлекать къ суду всѣхъ акціонеровъ банка, нельзя также привлекать всѣхъ, кто участвовалъ въ подставныхъ собраніяхъ, но, во всякомъ случаѣ, если такія собранія были, если была достигнута цѣль,—выдача противоуставнаго дивиденда, то есть полная наличность того наміренія, которое обусловливаетъ примѣненіе 3 ч. 362 ст. ул.

Позвольте мнѣ, гг. судьи, остановиться на одно мгновеніе на самомъ крупномъ злоупотребленіи банка, на статьѣ возвратныхъ расходовъ. Статьи возвратныхъ расходовъ были неправильно записываемы въ теченіи многихъ лѣтъ, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, — это признано и окружнымъ судомъ въ словахъ: «Наименованіе, несогласное съ дѣйствительностью возвратныхъ расходовъ, давало г. Потовичу право обвинять правленіе въ томъ, что оно основывается на надеждахъ, которыя не могли оправдаться въ будущемъ». Я расхожусь съ окружнымъ судомъ только въ словѣ *надежды* и прихожу къ заключенію, что гг. члены правленія такихъ надеждъ совсѣмъ и не имѣли. За исходную точку моего вывода я беру представленное мною палатѣ отношеніе г. министра финансовъ ген.-лейт. Глуховскому, отъ 1-го марта 1889 г., № 2359.—Министръ находитъ, что выдачею дивиденда при наличности несомнѣнныхъ убытковъ банкъ можетъ нарушить интересы держателей вкладныхъ листовъ и возбудить сомнѣніе *въ своей прочности и солидности*. Въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Масловскій толкуетъ этотъ документъ своеобразно. По его словамъ, министерство не входило въ оцѣнку цѣлесообразности и полезности дѣйствій правленія для интересовъ банка, а требовало только исполненія буквы закона по чисто формальнымъ

соображеніямъ. Предоставляю вамъ, гг. судьи, оцѣнить, насколько прочность и солидность суть чисто формальныя соображенія. замѣтите, гг. судьи, что распоряженіе министра финансовъ не было обжаловано правленіемъ ни сенату, ни комитету министровъ, что правленіе подчинилось ему безусловно и безмолвно. Нѣсколько раньше распоряженія министра финансовъ состоялось 10-го февраля 1889 г. общее собраніе акціонеровъ Тульского банка, на которомъ рѣшили ходатайствовать о разсрочкѣ 800 т. руб. несомнѣнныхъ убытковъ. Докладъ правленія по отчету за 1888 г. былъ печатанный, но на столѣ правленія лежалъ и раздавался другой, гектографированный, не подписанный докладъ, представленный къ дѣлу самими обвинителями и имѣющійся въ вещественныхъ по дѣлу доказательствахъ. Этотъ докладъ во всемъ сходится съ печатнымъ, съ тою разницею, что въ печатномъ пропущено слѣдующее мѣсто, имѣющееся въ гектографированномъ: «Согласно принятой системѣ до 1882 г. всѣ убытки и не возвращенныя еще затраты банка по состоящимъ за нимъ имуществамъ, числятся по всѣмъ отчетамъ и балансамъ банка на счетъ возвратныхъ расходовъ». — Такъ ли это было въ дѣйствительности? Нѣтъ, я утверждаю, что система возвратныхъ расходовъ обязана своимъ развитіемъ только этому новому составу правленія, которое, вступивъ въ правленіе въ 1882 г., къ прежнимъ грѣхамъ его, якобы, не причастно. Если взять отчетъ банка за 1880 г., то въ немъ статья возвратныхъ расходовъ по балансу къ 31-му декабря 1880 года показана только въ 138 т. руб. Затѣмъ эта статья все растетъ, какъ снѣжная лавина, и является по отчету за 1885 г. въ суммѣ 655 т. руб., а въ моментъ, когда началось преслѣдованіе г. Нотовича, къ 1-му января 1889 г., уже въ суммѣ 944,288 рублей, съ тою разницею, что по отчету за 1888 г. въ первый разъ, вслѣдствіе полемики г. Нотовича, расходы показаны уже просто расходами безъ прибавки, что они возвратныя.

Изъ чего эти, яко-бы, возвратные расходы состояли? Изъ недоимокъ, изъ пеней, изъ затратъ на ремонтъ по домамъ, оставшимся за банкомъ въ самомъ плохомъ видѣ, близкомъ къ разрушенію. Всѣ эти расходы были безвозвратные, даже по признанію самаго правленія. Въ докладѣ общему собранію акціонеровъ 1886 года по отчету за 1885 годъ, въ которомъ правленіе предлагаетъ раздѣлить всѣ дома, оставшіеся за банкомъ, на такіе, которые не принесутъ серьезныхъ убытковъ, и на имущества явно-убыточные, правленіе высказалось на счетъ безнадёжности возврата расходовъ въ большинствѣ случаевъ и изъявило неоправдавшуюся потомъ рѣшимость всѣ недоимки, повинности и затраты по домамъ, хотя-бы на ремонтъ, немедленно списывать на убытокъ. Въ докладѣ по отчету за 1888 годъ общему собранію акціонеровъ 20-го февраля 1889 года, томъ самомъ, въ которомъ уже исчезли возвратные расходы, а явились простые «расходы по домамъ», т. е. видимые убытки, обнаружился еще слѣдующій фактъ: къ 1-му января 1888 года было 290 т. руб. прямыхъ убытковъ по домамъ, къ нимъ прибавилось еще 574 т. руб. въ теченіи этого-же 1888 года.

Позвольте мнѣ, гг. судьи, возвратиться еще одинъ и послѣдній разъ къ вопросу о корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ, который занимаетъ такъ много мѣста въ настоящемъ дѣлѣ. Я объяснялъ по рѣшенію правительствующаго сената по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка, что они для оправданія г. Нотовича ненужны и излишни, но я не могу знать, согласится-ли со мною палата. А если она потребуетъ указанія и на эти виды? На этотъ возможный случай я заявляю и утверждаю, что, отступая отъ закона и нарушая уставъ, господа частные обвинители руководствовались видами корыстными и несомнѣнно личными. Мы напирали въ окружномъ судѣ на выгоду для членовъ правленія отъ тантіэмъ. Г. Масловскій возражаетъ: «какая мнѣ можетъ быть выгода отъ тантіэмъ; онѣ для меня грошъ; я имѣю

4,000 акцій банка». Такой величины мы и не подозревали. Ему принадлежит въ собственность $\frac{1}{5}$ часть дивиденда на всѣ акціи. Отъ одного пониженія биржеваго курса акцій въ 1882 г. онъ понесъ убытку 400,000 рублей. Движимый любовью къ акціонерамъ, г. Масловскій любитъ въ томъ числѣ и самого себя, какъ акціонера, а его товарищи могутъ дорожить и тантізмами, надобно же удовлетворить и всѣхъ тѣхъ, которые его окружаютъ въ банкѣ, которые содѣйствуютъ ему управлять банкомъ. Корыстные и личные виды имѣются, несомнѣнно, на лицо.

Кончая разборъ состава преступленія, я полагаю, что въ статьяхъ «Новостей» вполне подтверждена не уголовщина, а *судимоспособность* членовъ правленія банка, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, не только не наступившихъ, но о которыхъ г. Нотовичъ зналъ, что они не наступятъ, могла бы осуществиться. Но мы не преданы суду, говорятъ обвинители, насъ не привлекъ министръ финансовъ. Зачѣмъ же привлекать, — отвѣтимъ мы, — когда оказалось, что достаточно одного предложенія министра, которому правленіе подчинилось и которое было вызвано обращеніемъ къ министру акціонеровъ гг. Глуховскаго и Михельсона. Г. Нотовичъ не утверждалъ, что члены правленія банка непременно будутъ судиться, онъ только указывалъ ихъ судимоспособность на основаніи состоявшагося по Саратовско-Симбирскому банку обвинительнаго акта.

Теперь послѣдніе выводы моей рѣчи. Спорили мы и состязались на одной почвѣ по категоріямъ законнаго, незаконнаго и уголовнаго, а требуется рѣшить вопросъ на другой почвѣ, по категоріямъ честнаго и безчестнаго. Вопросы о законности принадлежатъ къ области права, а вопросы о чести — къ области этики или морали. Законность и честность далеко не всегда совпадаютъ и не покрываются взаимно. Бываютъ люди вполне безчестные, которые, однако, строгіе законники, какими ихъ изобразилъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ сти-

хотворений: «Живя согласно съ строгою моралью, Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла». Съ другой стороны всѣмъ извѣстно, что могутъ быть уголовныя преступленія, которыя не лишаютъ человѣка чести, которыя, можетъ быть, происходятъ отъ избытка чувства чести, на примѣръ: дуэли, убійство мужемъ, опозорившей его имя, жены. Какъ совершить переходъ изъ области права въ область морали? Тутъ-то и пригодятся намъ рамки обвиненія, изображенныя г. Масловскимъ. Онѣ намъ помогутъ совершить переходъ посредствомъ приемовъ, предлагаемыхъ самими противниками.

Наши противники сами опредѣляютъ свои дѣйствія слѣдующимъ образомъ: «мы не обращаемъ вниманія на все то въ статьяхъ «Новостей», что не относится къ чистой уголовщинѣ, мы не вступаемъ за свою противоположность». Я, кажется, доказалъ, что въ числѣ этихъ несомнѣнныхъ противоположностей есть и такія, которыя имѣютъ, несомнѣнно, оттѣнокъ, заставляющій предполагать ихъ уголовную судимоспособность по этимъ нарушеніямъ устава. Съ тѣмъ вмѣстѣ вся спорная часть, вся муть раствора пролилась чрезъ фильтръ и никакого остатка не осталось. Я кончаю и рѣшаюсь закончить мою рѣчь слѣдующими соображеніями: настоящее дѣло по обвиненію г. Нотовича чрезвычайно важное, существенное и въ высокой степени общественное. Предъ судомъ исчезаютъ личности, и г. Нотовичъ, и гг. Масловскій и его товарищи, а появляются и дѣйствуютъ двѣ величайшія общественныя силы нашего времени— капитализмъ и печать. Въ акціонерномъ дѣлѣ капиталъ и въ особенности крупный капиталъ находится какъ у себя дома, какъ въ своемъ элементѣ, онъ здѣсь, онъ прохаживается на просторѣ и не стѣсняется никакими заботами, никакими преградами, даже и тѣми, которыя ему ставятъ акціонерные уставы. Въ докладѣ № 3-й гг. членовъ правленія Тульскаго банка общему собранію акціонеровъ 20-го февраля 1889 года есть одна фраза, курьезная и характерная: правленіе возмущается, какіе

логическіе расчеты могутъ заставитьъ акціонеровъ требоватьъ точнаго исполненія, страннаго по своей исключительности, постановленія устава, между тѣмъ какъ отъ этого исполненія устава можетъ только уменьшиться прибыль акціонеровъ. Крупный капиталъ не желаетъ, чтобы нраву его препятствовали. Онъ постоянно боится, какъ-бы маленькіе капиталы, поддерживаемые печатью, его не придушили. Онъ прежде всего желаетъ распоряжаться самовластно. Предъ нимъ преклоняется все, пока не наступитъ крахъ, въ которомъ гибнутъ сбереженія сотенъ тысячъ и милліоны. Для пользы и развитія акціонерныхъ обществъ, этихъ созданій новѣйшей цивилизаціи, нужно желать проникновенія свѣта и гласности въ это, поистинѣ, темное царство. Нужно усилить законныя средства, которыми могло-бы располагать меньшинство въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, и не преслѣдовать печать, когда она это меньшинство поддерживаетъ. Какъ отнесся, однако, къ этому общественному вопросу окружный судъ? Онъ ставилъ на видѣ г. Нотовичу, что онъ долженъ былъ удостовѣриться изъ отчетовъ банка съ 1882 г., что все обстоитъ благополучно и всѣ капиталы въ цѣлости. Кто, спрашивается, сочинялъ эти отчеты? — Ревизіонная коммиссія, которая, какъ видно изъ ея заключеній за 1885 и 1887 гг., отказалась провѣрять стоимость оставшихся за банкомъ домовъ, такъ какъ это вопросъ техническій. На весь отчетъ, значить, нельзя полагаться. Если-же въ немъ проскакиваютъ крупныя статьи и весьма подозрительнаго свойства, вродѣ возвратныхъ расходовъ, то какъ можно воспретить печати, на основаніи этихъ статей, усомниться и во всемъ отчетѣ? Я полагаю, что печать не заслуживаетъ такого отношенія, какое сказывается въ приговорѣ окружнаго суда, и что эта печать не выйдетъ изъ рукъ вашихъ, гг. судьи, умаленною и ущербленною въ правахъ!

Судебная палата, признавъ подсудимаго О. К. Нотовича виновнымъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. ул., на основаніи 1 и

771 ст., постановила: приговоръ слб. окружнаго суда, отъ 23-го и 24-го марта 1890 г., отмѣнить и считать г. Нотовича по суду оправданнымъ.

На приговоръ палаты, прис. пов. Михайловъ, въ качествѣ повѣреннаго личнаго состава правленія С.-Петербургско-Тульского повемельнаго банка, принесъ кассационную жалобу, въ которой указалъ на допущенное палатою нарушение 297, 593, 630, 678, 736, 741. 885—889 и 933 ст. уст. уг. суд., а также ст. 1535 улож. о нак.

Правительствующій сенатъ, признавъ, что частными обвинителями по настоящему дѣлу являются члены правленія С.-Петербургско-Тульского повемельнаго банка, предъявившіе противъ подсудимаго Нотовича обвиненіе въ клеветѣ, что устраненіемъ ихъ отъ участія въ настоящемъ дѣлѣ судебная палата допустила существенное нарушение ст. 585 уст. угол. суд., вслѣдствіе чего, приговоръ ея не можетъ быть признанъ въ силѣ судебного рѣшенія, и не касаясь другихъ, указываемыхъ въ жалобѣ прис. пов. Михайлова нарушеній опредѣлить: приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу за нарушеніемъ ст. 585 уст. угол. суд. отмѣнить, передавъ это дѣло, для новаго разсмотрѣнія, въ ту же палату въ другомъ составѣ ея присутствія.

Новый разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургской судебной палатѣ 10—13 февраля 1893 г., гдѣ интересы обвиняемаго Нотовича поддерживалъ прис. пов. П. Я. Александровъ.

С.-Петербургская судебная палата опредѣлила: на основаніи 1 и 771 ст. уст. угол. суд., подсудимаго, коллежскаго секретаря Іосифа Нотовича, считать по суду оправданнымъ и приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда, состоявшійся 23—24 марта 1890 г., отмѣнить.

На этотъ приговоръ ст. сов. Масловскимъ и др. была опять принесена кассационная жалоба, которая въ засѣданіи присутствія уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената 11 января 1894 года, за силою 912 ст. уст. угол. суд., оставлена была безъ послѣдствій.

Дѣло присяжнаго повѣреннаго Бориса Дорна.

Генераль-маіоръ Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій въ жалобѣ своей, поданной 27-го сентября 1888 года прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда, заявилъ, что повѣренный вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Шестовой, присяжный повѣренный Борисъ Ворсовичъ Дорнъ, въ своихъ словесныхъ объясненіяхъ по дѣлу Шестовой съ опекунскимъ управленіемъ по дѣламъ К^о Шестова, Колесникова и друг., разбиравшемуся въ Московскомъ окружномъ судѣ 26-го марта 1888 года, обвинялъ его въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, и что эти объясненія были воспроизведены засимъ Дорномъ въ № 100 газеты «Новости» за 1888 годъ, гдѣ говорилось слѣдующее: «въ письма В. И. Шестовой къ Шанявскому вы видите, что женщина эта обратилась съ полнымъ довѣріемъ къ Шанявскому, который увѣрилъ ее, что устроить все дѣло такъ, что она избавится отъ кредиторовъ. Письмо это относится къ давнему времени, во времени постановленія Бергомъ и друг. о признаніи себя опекунами. Личность Шанявскаго тянется, какъ красная нить, по всему дѣлу, хотя онъ остается въ сторонѣ. Только сегодня выяснилось изъ письма, что по его мысли соудалось опекунское управленіе по дѣламъ компаніи. Онъ былъ опекуномъ, но теперь, когда возникло это дѣло, вышелъ изъ опеки, Борзенко вступилъ на мѣсто его. Вотъ, къ Шанявскому-то Шестова и обратилась съ полнымъ довѣріемъ. Повидимому, на это обстоятельство противная сторона намѣрена указать, какъ на доказательство, что все это дѣло сдѣлано такими лицами, которыя пользовались полнымъ довѣріемъ Шестовой. Дѣйствительно, такимъ довѣ-

риемъ пользовались эти лица, и не въ этомъ вопросъ, а въ томъ, что же они дали Шестовой взаменъ этого довѣрія. Что же сдѣлалъ Шанявскій? Онъ, зная о существованіи претензій на сотни тысячъ, насчитываетъ ихъ на миллионъ на основаніи документовъ, которыхъ не существуетъ. Вотъ, все это довело дѣло до того, что Колесниковъ молить ради Бога, чтобы выдали ему что-нибудь на содержаніе его и семьи. До такого же состоянія довели дѣйствія опекунскаго управленія и В. И. Шестову; она, владѣтельница миллионнаго имущества, должна была просить даже о признаніи за нею права бѣдности для веденія настоящаго иска». Въ виду сего Шанявскій возбудилъ противъ Дорна обвиненіе по 1535 ст. улож. и просилъ дать дѣлу законное движеніе. Послѣ произведеннаго по сей жалобѣ предварительнаго слѣдствія, дѣло въ установленномъ порядкѣ поступило въ С.-Петербургскій окружный судъ, который, приговоромъ отъ 17—19 ноября 1890 года, призналъ обвиняемаго Дорна по суду оправданнымъ. Приговоръ окружнаго суда былъ обжалованъ Шанявскимъ С.-Петербургской судебной палатѣ, которая, приговоромъ отъ 9—13 ноября 1891 г., отменяя приговоръ суда, признала Дорна виновнымъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ во 2-й части 1535 ст. улож., и опредѣлила: подвергнуть его тюремному заключенію на три мѣсяца. На этотъ приговоръ судебной палаты защитникомъ Дорна, присяжнымъ повѣреннымъ Спасовичемъ, была принесена кассационная жалоба.

Въ этой жалобѣ были указаны слѣдующія основанія для отмены какъ приговора палаты, такъ и всего производства по настоящему дѣлу.

Во 1-хъ, за силою ст. 76 уст. о цензурѣ и печати (изд. 1886 г.), которая гласитъ, что дозволяется печатать о всемъ, происходившемъ при разсмотрѣніи дѣла въ судебномъ публичномъ засѣданіи, и ст. 165 учр. суд. уст., содержащей разрѣшеніе печатать о дѣлахъ, производящихся въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, по правиламъ цензурнаго устава, все происходящее въ публичномъ засѣданіи считается совершеннымъ всенародно и всякому, а слѣдовательно, и каждому изъ участвовавшихъ на судѣ, предоставлено свободно печатать безъ ограниченій и о каждомъ словѣ, произнесенномъ на судѣ, изъ чего слѣдуетъ, что слово, сказанное на судѣ, становится фактомъ историческимъ, который, коль скоро онъ точно воспроизведенъ, не можетъ быть въ своей печатной формѣ средствомъ ни опозоренія, ни поруганія, ни клеветы. Допустимъ, что считающій себя оклеветаннымъ Шанявскій преддуредилъ бы стенографистку Сердюкову или надателя «Новостей» Нотовича, чтобы они рѣчи Дорна не печатали, такъ какъ она сплошная противъ него клевета. Его бы безнаказанно не послушались, потому что все, происходившее на судѣ официально и публично, уже всенародно оглашено, уже сдѣлалось историческимъ фактомъ, свободно всеми воспроизводимымъ подъ однимъ только условіемъ, чтобы онъ былъ переданъ точно и вѣрно, безъ всякихъ измѣненій и дополненій

и независимо отъ внутренняго содержанія передаваемого. Благоустроенное общество тѣмъ собственно и отличается отъ дикаго, что люди, вмѣсто того, чтобы самоуправно драться, разбираются въ своихъ обидахъ и претензіяхъ на судѣ, и состязаются, т. е. вводятъ другъ на друга обвиненія во всевозможныхъ беззаконіяхъ и правонарушеніяхъ гражданскаго или даже уголовнаго характера, причемъ, конечно, сотязавшіеся говорятъ другъ другу вещи весьма неприятныя, которыя вѣкъ судебного производствa, будучи заявлены устно или въ печати, имѣли бы всѣ признаки диффамациі или клеветы, но на судѣ не имѣютъ этого характера. Судъ на то и установленъ, чтобы, по выслушаніи сторонъ, объясняющихся свободно и излагающихъ свои жалобы на всевозможныя противозаконія противниковъ, рѣшать эти споры авторитетно, т. е. посредствомъ рѣшеній, которыя почитаются за соответствующія истинѣ и закону, хотя не всегда таковыми бываютъ. Возможность судебныхъ ошибокъ столь велика, что, во набѣжаніе ихъ, установлены апелляціонныя и кассационныя инстанціи, а сторонамъ предоставлено жаловаться на судебныя рѣшенія, т. е. обличать судебныя рѣшенія свободно во всевозможныхъ неправильностяхъ, противозаконіяхъ и неправосудіяхъ. Допустимъ, что половина гражданскихъ исковъ проигрывается и половина уголовныхъ обвиненій приводитъ къ оправдательнымъ рѣшеніямъ либо по обнаруженной невинности, что бываетъ рѣже, либо по недостаточности уликъ, оставляющихъ вину подъ сомнѣніемъ. Вѣроятно никто не станетъ отвергать, что со стороны оправданныхъ подсудимыхъ немыслимъ искъ о клеветѣ или диффамациі противъ лицъ прокурорскаго надзора, ихъ преслѣдовавшихъ, или противъ гражданскихъ истцевъ. Еще менѣе возможенъ искъ со стороны осужденныхъ подсудимыхъ за то, что по приговору суда они осуждены мягче, чѣмъ того требовали обвинители, которые, увлекаясь своею задачею, преувеличивали ихъ виновность. Сама палата признаетъ въ приговорѣ, что «преувеличенія возможны со стороны тяжущихся на судѣ». Не только сторонамъ достается другъ отъ друга на судѣ, но и третья лица, прикосновенныя къ процессу или являющіяся по вызовамъ сторонъ свидѣтелями на судѣ, выходятъ изъ суда нерѣдко морально нямтыя и обципанныя, съ весьма неблагоприятною оцѣнкою ихъ личности, причемъ, однако, судебная гласность, хотя и недавно утвердившаяся въ нашихъ нравахъ, сдѣлала такіе успѣхи, что, хотя съ ихъ стороны совершенно возможно привлеченіе къ отвѣтственности дѣйствовавшихъ на судѣ диффаматоровъ, подобныя обвиненія крайне рѣдки и, бывали ли они практикуемы — мнѣ неизвѣстно. Это право привлекать къ отвѣтственности оскорбителей чести принадлежитъ не только третьимъ лицамъ и свидѣтелямъ, но и сторонамъ; есть даже статья въ уставѣ уголовнаго судопроизводства — 121, разрѣшающая мировому судѣ признать обвиненіе недобросовѣстнымъ. Что можетъ быть проще предположенія, что при существованіи этой

статьи каждое, признанное недобросовѣстнымъ, обвиненіе неминуемо повлечетъ за собою осужденіе недобросовѣстно обвинявшаго за клевету. Настоящее дѣло являетъ примѣръ перваго, насколько мнѣ извѣстно, опыта привлеченія лица, участвующаго въ судоговореніи не за то, что всенародно онъ произнесъ оскорбительную для жагующагося рѣчь, не согласную съ истинною, но что онъ пропечаталъ уже всенародно, при открытыхъ дверяхъ суда, огласившіяся истинный фактъ, что онъ такую рѣчь произнесъ. А посему, доказывалось да-дѣе, что къ дѣянію, въ коемъ обвинялся прис. пов. Дорнъ, палата не только не могла примѣнять 2 ч. 1535 ст. улож., но и самое разсмотрѣніе настоящаго дѣла общими судебными мѣстами, составляетъ нарушение 1 ст. уст. уг. суд. Ни окружный судъ, ни палата не могли входить въ обсужденіе виновности Дорна по ст. 136 уст. о нак., т. е. объ оклеветаніи Шанявскаго при разбирательствѣ 26 марта гражданскаго дѣла Шестовой, такъ какъ обвиненіе въ такой клеветѣ, какъ признала палата въ своемъ приговорѣ, не было предъявляемо Шанявскимъ къ присяжному повѣренному Дорну, и слѣдовательно, осужденіе виновности Дорна въ таковой клеветѣ заключало бы прямое нарушение 18 ст. уст. о наказ., да и помимо того, если бы такое обвиненіе и было предъявлено къ Дорну, то оно было бы подсудно не общимъ судебнымъ мѣстамъ, а мировымъ установленіямъ и при томъ, въ виду мѣста учиненія преступленія, мировымъ установленіямъ Московскаго, а не С.-Петербургскаго судебного округа, а посему разсмотрѣніе настоящаго дѣла общими судебными мѣстами нарушаетъ 33 ст. уст. угод. суд.

Во 2-хъ, обвиненіе предъявлено внѣ всѣхъ правилъ, опредѣляющихъ отвѣтственность по преступленіямъ печати, вопреки ст. 1044 улож. о наказ., которая гласитъ, что отвѣтственность за содержаніе статей, помѣщенныхъ въ поврежденныхъ изданіяхъ, обращается во всякомъ случаѣ на редактора, какъ на главнаго виновника. Почему не привлекался редакторъ? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ двояко: либо нельзя было привлечь редактора въ силу разрѣшенія всѣмъ печатать отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, тогда та же безотвѣтственность покрываетъ и дѣйствіе стенографистки Сердюковой и простирается на Дорна, который по ея просьбѣ исправлялъ ея стенограмму и упросилъ ее отнести отчетъ о засѣданіи въ «Новости», либо г. Шанявскій, какъ частный обвинитель, произвольно избралъ предметомъ обвиненія одного Дорна, отпустивъ остальныхъ или не пожелавъ преслѣдовать, что не избавляло палату отъ необходимости разобрать—какое мѣсто занимаетъ Дорнъ въ этой группѣ и подъ какую подходитъ онъ изъ категорій, перечисленныхъ въ 12 и 13 ст. улож.

Прецедентъ, который содержится въ приговорѣ палаты, особенно опасенъ для адвокатуры и для печати въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, въ томъ, что, разъ будучи установленъ и усвоенъ, онъ одинаково распространится и на клевету, и на диффамацию, которыя, какъ на

вѣстно, согласно практикѣ сената, разнятся не по объективному характеру преступнаго дѣянія, а по субъективному къ нему отношенію жалобщика; во 2-хъ, что онъ растягиваетъ до безконечности на громадное разстояніе преслѣдуемость за произнесенныя на судѣ слова, въ всякихъ срокахъ давности, установленныхъ уголовнымъ закономъ. Ни чистой наукѣ, ни правосудію въ его изслѣдованіи истины, неизвѣстны чувства стыдливости и застѣнчивости; на судѣ при обвиненіи или защитѣ приходится часто вскрывать даже и на публичныхъ засѣданіяхъ такія подробности, которыя касаются интимнѣйшихъ сторонъ частной жизни и которыхъ оглашеніе вѣдъ суда безусловно воспрещено по 1039 ст. улож. о наказ. Защитникъ, которому показали послѣ засѣданія стенограмму его рѣчи, предназначенную для печати, имѣлъ неосторожность ее исправить только для того, чтобы рѣчь его не была обезсмыслена при передачѣ ея въ печать. Его можно привлечь къ отвѣтственности по 1039 ст., согласно смыслу обжалованнаго мною приговора судебной палаты, и онъ будетъ осужденъ безъ всякой возможности доказать справедливость позорящаго обстоятельства, которое онъ установилъ гласно на судѣ, вслѣдствіе ни съ чѣмъ не сообразнаго уравненія свободы слова на судѣ съ свободой слова въ печати, изъ которыхъ послѣдняя неравненно тѣснѣе и ограниченнѣе. Представимъ себѣ затѣмъ, что прокуроръ или адвокатъ, практиковавшіе многіе десятки лѣтъ и дѣйствовавшіе по громкимъ, исторически важнымъ процессамъ, рѣшатся издать сборники своихъ судебныхъ рѣчей. Такъ какъ эта публикація освѣжаетъ заразъ перебытыя уже дѣла судебныя за 10, 20 и болѣе лѣтъ, такъ какъ срокъ давности для преслѣдованія за диффамацию или клевету со стороны многочисленныхъ лицъ, которыхъ рѣчи эти коснулись, можетъ быть, и не особенно вѣжнымъ образомъ, не особенно пріятель и для нихъ и ихъ потомства, если они умерли, начинается только со времени опубликованія изданія сборника рѣчей, такъ какъ при томъ издатель сборника, хотя бы онъ и произносилъ рѣчи въ качествѣ прокурора, издавая сборникъ, дѣйствовалъ въ характерѣ не должностнаго лица, а частнаго, слѣдовательно, не вправѣ защищаться привилегіями, свойственными лицу, на государственной службѣ состоящему, не быть подвергаемымъ слѣдствію и суду безъ разрѣшенія на то его служебнаго начальства (ст. 1039 и посл. уст. угол. суд.), то можно себѣ представить, если порядокъ, начинаемый приговоромъ судебной палаты, утвердится, какой гвалтъ подымется послѣ каждой подобной публикаціи? Самъ этотъ родъ литературы сдѣлается опаснымъ, подобные сборники не будутъ появляться. Кто въ жизни не ошибался? Ошибки бывають и въ рѣшеніяхъ судовъ, и въ рѣчахъ прокуратуры и адвокатскихъ. Дорну палата ставитъ въ вину не то, что онъ ошибся, и не то, что онъ рѣчь свою, какъ она была произнесена, напечаталъ, а то, «что со времени произнесенія рѣчи до ея напечатанія прошло около двухъ недѣль; этого времени достаточно, чтобы разобратъ въ

документахъ и исправить ошибку; если Дорнъ не хотѣлъ измѣнить текста рѣчи, то могъ указать на нее въ выноскѣ, въ примѣчаніи». Эти слова приговора, существенно мѣняющія базисъ преступности клеветы и изъ умышленнаго, несправедливаго обвиненія превращающія ее въ некритическое отношеніе къ печатаемому, бывъ примѣнены къ издателю сборника рѣчей, поставили бы его въ безвыходное положеніе. Ему говорятъ: въ рѣчи вашей была ошибка, вы имѣли 20 или 30 лѣтъ на то, чтобы ее исправить и разобраться въ томъ, что послѣ громкаго процесса опубликовано было и въ газетахъ, и въ литературѣ, вы этого не сдѣлали, вы издали сборникъ не критически, вы клеветникъ. Напрасно бы издатель оправдывался тѣмъ, что онъ занимался не критикою, что онъ не хотѣлъ быть историкомъ, а только оглашалъ цѣлты своего краснорѣчія въ томъ видѣ, въ какомъ они рождались въ его головѣ и появлялись на его устахъ. Если бы проводимый судебною палатою прецедентъ, который я считаю опаснымъ нововведеніемъ, утвердился, то онъ принесетъ вредъ, и весьма значительный, не только лично судебнымъ ораторамъ, но и самой истинѣ, но и общественному дѣлу. Сначала онъ стѣснитъ какъ будто бы только свободу дѣйствія ораторовъ, какъ первоначальныхъ свидѣтелей по факту, что именно они произнесли. Дорнъ въ приговорѣ палаты осуждается за то, что онъ пригласилъ стенографистку Сердюкову, исправилъ списанную рѣчь и попросилъ ее отнести таковую въ «Новости» для напечатанія. Палата не объяснила, всѣ ли эти обстоятельства, вмѣстѣ вятые, или которое бы то ни было изъ нихъ, составляютъ вѣншее дѣйствіе распространенія клеветы. Скорѣе можно думать, что каждое изъ этихъ дѣйствій уже обосновываетъ виновность Дорна. Послѣ того адвокаты убоятся приглашать стенографовъ, вслѣдствіе чего большая часть оглашающихся нынѣ въ особенности сложныхъ и крупныхъ процессовъ будетъ пропадать для литературы и для исторіи, они не будутъ оглашаться по отсутствію лицъ, записывающихъ происходящее на судѣ. Защитники убоятся также исправлять свои рѣчи, вслѣдствіе чего то, что будетъ проникать въ печать, появится въ сыромъ и грубомъ видѣ, безъ передачи настоящаго смысла записанныхъ на лету и не всегда хорошо разслышанныхъ словъ. Отсутствіе исправленнаго ораторомъ текста его рѣчей принесетъ ущербъ читающей публикѣ и ущербъ самой истинѣ, но въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ взглядъ этотъ поведетъ неизбежно къ установленію двухъ степеней гласности для происходящаго на судѣ: одной полной, для лицъ непосредственно присутствовавшихъ въ засѣданіи, и другой не полной — для газетъ, и заключающей въ себѣ то, что происходило на судѣ, но съ изытіемъ частей рѣчей, задевающихъ интересы и самолюбіе отдѣльныхъ лицъ, которыя въ рѣчахъ упоминались. Отвѣтственность за напечатанное, которая до настоящаго времени не простиралась на стенографовъ и редакторовъ газетъ, неминуемо распространится и на нихъ, въ особенности при дѣя-

ствія той новѣйшей практики уголовного кассационнаго департамента, которая существенно видоизмѣнила умыселъ въ клеветѣ и изъ *зазѣдомо лживаго*, несправедливаго обвиненія, превратила его въ *незазѣдомо правдивое* оглашеніе оскорбляющихъ лживыхъ фактовъ (рѣш. по дѣлу Ахшарумова 1885 г. № 33). Редакторъ никогда не можетъ быть убѣжденъ въ томъ, правдиво ли обвиняли составляющіеся на судѣ другъ друга. Онъ довольствовался до сихъ поръ повѣркою только того, что то, что записано было въ отчетѣ, въ самомъ дѣлѣ произнесено. Если появится требованіе завѣдомой правдивости для редактора того, что спорящими было въ ущербъ другъ другу произнесено, то редакторы должны будутъ по необходимости подвергать съ этой точки зрѣнія отчеты о засѣданіяхъ своей предварительной ценсурѣ, обрѣзывать ихъ и измѣнять, и будутъ похожи эти отчеты на тѣ выхолощенные изданія XVII и XVIII вв. древнихъ авторовъ *editiones castigatae ad usum Delphini*, надъ которыми нашъ вѣкъ смѣется не безъ основанія, какъ надъ неумѣстною чопорностью и жеманствомъ, какъ надъ принесеніемъ въ жертву пустымъ условностямъ самой истины, какъ надъ прямою фальсификаціею этой истины.

Въ 3-хъ, палатую нарушена 1535 ст. улож. о наказ., по которой клевета есть несправедливое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, *противномазъ правдамъ чести*. Судебная палата, исчисливъ на двухъ страницахъ все, по ея мнѣнію, приписываемое Дорному въ его рѣчи Шанявскому, уклонилась затѣмъ самымъ неожиданнымъ образомъ отъ объясненія, что въ этихъ дѣйствіяхъ она усматриваетъ противнаго правдамъ чести, признавъ таковое объясненіе *«излишнимъ»*, а признала она излишнимъ потому, что въ самой исковой, сочиненной противъ опекунскаго управленія присяжнымъ повѣреннымъ Геннертомъ и поддерживаемой въ Московскомъ окружномъ судѣ Дорномъ совокупно съ Геннертомъ, представители Шестовой домогались передачи дѣла по злоупотребленіямъ опеки прокурорскому надзору, значить, усматривали въ дѣятельности опеки дѣянія, не только безчестныя, но и прямо преступныя, подлежащія преслѣдованію уголовному. Палата, очевидно, умозаключала слѣдующимъ образомъ. Всѣ, предусмотрѣнныя закономъ, уголовныя дѣянія, *eo ipso*, неминуемо безчестны. Геннертъ съ Дорномъ уличали опекунское управленіе въ дѣяніяхъ, по ихъ мнѣнію, уголовно преслѣдуемыхъ, значить, и въ безчестныхъ, значить, совершили то, за что могли бы быть преслѣдуемы какъ за клевету. Приобщая ошибочно въ своей рѣчи Шанявскаго къ опекѣ съ момента ея возникновенія, Дорнъ оклеветалъ Шанявскаго не тѣмъ, что назвалъ его опекуномъ за то время, когда Шанявскій еще опекуномъ не былъ, но тѣмъ, что связалъ его съ учрежденіемъ, котораго преданія уголовному суду онъ, сообщая съ Геннертомъ, добивался, значить, дѣятельность котораго признавалъ преступною, не только что безчестною. Итакъ, по выводу суда, обвиненіе Шанявскаго въ безчестныхъ поступкахъ по отношенію къ Дорну установлено, и до-

казывать, что онъ озорилъ Шаявскаго, представляется *сильнѣйшимъ*. Если этотъ рядъ вытекающихъ одно изъ другаго положеній, связанныхъ одно съ другимъ, какъ звѣнья въ цѣпи—прочень, по испробованной прочности каждаго звѣна отдѣльно взятаго, то разумѣется, что бесспорно и послѣднее звѣно—окончательный выводъ объ излишствѣ доказыванія безчестнаго качества приписываемыхъ Шаявскому поступковъ. Но если, наоборотъ, одно или нѣсколько звѣньевъ, при повѣркѣ ихъ, лопнуть, то цѣпь разорвалась и перестала существовать, а выводъ виситъ на воздухѣ, и нѣтъ состава клеветы, потому что не установлено, за отказомъ отъ этого разбирательства палатой, чтобы напрасно приписанные Шаявскому поступки имѣли безчестный и потому поворящій характеръ. Постараемся доказать, что не одно, а много звѣньевъ вывода палаты не выдерживаютъ критики и что, слѣдовательно, весь выводъ долженъ быть, какъ совсѣмъ неправильный, устраненъ.

Первое мое возраженіе, чисто формальное противъ вывода то, что онъ приходитъ къ установленію *безчестности* поступковъ Шаявскаго въ рѣчи Дорна не по содержанію этой рѣчи, а посредствомъ совсѣмъ *побочнаю* обстоятельства, къ настоящему дѣлу не относящагося, а именно, посредствомъ исковой, писанной Геннертомъ. Эта исковая, перечисливъ неправильныя на взглядъ составителя ея дѣйствія опекунскаго управленія до вступленія въ него Шаявскаго во время соопекунства и послѣ выхода его изъ опеки, въ самомъ заключеніи въ требованіяхъ содержитъ слѣдующую общую фразу: «о дѣйствіяхъ отвѣтчиковъ сообщить прокурору окружнаго суда для возбужденія уголовного преслѣдованія». Въ цѣлой исковой не проронено ни слова о безчестномъ, а рѣчь идетъ дѣйствительно о противозаконномъ, съ *одной стороны* излагаются факты, долженствующіе быть доказанными, которые и были доказаны, такъ какъ по судебнымъ рѣшеніямъ въ обвиняемыхъ инстанціяхъ исковыя требованія исковой въ главныхъ чертахъ удовлетворены, съ *другой стороны* истецъ заявляетъ, что по личному его субъективному взгляду эти факты кажутся ему даже преступными и потому онъ проситъ судъ разобратъ ихъ и, если ихъ таковыми найдетъ, возбудитъ судебное преслѣдованіе которое есть только пріуготовительное дѣйствіе, за каковымъ дѣйствіемъ можетъ еще и не послѣдовать предаче уголовному суду. Такъ какъ за инкриминируемыя дѣйствія истцы не обратились прямо въ уголовный судъ, а въ гражданскій, съ пригѣсью предположенія по 8 ст. уст. гражд. судопр., что можетъ при судебномъ разбирательствѣ открытись уголовныя преступныя дѣйствія, то заключительное требованіе было неопредѣленное и не указываетъ ни на одно дѣйствіе, которое сразу, при предъявленіи иска, можно бы уже квалифицировать преступнымъ. Спрашивается, въ которомъ изъ двухъ элементовъ исковой: перечнѣ ли противозаконій или неопредѣленномъ, не указывающемъ ни одного изъ нихъ субъективнымъ взглядѣ, надо искать элемента объективнаго обезчещенія, которое вызываетъ прямыя об-

виненія въ дѣяніяхъ, по общественному сознанию признаваемыхъ бесчестными, а слѣдовательно позорящими, напримѣръ: обокралъ, обманулъ, растратилъ. Такъ какъ исковая не заключаетъ въ себѣ вымышленныхъ дѣйствій, а только настоящія, которыя и были послѣ разбирательства признаны правильными; такъ какъ она никакого указанія на какое либо опредѣленное дѣйствіе не дѣлаетъ, а только ходатайствуетъ у суда дознать, нѣтъ ли такового въ общемъ ряду, представленныхъ на разрѣшеніе суда гражданскаго, то она не годится для установленія виновности Дорна въ клеветѣ. *Второе возраженіе* мое идетъ гораздо дальше перваго. Я утверждаю, что клевета не мыслима въ бумагахъ, которыми начинаются или продолжаются иски гражданскіе или уголовные. Можно быть въ этого рода случаяхъ клеветникомъ, ябедникомъ (ст. 939 улож.), лживымъ доносителемъ (940 ст. улож.), но никоимъ образомъ нельзя быть клеветникомъ. Я уже объяснялъ, въ чемъ заключается главное различіе между обществами дикими, то есть некультурными и культурными. Оно состоитъ въ томъ, что въ дикомъ всё своевольничаетъ и дерутся другъ съ другомъ, а въ культурномъ господствуетъ законность, то есть, что во всёхъ своихъ обидахъ граждане, отказываясь отъ насилія и самоуправства, воюютъ только передъ судомъ словами и доказательствами, но воюютъ свободно и на чистоту, обвиняя другъ друга безобязательно и не опасаясь отвѣтственности, во всевозможныхъ нарушеніяхъ и гражданскихъ, и уголовныхъ. Самъ законъ даетъ имъ, такъ сказать, оружіе въ руки, учитъ ихъ какъ наносить другъ другу самые чувствительные и для самолюбія, и для чести удары, пользование какими совѣтами не можетъ влечь за собою никакой для употребляющаго ихъ отвѣтственности по правилу, что *qui suo jure utitur, nemini facit injuriam*. Самъ законъ внушаетъ въ ст. 8 уст. гражд. судопр., что можно переносить процессъ съ гражданской на уголовную почву, что можно ломать кѣмъ бы то ни было заключенныя вредныя для жалобщика обязательства, если они сдѣланы въ обходъ закона, къ подложному переукрѣпленію имуществъ, во избѣжаніе платежа долговъ, къ лихоимственнымъ изворотамъ (1529 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд.) доказывать, что владѣніе было недобросовѣстное (610 ст. 1 ч. X т.), требовать возвращенія дара вслѣдствіе неблагодарности одареннаго (974 ст. 1 ч. X т.), уличать несостоятельнаго должника въ злостномъ банкротствѣ. Адвокатъ поставленъ во многихъ случаяхъ въ необходимость идти на состязаніе съ малымъ запасомъ амуниціи, съ одними предположеніями въ надеждѣ, что онъ добудетъ данныя для своего дѣла въ самомъ состязаніи. Нельзя себѣ представить и того громаднаго количества обиженныхъ, которые должны были бы оставить всякую мысль обращенія къ правосудію, если бы защитникъ могъ выходить на бой только вооруженный съ головы до ногъ, не дѣлать предположеній и огираться ежеминутно—есть ли у него возможность отступленія. Нельзя себѣ представить то приращеніе ябедничества, если

бы вошло въ жизнь предположенное палатою обращеніе въ клевету исковъ о правонарушеніяхъ, имѣющихъ уголовный характеръ и если бы сдѣлать возможными возвратныя обвиненія въ клеветѣ, извлекаемыя противною стороною изъ всякой исковой, обличающей какой либо неблагоприятный поступокъ, если бы, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ при предположеніи, что вошелъ въ силу неблагоприятный для Шанявскаго приговоръ окружнаго суда, возникла вытекающая изъ приговора палаты возможность, которую я безусловно отрицаю, возвратнаго обвиненія Дорномъ Шанявскаго, за недоказаніемъ Дорну клеветы, то есть за оклеветаніе Дорна по 1535 ст. въ поданной въ судъ бумагѣ, которою начато Шанявскимъ противъ Дорна производство о клеветѣ. Наконецъ, *третье мое возраженіе* заключается въ томъ, что въ высшей степени ненаучно и нелогично отождествленіе понятій безчестное и уголовно преступное представленіе о томъ, якобы они покрываются, якобы преступное есть второй этажъ безчестнаго, безчестное, такъ сказать, въ квадратѣ, и что достаточно сказать: преступное, потому что безчестнымъ будетъ оно неминуемо само по себѣ. Въ дѣйствительности и эти понятія, и ихъ мѣрила несоизмѣрмы. Дурной поступокъ, если его разсматривать со стороны неблагородныхъ побужденій, изъ которыхъ онъ истекъ, — есть безнравственность предосудительная и честь виновника умаляющая, а если его разсматривать со стороны общественной вредности, то онъ можетъ быть и наказанъ уголовно. Большое число людей вполнѣ безнравственныхъ по расчетамъ благоразумія остерегаются переступить уголовный законъ. Съ другой стороны, есть еще большее количество людей вовсе не безчестныхъ, которые подлежатъ иногда тяжкимъ карамъ уголовнымъ, не будучи увлечены никакими нравственно унижающими ихъ побужденіями. Къ числу такихъ преступленій относятся почти всѣ преступленія противъ вѣры, многія преступленія государственныя. множество полицейскихъ проступковъ, даже преступленія противъ жизни и неприкосновенности тѣлесной частныхъ лицъ, когда они совершены по аффекту. Изъ совокупности приведенныхъ мною доводовъ слѣдуетъ, что приговоръ палаты совсѣмъ не разрѣшилъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли приписывалъ Дорнъ Шанявскому дѣянія, поворяющія его честь. Слѣдовательно, и послѣ приговора палаты вопросъ этотъ остается открытымъ, такимъ образомъ, этотъ приговоръ по своей неполнотѣ остаться въ силѣ не можетъ.

Наконецъ, въ 4-хъ, нарушена 892 ст. уст. угол. судопр., которая гласитъ, что «въ приговорѣ палаты должно быть обозначено точно и положительно, по какимъ основаніямъ она утверждаетъ или отмѣняетъ вполнѣ или отчасти приговоръ окружнаго суда». Настоящее дѣло представляетъ ту особенность, что между тѣми же сторонами, по однимъ и тѣмъ же документамъ и даннымъ, двѣ судебныя инстанціи пришли къ выводамъ діаметрально противоположнымъ, по слѣдующимъ тремъ пунктамъ. Окружный судъ заключилъ: 1) что Шанявскій

имѣлъ первенствующее значеніе въ опекаѣ; 2) что онъ заставилъ Шестову искать защиты отъ своихъ дѣйствій у Дорна и передъ судомъ и не оправдалъ ея довѣрія, и 3) что Дорнъ не виновенъ въ клеветѣ. Палата признала: 1) что Шанявскій не имѣлъ первенствующаго значенія въ опекаѣ, 2) что онъ особеннымъ и въ особенности полнымъ довѣріемъ Шестовой не пользовался, и 3) что Дорнъ оклеветалъ Шанявскаго. Конечно, палата, становясь на противоположную въ сравненіи съ окружнымъ судомъ точку зрѣнія, вправѣ была придти къ своимъ заключеніямъ, но предварительно, она должна была обсудить и опровергнуть доводы окружнаго суда, между тѣмъ она этого не сдѣлала, что отражается неблагоприятнымъ для Дорна образомъ и на подробности этого приговора, напримѣръ, на сужденіяхъ палаты о томъ, вправѣ ли была Шестова хлопотать о правѣ бѣдности и вправѣ ли былъ Дорнъ упоминать въ своей рѣчи объ этомъ ходатайствѣ? Начавъ съ того, что заявленіе о бѣдности Шестовой было завѣдомо несправедливое, палата понизила послѣдовательно уровень обвиненія до того, что Дорнъ не располагалъ только достаточными данными или, по крайней мѣрѣ, не представилъ ихъ суду о томъ, что Шестова была бѣдна. Непосредственно затѣмъ палата умалываетъ обвиненіе до простаго неприличія со стороны Дорна: «онъ не долженъ былъ указывать на то обстоятельство, что Шестова ходатайствовала о признаніи за нею права бѣдности, потому что ему, какъ повѣренному Шестовой, было извѣстно объ отказѣ мирового судьи въ выдачѣ Шестовой просяимаго ею свидѣтельства». Не касаясь того, что Дорнъ не только не скрывалъ отъ суда объ отказѣ мирового судьи, но и не могъ скрывать, такъ какъ обращался къ суду, знающаго по бумагамъ подлиннаго производства, что Шестова внесла судебныя пошлины, я замѣчу, что бѣдность Шестовой поставлена на счетъ Дорну, какъ одинъ изъ элементовъ клеветы, при чемъ палата не потрудилась не только опровергнуть приговоръ, но даже оговорить, что по приговору окружнаго суда Шестова, можетъ быть, и не обладала достаточными средствами для веденія дѣла, а во всякомъ случаѣ, что несомнѣнно, что Дорнъ вѣрилъ въ искренность Шестовой, когда она просила окружный судъ о признаніи за нею права бѣдности. Какую громадную важность имѣеть въ приговорѣ палаты пропускъ оцѣнки фактовъ, имѣющихъ въ настоящемъ дѣлѣ рѣшающее значеніе относительно роли въ опекуномъ управленіи и вліянія на дѣла Шестовой Шанявскаго, можетъ быть только объяснено указаніемъ этихъ пропусковъ, изъ которыхъ легко будетъ усмотрѣть, что всѣ считавшіеся существенными для оправданія Дорна моменты, подмѣченные окружнымъ судомъ, были обойдены, а подведены только или противные, или безразличныя, при чемъ капитальныя моменты дѣйствій Шанявскаго и отношеній его къ Шестовой остались совсѣмъ неразсмотрѣнными. *Первый* такой моментъ соответствуетъ возникновенію проекта подписки 1881 г., которою Шестова жертвовала-бы 75 т. руб. на дѣло народнаго образованія въ угоду Шанявскому изъ

150 т., какія ей слѣдовало получить съ опекаемаго имущества и кредиторовъ. Окружный судъ приписываетъ почтия предложенія этой подписки Шанявскому, палата, допуская возможными два предположенія, что мысль о подпискѣ родилась либо у Шестовой, либо у Шанявскаго, не высказывается въ пользу ни одного, ни другаго предположенія и находитъ, что подписка не имѣетъ «никакою значенія», между тѣмъ какъ она весьма важна, какъ доказательство того безусловнаго, при существованіи ея, факта, что въ 1881 г. и Шанявскій, и Шестова знали, какъ выразился окружный судъ, что «за погашеніемъ претензій, дальнѣйшее существованіе опеки надъ имуществомъ Шестова являлось ненужнымъ и лишеннымъ правильнаго основанія». Вторымъ моментомъ является составленіе расчета о процентахъ 7-го февраля 1886 г., обѣщавшее, по словамъ приговора окружнаго суда, «плодовитое приращеніе Бергу на капиталъ, котораго у него въ дѣйствительности не было, и выдачу мнимой кредиторшѣ—тещѣ Шанявскаго, г-жѣ Родственной, около 12000 руб. на погашенную уже капитальную сумму». Это мѣсто приговора суда осталось не опровергнутымъ, между тѣмъ оно несогласимо съ усвоеннымъ палатою взглядомъ о полной личной незаинтересованности Шанявскаго въ дѣлахъ опеки и въ расчетѣ процентовъ 1886 г. Приговоромъ суда установлено, что въ расчетѣ не участвовалъ Молдеръ, никогда, кромѣ дней общихъ собраній кредиторовъ, въ опекѣ не бывавшій и пребывающій въ Петербургѣ, что Бергъ «не могъ принимать участія въ расчетѣ процентовъ въ качествѣ опекуна, такъ какъ послѣдніе причитались и ему, какъ кредитору» — остается третій опекунъ Шанявскій, рассылавшій расчетъ кредиторамъ. Палата нашла возможнымъ и его отъ отвѣтственности за содержаніе отчета освободить, повѣривъ ему, что сочинилъ отчетъ его бухгалтеръ и что къ содержанію отчета Шанявскій не причастенъ. Подобное объясненіе открываетъ дорогу шаткимъ предположеніямъ, что отвѣтственными лицами за официально рассылаемыя бумаги могутъ быть въ концѣ концовъ признаваемы и писцы, ихъ заготовлявшіе или начисто переписывавшіе. Не смотря на всю странность этого объясненія, его можно было-бы допустить, если-бы не существовалъ курьезный эпизодъ съ черновикомъ заявленія отъ имени Шестовой противъ Баранова, писанный Шанявскимъ и неожиданно для него поднесенный ему со стороны защиты Дорна. Эпизодъ этотъ есть *третій*, на мой взглядъ, рѣшающій моментъ въ дѣлѣ о клеветѣ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется онъ въ приговорѣ окружнаго суда; Шанявскій удостовѣрилъ, что, защищаясь отъ претензій Баранова, Шестова просила его написать заявленіе въ опеку, что она никакихъ долговъ, кромѣ имѣющихъ, не признаетъ. Шанявскій сказалъ, что онъ поручилъ кому то въ опекѣ изготовить заявленіе, ограничившись указаніемъ общаго его смысла. «Это показаніе, говоритъ судъ, было рѣшительно поколеблено представленными защитою письмами Шанявскаго, а также черновикомъ заявленія, собственноручно писаннымъ Шанявскимъ, который онъ самъ

призналъ на судѣ». По этому проекту бумаги, который Шестова не согласилась подписать, она признала бы правильнымъ и самъ расчесть процентовъ 7 февраля 1886 года, который она твердо рѣшила не подписывать, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія Шанявскаго въ его письмахъ. Судъ находитъ, что употребленіе подобнаго завлекающаго средства для склоненія Шестовой къ дѣйствию, противному ея волѣ и вредному для ея интересовъ «обрисовало вопросъ болѣе яркими красками». «Оказывается», присовокупляетъ судъ, «что Шанявскій далеко не индифферентно относился къ вопросу о начетѣ процентовъ». Палата могла не согласиться со взглядомъ суда и иначе объяснить эпизодъ съ черновикомъ, но она обявана была его ввѣрить и разобрать. Обходя его полнымъ молчаніемъ, она прямо нарушила 892 статью. Такимъ же полнымъ молчаніемъ палата обошла и *четвертый* моментъ отношеній защиты Шестовой къ Шанявскому, а именно: нехорошій образъ дѣйствій г. Шанявскаго въ общемъ собраніи кредиторовъ 12 марта 1887 г., объясняющій и раздраженіе Дорна, увидѣвшаго въ Шанявскомъ открытаго врага Шестовой и долженствующій служить сильно смягчающимъ вину Дорна обстоятельствомъ, въ случаѣ, если бы даже Дорнъ могъ быть признанъ виноватымъ. Въ этомъ собраніи, которое, по словамъ приговора окружнаго суда, приняло Дорна и Геннерта «болѣе чѣмъ сурово» и въ которомъ «отказъ въ выдачѣ имъ копій съ постановленія собранія носилъ характеръ издѣвательства надъ ними», Шанявскій не только согласился съ постановленіемъ общаго собранія кредиторовъ взять личное имущество Шестовой безъ всякаго законнаго основанія въ опеку на удовлетвореніе кредиторовъ Шестова, сполна уже удовлетворенныхъ, но еще указалъ собранію на два лично принадлежащіе Шестовой пріиски, которые собраніе постановило взять въ свое вѣдѣніе и доходы съ нихъ обращать на удовлетвореніе несуществующихъ долговъ Шестова. Приведенныхъ мною мѣстъ приговора окружнаго суда достаточно для установленія того, что обошедшій эти мѣста молчаніемъ приговоръ палаты постановленъ односторонне и что потому, за нарушеніемъ 892 ст. уст. онъ остаться въ силѣ не можетъ.

Разборъ дѣла происходилъ въ присутствіи уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената 18-го февраля 1892 г. Интересы подсудимаго поддерживалъ прис. пов. В. Д. Спасовичъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ Н. В. Муравьевъ.

Гг. сенаторы! Я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи и не знаю, какъ мнѣ быть, какъ разобраться, съ чего начать; я готовился разсуждать самымъ спокойнымъ образомъ, поддерживая мои кассационные поводы на той высотѣ отвлеченныхъ понятій, на которой нѣтъ

уже помину о существѣ разбираемаго дѣла. Между тѣмъ, въ рѣчахъ противниковъ говорила сильная страсть, посыпались нападки личныя и къ существу дѣла относящіяся, даже приводились совсѣмъ новые факты, на которые я сомнѣваюсь вправѣ ли я отвѣчать. Подумавши, я рѣшилъ не отвѣчать, но не могу не сдѣлать двухъ замѣчаній, изъ которыхъ видно, что наши противники дѣлаютъ то самое въ чемъ обвиняютъ моего клиента. Никогда Дорнъ не ходилъ въ редакцію газеты «Новости» просить о помѣщеніи рѣчи въ газетѣ, онъ совсѣмъ редактора не знаетъ. Здѣсь на лица та самая стенографка, которая устроила помѣщеніе отчета въ газетѣ безъ его участія. Изъ того, что въ дѣлѣ есть свѣдѣнія, что Дорнъ стенографку возилъ въ Москву записать то, что будетъ происходить на судѣ, никакъ нельзя заключить, что онъ это сдѣлалъ съ цѣлью обнародованія именно того, что онъ на судѣ могъ сказать противъ Шанявскаго. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, онъ не зналъ даже, что ему придется говорить хотя одно слово о Шанявскомъ. Вопросъ о Шанявскомъ возбудился въ самомъ засѣданіи, Дорну дали въ руки массу документовъ предъ самымъ засѣданіемъ, которые доставлены были противникомъ Дорна г. Шанявскимъ, что и побудило Дорна сказать сторяча нѣсколько словъ противъ Шанявскаго, не совсѣмъ точныхъ, о которыхъ онъ и сожалѣетъ. Такимъ образомъ, злое намѣреніе сочинено, его не было въ дѣйствительности. Сказаннаго мною совершенно достаточно для того, чтобы установить, что нынѣ какъ разъ оправдалась на дѣлѣ евангелическая притча о людяхъ, которые спицу видятъ въ глазу противника, а бревна въ своемъ глазу не замѣчаютъ.

Обращаюсь всецѣло къ моимъ кассационнымъ поводамъ, — ихъ три: первый — заключается въ томъ, что клевета со стороны Дорна могла-бы быть только устная, а не печатная; второй — что нѣтъ состава преступленія, т. е., что не обвиняется Шанявскій Дорномъ несправедливо въ какомъ-бы то не было дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и въ третьихъ — что палаткою не

только не опровергнуты, но даже не разобраны существенныя части и соображенія въ рѣшеніи окружнаго суда. Касаясь вновь этихъ трехъ кассационныхъ поводовъ, я не могу повторить того, что написано въ жалобѣ, но я могу свободно измѣнить порядокъ изложенія, идти не отъ принципіальнаго къ конкретному, слѣдовательно не отъ наиболѣе спорнаго къ менѣе спорному, но напротивъ того начать прямо съ конкретнаго, съ неопровергнутаго въ рѣшеніи суда, т. е. съ указанія на нарушение ст. 892 уст. уг. суд.

Мой путь уже проторенъ вашимъ-же несомнѣнно классическимъ рѣшеніемъ за 1889 г. № 34, по дѣлу князя Кейкубатова, котораго начала нашли дальнѣйшее примѣненіе въ рѣшеніи 1890 г. № 15, по дѣлу Микиртича Антоносова. Суть вашего рѣшенія по дѣлу Кейкубатова, которую я постараюсь кратчайшимъ образомъ изложить, заключается въ томъ, что при производствѣ уголовныхъ дѣлъ безъ присяжныхъ, когда не имѣемъ этой самой главной гарантіи правильности рѣшенія и когда ея мѣсто заступаетъ другая гарантія—прохожденіе дѣла черезъ двѣ инстанціи, эти инстанціи находятся не въ одинаково выгодныхъ условіяхъ изслѣдованія и наблюденія. Условія эти гораздо менѣе благопріятны для истины въ высшей инстанціи, чѣмъ въ нисшей. Окружный судъ имѣетъ дѣло съ живыми лицами съ подсудимыми, свидѣтелями, экспертами; свое знаніе онъ почерпаетъ изъ непосредственныхъ источниковъ, изъ наблюдаемаго имъ, малая только часть коего заносится кое-какъ въ протоколъ. Вы знаете, что въ протоколъ заносится можетъ быть одна десятая только часть того, что въ дѣйствительности въ судѣ происходило. Когда дѣло докладывается въ палатѣ, обыкновенно не вызываютъ ни свидѣтелей, ни экспертовъ, самые подсудимые могутъ отсутствовать, производство по необходимости превращается въ формалистическое и бумажное. Функція этой инстанціи не наблюдательная, а только критическая и повѣрочная. Повѣрочныя функціи палаты могутъ быть надлежащимъ образомъ исполнены при соблюденіи двухъ

условій: 1) не выходить изъ предѣловъ жалобы т. е. не трогать того, что необжаловано; считать не обжалованное безповоротнo рѣшеннымъ; 2) необходимo ни одного изъ доводовъ, соображеній и фактовъ, изъ которыхъ состоитъ приговоръ окружнаго суда, не замалчивать ихъ. Всякое обстоятельство, которое оставлено и не опровергнуто палатою, заставляетъ предполагать, что его нельзя было опровергнуть, и по этому обстоятельству выводъ суда остается въ полной своей силѣ. Палата можетъ согласиться съ окружнымъ судомъ, усваивая въ общемъ его мнѣнiя, но если послѣ палатскаго рѣшенiя остаются куски рѣшенiя, окружнаго суда неопровергнутые, то они такъ сказать, торчатъ и протестуютъ противъ палатскаго рѣшенiя, эти-то не обжалованные остатки прежняго рѣшенiя, могутъ быть весьма небольшiе, немногочисленные, что поясню примѣромъ: положимъ, — я сказалъ о комъ-нибудь, что онъ смошенничалъ, вовлекъ меня завѣдомо ложными увѣренiями въ убыточную сдѣлку. Всѣ признаки преступленiя признаны первой инстанцiей; вторая инстанцiя признала почти все: что я былъ вовлеченъ въ убыточную сдѣлку посредствомъ лжи, но обошла одинъ только вопросъ о завѣдомости лжи, вслѣдствiе чего мошенничество является по моей сторонѣ недоказаннымъ и я могу быть осужденъ какъ клеветникъ; или на примѣръ, я сказалъ что мой противникъ сдѣлалъ, что называется подвохъ, т. е. поднесъ мнѣ къ подписанiю бумагу, явно противную моимъ намѣренiямъ и моимъ интересамъ, которую я подписалъ не читая, не вникая въ содержанiе бумаги, увлекшись моимъ къ нему довѣрiемъ. Достаточно замолчать въ рѣшенiи про то, что мой противникъ рассчитывалъ на мою по довѣрiю къ нему, неосмотрительность, чтобы меня превратить въ порочащаго чужую честь клеветника.

Съ этой точки зрѣнiя задаюсь я вопросомъ, есть-ли въ настоящемъ дѣлѣ крупныя факты, существованiе которыхъ сочтено судомъ доказаннымъ и занесено въ его рѣшенiе, но которые палата замалчиваетъ, а слѣдова-

тельно ихъ обходить и не разрѣшаетъ? Самый крупный фактъ изъ тѣхъ, на которые я указалъ въ кассационной жалобѣ заключается въ одномъ черновикѣ Шанявскаго, писанномъ его рукою и неожиданно суду представленномъ. Какъ видно изъ обоихъ рѣшеній суда и палаты, Шестова, какъ наслѣдница послѣ мужа, была подопечною. Опекѣ завѣдывала присками ея мужа даже послѣ того, какъ всѣ долги мужа были погашены. Для продленія опеки насчитаны громадныя фиктивные проценты и проценты на эти проценты не на милліоны, но на многія сотни тысячъ рублей, до уплаты которыхъ опека продолжала-бы на неопредѣленное время существовать. Шестова не могла не согласиться на этотъ расчетъ, у нея вышла по этому предмету цѣлая переписка съ Шанявскимъ. Шанявскій склонялъ ее всячески подписать расчетъ, она отказывалась. Тогда по поводу совершенно посторонняго дѣла, по которому нужно было дать отзывъ опекѣ и послѣ того, какъ Шестова обратилась съ просьбою къ Шанявскому, научить ее какъ написать этотъ отзывъ, Шанявскій прислалъ ей готовый отвѣтъ перебѣленный бойкою писарскою рукою при своемъ препроводительномъ письмѣ. Въ заготовленномъ для подписи отвѣтѣ безъ всякой нужды помѣщена такая фраза: «я отвергаю всѣ претензіи, кромѣ тѣхъ, которыя занесены въ такой то расчетъ». Это такая фраза, которая, хотя по особому случаю написанная, содержитъ въ себѣ признаніе расчета, слѣдовательно, таковое признаніе, которое, еслибы оно было въ этой бумагѣ учинено, сдѣлало-бы невысказаннымъ предъявленіе того иска, который повелъ Дорнъ противъ опекунскаго расчета и который Шестова въ концѣ концовъ выиграла. Шестова остерегалась и не подписала заготовленнаго и перебѣленнаго отвѣта. Эта неподписанная Шестовою бумага, очутилась у слѣдователя, но сама по себѣ она была мало доказательна, потому что только предварительное письмо подписано было Шанявскимъ, а самый отвѣтъ писанъ писарскою рукою. Шанявскій могъ сказать и сказалъ:

«я далъ только общее указаніе канцеляріи, какъ написать отвѣтъ, я не отвѣчаю за то, что канцеляріей сочинено». Къ счастью для Дорна обнаружился такой казусъ, что по неосторожности канцеляріи вмѣстѣ съ перебѣленнымъ писарскою рукою отвѣтомъ къ нему, по ошибкѣ канцеляріи, приобщенъ былъ и сообщенъ такимъ образомъ Шестовой вложенный внутрь отвѣтнаго листа маленькій черновикъ, писанный тонкимъ характернымъ почеркомъ, относительно котораго сомнѣніе не возможно, что этотъ черновикъ писанъ рукою Шанявскаго. Шанявскій не рѣшился сказать на судѣ, что это не его рука—судить объ этомъ дѣйствіи Шанявскаго я не буду. Судъ занесъ въ протоколъ засѣданія слѣдующія слова: «Шанявскій сказалъ, что онъ только указалъ канцеляріи какъ должно быть написано заявленіе», и затѣмъ: «Шанявскій призналъ, что и черновикъ писанъ его рукою». Изъ этого противорѣчія судъ вывелъ только слѣдующее заключеніе, воздерживаясь отъ сужденія о качествѣ поступка Шанявскаго: «Показаніе Шанявскаго о томъ, что онъ не указывалъ въ какомъ смыслѣ писать заявленіе, было рѣшительно поколеблено черновикомъ этого заявленія, который онъ самъ призналъ на судѣ. Оказывается, что Шанявскій далеко не индифферентно относился къ вопросу о начетѣ процентовъ и даже заявленіе Шестовой написалъ самъ». Выводъ о томъ, что Шанявскій былъ заинтересованъ въ разсчетѣ 0/0, противится цѣлому рѣшенію палаты, которая, умалчивая объ эпизодѣ съ черновикомъ и не разбирая его, на нѣсколькихъ страницахъ старается доказать, что хотя Шанявскій и состоялъ въ опеку, но онъ относился къ Шестовой по дѣламъ ея совершенно индифферентно, что все, что дѣлалось въ опеку противъ Шестовой должно относиться къ Бергу, что Шанявскій въ этомъ дѣйствіи не принималъ никакого участія. Но черновикъ Шанявскаго не составляетъ въ рѣшеніи суда единственнаго мѣста, указывающаго на то, что вопреки мнѣнія палаты Шанявскій былъ въ разсчетѣ сильно заинтересованъ,

если не изъ корысти, то по крайней мѣрѣ, изъ-за личныхъ видовъ. Въ рѣшеніи окружнаго суда сказано, о расчетѣ процентовъ, заготовленномъ на 7-е февраля 1886 г., что этотъ расчетъ «объщаль плодовитое приращеніе Бергу на не существующій его капиталъ», но палата замалчиваетъ о томъ, что въ рѣшеніи окружнаго суда присовокуплено, что этотъ же расчетъ общаль тещѣ Шанявскаго Родственной, мнимой кредиторшѣ, крупную сумму 12,000 р. Равнымъ образомъ, палатою не опровергнуто отмѣченный окружнымъ судомъ фактъ участія Шанявскаго въ знаменитомъ общемъ собраніи кредиторовъ 12 марта 1887 года, въ которомъ онъ не только согласился, чтобы отвергнуты были нѣкоторыя претензіи Шестовой, но самъ указаль на имущество, лично ей принадлежащее, которое по его мнѣнію, принятому и собраніемъ, надлежало взять въ опеку и учредить такимъ неслыханнымъ образомъ опеку надъ личностью ея самой.

Есть еще и другіе такого-же рода факты, указанные въ моей жалобѣ, я ихъ не касаюсь, но вотъ что я считаю нужнымъ прибавить и чѣмъ дополнить мою жалобу. Всѣ умолчанія палаты и обходы извѣстныхъ, невыгодныхъ для Шанявскаго фактовъ имѣютъ общую причину. Палата обошла молчаніемъ характерные факты о дѣятельности Шанявскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ она обошла и покрыла молчаніемъ образъ дѣйствій самой опеки, какъ учрежденія, за которое Шанявскому и пришлось слушать отъ Дорна порицанія его дѣятельности. Дорнъ напалъ на Шанявскаго не какъ на частнаго человѣка, а какъ на опекуна. По всему дѣлу Шанявскій является окружаемый нераздѣльною съ нимъ обстановкою. Судебная палата, имѣя дѣло и съ Шанявскимъ и съ опекою, какъ съ его обстановкою сдѣлала то же, что дѣлаютъ дѣти, когда они вырѣзываютъ лицо изъ карточки, на которой оно изображено въ комнатѣ или въ извѣстномъ пейзажѣ. Палата ограничивается тѣмъ, что на ея взглядъ Шанявскій не участво-

валъ въ дѣйствіяхъ опеки по дѣламъ Шестовой. Но простое привлеченіе Шанявскаго Дорномъ къ дѣламъ опеки, служить въ глазахъ палаты основаніемъ обвиненія Дорна въ клеветѣ и въ этомъ обвиненіи, на первомъ планѣ, поставлено то обстоятельство, что, по словамъ Дорна, дѣятельность Шанявскаго проходитъ красною нитью по всему опекунскому управленію, начиная съ самаго ея учрежденія. Сами по себѣ слова «красная нить», не заключаютъ въ себѣ ничего обиднаго, какъ не заключали-бы его выраженія: голубая, желтая или зеленая нить. Они обозначаютъ только, что Шанявскій занималъ видное положеніе, что онъ имѣлъ первенствующее значеніе въ учрежденіи. Видное мѣсто, первенствующая роль могутъ быть ставимы въ заслугу лицу, если учрежденіе хорошее, если участвующій въ немъ имѣетъ основаніе тѣмъ, что онъ участвуетъ, гордиться. Но къ учрежденію можно относиться также и отрицательно, если оно нечестное, если оно дѣлаетъ многое противозаконное. Такимъ отрицательнымъ образомъ къ опекунскому управленію по дѣламъ Шестова и Колесникова относились многіе и прежде всего прис. пов. Геннертъ, который по передовѣрію отъ Дорна, предъявивъ искъ противъ управленія, требовалъ отъ суда по 8 ст. уст. гражд. суд. возбужденія противъ управленія уголовнаго преслѣдованія. Эта жалоба не подписана Дорномъ; то что Геннертъ дѣйствовалъ по передовѣрію отъ Дорна, едва-ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, такъ какъ по довѣренности нельзя никого уполномочить на совершеніе преступленія. Странна тутъ уклончивость палаты отъ сужденія о томъ, дѣйствовала-ли опека хорошо или дурно, честно или безчестно. Палата строитъ осужденіе не на томъ, что Дорнъ говорилъ о Шанявскомъ, а на томъ, что онъ говорилъ объ опекѣ и умозаключаетъ слѣдующее: «истцы обвиняли опекунское управленіе въ дѣянiachъ уголовно преступныхъ, не только что безчестныхъ; послѣ того доказывать, что приписываемыя Шанявскому дѣянія, позорятъ его личную честь пред-

ставляется излишнимъ». На этомъ-то только одномъ и единственномъ основаніи Дорнъ осужденъ за клевету. Мои противники стараются представить, что это обстоятельство имѣетъ второстепенное значеніе;—я это отрицаю. До словъ «представляется излишнимъ», вопросъ являлся сомнительнымъ, но затѣмъ приведеніе содержанія исковой даетъ перевѣсъ по сторонѣ осужденія и рѣшаетъ вопросъ такъ, что никакихъ дальнѣйшихъ данныхъ не нужно. Такимъ образомъ, эта фраза, есть фраза коренная, главная и рѣшающая. Клевета, значить, содержится не въ томъ, что сказалъ Дорнъ, а въ томъ что онъ и его товарищъ осмѣлились сказать, что въ опеку совершались уголовныя правонарушенія. Разберемъ теперь по порядку, какъ относился судъ и какъ относилась палата къ вопросу о томъ, честно или нечестно дѣйствовало опекунское управленіе, дабы рѣшить, которая изъ двухъ инстанцій поступала основательнѣе.

Если учрежденіе было честное, Шанявскій можетъ гордиться, что ему отведено въ учрежденіи видное мѣсто, если оно нечестное, то онъ можетъ преслѣдовать за привлеченіе его къ учрежденію. Какъ относилось само учрежденіе къ тому, что его поносятъ? оно молчитъ какъ рыба и ничего не ищетъ. Въ составѣ его находился долгое время Шанявскій, который вправѣ искать за честь учрежденія и вмѣстѣ за свою собственную, какъ членъ этого учрежденія. Шанявскій не дѣлаетъ ничего подобнаго. Шанявскій выгораживаетъ себя, выдаетъ учрежденіе, такъ сказать, головою. Онъ въ дѣлахъ опеки ни при чемъ, онъ расчета не составлялъ, онъ его не просматривалъ, не влиялъ на то, чтобы насчитывали проценты. Такимъ образомъ, вопросъ о свойствѣ дѣятельности учрежденія остается открытымъ. Такъ какъ этотъ вопросъ является открытымъ по волѣ самого Шанявскаго, уклоняющагося отъ всякаго сужденія о томъ, честное-ли оно было или пакостное, и такъ какъ безъ него нельзя судить Дорна за его отношеніе и къ самому Шанявскому, то окружному суду предстояло избрать

одинъ изъ слѣдующихъ двухъ путей. Онъ могъ сказать: открыть вопросъ о томъ, какое было учрежденіе, можетъ быть хорошее, а можетъ быть и дурное, значить, и принадлежность къ такому учрежденію, дѣятельность котораго не можетъ быть провѣрена, не можетъ быть признаваема обидною, даже еслибы эта принадлежность не подтвердилась въ дѣйствительности. Другой путь— болѣе правильный, болѣе основательный, которому и послѣдовалъ окружный судъ, состоялъ не въ томъ, чтобы судить это учрежденіе, на что судъ не былъ уполномоченъ, но только въ томъ, чтобы по даннымъ, представленнымъ Дорномъ, взвѣсить: имѣли-ли онъ достаточныя основанія относиться къ нему критически и считать его незаконно дѣйствовавшимъ. Такъ и поступилъ окружный судъ; на нѣсколькихъ страницахъ онъ занялся исторіей этого учрежденія. По даннымъ, которыя представилъ Дорнъ, судъ вывелъ на показъ удивительный, неслыханный способъ образованія этой опеки. Была опека въ Сибири, еще не кончившая своихъ дѣйствій; въ это время въ Москвѣ нѣсколько лицъ заявили другъ другу свои претензіи на подопечныхъ, назвали себя опекою и стали дѣйствовать. Положимъ Шанявскаго не было между ними, онъ сдѣлался опекуномъ впоследствии. Но затѣмъ та опека, въ которой онъ участвовалъ, сочинила неправильный расчетъ съ невозможными сложными процентами и съ процентами на несуществующіе долги. Въ это время Шанявскій по выводамъ окружнаго суда былъ главнымъ дѣйствующимъ въ опекѣ лицомъ, вслѣдствіе чего судъ заключаетъ, что Шанявскому не слѣдуетъ обижаться за то, что порицающае учрежденіе порицаютъ и его, какъ находящагося въ его составѣ.

Иначе поступила палата; она дѣйствій учрежденія не разбираетъ и ограничивается только тѣмъ, что выгораживаетъ изъ него Шанявскаго, однако находитъ возможнымъ за отзывъ неблагопріятный о дѣйствіяхъ, можетъ быть, и не хорошаго учрежденія, подвергнуть Дорна наказанію. Такимъ образомъ, надъ гладкой по-

верхностью рѣшенія палаты высятся рифы, которые я изобразилъ въ кассационной жалобѣ, и кромѣ тѣхъ рифовъ, есть цѣлая громадная скала—уклоненіе отъ оцѣнки образа дѣйствій опекунскаго учрежденія, за несправедливое только порицаніе коего Дорнъ могъ подлежать наказанію. Такимъ образомъ, нарушеніе 892 ст. уст. уг. суд. въ рѣшеніи палаты очевидно.

Доказавъ это, я прихожу къ другому мотиву кассациіи. Мотивъ основанъ на отсутствіи состава преступления. Окружный судъ нашель, что въ рѣчи Дорна нѣтъ ничего несправедливаго, позорящаго честь Шанявскаго. Я и въ окружномъ судѣ и въ палатѣ утверждалъ и повторялъ, что еслибы Дорнъ совсѣмъ не явился и дѣло рѣшаемо было безъ защиты и заочно, по содержанію только его рѣчи, то выжавъ изъ нея, какъ изъ лимона, весь сокъ, нельзя было-бы найти въ этомъ соку ни одного атома вещества, которое называется клеветою. Шанявскому приписано неправильно, что онъ участвовалъ въ учрежденіи опеки. Эта ошибка произошла отъ заблужденія, въ которое Дорнъ впалъ невольнo вслѣдствіе возбужденія, въ которомъ онъ находился, когда произносилъ рѣчь. Что Дорнъ заблуждался это допускаетъ и палата; но она старается только доказать, что заблужденіе существовало въ моментъ произнесенія рѣчи, а не въ моментъ ея напечатанія, что весьма спорно.

Въ порицаніи опеки и Шанявскаго въ напрасномъ начетѣ процентовъ на милліоны есть преувеличеніе, но только въ количествѣ, а не въ качествѣ дѣянія,—проценты были насчитаны на сотни тысячъ: на долю одного Берга неправильно начислено 400.000 р., а на долю Родственнoй 12.000 р. Палата признаетъ, что состояніе сторонъ на судѣ предрасполагаетъ ихъ къ преувеличеніямъ.

Наконецъ, послѣднее изъ указываемыхъ будто-бы уклоненій отъ истины, заключающееся въ томъ, что Шестова должна была хлопотать о признаніи за нею права бѣдности, не есть уклоненіе отъ истины и не

относится къ Шанявскому, вышедшему уже изъ состава опеки въ то время, когда опека, дабы отнять у нея возможность вести дѣло, требовала, чтобы цѣна иска, опредѣленнаго ею въ 12.000 руб., была повышена до 200 т. руб., на каковую сумму Шестова не имѣла-бы возможности внести судебныхъ пошлинь. Окружный судъ оправдалъ Дорна, разобравъ его рѣчь по всѣмъ ея частямъ.

Палата прежде всего старается разобрать рѣчь Дорна, но не по отдѣльнымъ ея частямъ, а только въ совокупности; затѣмъ, при разсмотрѣннн этой рѣчи въ совокупности, устранивъ заблужденіе, зачислила какъ это заблужденіе, такъ и преувеличенія въ сплошное умышенное искаженіе истины, которое, хотя можетъ быть и предосудительно, но не составляетъ еще клеветы. Для превращенія этихъ неправдъ и преувеличеній въ клевету пришлось пристегнуть къ нимъ совсѣмъ побочное обстоятельство, именно то, что въ исковой Геннерта была помѣщена 8 ст. уст. гр. суд., т. е. поставлено требованіе о возбужденіи уголовного преслѣдованія. Имѣла-ли палата право совокуплять Дорна съ исковою Геннерта и на этой совокупности разнородныхъ предметовъ строить свой приговоръ? Я протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такого приѣма. Онъ не законенъ, во-первыхъ, потому, что если корень заключается въ настоящемъ случаѣ въ исковой Геннерта, то наказанію подлежалъ-бы за клевету и самъ Геннертъ и каждый, кто не произнося никакихъ рѣчей, поддерживалъ-бы безъ мотивовъ требованія Геннерта, отраженныя въ исковой; — мнѣ могутъ возразить, что Геннертъ никого не называлъ, онъ порочилъ только учрежденіе, о Шанявскомъ-же ничего не упоминалъ, упомянулъ-же о немъ Дорнъ, который такимъ образомъ и долженъ полатиться наказаніемъ по обвиненію Шанявскаго. Но это не вѣрно, Шанявскаго Дорнъ называлъ совокупно съ опекою, но онъ не требовалъ при-мѣненія къ нему 8 ст. уст. гр. суд., онъ не требовалъ

привлеченія Шанявскаго къ уголовной отвѣтственности. Во-вторыхъ, ссылка, дѣлаемая палатою на исковую Геннерта неправильна еще и потому, что она находится въ прямомъ противорѣчьи съ планомъ дѣйствій Шанявскаго, не ссылающагося на эту исковую, съ его намѣреніями, съ выгораживаніемъ имъ только себя лично, съ выдачею въ жертву и на сѣдненіе опекунскаго управленія, по отношенію къ которому онъ старался поставить себя постороннимъ человѣкомъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, палата находится, въ противорѣчьи сама съ собою въ своемъ вопросномъ листѣ. Въ главномъ вопросѣ, вмѣщающемъ въ себѣ всѣ признаки судимаго преступленія, она помѣстила только слѣдующее: «виновенъ-ли Дорнъ, что произнесъ такіа-то слова, содержащія завѣдомо ложныя свѣдѣнія» — и ничего больше; а изъ этихъ признаковъ не вытекаетъ необходимость еще послѣдней черты — чтобы обвиненіе было несправедливое, — этой черты палата искала уже не въ рѣчи Дорна, а въ исковой Геннерта, которая не упомянута въ вопросномъ листѣ. Неполнота состава преступленія мною доказана, но я не могу разстаться съ этимъ кассационнымъ мотивомъ, не постаравшись взять его нѣсколько поглубже.

Въ старыхъ нашихъ процессуальныхъ законахъ было одно правило, которое перешло въ уставъ гражд. суд. во 2 п. 266 ст., запрещеніе употреблять въ бумагахъ, подаваемыхъ суду укорительныхъ выраженій, но никакой законъ не запрещаетъ приводить факты, возбуждающіе укоризну, и дѣлать укорительные выводы изъ этихъ фактовъ. Судъ на то только и установленъ, чтобы охранять правильный порядокъ, возстановлять всѣ нарушенія, преслѣдовать всѣ противозаконія, значить, по обязанности своей, онъ долженъ и выслушивать всякія жалобы на противозаконія, какъ гражданскія, такъ и уголовныя и давать имъ ходъ, давать возможность жалующемуся доказывать свою обиду: судъ не есть академія выносливости, онъ не принуждаетъ людей

говорить другъ другу одни только комплименты, самая суровая правда можетъ быть заявлена суду и суду не стыдно прикоснуться ко всѣмъ общественнымъ язвамъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что каждый тяжущійся можетъ безчинствовать, злословить, озорничать и клеветать на судѣ, сколько душѣ угодно? Я думаю, что нѣтъ; каждый изъ тяжущихся или ихъ представителей неуязвимъ за свои рѣчи подѣ однимъ только строго соблюдаемымъ условіемъ искренности обвиненій: сколько душѣ угодно, но не выдумывая фактовъ. Ты можешь дѣлать выводы и даже смѣлые выводы изъ имѣющихся у тебя фактовъ, но не смѣй выдумывать фактовъ, что становится либо ложнымъ доносомъ, либо клеветою. Ложный доносъ есть публичное преступленіе, преслѣдуемое правительственною властью, въ порядкѣ прокурорскаго обвиненія. Если такое обвиненіе не возбуждается по 940 ст. улож., потерпѣвшій можетъ преслѣдовать лжеца, обидчика какъ за клевету. Есть еще другаго рода отвѣтственность, которой подвергаются тяжущіеся, если они, для представленія противника предѣ судомъ дурнымъ человѣкомъ взведутъ на него пакостныя дѣянія, совсѣмъ къ дѣлу не относящіяся, напримѣръ, когда они взыскиваютъ по векселямъ или закладной, а вмѣстѣ съ тѣмъ инсинуируютъ, что противникъ въ Бога не вѣруетъ, или поносить Государя, или провозилъ безъ пошлины чрезъ таможенно товары. Такого рода инсинуаціи обязательно отвѣкаются судомъ, но и виновникъ ихъ можетъ быть преслѣдуемъ и наказанъ. Въ этихъ предѣловъ, которые я начерталъ, тяжущійся, коль скоро онъ дѣйствуетъ искренно и приводитъ только обстоятельства къ дѣлу его дѣйствительно относящіяся, можетъ свободно заявлять о всякихъ право его умаляющихъ противозаконіяхъ, не опасаясь наказанія, и эта его безнаказанность не зависить отъ удачи или неудачи, отъ удовлетворенія потомъ судомъ или неудовлетворенія его требованій. Эта свобода не есть привилегія тяжущихся, она тѣсно связана съ самостоятельностью и прерогативами суда

вѣдать и изслѣдовать всякія правовыя неправды и противозаконія, изслѣдовать ихъ всякими мѣрами, которыя у него въ рукахъ. И прокуроръ и защита являются только орудіями этой дѣятельности суда, которая будетъ стѣснена, если и имъ не будетъ дозволено дѣйствовать по ихъ разумѣнію и свободѣ. Обыкновенно эта свобода еще важнѣе для прокуратуры, чѣмъ для самой защиты, потому что выпадаетъ обыкновенно на долю прокуратуры, тяжелая обязанность преслѣдовать общественныя беззаконія ради одного общественного блага. Я спрашиваю, много-ли нашлось-бы охотниковъ поступить въ прокуратуру, еслибы принимающіе на себя эти функціи знали, что они могутъ подвергнуться отвѣтственности за самый неуспѣхъ обвиненій, или еслибы они знали, что они защищаемы отъ отвѣтственности только прерогативами своего служебнаго положенія или увѣренностью, что изъ милости къ нимъ ихъ начальство не будетъ разрѣшать возбужденія противъ нихъ преслѣдованія за ихъ неуѣнчавшіяся успѣхомъ обвиненія.

Что касается до третьяго кассационнаго мотива моей жалобы, то я изложилъ его достаточно подробно въ самой жалобѣ, такъ что я ограничусь лишь нѣсколькими словами по адресу моего противника г. Керзина. Прис. пов. Керзинъ утверждаетъ, что при обвиненіи кого-нибудь въ клеветѣ, въ устной рѣчи, потомъ опубликованной въ печати, обвиняемый прежде всего долженъ доказать, что имъ дѣйствительно было произнесено все то, что потомъ было напечатано, потому что вполне достоверно изъ всего происходившаго на судѣ только то, что записано въ протоколѣ судебного засѣданія, такъ что всякій органъ печати можетъ отвѣчать какъ за клевету, за помѣщеніе всего того, что въ судебный протоколъ не внесено. Съ этимъ мнѣніемъ не могу я согласиться. Нѣтъ документовъ непрерываемо достоверныхъ; такими документами не могутъ быть ни протоколы, ни даже нотаріальные акты. На протоколы дѣлаются сторонами замѣчанія, противъ нотаріальныхъ ак-

товъ могутъ быть заявляемы споры о подлогахъ. Въ судебные протоколы не заносятся судебныя рѣчи, за исключеніемъ отрывковъ, о занесеніи которыхъ стороны ходатайствовали для огражденія себя отъ своихъ противниковъ; — ни одна судебная рѣчь не могла-бы быть напечатана, еслибы отъ предлагающаго ее требовалось удостовѣреніе, что она записана такъ именно, какъ была произнесена. Какого-же удовлетворенія можетъ газета требовать отъ стенографа? Если стенографъ предварительно отдачи рукописи въ газету снесъ ее къ присяжному повѣренному для просмотра произнесенной симъ послѣднимъ рѣчи, то удостовѣреніе является двойное, за рѣчь ручаются и стенографъ и авторъ. Для всякаго редактора этихъ ручательствъ достаточно. Онъ совершенно спокоенъ, что не прикоснется къ нему рука правосудія за то, что онъ напечаталъ не отзывъ или сужденіе объ извѣстномъ лицѣ или учрежденіи, но одинъ только голый фактъ, случившійся публично, всенародно, что такой-то №№ (имя рекъ) (тяжущійся) на судѣ въ публичномъ засѣданіи произнесъ такія-то слова. Я полагаю, что третій мой кассационный мотивъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Прошу приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу Дорна отмѣнить.

Оберъ прокуроръ Н. В. Муравьевъ въ своемъ заключеніи, относительно подсудности даннаго дѣла общимъ или же мировымъ судебнымъ установленіямъ, между прочимъ высказалъ, что воспроизведеніе въ печати всего, гласно происходившаго на судѣ, въ томъ числѣ и судебныхъ рѣчей, дѣйствительно составляетъ по закону неотъемлемое право частныхъ лицъ, принадлежащее между прочимъ, и лицамъ участвующимъ въ дѣлѣ или представителямъ сторонъ; но разъ такое лицо дозволило себѣ клевету въ устной судебной рѣчи и послѣ рѣчь эту само распространило путемъ печати, то едвали можетъ подлежать сомнѣнію правильность примѣненія къ подобному дѣянію ст. 1535 ул. о нак., карающей за оклеветаніе, квалифицированное официальнымъ или печатнымъ распространеніемъ, которое дѣлаетъ эту клевету подсудною общимъ судебнымъ установленіямъ. Кромя того, оберъ прокуроръ полагалъ, что клевета на судѣ, хотя-бы и устная и независимо отъ того,

была-ли она напечатана или нѣтъ, всегда предусмтрѣна не ст. 136 уст. о нак., а ст. 1535 улож. о нак. Въ самомъ дѣлѣ, различіе между этими двумя постановленіями заключается, какъ видно изъ текста, не столько въ способѣ, сколько въ обстановкѣ и въ послѣдствіяхъ оклеветанія, вліяющихъ на степень его преступности. Первая статья наказываетъ за простую клевету, какъ устную, такъ и письменную, вторая—караетъ за клевету, усложненную официальнымъ заявленіемъ ея присутственному мѣсту или должностному лицу въ бумагѣ или же помѣщеніемъ ея въ печатномъ или инымъ образомъ получившемъ гласность сочиненіи или письмѣ. Клевета, указанная въ ст. 1535 ул. о нак., разъяснена въ рѣшеніи правительствующаго сената 1870 г. № 572, по дѣлу Сизова. «Наказывается строже обыкновенной клеветы, въ томъ соображеніи, что оглашеніемъ своимъ предъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ она какъ бы получаетъ большее значеніе и «большую достовѣрность, во вредъ обиженному лицу, и представляетъ «большую степень дерзости и злаго умысла, который открыто заявляетъ «ложное обвиненіе свое предъ достовѣрнымъ лицомъ, или правительственнымъ учрежденіемъ, нарушая должное къ нимъ уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляя оклеветанное лицо въ менѣе благопріятныя «къ нимъ отношенія». Все это вполне примѣнимо и къ оклеветанію на гласномъ судѣ, которое рѣзко выдѣляется изъ категоріи простой житейской клеветы и совмѣщаетъ въ себѣ главнѣйшія свойства официально заявленной или публично распространенной клеветы, предусмтрѣнной ст. 1535 улож. о нак. Правда, судебная рѣчь не есть «бумага или сочиненіе», о которыхъ говорится въ 1 и 2 части этой статьи, но къ понятію подобныхъ документовъ оно близко подходитъ, тѣмъ болѣе что устная объясненія сторонъ всегда могутъ быть занесены въ протоколъ и такимъ образомъ дать и письменный слѣдъ. По разъясненіи правительствующаго сената общаго собранія въ рѣшеніи 1879 г. № 39, по дѣлу Ясенова, если въ заявленіи, сдѣланномъ суду одною изъ сторонъ и внесенномъ въ протоколъ заключается клевета, то виновный можетъ быть наказанъ по ст. 1535 ул. о нак. Отсюда, какъ ни смотрѣть на инкриминируемую рѣчь присяжнаго повѣреннаго Дорна, какъ на гласное заявленіе суду, или какъ на печатанное впоследствии произведеніе, квалификація обвиненія, предъ явленнаго къ г. Дорну за клевету въ этой рѣчи, по 1535 ст. ул. о нак. представляется правильною, а слѣдовательно, и самое дѣло правильно вѣдалось и разрѣшалось въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

Затѣмъ по вопросу о составѣ преступленія клеветы въ дѣяніи присяжнаго повѣреннаго Дорна, оберъ прокуроръ, останавливаясь на свойствѣ приѣма, употребленнаго палатою для положительнаго разрѣшенія этого вопроса указалъ, что въ то время, какъ окружный судъ въ своемъ приговорѣ подвергаетъ подробному разсмотрѣнію каждое изъ отдѣльныхъ утвержденій, сдѣланныхъ г. Дорномъ въ его рѣчи и оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія законныхъ признаковъ клеветы, судебная палата, напротивъ, беретъ всю рѣчь цѣ-

дикомъ и излагаетъ ее въ приговорѣ въ распространенномъ видѣ, такъ сказать «своими словами», помѣщая между отдѣльными мыслями и выраженіями Дорна другія, ихъ поясняющія, но ему не принадлежащія, и затѣмъ дѣлаетъ свой собственный выводъ, что вся рѣчь имѣетъ такой то общій для обвиненія позорящій смыслъ. Едва ли однако же по мнѣнію оберъ прокурора, можно этотъ произвольный пріемъ признать правильнымъ, такъ какъ онъ вноситъ въ сужденіе о рѣчи Дорна слишкомъ много субъективнаго и шаткаго; трудно приписывать говорящему смыслъ и выводы, которыхъ онъ опредѣленно не выразилъ. Для установленія наличности клеветы нужно имѣть въ виду несомнѣнную мысль самого говорящаго, ясно имъ высказанную въ словахъ прямо безчестящаго значенія. Если бы палата въ этомъ отношеніи поступила такъ, какъ и окружный судъ, то и она должна была бы признать для обвиненія въ клеветѣ безразличнымъ цѣлый рядъ выраженій изъ рѣчи г. Дорна, которымъ она, однако же, при усвоенномъ ею методѣ изслѣдованія, сообщила клеветническую окраску. Таковы слова приспов. Дорна о времени вступленія ген. Шанявскаго въ опеку, хотя бы они и заключали въ себѣ фактическую ошибку о томъ, что личность г. Шанявскаго «тянется красною нитью» по всему опекунскому дѣлопроизводству, о томъ, что «все это», т. е. про дѣйствія опекунскаго управленія имѣло разорительныя послѣдствія для Шанявскаго; въ этомъ послѣднемъ безличномъ заявленіи ген. Шанявскій даже вовсе не названъ, а опекунами кромѣ его состояли и дѣйствовали еще и другія лица. Изъ всей рѣчи остается одно только выраженіе, которое, какъ по формѣ, такъ и по смыслу, могло бы подходить подъ понятіе опозоривающаго—это слова г. Дорна о томъ, что ген. Шанявскій, «зная о претензіяхъ на сотни тысячъ рублей, насчитывалъ ихъ на милліоны по несуществующимъ документамъ», что соотвѣтствуетъ, въ сущности, прямому обвиненію въ преступныхъ по оцѣнкѣ дѣйствіяхъ. Но для того, чтобы это выраженіе, признанное судомъ имѣвшимъ извѣстное фактическое основаніе, хотя по формѣ и преувеличенное, гиперболическое, могло быть признано клеветою, палатѣ надлежало установить: 1) что г. Дорнъ, произнося эти слова, имѣлъ прямое намѣреніе оскорбить ген. Шанявскаго, а не стремился лишь достигнуть своихъ процессуальныхъ цѣлей, въ качествѣ стороны, желающей доказать на судѣ неправильность и неблагоприятность дѣйствій своего противника, до возбужденія противъ него уголовнаго преслѣдованія включительно и 2) что при этомъ приведенныя слова были для Дорна завѣдомо ложью. Ни того ни другаго, палатою съ достаточною ясностью не установлено и самое обсужденіе въ приговорѣ палаты рѣчи г. Дорна, для отысканія въ ней признаковъ клеветы, страдаетъ односторонностью, такъ какъ рѣчь эту, произнесенную на судѣ, въ судебной борьбѣ съ противникомъ на основаніи данныхъ судоговоренія, отнюдь нельзя трактовать внѣ этой обстановки и условій судебного спора, среди которыхъ она была сказана, при чемъ по-

слѣдующее напечатаніе рѣчи едва ли имѣеть какое либо значеніе, пока не будетъ установлено также и то, что она была опубликована, именно, съ оскорбительною для ген. Шанявскаго цѣлью, а не въ другихъ цѣляхъ, какъ это не рѣдко дѣлается лицами, участвующими въ крупныхъ и громкихъ процессахъ. На судѣ и уголовномъ, и гражданскомъ одной сторонойъ часто приходится выступать противъ другой или противъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, какимъ является для присяжнаго повѣреннаго Дорна и генераль Шанявскій въ дѣлѣ Шестовой, съ различными обвиненіями и разоблаченіями, болѣе или менѣе укорительнаго и компрометирующаго свойства, но вовсе не для оскорбленія, а для отстаиванія своихъ правъ и интересовъ. Такой ха характеръ имѣеть сплошь и рядомъ дѣятельность частнаго обвинителя, гражданского истца, доказывающихъ виновность преступленія со всѣми ея косвенными поддѣрживающими обстоятельствами, истца или отвѣтчика въ гражданскомъ дѣлѣ, доказывающихъ, напримѣръ, незаконность неблаговидной сдѣлки по ст. 1529, или недобросовѣстность владѣнія по ст. 610 ч. 1 т. X зак. гражд., а также и положеніе всякаго вообще лица, домогающагося возбужденія противъ другаго уголовного преслѣдованія, какъ это дѣлалъ и въ настоящемъ случаѣ прис. пов. Дорнъ чрезъ прис. пов. Геннерта. Во всѣхъ подобныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, конечно, могутъ оказаться признаки клеветы или лжедоноса, но они должны быть ясно и безъ малѣйшаго сомнѣнія выдѣлены изъ всего того, что составляетъ область несомнѣнныхъ правъ сторонъ на представленія доводовъ и доказательствъ въ ущербъ противнику. Это уже отчасти признано и сенатомъ разъяснившимъ въ рѣшеніи 1872 г. № 309, по дѣлу Консинова, что законы о клеветѣ могутъ быть примѣнимы лишь въ томъ случаѣ, когда одно лицо умышленно вводитъ на другое лицо ложное обвиненіе, омрачающее честь и доброе имя, и при томъ непремѣнно съ цѣлью нанести этимъ оскорбленіе, и что поэтому указаніе на какіе либо оскорбительные факты, сдѣланное не съ тѣмъ, чтобы оклеветать, а лишь въ видѣ возраженія противъ иска, не представляетъ клеветы, хотя бы самыя выраженія и сочтены были рѣзкими и неприличными. Вотъ эти-то существенныя для опредѣленія клеветы условія настоящаго дѣла судебная палата и оставила безъ вниманія и разбора. Точно также не разрѣшенъ ею съ должною полнотью и вопросъ о завѣдомой лживости заявленій, сдѣланныхъ г. Дорномъ въ его рѣчи. Во все не установлено, чтобы онъ ихъ измѣнилъ, а не извлекъ изъ выяснившихся по суду фактовъ, хотя бы даже имъ не вѣрно понятыхъ и освѣщенныхъ, а до какой степени это было существенно при осужденіи прис. пов. Дорна за клевету, показываетъ то знаменательное обстоятельство, что о достовѣрности выраженій его относительно начисленія процентовъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ, разсматривавшихъ настоящее дѣло, послѣдовали противоположныя сужденія: между тѣмъ какъ палата отвергла это заявленіе, окружный судъ по

даннѣмъ того же дѣла призналъ слова г. Дорна весьма недалеко отстоящими отъ правды. Возможно ли уже въ виду подобнаго равногласія, безъ особо вѣскихъ и новыхъ основаній, считать завѣдомо ложнымъ и клеветническимъ утвержденіе по этому поводу одного изъ тяжущихся, по самой природѣ своей нѣсколько одностороннее? Окружный судъ, на основаніи подробнаго фактическаго разсмотрѣнія расчета съ начисленіемъ процентовъ, находитъ его свидѣтельствующимъ въ пользу не лживости, а наоборотъ, правдивости словъ г. Дорна, за исключеніемъ только той, неизмѣняющей существа дѣла черты, что неправильно насчитанныхъ процентовъ было не на милліоны, какъ «гиперболически» выразился прис. пов. Дорнъ, а на 400,000 руб.; судебная же палата отвергаетъ, но не опровергаетъ такой выводъ суда и, при томъ всего лишь въ нѣсколькихъ словахъ, въ которыхъ вовсе не упоминается объ виводѣ съ черновикомъ, написаннымъ г. Шанявскимъ, отъ имени Шестовой, тогда какъ по мнѣнію защиты Дорна, раздѣляемому и окружнымъ судомъ, характеристическій эпизодъ этотъ, есть важнѣйшее доказательство дѣятельной и первающей роли ген. Шанявскаго въ расчетѣ процентовъ,—7 февраля 1886 г., съ выгодою для опекуна и близкой родственницы. Главнымъ образомъ обходитъ судебная палата полнымъ молчаніемъ указаніе приговора окружнаго суда на способы дѣйствія ген. Шанявскаго противъ гг. Дорна и Геннерта на общемъ собраніи кредиторовъ 12 марта 1887 г., а между тѣмъ, по мнѣнію защиты и суда, въ этомъ фактѣ есть также прямое подтвержденіе словъ г. Дорна о характерѣ опекунской дѣятельности управленія.

Такіе пробѣлы въ приговорѣ палаты, не исчерпывая признаковъ клеветы въ дѣяніи осужденнаго, несмотря на это, Дорна, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ, по мнѣнію г. оберъ-прокурора, существенное нарушеніе и 892 ст. уст. угол. суд., по которой въ приговорѣ апелляціонной инстанціи должно быть означено точно и положительно, по какимъ основаніямъ она отмѣняетъ приговоръ окружнаго суда.

По приведеннымъ соображеніямъ, оберъ-прокуроръ полагалъ приговоръ С. Петербургской судебной палаты, за неправильнымъ примѣненіемъ ст. 1535 улож. о наказ. и нарушеніемъ ст. 892 уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло передать въ другой департаментъ той же палаты для новаго разсмотрѣнія.

Выслушавъ объясненія защитника подсудимаго, частнаго обвинителя и его повѣренныхъ и заключеніе оберъ-прокурора и сообразивъ кассационную жалобу съ законами, правительствующій сенатъ остановился прежде всего на возбужденномъ первымъ пунктомъ кассационной жалобы вопросѣ объ условіяхъ отвѣтственности участвующихъ въ дѣлѣ лицъ за допущеніе ими при разбирательствѣ дѣлъ гражданскихъ или уголовныхъ какихъ-либо оскорбительныхъ выраженій по отношенію къ частнымъ лицамъ, и въ особенности о приведеніи ими при судоговореніи отзывовъ, заключающихъ въ себѣ клевету, а равно и объ

отвѣтственности ихъ или-же и другихъ лицъ за оглашеніе въ печати произнесенныхъ на судѣ рѣчей, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе или клевету. Судебные уставы предоставили широкое право сторонамъ или ихъ повѣреннымъ и защитникамъ свободно представлять всѣ данныя и доказательства въ подтвержденіе или опроверженіе предъявленныхъ ими или противъ нихъ исковъ или объясненій. Конечно, при пользованіи этимъ правомъ сторонамъ нерѣдко приходится входить въ разборъ и оцѣнку дѣятельности другихъ лицъ, будетъ-ли это другой тяжущійся, обвиняемый, гражданскій истецъ или даже и третье лицо, дѣятельность котораго имѣла болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ предмету дѣла. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что при подобномъ разборѣ и оцѣнкѣ необходимо бываетъ иногда касаться и такихъ сторонъ этой дѣятельности, которыя могутъ набросить на нихъ нѣкоторую тѣнь, затрагиваютъ ихъ доброе имя и честь. Но даруя столь широкое право сторонамъ, законодатель не могъ допустить и мысли, чтобы судебное состязаніе, судововереніе, обратилось въ средство безнаказаннаго, подъ покровомъ законовъ, учиненія такихъ посягательствъ на честь и доброе имя другихъ, которыя воспрещены подъ страхомъ наказанія. Предположеніе, отчасти нашедшее мѣсто и въ настоящей кассационной жалобѣ, что условія современнаго судопроизводства таковы, что лицамъ, ставшимъ волею или даже неволею въ извѣстное соприкосновеніе съ дѣломъ гражданскимъ или уголовнымъ, приходится выслушивать всякіе унизительные для нихъ намеки, сопоставленія, дѣлаться какъ-бы предметомъ глумленія и насмѣшекъ, вообще выходить изъ суда нравственно измѣтеными, представляется, очевидно, липненнымъ всякаго основанія. Нынѣ, какъ и всегда, судъ долженъ быть святилищемъ осуществленія правды и справедливости, а не поворищемъ, гдѣ могла-бы проявляться развужданность нравовъ. Подобное предположеніе противорѣчитъ сущности правосудія, требующаго спокойной, безпристрастной оцѣнки обстоятельствъ дѣла, столь несомнѣнной съ проявленіями страстей или личныхъ расчетовъ, злобы, мести; оно противорѣчитъ и существующимъ узаконеніямъ. Уставы не только поставили на стражу спокойнаго свершенія правосудія предсѣдательствующаго на судѣ, но и вмѣнили ему въ обязанность (ст. 157, 158 учр. суд. уст., § 111 уст. угол. суд.) устранять и пресѣкать въ производствѣ все излишнее, а въ особенности то, что представляется оскорбленіемъ нравственности, колеблетъ общественный порядокъ, посягаетъ на чью-либо честь и доброе имя, подвергая нарушителей законной отвѣтственности, и правительствующій сенатъ неоднократно разъяснялъ, какое важное значеніе имѣетъ эта обязанность, и какъ строго и неуклонно должны предсѣдательствующіе не допускать сторонамъ или ихъ представителямъ выходить изъ установленныхъ для нихъ закономъ предѣловъ. Въ особенности памятованіе о значеніи правосудія, о недопустимости посягательствъ на судѣ на чью-либо честь и доброе имя должно быть присуще присяжнымъ повѣреннымъ, принимающимъ участіе въ дѣлѣ, такъ

какъ для нихъ подобное нарушеніе закона было-бы прямымъ нарушеніемъ и обязанностей ихъ званія. Учреждая сословіе присяжныхъ повѣренныхъ законодатель именно предполагалъ, что въ нихъ правосудіе получить надлежащій оплотъ, а судъ надежныхъ помощниковъ въ осуществленіи возложенной на него обязанности; что присяжные повѣренные, сознавая значеніе ихъ дѣятельности, помня данную ими присягу, не допустятъ на судѣ никакихъ излишествъ, будутъ строго, съ полною внимательностью и осторожностью относиться ко всему, что они дѣлаютъ и говорятъ при исполненіи ихъ обязанностей. Но независимо отъ отвѣтственности, налагаемой властью предсѣдательствующаго, допущеніе сторонами на судѣ какихъ-либо оскорбительныхъ выраженій, а тѣмъ болѣе клеветы, не устраняетъ, какъ это неоднократно разъяснялъ правительствующій сенатъ (рѣшенія 1866 г. № 15, 1867 г. № 264 и др.), привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности и въ общемъ уголовномъ порядкѣ. Поэтому несомнѣнно, что и допущеніе присяжнымъ повѣреннымъ въ рѣчи, произнесенной имъ при разбирательствѣ дѣла гражданскаго или уголовнаго, поношенія чьей-либо чести, или оглашеніе о комъ-либо клеветническихъ слуховъ, независимо отъ того, подвергался ли онъ высканію отъ предсѣдательствующаго или нѣтъ, даетъ право оскорбленному привлечь его къ отвѣтственности на общемъ основаніи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такое посягательство выразилось въ оскорбленіи на словахъ, присяжный повѣренный отвѣчаетъ на основаніи специальныхъ правилъ, въ ст. 287 улож. о наказ. постановленныхъ; но относительно допущеннаго имъ оклеветанія такого прямого указанія въ законѣ не содержится, а посему надлежитъ опредѣлить, подлежатъ-ли случаи этого рода наказанію по 136 ст. уст. о наказ., какъ полагаетъ жалобщикъ, или же къ виновному можетъ быть примѣнена болѣе тяжкая отвѣтственность по 1 ч. 1535 ст. улож. Обращаясь, на основаніи 12 ст. уст. угол. суд., для разъясненія сей неполноты закона къ его общему смыслу, правительствующій сенатъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ. Оскорбленіе браинными или поносительными словами въ присутственномъ мѣстѣ, а слѣдовательно и при судоговореніи, законъ считаетъ однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ видовъ оскорбленія, назначая виновному тюремное заключеніе отъ 2—4 мѣсяцевъ. Едва ли можно предполагать, чтобы законодатель считалъ оклеветаніе кого-либо при тѣхъ же условіяхъ обыкновенною клеветою, наказуемою арестомъ не свыше двухъ мѣсяцевъ, тогда какъ клевета всегда по нашему праву болѣе тяжкимъ преступнымъ дѣяніемъ, чѣмъ обида. Такое предположеніе представлялось бы тѣмъ болѣе неправильнымъ, что и оклеветаніе кого-либо въ присутствіи суда или другаго правительственнаго мѣста, по его условіямъ и формѣ, весьма нерѣдко можетъ, также какъ и брань, заключать въ себѣ не только умаленіе чести частнаго лица, но и проявленіе неуваженія къ мѣсту или лицамъ, передъ которыми говорить виновный. Кромѣ того, многіе случаи оклеветанія такъ тѣсно

примыкаютъ къ оскорбленію, что установленіе столь существенной разницы въ наказуемости ихъ являлось бы необъяснимымъ. Если сторона дозволила бы себѣ обозвать въ своей рѣчи свидѣтеля или третье лицо, напримѣръ, словомъ «воръ», то за такую брань она подлежала бы, на основаніи 2 ч. 287 ст. улож., тюрьмѣ отъ 2—мѣсяцевъ, а если бы она, не довольствуясь этимъ браннымъ словомъ, присоединила бы къ нему завѣдомо ложное указаніе на то, что это лицо украдо у такого то, т. е., согласно разъясненіямъ правительствующаго сената, дозволила бы себѣ не обиду, а клевету (рѣш. 1870 г. № 1096, 1871 г. № 1209, 1873 г. № 203 и друг.), то виновный, при признаніи клеветы при судоговореніи простою клеветою, караемою по ст. 136 уст. о нак., подлежалъ бы аресту до 2-хъ мѣсяцевъ, а это было бы явно несправедливо. Правильность признанія этого вида клеветы болѣе тяжкимъ подтверждается и тѣми основаніями, въ силу коихъ выдѣлены въ особую группу случаи, предусмотрѣнные въ ст. 1535 улож. Какъ видно, въ особенности изъ второй части этой статьи, такимъ основаніемъ является возможность наибольшаго распространенія и огласки пущенныхъ виновнымъ клеветническихъ слуховъ, а это именно условіе и заключается въ клеветѣ, допущенной при судоговореніи въ присутственномъ мѣстѣ, такъ какъ возможность значительной огласки зависитъ не только отъ большаго числа лицъ, присутствующихъ иногда въ засѣданіи, но еще болѣе отъ предоставленнаго закономъ права всякому воспроизводить все происходившее на судѣ въ печати. Поэтому оклеветаніе въ произнесенной на судѣ рѣчи по своей тяжести, несомнѣнно, можетъ быть сопоставляемо съ оклеветаніемъ въ сочиненіи или письмѣ, распространенныхъ путемъ печати или инымъ способомъ. Являясь такимъ образомъ тяжелою формою оклеветанія, клевета при судоговореніи сохраняетъ тѣмъ не менѣе характеръ не оклеветанія передъ обществомъ, среди коего она получаетъ значительное распространеніе и о коемъ говоритъ 2-я часть статьи 1535, а остается, по своему существу и условіямъ, оклеветаніемъ предъ правительственной властью, предусмотреннымъ 1-ю частью ст. 1535 улож., такъ какъ возможность распространенія ея въ публикѣ имѣетъ только побочное, дополнительное значеніе. Указанія на то, что такое толкованіе какъ бы не соотвѣтствуетъ буквальному изложенію 1-й части ст. 1535, говорящей объ оклеветаніи въ бумагѣ, представленной присутственному мѣсту или чиновнику, а не объ изустномъ изложеніи предъ ними какой-либо рѣчи, при ближайшемъ его разсмотрѣніи, не имѣетъ существеннаго значенія. По нашимъ законамъ при обидѣ и клеветѣ слово и письмо, какъ средства дѣйствія, всегда отождествляются и не оказываютъ вліянія на мѣру отвѣтственности, которая опредѣляется по инымъ условіямъ, сопровождающимъ обиду и клевету, какъ напр., по положенію лица, обстановкѣ дѣйствія и т. д., поэтому и въ настоящемъ случаѣ придавать существенное, рѣшающее значеніе способу изложенія — изустному или письменному — не

представлялось бы правильнымъ. То обстоятельство, что въ законѣ говорится только о бумагахъ, а не о словесныхъ объясненіяхъ, вполне объясняется преобладавшими условіями производства въ нашихъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, существовавшими во время изданія уложенія 1845 года. Принятіе ограниченнаго толкованія изложенія 1-й части ст. 1535 привело бы къ тому, что клевета, помѣщенная въ апелляціонной жалобѣ, получившая возможность распространенія лишь благодаря тому, что при производствѣ во второй инстанціи, вслѣдствіе отсутствія на судѣ апеллятора, жалоба была прочитана при докладѣ, наказывалась бы по ст. 1535 улож. тюрьмою, а изустное повтореніе, хотя бы и дословное, всего того, что было изложено въ этой жалобѣ въ томъ же судѣ стороною или ея представителемъ, составляло бы простую клевету, влекущую лишь арестъ. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому выводу, что завѣдомо ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, допущенное присяжнымъ повѣреннымъ въ его рѣчи при производствѣ гражданскаго или уголовнаго дѣла, должно быть признаваемо клеветою, преслѣдуемою независимо отъ принятія по отношенію къ нему предсѣдательствовавшимъ мѣръ, указанныхъ въ 158 ст. учр. суд. уст., и наказуемою по 1-й части 1535 ст. улож. Переходя далѣе къ вопросу объ отвѣтственности за оглашеніе въ печати произнесенной на судѣ рѣчи клеветническаго содержанія, правительствующій сенатъ находитъ, что, по общему правилу, вновь учиненное оглашеніе клеветы не можетъ почитаться дѣяніемъ уголовно-безразличнымъ. Если такое повтореніе, хотя бы и дословное, клеветническаго разсказа было сдѣлано другимъ лицомъ, знавшимъ при томъ о ложности или неправдоподобности повторяемаго имъ слуха, то такое повтореніе можетъ послужить основаніемъ для привлеченія къ отвѣтственности этого лица за клевету, если же вторичное оглашеніе учинено тѣмъ же лицомъ, которое пустило первоначальный слухъ и притомъ до отбытія наказанія за первое оглашеніе, то, являясь новымъ воспроизведеніемъ того же преступнаго намѣренія, оно, совмѣстно съ предшествующею клеветническою дѣятельностью, составляетъ одно продолжаемое дѣяніе клеветы. При этомъ, если вторичное оглашеніе разсказа было учинено виновнымъ при такихъ условіяхъ, которыя усиливаютъ отвѣтственность, то и это обстоятельство не устраняетъ единства всей дѣятельности виновнаго и не обращаетъ учиненнаго имъ въ совокупность преступныхъ дѣяній. Поэтому лицо, разсказавшее клеветническій слухъ, а затѣмъ повторившее этотъ слухъ въ печати, можетъ быть привлекаемо къ отвѣтственности лишь за клевету, а не за совокупность клеветы на словахъ и клеветы въ печати, такъ какъ согласно неоднократнымъ разъясненіямъ правительствующаго сената (рѣшен. 1870 г. № 215, 1875 г. № 426 и друг.), при такихъ условіяхъ мѣгѣ важныя дѣянія виновнаго покрываются важнѣйшимъ, по которому и опредѣляется наказаніе. Но изъ только что изложенныхъ положеній

объ условіяхъ отвѣтственности за повтореніе клеветы существуетъ одно прямо въ законѣ указанное изъятіе. Судебные уставы 1864 года (ст. 165 учр. суд. уст. и правила о печатаніи рѣшеній 20 ноября 1864 г., собр. узак. 1864 г. ст. 683) дозволили печатать во всеобщее извѣстіе, какъ самымъ судебнымъ установленіямъ, такъ и частнымъ лицамъ не только судебныя рѣшенія, но и все происходившее въ публичномъ засѣданіи. Эти правила повторены въ ст. 76 уст. цензур. (изд. 1890 г.), а въ ст. 77 того же устава добавлено, что по тѣмъ дѣламъ объ оскорбленіяхъ, по коимъ не допускается представлять доказательствъ справедливости, печатаніе всего того, что происходило на судѣ, можетъ быть разрѣшаемо предсѣдателемъ, но не иначе, какъ по просьбѣ о томъ самого обиженнаго. Воспроизведеніе должно быть безусловно точнымъ; поэтому, если при печатаніи было искажено то, что происходило на судѣ, или если при такомъ оглашеніи были сдѣланы какія-либо прибавки, объясненія, указанія, характеристики лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и этими добавками или искаженіями оскорблены чья-либо честь или доброе имя, то за такое искаженіе, согласно точному смыслу 1213⁶ ст. уст. угол. суд. по прод. 1890 г., виновный подлежитъ отвѣтственности на общемъ основаніи, какъ за оскорбленіе въ печати. Безыаканность точнаго воспроизведенія въ печати того, что происходило въ судебномъ засѣданіи, распространяется согласно закону на всѣхъ лицъ, произведшихъ такое оглашеніе, будетъ ли это редакторъ или издатель, напечатавшій и перепечатавшій отчетъ о засѣданіи, стенографъ, записавшій на судѣ и доставившій свою стенограмму въ газету, или вообще всякое иное лицо, принявшее участіе въ подобномъ оглашеніи. Никакого изъятія въ семъ отношеніи не сдѣлано въ законѣ и для лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ въ качествѣ стороны или ея представителя, а слѣдовательно, и для лицъ, произнесшихъ при судоговореніи оскорбительную или клеветническую рѣчь. Подлежа уголовной отвѣтственности за произнесеніе таковой рѣчи, они не могутъ подлежать преслѣдованію за оглашеніе въ печати произнесеннаго. Конечно, судъ, опредѣляя отвѣтственность за обиду и клевету при судоговореніи, можетъ принять во вниманіе повдѣйшую дѣятельность виновнаго, выразившуюся въ опубликованіи сказаннаго имъ и свидѣтельствующую о желаніи его прудать наибольшую гласность учиненному имъ оскорбленію, свидѣтельствующую о большей злостности и упорствѣ преступной воли, но тѣмъ не менѣе самое опубликованіе останется только обстоятельствомъ, могущимъ вліять на мѣру отвѣтственности, но не можетъ составить самостоятельнаго проступка.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ нашелъ: что примѣненіе палатой въ данномъ случаѣ карательнаго закона представляется, въ виду 76 ст. уст. цензурн. и изложенныхъ выше соображеній, неправильнымъ и приговоръ ея подлежащимъ отмѣнѣ. Но при этомъ правитель-

ствующій сенатъ не усмотрѣлъ основаній къ отбѣнѣ всего производ-ства по настоящему дѣлу на основаніи 1 ст. у. у. с., какъ о томъ ходатайствовали защитникъ Дорна.

За признаніемъ неправильности примѣненія къ дѣянію присяжнаго повѣреннаго Дорна 2 ч. 1535 ст. ул., теряетъ значеніе второе указаніе кассационной жалобы о нарушеніи при производствѣ настоящаго дѣла 1044 ст. улож.

Обращаясь засимъ къ третьему указанію кассационной жалобы на то, что палата неправильно примѣнила къ Дорну законъ о клеветѣ, такъ какъ она вовсе не установила, чтобы въ словахъ, произнесенныхъ Дорномъ при судоговореніи по дѣлу Шестовой и воспроизведенныхъ засимъ въ газетѣ «Новости», заключались-бы существенные признаки сего преступнаго дѣянія, правительствующій сенатъ остановился на слѣдующемъ. Согласно многократнымъ разъясненіямъ правительствующаго сената, для признанія наличности клеветы необходимо со стороны вѣншей устано-вить, что обвиняемымъ дѣйствительно были распространяемы или оглашаемы слухи или объ учиненіи оклеветаннымъ какого-либо без-честнаго поступка, или объ относящихся къ нему какихъ-либо обстоя-тельствахъ, поворящихъ его честь и доброе имя (рѣш. 1869 г. № 856, 1870 г. №№ 641, 1283 и др.). При этомъ безразлично, сообщалъ-ли клеветникъ слухъ о томъ, что будто-бы было ему непосредственно извѣстно, или онъ передавалъ что-либо, какъ слышанное отъ другихъ лицъ, или же придавалъ сообщаемому характеръ вывода изъ различ-ныхъ, сдѣлавшихся ему извѣстными, данныхъ и обстоятельствъ (рѣш. 1871 г. № 187 и друг.); безразлично также, имѣлъ ли этотъ распро-страняемый слухъ безусловно поворящее значеніе для всякаго лица, какъ напр., обвиненіе въ безчестной и позорной дѣятельности, въ учи-неніи надъ оклеветаннымъ чего-либо, что считается въ обществѣ без-условно унижающимъ честь каждаго и т. п., или безчестность огла-шеннаго была условна, зависѣла отъ совокупности извѣстныхъ обстоя-тельствъ, отъ тѣхъ особыхъ условий, на которыя указывалъ клевет-никъ, какъ напр., указаніе на участіе извѣстнаго лица въ предпріи-тіи, нравственно безразличномъ или дозволенномъ, но участіе въ коемъ сдѣлалось поворнымъ, благодаря преступности или безчестности дру-гихъ лицъ, въ немъ участвующихъ, или указаніе на исполненіе ли-цомъ даже возложенныхъ на него обязанностей, но при такихъ усло-віяхъ, съ такими добавками, по такимъ мотивамъ и т. д., благодаря которымъ, если бы все это оказалось справедливымъ, учиненіе такого дѣянія унизило бы доброе имя того, о коемъ распространялся слухъ. Установленіе этого поворящаго характера распространенныхъ слу-ховъ обязательно для суда во всякомъ случаѣ, хотя бы даже при-нимаемое оклеветанному дѣяніе было бы запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, такъ какъ могутъ быть случаи, когда обвиненіе въ учиненіи дѣянія преступнаго не будетъ, однако, служить унижені-емъ добраго имени, въ виду напр., указанія на такіа побужденія и причины, которыя, при извѣстномъ положеніи обвиняемаго, отнимали

у его проступка поворачій характеръ (1870 г. № 755). По отношенію къ внутренней сторонѣ сенатъ установилъ, что клеветою можетъ быть признаваемо только умышленное приписаніе кому-либо безчестнаго дѣянія (рѣш. 1869 г. № 856) и что клевета не можетъ быть осуществляема безъ намѣренія, почему примѣненіе къ виновному въ клеветѣ 9 ст. уст. о наказ. и 110 ст. улож. не можетъ имѣть мѣста (рѣшен. 1886 г. № 42), и что умыселъ при клеветѣ предполагаетъ два существенныя условія: завѣдомую для виновнаго оскорбительность оглашенныхъ слуховъ и завѣдомую ихъ ложность. Въ первомъ отношеніи, какъ установлено сенатомъ, необходимо, чтобы обвиняемый въ клеветѣ сознавалъ, что оглашаемый или распространяемый имъ слухъ унижителенъ для чести и добраго имени, но причеиъ однако безразлично, имѣлъ-ли распространявшій слухъ прямую цѣль оповорить другое лицо, или же таковой прямой цѣли у него не было, и онъ дѣйствовалъ изъ иныхъ какихъ-либо побужденій, безразлично относясь къ тому, что сообщаемый имъ слухъ, оглашенная сплетня, рассказанные, можетъ быть, ради остраго слова, для развлеченія присутствующихъ, могутъ имѣть существенно вредныя послѣдствія для добраго имени и чести того, о комъ сообщались эти слухи. Равнымъ образомъ, по отношенію къ завѣдомой лживости оглашеннаго, правительствующій сенатъ указалъ (рѣш. 1885 г. № 33, 1886 г. № 42 и др.), что виновный отвѣчаетъ не только въ томъ случаѣ, когда онъ вопліи и отчетливо сознавалъ лживость распространяемаго имъ слуха, но и тогда, когда онъ дѣйствовалъ, такъ сказать, легкомысленно, когда, не будучи съ несомнѣнностью убѣжденъ въ истинности оглашаемаго, не имѣя достаточно разумныхъ основаній вѣрить въ справедливость дошедшихъ до него слуховъ, онъ тѣмъ не менѣе не воздержался отъ ихъ распространенія въ частномъ разговорѣ, въ распространенномъ имъ письмѣ, въ печати, и т. п., такъ какъ законъ вправѣ требовать отъ всякаго, чтобы онъ бережно относился къ доброму имени другихъ и легкомысленною болтовнею не наносилъ иногда такихъ нравственныхъ ударовъ, загладитъ послѣдствія коихъ непосильно для огласившаго клеветнической слухъ. При этомъ, конечно, вся тяжесть доказательства достовѣрности сообщаемаго слуха или добросовѣстной увѣренности въ его справедливости со стороны лица огласившаго, должна пасть на обвиняемаго въ клеветѣ (рѣш. 1869 г. № 582, 1885 г. № 33 и друг.) и судъ въ своемъ приговорѣ долженъ положительно указать тѣ данныя, на основаніи коихъ онъ призналъ доказаннымъ со стороны обвиняемаго справедливость его рассказа или по коимъ онъ, по крайней мѣрѣ, призналъ, что огласившій имѣлъ, дѣйствительно, разумныя основанія вѣрить справедливости того, что было имъ оглашено. Представляемыя обвиняемымъ въ клеветѣ доказательства достовѣрности рассказа или достаточности основаній, по коимъ обвиняемый считалъ сообщенное достовѣрнымъ, могутъ быть весьма различны и оцѣнка ихъ всецѣло принадлежитъ суду, разсматривающему

дѣло по существу, такъ, что эти доказательства могутъ относиться къ установленію достовѣрности того источника, изъ котораго обвиняемый почерпнулъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, къ выясненію того, что онъ не могъ не повѣрить сдѣланному ему сообщенію, въ виду личныхъ качествъ, общественнаго положенія, рода занятій сообщившаго, или въ виду представленія сообщившимъ письменныхъ или иныхъ подтвержденій слуха, или же доказательства могутъ относиться къ оцѣнкѣ тѣхъ способовъ и приемовъ, которые были употреблены обвиняемымъ для проверкі истинности дошедшихъ до него слуховъ, доказательствъ того, что онъ дѣйствовалъ не на слѣхъ, а обдуманно и что оказавшаяся затѣмъ ошибка, неточность представляются болѣе или менѣе извинительными. Въ послѣднемъ отношеніи установленіе добросовѣстности дѣйствій обвиняемаго, извинительности допущенныхъ имъ ошибочныхъ выводовъ и сужденій стоитъ въ прямой зависимости отъ цѣли оглашенія тѣхъ условій, при коихъ это оглашеніе произошло. Наиболѣе строгія требованія, конечно, должны быть предъявляемы тому, кто оглашаетъ слухъ исключительно для удовлетворенія празднаго любопытства окружающихъ, изъ личной наклонности къ легкомысленнымъ разговорамъ и разнору вѣстей; въ иныхъ условіяхъ будетъ находиться тотъ, для котораго удовлетвореніе общественнаго любопытства, ознаменованіе съ новостями дня составляетъ какъ бы обязанность профессиональнаго занятія — въ качествѣ репортера, издателя газеты, — такъ какъ для нихъ своевременность сообщенія является условіемъ успѣха, а потому они, не освобождаясь, конечно, отъ обязанности тщательной проверкі сообщаемаго въ печати слуха, по необходимости, съ болѣе широкимъ довѣріемъ должны относиться къ разнообразнымъ лицамъ, общающимся имъ свѣдѣнія, съ болѣею поспѣшностью должны принимать мѣры къ оцѣнкѣ степени достовѣрности сообщеннаго. Но въ особенности получаютъ значеніе при оцѣнкѣ добросовѣстности обвиняемаго цѣль и условія оглашенія въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе въ оклеветаніи падаетъ на лицо, сообщившее извѣстные обстоятельства при исполненіи возложенныхъ на него общественныхъ или государственныхъ обязанностей, какъ напр., при высказываніи членами общественныхъ или сословныхъ собраній ихъ мнѣній о лицахъ, предполагаемыхъ къ занятію какихъ-либо должностей въ этихъ собраніяхъ, при избраніи агентовъ и уполномоченныхъ этихъ учреждений и т. д., или же при защитѣ правъ и интересовъ сторонъ на судѣ и т. п. Предъявляя къ кому-либо обвиненіе или отвергая таковое, поддерживая какой-либо искъ или оспаривая его правильность, стороны далеко не всегда могутъ основываться на фактахъ, вполне и безусловно достовѣрныхъ; онѣ по необходимости иногда переходятъ въ область предположеній о томъ, какъ происходило извѣстное событіе, что предшествовало извѣстному обстоятельству или сопровождало его и т. д.; даже имѣя въ своемъ распоряженіи достовѣрныя, но неполныя данныя, они нерѣдко бываютъ вынуждены пополнять ихъ догадками, со-

поставленіями, болѣе или менѣе вѣроятными, но неимѣющими характера непререкаемой истины. Устраненіе для нихъ возможности подкрѣплять свои выводы предположительными данными нерѣдко было бы равносильно лишенію ихъ средствъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. При этомъ очевидно, что необходимость прибѣгать къ предположеніямъ существуетъ и въ томъ случаѣ, когда освѣщаемыя и сопоставляемыя событія и обстоятельства таковы, что они касаются чести и добраго имени противной стороны, свидѣтелей и вообще третьихъ лицъ. Конечно, никакіе интересы защиты, поддерживаемаго или опровергаемаго иска не могутъ оправдать приведенія обстоятельствъ и слуховъ, которые для самого приведшаго ихъ представляются несомнѣнно ложными, вымышленными; но иначе приходится относиться къ указаніямъ, сообщеніямъ, предполагаемымъ достоверными сторонами, но оказавшимися затѣмъ недостаточно или ошибочно проверенными, въ особенности же когда самые слухи, по ихъ характеру, представляются не безусловно оскорбительными, а являются таковыми только въ связи съ другими, несомнѣнно достоверными обстоятельствами дѣла, представляются ошибочнымъ выводомъ изъ болѣе или менѣе вѣрныхъ предположеній. При обвиненіи стороны или ея представителя въ ошибкахъ или преувеличеніяхъ, получившихъ клеветническій характеръ, судъ съ особою тщательностью долженъ обсудить, находилось ли сообщенное или оглашенное свѣдѣніе въ извѣстномъ соотношеніи съ выполняемою обвиняемымъ обязанностью, или же эти указанія были излишнимъ придаткомъ, прикрытая формою закона проявленіе личныхъ счетовъ и мести. На необходимость такого различія указываетъ и нашъ законъ, такъ какъ статья 158 учр. суд. уст. прямо говоритъ, что жѣры, принимаемыя предсѣдательствующимъ по ст. 157, могутъ быть примѣняемы къ сторонамъ или ихъ повѣреннымъ, когда они, между прочимъ, будутъ оглашать предосудительныя для противника обстоятельства безъ всякой къ тому надобности для разъясненія дѣла.

Примѣняя эти соображенія къ приговору С.-Петербургской судебной палаты, правительствующій сенатъ нашелъ, что палатою не установлена наличность въ дѣйствіяхъ Дорна существенныхъ признаковъ клеветы, почему и въ семь отношеніи пригнѣненіе къ нему 1535 ст. улож. о наказ. представляется неправильнымъ и приговоръ С.-Петербургской судебной палаты подлежащимъ отмѣнѣ, а посему, находя излишнимъ входить въ отдѣльное разсмотрѣніе послѣдняго указанія кассационной жалобы о допущенной палатою, въ нарушеніе 892 ст. уст. угол. судопр., неполнотѣ приговора, правительствующій сенатъ *опредѣлить*: приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу за нарушеніемъ 1535 ст. улож. о наказ. отмѣнить, передавъ это дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же палаты.

С.-Петербургская судебная палата, рассмотрѣвъ это дѣло въ другомъ составѣ 5-го декабря 1892 года опредѣлила: утвердить приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 17—19 ноября 1890 года.

Вслѣдствіе кассационныхъ жалобъ генералъ-маіора Шанявскаго и его повѣреннаго, дѣло это вновь поступило въ сенатъ и въ судебномъ засѣданіи IV отдѣленія уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената было рассмотрѣно 12 марта 1893 года. Въ засѣданіе ни прис. пов. Дорнъ, ни его повѣренный не явились.

Правительствующій сенатъ, выслушавъ жалобы и личныя объясненія Шанявскаго и его повѣреннаго, а равно заключеніе товарища оберъ-прокурора, не касаясь виновности Дорна, нашелъ, что судебная палата, разрѣшая это дѣло, вышла изъ предѣловъ, предписанныхъ ей ст. 889 уст. угол. судопр. и вмѣсто спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу не ограничилась рассмотрѣніемъ основательности доводовъ, приведенныхъ Дорномъ въ его защиту и обсужденіемъ единственнаго, подлежащаго ея рассмотрѣнію вопроса о томъ: имѣлъ-ли Дорнъ основаніе, по имѣвшимся въ дѣлѣ фактическимъ даннымъ, приписывать Шанявскому тѣ дѣйствія, на которыя онъ указывалъ въ своей рѣчи по гражданскому иску и въ оглашеніи которыхъ Шанявскій усматривалъ клевету, сама вошла въ оцѣнку правильности, законности и характера этихъ дѣйствій обвинителя, приведя въ подкрѣпленіе своихъ выводовъ по саму предмету соображенія, основанныя на предположеніяхъ или несогласныхъ съ тѣми источниками, изъ которыхъ онъ ею почерпнулъ. По симъ основаніямъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: за нарушеніемъ ст. 797 и 889 уст. угол. суд. приговоръ палаты отмѣнить и дѣло возвратитъ въ ту же палату, для новаго рассмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

Означенное дѣло, однако, въ 3-й разъ судебною палатою разсматриваемо не было. Вслѣдствіе прошенія генералъ-маіора Шанявскаго о прекращеніи, на что изъявилъ согласіе и прис. повѣр. Дорнъ, дѣло это дальѣйшимъ производствомъ было прекращено.

Дѣло объ административно-сосланныхъ— подпоручикѣ запаса арміи Кранихфельдѣ и др., обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи.

Рѣшеніемъ Иркутскаго губернскаго суда, состоявшимся 8 ноября 1891 года и пропущеннымъ губерскимъ прокуроромъ безъ протеста, административно-сосланные: подпоручикъ запаса арміи, дворянинъ Викторъ Кранихфельдъ, 28 л., сынъ псаломщика Павелъ Грабовскій, 27 л., сынъ штабсъ-капитана Николай Ожиговъ, 29 л., дворянка Эвелина Улановская, 32 л., лишенная всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ мѣщанка Софія Новаковская, 31 года, и сынъ коллежскаго регистратора Михаилъ Ромась, 25 лѣтъ, признаны были виновными въ составленіи и распространеніи воззванія подъ заглавіемъ «Русскому Правительству» съ цѣлью вызвать въ Россіи революціонное движеніе и, на основаніи 3 ч. 318, 2 степ. 20, 4 пун. 134, 135, 2 степ. 31, 1 ч. 251, 5 степ. 19, 4 пун. 134, 135, 7 степ. 19 и 2 п. 152 ст. улож. о наказ., приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года каждый, съ послѣдствіями по 25 ст. улож. о наказ., причемъ настоящее дѣло, на основаніи 603 ст. 2 ч. XV т. св. зак. изд. 1876 г., представлено губерскимъ судомъ въ правительствующій сенатъ на разсмотрѣніе. Засимъ осужденные Кранихфельдъ, Ожиговъ и Улановская подали въ сенатъ на означенное рѣшеніе губернскаго суда жалобы, въ коихъ ходатайствовали объ от-

мѣнѣ сего рѣшенія и о примѣненіи къ ихъ дѣянію 279 или 281 ст. улож. о наказ.

Жалобы эти въ засѣданіи V-го департамента правительствующаго сената 9 марта 1892 г. поддерживалъ прис. пов. В. Д. Спасовичъ.

Дѣла уголовныя Сибирскія находятся съ собою въ извѣстномъ соотношеніи. 1-го іюня 1889 года, я имѣлъ честь защищать въ 5-мъ департаментѣ дѣло о сопротивленіи, оказанномъ 9-го іюня 1885 года въ Тюмени, партией арестантовъ изъ административно-ссылныхъ, между которыми главнымъ былъ староста ихъ Теселкинъ. Они не хотѣли идти пѣшкомъ, просили парохода и подводъ, ихъ избили, потомъ судили, и хотя они не были оправданы, но по моему ходатайству, вы примѣнили къ нимъ болѣе мягкія наказанія. Нѣкоторые изъ пересылаемыхъ высланы въ Павлодаръ, на верхній Иртышъ, въ томъ числѣ Харитоновъ, спрошенный по настоящему дѣлу.

22-го марта 1889 года, подобная-же, но болѣе жестокая по своимъ послѣдствіямъ исторія разыгралась въ Якутскѣ при отправкѣ арестантовъ въ мѣста, лежащія за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ—Верхоянскъ, Средне-колымскъ, куда стали отправлять на менѣ льготныхъ условіяхъ, безъ багажа и сѣстныхъ припасовъ, безъ которыхъ есть опасность умереть съ голоду на пути. Были убитые (6 человѣкъ), были раненые, начальство поддержало и одобрило дѣйствія распоряжавшагося вице-губернатора Осташкова. Потомъ надъ оставшимися въ живыхъ былъ судъ военный, трое приговорены къ смертной казни, одинъ оправданъ, 28 подвергнуты наказаніямъ отъ каторжныхъ работъ до тюремнаго заключенія.

На сколько вѣрны и согласны съ дѣйствительностью тѣ данныя, которыя я излагаю, я не могу и не берусь судить. Я ссылаюсь на то, что они имѣются не въ противозаконномъ воззваніи къ правительству, за которое мои кліенты судятся, а въ ихъ перепискѣ, и что если бы они были преувеличены, то вѣроятно обвиненіе оти-

тило-бы это преувеличеніе и поставило-бы эти прибавки, какъ обстоятельства, либо заключающія самостоятельное преступленіе, либо усиливающія вину. Они могутъ быть даже и преувеличены, хотя имѣли несомнѣнно реальную подкладку, для насъ важно только то, вѣрили-ли подсудимые въ достовѣрность фактовъ, противъ которыхъ они заявляли свой протестъ и какое впечатлѣніе на ихъ мысли и чувства должны были произвести эти извѣстія, распространяющіяся медленно въ Сибири и дошедшія до нихъ въ концѣ мая, а можетъ быть и въ началѣ іюня. Здѣсь я долженъ отличить двѣ группы: одну Бологанскую, уѣздный городъ Иркутской губ. въ 193 верстахъ отъ Иркутска на Ангарѣ, гдѣ жили всѣ пять подсудимыхъ, которыхъ я защищаю, и Павлодарскую, на верховьяхъ Иртыша, гдѣ жилъ подсудимый Ромась.

Впечатлѣніе должно было быть для всѣхъ людей ихъ категоріи потрясающее и при томъ почти одинаково потрясающее. Между пострадавшими въ Якутскѣ могли быть ихъ личные знакомые, но главное не то, а главное возможность прямая, личная быть въ точно такомъ-же положеніи и подвергнуться точно такимъ-же послѣдствіямъ за точно такое-же непослушаніе, т. е. собственно, неподатливость на разныя ограничивающія и стѣсняющія новшества по отношенію къ людямъ безъ того уже лишеннымъ свободы и стѣсненнымъ. Для нихъ, говоря вульгарнымъ языкомъ, это былъ шкурный вопросъ. За мѣтьте, что не они устроили и образовали какую-то сплоченную группу протестующихъ. Ихъ свела поневолю судьба, ихъ познакомила другъ съ другомъ ссылка. Простая ненамѣренная случайность произвела то, что она свела съ Новаковскою, живущею въ Восточной Сибири съ 1876 года, сосланнаго въ 1885 году изъ Минска подпоручика Кранихфельда, дворянку, учившуюся въ Харьковѣ акушерству, Улановскую, сосланную тоже въ 1885 году, сына псаломщика Грабовскаго, сосланнаго изъ Харькова въ 1886 году, и дворянина Ожигова, сосланнаго изъ Ахтырки въ 1887 г. Это случайность,

которую я подчеркиваю; она служить для меня главнымъ основаніемъ къ тому, чтобы разрушить одну изъ основъ обвиненія, самую неопредѣленную, самую опасную и главную—принадлежность къ обществу, предусмотрѣнному ст. 318 улож. о наказ., которая неправильно къ нимъ примѣнена. Они сошлись не произвольно, а очутились по независимой отъ нихъ, хотя и одинаковой причинѣ, рядкомъ и въ одинаковомъ положеніи, кто съ 1885, кто съ 1886 или 1887 г. На всѣхъ ихъ наложенъ извѣстный штемпель, мѣшающій имъ и въ свободѣ движеній и въ выборѣ занятій. Всѣ они изъ тѣхъ, которые по положенію 14 августа 1881 г. объ охранѣ, вошедшему въ прод. свода законовъ 1883 г., признаны вредными для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія и сосланы для безвыѣзднаго и поднадзорнаго пребыванія въ извѣстной мѣстности на время отъ 1 до 5 лѣтъ (ст. 32 и 36).

По приложенному къ закону 14 августа 1881 г. «Положенію о полицейскомъ надзорѣ» имъ воспрещена по ст. 24 всякая педагогическая дѣятельность, даже держаніе у себя учениковъ для обученія ремесламъ, всякаго рода публичная дѣятельность, множество родовъ промысла и торговли. Всѣ они въ настоящемъ случаѣ, по невозможности найти заработки, естественно, что живутъ пособіемъ отъ казны на 9¹/₂ рублей въ мѣсяцъ и разумѣется, отъ нечего дѣлать тѣмъ только и развлекаются, что сходятся другъ съ другомъ и бесѣдуютъ о своемъ тяжеломъ положеніи, или другъ съ другомъ переписываются, съ товарищами по изгнанію, на разстояніи многихъ сотенъ и тысячъ верстъ. И въ этой перепискѣ отъ доброй воли начальства зависитъ ихъ ограничить. По 29 ст. закона о надзорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ воспретить всякому поднадзорному полученіе имъ непосредственное частной или телеграфной корреспонденціи, что еслибы въ отношеніи къ Бологанскимъ административно ссыльнымъ было примѣнено, то вызвало-бы конечно неудовольствіе, но оно-

бы несомнѣнно предохранило ихъ въ настоящемъ случаѣ отъ присужденія къ каторжнымъ работамъ.

Одно сосуществованіе и общеніе другъ съ другомъ никогда не могло-бы быть признано равносильнымъ факту образованія ими сообщества, какъ не доказываетъ одновременное пребываніе многихъ лицъ, содержимыхъ въ тюрьмѣ за нападенія на закономъ установленныя порядки, существованія между ними одного общаго союза противъ общественнаго порядка,—хотя несомнѣнно, что въ глазахъ, если не самаго высшаго правительства, то подчиненныхъ ему мѣстныхъ властей, они считаются явными и дружно дѣйствующими врагами государства,—взглядъ, котораго судъ раздѣлять конечно не долженъ, но которое несомнѣнно повліяло на приговоръ Иркутскаго губернскаго суда, потому что, какъ-бы мы не смотрѣли на фактъ административной ссылки, логически подобнаго вывода никакъ сдѣлать нельзя. Замѣченъ былъ кто-нибудь въ волнахъ революціоннаго движенія, которое по временамъ свирѣпствуетъ какъ эпидемія, распространяясь по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, его берутъ какъ зараженнаго этимъ движеніемъ и не повѣряя его вины, даже, можетъ быть, и не доискиваясь ея корней въ революціонной организаціи, въ сообществѣ, ссылаютъ. Слѣдовательно, нужны доказательства сообщества даже въ томъ случаѣ, если сосланный, попавъ въ среду буйныхъ товарищей и самъ станетъ буйнымъ (по пословицѣ «съ волками жить по волчьи выть»). Въ дѣйствительности бываетъ и такъ, что ссылка есть и наказаніе за обнаруженную профессионально-революціонную дѣятельность меньшей только степени. Тогда и съ этой точки зрѣнія ссылкой уже сосланный наказанъ и другой разъ снимать съ него кожу за то же нельзя, по принципу *non bis in idem*. Наконецъ я замѣчу, что статья 318 подраздѣляется на 3 степени: въ первой, малыя наказанія за самъ замыселъ точно опредѣленный, во второй, за дѣйствія организаціонныя, злокачественныя, главнымъ образомъ за скрытничество, въ третьей, за образъ дѣйствія уже насильственный.

Судъ усмотрѣлъ безъ основанія и голословно послѣднее въ той прокламаціи, которую мои кліенты противузаконно сочинили и распространяли, чего я не отрицаю, но я не могу не отрицать, что они это чинили не по 318 ст. улож., по духу и по буквѣ къ дѣйствіямъ ихъ неподходящей. Оканчивая этотъ очеркъ ихъ положенія объясняющій, самое вышнее вмѣняемое имъ дѣйствіе, приступаю къ анализу *corpus delicti*, имѣющагося на лицо.

Противозаконное и достойное строгаго взысканія по закону-же писаніе было написано, а потомъ размножаемо способомъ весьма похожимъ на печать и рассылаемо по почтѣ т. е. распространяемо четырьмя лицами изъ числа судимыхъ: Кранихфельдомъ, Ожиговымъ, Грабовскимъ и Улановскою. На нѣкоторыхъ экземплярахъ есть надпись Владиміръ Ивановъ Ивановъ, который умеръ и слѣдовательно сужденію не подлежитъ. Такъ какъ подписи Новаковской нѣтъ и она къ содѣянному можетъ быть приобщена только морально, то ее надо отдѣлить и обсудить ея вину совершенно отдѣльно. Равнымъ образомъ, совершенно отдѣльно надо поставить и дѣяніе Ромася. Письмо Ромася было отвѣтное; когда оно пришло изъ Павлодара, то Бологанскіе подсудимые были уже арестованы; о томъ, что Ромась писалъ, они ознакомились только въ жандармскомъ управленіи при слѣдствіи; предвидѣть, что Ромась будетъ имъ писать про динамитъ, они не могли, такъ что онъ отвѣчай за себя самъ, одного его и надо повѣрять, а они отвѣчаютъ за себя такимъ-же образомъ только сами. При томъ даже и за посылку въ Павлодаръ письма съ противузаконнымъ воззваніемъ, на которое отвѣчалъ Ромась могъ-бы отвѣчать только Кранихфельдъ, а никакъ не его товарищи. Что касается до 4 подписавшихся, то, хотя всѣ они стоятъ за сочинительство общими силами и при равномъ участіи, но извѣстно, что на самомъ дѣлѣ такъ не бываетъ. Сочиняетъ обыкновенно одинъ, другіе могутъ кой-что добавить. Переписывали сочиненіе Краних-

фельдъ и Грабовскій, конверты надписывалъ Грабовскій, значить, они собственно двое распоряжались, но какъ всѣ подписавшіе одинаково рѣшили подписаться съ цѣлью распространенія, то я не вижу разницы въ винѣ, и наказаніе для 4-хъ можетъ быть равное.

Но въ чемъ вина и каково наказаніе? Здѣсь я расхожусь съ губернскимъ судомъ и воззванія къ бунту по 251 ст. улож. не усматриваю, хотя-бы всѣ словечка разсматривать и по одиночкѣ, и вкупѣ, не только простымъ глазомъ, но подъ лупою.

Писаніе есть не воззваніе, а заявленіе обращенное прямо къ враждебной сторонѣ—къ русскому правительству въ цѣломъ его составѣ, ставимому въ отвѣтственность, за все то, что дѣлается по отношенію къ заявителямъ, т. е. къ сибирскимъ ссыльнымъ. Длинный рядъ фактовъ, подобранныхъ за послѣдніе 3 года (1886—1889), только по одной Сибири и только по избіенію или укрощенію ссыльныхъ, заканчивается и, такъ сказать, вѣнчается самымъ крупнымъ изъ нихъ—Якутскимъ дѣломъ. Они рассказаны въ тонѣ злобноиъ, язвительномъ, порицательномъ, но съ явнымъ обходомъ разбора втораго дѣйствія Якутской катастрофы, то есть суда надъ Якутскими пересыльными. Разсказъ обрывается на томъ, что правительство и гр. Игнатьевъ оправдали всѣ эти безчеловѣчности и безобразія. Каковы-бы не были причины этого умолчанія о судѣ, я нахожу, что оно цѣлесообразно съ адвокатской точки зрѣнія, они бьются на одинъ пунктъ, самый больной и самый для жалующихся чувствительный (шкурный вопросъ), что они и выражаютъ въ словахъ: «система, кидающая сотни людей въ полное распоряженіе этапныхъ офицеровъ, смотрителей тюремъ и цѣлаго легіона Осташкиныхъ, воспитанныхъ на почвѣ безшабашнаго сибирскаго произвола». Весь этотъ разсказъ служилъ предпосылкою къ заключенію, вмѣщающему въ себѣ изложеніе протеста и повѣданіе мотива ихъ протеста и цѣлей, которыхъ они посредствомъ протеста желаютъ достигнуть; мотивъ и цѣль совпадаютъ.

Протестующіе заявляютъ: во первыхъ, что они солидарны съ павшими и пострадавшими товарищами, что они сожальютъ, что географически они были отъ товарищей отдѣлены, что они не могли быть тамъ, и погибнуть отъ пуль и штыковъ и не на бумагѣ чернилами, а и самой своей кровью заявить ненависть къ произволу и насилию. Замѣтите, что въ изложеніи дѣла проведена та мысль, что ссылаемые Якутскіе были безоружные, что они не сопротивлялись, что была бойня, оказывающая не активное а только пассивное сопротивление не въ установленномъ порядкѣ производимой высылкѣ. Сочинившіе писаніе приобщались прочувствованнымъ мечтаніемъ на крыльяхъ фантазіи къ событію прошедшему, какъ приобщается сочинитель кровавой драмы ко всѣмъ кровопролитіямъ, которыя онъ мысленно изображаетъ. Это только мечта и эмоція, а не настоящее дѣло, за которое можно отвѣчать по уголовнымъ законамъ. Второе заявленіе ихъ нѣсколько сильнѣе. Якутская исторія представляется на судъ общества въ полной увѣренности, что кровь товарищей и протестующій ихъ голосъ изъ Сибири вызовутъ въ обществѣ русскомъ (по другой сторонѣ Урала) новый запасъ революціонной энергіи, ббльшую степень напряженности въ борьбѣ съ деспотизмомъ, въ борьбѣ за лучшее будущее Россіи. Это и есть во всемъ писаніи капитальное мѣсто, въ которомъ обвиненіе только и можетъ попытаться установить центръ тяжести вины и отъ котораго зависитъ подведеніе писанія подъ 251, 252, 279 или 281 ст. улож.

Не взъщите, если я подольше остановлюсь на этой довольно пустой и въ сущности риторической фразѣ и въ ней привлеку ваше вниманіе къ одному только прилагательному «революціонной энергіи», и въ этомъ прилагательномъ къ первой только буквѣ *р*, которая если бы была выброшена, то фраза, если бы и не сдѣлалась неуязвимою, то потеряла бы все таки всю свою остроту. Ея недостатокъ заключается въ ея отсталости, она принадлежитъ къ міровоззрѣнію,

которое предполагало, что общество либо костенѣеть въ неподвижности, либо прогрессируетъ только революціонными вспышками, наступающими по мѣрѣ накопленія энергіи. Это старое міровоззрѣніе смѣнилось уже въ сороковыхъ годахъ, когда подъ вліяніемъ гегелевской системы мы всѣ толковали безъ конца о развитіи, о безконечности прогресса, уже не прерывающагося въ направленіи къ лучшему. Теперь въ ходу Спенсера философія, мѣсто революціи и развитія занялъ эволюціонизмъ, непрерывность метаморфозъ всякой живой силы къ прогрессу или регрессу, къ жизни или къ смерти. Вамъ можетъ показаться, что эти оправданія придумалъ только я, что иное думали сами подсудимые. Позвольте привести вамъ подлинныя слова настоящаго сочинителя писанія — Кранихфельда, въ которыхъ я не могу видѣть натяжекъ, а усматриваю искренность: «мы писали о революціонной энергіи, т. е. о силѣ присущей обществу и стимулирующей его измѣнять обветшалыя формы жизни, а не о пути, по которому пойдетъ эта сила. Пути и средства опредѣляются суммой условій каждаго историческаго момента. Въ разсмотрѣніе этихъ путей мы не входили, путей не рекомендовали, въ числѣ ихъ есть и путь оппозиціонный легальный. Нами не только не разобраны преимущества того или другаго пути, но даже не указано, который изъ нихъ желательнѣе».

Изъ всего сказаннаго я вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ. Нельзя себѣ представить большаго контраста, какъ тотъ, который существуетъ между сочинителемъ писанія и тѣмъ моднымъ нынѣ направленіемъ, которое проповѣдуетъ непротивленіе злу, т. е. ученіемъ, исходящимъ отъ Льва Толстого. Они вѣрятъ до послѣдняго издыханія въ борьбу со зломъ, съ деспотизмомъ, то есть съ нелегальностью и произволомъ, и въ лучшее будущее Россіи, въ чемъ конечно нельзя имъ не сочувствовать. То зло, противъ котораго они спеціально возстаютъ, есть зло ихъ лично касающееся, чисто сибирское, — дурное обхожденіе съ политическими ссыльными въ Сибири.

Кто же изъ насъ не желалъ бы, чтобы это зло было прекращено и сдѣлалось вмѣсто жизненнаго факта фактомъ историческимъ. Мы всѣ были озабочены, чтобы вопросъ объ этой Сибирской ссылкѣ, поднятый разоблаченіями Кеннана, не всплылъ на пенитенціарномъ конгрессѣ 1890 г., для славы и чести Россіи мы озабочены, какъ бы онъ не всплылъ на Парижскомъ конгрессѣ въ будущемъ 1895 году. Я вполне сознаю, что къ прекращенію этого зла они избрали плохое средство, и что въ надеждахъ, которыя они выразили, чтобы это зло когда нибудь смягчилось, сказалось и незнакомство ихъ съ настоящимъ, въ которомъ существовавшее и распространенное въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ революціонное движеніе сведено къ нулю, и ихъ невольное предрасположеніе къ средствамъ скорѣе нелегальнымъ, нежели къ легальнымъ. Это и понятно, чѣмъ пропиталась корка въ молодости, тѣмъ она и отдаетъ; не даромъ же они произведены ссылкой въ явные и, такъ сказать, патентованные поднадзорные революціонеры. Но даже и съ этимъ предрасположеніемъ къ революціонерству надобно же кончить выводомъ итоговъ и, перебравъ всѣ статьи о противозаконныхъ прокламціяхъ, сообразить, подъ какія же статьи это писаніе можетъ быть подведено.

Статья 251 въ 1 ч., примѣняемой судомъ, предусматриваетъ объявленія, воззванія, сочиненія или изображенія съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію верховной власти.

Что такое бунтъ? Въ мотивахъ къ уложенію 1845 г. пояснено: возстаніе скопомъ или заговоромъ многихъ подданныхъ противъ верховной власти. Кого же склоняли и вызывали къ бунту злоумышленники? Изъ дѣла видно, что они посылали протестъ въ Павлодаръ, въ Ужуръ, Киренскъ, можетъ быть еще куда нибудь со спеціальною цѣлью найти соподписчиковъ, которые бы тотъ же протестъ подписали, но не затѣмъ, чтобы они бунтъ и возстаніе дѣлали; и извѣстно чѣмъ кончились

эти попытки; тѣмъ, что, по словамъ письма Милославскаго, ссыльные нашли непрактичнымъ заниматься самоистребленіемъ. Не для подписи, а для трескучаго эффекта письмо было послано министру внутреннихъ дѣлъ, въ разныя земскія газеты, нѣкоторымъ литераторамъ либеральнаго пошиба, нѣсколькимъ присяжнымъ повѣреннымъ, моему товарищу А. Н. Турчанинову; я его тоже получилъ. Странная вербовка; насъ ли вербовать къ бунту и г. министра внутреннихъ дѣлъ надѣялись писавшіе, какъ полагаетъ судъ, который нашель для этой несообразности исходъ оригинальный. Онъ признавалъ въ этой отправкѣ министру смягчающее вину обстоятельство: легкомысліе, съ которымъ, взывая къ бунту, подсудимые свой замыселъ огласили передъ самимъ правительствомъ, чѣмъ и дали возможность правительству принять мѣры пресѣченія бунта, вслѣдствіе которыхъ бунтъ не состоялся. Въ этомъ случаѣ становится очевиднымъ, что иногда снисхожденіе бываетъ хуже самой жестокости. Я долженъ вступиться за моихъ кліентовъ и возразить противъ того, что они не такіе же дураки и идіоты, какими ихъ изображаетъ судъ, то есть что задумавъ бунтъ и взывая къ нему, они оповѣстили прежде всего о томъ г. министра. Ни къ какому бунту они не взывали, а огласить-то они огласили, и это былъ ихъ прямой и единственный замыселъ—послать высокопоставленному лицу свой негодующій протестъ. Никакой бунтъ не предполагался, а потому и никакія предупредительныя мѣры не были предприняты противъ бунтовщиковъ и не принимались кромѣ арестованія и преданія суду подписавшихся за ихъ злобный протестъ. Итакъ, статья 251 улож. негодится.

Опускаемся ниже и въ ст. 252 обрѣтаемъ качественно меньшее преступленіе: сочиненіе или рѣчи, которыя безъ прямого возбужденія къ возстанію оспариваютъ неприкосновенность верховной власти, или порицаютъ установленный закономъ образъ правленія или проядокъ престолонаслѣдія. Но въ писа-

ни нѣтъ ровно ничего подобнаго. Самодержавіе не оспаривается, нѣтъ ни намека на желаніе конституціонной гарантіи, огражденія верховной власти. Ни однимъ намекомъ не затрагивается самодержавіе какъ образъ правленія, который какъ по основнымъ законамъ извѣстно, можетъ быть вполне согласованъ съ устойчивостью на законахъ основаннаго порядка, наконецъ, не поднять вопросъ династическій о престолонаслѣдіи — просто только есть жалоба на положеніе ссыльныхъ, зависящихъ отъ неограниченнаго производа ихъ досмотрщиковъ. Итакъ, писаніе изъ раздѣла 3-го преступленій государственныхъ должно быть перенесено въ раздѣлъ 4-й о преступленіяхъ противъ порядка управленія.

Оно не подходитъ подъ ст. 274 улож. — кто будетъ распространять сочиненія или говорить рѣчи съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствию или сопротивленію властямъ. Они только дѣйствовали въ видахъ самоистребленія, какъ то правильно писалъ Милославскій, то есть сознательно накликивали на себя наказаніе за то, что ругались и находили удовольствіе въ томъ, что не боятся каръ и не только готовы, но и желаютъ имъ подвергнуться. Это преступленіе, дѣйствительно, предусмотрѣно, оно двойное по 279 ст. улож.: сочиненія оскорбительныя для высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ то есть для Сибирской завѣдующей ссыльными администраціи до генераль-губернатора Игнатѣва включительно, и по 281 ст.: соединенныя съ недозволеннымъ сужденіемъ о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства. Неужели за это письмо грубое и дерзкое, которое, конечно, было неприятно для министра внутреннихъ дѣлъ, но въ сущности никого не встревожило, не обезпожило и не могло вызвать никакихъ мѣръ предупредительныхъ, мало лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенія въ тюрьмѣ на 2 года съ добавкою, что съ 1889 года ихъ уже держатъ въ тюрьмѣ по преступленію, которое могло бы быть изслѣдовано въ одинъ мѣсяць, за ка-

ковую медлительность судъ постановилъ привлечь слѣдователя къ отвѣтственности, отъ чего подсудимымъ не станетъ легче. Я полагаю, что это письмо не стоитъ того, чтобы за него возводить подсудимыхъ въ первоклассные государственные преступники и вѣнчать ихъ вѣнцомъ страданій, которыхъ они, повидимому, добиваются.

Я убѣжденъ, что вы въ этомъ желаніи мученическаго вѣнца, откажете напрашивающейся очевидной самозванкѣ, государственной преступницѣ Софіи Ефимовнѣ Новаковской, у которой слѣдующій формуляръ. Она Чигиринская еврейка, урожденная Гуревичъ, родившаяся 25 марта 1858 года, слѣдовательно, имѣющая ровно 34 года (она старше всѣхъ тѣхъ, которыхъ я защищаю, такъ какъ Улановская родилась 1859 г.—ей 31 годъ, Ожиговъ 1862 года—30 лѣтъ, Кранихфельдъ 1863 г.—29 лѣтъ и Грабовскій 1864 г.—28 лѣтъ). Она еврейскаго вѣроисповѣданія, отправлена, окончивъ женскую гимназію въ Екатеринославѣ, на поселеніе въ 1876 г. въ Восточную Сибирь, освобожденная отъ надзора 1882 года, вышла замужъ за государственнаго преступника ссыльнаго еврея же Ефима Новаковского; въ 1885 г. за оскорбленіе мѣстнаго исправника осуждена къ 3-хъ лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; у нея есть потомство—5-ти-лѣтній сынъ Сергѣй. Таковы данныяэтой если не пожилой уже женщины, то уже вполне сложившейся, уже матери, но повидимому, непоправимой фанатички, которая бы заслуживала гораздо болѣе тщательнаго медицинскаго изслѣдованія, нежели Владиміръ Ивановъ, котораго такъ долго изслѣдовали, пока онъ и не умеръ, повидимому сумасшедшимъ.

Читая приговоръ о Новаковской, невольно ужасаеться тому хаотическому состоянію, въ которомъ находятся старые дореформенные суды, отъ одного берега отставшіе и къ другому не приставшіе. Ссылаются на кассаціонныя рѣшенія, а своими законами, XV т. св.

зак. о судопроизводствѣ уголовномъ разучились руководствоваться и про него забыли, такъ что для подсудимаго нѣтъ ни гарантій настоящаго судебного слѣдствія по судебнымъ уставамъ, ни по теоріи законныхъ доказательствъ. Я позволю себѣ напомнить о тѣхъ законахъ, которые Иркутскимъ судомъ попораны или забыты:

339 ст. Никто не долженъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи.

351 ст. Признаніе подсудимаго почитается доказательствомъ совершеннымъ:.. 3) когда оно учинено сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ; 4) когда показаны притомъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно.

355 ст. Если при учиненіи признанія представляются такія обстоятельства, съ которыми происшедшее дѣйствіе не сходно, тогда признаніе не составляетъ совершеннаго доказательства и судъ въ семъ случаѣ изыскиваетъ дрія.

Каковы обстоятельства дѣла Новаковской? Письмо сочиненное въ Бологанскѣ въ концѣ іюня 1889 года, въ іюлѣ было на пути въ С.-Петербургъ. Въ августѣ находившаяся не въ Бологанскѣ, а въ Черемховой Новаковская пишетъ 6 августа 1889 г.: «вполнѣ присоединяюсь къ протесту»; а 13 августа телеграфируетъ въ департаментъ полиціи изъ Черемхова: «по недоразумѣнію подпись моя не имѣется на протестѣ товарищей по поводу Иркутской (она не знала, что это Якутская, она не знала какая) исторіи. Я присоединяюсь къ протесту».

При слѣдствіи всѣ, и въ томъ числѣ Новаковская, рассказали какъ сочиненіе и разсылка производилась и сказали: судите насъ какъ знаете за одно, мы всѣ сочинители. Спрашивается, подумалъ ли судъ о томъ, чѣмъ подтверждается голословное признаніе Новаковской и совпадаетъ ли оно съ обстоятельствами? Нѣтъ, онъ не подумалъ, а если бы подумалъ, то разрѣшилъ бы вопросъ отрицательно.

Новаковской не было въ Бологанскѣ, она находилась въ другомъ мѣстѣ. Она спутала Якутскъ съ Иркутскомъ, слѣдовательно, и негодованіе ея было заднимъ числомъ послѣ того, какъ писаніе было отправлено. Если бы она обрѣталась вмѣстѣ со своими единомышленниками, а ея подписи нѣтъ, то слѣдовало бы заключить, что ее избѣгали, что не хотѣли мать семейства подвергать отвѣтственности. Во всякомъ случаѣ ея участіе въ дѣлѣ только идейное и сердечное, а не реальное; оно порывъ и мечта воображенія, а не дѣло. Случалось мнѣ слышать въ проповѣдяхъ слова: «когда вы грѣшите и законъ Христовъ попираете, то вы Христа самого распинаете». И знаю я, что многіе вѣрующіе въ страстномъ желаніи уподобиться страдающему Христу, распинали себя и прокалывали себѣ руки и ноги. Однако и первое выраженіе есть только метафорическое, не соответствующее реальной правдѣ и второе можетъ быть признакомъ только изувѣрства и не есть доказательство, что распинающій себя есть истинный, какъ слѣдуетъ, христiанинъ. Я полагаю, что Новаковская не сподобится у васъ того, чтобы вы по ея страстному желанію ея къ нимъ приобщили, что вы поставите ее ошую, что вы ее исключите изъ числа подсудимыхъ безъ всякаго для нея снисхожденія, не оказывая ей никакой поправки.

Теперь, когда я покончилъ съ 251 ст. улож., мнѣ предстоитъ обратиться къ 318 ст. улож. о сообществѣ въ бунтѣ и доказать, что эта статья примѣнена быть не можетъ.

До іюня, когда въ Бологанскѣ пришло извѣстіе о Якутской исторіи, они въ сообществѣ не были, но были въ поневольномъ и отъ нихъ независащемъ сожителствѣ, причемъ живя вмѣстѣ общались и входили въ соглашенія. Коллективное письмо не есть соглашеніе. Весь вопросъ заключается въ томъ, что когда состоялось соглашеніе о коллективномъ протестѣ, то исчерпывалось ли оно однимъ написаніемъ заявленія, вербов-

кою въ него подписчиковъ и разсылкою по назначенію или оно имѣло далѣе идущія цѣли, по отношенію къ которымъ заявленіе было только переходною ступеню. Если писаніе не кончилось однимъ писаніемъ, если у нихъ былъ планъ готовый дальнѣйшій, то можетъ быть примѣнено наказаніе за сообщество, но и оно должно быть устепенено, смотря по приемамъ его осуществленія.

На самомъ нижнемъ краю по тяжести есть наказаніе по 3 ч. 318 ст. улож.—если сообщники возбуждаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, или насильственными мѣрами побуждали другихъ имъ содѣйствовать. Признаюсь, что когда я прочелъ въ приговорѣ суда примѣненіе этой именно части, то я сначала глазамъ моимъ не повѣрилъ, до того противно оно очевидности, справедливости и здравому смыслу. Самъ же судъ винять подсудимыхъ только въ томъ, что они распространяли по всѣмъ слоямъ русскаго общества, въ томъ числѣ и по департаментамъ министерства внутреннихъ дѣлъ заявленіе съ цѣлью возбужденія революціоннаго движенія. Революціонное движеніе это не бунтъ, не противодѣйствіе, не неповиновеніе, это только эмоціональное движеніе, извѣстное раздраженіе нервовъ, дѣлающее людей неспокойными и строптивыми. Кого же насильствовали протестующіе или кого побуждали къ насилію, когда они апеллировали, какъ то дѣлаютъ безнадежные, къ исторіи, къ лучшему будущему Россіи. Обвиненіе ихъ голословное есть неправда и, прямо скажу, клевета.

Гораздо меньше наказуемо соучастіе по 2 ч. 318 ст. улож., когда оно не насильничая приняло мѣры либо къ тому, чтобы организовать, подраздѣляясь на десятки, сотни, вообще кружки, или особыя мѣры принимало къ сокрытію своего существованія и къ дѣйствованію въ тайнѣ. Эта часть къ Бологанцамъ не примѣнима: во 1-хъ, потому что они никакихъ кружковъ не составляли и во 2-хъ, распространяя свое воззрѣніе въ числѣ другихъ слоевъ населенія Имперіи въ министер-

ствѣ внутреннихъ дѣлъ, обнаружили, что они тайны не желаютъ, а жаждутъ и добиваются гласности.

Итакъ, остается только 1-ая часть (наказаніе умѣренное — ссылка на житье или заключеніе въ крѣпости) за само образованіе сообщества безъ всякихъ еще мѣръ приведенія въ исполненіе, но съ опредѣленнымъ замысломъ противодѣйствія распоряженіямъ правительства (не противодѣйствіе, а критика и осужденіе), возбужденіе неповиновенія установленнымъ властямъ (ничего подобнаго нѣтъ), разрушеніе основъ религіи, семейства, собственности (ничего подобнаго нѣтъ), возбужденіе вражды между сословіями и отдѣльными классами населенія, или между хозяевами и рабочими, возбужденіе къ устройству стачекъ (ничего подобнаго нѣтъ). Слѣдовательно, все это пристегиваніе 318 ст. улож. къ дѣянію противниковъ съ завѣдомо неосновательнымъ приписываніемъ имъ намѣреній, явно противныхъ тѣмъ, какія они доподлинно имѣли, есть образъ дѣйствія, который я надѣюсь въ вашихъ глазахъ, гг. сенаторы, не найдетъ ни поддержки, ни оправданія.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о подсудимомъ, котораго я не защищаю — Ромасъ, но котораго сосѣдство и участіе въ дѣлѣ для моихъ кліентовъ опасно, потому что только у него въ письмѣ его, недошедшемъ по назначенію къ Кранихфельду находится одно ужасное слово *динамитъ*, отъ котораго тѣнь можетъ, пожалуй, при некритическомъ отношеніи къ дѣлу, пасть и на нихъ. Я долженъ отвести въ этомъ дѣлѣ подобающее мѣсто Ромасю, чтобы выгородить и его и отдѣлить его отъ моихъ кліентовъ.

Къ Ромасю въ Павлодаръ отправлено Кранихфельдомъ заявленіе не для возбужденія къ дѣйствіямъ, а для вербовки соподписчиковъ, которые бы примкнули къ протесту. Изъ отвѣтнаго письма, перехваченнаго на почтѣ оказывается, что Ромасъ: 1) возился съ письмомъ, показывалъ его товарищамъ, но они подписаться не согласились, а 2) не согласились они потому, что они болѣе

ярые, болѣе революціонеры; за такой фактъ нужно бы протестовать не на бумагѣ и не въ Сибири, а въ Россіи и съ динамитомъ въ рукахъ. Они, слѣдовательно, проявили свое злобное и гораздо болѣе опасное, чѣмъ у Бологанскихъ протестантовъ, настроеніе, а потому за ними слѣдуетъ имѣть бдительный надзоръ, но они остались пассивными и притомъ кромѣ Ромаса неизвѣстны, а потому вопросъ объ нихъ не возбуждался. Что касается до Ромаса, то онъ конфиденціально сообщаетъ свои колебанія. Онъ въ сущности согласенъ съ товарищами, что не стоитъ протестовать на бумагѣ, онъ все-таки готовъ подписать протестъ, но его не подписалъ. Слѣдовательно, какъ къ неподписавшему, къ нему примѣняется все сказанное мною про Новаковскую. А какъ онъ питаетъ чувства особенно опасныя, хотя ни въ чемъ еще положительно не проявившіяся, то, значить, за нимъ слѣдуетъ также слѣдить, какъ за Павлодарскими ссыльными вообще.

Не могу не указать, что объ немъ судить по иному масштабу компетентная власть, а именно, департаментъ полиціи. Онъ былъ приговоренъ, должно быть, по Тюменскому дѣлу къ 6-ти мѣсячному заключенію, которое и отбылъ. Затѣмъ, послѣ обнаруженія письма его съ фразой о динамитѣ, онъ, какъ это видно изъ его прошенія въ Иркутскій судъ отъ 19-го мая 1891 г., уже послѣ допроса при жандармскомъ дознаніи 19 октября 1889 г., былъ по распоряженію департамента полиціи 30 марта 1890 г. выпущенъ изъ заключенія на свободу, но былъ опять посаженъ въ тюрьму, по распоряженію того слѣдователя Короленко, который за медленность привлеченъ къ отвѣтственности, въ каковой тюрьмѣ Ромасъ, какъ мнѣ кажется, томится совсѣмъ напрасно.

Если сопоставить нравственное настроеніе судимыхъ Бологанцевъ, выразившееся съ такою рельефностью въ ихъ протестѣ съ настроеніемъ Павлодарцевъ, высказавшейся въ письмѣ Ромаса, недающему, однако, ни повода ни матеріала для уголовного преслѣдованія, то не-

сомнѣнно, что первое изъ нихъ мягче, слабѣе, безопаснѣе, — оно нѣчто среднее между легальнымъ и не легальнымъ, въ немъ много потраченного пороху и много дыму, но выстрѣлы были холостыми зарядами, отъ которыхъ только и есть вреда, что временнаго безпокойства ругаемому начальству. Оно доказательство наступающаго, хотя и медленнаго оздоровленія. Кто читалъ это дѣло Бологанцевъ отъ перваго листа до послѣдняго, тотъ не могъ не замѣтить признаковъ такого оздоровленія и въ перепискѣ другихъ ссыльныхъ, не преданныхъ суду, на примѣръ, такого Милославскаго: «странное дѣло, хотя я симпатизирую многимъ ссыльнымъ, связь съ ними со временемъ какъ то слабѣетъ. За какой нибудь годъ я измѣнился до неузнаваемости, сталъ положительнѣе и дѣловитѣе. Духовная сторона прояснилась, освободилась отъ случайнаго, мимолетнаго. Всѣ мечты разбилъ разумъ холодный, что будешь дѣлать батенька, жить хочется съ такою же интенсивностью, съ какою когда то я жаждалъ умереть. Можетъ тутъ играютъ лѣта, либо чертъ попуталъ».

Нѣтъ, чертъ не попуталъ и разумъ холодный правъ, и къ этому то холодному разуму я обращаюсь и во имя его прошу васъ, отнеситесь къ подсудимымъ какъ не безнадежно къ больнымъ, но способнымъ къ выздоровленію и даже нѣсколько выздоравливающимъ, покарайте ихъ но вмѣру и согласно всѣмъ требованіямъ закона, не больше.

Правительствующій сенатъ *опредѣлилъ*: административно-ссыльныхъ: Кранихфельда, Грабовскаго, Ожгова, Улановскую, Новаковскую и Ромаса, признавъ виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1-ю и 2-ю частями ст. 251 улож. о наказ. и, на основаніи 5 степ. 19, 2 пун. 134 и 135 ст. улож., подлежащими наказанію по 7 степ. 19 ст. улож.,—въ вѣншей мѣрѣ, въ виду долговременнаго содержанія подъ стражею и обстоятельствъ дѣла, смягчающихъ значеніе преступленія ихъ, испросить Высочайшее соизволеніе на лишеніе ихъ всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Дѣло Якова Гросмана.

Русскій подданный, житель г. Варшавы, Яковъ Исааковъ Гросманъ, 42 лѣтъ, по обвинительному акту, утвержденному Варшавскою судебною палатою 17-го Іюля 1889 г., былъ преданъ суду Варшавскаго окружнаго суда по обвиненію въ томъ, что, отлучась изъ отечества въ Пруссію, въ 1869 г., безъ дозволенія россійскаго правительства вступилъ въ подданство Германской имперіи. Рѣшеніемъ Варшавскаго окружнаго суда отъ 19-го октября 1889 г., утвержденнымъ и Варшавскою судебною палатою 15 апрѣля 1891 года, Гросманъ былъ признанъ виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изгнанію изъ предѣловъ Россійской имперіи, а въ случаѣ самовольнаго возвращенія его потомъ въ Россію къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

На это рѣшеніе повѣреннымъ Гросмана была подана кассационная жалоба, которую въ присутствіи уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената 17-го марта 1892 г. поддерживать присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ.

Въ этомъ несложномъ дѣлѣ возбуждаются однако, крупныя юридическіе вопросы, требующіе всесторонняго разбора каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: вопросъ о признакахъ 325 ст. улож.—оставленіе отечества и вступленіе въ иностранное подданство, вопросъ о примѣненіи къ дѣянію Всемиловѣйшаго манифеста отъ 15 мая

1883 г. и послѣдующихъ амнестіонныхъ узаконеній, наконецъ и вопросъ о давности, которую разбираютъ обѣ инстанціи суда. Для настоящаго разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ необходимо принять въ соображеніе юридическую подкладку дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена приговоромъ Варшавской судебной палаты, съ чего я и начну.

Оказывается, что въ г. Варшавѣ 28 іюня 1845 г. родился и былъ записанъ по книгѣ населенія дома № 2576^a Яковъ, сынъ Исаака, Гросманъ. Въ 1857 г. онъ потерялъ отца. Несомнѣнными данными, собранными въ въ канцеляріи Варшавскаго оберъ полиціймейстера, удостоверяется, что онъ выѣхалъ изъ Россіи по паспорту отъ 22 августа 1863 г. № 5641, когда, значитъ, ему было 18 лѣтъ. Онъ былъ еще не самостоятельное а отъ семьи зависимое лицо. Сестра его Эмилиа Фиршъ увезла его въ Силезію въ Катовицы, гдѣ онъ и поселился и нѣсколько лѣтъ получалъ паспорта изъ Россіи до 1867 г. (послѣдній паспортъ полученъ 25 апрѣля 1866 г. № 2142). Гросманъ самъ личнаго состоянія не имѣлъ, долженъ былъ на жизнь зарабатывать, онъ образовался и вышелъ бухгалтеромъ, служилъ у разныхъ купцовъ.

Между тѣмъ случились два событія, которыя повлияли на его судьбу: а) ему перестали высылать паспорта изъ Россіи, хотя формальнаго вызова его изъ заграницы сдѣлано не было, и б) ему представлялась надобность ѣхать въ Россію на выгодное мѣсто по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ.

Какъ быть? безъ паспорта не пропускаютъ; онъ проситъ о выдачѣ ему паспорта прусскими властями 6 марта 1869 г., но ему въ томъ отказываютъ, такъ какъ онъ не натурализованъ въ Пруссіи, и прусскимъ подданнымъ не значится; ему отказали и въ Берлинѣ. Тогда по необходимости онъ подаетъ прошеніе о натурализаціи безъ документовъ; онъ пишетъ: *ich bin frei gekommen aber besitze keine Papiere* — подписываетъ этотъ протоколъ въ Берлинѣ 24 іюля 1868 г. и получаетъ die Natu-

ralisations Urkunde 20 августа 1869 г. Такимъ образомъ, преступленіе по 325 ст. уложенія совершено: Гросманъ отлучился изъ Россіи и затѣмъ принялъ подданство Пруссіи, чѣмъ нарушилъ не присягу, которой онъ не имѣлъ случая приносить, но по крайней мѣрѣ, вѣрноподданнической долгъ, заключающійся въ томъ, чтобы не убывалъ въ населеніи Россійскаго государства ни одинъ изъ родившихся подданныхъ, разсматриваемыхъ какъ государственная собственность, а качество подданнаго есть нѣчто нестираемое и вѣчное.

Преступленіе по идеѣ уложенія 1845 г., можетъ быть, теперь и не является таковымъ, теперь въ ходу инья понятія о томъ, что государству выгодно сбывать съ рукъ неподходящіе къ его политическіе элементы, выжимать ихъ изъ государства, содѣйствовать ихъ выселенію, въ особенности, если это элементъ, противъ котораго нынѣ принимаются мѣры—элементъ еврейскій. Какъ бы то не было, законъ обсуждается по цѣли, которую имѣлъ законодатель во время его изданія, и по его обязательности, а онъ не отмѣненъ, а въ полной мѣрѣ обязателенъ.

Но время стираетъ все, и даже послѣдствія преступленія, а со времени совершенія Гросманомъ государственнаго преступленія, нарушенія вѣрноподданническаго долга, прошло двадцать лѣтъ, то есть періодъ, погашающій даже убійство. Онъ прибылъ въ Россію и пребывалъ въ ней безвыѣздно, на 21 году, въ началѣ 1888 г. онъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ возстановить его въ его права русскаго подданства по рожденію. Но мнѣ возразятъ: да онъ и по возвращеніи изъ заграницы, въ теченіи этихъ 20 лѣтъ, пока пребывалъ скрытно прусскимъ подданнымъ, продолжалъ преступничать вплоть до 1888 г. Я утверждаю, что нѣтъ, нарушеніе вѣрноподданническаго долга было только при натурализаціи, а затѣмъ имѣло мѣсто уже другое преступленіе, присвоеніе себѣ непринадлежащихъ ему правъ состоянія или званія. Преступленіе это предусмтрѣно 1412 и послѣдующими до 1416 ст. уложенія, въ чемъ легко можно убѣдиться, если остановиться на слѣдую-

щемъ соображеніи. Х. Еврей россійскій, не отлучаясь за границу и не принимая на себя чужаго подданства, выдаетъ себя за иностранца, по поддѣльнымъ или чужимъ присвоеннымъ документамъ, или безъ документовъ, и слыветь таковымъ. Его можно судить за пользованіе поддѣльными документами, его можно судить за уклоненіе отъ взыскиваемыхъ съ подданныхъ податей, за уклоненіе отъ воинской повинности—это другія статьи и другія обвиненія, но за государственное преступленіе по 325 ст. улож. его судить не возможно.

Объ инстанціи: Варшавскій окружный судъ и палата, разрѣшая вопросъ о давности, сказали глухо, что къ Гросману не примѣняются правила о давности, изложенныя въ 158 ст. улож.; я полагаю, что объ-инстанціи не имѣютъ резона и что правила 158 ст. должны бы быть примѣнены неизбежно и неизменно вотъ по какимъ причинамъ: 1) нарушеніе вѣрноподданческаго долга есть несомнѣнно преступленіе государственное, хотя оно помѣщено не въ раздѣлѣ III, а въ раздѣлѣ IV о преступленіяхъ противъ порядка управленія; но по 161 ст. давность непримѣнима только къ 4 государственнымъ преступленіямъ, исчисленнымъ въ ст. 241, 249 и 253 (злоумышленіе противъ священной особы Государя и членовъ его семейства, бунтъ, и государственная измѣна). Если же разсматривать преступленіе по 325 ст. не какъ государственное, то отъ дѣйствія давности по 162 ст. изъемяются нѣкоторыя преступленія въ этой статьѣ поимянно перечисленныя, дѣющимися не названныя, но за которыми кассационная практика усвоила это названіе. Въ числѣ ихъ нѣтъ преступленія по 325 ст., а есть, правда, присвоеніе кѣмъ либо не принадлежащаго ему состоянія или уклоненіе отъ воинской повинности, что я и просилъ бы, чтобы было примѣнено. Какъ бы строго не судился Гросманъ за присвоеніе себѣ званія иностранца, наказаніе не будетъ уголовное, соединенное съ вѣчнымъ изгнаніемъ изъ своего политическаго отечества (настоящая римская *aquaе et ignis interdictio*) а и не будетъ оно

вмѣщать для Гросмана и уклоненія отъ воинской повинности просто потому, что въ то время, когда совершено было это преступленіе, въ 1869 г., еще не существовало обще-гражданской воинской повинности, введенной только по манифесту 1 января 1874 г.; по этому манифесту призываются къ службѣ люди 20 лѣтъ, а ему, когда онъ натурализовался, было 24 года; онъ за паспортомъ въ Пруссіи проживалъ до 25 апрѣля 1867 года, слѣдовательно не могъ считаться даже самовольно отлучившимся за границу. И такъ, если бы я писалъ кассационную жалобу, я ее на этомъ мотивѣ бы построилъ: онъ на столько неопровержимъ, что я надѣюсь, онъ бы меня вывезъ. Этотъ мотивъ можетъ быть уваженъ и отмѣченъ, если не для дѣла о Гросманѣ, то для всѣхъ однородныхъ и подобныхъ ему дѣлъ, которыхъ, какъ я знаю, есть цѣлая масса по Варшавскому судебному округу и которые могутъ быть разрѣшаемы сенатомъ если не въ порядкѣ кассационномъ, то въ порядкѣ надзора.

Я отъ этого вопроса о давности отрѣшаюсь и перехожу къ тому, что, совсѣмъ независимо отъ давности, Гросманъ Высочайше амнистированъ, помилованъ и что суды противозаконно лишаютъ его милостей, которыя на всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи Все милостивѣйше излиты коронаціоннымъ манифестомъ 15 мая 1883 г. и восполняющими его повелѣніями. По обычаю предковъ при вѣнчаніи на царство излиты были монаршія милости и на «нуждающихся и удрученныхъ, и на тѣхъ даже, которые омрачаютъ жизнь свою преступленіями, но заслуживаютъ прощенія или облегченія участи». Въ отдѣлѣ VIII дарованы такія милости и льготы освобожденіемъ, сокращеніемъ срока давности, сокращеніемъ срока наказанія обыкновеннымъ преступникамъ всевозможныхъ категорій. Затѣмъ, въ отдѣлѣ XIV сказано, что, «дарованное отъ Бога право миловать простираетъ государь и на тѣхъ болѣе тяжкихъ преступниковъ, кои поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе». Посему, не изъемля

и государственныхъ преступниковъ, манифестъ въ п. 11 этого XIV отдѣла гласить: «выходцевъ изъ Царства Польскаго и западныхъ губерній, какъ принявшихъ иностранное подданство, такъ и не принявшихъ онаго, по возвращеніи въ отечество, преслѣдованію за участіе въ мятежѣ 1863 года не подвергать, кромѣ тѣхъ, кои совершили убійства, истязанія, грабежи и поджоги».

Какъ понимать манифестъ: прощается мятежъ и участіе въ немъ, но прощается ли и упоминаемое въ этомъ же пунктѣ принятіе иностраннаго подданства? Говорятъ: прощается для мятежниковъ только, по посвященному имъ 11 пункту, ихъ мятежъ, а отъ прощенья однако изъемлется ихъ вступленіе въ подданство иностранное, такъ что послѣ возвращенія въ отечество они будутъ казнимы и, либо по 1 ч. 325 ст. улож. извергаемы чрезъ изгнаніе изъ предѣловъ государства, если они не вызывались изъ заграницы судомъ, либо по 2 ч. 325 ст. ссылаемы въ Сибирь на поселеніе. Такъ буквоѣдски-стѣснительно толковать законъ не рѣшились и суды наши: для нихъ было совершенно ясно, что если мятежъ съ его активными враждебными посягательствами на государство прощается, то вмѣстѣ съ тѣмъ прощается и несоединенное съ тѣмъ активнымъ посягательствомъ одно только уклоненіе отъ долга вѣрноподданнаго. Къ мятежникамъ прощенье примѣняется за силою словъ манифеста: «принявшихъ чужое подданство не преслѣдовать за мятежъ».

Но тогда возникаетъ вопросъ, а какъ быть съ разрушителями вѣрноподданническаго долга не мятежниками, которыхъ все преступленіе заключается только въ томъ, что они, даже и безъ злого умысла, покинули отечество и отъ него отреклись для того, чтобы затѣмъ опять въ него проникнуть какимъ нибудь образомъ, хотя бы въ видѣ иностранцевъ, для чего только они и натурализировались заграницею? Этотъ только вопросъ о переводѣ амнистій по прощенному преступленію съ мятежниковъ на не мятежниковъ разбирается и разрѣ-

шается словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 2 іюля 1886 г. по докладу министра юстиціи, объявленному имъ сенату и сообщенному судамъ посредствомъ вѣдѣнія, безъ опубликованія его, какъ публичнаго закона: «дѣйствіе Высочайшей воли о прощеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 325 и 326 ст. улож. распространять и на высылаемыхъ вообще всякихъ русскихъ подданныхъ изъ заграницы. (Воля Монарха была, чтобы это повелѣніе исполнялось, но не было опубликовано во всеобщее свѣдѣніе). Я обращаю вниманіе на слово *«распространять»*; значитъ, этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ уже даровывалась новая милость, которая въ прежнемъ 11 п. XIV ст. не содержалась вполнѣ или содержалась только отчасти. Да это правда; содержалось прощеніе уже указанное въ 11 п. XIV ст., но только для выходцевъ изъ Царства Польскаго и изъ западныхъ губерній, а теперь оно распространено, хотя и не гласно, но обязательно для судилищъ, и на всѣхъ подданныхъ Россійской имперіи, не исключая закавказцевъ и великорусовъ или балтійскихъ нѣмцевъ, что и вполнѣ человѣчно, и вполнѣ справедливо. Но вотъ тутъ и наталкиваемся мы на послѣднюю и самую существенную по настоящему дѣлу заковыку. Высочайшее повелѣніе даруетъ милость и прощеніе, положимъ, и не мятежникамъ, положимъ, и жителямъ даже коренной Россіи, а все таки, указано, только такихъ которыхъ заграница, не желая ихъ держать, будетъ обратно къ намъ выгонять за негодностью для себя, какъ негодяевъ; но суды не хотятъ, и не рѣшаются примѣнять эту милость къ тѣмъ изъ подданныхъ, которые, не бывъ изгоняемы, сами придуть обратно съ раскаяніемъ, съ повинною говоря: дайте и намъ воспользоваться Монаршею милостью, которую вы признаете несомнѣнно за негодьями. Кажется, что простая логика, потребовала, чтобы изъ словъ *не преслѣдовать мятежниковъ*, даже и принятыхъ въ чужое подданство слѣдуетъ выводить, что и преступное принятіе чужого подданства имъ по Высочайшей волѣ

прощено приче́мъ не потребовано даже законодательнаго толкованія манифеста; прямо изъ манифеста выведено, что подъ прощеніе подходятъ не только мятежники, но и не мятежники. Теперь приходится истолковать вопросъ, что подъ манифестъ подходятъ не только мятежники противъ ихъ воли и очевидно за свою непорядочность возвращаемые обратно изъ заграницы, но и тѣ, которые сами по своей волѣ съ повинною явятся въ Россію. Суды Варшавскаго округа оказались однако скупы на полученную ими раздачу милости монаршей. Они пошли прямо противъ воли Монарха, который поставилъ судьбу провинявшихся въ зависимость «отъ ихъ поведенія, отъ ихъ трудолюбія, отъ обнаруживаемаго ими нравственнаго исправленія». Въ виду этой воли Монаршей, выраженной въ общей части XIV отдѣла, предшествующей всѣмъ пунктамъ и въ томъ числѣ 11-му, я полагаю, что оба суда не имѣли права такъ поступать и поступили противъ воли законодателя, не взвѣсивъ данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, относящихся къ личности подсудимаго, которыя весьма и весьма значительны.

Яковъ Гросманъ съ 1869 г. сначала работалъ по бухгалтерской части при постройкѣ Либавской жел. дороги, потомъ поступилъ къ извѣстному писателю, предпринимателю и помѣщику Ивану Станиславовичу Блюху и управлялъ его недвижимыми имѣніями, затѣмъ былъ принятъ бухгалтеромъ въ правленіе Ивангородо-Домбровской жел. дор., гдѣ получалъ окладъ жалованія въ 1500 руб. въ годъ, окладъ весьма высокій по штату служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ царства. Къ нему не можетъ быть прилагаето то, къ несчастію, сильно въ ходу бывающее возраженіе, что онъ еврей, онъ вернувшись перемѣнилъ вѣру и сдѣлался христіаниномъ по лютеранскому обряду.

Вникать въ личныя качества амнистированнаго Гросмана Варшавская судебная палата не захотѣла, что тѣмъ несправедливѣе, что она отказала только ему, а другимъ не отказывала и въ положеніе ихъ входила.

Того же 15 апрѣля 1891 г. въ томъ же составѣ палаты она разбирала какъ двѣ капли воды похожее на настоящее другое дѣло — Шкуры, правда, не еврея, но мужика, который ушелъ изъ Россіи самовольно, будучи несовершеннолѣтнимъ какъ Гросманъ, принялъ прусское подданство съ цѣлью получить иностранный паспортъ для въѣзда въ Россію какъ Гросманъ, жилъ много лѣтъ въ Россіи какъ Гросманъ, чѣмъ подтвердилъ, по словамъ суда, что онъ себя считалъ здѣшнимъ уроженцемъ и русскимъ подданнымъ какъ Гросманъ, и какъ Гросманъ возобновлялъ до 1888 г. свой заграничный паспортъ, одинъ годъ за другимъ, чтобы скрыть свою самовольную отлучку за границу. Палата рѣшила ходатайствовать, въ виду этихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, о наказаніи Шкуры только арестомъ при полиціи на 1 мѣсяць; для Гросмана она была безъ малѣйшаго снисхожденія. Я не могу допустить, чтобы милости царскія были такимъ образомъ сжимаемы и урѣзываются вопреки намѣреніямъ, ясно выраженнымъ законодателемъ. Я прошу приговоръ Варшавской судебной палаты отмѣнить, указавъ будущей палатѣ, что Гросманъ не можетъ быть изъятъ отъ дѣйствія манифеста по той только причинѣ, что не высланъ изъ заграницы, а добровольно явился.

Правительствующій сенатъ, принимая во вниманіе, что Гросманъ какъ усматривается изъ дѣла, изъ заграницы не высылался, за преступленіе, предусмотрѣнное 325 ст. улож. не судился, выбылъ изъ предѣловъ имперіи въ 1863 г., жительствуетъ въ нихъ снова съ 1870 г. и самъ ходатайствовалъ о восстановленіи его правъ на русское подданство, *нашелъ*, что дѣяніе Гросмана не можетъ влечь за собою уголовнаго противъ него преслѣдованія и что таковое подлежитъ прекращенію со всѣми послѣдствіями, почему, согласно 912 ст. уст. уг. суд. *опредѣлилъ*: приговоръ Варшавской судебной палаты по настоящему дѣлу и все производство онаго отмѣнить, прекратить это дѣло, за слову Высочайшаго повелѣнія 2-го іюля 1886 г. и п. 11 ст. XIV Всемиловѣйшаго манифеста 15 мая 1883 г.

Содержаніе VII тома.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

	СТРАНИЦЫ.
26. Дѣло о дочери титулярнаго совѣтника Островлевои и крестьянинѣ Худинѣ, обвинявшихся въ разбоѣ	1— 58
27. Дѣло Мельницкихъ	59— 90
28. Дѣло по иску общества крестьянъ, бывшихъ однодворцевъ с. Плосскаго, Тарашанскаго уѣзда, объ изъятіи изъ владѣнія графа Владислава Браницкаго пахатной и сѣнокосной земли, въ количествѣ 1750 морговъ	91—130
29. Дѣло д. с. с. Николая Терещенки съ 28 чиншевиками села «Заборы» о восстановленіи нарушенныхъ чинш. правъ . .	131—143
30. Дѣло о политическихъ административно-сылныхъ Теселкинѣ, Смирновѣ и Чумаевскомѣ, обв. въ сопротивленіи власти .	144—172
31. Дѣло персидскаго принца Кейкубата Мирзы-Дехманъ-Мирвы .	173—192
32. Дѣло крестьянина Петра Бачурина, обв. по 2 ч. 1085 ст. улож.	193—207
33. Дѣло о бродягѣ Ханиѣ Янкелѣ Сямесѣ	208—220
34. Дѣло правленія С.-Петербургско-Тулскаго банка съ О. К. Нотовичемъ	221—248
35. Дѣло присяжнаго повѣреннаго Бориса Дорна.	249—290
36. Дѣло объ административно-сосланныхъ — подпоручикѣ запаса арміи Кранихфельдѣ и др., обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи.	291—309
37. Дѣло Якова Гросмана.	310—318

19

3 2044 017 964 065

FEB 22 1944

APR 16 1945

CANCELLED 2

JUN 17 1945

51
FEB 16 1946

1

3 2044 017 964 065

FEB 22 1944

APR 16 1954

RECEIVED 2

JUN 13 1975
JUN 13 1975

51
FEB 17 1969
FEB 17 1969

1

3 2044 017 964 065

FEB 22 1944

APR 16 1954

CANCELLED 2

JUN 13 1975
JUN 13 1975

51
FEB 17 1969
FEB 17 1969

1